Институт всеобщей истории РАН

ВОССТАНИЯ 1916 г. В АЗИАТСКОЙ РОССИИ: НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

(К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)

Коллективная монография

Москва
2017

УДК 930.1(575)
ББК 63.3(2)
В778

Рецензенты:

В.М. Плоских, д-р. ист. наук, академик
(Киргизско-Российский славянский университет)
Э.В. Ртveладзе , д-р. ист. наук, академик
(Институт искусствознания АН Республики Узбекистан)
Л.М. Дамешек, д-р. ист. наук
(Иркутский государственный университет)
В.С. Мерзиханов, д-р. ист. наук
(Институт всеобщей истории РАН)

Редактор-составитель, научный редактор:
канд. ист. наук Т.В. Котюкова
(Институт всеобщей истории РАН)

В778 Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [коллективная монография] / [ред.-сост.: Т.В. Котюкова]. – М.: Русский импульс, 2017. – 528 с. – ISBN 978-5-90252588-2

В коллективной монографии впервые предпринята попытка анализа разноплановых причин и предпосылок восстаний 1916 г., а так же степени влияния внешних факторов на трагические события, охватившие значительную территорию Российской империи. Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. о мобилизации на тыловые работы затронуло интересы целого ряда народов империи, не несших воинской повинности. В каждом конкретном регионе Азиатской части России национальные элиты и представители государственной власти отреагировали на него, исходя из совокупности местных специфических особенностей и условий. В настоящей работе интернациональный коллектив авторов предлагает взвешенно подходить к изучению событий 1916 г., что поможет приблизиться к их объективной оценке.
Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории межнациональных и межкультурных отношений в Российской империи в начале XX в.

ISBN 978-5-902525-88-2

© Котюкова Т., составление, предисловие, 2017
© Авторы статей, 2017
© Русский импульс, оригинал-макет, 2017

Оглавление

8 ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА: ПРИЧИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ, ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

13 Воинская повинность и народы империи: «ограничение» или «привилегия» (*Т. Котюкова)*
28 Система управления Туркестанским краем: последовательность и механизм социальной энтропии (*В. Корнеев*)
35 Нерешенность аграрного вопроса в Семиречье в начале XX в. в аспекте модернизации традиционной экономики (*Г. Ситнянский*)
47 Религиозный фактор в Семиреченском восстании 1916 г. (*Е. Озмитель*)
58 Деятельность «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» как попытка политической дестабилизации ситуации в Российской империи в годы Первой мировой войны (*Ч. Исраилова-Харьехузен, Т. Котюкова*)
88 Туркестан в планах кайзеровской Германии в начале XX в. (*В. Ряполов*)
94 Влияние внешних факторов на территории Батумской области Кутаисской губернии и Сухумского округа в годы Первой мировой войны (*Д. Овсянников, В. Белый*)

Глава II НАРОДЫ И РЕГИОНЫ ИМПЕРИИ В 1916 ГОДУ

110 Попытки призыва в армию горцев Северного Кавказа в годы Первой мировой войны (*А. Безугольный*)
117 Реакция азербайджанской общественности на царский указ от 25 июня 1916 г. (*Д. Алекперов*)
122 О реакции казахов Букеевской Орды на Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. (*А. Сызранов, А. Власов*)
125 Милитаристские и антивоенные выступления, борьба за национальную самоидентификацию в ходе восстаний 1916 г. в Закаспийской области Туркестанского края (*В. Германов*)
132 Дунгане в трагических событиях 1916 г. в Семиречье (*Д. Маджун* (*Мусарова*))
149 Особенности применения Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения…» в Сибири (*М. Шиловский*)
161 Бурятское общество в годы Первой мировой войны (*Л. Курас, Б. Жалсанова*)

Глава III ВОССТАНИЯ: ЭЛИТЫ И ВЛАСТЬ

175 История Туркестана в контексте евразийских процессов: Первая мировая война, джадидизм и восстание 1916 г. (*Д. Алимова*)
185 События 1916 г. глазами банкиров Туркестана (*Б. Алимджанов*)
194 Джадиды и восстание 1916 г. (*Н. Гафаров*)
202 Восстание 1916 г.: взгляды киргизской интеллигенции Семиречья (*А. Кубатова*)
213 Руководители и специфика трагических событий 1916 г. в Семиречье (*С. Малабаев*)
223 Восстание 1916 г. в Степном генерал-губернаторстве: новые аспекты изучения (*Г. Султангалиева*)
229 Роль казахских волостных управителей в восстании 1916 г. (*Т. Далаева*)
242 Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи (*А. Галиев*)
250 Восстание 1916 года в политической биографии А.Н. Букейханова (*Д. Аманжолова*)
258 Али Мардан-бек Топчибашев и положение мусульман в Туркестане (*Д. Гасанлы*)
273 Восстание 1916 г. и национальные политические организации Туркестана (*Р. Абдуллаев*)
290 Национальный вопрос в программных документах младомусульманских организаций Туркестана (*Р. Назаров*)
301 Мусульманские элиты Волго-Уральского региона о Туркестанском восстании 1916 г: между российским патриотизмом и сочувствием павшим... (*А. Хабутдинов*)
307 Отношение Государственной думы Российской империи к восстанию 1916 г. в Туркестане и Степном крае (*Д. Легкий*)

Глава IV ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ 1916 ГОДА

320 «Реквизированные» буряты в Архангельской губернии (август 1916 – май 1917 г.) (*Т. Трошина*)
333 Роль М. Тынышпаева в ликвидации последствий восстания в Семиречье (*Г. Жугенбаева*)
342 Миграция народов Русского Туркестана после восстания 1916 г. (*А. Кадырбаев*)
350 Демографические последствия восстания 1916 г. для Киргизской ССР (*В. Плоских*)

Глава V ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЙ

358 Современная казахстанская историография национально-освободительного движения 1916 г. (*Е. Сыздыкова*)
376 Основные проблемы киргизстанской историографии советского и постсоветского периодов по восстанию 1916 г. (*П. Дятленко*)
387 Советская и современная историография восстания 1916 г. в Узбекистане (*Д. Зияева*)
394 Из истории изучения восстаний 1916 г. в Таджикистане (*А. Гафуров*)
400 Восстания в Хивинском ханстве накануне и в годы Первой мировой войны: проблемы историографии (*О. Жалменова*)
414 Среднеазиатское восстание 1916 г. в турецких исторических источниках и современной историографии (*А. Пылев*)

Глава VI НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЙ

427 Картографические источники по истории Семиреченского восстания 1916 г. (*Г. Ксенжик*)
438 События 1916 г. в Тургайской области по донесениям Оренбургского губернского жандармского управления (*В. Семенов, А. Иванова*)
446 Рапорт А. Н. Куропаткина Николаю II как источник для изучения причин восстания 1916 года в Туркестане (*С. Брежнева*)
460 Труд «Современный Туркестан и его недавняя история» Ахмет-Заки Валиди как источник по истории Среднеазиатского восстания 1916 г. (*С. Ахмадуллин*)
472 Иван Алексеевич Чеканинский и изучение восстания 1916 г.: исследования, публикации, архивные документы (*П. Дятленко*)
481 Устная история восстания 1916 г. в Ферганской долине (*А. Сабиров*)
485 События 1916 г. на Иссык-Куле и в Чуйской долине по воспоминаниям очевидцев (*О. Брусина*)

Глава VII 1916 ГОД: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

497 100-летний синдром 1916 г.: тернии истины и свобода вымыслов (*С. Мажитов*)
513 Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон (*Ю. Флыгин*)

524 СПИСОК АРХИВОВ

525 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем опасно для историка «черно-белое сознание»? Простые ответы не подходят для сложных вопросов. Более того, они крайне опасны, особенно для неподготовленного и неискушенного в деталях обывателя. М.Н. Ключевский считал, что история – это политика, опрокинутая в прошлое…

Шесть лет назад мной была написана статья «Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность?»[1]. И тогда, и сегодня я не смогла дать однозначного ответа на вопросы, вынесенные в заглавие работы. Изменились ли мои взгляды и оценки? Думаю, не значительно. Появились ли новые источники? Да. Но они лишь уточнили детали и нюансы, расширив мое, и не только, представление о событиях столетней давности, не изменив моих оценок принципиально, а только добавив новые вопросы к списку уже имевшихся.

Вот только некоторые. Почему Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. было так плохо проработано с юридической и политической точки зрения, почему его попытались привести в исполнение в Туркестане и Степном крае столь быстро, особенно учитывая то обстоятельство, что в Туркестане на тот момент не было постоянного генерал-губернатора? Почему вообще не учли позицию краевой администрации относительно любых форм призыва? Почему эта самая краевая администрация в ряде областей Туркестана и Казахской степи оказалась настолько беспомощной в случившихся трагических обстоятельствах? Почему депутаты Государственной думы не предприняли никаких действенных мер сразу после принятия незаконного, на их взгляд, Высочайшего повеления? Почему на двух закрытых заседаниях Государственной Думы 13 и 15 декабря 1916 г., посвященных событиям в Туркестане, молчал побывавший в Туркестанском крае председатель мусульманской фракции Думы К.Б. Тевкелев? Почему ездивший для разбирательств на Кавказ депутат М.Ю. Джафаров практически ничего не рассказал о ситуации в своем избирательном округе, посвятив все отведенное ему для выступления время Туркестану? Где документы, собранные комиссией Керенского – Тевкелева в Туркестане? Каково точное количество жертв восстания без различия национальностей и т.д. Ответов или нет совсем, или они не очень обоснованны с научной точки зрения, а, значит, широкий простор для псевдонаучных и политических спекуляций имеется в наличии.

---

[1] *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель – Observer. 2011. № 8. С. 98–126.

Но есть то, что было и есть для меня несомненным, то, что не подпадает ни под одну из исторических или политических ревизий: реализация Высочайшего повеления и последовавшие за этим волнения, восстания и протестные настроения лета–осени 1916 г. это не просто одна из самых печальных страниц в истории коренных народов Азиатской части Российской империи, а трагедия всех, проживавших на этой обширнейшей территории, в равной степени, без различия национальностей и вероисповедания.

Но даже право на трагедию некоторые пытаются узурпировать. Так, в публикации «Игра с историей (о 1916 г.)» Кубан Мамбеталиев не находит в событиях 1916 г. почвы для общей трагедии. «Возникает вопрос, — пишет Мамбеталиев, — "где общая трагедия", если узбеки, туркмены, казахи, таджики не уничтожались в таком тотальном порядке, как северные кыргызы»[1]. Обратим внимание, в перечень народов, с которыми не может быть общей трагедии, с циничным обоснованием «как недостаточно пострадавшие» вообще не попали русские и украинские крестьяне-переселенцы. Что это? Незнание? Забывчивость? Осознанная позиция?

На наш взгляд, следует очень четко разделять неразделяющиеся, как, к глубокому сожалению, показывает практика, вещи: историческое, сугубо научное исследование восстаний 1916 г. и их политические интерпретации, часто сопровождающиеся спекуляциями на чувствах простых людей, их исторической памяти. Смешение журналистики, публицистики и научного анализа, особенно ярко это демонстрирует интернет-пространство, не приближает нас ни на шаг к постижению истины, а только разжигает страсти и увеличивает градус кипения взаимных претензий, исторических обид и порождаемой этим неприязни.

В такой ситуации историческая наука выступает не фундаментом, а инструментом для создания образа врага, частью информационной пропагандистской войны. Не установление Истины, а жажда Сатисфакции становится двигателем подобного рода технологических приемов.

И это очень удручает. Поскольку мешает нормальной и регулярной (а не только предъюбилейной) работе историков всех стан, на чьей территории происходили эти трагические события. Если бы нам, историкам, не приходилось так часто зависеть от веяний политической конъектуры, мы, без сомнения, смогли бы к столетию восстаний подготовить серьезный совместный труд и «расширить горизонты» научного знания, обогатив их новыми историографическими подходами.

Но нам все время мешают, навязывая маршрут, проходящий исключительно в политизированной колее, подпитывая общественное мнение якобы только сейчас вскрытыми фактами и обстоятельствами. Пример. Выступление А. Ф. Керенского (и только его) в Государственной думе четвертого

[1] *Кубан Мамбеталиев.* Игра с историей (о 1916 г.) [Электронный ресурс] // URL:// http://respub.kg/2016/08/26/igra-s-istoriej-o-1916-gode/

созыва 13 и 15 декабря 1916 г. Некоторые средства массовой информации, с подачи отдельных исследователей, убеждают читателей, что позиция и оценки, озвученные Александром Федоровичем с трибуны Таврического дворца, это тайна за семью печатями, столь долго скрываемая от простых граждан и наконец ставшая достоянием широких масс[1].

И неискушенные читатели, без сомнения, верят в такое «научное открытие». А ведь стенограммы закрытых заседаний и 13 и 15 декабря 1916 г. были хорошо известны советским исследователям и в XX в. публиковались неоднократно[2]. Их расшифровки хранятся в фондах как минимум двух крупнейших архивов: Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) в Ташкенте и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве. Более того, полный текст заседания 13 декабря 1916 г. (а не только текст выступления А.Ф. Керенского) впервые был опубликован еще осенью 1917 г. на страницах бакинской газеты «Каспий»[3].

Восстания 1916 г. советские историки рассматривали с вполне понятных идеологических позиций. Но можем ли мы взять на себя смелость утверждать, что современные исторические исследования полностью свободны от политического давления, а восстания (везде очень разные) не выбраны отправной точкой для консолидации в борьбе за политические интересы определенных сил?

Постимперские и постсоветские рефлексии и в России, и во всех бывших союзных республиках очень выпукло проявили себя в научной дискуссии за последние два десятилетия. Но продуктивен ли путь взаимных обвинений для установления исторической правды, к которой все призывают? И может ли эта правда быть линейной и одномерной? Или все сложнее и историческая правда у каждого своя?

За последние два с лишним десятилетия на постсоветском историческом пространстве был подготовлен ряд серьезных совместных (в основном двусторонних) коллективных работ[4] и десятки тематических сборников

[1] См.: *Ташманбет Кененсариев.* Опубликованный «доклад Керенского» не является оригиналом, и задача кыргызских историков найти его. [Электронный ресурс] // URL: // http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7046; *Эльмира Ногойбаева.* Доклад Керенского приоткрывает завесу над одним из самых трагических периодов истории колониальных народов Туркестана. [Электронный ресурс] // URL: // http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7044; и др.

[2] См.: Восстание 1916 г. в Средней Азии: сб. док. / под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932. «Такое управление государством не допустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. [публикация Д.А. Аманжоловой] // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.

[3] Каспий. 1917. № 214–223. Сентябрь–декабрь.

[4] Россия – Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в.; Т. 2. Политика и ислам в XX – начале XXI в. М., 2011; История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века). Самарканд, 2012; Туркестан в имперской политике России: Монография в документах. М, 2016; и др.

статей[1]. Однако 50 историков из 6 постсоветских государств объединили свои усилия и, пожалуй впервые, вместе, уважая позицию друг друга, подготовили труд, позволяющий почувствовать и оценить разницу историографических подходов, присущих национальным историческим школам России, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Азербайджана.

В 2016 г. прошла целая серия международных конференций, приуроченных к столетию восстаний 1916 г.[2] Но очень многие вопросы остались за рамками обсуждения. Тогда и возникла идея написать работу, которая по возможности максимально широко позволяла бы проанализировать события, произошедшие в ряде регионов Российской империи летом–осенью 1916 г.

Авторами впервые предпринята попытка анализа разноплановых причин и предпосылок восстаний 1916 г., степени влияния внешних факторов на трагические события, охватившие значительную территорию Российской империи. Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. о мобилизации на тыловые работы затронуло интересы целого ряда народов Кавказа, Сибири, Туркестана и Степного края, не несших воинскую повинность. Его практическое применение столкнулось с целым комплексом региональных этнодемографических, конфессиональных, экономических и общественно-политических проблем. В каждом конкретном регионе Азиатской части России национальные элиты и представители государственной власти отреагировали на него, исходя из местных особенностей и условий. В Туркестане и Степном крае восстания повлекли за собой серьезные человеческие жертвы. В советское время трагические последствия этих событий особенно болезненно переживались и осмыслялись исторической наукой советских республик Средней Азии и Казахстана.

Отдельно хочется отметить, что в книге представлены разделы, посвященные реакции на Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. коренных народов Сибири. В отличие от историографической традиции, сложившейся в советские годы в государствах Центральной Азии, «царский указ» и его последствия всегда рассматривался здесь как часть исторических событий периода Первой мировой войны.

---

[1] Россия и Казахстан: проблемы истории. (XX – начало XXI в.). М., 2006; Центральная Азия. Традиции и современность. М., 2011; Центральная Азия: человек, общество, государство. М., 2013; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016; и др.

[2] «Цивилизационные и исторические основы гуманитарного сотрудничества России с государствами Центральной Азии» (к 100-летию восстания 1916 г.) (31 мая 2016 г., г. Оренбург); «Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном» (28 июня 2016 г., г. Алматы), «Народы российской империи и Высочайшее повеление 25 июня 1916 г.» (27 октября 2016 г., г. Москва) и др.

В работу включена глава, знакомящая с историческими источниками различного происхождения, помогающими с непривычных ракурсов взглянуть на события столетней давности.

В коллективной монографии сознательно сохранена авторская трактовка событий и терминология. Так, само Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. по сложившейся традиции большинство коллег называют «царским указом».

Размышляя сегодня над общественно-политической ситуацией начала XX в. в Российской империи, интернациональный авторский коллектив предлагает взвешенный, в рамках академического дискурса, подход к изучению событий 1916 г. и надеется, что это поможет приблизиться к объективной оценке причин и последствий восстаний.

Серьезное изучение восстаний 1916 г. в Российской империи возможно только при комплексном подходе. Готово ли постсоветское историческое сообщество к таким комплексным исследованиям?

Право ответа на этот вопрос оставляем за читателями книги.

Т. Котюкова

Глава I
ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА: ПРИЧИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ, ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Воинская повинность и народы империи: «ограничение» или «привилегия»

В результате военной реформы в 1874 г. Россия перешла к комплектованию армии на основе воинской повинности. К службе теперь привлекались самые широкие слои российского общества[1]. В этом и таился определенный риск призвать на службу неблагонадежных уроженцев национальных окраин, поэтому на целый ряд народов, населявших империю, несение воинской повинности распространено не было. Тем не менее власть рассчитывала, что армия станет своеобразным «котлом», который «переварит инородцев» и будет способствовать «всяческому усвоению ими начал российской государственности». Уже через семь лет после некоторой стабилизации ситуации на Кавказе особая комиссия рассмотрела вопрос о введении всеобщей воинской повинности в этом регионе. Хотя в 1886 г. мусульман освободили от подобной обязанности, эту ограничительную меру расценивали как временную[2].

Население России к началу XX в. только на 43,3% состояло из великороссов. Остальные 56,7% составляли другие, самые различные народы, от «кочующих» и «бродячих» до вполне оседлых включительно[3].

В основу комплектования армии в России была положена территориальная система, делившая население на три группы – великорусскую, малорусскую и инородческую, первая из которых считалась основной. Численность солдат и офицеров тех или иных национальных и религиозных меньшинств в военных округах и воинских частях определялась специальными квотами. Они устанавливались распоряжениями Генерального штаба. Военное командование обычно противилось формированию национальных частей. В неспокойных пограничных регионах из местного населения следовало

[1] *Арсланов Р.Ф., Шептура В.Н.* Проведение мобилизации и мобилизационная работа в русской армии. Вторая половина XIX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 3–10.
[2] *Вапилин Е.Г.* Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 21.
[3] *Захаров М.* Национальное строительство в Красной армии. М., 1927. С. 10.

набирать лишь 25% войск, а 75% комплектовались из внутренних районов империи[1].

После принятия в 1905 г. закона о веротерпимости традиционные ограничения на прохождение воинской службы по национальному признаку не могли сохраняться в прежнем виде. В связи с этим была создана специальная комиссия для выработки рекомендаций по изменению национального аспекта военного строительства. Главная задача заключалась в том, чтобы установить верхний предел численности нерусских народов в войсках в военное время, особенно в тех регионах, где антиправительственное движение особенно сильно проявило себя. В итоге было принято решение сохранить систему квот. Ее применение, поддержанное Министерством внутренних дел, не афишировалось.

Военные власти с осторожностью включали в ряды русской армии присоединенное и завоеванное население, но были склонны инкорпорировать местную аристократию[2] в состав офицерского корпуса. Эти представители нерусской знати (остзейские немцы, поляки, финны, грузины, татары, казахи и др.) играли важную роль и находились на командных постах в русской армии вплоть до крушения империи[3]. Были генералы и среди российских мусульман[4].

В военном ведомстве было стремление обучать детей «инородцев» в военных учебных заведениях. Но слабый уровень владения русским языком в целом ряде регионов империи был главным препятствием на этом пути. Необходимо было выстраивать местную систему образования, но это требовало времени и материальных вложений. Этим органы военного управления не всегда располагали[5].

Почему воинскую повинность отбывали представители не всех национальностей, населявших империю? Это объяснялось различными сроками

---

[1] *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 137.

[2] Национальная аристократия не всех окраин, в том числе Туркестана, была уравнена в правах с русским дворянством.

[3] Подробнее см.: Грузинский генералитет 1699–1921 гг.: биографический справочник / сост. М. Гогикидзе. Киев, 2001; *Луntинен П.* Военные формирования Финляндии в системе вооруженных сил Российской империи // Новая и Новейшая история. 2002. № 5. С. 107–115; *Аветисян Г.* Генералы-армяне в Российской империи. Ереван. 2007; Казахи в России: Биографический сборник: В 2 т. М., 2007; и др.

[4] Подробнее см.: *Зарипов-Кильметов Р.* Народный генерал // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. № 3–4. С. 259–260; «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» [публикация *Д.Ю. Арапова*] // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42–44; «Не посягать на религию и не стеснять обычаев». Генерал Чингис-хан и «мусульманский вопрос» [публикация *Д.Ю. Арапова*] // Родина. 2004. № 2. С. 70–72; *Жильцов К.В.* Генералы мусульманского вероисповедания в российской армии в 1905–1914 гг. // ВИ. 2007. № 12. С. 130–135; и др.

[5] *Корнеев В.В.* Деятельность органов военного управления Российской империи по государственному строительству в Центральноазиатском регионе (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис.... канд. ист. наук. М., 2000. С. 187.

вхождения в состав государства, не всегда добровольными процессами присоединения, религиозными различиями и т.д. Кроме того, в целях поддержания переселенческой политики русские колонисты также освобождались от воинской службы[1].

Ограничением или привилегией была такая мера? Однозначно ответить на этот вопрос непросто, поскольку все зависело от региона и его специфики. Далеко не все народы империи испытывали психологический дискомфорт, будучи освобожденными от военной службы. Причин было две – национальные традиции и уровень социально-политического развития территории, т.е. степень ее модернизированности, адаптированности и интегрированности в общеимперскую государственную систему.

Так, на Кавказе, где традиционно ценилась воинская удаль, прослеживался элемент сожаления по поводу ограничения на прохождение воинской службы. Отмены ограничений как царской милости просили абхазы в 1893 г. и чеченцы в 1913 г. Среди части закавказских татар (так в начале XX в. называли азербайджанцев) существовало представление, что приобретение определенных навыков в результате службы поможет в противостоянии в межнациональных конфликтах с армянами, от службы в армии не освобожденных[2].

В Степном крае часть национальной интеллигенции с началом Первой мировой войны, стремясь тем самым уравнять коренное население с русскими переселенцами и казаками в правах, инициировала возможность создания кавалерийских национальных частей, аналогичных казачьим[3]. В 1914–1915 гг. некоторые киргизы Семиреченской области добровольно изъявили желание пойти на фронт[4]. В начале апреля 1916 г. общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о созыве съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». Кроме того, выдвигалось предложение направить делегацию для переговоров с правительством и Думой. По этому вопросу были проведены консультации с руководством мусульманской фракции Думы[5]. В жалобе, с которой киргизы обратились в Государственную думу 30 августа 1916 г. в связи с отсрочкой в 1916 г. призыва в армию, подчеркивалось, что их возможный призыв на военную службу не только справедлив, но и является их «гражданским долгом». «Мы, киргизы, – заявляли они,

---

[1] *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 115.

[2] *Вапилин Е.Г.* Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 24.

[3] *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 40.

[4] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 159.

[5] *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI века). М., 2006. С. 34.

считаем себя равноправными сынами единой России и глубоко надеемся, что победоносная война послужит фактором для осуществления у нас на родине законности для проведения необходимых для блага отечества реформ и для возникновения братства между разноплеменными сынами Отчизны»[1].

Иная ситуация складывалась в Туркестане. Здесь отстранение от воинской службы воспринималось как заслуженная льгота за относительную лояльность, проявленную населением в ходе завоевания.

Несмотря, однако, на ряд причин, заставлявших ограничивать применение принципа обязательной воинской повинности, Военное министерство вовсе не было склонно мириться с этим. При всех опасениях в министерстве считали, что не надо забывать и об оборотной стороне медали. Во-первых, «совершенно несправедливо заставлять население центра государства нести тяжесть воинской повинности за окраины, в результате чего, за счет центра, население окраин развивается и богатеет». Во-вторых, «слишком продолжительное освобождение какой-либо народности от воинской повинности крайне вредно еще и потому, что приучает эту народность к мысли о незыблемости такой льготы. По мере же культурного подъема данной народности в ней обыкновенно развивается и национальное самосознание, вследствие чего введение воинской повинности делается все труднее и труднее (пример – Финляндия[2])»[3].

В 1909 г. при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) была образована межведомственная комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности[4]. Все так же сохраняя систему квот, правительство приступило к всестороннему изучению вопроса о возможности отмены призывных ограничений по национальному признаку.

Во Всеподданнейшем докладе за 1909 г. Туркестанский генерал-губернатор И.В. Самсонов изложил свой взгляд на проблему привлечения коренного мусульманского населения края к всеобщей воинской повинности. Население Туркестана он разделил на две основные категории: оседлое и кочевое. Оседлое население он счел «по самому характеру своему» непригодным к службе. Кочевники-киргизы могли быть привлечены к службе, но не на общих основаниях, а путем формирования из них иррегулярных кавалерийских частей, аналогичных единственному в своем роде в Туркестане Туркменскому конному дивизиону (иррегулярной милиции из туркмен-текинцев).

«Киргизы – природные наездники, – писал генерал Самсонов, – несомненно храбрые и притом питающие вражду к китайцам, могут образовать

---

[1] Цит. по: *Сэнборн Дж.* Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 128–129.

[2] Воинская повинность была введена в Финляндии в 1902 г., но уже в 1912 г. служба в армии была заменена денежным налогом.

[3] Цит. по: *Захаров М.* Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 11.

[4] Органы МВД на местах также занимались вопросом воинской повинности. Ими стали создаваться специальные комиссии.

кадры войсковых частей, которыми в случае мобилизации наша боевая готовность на китайской границе будет значительно усилена»[1]. Самсонов считал введение личной воинской повинности для коренных народов края делом преждевременным, более того, не соответствующим главной задаче – «упрочению русского владычества» и предлагал ограничиться введением военного налога и созданием частей иррегулярной конницы[2].

На Всеподданнейшем отчете военного губернатора Семиреченской области генерала М.А. Фольбаума за 1910 г. Николай I сделал пометку, что следует идти по пути политического воспитания киргиз и их ассимиляции до привлечения их к воинской повинности включительно[3].

15 января 1911 г. начальник мобилизационного отдела ГУГШ в письме начальнику АЧ ГШ генералу С.В. Цейлю писал: «В настоящее время очередной задачей комиссии является разработка вопроса о привлечении к воинской повинности инородцев Кавказа, Туркестана и Сибири. Ближайшей задачей является распространение натуральной воинской повинности на киргизское население Туркестана и Западной Сибири, т.е. самую крупную группу инородцев около $^1/_3$ населения Азиатской России»[4]. Учитывая большой опыт, начальник мобилизационного отдела ГУГШ приглашал С.В. Цейля принять участие в этой работе[5].

В июле 1911 г. по приказу военного министра Главное военно-судное управление Военного министерства собирало сведения о положении и возможной службе в армии представителей национальных меньшинств. Несомненно, что в ходе анализа ситуации не последнюю роль сыграл вывод военного министра, генерала от кавалерии Сухомлинова, сделанный после поездки в Туркестан в марте-апреле 1912 г.: «Инородческое население Туркестана привлекать к воинской повинности на общем основании не желательно, как ввиду недостаточной их политической благонадежности, так и малой культурности главной массы Туземцев»[6].

В апреле 1913 г. Совет министров заслушал доклад на тему «призыва инородцев» и признал, что привлечение коренного населения Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности «желательно и возможно»[7].

Относительно «инородцев» было несколько спорных вопросов: следует ли призывать национальные меньшинства на службу в специальные части, состоящие из представителей одной национальности, или же существующая

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 10.

[2] Там же. Л. 10 об.

[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4295. Л. 3–12.

[4] Там же. Д. 3698. Л. 30–30 об.

[5] Новый Устав о воинской повинности был принят в 1912 г., но государство сохранило прежние «льготы и привилегии» коренного населения Туркестана // Устав о воинской повинности. СПб., 1912. С. 25–27.

[6] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1250. Л. 24.

[7] Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 223.

практика их распределения среди различных воинских частей должна быть сохранена? Какие индивидуальные особенности народов (физические характеристики, уровень их культурного развития, знание русского языка и др.) делают их годными к военной службе? Какие народы будут служить верно, а какие могут представлять серьезный риск для безопасности?[1]

МВД провело ряд межведомственных совещаний (Омское, Тургайское и др.), на которых также обсуждались вопросы военной службы. В них вошли представители МВД, Военного министерства, ГУЗиЗ, переселенческих управлений, омский губернатор, генерал-губернатор Иркутской области, туркестанский генерал-губернатор и наместник на Кавказе. Они дали свои общие заключения по данному вопросу. Весь собранный материал был передан для обсуждения в межведомственную комиссию по пересмотру Устава о воинской повинности.

В 1914 г. выводы были отражены в проекте совместного доклада, где говорилось о полной непригодности к службе киргизов (казахов и киргизов) Западной Сибири и Степного края. Они составляли самую многочисленную группу (2,5 млн мужчин), освобождавшуюся от воинской повинности. Об их воинских качествах совещание сделало следующие выводы: «Современные требования военной подготовки солдата слишком велики для нынешнего развития киргиз. …Лишение киргиза, при взятии на военную службу, привычной, исключительно местной пищи и поддерживающего здоровье напитка – кумыса – даст армии не полезного воина, а обитателя госпиталей, лазаретов»[2]. Помимо этого, серьезным аргументом «против» было слабое владение русским языком.

Кроме того, киргизы были признаны неблагонадежными в политическом отношении. Во-первых, за то, что их вхождение в состав России не обошлось без сопротивления. Во-вторых, ввиду близкого соседства с ними многих других мусульманских народов Средней Азии и Китая киргизов в политическом смысле было еще можно признать «не утратившими стремления к самостоятельности». Наконец, самый важный аргумент – «православная вера и русское отечество киргизу чужды, если не прямо враждебны».

Воинские качества населения коренных областей Туркестана, Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской Военным министерством оценивались так: «…В смысле культурности эти народы были бы вполне пригодны для несения воинской повинности, но они не отличаются крепким здоровьем и по физическим свойствам мало пригодны для военной службы где-либо, кроме своей знойной родины»[3]. У всех этих народов также не нашли «чувства общности русского отечества». К тому же ежегодное паломничество в Мек-

[1] *Подпрятов Н.В.* Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целостность России» // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 54.

[2] Цит. по: *Захаров М.* Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 13–14.

[3] Там же. С. 14.

ку указывало скорее на то, что в случае войны России с Османской империей народы Туркестана будут тяготеть к последней. Вывод: брать на военную службу опасно, обучать владению оружием и военному делу вообще означает готовить солдат для потенциального врага или обученные кадры для восставших сепаратистов[1].

Более «положительно» были охарактеризованы туркмены. Идея о создании конного подразделения из туркмен была озвучена в первые же месяцы после Геок-Тепинского сражения. 26 апреля 1881 г. начальник и командующий войсками Закаспийской области, генерал П.Ф. Рерберг ходатайствовал об организации из туркмен стражи для охраны местного порядка. Приказом от 5 мая 1881 г. отряд временной Ахалтекинской милиции был организован[2].

В августе 1881 г. начальник Главного штаба генерал Н.Н. Обручев писал на Кавказ о необходимости подготовить «соображения» об образовании из текинцев одного-двух кавалерийских полков, которые могли бы быть отправлены на западную границу[3]. Однако тогда полки сформированы не были. Когда весной 1884 г. Мервский оазис добровольно вошел в состав Российской империи, 20 джигитов-текинцев составляли личный конвой начальника Закаспийской области генерала А.В. Комаровского[4]. После присоединения Мерва из местных жителей был образован отряд временной мервской конной милиции.

Отряд ахалтекинской и мервской милиции формировался на добровольных началах. И туркмены охотно записывались на службу. В чем причина? По мнению автора фактически единственной монографии посвященной Текинскому конному полку О. Гундогдыева, причин было пять: у туркмен было сохранено самоуправление; прекратились военные конфликты с соседними государствами и междоусобицы; русская администрация поощряла земледелие у туркмен и помогала в этом вопросе; в менталитете туркмен всегда высоки воинская доблесть и военная служба; уважение и корректное поведение со стороны русских, прежде всего офицеров, отдававших дань доблести туркмен[5].

Генерал-губернатор Туркестана Самсонов был убежден в пользе привлечения в ряды русской армии «преданных нам туркмен, боевых людей, по природе и историческому прошлому» и высказывался в дальнейшем за развертывание дивизиона в полк четырехсотенного состава[6]. Условия формирования Туркменского дивизиона представлялись генералам Сухомлинову

[1] *Захаров М.* Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 17–18.
[2] *Гундогдыев О.* Боевой путь Текинского конного полка (1914–1918 гг.). Ашхабад, 2012. С. 21.
[3] Россия и Туркмения в XIX веке: сборник архивных документов. Ашхабад, 1946. Кн. 1. С. 189.
[4] *Гундогдыев О.* Боевой путь Текинского конного полка (1914–1918 гг.). Ашхабад, 2012. С. 23.
[5] Там же. С. 23–24.
[6] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1250. Л. 24.

и Самсонову весьма выгодными: поступающие на службу всадники получали всего 30 руб. в месяц, затем на него не требовалось никаких расходов, так как они жили в традиционных кибитках, а не в казармах и сами содержали себя и лошадей[1].

29 июля 1914 г., на следующий день после начала Первой мировой войны, как самостоятельное военное формирование на базе дивизиона Туркменского конного полка (иррегулярной милиции) из туркмен-текинцев на добровольных началах и исключительно на средства самих туркмен в Туркестане начал формироваться Текинский полк. «При формировании конного Туркменского полка, – отмечал туркестанский генерал-губернатор, – туркмены Мервского, Тедженского и Асхабадского уездов поставили отличных текинских лошадей, снарядили всадников всего на сумму 60 тыс. руб., что дало возможность выступить вновь сформированной части в отличном виде, как в отношении обмундирования, так и конного состава»[2]. Полк отличился в сражениях на Юго-Западном фронте.

Тем не менее, при рассмотрении ситуации в других регионах, идея создания национальных частей была отклонена, поскольку исторический опыт в этом направлении демонстрировал отрицательный результат и, по мнению участников совещания, боеспособность таких частей была значительно хуже. Чиновники считали, что несколько лет службы не сделают из представителей этих народов хороших солдат, а вот навык обращения с оружием будет получен, и неизвестно, против кого оно будет направлено в дальнейшем[3]. Руководствуясь в основном политическими соображениями, комиссия высказалась против отмены ограничений, в том числе относительно народов Туркестана.

На основании приведенных выше выводов комиссии Военное министерство подготовило законопроект, но, несмотря на важность дилеммы «призыва – непризыва инородцев», в 1914 г. в связи с началом войны он «лег под сукно», хотя к началу 1914 г. согласно действовавшему в стране законодательству от воинской повинности по национально-территориальному признаку были освобождены 7 млн человек[4].

Спустя год Военное министерство вспомнило о готовом законопроекте. 14 июня 1915 г. в Ставке под председательством государя-императора, состоялось заседание Совета министров, на котором было намечено начать привлекать к отбыванию натуральной воинской повинности освобожденные категории населения[5].

---

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1250. Л. 24.

[2] Цит. по: *Гундогдыев О.А.* «Как стадо испуганных бурей овец, гнали текинцы неприятеля…» // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 67.

[3] *Хаген М. фон.* Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. № 5. С. 40–41.

[4] *Вапилин Е.Г.* Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 26.

[5] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 5.

В законопроекте приводились три основные причины, по которым нерусское население империи освобождалось от военной обязанности: политическая неблагонадежность и низкий культурный уровень, выражавшийся в первую очередь в незнании русского языка, и слабое здоровье.

Основополагающий принцип Устава о воинской повинности гласил, что защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Не привлекая к этой обязанности ту или иную народность, власть тем самым «держит ее на положении отщепенца от общей государственности» и тормозит слияние с русским населением[1].

Во введении к законопроекту Военным министерством отмечалось изменение мировой политической ситуации. Потенциальную угрозу для России представляли Япония, «пробуждающийся к новой жизни» Китай, соперничество европейских держав на Кавказе и в Центральной Азии. В этих условиях быстрое пополнение мобилизационного ресурса становилось не просто стратегической, а жизненно необходимой задачей.

На фоне всего выше сказанного важно было определиться, не кого призывать, а для кого сохранить бронь. Это могла быть: политическая причина, когда милитаризация какой-либо этнической группы могла представлять опасность для государства; географическая, когда милитаризация отдельных этнических групп не давала существенных выгод, а была сопряжена с разного рода трудностями; культурно-физиологическая, когда культурная отсталость и слабое здоровье делали мобилизацию бессмысленной.

Помимо этих причин, указывалось на наличие неких обстоятельств, при которых «общегосударственная польза, достигаемая временным освобождением… превышает невыгоды этой меры»[2].

В случае принятия данного законопроекта из губерний Европейской России и Кавказа можно было (с учетом тех категорий русского населения, на которое также распространялся ряд льгот и отсрочек) дополнительно привлечь 1630 тыс. человек, из Туркестана – 148 тыс., из Сибири – 328 тыс., т.е. 2106 тыс. человек., что составляло в год 12 300 новобранцев. Освобождение сохраняли 1470 тыс. жителей Европейской России и Кавказа, 2255 тыс. человек в Туркестане и 1122 тыс. жителей Сибири, т.е. 5047 тыс. человек[3].

Проведение столь масштабной реформы призыва неизбежно влекло за собой изменение в работе существующих и, что самое важное, организацию новых административных органов – учреждений по воинской повинности. При этом в Туркестане, кроме Семиреченской области, посемейные списки нигде не велись. Эту работу, ввиду отсутствия в крае земских учреждений и дворянских присутствий, планировалось поручить уездным началь-

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 32–33.

никам[1]. С финансовой точки зрения создание новых учреждений по воинской повинности должно было обойтись государству в 115 200 руб. единовременных и 143 тыс. ежегодных расходов[2].

В августе 1915 г. Государственная дума и Государственный совет высказались за незамедлительное привлечение к воинской службе коренного населения окраин, освобожденных от воинской повинности. Начальником Главного штаба на этот счет в адрес туркестанской администрации был направлен запрос, на который последовал отрицательный ответ от временно исполнявшего на тот момент обязанности туркестанского генерал-губернатора Ф.В. Мартсона.

Генерал Мартсон приводил следующие аргументы: призыв коренного населения в ряды армии даже как временная мера в сложившихся условиях может вызвать недовольство. Религиозное единство «с народностями, настроенными к нам враждебно», в первую очередь с османской Турцией; культурная, социально-бытовая и климатическая неадаптированность к российским и европейским условиям; отсутствие кадров из числа коренных народов Туркестана для формирования специальных «инородческих» частей; установление воинской повинности противоречит уже взыскиваемому с населения военному налогу[3].

На этом переписка начальника Главного штаба и туркестанского генерал-губернатора по вопросу воинской повинности для коренного населения края была закончена. Не возвращались к этому вопросу и в 1916 г.

В середине августа 1915 г. помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела ГУГШ полковник Главного штаба Свищев совершил поездку в Семипалатинскую область. В докладе, представленном начальнику АЧ ГШ, свои впечатления он сформулировал следующим образом: недоброжелательного отношения киргизов к России не обнаружено; настроение к Турции, объявившей войну России, недоброжелательное; крестьяне-переселенцы и казаки недовольны привилегиями киргизов в вопросе отбывания воинской повинности; во время войны несколько замедлился переход киргизского населения к оседлому образу жизни из-за боязни необходимости в новом статусе отбывать военную повинность; вполне возможно из киргизов формировать кавалерийские части по образцу казачьих[4]. Вывод Свищева – киргизское население легко можно привлечь к отбыванию воинской повинности уже сейчас, если это сделать не резко, «а действуя на киргиз исподволь»[5].

16 сентября полковник Свищев в Омске докладывал о своей поездке генерал-губернатору Степного края и командующему войсками Омского во-

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 41.
[2] Там же. Л. 46.
[3] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. М., 1960. С. 86.
[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4462. Л. 9.
[5] Там же. Л. 9.

енного круга генерал-лейтенанту Н.А. Сухомлинову. Последний также высказался за необходимость привлекать киргизов к воинской повинности, но «ласково», привлекая в конные сотни сначала виде охотников, а со временем сделать несение воинской повинности обязательным[1].

В ноябре 1915 г. в Государственную думу поступил законопроект Военного министерства «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобожденных от нее до настоящего времени». Министерство считало несправедливым, что население центра несет воинскую повинность за окраины. Военные угрозы, возникающие на туркестанской и кавказской границах, заставляли иметь там резерв обученных военному делу людей[2]. Кроме того, при подавляющем большинстве в Туркестане коренного населения было важно подготовить русское население «к самообороне на случай возможных внутренних волнений»[3].

Тексты законопроекта, представленные в июле (подготовлен в 1914 г.) и ноябре, на первый взгляд были практически идентичны. Исключение составляли выводы – «призывать – не призывать». Если в законопроекте, подготовленном Военным министерством в 1914 г., призыв был отсрочен «до лучших времен», в ноябре 1915 г. «привлечение теперь же» на общих основаниях киргизского населения Степных областей и Туркестана почиталось мерой, «вполне соответствующей общим государственным интересам»[4]. «Чувство общности» с русскими у сартов за несколько месяцев не появилось, но появилась решимость Военного министерства привлечь их «без замедления» к воинской повинности на общих основаниях[5], а вместе с ними – и узбеков и каракалпаков и таджиков. Решение по татарам, дунганам, и уйгурам осталось прежним – призывать.

Таким образом, в случае принятия нового закона в ряды Русской армии можно было дополнительно призвать: с территории Европейской России и Кавказа – 1768 тыс. (увеличение мобилизационного фонда незначительное – на 138 тыс. человек), из Туркестана – 2603 тыс. (здесь мы видим беспрецедентное увеличение возможностей мобилизации в сравнении с ожиданиями 1914 г. – на 2455 тыс. человек), из Сибири – 1396 тыс. (увеличение не менее впечатляющее – на 1068 тыс. человек). Мужское население империи, не служившее на законных основаниях в армии, должно было сократиться до 1652 тыс. человек, а Военное министерство могло рассчитывать ежегодно на призыв 36 тыс. новобранцев[6].

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4462. Л. 9 об.

[2] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 927.

[3] Там же. С. 298.

[4] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 10.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 23.

Такое увеличение призывного контингента влекло увеличение финансовых расходов: единовременных до 250 300 руб. и ежегодных – 198 500 руб. Как отмечалось выше, в ряде регионов империи (особенно на Кавказе и в Туркестане) практически не велись посемейные списки населения, поэтому, если бы закон был принят, сам призыв можно было начать не ранее 1 октября 1917 г., т.е спустя два года[1]. Война к этому времени, по некоторым оптимистичным прогнозам военных, должна была завершиться.

27 ноября 1915 г. законопроект рассматривался в Совете министров. Последний постановил: «Представление военного министра рассмотрением отложить, впредь до представления министром внутренних дел подробного по сему предмету отзыва, основанного на имеющих быть собранными негласным путем дополнительных сведениях»[2].

22 декабря 1915 г. законопроект был отозван начальником Генерального штаба.

В начале 1916 г. военный губернатор Семиречья генерал М.А. Фольбаум обратился к генерал-губернатору с просьбой разрешить ему сформировать несколько киргизских сотен для усиления расположенных в Семиречье войск. Мартсон не возражал при условии, что офицерские и унтер-офицерские кадры будут набраны из отставных чинов Семиречинского казачьего войска и не последует возражений из Петрограда. Инициативе Фольбаума не суждено было обрести воплощение[3]. Однако по собственному желанию киргизы (казахи) как добровольцы могли отправляться на фронт.

Вопрос о призыве коренного населения региона и связанных с этим проблемах обсуждался и в кругах национальной интеллигенцией. Так, рассуждая о возможном призыве казахов в армию в условиях войны, газета «Казах» в 1916 г. высказалась за нежелательность такого решения и сетовала, что «люди готовы смиренно принять любой поворот событий». Сторонники этой позиции полагали, что для казахов, никогда не проходивших военную службу в царской армии, будет сложно быстро адаптироваться к ней. Они предлагали направить делегацию для проведения «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», выдвигая предложения в случае решения о призыве «инородцев» провести мобилизуемых через мусульманские органы метрической регистрации для точного определения их возраста, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнять казахов в правах с казачеством как в вопросах землепользования, так и воинской службы[4].

Летом 1916 г. в Ставке состоялось совещание о производстве работ по устройству оборонительных сооружений в прифронтовых местностях. Вы-

---

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 34.

[2] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 554–557.

[3] АВП РИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340б. Л. 15 об. – 16.

[4] *Кузина С.В.* Национальный вопрос в Государственной думе России на материалах областей Степного края и Туркестана. 1906–1917 гг. Дис… канд. ист. наук. М., 2002. С. 125.

яснилось, что нужен 1 млн человек. Из народов, не несущих воинскую повинность, собирались создать рабочие дружины общей численностью в 550 тыс. человек. Совет министров обсудил эту проблему на заседаниях 3, 6 и 14 июня 1916 г.[1] Уже 6 июня 1916 г. Управление воинской повинности МВД направило секретную депешу туркестанскому генерал-губернатору, в которой сообщалось об одобрении законопроекта Советом министров в принципе, но необходимости собрать дополнительные сведения. При этом управление просило генерал-губернатора ответить на вопрос: не следует ли опасаться каких-либо затруднений при призыве инородцев[2]. Вопрос, видимо, был задан из вежливости, поскольку, не дав туркестанской администрации времени на обдуманный и хорошо взвешенный ответ, решение было принято.

Принудительное привлечение населения ряда восточных окраин для обеспечения нужд действующей армии в 1916 г. посчитали мерой безопасной и наименее хлопотной. В то же время в регионе на добровольной основе шла вербовка рабочих для тыловых нужд армии. Количественно она была незначительна и не могла решить острого вопроса нехватки рабочей силы в оборонной промышленности и прифронтовой зоне. Например, в Аулие-Атинском и Черняевском уездах Сырдарьинской области военно-инженерной организацией на тыловые работы было набрано из числа коренного населения около 10 тыс. человек[3].

25 июня 1916 г. Николай II подписал Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Целью Высочайшего повеления являлось обеспечение рабочей силой ряда оборонных объектов и военных предприятий, то есть расширение возможности призыва на фронт занятых там русских рабочих путем замены их коренным населением ряда регионов империи, освобожденных от несения воинской повинности.

Высочайшее повеление было подписано, по сути, на фронте, в Ставке Верховного главнокомандующего. В условиях военного времени принятию столь важного решения не предшествовала долгая переписка с военным министром, АЧ ГШ, туркестанским генерал-губернатором, МИД и МВД, с детальным согласованием всех пунктов Высочайшего повеления, а самое главное – возможных последствий его принятия, как того требовала обычная бюрократическая практика.

---

[1] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 252–256.

[2] *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 304.

[3] Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы/сост. Л.В. Лесная. М., 1937. С. 20.

11 октября 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывший военный министр Российской империи Д.С. Шуваев рассказал, как принималось это решение[1].

Ставка требовала во что бы то ни стало найти рабочих. Европейская Россия такого количества людей дать не могла. Вспомнили о давно обсуждаемом законе «О привлечении к отбыванию воинской повинности инородцев». Но все заинтересованные стороны признали необходимым этот вопрос отложить. «А между тем, – как вспоминал на допросе Шуваев, – нужно было во что бы то ни стало этих рабочих получить».

Вернувшись из Ставки, Шуваев с разрешения председателя Совета министров Б.В. Штюрмера собрал у себя и.о. министра внутренних дел С.А. Куколь-Яснопольского, начальника ГШ генерала П.И. Аверьянова со словами: «Мне во что бы то ни стало, хоть тресни, а нужно рабочих, иначе… мы проиграем кампанию. …В пределах каждого округа, Туркестанского, затем Сибирского, командующие войсками имеют право, имели, да и теперь, вероятно, имеют право призывать рабочих».

На допросе у Шуваева спросили, почему он не сделал запросов генерал-губернаторам регионов, подпадавшим под действие нового закона? Бывший военный министр ответил прямо, что он не смотрел на это решение, как на принятие нового закона. Если бы речь шла о введении воинской повинности, то в этом случае это было бы новым законом, и его необходимо было согласовывать и обсуждать с региональным руководством. Шуваев искренне полагал, что данное решение полностью укладывается в рамки принятого 3 августа 1914 г. «Закона о реквизиции»[2], согласно которому можно было использовать «местных жителей» для «всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами».

Ключевое словосочетание, на которое стоит обратить внимание, – «местные жители». Означало ли это, что жителей, например, Туркестанского края, можно было брать и вывозить в другие регионы на работу? Забегая вперед, скажем, что это же словосочетание смутит и депутатов Государственной думы.

Первоначально Шуваев стоял на точке зрения о необходимости просто объявить особый призыв или даже ввести воинскую повинность. «Меня поставили в узкие рамки, – оправдывался на допросе бывший министр, – …при начале было много суждений в Ставке, а тут пришлось поставить это в рамки реквизированных рабочих, без всяких надежд и предположений на будущее. И я смотрел на это, как на реквизицию».

---

[1] См.: Падение царского режима. (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). Л., 1927. Т. 7. С. 291–295.

[2] Под реквизицией понималось принудительное приобретение местных средств, необходимых для удовлетворения потребности армии, с производством оплаты или с выдачей квитанции по утвержденным тарифам и установленным ценам.

Далее Шуваев, Штюрмер и Куколь-Яснопольский «порешили», что Шуваев должен «испросить Высочайшее соизволение» на реквизицию рабочих.

Первым в Ташкент о подписанном повелении телеграммой сообщил председатель Совета министров Штюрмер, предписав принять незамедлительные меры к призыву рабочих. На допросе Шуваеву был задан прямой вопрос: «Как случилось, что Штюрмер, обязанный согласно этого повеления сговориться с вами и относительно возраста, и относительно порядка исполнения этого повеления, сам дал телеграфное распоряжение о приведении в исполнение этого Высочайшего повеления?» – бывший военный министр, сославшись на этические принципы (Штюрмера уже не было в живых), отвечать отказался.

На допросе Шуваев все время акцентировал внимание на том, что принятое повеление не было новым законом, что это был ранее принятый закон о реквизиции, в рамках действия которого и хотели привлечь новых рабочих для тыловых работ. Однако у целого ряда государственных и политических деятелей России сложилось впечатление, что повеление нарушило 71-ю ст. Основного закона Российской империи, говорящую о том, что «русские подданные обязаны отбывать повинность» только «согласно постановлению закона»[1].

Иными словами, что Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. было принято не в рамках уже действующего закона, а само по себе являлось новым законом, который принимать без обсуждения и одобрения Государственной думы и Государственного совета никто не имел права.

Вдогонку к Высочайшему повелению 27 июня 1916 г. последовал циркуляр МВД «О привлечении реквизиционным порядком инородцев к строительным работам в районе действующей армии». Реквизицию предписывалось провести в кратчайший срок[2].

Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. полностью порывало с традиционными формами отношений нерусских народов империи с Русской армией: или добровольное вступление в боевые части, или откуп посредством военного налога. Принудительная мобилизация на тыловые работы заведомо ставила «туземцев» в унизительное положение по отношению к фронтовикам.

Освобождение от воинской службы было постоянным источником неприязни со стороны тех, кто служил в армии, и их родственников[3]. В условиях начавшейся войны подобная привилегия порождала в русском обществе упреки в том, что кто-то собирается уцелеть за чужой счет. С другой стороны,

---

[1] Статья 71 гласит: «Российские поданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а так же отбывать повинности согласно постановлениям закона».

[2] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). С. 934.

[3] *Дубровская Е.* Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // Ab imperio. 2001. № 4. С. 177.

как справедливо отмечает Владимир Лапин, существовал риск превращения этнически однородных воинских формирований в символы национального суверенитета, что в сочетании с иными проявлениями к национальной независимости могло расцениваться как угроза целостности империи[1].

Добровольчество как способ пополнения действующей армии отвечало прежде всего пропагандистским задачам, но не решало вопроса регулярного и планомерного поступления в нее воинских контингентов[2].

Правительство обходило стороной регионы подозрительные либо в связи с недавним вхождением в состав России, либо вследствие их стремления к национальному самоопределению. Русское население, переселяемое в рамках государственной программы по «обрусению окраин», часто освобождалось от службы в качестве меры, поддерживающей не очень стабильную и благоприятную для последних демографическую ситуацию.

Помимо этого, на наш взгляд, существовала еще одна причина «непризыва», лежавшая в стороне от национальной политики. Русской императорской армии для удовлетворения своего комплектования было достаточно мобилизационных ресурсов Центральной России, и в дополнительных людских ресурсах она не испытала бы необходимости, не окажись мировая война такой затяжной.

Однако мировая война все больше приобретала затяжной характер. Тем не менее даже в условиях затяжной войны, вернее – особенно в условиях такой войны, соображения экономической рентабельности приобретали первостепенное значение. Не только фронт требовал постоянной подпитки людскими ресурсами. Все более остро вставал вопрос о нехватке рабочих рук на промышленных предприятиях Центральной России.

Система управления Туркестанским краем: последовательность и механизм социальной энтропии

События 100-летней давности на первый взгляд кажутся малозначимыми для современных граждан России, Казахстана и сопредельных среднеазиатских республик. Однако при внимательном рассмотрении они несут в себе немало поучительного.

О взаимосвязи восстания 1916 г. и созданной русскими властями системы управления Туркестанским краем в той или иной степени писали и современники тех событий и представители многих поколений исследователей. Сами чины туркестанской администрации, которые по горячим следам анализировали причины восстания, в большинстве своем считали император-

[1] *Лапин В.* Армия империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России XVI – начале XX вв. // Ab imperio. 2001. № 4. С. 135.

[2] *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия 1918–1945 гг. М., 2007. С. 34.

ский указ от 25 июня 1916 г. лишь побудительным толчком к этим событиям. Как докладывал ферганский губернатор Иванов, «…почва была подготовлена, и Высочайшее повеление о реквизиции рабочих явилось только поводом»[1]. А самаркандский губернатор Н. Лыкошин, выделив 17 причин восстания, как минимум 10 из них отнес к несовершенству системы управления краем[2].

Для нас очевидно, что административная система управления краем, созданная в 1865–1867 гг., обеспечив относительно легкую инкорпорацию Туркестана в состав империи, утратила затем свою эффективность. Исследователи не раз отмечали такие явления, как ведомственная разобщенность, отсутствие единства в действиях туркестанской администрации и других учреждений края, которые отчетливо стали проявляться в особенности с конца 80-х годов прошлого столетия. Здесь в первую очередь следует отметить автономность от власти генерал-губернатора ведомств финансов, контроля, просвещения, почты и телеграфа[3].

И здесь возникает вопрос: являлась ли система управления краем системой в научном смысле этого слова?

Всякая система функционирует оптимально, если имеет правильное целеполагание. Какую же цель преследовала верховная власть в Туркестане? Она выражалась известной формулой о «слиянии края с остальной частью империи»[4]. Но что в реальности понималось под этой формулой?

Думается, первоначально центральные власти вкладывали в эту формулу главным образом «административный смысл», а именно – необходимость унификации органов власти и управления в генерал-губернаторстве с аналогичными в других, главным образом европейских, частях империи. Это сразу вызвало обоснованную критику со стороны чинов туркестанской администрации, знающих Туркестан, болеющих за него. Один из них, военный губернатор Туркестанской области М.Г. Черняев, считал, например, что «…требовать, чтобы киргизы и сарты Туркестана управлялись одинаково с подмосковными жителями, – значит, насиловать природу вещей»[5]. Подобного мнения придерживались и некоторые другие лица, хорошо знающие традиции и обычаи коренного населения края.

В последующем верховная власть в рамках общего курса политики центра на национальных окраинах направляла деятельность туркестанской ад-

---

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов. Ташкент, 1932. С. 67.

[2] Там же. С. 26–28.

[3] См.: *Бахтурина А.Ю.* Управление в Туркестанском крае накануне и во время восстания 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Международ. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. С. 33–49.

[4] *Гейнс А.К.* Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Приложение ко второму тому. СПб., 1898. С. 5–6.

[5] См.: Русский мир. 1875. № 28. 30 января (11 февраля).

министрации на реализацию вышеприведенной формулы в самом прямом смысле этого тезиса. В отчетах ревизий Туркестанского края чиновниками центральных ведомств раз за разом отмечалась его «особость» и предлагались меры по ее устранению. Постепенно утопическая цель «слияния» дезориентировала туркестанские власти и способствовала нарастанию противоречий, ярко проявившихся во время восстания в Андижане (1898 г.) и во всем крае в 1916 г.

Помимо этого, любая система предполагает наличие обратной связи. Имелась ли таковая в системе управления краем? Полностью отрицать ее наличие было бы глупо, но, на наш взгляд, обратная связь (население – «туземная администрация» – «русская военная администрация») была крайне слабой, неустойчивой и малоэффективной. Известно, например, что слухи о предстоящем восстании ходили в Средней Азии уже в начале июля 1916 г., до официального объявления императорского указа[1]. А вот для уездных русских начальников разразившиеся события стали неожиданными. Наконец, отсутствовала устойчивая прямая связь между населением и русской военной администрацией. Так, в докладе драгомана российского консульства в Кашгаре Стефановича (начало 1917 г.), отмечалось, что киргизы, откочевавшие в результате восстания в пределы Китая, были в Семиречье практически оторваны от русской администрации. В случае, когда произвол волостных управителей требовал обращения местных жителей напрямую «…к уездному начальнику или даже губернатору, то ответ получался слишком печальный – к губернатору нас не допустят, а уездный начальник – прогонит». Драгоман Стефанович, возлагая всю вину на «темную киргизскую массу», указывал при этом, что в таком положении «…трудно было рассчитывать, чтобы мобилизация рабочих протекала без проявления нежелательных эксцессов»[2].

В целом административный строй Туркестанского генерал-губернаторства можно, на наш взгляд, лишь с большой натяжкой назвать системой, ввиду его бессистемности в научном смысле этого слова.

Как представляли себе идеальную систему управления краем российские чиновники?

Местные, туркестанские, главным образом грезили о системе, в которой большие права и полномочия были бы предоставлены генерал-губернатору (образцом считалось Кавказское наместничество, либо кауфмановская система). При этом туркестанская администрация искренне полагала, что авторитет власти зиждется главным образом на внешней, функциональной стороне. Подобный взгляд утвердился при первом генерал-губернаторе К.П. Кауфмане (1881–1882). Он являлся незаурядным администратором, но любовь и увлеченность «*ярим-подшо*» – внешними атрибутами власти (казачий конвой

[1] См.: Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов. Ташкент, 1932. С. 38, 45.
[2] Там же. С. 86.

с шашками наголо, пушечные салюты) – восприняты были его преемниками как самые важные и необходимые принципы управления краем.

Кроме этого, среди туркестанских чиновников и знатоков края господствовало убеждение, что край еще долгое время должен управляться на особых основаниях. Многие из них считали, что введенное в действие в 1886 г. новое «Положение об управлении Туркестанского края» не соответствует условиям и потребностям среднеазиатской окраины России. По-видимому, это осознавали и простые жители края. Путешественник Е.Л. Марков в 1891 г. записал слова одного русского жителя Ташкента: «Розенбах[1] все это натворил, Европу хотел сразу насадить в нашей Киргизии»[2]. Цивилизационные особенности Средней Азии действительно требовали особого, не унифицированного подхода к строительству там административной системы. Однако реализация подобного проекта требовала больших финансовых затрат со стороны Центра, что вызывало обоснованное беспокойство со стороны российского общества[3]. К тому же консервация традиционного общества Туркестана входила в противоречие с модернизационными процессами, охватившими Российскую империю на рубеже XIX – начала XX в.

Центральные органы, напротив, ратовали за сужение полномочий и прав главного начальника края. Ключевым моментом они считали необходимость введения гражданского управления краем вместо военного[4]. Подобный взгляд нацеливал администрацию на унификацию управления в крае, модернизационные процессы, но не учитывал его цивилизационных особенностей.

В бюрократической полемике и волоките рассмотрения правовых новелл прошло время, а административный строй генерал-губернаторства оставался неизменным, постепенно превращаясь в структуры, по сути, колониального аппарата власти. Каким образом это происходило?

Представляется, что начальным моментом, вызвавшим впоследствии социальную энтропию в управлении краем стали разработки комиссии, которая получила в исторической литературе наименование «Степная». Она была создана в начале мая 1865 г. в соответствии с постановлением Особого комитета от 25 января 1865 г. Как известно, на заседании этого комитета было принято решение об образовании Туркестанской области в составе Оренбургского генерал-губернаторства. Одновременно комитет поручил руководству министерств внутренних дел (МВД) и Военного изучить все аспекты, свя-

[1] *Розенбах Н.О.* – генерал-губернатор Туркестана в 1884–1888 гг., при котором вводилось «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 года (*Примеч. авт.*).

[2] Цит. по: *Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкенту и Ферганской области, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901. Т. 1. С. 529.

[3] *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 101–102.

[4] См., например: *Любичанковский С.В.* Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908–1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 130.

занные с управлением кочевым населением Оренбуржья и Сибири, стремясь по возможности привести их к единообразной административной форме[1]. Председателем комиссии был назначен товарищ министра внутренних дел Ф.К. Гирс, ему помогали от Военного министерства офицеры А.К. Гейнс, А.П. Проценко, К.К. Гуковский, от МВД – столоначальник департамента общих дел Н.И. Галдинский.

Комиссия начала свою деятельность с Западной Сибири, выехав туда из Петербурга в конце июня 1865 г. Работа в этом крае продолжалась почти год; в июне-июле 1866 г. участники комиссии трудились уже в «области Оренбургских киргизов» (казахов. – *В. К.*) и в августе выехали для работы в Туркестанскую область, где также пробыли около двух месяцев. Как видно, большую часть времени члены комиссии находились в Западной Сибири, разработав, по-видимому, именно здесь основную часть будущего проекта административного устройства Азиатской части России. Это подтверждается вполне откровенными записками Ф.К. Гирса, который писал, что во время объезда Оренбуржья члены комиссии распространяли среди коренного населения анкеты-вопросники, причем каждая анкета представляла собой «поверхностно изложенный взгляд самой комиссии», служивший для анкетируемых лиц «указанием, что главным образом ей (комиссии. – *В. К.*) нужно», а вопросы, как правило, заканчивались обещаниями доложить высшему начальству о содействии адресата работе комиссии[2]. Аналогичным образом комиссия действовала и в Туркестане, несмотря на то, что встретила в Средней Азии, как пишет Б.К. Осеков, «много разнообразных, а главное, новых для нее предметов, не бывших в виду при исследовании Киргизской степи Сибирского ведомства и области Оренбургских киргизов, …нашла совершенно иные условия, чем в степной стране»[3]. Иначе говоря, для всех исследуемых районов Казахстана и Средней Азии комиссия предложила единообразный вариант административного устройства, основанный на изучении особенностей жизнедеятельности главным образом кочевого социума и очень похожий на административное устройство русских крестьян. Чем это объяснить?

На наш взгляд, нельзя не учитывать историческую обстановку того времени. Эпоха либеральных реформ наложила отпечаток на многие стороны деятельности российского правительства. Вполне вероятно, что проект управления Туркестанским краем оказался унифицированным на основе важнейших принципов, положенных в основание Крестьянской реформы 1861 г. На такое предположение наталкивают следующие факты. Во-первых, вместе с Николаем Милютиным в редакционных комиссиях активно трудился в ад-

---

[1] См.: *Серебренников А.Г.* Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент, 1914. Т. 19. С. 39–40.

[2] Цит. по: *Осеков Б.К.* Организация и деятельность Степной комиссии (1865–1868).: Дис.… канд. ист. наук. М., 1987. С. 108.

[3] Там же. С. 120–121.

министративном отделении Александр Карлович Гирс (1815–1880), родной брат председателя Степной комиссии Ф.К. Гирса. А впоследствии именно действительный статский советник А.К. Гирс был назначен в 1874 г. председателем комиссии по составлению нового проекта положения по управлению Туркестанским краем.

Во-вторых, в результате реформ 60-х гг. в административном устройстве низовых органов власти в Средней Азии и в коренных областях России появилось много общего. В частности, как и у русских крестьян, административное деление на присоединенных среднеазиатских землях стало базироваться на территориальном принципе, тогда как у народов Средней Азии, в особенности в кочевых районах, господствовал ранее родовой принцип. Кроме того, вводился выборный принцип формирования низовых административных и судебных органов. Вряд ли подобные правовые новеллы были случайны.

Предложения Степной комиссии легли в основу разрабатываемого Положения об управлении краем 1867 г. Что же касается системы управления присоединенными территориями, то она создавалась на следующих основаниях. Верхние эшелоны власти в Туркестане строились по общеимперскому образцу, при нераздельности власти военной и административной. Учитывались также местные традиции; населению предоставлялось право судиться по шариату и обычаю, но параллельно вводился и русский суд[1]. А вот низовые органы власти строились на вышеобозначенных основаниях.

Отрицательные моменты Положения 1867 г. отмечал даже К. Кауфман. Но при нем авторитет русской власти благодаря налоговым послаблениям, инвестициям в край, ликвидации феодальных междоусобиц и рабства находился на должном уровне. Военная мощь вкупе с социально-экономическими и культурными преобразованиями в крае способствовали формированию высокого авторитета русской власти в Средней Азии и окружающих землях. Свидетельством этого стали факты многочисленных переходов жителей Бухарского и Хивинского ханств на территорию Туркестана, стремление их получить русское подданство, которое давало им защиту от произвола ханских чиновников[2]. В Русский Туркестан переселялись мусульмане из Кашгара (уйгуры, дунгане, казахи), туркмены, хазарейцы, джемшиды и евреи из Афганистана, иранцы с территории Персии[3]. Известия о политике русской власти достигли даже пределов Британской Индии, вызвав там большие симпатии

[1] См.: *Кауфман К.П.* Проект Всеподданнейшего отчета К. П. фон Кауфмана I. 7 ноября 1867–25 марта 1881. СПб., 1885. С. 43.

[2] См.: *Епифанова Л.М.* Рукописные источники по истории Средней Азии, присоединения ее к России. Ташкент, 1965. С. 21, 51, 63; *Айни С.* Бухара (Воспоминания). В 2 кн. / пер. с тадж. С. Бородина; отв. ред. и авт. послесловия К.С. Айни). Душанбе, 1981. Кн. 2. С. 222–223.

[3] Более подробно, в т.ч. о численности переселенцев, см.: *Никольская Г.Б., Матвеев А.М.* Присоединение Средней Азии к царской России и сопредельные страны Востока. В кн.: Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1969. Ч. 1. С. 100–157.

к России[1]. В самом Туркестане, по свидетельству В.П. Наливкина, одного из самых крупных знатоков края, русские мужчины и женщины, даже в одиночку, безбоязненно перемещались по краю, останавливаясь на ночлег в каком-нибудь отдаленном селении[2]. Однако тот же В.П. Наливкин пишет, что уже с конца 80-х гг. XIX в. ситуация изменилась. Престиж русской власти стал стремительно падать, а отношение местного населения к русским нередко выражалось открытой враждебностью[3].

Не в последнюю очередь «сдержанное» отношение местного населения к русской власти было следствием исламского миросозерцания, что можно проиллюстрировать следующим фактом. В конце июля 1883 г. семь влиятельных ташкентских купцов 1-й и 2-й гильдий подали заявление Военному губернатору Сырдарьинской области Н.И. Гродекову, в котором просили его защитить их от своих соплеменников. Дело в том, что Туркестанский генерал-губернатор и надворный советник А.К. Гирс пригласили их участвовать в комиссии по выработке Положения о производстве торговли и промыслов в Туркестанском крае. Тут же в азиатской части г. Ташкента был распространен ривоят (прокламация), где они были объявлены «кафирами» («неверными») за то, что будто бы стремились ввести вместо определенного по шариату закята «…русские законы, чем предали нашу веру и стали противниками мусульманству»[4]. Факт этот стоит многого, если учесть, что приглашенные члены комиссии являлись не простыми жителями, а составляли, условно говоря, «цвет» ташкентского общества.

Второй важной вехой в истории эволюции системы управления краем стало принятие нового Положения об управлении краем в 1886 году. С утверждением в законодательном порядке в 1886 г. «Положения об управлении Туркестанского края» вне контроля генерал-губернатора оказались очень многие жизненно важные сферы жизни края[5].

О том, насколько соответствовало «Положение…» 1886 г. цивилизационным особенностям Среднеазиатского региона, способствовало ли оно реальной (органичной), а не формальной интеграции с Россией, свидетельствуют следующие факты. Служивший в 1870–1906 гг. в администрации края Г.П. Федоров вспоминал, что оно «…при первом же применении на практике оказалось никуда не годным»[6]. Ряд представителей военной администрации

---

[1] См.: *Ревелиоти Л.Х.* На крыше мира. Из Калькутты в Ташкент через Кашмир, Гильгит, Хунзу и Памиры. Пг., 1915. С. 35–36.

[2] См.: *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век / отв. ред. Д.Ю. Арапов. М., 2004. С. 59.

[3] См.: Там же. С. 91.

[4] ГИМ ОПИ. Ф. 307. Д. 43. Л. 39–40.

[5] См.: *Абдурахимова Н.А.* Из истории туркестанского чиновничества второй половины XIX – начала XX в. // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент: ТашГУ, 1985. С. 34; Положение об управлении Туркестанского края. СПб., 1886.

[6] *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 11. С. 444.

Туркестана в знак несогласия с новым порядком управления (например, военный губернатор Ферганской области Н.А. Иванов, будущий генерал-губернатор и один из немногих начальников края, знавший языки, обычаи и традиции местных жителей) подали в отставку и ушли с занимаемых ими постов. В целом после принятия «Положения…» 1886 г. авторитет власти у населения резко упал, причем многие современники связывали это явление именно с принятием вышеупомянутого документа. Так, выборы местной («туземной») администрации превратились в открытую куплю-продажу должностей, из-за чего честные и порядочные представители коренного населения не принимали в них участия. В обществе все сильнее проявлялась тенденция падения нравственности, выражавшаяся в увеличении преступности, пьянства и других проступков, но эти явления не находили адекватного ответа ни со стороны администрации, ни со стороны судебных органов, что воспринималось мусульманским населением крайне негативно. Коренные жители связывали подобное положение дел с русской властью, русскими людьми вообще, в результате чего участились случаи неприязненного к ним отношения[1]. В последующем авторитет русской власти и эффективность административной системы только снижались.

В целом законодательные акты верховной власти стали тем механизмом, который прямо повлиял на ухудшение всей системы управления Туркестаном. Кроме того, объективно, за полвека существования генерал-губернаторства в силу распространения в крае капитализма, а также культурной политики русской власти (в широком смысле этого слова) у местного населения появилось национальное самосознание, сформировалось особое миросозерцание, в рамках которого действующее административное устройство представлялась явно «чужим». Социальная энтропия системы управления Туркестанским краем привела к ее отторжению большинством коренного населения Средней Азии, что и продемонстрировали события 1916 года.

Нерешенность аграрного вопроса в Семиречье в начале XX в. в аспекте модернизации традиционной экономики

Вооруженное противостояние на территориях современных Казахстана и Киргизстана в 1916 г. можно расценивать как первое сражение Гражданской войны в России[2]. Эти два государства, титульные народы которых принадлежат к кочевым скотоводческим (еще в недавнем прошлом) обществам, являются составной частью евразийской славянско-степной общности, в которую входят также три восточнославянских народа (русские, украинцы и белору-

[1] РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 137. Л. 26.

[2] *Ситнянский Г.Ю.* Первое сражение Гражданской войны. К 95-й годовщине Восстания 1916 г. // Новое восточное обозрение. 2011. 14 июля. Сайт www.journal-neo.com/?q=ru/node/7657

сы). Они более чем другие народы бывшего СССР склонны к интеграции друг с другом[1].

Тот факт, что русские и «русскоязычные» переселенцы и местные жители, до того (и после того) жившие мирно, культурно и цивилизационно взаимно положительно влиявшие друг на друга и сохранявшие отношения симбиоза, в 1916 г. буквально «озверели» (хотя, впрочем, рассказы историков и свидетелей с обеих сторон о масштабах этого «озверения» сильно преувеличены[2]), объясняется именно этим – восстание стало частью Гражданской войны в России. Поэтому необходимо понять, чем именно вызвана ожесточенность последней в целом и восстания 1916 г. как ее составляющей в частности.

Начнем с того, что нельзя считать причиной восстания сам факт призыва местного населения на войну, как многие историки (если не большинство) делают: казахи и киргизы отнюдь не уклонялись от защиты общего Отечества, протестуя только против призыва на тыловые работы вместо фронта. Так, представители казахской интеллигенции во главе с А. Байтурсыновым и бывшим депутатом I Думы (1906 г.) А. Букейхановым предлагали использовать боевые возможности казахов в кавалерийских частях[3]. И уже в 1916 г. совещание казахов Тургайской области (в котором участвовал и А. Букейханов) приняло петицию к правительству: «Мы… почитаем для себя унизительной черную работу по рытью окопов. А потому мы хотим, чтобы из нас были образованы специальные войска, как казачье, и чтобы мы были призваны для сражения в действующую армию. Если же этого нельзя сделать, то просим дать нам ружья и шинели и послать нас на передовые позиции»[4].

Это обращение было оставлено без ответа, на другие аналогичные обращения приходили отказы, мотивируемые «неблагонадежностью» казахов и киргизов (и это после того, как практически во всех предыдущих войнах России, включая Отечественную войну 1812–1814 гг., и в Первой мировой войне, куда более близкие этнически туркам туркмены отлично показали себя на фронте. – *Г. С.*) и «недостаточной степенью образованности и приобщения к русской гражданственности». Неудивительно, что такие ответы были восприняты как оскорбление[5]. И все же этого объяснения явно недостаточно

---

[1] Подробнее см.: *Ситнянский Г.Ю.* Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 161–170.

[2] См., напр.: *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 98–126; Правда и мифы трагедии 1916 года; Правда и мифы трагедии http://so-1.ru/news/show_pravda_i_mifi_tragedii_1916_goda; О событиях, произошедших 100 лет назад. [Электронный ресурс] // URL: http://www.newdaynews.ru/asia/555330.html и т.д.

[3] *Артыбаев Ж.О.* История Казахстана. Астана, 2004. С. 77.

[4] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 598. Л. 354–358.

[5] *Джумагалиева К.В.* Социально-экономическая и политическая ситуация в Казахстане в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918. М., 2014.

для ответа на вопрос об ожесточенности начавшегося вскоре противостояния. Куда более важное значение имел удар, нанесенный призывом 1916 г. по традиционной экономике местного населения.

Начнем с того, что право призывать казахов и киргизов на военную службу власти получили еще по «Положению об управлении степными инородцами» 1891 г. Таким образом, ничто не мешало спокойно, без спешки начать приучать население этого региона к армейской службе. Помимо всего прочего, проблема была в том, что призванным пришлось бы переселиться в местности с непривычным для них климатом (что в 1916 г. и послужило одной из причин восстания). Но надо помнить, что в Российской империи срочная служба в армии длилась шесть лет – срок более чем достаточный, чтобы, постепенно переселяя призванных казахов и киргизов все дальше от дома, приучать их к тяготам военной службы.

Однако правительством в этом направлении ничего не делалось. Зато, когда наступила срочная необходимость, мобилизовали одним призывом сразу 25 возрастов – от 19 до 43 лет, т.е. практически всех взрослых мужчин. При этом указ был опубликован 25 июня, когда скотоводы со своими стадами находились далеко от своих зимовок (кыштаков), к которым были или должны были быть приписаны как военнообязанные: казахи с их меридиональным (с юга на север) кочевым скотоводством – в сотнях километров к северу, киргизы с их вертикальным (на высокогорных пастбищах) отгонным скотоводством – в десятках километров высоко в горах. Как будут управляться женщины, дети, подростки и пожилые люди с оставшимся на пастбищах скотом (основой жизнеобеспечения казахов и киргизов и теперь, а уж тем более тогда), никого в царской администрации не волновало. Современные российские авторы прямо пишут, что семьи мобилизованных обрекались на голод уже в текущем году. Сам туркестанский губернатор А.Н. Куропаткин признавал это еще тогда и просил императора (26 июля) отсрочить призыв до осени[1].

С учетом скотоводческого характера традиционной экономики казахов и киргизов понятно и то, почему в Казахстане и Киргизии восстание началось несколько позже, чем в оседлой Средней Азии – в августе, а не в июле. Все случилось, когда с летних пастбищ на осенние начали возвращаться первые скотоводы.

Но, как представляется, даже и не это самое главное. Гораздо важнее общая фундаментальная причина, а именно нерешенность аграрного вопроса – в России в целом и в Семиречье в особенности.

Питательной средой для революции и Гражданской войны в России (вероятно, самой важной) являлась нерешенность аграрного вопроса в деревне, в которой проживало (на 1913 г.) еще 82% населения страны. Если промыш-

---

С. 343; *Усманова Д.М.* Мусульманское население Российской Империи в условиях Первой мировой войны // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. I. СПб., 2014. С. 592.

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. М., 1960. С. 40.

ленность после 1861 г. бурно и динамично развивалась, то деревня вплоть до самой революции 1905–1907 гг. нищала, происходило «оскудение центра России». «Неформальный историк» И.Н. Шумейко много пишет об этом, о том, что правящая элита задолго до Столыпина должна была начать думать, куда девать «лишнее» население из деревни, ставшее «лишним» в том числе и потому, что русская крестьянская «рассеянная мануфактура», ранее одевавшая страну (кроме предпочитавшей импорт элиты), теперь не выдерживала конкуренции с механической промышленностью и разорялась[1].

Но еще важнее было то, что аграрное перенаселение приводило к распахиванию пастбищ, что вело к снижению поголовья лошадей и, соответственно, к снижению эффективности производства. Лошадь не только запрягалась в соху, но и была основой «дотракторной механизации» сельского хозяйства (сеялки, веялки на конной тяге и т.д.). Соответственно, понижалась производительность труда. Получался замкнутый круг.

Хотя для государственного освоения Сибири, Дальнего Востока и Евразийских степей (к каковым относятся нынешние Казахстан и Киргизское Семиречье) была необходима широко организованная переселенческая политика, но до Столыпина ее не проводили, поскольку тогда в связи с оттоком населения из центральных губерний упала бы цена на землю, а батракам пришлось бы больше платить[2]. А ведь «лишние люди» в деревне – как их называет И.Н. Шумейко, «Онегины в зипунах и Печорины в лаптях» – и стали катализатором революции 1917 г.[3]

В начале XX в. в Петербурге шли заседания «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности»[4], на котором выявились две точки зрения. Одну из них выразил министр внутренних дел (в 1902–1904 гг.) В.К. Плеве, который настаивал на «сохранении общины как опоры порядка в деревне» и *государственной поддержки разорявшихся дворян* (выделено мною. – *Г. С.*). Интересна откровенность второй части программы Плеве, которая показывает и то, для чего (точнее, для кого) именно нужно было сохранение общины. Итогом такой политики стала невозможность решения крестьянской проблемы при сохранении жизни дворянству[5]. Речь идет о сохранении жизни в классовом, а не в физическом отношении; физическое истребление значительной части дворян после 1917 г. – это эксцесс, которого теоретически могло и не быть, но «ликвидация дворянства как класса» стала неизбежной задолго до того. Собственно, этот процесс, подразумевавший лишение дворян земли, уже шел вовсю, и, по подсчетам экономистов начала

[1] *Шумейко И.Н.* Романовы. Ошибки великой династии. М., 2014. С. 196–197.
[2] *Широкорад А.Б.* Николай II. Ростов-н/Д., 2013. С. 186.
[3] *Шумейко И.Н.* Указ. соч. С. 243.
[4] *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 2011. С. 5–6.
[5] *Шумейко И.Н.* Указ. соч. С. 221.

XX в., примерно к 1935 г. с помещичьим землевладением должно было быть покончено. Но Плеве и ему подобные упорно цеплялись за старое, а крестьянина оставляли общинным.

Второй лагерь возглавлял С.Ю. Витте, полагавший, что необходимо «завершить освобождение крестьян», сделав из крестьянина «персону», т.е. полноправного гражданина со всеми правами, включая право собственности. Кое-что ему удалось еще до 1906 г., до реформы Столыпина. Он добился отмены в общине круговой поруки, телесных наказаний для крестьян по приговору волостных судов, облегчения паспортного режима[1].

Витте подчеркивал, что бедность России деньгами (по его подсчетам, бюджет страны в пропорции к численности населения был в три раза меньше французского и в 2,4 раза меньше австрийского) происходит главным образом оттого, что крестьяне (повторим – 82% населения страны к 1913 г.) не устроены, что в России в целом «едва ли много более половины населения… живут, а остальные (в первую очередь сельские обыватели) прозябают»[2]. Примерно в таком же духе выражался и П.А. Столыпин[3].

Плодами Столыпинской реформы стали рост сбора хлеба в 1909 г. до 75,52 млн тонн (на 16 млн выше 1908 г.). К 1913 г. сбор составил 80 млн тонн. Урожайность в помещичьих хозяйствах выросла за эти годы с 10,08 до 11,2 ц/га, в крестьянских – с 8,5 до 9,4. Сельское хозяйство по урожайности, конечно, все еще сильно отставало от сельского хозяйства передовых стран (например, в Германии урожайность была 25,12 ц/га, в Бельгии – 26,88)[4], однако урожайность 6–7 ц/га все же является неким рубежом, «порогом сытости», ликвидирующим по крайней мере угрозу голода при неурожае; и действительно, последний голод был в 1891 г.

Если в Центральной России Столыпинская реформа начала решать накопившиеся проблемы и не смогла их вовремя решить лишь потому, что ее слишком поздно начали, то в Казахских степях, и особенно в Семиречье, она, напротив, создавала новые проблемы в виде конфликта переселенцев с местным населением. Но притоком переселенцев проблемы отнюдь не ограничивались.

После присоединения Казахстана и Киргизии к России прекратились губительные межплеменные войны, и население стало устойчиво и быстро расти. Так, в Пржевальском уезде численность киргизского населения за 1870–1916 гг. выросла с 47 тыс. до 192,71 тыс., в Пишпекском (до 1885 – Токмакском) уезде – со 123,23 до 246,47 тыс.[5]

---

[1] *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 224; *Шумейко И.Н.* Романовы. Ошибки великой династии. С. 437.

[2] *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 523.

[3] *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 105.

[4] СССР: статистический справочник. М., 1982. С. 118.

[5] *Сапелкин А.А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века (1900–1917 гг.). Фрунзе, 1977. С. 32.

Однако подобный рост населения при сохранении экстенсивного отгонного скотоводства как основного способа производства неминуемо должен был привести к увеличению поголовья скота, поскольку одной скотоводческой семье для нормального существования необходимо не менее 100, а то и 150–200 одних только овец[1]. Между тем возможности пастбищ Киргизии, территория которой составляет всего около 200 тыс. км^2, не безграничны, при экстенсивном кочевом скотоводстве они могут прокормить примерно 8 млн голов в пересчете на овец; по другим сведениям (данные Переселенческого управления), летние пастбища нынешнего Киргизстана могли в указанные годы прокормить до 25 млн голов, но осенние – только 15, весенние – 10, а зимние – всего 5,8 млн голов овец, так что при отсутствии заготовки кормов (а этот процесс у киргизского населения только начинался) скот к весне сплошь и рядом оставался без корма[2].

Так или иначе, очевидно, что рост населения неминуемо должен был привести к нехватке пастбищ. И действительно, в более населенной Южной Киргизии столкновения из-за пастбищ начались уже в 1887–1897 гг. На севере этого пока не было[3], но уже на рубеже 1870–1880-х гг. российская администрация вынуждена была обязать русских поселенцев (нынешние Нарынская, Иссык-Кульская области) разрешать киргизам использовать сжатые поля под выпас, что не могло способствовать улучшению отношений между поселенцами и коренными жителями: например, бывали случаи, когда крестьяне не вывозили сжатое зерно, а собирали его в скирды, огораживали, что не всегда помогало от потравы скотом[4]. Это были единичные случаи, не нарушавшие в целом отношений симбиоза славянского и местного скотоводческого населения, но некоторые негативные тенденции наметились уже тогда.

В свою очередь, нехватка пастбищ неминуемо должна была привести к снижению обеспеченности каждого отдельного хозяйства скотом. Этот процесс и начался уже в конце XIX – начале XX в. Так, за последнюю треть XIX в. поголовье скота в Пржевальском уезде уменьшилось на 44%, в Пишпекском – на 17,1%, в Верненском – на 80,5%. М.Т. Айтбаев утверждает, что это результат изъятия земель в пользу русских поселенцев[5], и в этом есть доля истины. Если поселенцам отдавали какие-то пастбища местного населения, то в первую очередь расположенные близко к долинам зимние, которых, как мы видели, было меньше всех. Хотя некоторые зимние пастбища, напро-

[1] *Алтмышбаев А.* О некоторых особенностях перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе, 1959. С. 160; *Нураков И.* К вопросу о пастбищно-кочевой (аульной) общине у киргизов конца XIX – начала XX века // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 65–73.

[2] *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX века. Фрунзе, 1962. С. 14–17.

[3] Там же. С. 36–37.

[4] *Айтбаев М.Т.* Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX века. Фрунзе, 1962. С. 43–44.

[5] Там же. С. 16.

тив, находились высоко в горах – туда отгоняли ту часть скота, которая могла пастись на высокогорье, в разных волостях того же Пржевальского уезда, смотря по природным условиям, эта часть составляла от 20% до 60%, остальной скот перегоняли к аилам[1]. Но только ли в этом дело?

Известно, например, что за 1870–1902 гг., т.е. еще до начала Столыпинской реформы и связанных с ней массовых переселений в регион «русскоязычного» населения, количество скота на одно киргизское хозяйство в Пишпекском уезде сократилось с 12,3 до 10,5 условной головы, а в Пржевальском – с 22,4 до 16[2]. Известно также, что основное сокращение количества скота приходится на период после 1890 г. Так, в 1870–1871 гг. в Токмакском (будущем Пишпекском) и Пржевальском уездах на одно хозяйство приходилось в среднем 5,3 лошади, 2,8 головы крупного рогатого скота и 22 овцы[3], а в 1890–1891 гг. – 5,2 лошади, 2,6 головы крупного рогатого скота и 31,7 овцы[4].

При этом в Семиреченской области с 1868 по 1882 г. было основано 29 поселков с населением в 15 тысяч крестьян и 7000 мещан. В дальнейшем, хотя основывались и новые поселки (к 1907 г. имелось 70 поселений со 129 520 чел.), количество самовольных переселенцев также продолжало расти – с 16 тыс. в 1902 г. до 23 тыс. в 1905 и почти 40 тыс. в 1906 гг.[5] Эти данные косвенно подтверждают, что между 1882 и 1902 (точнее, 1906–1907) гг. было некоторое уменьшение притока, так что снижение обеспеченности киргизов скотом в 1890–1902 гг. имело причиной не только (возможно, и не столько) переселенческий процесс, сколько рост самого киргизского населения.

В начале XX в. процесс сокращения поголовья скота у киргизского населения имел место, и середняком (а в некоторых местах – и богачом) считался тот, кто имел 100 овец, 30–50 лошадей и до 10 голов крупного рогатого скота (как мы видели, это был minimum minimorum для нормального существования скотовода), и это притом, что еще и в 1917 г., после изъятия у повстанцев ряда земель в пользу переселенцев, у коренного населения Семиреченской области оставалось 87% земли, а у переселенцев – только 13%[6]. Обеднение скотом мог вызвать и начавшийся переход киргизов на оседлость: лишенные земель в пользу поселенцев киргизы переселялись в горы и снова начинали кочевать[7].

---

[1] Подробнее об этом в: *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность. М., 1998. С. 57–60.

[2] *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические уклады в Киргизии в конце XIX – начале XX века // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе, 1972. С. 5–23.

[3] Ежегодник Туркестанского края за 1870 и 1871 гг. Ташкент, 1872. С. 72.

[4] *Айтбаев М.Т.* Указ. соч. С. 178.

[5] *Nishiyama K.* Russian Colonization in Central Asia: A Case of Semirech'e Oblast' 1867–1922. Osaka, 1998. P. 4, 8–9.

[6] *Усубалиев Т.У.* Ленинизм – великий источник дружбы и братства народов. М., 1972. С. 54.

[7] *Абрамзон С.М. и др.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М., 1958. С. 26.

Трагические события 1916–1934 гг. (восстание 1916 г., гражданская война, коллективизация) привели к резкому сокращению поголовья скота. В 1913 г. на территории нынешнего Киргизстана имелось 4,2 млн голов. По другим данным, поголовье уже тогда приближалось к критическому рубежу в 8 млн, и есть косвенные подтверждения того, что эта вторая цифра ближе к истине. Не все авторы подтверждают сокращение поголовья скота у населения. Есть данные, что, в Пржевальском уезде за 1870–1913 гг. доля безлошадных и однолошадных киргизов снизилась с 27,2% до 3,4%, имеющих от 2 до 8 лошадей – с 53,2% до 44,8%, а доля имеющих 9 и более лошадей выросла с 19,6% до 51,8%. Гораздо хуже, правда, была ситуация на юге нынешнего Киргизстана – там безлошадные и однолошадные киргизские хозяйства составляли в общей сложности более 50%[1].

Некоторые советские авторы говорят о снижении поголовья скота и численности населения в результате восстания «в разы». Например, Б.Б. Байбулатов – о сокращении числа киргизских хозяйств в 2,5 раза в Пишпекском уезде (с 27831 до 11518) и в четыре раза в Пржевальском (с 34509 до 8847). А.А. Сапелкин дает сопоставимые цифры по сокращению в результате восстания численности киргизского населения, а поголовья скота – на 70%, но с учетом явно невероятных цифр потерь киргизского населения («истреблено и вымерло 35% киргизов»)[2]. Это либо просто сильное преувеличение, либо обычная для советской историографии попытка списать на восстание также и жертвы и потери Гражданской войны и коллективизации.

Правда, Б.Д. Джамгерчинов, приводя эти данные, дает ссылку на официальный документ 1916 г. о том, что «скот в Пржевальском уезде (2,32 млн голов) можно весь считать погибшим, а в остальных уездах убыль скота 30%, по предварительным данным»[3]. Однако такие документы, написанные очевидцами по горячим следам, как правило, страдают преувеличением. Но как бы то ни было, уменьшение поголовья скота у казахов и киргизов с 1916 по 1934 гг. в разы (судя по приведенным выше подсчетам – примерно в пять раз) – факт бесспорный.

Вторично острота проблемы была снята в 1990-х гг., после того как к 1990 г. в республике было, как уже сказано, 10,6 млн одних только овец и 18,36 млн голов в пересчете на овец по официальным данным и 13–14 млн одних только овец – по неофициальным (подсчитано автором по материалам полевых работ 1990–1997 гг. на основе анализа отчетов по отдельным хозяйствам, которых за эти годы было обследовано десятки в четырех областях,

---

[1] *Румянцев П.П.* Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Т. VIII. Пг., 1916.

[2] *Байбулатов Б.Б.* Борьба парторганизации Киргизии за проведение коллективизации кочевого населения. Фрунзе, 1965. С. 17; *Сапелкин А.А.* Указ. соч. С. 32.

[3] *Джамгерчинов Б.Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963. С. 141.

и бесед с информантами). Такое явление к началу 1990-х гг. создало угрозу непоправимой экологической катастрофы[1].

Но даже и не рост поголовья скота как таковой является проблемой № 1. Дело в том, что основу евразийского единства народов (лесных и степных) от возникновения евразийской общности (примерно начиная с VIII–VII вв. до н.э.) всегда составлял симбиоз оседлых земледельцев и отгонных скотоводов, занимавших разные хозяйственные ниши и потому способных к взаимовыгодному сосуществованию на одних и тех же территориях. Однако после присоединения Казахстана и Киргизстана к России начался процесс оседания (седентаризации) местного населения.

Первым шагом к оседанию стал рост земледелия как такового. Этот процесс происходил еще до присоединения киргизов к России, но после того он ускорился, а самое главное – начался процесс перехода от земледелия, сочетаемого с отгонным скотоводством, к оседанию. Например, в Пржевальском уезде за 1902–1907 гг. посевная площадь выросла с 35 951 до 65 184 десятин у киргизов[2]. В Пишпекском уезде из 113 065 десятин посевов в 1905 г. 96 670 принадлежали киргизам[3], что, кстати, само по себе говорит о том, что в 1905 г. переселенцев было еще сравнительно немного. А в практически моноэтничном Нарынском уезде (ныне Нарынская область) за один год (1904–1905) продажа сельскохозяйственных орудий выросла в 2,5 раза – с 17 751руб. в 1904 до 42 621руб. в 1905 г.[4] В немецком селе Орловка (ныне Ак-Дёбё Таласской области) киргизы только за 1907 г. купили более 300 плугов[5]. Уже эти цифры и факты говорят о том, что главная проблема была не в притоке переселенцев. По крайней мере, до начала Столыпинской реформы…

В 1899 г. было создано первое киргизское оседлое поселение Таш-Тюбе в 15 км западнее Пишпека (ныне столица Киргизстана Бишкек)[6]. К 1912–1915 гг. имелись уже целые оседлые киргизские волости – например, в Пишпекском уезде их было три с 15 селами 1912 г., в 1915 – уже 10 с 67 селами[7]. Всего к 1916 г. в самом «продвинутом» Пишпекском уезде оседлыми были 15,11% киргизских хозяйств[8].

В Пржевальском уезде на 1915 г. из 152 369 киргизов оседлых было всего 5429[9], у ферганских киргизов доля оседлых была существенно выше,

---

[1] Подр. см.: *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов. С. 160–164.

[2] *Абрамович Г., Баранов В.* История города Пржевальска в Иссык-Кульской области. Рукописные фонды Отд. обществ. наук АН Киргизской ССР. Инв. № 169. С. 20.

[3] Обзор Семиреченской области за 1905 год. Верный, 1905. Ведомость 3.

[4] Туркестанские ведомости. 1905. № 48.

[5] *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910. С. 338–339.

[6] *Шкапский О.А.* Киргизы-крестьяне // Известия РГО. Т. XI. СПб., 1905. С. 768–769.

[7] *Айтмамбетов Д.О.* Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX века. Фрунзе, 1967. С. 57.

[8] *Румянцев П.П.* Указ. соч. Т. VII. Вып. 2. Ч. II. С. 274.

[9] Материалы по районированию Туркестана. Вып.1. Ташкент,1922. С.38–39.

3242 хозяйства из 30 612, в том числе в Андижанском уезде доля оседлых достигала 24,1%[1]. Но кроме того, уже по состоянию на 15 ноября 1910 г. изъявило желание осесть: в Пишпекском уезде – 11 694 хозяйства с 30 843 чел., в Пржевальском – 1199 с 4690 чел., в Нарынском – 2971 с 6140 чел.[2] В Заукинской волости (южное побережье Иссык-Куля) из 993 киргизских хозяйств на 1915 г. было 65 оседлых[3], но уже на 1911 г. были запланированы участки для седентаризации еще 789 «душ» (т.е. с учетом вышеприведенного соотношения, очевидно, порядка 200–300 хозяйств. – *Г. С.*)[4]. 11 августа 1915 г. по этой же волости был составлен список из еще 193 хозяйств, изъявивших желание осесть[5]. Киргизы-крестьяне наделялись землей наравне с русскими поселенцами – по 9,75 десятины на хозяйство[6], однако в 1913 г. на одно киргизское оседлое хозяйство приходилось 3,38 десятины земли в Пишпекском уезде и 1,66 в Пржевальском; для сравнения: на русское хозяйство – соответственно 8,46 и 7,67 десятины, на дунганское – 8,2 и 6,3 десятины[7]. Хотя бывали и местности, где на одно киргизское хозяйство приходилось по 10–15 десятин земли (например, в районе г. Кара-Балта Пишпекского уезда)[8].

При этом если киргизская родовая знать всячески сопротивлялась оседанию киргизов, опасаясь в ходе этого процесса потерять власть над ними, вплоть до физического насилия по отношению к оседающим[9], то со стороны царской администрации отношение к процессу было неоднозначным. С одной стороны, царизм опирался на киргизскую знать, а с другой – оседлым киргизам надо было меньше земли, если не сразу (поначалу, как мы видели, часто бывало наоборот), то в перспективе, с ростом процента оседлых, соответственно, больше земель оставалось русским поселенцам.

Были и случаи «заволокичивания» процесса оседания, когда соответствующие просьбы надолго клались под сукно. С другой стороны, имели место и факты принуждения к переходу на оседлость, сопровождаемые угрозами в противном случае отдать всю землю (очевидно, имелись в виду земледельческие угодья. – *Г. С.*) русским поселенцам[10].

Понятно, что седентаризация казахов и киргизов должна была увеличить нехватку земли, если не сразу (опять-таки ближайшие перспективы были об-

---

[1] Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения. Т. 8. Ташкент, 1916. С. 46.

[2] *Байбулатов Б.Б.* От кочевья к социализму. Фрунзе, 1969. С. 13–14.

[3] *Румянцев П.П.* Указ. соч. Т. VIII. Вып. 1. Пг., 1916. С. 358.

[4] Обзор Семиреченской области за 1911 год. Верный, 1912. С. 4.

[5] *Абрамзон С.М. и др.* Указ. соч. С. 35.

[6] Там же. С. 29.

[7] *Васильев В.А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915. С. 250.

[8] *Пален К.К.* Указ. соч. С. 338–339.

[9] *Айтмамбетов Д.О.* Указ. соч. С. 55; *Байбулатов Б.Б.* От кочевья к социализму. С. 14–15.

[10] *Абрамзон С.М. и др.* Указ. соч. С. 27.

ратными), то с дальнейшим ростом как киргизского населения, так и переселенцев. Имеются в виду земледельческие угодья, конечно, – напомню, что именно отсутствие необходимости их делить и составляло в течение веков основу симбиоза оседлого славянского и тюркского степного населения в рамках евразийского единства. Например, сенатор К.К. Пален свидетельствует на основании своей инспекционной поездки в Туркестан, что переселенческие чиновники «предлагали разрушить в Семиречье свыше 5100 очагов оседлости с населением 30 000 человек для получения 150 000 десятин земли (для русских поселенцев. – *Г. С.*)»[1].

Противоречия на этой почве имели место не только с русскими поселенцами, но и между самими кочевыми и оседлыми киргизами. Например, широко распространился взаимный отбор друг у друга кочевыми и оседлыми киргизами скота за потраву угодий (в том числе и у сородичей), причем скот иногда возвращали после уплаты штрафа, а иногда совсем не возвращали[2].

Помимо всего прочего, седентаризация казахов и киргизов должна была способствовать и успеху Столыпинской реформы в Семиречье. Некоторые авторы отмечают, что царизм, в целом по стране способствовавший успеху реформы, в Семиречье, напротив, чинил ей препятствия[3]. Кроме того, если за земледельцами еще по Положению 1886 г. земли в Туркестане были закреплены на правах собственности, то за кочевниками – лишь на правах пользования, эти земли могли в любой момент отобрать, в первую очередь для передачи русским поселенцам[4]. Это не могло способствовать успеху реформы. Но главное заключалось в позиции самого населения области.

Дело в том, что скотоводство, особенно отгонное, по определению предполагает общинное пользование землей, хотя бы потому, что разделить пастбища по хозяйствам очень трудно, а скотопрогонные трассы, по которым скот перегоняется с одних пастбищ на другие, – просто невозможно. В земледельческих селах процесс шел быстрее; в скотоводческих же зажиточные крестьяне («кулаки», как пишет советский автор) стремились сохранить общину, так как нужны были земли для скота. Например, в Гродекове (ныне Таразская область Южного Казахстана) беднота (напомним, именно бедняки меньше занимались скотоводством и больше земледелием) была за выход из общины, тогда как зажиточное население – за общинное землепользование (из рапорта начальника Аулие-Атинского уезда, ныне Таразской области, Казахстана губернатору Сырдарьинской области от 14 июня 1911 г.)[5]. В Европейской России, как правило, бывало наоборот. Это – русское население, что же говорить

---

[1] *Пален К.К.* Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910. С. 57.

[2] *Абрамзон С.М. и др.* Указ. соч. С. 29; *Айтбаев М.Т.* Указ. соч. С. 51.

[3] *Ильясов С.И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX в. Фрунзе, 1963. С. 144.

[4] *Сапелкин А.А.* Указ. соч. С. 28.

[5] *Ильясов С.И.* Указ. соч. С. 144.

о киргизском? Другие авторы того времени тоже считали аграрную реформу в Семиречье преждевременной ввиду недостаточной седентаризации населения[1].

Стоит ли удивляться ничтожным результатам Столыпинской реформы в казахских и киргизских областях? По России в целом к 1914 г. из общины вышло 20–25% крестьян. Большинство историков считает это провалом реформы, однако 20–25% – это много с учетом предшествующей двухвековой, со времен Петра I, принудительной консервации общины. Кроме того, до 1910 г. реформа проводилась «в подвешенном состоянии» – законом правительственный указ не был. Леволиберальная II Дума отказывалась обсуждать вопрос аграрной реформы, поскольку отклонить законопроект боялась, чтобы не вступать в конфликт с крестьянством (это к вопросу об отношении крестьян к общине как якобы к чему-то «исконно нашему»), а принимать его не хотела, так как это уничтожило бы питательную среду для революции.

Но и проправительственная III Дума обсуждать указ об аграрной реформе не спешила, она вернулась к нему лишь в декабре 1908 г., и лишь 14 июня 1910 г., после того как была поставлена императорская подпись, он наконец стал законом (хотя фактически работал уже три года)[2]. Это неудивительно с учетом преобладания в Думе третьего созыва правых, в первую очередь помещиков, которые, как мы помним, были против реформы. В этих условиях, 20–25% вышедших из общины за семь лет – это много. А вот в Семиречье на 1916 г. насчитывалось всего 74 индивидуальных хозяйства со 182 мужскими душами?[3]

В условиях Киргизии искусственное орошение крайне необходимо. Еще в начале XX в., при неизмеримо худшей технической оснащенности своего сельского хозяйства, чем сейчас, киргизы с возникновением нехватки сенокосов начали их регулярно поливать[4]. Только за 1902–1907 гг. заготовка сена кочевниками Семиреченской области выросла почти вдвое – с 17,1 до 32,8 млн пудов, то есть с 273,6 до 524,8 тыс. тонн[5]. В Пишпекском уезде сено косили 26 419 хозяйств, в других – в разы меньше, даже в южнокиргизских, – 7200 в Ошском, около 6000 в Наманганском[6]. Люцерну сеяли в Пишпекском уезде 12 659 киргизских хозяйств, в других же уездах – неизмеримо меньше, например, в Пржевальском – всего 232, в Аулие-Атинском – 830, в Наманганском – 1618, в Ошском – 1585[7]. Впрочем, даже в Пишпекском уезде на одно

[1] *Ильясов С.И.* Указ. соч. С. 147.

[2] *Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 2009. С. 273.

[3] Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1915 год. Вып. VII. Верный, 1916. С. 114.

[4] *Айтбаев М.Т.* Указ. соч. С. 48.

[5] *Айтмамбетов Д.О.* Указ. соч. С. 25.

[6] *Айтбаев М.Т.* Указ. соч. С. 53.

[7] Там же. С.48–49.

хозяйство приходилось всего 163,7 пуда (2,62 тонны) сена[1], и в целом кормами киргизский скот был обеспечен менее чем на треть от потребностей[2]. Впрочем, был в Семиреченской области «продвинутый» уезд – Копальский (казахский), где сенокошением занималось 80% всех хозяйств, а травосеянием – три четверти всех общин[3].

Седентаризация местного населения, быстрый рост его численности, массовое переселение «русскоязычного» крестьянства уже тогда порождали противоречия, не снимаемые в рамках сохранения традиционного экстенсивного кочевого скотоводства киргизов и казахов, и ставили вопрос о переводе киргизского скотоводства на интенсивные рельсы, что позволило бы значительно увеличить его эффективность и прокармливать на тех же площадях в разы больше голов скота, чем при традиционном экстенсивном скотоводстве.

Если в Центральной России Столыпинская реформа начала все же, пусть и позже, чем надо, решать аграрную проблему, то в Семиречье о модернизации киргизского скотоводства никто и не думал, если что-то и делалось, то стихийно, и проблема аграрного перенаселения по мере роста как местного, так и переселенческого населения с каждым годом нарастала. Неудивительно, что ожесточенность семиреченских «лишних людей» – как туземцев, так и переселенцев – выплеснулась в 1916 г. наружу, приняв такие свирепые формы и нарушив традиционные отношения симбиоза между славянским и тюркским скотоводческим населением.

Религиозный фактор в Семиреченском восстании 1916 г.

Реакция многочисленных народов России на Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений» была самой разнообразной – от пассивной до резко негативной. Факторов, обусловивших специфику хода событий в той или иной области, было много, и среди них не последнее место занимал религиозный. Исследователи о нем нередко упоминали, анализируя причины Туркестанского восстания 1916 г., но специально влияние религиозности на ход событий не исследовали.

Уже в период первичного осмысления событий – в отчетах и донесениях – среди прочего заговорили о конфессионально-этнической конфронтации переселенцев и местных жителей Туркестанского края, о роли хаджа, ишанов и мулл, о воздействии на восставших разнообразной внутренней и внешней религиозно-политической агитации. Все это почти полностью исчезает из ис-

[1] *Румянцев П.П.* Указ. соч. Т. VII. Вып. 2. Ч. II. С. 274.
[2] *Айтбаев М.Т.* Указ. соч. С. 51.
[3] *Румянцев П.П.* Указ. соч. Т. II. СПб., 1913. С. 201, 205.

ториографии советского периода[1] и опять активно обсуждается в настоящее время.

Дж. Джунушалиев в статье о Семиреченском восстании пишет: «Одна из них (причин. – *Е. О.*) была сформулирована царской администрацией. Она считала восстание религиозно-националистическим движением, возникшим в результате происков враждебных России государств, в первую очередь – Турции. Действительно, этнические и религиозные различия между коренным и переселенческим населением накладывали определенный отпечаток на отношения между ними. Нельзя сбрасывать со счета и подрывную пропаганду со стороны Турции. Однако версия официальной России касается не главной, а второстепенной причины»[2].

Сам Дж. Джунушалиев, замечательный ученый, знаток истории и культуры киргизского народа, считает, что восстание произошло вследствие непродуманной колониальной политики, начиналось как «справедливое освободительное движение», но из-за случайности и под воздействием «психологии толпы» переросло в «массовые беспорядки», «массовое кровопролитие», закончилось трагедией для «живших бок о бок представителей всех национальностей»[3]. В целом соглашаясь с этими выводами, уточним, что генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин («версия официальной России») хотя и пишет, что среди восставших велась агитация «на политической подкладке с участием некоторых представителей духовенства»[4], не упоминает среди перечисленных им пяти причин такую, как межрелигиозный конфликт[5].

О том, что посредством внешних сил, подстрекающих к бунту, возбуждались религиозные чувства (как сейчас говорят, разжигалась межрелигиозная и межнациональная рознь), много писали и другие представители официальной власти Туркестанского края: Фольбаум[6], Ерофеев[7], например. Но были и те, кто категорически отвергал значимость внешнего (религиозного и нерелигиозного) воздействия на ход трагических событий 1916 г. Так, заведующий розыскным пунктом жандармский ротмистр В.Ф. Железняков цитирует в своем докладе заметку из газеты «Новое время» (№ 14596 от 23 октября 1916 г.) о том, что «у некоторых агентов, задержанных в Лан-Чжоу и в других местах на пути в восточный Туркестан, были найдены прокламации, подпи-

---

[1] За исключением, может быть, только Ю. Абдрахманова. См.: *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов. Фрунзе, 1991. С. 219.

[2] *Джунушалиев Д.Д.* В эпицентре восстания // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 9. С. 205.

[3] *Джунушалиев Д.Д.* Указ. соч. С. 207.

[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 6. [Электронный ресурс] // События в Семиречье 1916 года по данным российских архивов // URL: http://semirechye.rusarchives.ru – Везде далее ссылки на документы из РГВИА и РГИА (кроме Ф. 796) приводятся по этому источнику.

[5] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 8 об. – 10.

[6] Там же. Д. 4546. Ч. 1. Л. 251 об.; Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2419. Л. 179–179 об.

[7] Там же. Д. 4546. Ч. 1. Л. 59–59 об.

санные турецким султаном и Энвер-пашой с призывом магометан начать священную войну»[1]; он же называет имя пропагандиста панисламистских идей в Семиречье – татарского купца Зайнутдина Тазетдинова, который был взят им под арест за пропаганду в условиях военного времени[2]. Тем не менее Железняков полагал, что роль этой пропаганды и влияния германского полковника Хединга на восстание сильно и намеренно преувеличена[3].

Среди современных исследователей взгляды на роль религии в восстании 1916 г. расходятся так же, как и в прошлом. Выше приводилось мнение Дж. Джунушалиева. Т.В. Котюкова, напротив, убедительно доказывает, что Туркестанское восстание 1916 г. было связано «с крупными изменениями в исламском мире вообще», с обострением «мусульманского вопроса в начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны в России в целом и в Туркестане в частности»[4]. Исследователь из Киргизии Д.С. Маджун приводит многочисленные факты, свидетельствующие о существовании турецкой и китайской пропагандистских кампаний среди мусульман Туркестана, и приходит к выводу, что для Семиречья, и особенно Прииссыккулья, решающим внешним религиозно-политическим фактором стала антиправительственная, антирусская агитация исламизма (исламского государства) китайских подданных-мусульман самых разных национальностей (китайцы, уйгуры (таранчи), дунгане, сарты, калмыки, киргизы)[5].

В историографии вопроса о роли религиозного фактора в Семиреченском восстании 1916 г. прослеживается несколько закономерностей. Во-первых, как в прошлом, так и в настоящем, религиозный фактор в подавляющем числе случаев рассматривается как элемент иностранной агитации и подрывной деятельности враждебных России государств. Одно из исключений – статья С. Исхакова[6], в которой акцент с внешней политики переносится на проблемы межрелигиозного противостояния. Восстание классифицируется им как религиозное. «Мусульманское восстание в Центральной Азии» – название раздела, посвященного семиреченским событиям 1916 г., в котором, хоть и не без тенденциозности, приводятся факты действительно серьезных ошибок в религиозной политике Российской империи в отношении мусульман Туркестана: «Указ (Высочайшее повеление о призыве на тыловые работы. – *Е. О.*) словно намеренно пришелся на время рамазана и, разумеется, был

[1] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А. Л. 490.

[2] Там же. Л. 491.

[3] Там же. Л. 429 об.

[4] *Котюкова Т.В.* «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. № 9. 2010. С. 112.

[5] *Маджун Д.С.* Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 2. С. 197–199.

[6] *Исхаков С.М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers. P. 204–223 // URL: https://core.ac.uk/display/41860970

воспринят мусульманами не просто как третирование религиозных чувств, к чему они в общем привыкли, а намеренным святотатством. …Не дожидаясь окончания священного поста, мусульмане обрушили свой гнев сначала на местных представителей власти, затем на все русское население края»[1].

Вторая особенность историографии вопроса о религиозном факторе в восстании 1916 г. – это акцент только на мусульманской проблематике, ничего не говорится о религиозности русских, главного контрагента восставших. Совершенно не учитывается тот факт, что актуализация тех или иных религиозных идей, проявления любых религиозных чувств верующих зависят от той среды, в которой они обитают, от тех конкретно-исторических вызовов, которые идут от их окружения. В этом вопросе вполне уместно не только расширить предметное поле исследования, но и сместить методологию с политической – в иную плоскость.

И здесь стоит сказать о третьей особенности историографии интересующего нас вопроса – она вся сосредоточена на политике. Мы не обнаружили социокультурных и религиоведческих исследований религиозности участников конфликта. А ведь без серьезного изучения специфического именно для того времени отношения к исламу киргиз-кайсаков, каракиргизов, дунган, татар и других народов нельзя дать ответ на вопрос, как воспринимались этими народами религиозные лозунги и пропаганда, какую роль могли играть в восстании религиозные лидеры, как те или иные мусульмане могли отреагировать на действия и слова правительства и окружающих их представителей другой, христианской, религиозной идентичности.

Например, когда исследователи говорят о религиозности каракиргизов нач. XX века, упоминают об их слабом укоренении в исламе[2], отсутствии духовных лидеров, малом количестве мечетей, отсутствии медресе, несоблюдении всех необходимых заповедей, господстве «кыргызчылыка» над шариатом. То есть повторяются общие фразы о «народном», как бы неактивно действующем, исламе, и из этого делается вывод, что религиозный фактор не может быть заметным не только в повседневной жизни каракиргизов, но и в экстремальных ситуациях. В нашем случае априори предполагается, что, чем «правильнее» ислам у восставших, тем сильнее, фанатичнее должна быть реакция на действия иноверцев. Сила восстания, агрессивность его участников ставятся в прямую зависимость от степени религиозности восставших.

Делить туркестанских мусульман на более и менее фанатизированных начали еще в имперский период, продолжается такая «классификация» и сей-

---

[1] *Исхаков С.М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers. P. 207.

[2] Чаще всего повторяются слова С.М. Абрамзона: «Ислам не успел пустить среди киргизов таких глубоких корней, как, например, среди их соседей – казахов», хотя в его книге – масса фактов, свидетельствующих об активном приобщении каракиргизов к исламу, особенно во второй половине XIX в. и во многом благодаря вхождению их в состав России. См.: *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971. Гл. IV.

час. Для этого есть основания, но очень уж много в связи с этим возникает мифов, мешающих подойти к рассмотрению сути вопроса. Например, Д.Д. Джунушалиев отодвигает религиозный фактор на дальний план следующим образом. Если бы восстание было религиозно-националистическим, – пишет он, – «эпицентр был бы не в Семиречье, а на территории Узбекистана, Таджикистана или Туркмении, где была позиция исламского фундаментализма и соперников России по колониальной политике»[1]. Логика здесь такая: раз фундаментализма у киргизов не было, а именно их реакция была самой негативной и бурной, значит, и религиозным восстание быть не могло.

Для того чтобы изучать религиозную составляющую Семиреченского восстания, нельзя руководствоваться некими общими соображениями об уровне религиозности того или иного народа. Необходимо собрать и проанализировать факты, позволяющие проследить, как религиозность влияла на начало, ход и последствия восстания. Ведь действие религиозного фактора не прекращалось с началом бунта, так функции религии и в социальных, и в политических конфликтах проявляют себя наиболее ярко.

Очертив поле возможных исследований роли религии в Семиреченском восстании 1916 года, мы сосредоточимся на событиях в Пишпекском и Пржевальском уездах, так как у нас есть несколько еще не введенных в научный оборот фактов из документов по восстанию каракиргизов.

К моменту вхождения каракиргизов в состав Российской империи в подавляющем большинстве своем они считали себя мусульманами и также к ним относились русские государственные служащие, казаки и переселенцы. Почти все крупные бай-манапы содержали мечети, мулл и школы-мектебы: манапы Шабдан Джантаев, Б. Чыныбаев, Кадыр-аке занимались строительством новых мечетей и распространением религиозной грамотности. Мечети в Чуйской долине и Прииссыккулье, несомненно, существовали, и не только в городах. Красноречивый в этом отношении факт: согласно сведениям, представленным ЦИК КирАССР в Президиум ВЦИК, с 1918 г. по 1932 г. советской властью было закрыто 199 мечетей, 44 молитвенных помещения и 12 «домов училищ» (очевидно, медресе)[2].

Мечети для киргизов в начале XX века уже являлись хоть и не единственными, но важными общественными центрами, куда они обращались по различным вопросам совершения обрядов, паломничества, в разных спорных случаях. Помимо этого, существовали «неофициальные» духовные центры возле мазаров, где суфийские ишаны или бакши давали советы паломникам. Крупнейшие из них – в г. Оше, в г. Туркестане, посещались очень активно всеми – и бедными, и богатыми. Такие «святые места» способствовали если и не просвещению в вероучительном плане, то консолидации тюркских мусульман. Насыщенная исламскими образами народная поэзия; почитание могил

[1] *Джунушалиев Д.Д.* Указ. соч. С. 205.
[2] ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 7. Д. 172. Л. 40.

каджи – «святых людей», совершивших хадж; клятвы на Коране; культ Идриса и многое другое свидетельствует о том, что ислам (в специфичной для Центральной Азии форме) все-таки вопреки устоявшемуся мнению был глубоко укоренен в сознании и образе жизни не только манапов, но и простых людей.

С конца XIX в. начался активный процесс перехода кочевников к оседлому образу жизни, увеличилось число новометодных школ, в русско-туземных школах и интернатах, где учились дети мусульман, муллы обязательно преподавали Закон Божий, роль мечетей и медресе в общественной жизни стала возрастать. Вхождение киргизов в число народов Российской империи способствовало не только преодолению межплеменных противоречий, но и процессу их сближения с другими мусульманами Туркестана.

Это – общий фон, есть и факты, прямо указывающие на религиозность восставших каракиргизов Семиречья. В фондах Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Киргизии есть несколько фотографий: в медресе перед отъездом в Мекку. 2-й во втором ряду слева – Кемель Шабданов, сын Шабдана Джантаева (фотография начала XX в.)[1]; мечеть Шабдана Джантаева в Чуйской долине (фотография начала XX в.)[2].

На втором фотоснимке – надпись по-киргизски (латиницей) и по-русски «Мечеть Шабданова, где было решено начать восстание». Эти фотографии иллюстрируют уже известные факты, которые приводит К. Усенбаев, говоря о том, что в начале XX в. участилось паломничество из Русского Туркестана в Мекку, доходя до нескольких тысяч человек в год[3]. Г. Нуров пишет: «Некоторые факты биографии руководителей повстанцев – Мокаша Шабданова и Каната Абукина, которые совершили паломничество в Мекку, свидетельствуют о возможной связи их с турецкой агентурой. Русские власти рассматривали хадж как один из каналов распространения в России панисламизма, пантюркизма и русофобии»[4].

Религиозные обряды были важны не только для начала восстания, но и в ходе событий. Заведующий розыскным пунктом В.Ф. Железняков докладывал, что «при осаде Токмака и других сел наблюдалось, что каракиргизы производили нападения, “выезжали на войну”, только днем, приблизительно с 7–8 часов утра до 7–8 часов вечера, а затем удалялись в горы, где обедали, отдыхали и молились, оставляя для наблюдения за селением партию разведчиков. Из моих допросов захваченных киргиз и русских побывавших в плену, видно, что такой способ “войны” киргизы вели согласно постановлениям Шариата и вообще обычаям восточных народов (Иисус Навин, остановивший солнце для продолжения битвы)»[5].

[1] ЦГА КФФД КР. Ед.хр. 0–62679.

[2] Там же. Ед.хр. 2–5293.

[3] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 78–79.

[4] Цит по: *Маджун Д.С.* Указ соч. С. 199.

[5] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А. Л. 426.

О многом могла бы сказать символика восставших, но сведения о ней – крайне скудные. Бляхи, которые носили восставшие сарыбагыши, нигде не описаны. Есть данные о белых знаменах: полотнище белой материи и древко было конфисковано у мятежников Джаильмышевской волости Верненского уезда[1]; с белым знаменем разъезжали бунтовщики по берегам Иссык-Куля. О цвете этого знамени с иронией отозвался архимандрит Иссыккульского монастыря Иринарх Шемановский, подробно описавший все дни киргизского бунта в Пржевальском уезде: «Около 9 утра с острова заметили группу человек в 50 всадников с белым флагом по средине. …вскоре же разъяснилось, что то не кто иные, как свободно разъезжающие киргизы. Почему же у них белый флаг? Я думал и, как в последствии подтвердилось, не ошибся, что киргизы пользуются всякими тряпками для флагов, лишь бы он был. Где им было додуматься, что их мусульманскому флагу как магометову знамени надлежит быть зеленым»[2]. Довольно-таки распространенное среди немусульман заблуждение. Между тем, по мнению В.В. Акунова, «никаких вразумительных данных на этот счет не существует. Известно лишь, что зеленым было боевое знамя не Мухаммеда и не его преемников – первых праведных халифов … – а халифов династии Омейядов (Умайядов)»[3]. Войсковые знамена – «райя» – многих мусульманских племен, в том числе курайшитов, были белыми или имели широкую белую кайму. Личный флаг Посланника Аллаха – «лива» – черный, но в хадисах упоминается и белое знамя, под которым он вступил в Мекку. Белое знамя в мусульманской символике связывается с территорией ислама – «Дар ал-ислам», в отличие от черного знамени, которое символизирует «Дар ал-куфр», территорию неверия. Мусульманское знамя может быть также и красным. Красное мусульманское знамя начала XX в. хранится в Киргизском историческом музее. Здесь уместно вспомнить про это знамя, так как сей предмет культа, принадлежавший каракиргизам, свидетельствует об их религиозности и о том, что они разбирались в своей символике лучше архимандрита.

Поднимая белое знамя, восставшие заявляли, что Семиречье – это земля ислама, что на этой земле нет места иноверцам, что власть здесь должна принадлежать мусульманам. Они терроризировали переселенцев, заявляя о своей силе, запугивали и требовали покорности. Из «Дневника настоятеля монастыря» известны случаи попыток обращения пленных русских в ислам: «В Преображенское прибыл бежавший из киргизского плена мальчик 14 лет Иаков Шушебин. …Киргизы схватили его с матерью и другими 30 людьми 10 августа. В плену со всех поснимали и изрубили кресты, мальчиков, остав-

[1] РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 32.

[2] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 45. Л. 12.

[3] *Акунов В.В.* Было ли «знамя Пророка» зеленым? [Электронный ресурс] // Международная военно-историческая ассоциация // URL: http://www.imha.ru/1144536520-bylo-li-znamya-islama-zelenym.html#.WAPQafmLRCE

шихся живыми, побрили, хотя некоторые из мятежников настаивали на лишении их жизни»[1]. «Забирая русских в плен, они условием сохранения жизни несчастных ставили обязательства принятия ислама. Я знаю много случаев, когда даже женщины и молодые девушки, к которым они относились с особым покровительством вообще, гибли под ударом палачей за то только, что, соглашаясь силой обстоятельств стать женами мятежников, просили разрешить свободу веры»[2].

К числу символических действий относится также уничтожение церквей: мужской миссионерский Свято-Троицкий Иссык-Кульский монастырь был разграблен и осквернен, около 30 церквей и молитвенных домов были сожжены в Пишпекском, Джаркентском и Пржевальском уездах. Священника Иоанна Роика взяли в плен, пытали, обрили и убили. В монастыре были жестоко изувечены монахи и послушники, семь из них убиты.

И. Волков констатирует парадоксальность ситуации: «В коренных областях Туркестанского края (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской), где оседлое мусульманское население было особенно “твердым” в вере, православные (как, впрочем, и все иные христианские) богослужебные учреждения не подвергались нападению даже во время мусульманских бунтов. Только кочевники-киргизы, чья исламская религиозность была весьма поверхностной, в дни восстания 1916 г. сожгли несколько церквей в селениях Пржевальского уезда и разграбили Иссык-Кульский монастырь»[3].

Еще раз процитируем архим. Иринарха, так как в своих размышлениях он близко подходит к возможному ответу на вопрос – как такое могло случиться с киргизами, «поверхностными», «неглубокими» мусульманами. «Почти все старцы (убитые монахи и послушники. – *Е. О.*) не допускали возможности совершения киргизами убийства. Правда, наш монастырь «миссионерский», его прямой задачей было обращение магометан киргиз в христианство. Но монахи и не приступали к этому призванию… Киргизы не имели основания питать к монахам особой ненависти и нерасположения… киргизская многочисленная беднота имела постоянно почти даровой кусок хлеба. За что же проявили мятежники такое озлобление к монахам в лице доверившихся им старцев? О семиреченских киргизах всегда все говорили, как об единственных магометанах без фанатической настроенности. Исходя из этих убеждений, и монастырь основали в свое время и нарекли его «миссионерским». Очевидно… фанатизм был в тайниках киргизской души. …Достаточно было поселиться первым инокам в Иссык-Кульской котловине, чтобы расшевелить в них чувство желания защиты своей веры и т.д. Итак, киргизы, избивая мо-

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 45. Л. 12.

[2] Там же. Л. 51.

[3] *Волков И.В.* Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 2 (28). С. 10.

нахов и русских, уничтожали их не только по побуждениям характера политического… но и в силу религиозной нетерпимости к гяурам»[1].

К этим соображениям следует добавить, что в Семиречье киргизы жили бок о бок в тесных из-за нерешенного земельного вопроса отношениях не только с монахами, но и с русскими крестьянами. В среде последних в начале XX века резко нарастал религиозный индифферентизм и даже атеизм, что крайне отрицательно сказывалось на их нравственном состоянии. Добрососедские отношения с местным населением, которые установились с начала колонизации края, были нарушены новоселами второй волны переселения. Мы подробно исследовали этот вопрос[2], здесь лишь кратко охарактеризуем этот, как его называли, «бродячий элемент». Новоселы относились к своему новому месту жительства как к временному пристанищу, а к местным жителям – не как к соседям, с которыми надо выстраивать долговременные отношения, а как к средству легкого обогащения. Многие современники отмечали негативные последствия скитаний крестьян. М. Андреев-Березовский считал, что нищета во время переездов вызывает у них «потемнение вопроса честности», а «хуже всего, – пишет он, – что, осев здесь, такой переселенец не хочет расстаться со своей наукой, внося в селения воровство, которое в России появлялось как исключение»[3]. Сравнивая крестьян-старожилов и крестьян-новоселов, лепсинский благочинный в 1916 году утверждал, что «первые… к храму усерднее, к старшим почтительнее, в семье тверже. Новоселы много хуже. Многие из них были свидетелями Первой русской революции 1905–1906 годов. У некоторых и совесть, и руки, несомненно, запятнаны участием в экспроприациях и погромах того времени»[4]. Постепенно именно такие крестьяне начали брать перевес в общественной жизни села, что трагическим образом сказалось на ходе и последствиях Семиреченских событий 1916 года. По мысли российской администрации, христианство должно было нести в Туркестан идеи и опыт цивилизованных отношений, этим и занимались усердно многие представители православной интеллигенции края. Но рядовые мусульмане сталкивались чаще всего не с ними, а с резко секуляризирующимися переселенцами, которых они принимали за христиан. Так формировался негативный образ врага-иноверца, который распространялся на всех русских.

Конечно, было много и других вещей, возбуждавших ожесточение восставших. Упомянем о тех, которые напрямую связаны с религией. В докладе Куропаткина читаем: «В Семиречье в июле 1916 г. распространялись нелепые слухи о том, что “русские хотят отобрать самый здоровый элемент мусульман,

---

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 45. Л. 50–50 об.

[2] *Озмитель Е.Е.* История православной культуры Киргизии (середина XIX века – 1917 год). Бишкек, 2011. С. 52–72.

[3] Туркестанские епархиальные ведомости. 1906. № 7. С. 93.

[4] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2767. Л. 62.

послать на театр военных действий на работы впереди русских солдат, где русские и германские войска их перебьют и, таким образом, будет достигнута задуманная русскими цель уничтожения мусульманства"[1]. Об этом же говорят киргизы Верненского уезда в заявлении Куропаткину "Носились по поводу призыва в Степи всевозможные слухи кривотолки. Так, многие со слов русских распространяли в Степи, что туземцы призываются в солдаты и их будут ставить впереди войска – в качестве преграды, что их будут там кормить свининой и что даже многих из них, после войны, оставят в России, обратив в православие"»[2].

Эти слухи могли исходить от германо-турецких агентов-панисламистов, либо «привозиться» из хаджа. Есть аналоги: Т.В. Котюкова в статье «Ошибка власти или закономерность» приводит такой любопытный факт: «После принятия в 1865 г. нового "Устава о воинской повинности" среди мусульман Поволжья стали распространяться "нелепые слухи" о принудительном крещении при призыве на воинскую службу, что вызвало серьезные волнения. Эти слухи были инспирированы агентурой Османской империи в целях срыва воинских призывов, и даже возникла угроза эмиграции поволжских мусульман в Турцию. Это мнение сформировалось на основании донесений местных властей, и ему придавалось серьезное политическое значение»[3].

Участие в восстании «третьих лиц» – косвенное (прокламациями) и прямое (зафиксированы именно для Семиречья упоминания о турецких генералах, руководивших военными действиями в Пржевальском уезде) для киргизов означало некую внешнюю легитимизацию бунта. Такое участие давало восставшим надежду на победу, в том числе – и на благоприятный исход, в прямом смысле этого слова, даже в случае поражения.

Надо учитывать, что турецкая пропаганда заключалась не только в запугивании, но и в обещаниях переселения в Турцию, выступления войск из Афганистана, победы Турции в Первой мировой и создания панисламистского государства. Здесь же – обещание поддержки со стороны восставших китайских мусульман, надежды на эмиграцию в Китай, близкий и понятный именно для киргизов Южного Семиречья. Здесь же – мечты о создании на землях, отколовшихся от двух империй, мусульманского государства. Примеры такой пропаганды приводит Д. Маджун: «Из дознания, произведенного начальником Верненского сыскного отделения от 2 сентября 1916 г., видно, что члены тайного общества "Гэ-лао-хуэ" в числе четырех человек вели пропаганду среди дунган селения Каракунуз, призывая к восстанию против русских властей. Они планировали после изгнания русских властей из пределов

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 59–59 об.

[2] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А. Л. 497.

[3] *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? [Электронный ресурс] // 1916 // URL: http://1916.kg/ru/library/vosstanie-1916-g-v-turkestane-oshibka-vlasti-ili-istoricheskaya-zakonomernost-tatyana

Туркестанского края образовать здесь отдельные ханства под управлением мусульман»[1]. «По свидетельству крестьянина с. Николаевского Гу-Ган-Фу Гушинтая, в Пржевальском уезде один из руководителей общества "Гэ-лао-хуэ" проживает среди киргизов и дунган и уже подготовил почву к восстанию мусульман против русских, приглашал некого Джи-Эр-Шанью выезжать в Токмак для такой же работы там. Южи хай намеревался стать ханом в новом мусульманском государстве. В горах над Пржевальском в начале августа происходят собрания киргизов, на которых выступают агитаторы из Китая»[2].

В докладе и.о. зав. переселенческим делом в Семиреченской области В.А. Гончаревского цитируется донесение Шебалина: «…побывавшие в плену у киргиз по месяцу и больше, слышали от многих киргиз, в том числе от воспитанников Верненской учительской семинарии и питомцев Пржевальского интерната рассказы о том, как представители не только рода Шабдана, но и волостей Тонской, Улахольской и др. были в Турции, где получили деньги, оружие, обещание устроить в Туркестане особое киргизско-сартовское царство. Условием ставилось уничтожение русских»[3].

Чтобы понять, можно ли было относиться серьезно к планам создания мусульманского государства в Семиречье, уместно вспомнить «проект» берлинского ученого исламоведа-тюрколога М. Хартмана, предлагавшего для российско-подданных и китайско-подданных каракиргизов и киргиз-кайсаков создать на границе России и Китая независимое от них государство Киргизстан. По мнению Хартмана, эти народы ненавидели как Россию, так и Китай, и при первом проявлении слабости этих государств они должны были восстать[4].

Идеи создания исламского государства будоражили умы семиреченских мусульман и после 1916 года, объединяя их для восстания против большевиков. В 1920 году информанты Объединенного осведомительного бюро сообщали в Туркестанский ЦИК РСФСР следующее: «По слухам, три тысячи мусульман [Китая] готовы с белогвардейцами выступить против России. Существующая в России панисламистская организация поставила своей конечной целью свержение Советской власти в Туркестане. В настоящее время она ведет усиленную подготовку предполагаемого восстания мусульман. Организация возникла из комитета, созданного для оказания помощи мусульманам, бежавшим в пределы Китая во время карательной экспедиции Муравьева в Семиречье в 1917 году. Во главе Комитета стоят мусульманские купцы из Джаркента, Пржевальска, Верного и др. городов, прежде торговавших с Китаем. Во время разгара Колчаковщины деятельность Комитета приняла характер антисоветского движения, и к Колчаку была послана делегация в составе Юнусова и Боробчука.

---

[1] Цит. по: *Маджун Д.С.* Указ соч. С. 199.

[2] Там же.

[3] РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 764. Л. 63.

[4] См.: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 220.

Делегация привезла от Колчака солидную сумму денег, часть которых пошла на раздачу пособий, большая же часть была утаена… Во главе вновь возникшей с апреля месяца организации стоят видные члены прежнего Комитета, купцы: Усан-Бек Юнусов, Адабек Юсупов, Тюбек Исангулов, Махмуд Джалинов, Абдулла Хакимов и Бекимов. Последний – офицер белогвардеец, киргиз, вырезавший поголовно все русское население поселка Бурхан (у Джаркента) во время боев под Джаркентом в декабре прошлого и январе нынешнего года. …при арестованном (китайскими властями Бекимове. – *Е. О.*) были найдены прокламации, призывающие мусульман к восстанию. Панисламистская организация поддерживает связь с мусульманским населением Туркестана, преимущественно с купцами и баями, главным образом в пограничных уездах – Джаркентском, Пржевальском и других. Имеется также связь с Ташкентом»[1].

Помощь, предлагаемая единоверцами, подогревала энтузиазм восставших, придавала бунту энергию, тот дух, который с материальным и методическим обеспечением[2] побуждал каракиргизов воевать против русских переселенцев Прииссыккулья особенно долго – более двух месяцев, особенно ожесточенно, упорно, последовательно уничтожая все русское население.

Перед восставшими маячила цель – освобождение территории Семиречья и образование своего, мусульманского, государства, и бунт против Высочайшего повеления превращался не только в привычную баранту и грабеж, но и в войну за что-то. В этом – в переформатировании восстания – роль религиозного фактора и панисламистской германо-турецкой и китайской пропаганды была очень большой. Возросшая к началу XX века религиозность киргизов приготовила ту почву, на которую падали семена панисламистских идей, превращая мятеж в действительно мусульманское восстание.

Деятельность «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» как попытка политической дестабилизации ситуации в Российской империи в годы Первой мировой войны

Трагические события 1916 г. в ряде регионов Российской империи необходимо рассматривать в привязке к военно-политическим процессам Первой мировой войны. Поскольку практически все ее главные участники на тот момент владели колониями на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной, а также

[1] РГАСПИ. Ф. 670. Оп 1. Д. 51. Л. 81.

[2] Имеется в виду оружие, отбитое у верненского стрелкового конвоя в Боомском ущелье, наличие китайских боеприпасов, то ли турецкая, то ли китайская «военная» подготовка кара-киргизов, о которой пишет в указанном выше сочинении Д. Маджун, многочисленные упоминания о турецких офицерах, руководивших восстанием в Пржевальском уезде.

в Юго-Восточной Азии, естественно, что отголоски борьбы стран Антанты и Оси не могли не найти своего продолжения в их колониях. Когда мы изучаем причины, ход и последствия последних масштабных протестных настроений в Российской империи, необходимо расширять карту исследования, сдвинув географию далеко за ее пределы.

Ожесточенное противоборство двух враждовавших военных лагерей нашло свое место на мусульманском Востоке, где с обеих сторон предпринимались явные и тайные попытки и прилагались всемерные усилия по политической дестабиллизации ситуации в глубоком тылу врага с целью отвлечь значительные материальные и военные ресурсы от театра военных действий, блокировать рекрутирование и отправку на фронт сотен тысяч мусульман из колоний.

Так, в британской армии в годы войны служили 1,5 млн уроженцев Индии, преимущественно мусульман и сикхов. Сотни тысяч египтян служили в «трудовых корпусах», занятых на оборонительных работах и обслуживании нужд английской армии. Франция получила из колоний 545 тыс. солдат (в большинстве своем – мусульман из Алжира, Туниса, Марокко и др.). Из этих же стран были направлены в метрополию сотни рабочих, заменивших французов в промышленности и сельском хозяйстве[1].

По мнению Р.Г. Ланды, «некоторые конфликты, происходившие в годы войны на территориях, где проживали мусульмане, были как бы унаследованы от довоенного времени и на первый взгляд не имели отношения к борьбе противостоявших друг другу коалиций. Однако они логично “интегрировались” в общемировой конфликт, так как их участники вынуждены были искать себе союзников либо на той, либо на другой стороне»[2].

Можем ли мы к одним из действий по дестабилизации ситуации в внутри Российской империи со стороны Германии и ее союзников отнести протестные настроения среди народов Кавказа, Туркестана и Степного края, начавшиеся сразу после подписания печально известного Высочайшего повеления Николая II от 25 июня 1916 г.?

Тема восстания в Туркестане и Степном крае довольно хорошо описана и раскрыта в исторической литературе. Были опубликованы и продолжают выходить в свет многочисленные документы из различных архивов России, Киргизстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана. Но пока еще остаются не проанализированными и не опубликованными документы, хранящиеся в немецких, турецких, американских, иранских, китайских, афганских и европейских архивах. Не вызывает сомнения, что изучение и введение в научный оборот новых источников дало бы не просто новый толчок для изучения восстаний 1916 г. на территории Российской империи, а позволило бы взглянуть на них в объемном, а не плоскостном измерении.

[1] *Ланда Р.Г.* Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. 2004. № 1. С. 59.
[2] Там же. С. 60.

И, конечно, дало бы ответ на вопрос, интересущий не только специалистов: насколько велико было влияние иностранных правительств на события в мусульманских регионох Российской империи в 1916 г.?

В решении этой задачи могут помочь документы, отложившиеся в фондах Политического архива Министерства иностранных дел Германии в Берлине. Они охватывают период конца XIX – начала XX в., включая Первую мировую войну, события в европейской части России, Русском Туркестане, на Кавказе и сопредельных Персии, Китае и Афганистане. Это дипломатическая переписка, военные донесения, донесения агентуры, выдержки из журналов и газет и пр. Язык документов: немецкий (подавляющее большинство), английский, французский, итальянский.

В документах содержится довольно подробный анализ этнических и религиозных групп, проживавших на территории России, их характеристики и способность к выступлениям против царской власти. Также содержится информация о различных оппозиционных политических партиях, их лидерах в России и пр. Например, в документах есть информация об экспедициях, предпринятых немецкими эмиссарами в Русский Туркестан. О сотрудничестве немецких дипломатов с британцами на Ближнем Востоке, в Индии, Китае и пр. Сохранился блок документов о политической ситуации в Русском Туркестане, о восстании 1916 г., составленный по донесениям агентуры, допросам военнопленных, побывавших в Туркестане, публикациям в российских и европейских средствах массовой информации.

Необходимо отметить, что германская дипломатия планомерно готовила почву для возможного прорыва на Кавказ и в Среднюю Азию. Она активизировала деятельность агентурной сети внутри Российской империи, используя также силы своей союзницы – Турции[1]. МИД и МВД России были этим крайне обеспокоены, поскольку вопрос об умонастроениях мусульманского населения империи накануне и в годы Первой мировой войны стоял очень остро.

Обеспокоенность эта не была случайной или беспочвенной. Еше в 1909 г. в Стамбуле было основано «Научное Бухарское общество», которое явилось органом отдела народного просвещения младотюркского комитета «Единение и прогресс». Через него турки в Бухаре и Кашгарии вербовали учеников для военных и других правительственных османских школ. По донесениям Российского императорского посольства в Стамбуле, в 1910 г. учеников насчитывается до ста человек, «из коих половина бухарцы, а другая половина кашгарцы». Помимо общей программы ученикам внушались «все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма»[2].

В том же 1909 г. в Ташкенте открылось мусульманское просветительское общество «Помощь». Председателем совета общества стал гласный Таш-

[1] *Ряполов В.В.* Германо-турецкая агентура в Средней Азии и Афганистане в начале XX века // Вопросы истории. 2007. № 3. С. 147–152.

[2] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18.

кентской городской думы Саидкирим Саидазимбаев. В «Уставе» организации говорилось, что своей задачей общество считает оказание нравственной и материальной помощи нуждающимся или паломникам, отправляющимся в хадж. Напомним, что путь российских мусульман-паломников к местам поклонения всецело проходил по территории Османской империи. В 1908 г. Саидазимбаев решил помочь единоверцам и оборудовать несколько пунктов остановок на пути паломников в Одессе и Феодосии[1]. Однако, по сведениям Туркестанского районного охранного отделения, под «нуждающимися» часто понимались единоверцы Османской Турции, и собранные средства предназначались им[2].

В начале 1910 г. Министерство иностранных дел России получило сведения о плане Порты по сбору средств на усиление армии и флота. План содержал обращение к российским мусульманам оказать турецкой армии посильную материальную помощь. Это не могло не насторожить российскую сторону. МИД и МВД потребовали в этой связи установить самый тщательный контроль за перемещением по территории России лиц, имеющих турецкое подданство. Главная задача была выяснить, кто из местного населения поддерживает связи или может пойти на контакт с турецкими шпионами.

В августе 1910 г. дипломатический чиновник при генерал-губернаторе в секретном сообщении информировал Туркестанское районное охранное отделение, что, по сведениям МИД, замечается усиленная панисламистская деятельность младотурок в отношении многочисленного мусульманского населения империи. В Россию под видом купцов и паломников посланы опытные турецкие эмиссары для ведения панисламистской пропаганды среди «татар и бухарцев»[3].

На фоне только что завершившейся Итало-турецкой войны на Балканах в 1913 г. в Департаменте полиции полагали, что Османская империя в случае начала новых военных действий с участием третьих стран вполне могла начать агитацию за объединение мусульманских народов Российской империи и их отделение от России с последующим нападением на последнюю[4].

11 ноября 1914 г. турецкий султан, считавшийся номинальным главой мусульман всего мира, объявил «священную войну» Великобритании, Франции и России.

После вступления в войну на стороне Германии Османской империи у российского правительства появились подозрения, что у отечественных мусульман может возникнуть сочувствие к единоверцам. В этом усматривалось

---

[1] *Сибгатуллина А.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. С. 47.

[2] ЦГА РУз. Ф. И-462. Оп. 1. Д. 1116. Л. 68.

[3] Там же. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 155. Л. 4–6.

[4] Там же. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 443. Л. 88.

не только проявление пресловутого панисламизма, но и симптомы дальнейшего развития сепаратизма, что, впрочем, воспринималось как одно и то же.

Мусульманам Российской империи пришлось столкнуться с серьезной дилеммой: поддержать в начавшейся войне Россию, подданными которой они являлись, или Османскую Турцию, глава которой считался их религиозным лидером[1]. Крупный татарский политик и депутат Государственной думы С.Н. Максудов (Максуди) оценивал в этой связи состояние российских мусульман как «серьезный психологический кризис». По его мнению, мобилизация в мусульманских регионах страны проходила планомерно, однако «мусульмане готовы были сражаться против Германии, а не против Султана, их Халифа». Религиозные чувства, а значит, преданность халифу, были сильны в российских мусульманах. Максудов был уверен, что те же чувства преобладают в каждой мусульманской стране[2].

Бывший депутат Государственной думы М. Шахтахтинский наоборот считал, что опасения по поводу российских мусульман беспочвенны: «Россия столько раз воевала с Турцией – и всегда наши мусульмане честно выполняли свой долг по отношению к Родине»[3].

Двойственность положения российских мусульман в условиях начавшейся войны понимали не только мусульмане. Так, историк А. Савин считал, что мусульмане вряд ли пойдут на открытую военную поддержку Османской империи, разве только при наличии серьезных военных успехов последней[4].

В конце 1914 г. в Петрограде был создан «Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям», который проводил акции по мобилизации средств и усилий мусульман России в интересах фронта. С началом Первой мировой войны население Туркестана, бухарское и хивинское правительства оказывали содействие в снабжении воюющей русской армии. В то же самое время в обоих ханствах, особенно в Бухаре, шел активный сбор денежных средств для отправки в Османскую империю, который находил самую деятельную поддержку прежде всего у мусульманского духовенства[5].

В 1914 г. в соответствии с разработанным планом военных действий задача турецких войск заключалась в том, чтобы, ведя наступательную войну против России, войти в соприкосновение с ее мусульманским населением. Наступление турецкой армии должно было быть поддержано организацией в тылу противника восстаний, волнений, диверсионных актов и т.п.[6]

---

[1] *Гилязов И.* Германия и мусульмане России в двух мировых войнах // Ab imperio. 2001. № 4. С. 197.

[2] Там же.

[3] Цит. по: *Сибгатуллина А.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. С. 126.

[4] См.: *Савин А.* Война империй и мир ислама. М., 1915.

[5] Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. М., 2011. С. 215–222.

[6] *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 51.

Имелись сведения, что так называемым «мусульманским комитетом» из Тифлиса рассылались прокламации на турецком языке, направленные против России и призывающие мусульман объединиться и «кровью защитить ислам, дабы не дать христианам восторжествовать и уничтожить мусульманство»[1].

Правящие круги Османской империи признавали, что одной из главных причин медленного распространения протурецких настроений в России является «малая культурность низших слоев мусульманского населения, невежество их духовенства»[2]. Поэтому пропагандистов в Россию было решено пока не направлять, «возложив обязанности по пропаганде панисламистских идей в России на избранных местных мусульман, сочувствующих этим идеям»[3]. Таким образом, ставка в первую очередь делалась на российских мусульман. Они и должны были стать главными агентами влияния.

В годы Первой мировой войны эмигранты из России тюркского происхождения основали в Стамбуле так называемый «Комитет защиты тюркских народов России», или «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России», который сокращенно чаще именовался «русско-мусульманский комитет». Он пользовался поддержкой младотурок, надеявшихся, как мы уже отмечали, аннексировать тюркско-мусульманские районы Российской империи в случае победы. «Комитет» обратился к европейским, в первую очередь австрийским и германским, правительствам с предложением оказать поддержку по формированию частей из военнопленных-мусульман для дальнейшей службы в рядах Османской армии, которые откликнулись на предложение[4].

Среди документов отложившиеся в фондах Политического архива Министерства иностранных дел Германии в Берлине (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes in Berlin) хранится дело № 97 «Russland», посвященное в том числе приезду нескольких членов «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands») зимой 1915–1916 г. в Берлин[5].

«Комитет» стал широко известен турецкой и европейской общественности и влиятельным политическим кругам в Европе прежде всего благодаря публикации в средствах массовой информации воевавших против России стран, а так же Франции и Англии меморандума, который одновременно являлся также и политической программой «Комитета». Меморандум был опуб-

[1] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 413. Л. 252.

[2] Там же. Д. 479. Л. 65.

[3] Там же.

[4] *Хаген М. фон* Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. № 5. С. 48.

[5] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands»).

ликован в конце 1915 г. Он в виде брошюры раздавался при встречах членов «Комитета» с европейскими политиками, учеными и др.

За деятельностью «Комитета» с интересом наблюдали не только в западноевропейских столицах, но и в Петрограде. 8 декабря 1915 г. собственный корреспондент Петроградского телеграфного агентства (ПТА) в Копенгагене сообщал, что 4 представителя «Комитета», в составе Юсуфа Акчуры (Акчурина), Али-бека Гусейнзаде, Мохаммед-Эссада Эселибизаде и Мухаметдина Бейдшау, прибыли в столицу Астро-Венгрии, где были приняты министром-президентом графом К. фон Штюргком и одним из руководителей министра иностранных дел графом Й. Форгачем. «Комитет» передал австрийским дипломатам памятную записку (меморандум?), в которой были изложены требования, состоящие из 4 пунктов: освободить Бухару и Хиву от русского владычества и присоединить к ним Туркестан; обеспечить административно-политическую независимость киргизов; восстановить Казанское и Крымское ханства (последнее под покровительством турецкого султана); признать Волгу и Каспийское море нейтральными[1].

По сведениям русского агента в Вене Вольфа, министр-президент фон Штюргк любезно принял депутацию русских мусульман и заверил ее в том, что с живейшим интересом более подробным образом ознакомится с их памятной запиской (меморандумом)[2].

О депутации тюрко-татарских народов Российской империи и неком меморандуме, распространяемом ими, сообщают и немецкие газеты. Так, в одной из газет были опубликованы статистические данные о 20 млн мусульман, проживающих в России, из которых 7 млн относятся к «северным тюркам», 6 млн к киргизам. Автор статьи приходит к заключению, что «Россия угнетает эти народы и уничтожает их культуру» и «предпосылкой для их спасения было бы воссоздание былого Казанского ханства и нейтрализация регионов между Волгой и Каспийским морем»[3].

В берлинском архиве сохранилась служебная записка, в которой рекомендовалось обратить особое внимание на деятельность этого «Комитета»[4]. Стоит отметить, что не только простые немцы, но высокопоставленные чиновники и политики кайзеровской Германии имели достаточно поверхностные представления о мусульманских народах России. Но они были готовы ее собирать и анализировать.

Текст меморандума это, по сути, историко-этнографическая и экономическая справка о тюрко-татарских народах, населявших огромную территорию Российской империи.

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 59.

[2] Там же.

[3] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands»).

[4] Там же.

Немецкая сторона провела самый тщательный анализ структуры и содержания меморандума. В частности, было отмечено, что документ состоял из «исторического введения», параграфа, посвященного проживавшим под русским господством мусульманских народов, и из конкретных предложений для урегулирования их государственно-правовых отношений. Было отмечено, что изначально текст меморандума был составлен на турецком языке и затем уже переведен на венгерский язык, а с него – на немецкий, с некоторыми неточностями. Но помимо филологических шероховатостей, текст содержал однобокую информацию, которая проистекала из национального и религиозного характера его составителей.

Вот как описывается авторами меморандума в историческом экскурсе взятие Казанского ханства: «…На момент, когда русские сбросили власть Золотой Орды, между магометанами-татарами и русскими не было никакого культурного различия. После взятия Казани, ворот между севером и тюркским миром, русские могли похвастаться, что они одержали победу над культурно превосходящим их противником»[1].

А вот фрагмент посвященный продвижению России в Среднюю Азию: «…Когда русские войска в XIX в. начали завоевание Туркестана, им удалось это сделать при помощи западноевропейской материальной культуры, частью через содействие взаимно враждовавших друг против друга малых туркестанских ханств. И если сравнивать большинство туркестанского населения с большинством русского народа, то бесспорно культурное преобладание туркестанского элемента. И только в XIX в. преодолевшие свое варварство русские нашли в Ташкенте, Самарканде и Бухаре… на весь мир знаменитые культурные памятники, среди которых находившаяся в Самарканде обсерватория, которую основал внук покорителя мира (Улугбек, внук Тамерлана. – *Примеч. авторов*). Ко времени захватничества русских стояли жители Туркестана в смысле ремесленного производства, торговли и земледелия однозначно на гораздо более высокой ступени, чем русский мужик. Некоторые верхние социальные слои русских, те, кто западную культуру более или менее скопировал и повторил, совершенно не пытались, покоренным землям позволить встретиться с научными достижениями. Русское правительство считало своим долгом, насколько это было возможно, все подобные культурные устремления со стороны завоеванных народов зажимать»[2].

И, наконец, о состоянии дел на текущий (Первая мировая война) момент: «…тюркские магометанские народы, находящиеся в русском подчинении и под русской верховной властью, делятся на две части. Одна часть непосредственно подчинена Российской империи, вторая часть… в определенной

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands»).

[2] Там же.

степени пользуется политической и административной самостоятельностью. Находящиеся в непосредственном подчинении России магометанские народы разбились на пять больших групп, за исключением кавказцев: это северные тюрки, крымские тюрки, киргизы, туркмены и туркестанцы. Незасисимыми в Средней Азии остались тюркские народы оберегаемые правителями Бухарского и Хивинского ханств»[1].

Что же касается кавказских тюрков, то членым «Комитета» заявляли, что в интересах этой этнической группы уже функционирует некий другой комитет, представители которого на тот момент также находились в Берлине. Они настаивали на том, что Кавказ составляет отдельный закрытый регион «без примеси русского населения» (переселенческое движение на Кавказе было крайне незначительным и ограничивалось в основном промышленными центрами, такими как Баку. – *Примеч. авторов*) и выступает самостоятельно по защите своих коренных интересов.

К так называемым «северным тюркам» составители меморандума относили происходивших от потомков древних булгар, пришедших с востока монгольских народностей и местных урало-алтайских народов. Северные тюрки проживали в основном в бассейне рек Волга, Кама, Белая и Ока, а также на западной стороне Уральских гор. Их количество в Российской империи достигало 7 млн. Крымские тюрки – потомки древних хазари-куман, включавших в себя множество других мигрировавших тюркских народностей. Значительная часть киргизов (казахи, каракиргизы. – *Примеч. авторов*) проживали на больших просторах между Уральскими горами и Туркестаном. Одна часть осела в высокогорьях Центральной Азии. Это те, кто сохранил свою богатую культуру от внешнего воздействия и в основном остался свободным, «демонстрирует достойную восхищения склонность и способность к современной культуре». Русская управленческая система смогла до настоящего времени оказать лишь незначительное воздействие на их самобытность и систему управления. Их численность достигает не менее 8 млн человек.

Проживающие между Каспием, Амударьей и персидской границей туркмены в конце XIX в. оказали русским стойкое сопротивление и до сих управляются русскими с помощью особых законов. Численность этого свободолюбивого и воинственного народа достигает 1 млн человек. И наконец, туркестанские тюрки состоят из жителей почти полностью покоренного русским владычеством Туркестана. Их численность достигает 2 млн человек.

Наполовину зависимые ханства Бухара и Хива расположены на правом и левом берегах Амударьи. Население ханств Бухара и Хива почти полностью тюркское, хотя есть незначительное число персоязычных таджиков. Численность жителей Бухары превышает 2 млн человек. Хива населена 1 млн

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands»).

человек (ссылка на данные русских статистических источников. – *Примеч. авторов*)[1].

Аналитики в МИД Германии критически отнеслись к пунктам, касавшимся численности российских мусульман. Так, была подвергнута сомнению точность приведенной статистики по некоторым этническим группам. Было отмечено, что «в настоящее время (1916 г. – *Примеч. авторов*) не представляется возможным установить точную численность тюрко-татарского населения России. Поскольку последняя перепись в империи проводилась в 1897 г.»[2]. К тому же, по их мнению, русские чиновники были склонны уменьшать показатели численности инородческого населения. Однозначно предполагалось, что за прошедшее со дня переписи время общая численность населения страны выросла и, в частности, выросло число тюрко-татарского населения. Причиной такого роста, по мнению немецких экспертов, были устойчивые патриархальные традиции, крепкие фамильные связи по сравнению с русскими. При этом они ссылались на данные по демографическому исследованию, проведенному Венгерским этнографическим обществом. Там была озвучена цифра в 23 млн тюркского населения, проживавшего в Российской империи, включая кавказских тюрок[3].

Говоря о ханствах, авторы меморандума подчеркивают, что когда речь идет о сохранении в них статус-кво, то нужно полагать, что передача этих «высококультурных народов» в русскую юрисдикцию является не чем иным, как согласием со стороны европейских государств «на полное уничтожение русскими культурно превосходящих их народов». С целью предотвратить такое «несовместимое с человеческим прогрессом» явление требуется полное освобождение ханств от русского господства и возрождение их полной независимости. Чтобы ханства впредь не смогли подвергнуться нападению России, а, напротив, могли бы оказать сопротивление, в первую очередь нужно, чтобы был освобожден несправедливо захваченный и узурпированный Туркестан, «составляющий привлекательную часть сегодняшней России»[4].

Русские ведут активную колонизацию Туркестана посредством переселенческой политики. Но эта политика, по мнению авторов меморандума, провалилась, столкнувшись с сопротивлением коренного населения, и вопреки всем усилиям Россия не смогла увеличить число русских в крае более чем на 10%.

Опираясь на научную, промышленную и военную поддержку со стороны тех, «кто настроен дружественно по отношению к исламу и тюркскому

---

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands»).

[2] Там же. См.: Докладная на имя секретаря МИД Германии фон Везедонка, составленная Себастьяном Бекком от 13 марта 1916 г.

[3] Там же. См.: Записка «Речь господина Али-бек Гусейнзаде».

[4] Там же.

миру (Türkentums)», а это не кто иные, как европейские государства, Хива, Бухара и Русский Туркестан, «щедро одаренные природными богатствами, плодородными почвами, а также развитым населением», имеют все основания рассчитывать, в самое ближайшее время, на цветущее будущее[1].

Туркмены, которые проявили чудеса храбрости, защищая свою независимость, демонстрируют такие «прогрессивные способности», что в одно время правительство Великобритании задумалось даже о создании «большого туркменского султаната». «Туркмены не прогнулись под русским троном, – читаем мы в меморандуме, – за несколько месяцев до начала мировой войны туркменская знать создала движение за освобождение своего народа от русского владычества. Тюрьма и наказания преследовали их»[2]. По мнению членов «Комитета», туркмены заслуживали полной свободы и независимости от Российской империи. Для защиты и сохранения как туркменских племен, так и Бухарского и Хивинского ханств было бы желательно «присоединить земли туркмен к вышеуказанным ханствам».

Отвлечемся ненадолго от меморандума и рискнем высказать предположение, что скрывается под «движением за освобождение», созданным туркменами, по верисии авторов меморандума. В 1913–1914 гг. в Закаспийской области Туркестанское районное охранное отделение разбирало «Дело о политической благонадежности жителей г. Мерва, подозреваемых в сборе денег среди мусульман в пользу Турции для панисламистских организаций». Одним из главных фигурантов в нем проходил подполковник русской армии в отставке, георгиевский кавалер, туркмен-йомуд православного (по официальной версии) вероисповедания, Николай Николаевич Хан Йомудский. Было у Николая Николаевича и туркменское имя – Кашаш-хан[3].

На допросе в Туркестанском районном охранном отделении 29 октября 1914 г. один из местных коммерсантов М.А. Асцатуров показал, что Хан Йомудский при всяком удобном случае внушал туркменам, что они обмануты русским правительством, которое не держит своих обещаний, данных при присоединении края. Кроме того, по словам свидетеля, хан убеждал туркмен объединиться для защиты своих интересов, «так как в противном случае русские на их мечетях повесят колокола, заберут их земли, заселят их мужиками и туркмен сделают христианами»[4]. Не известно, сколь долго могло продлиться разбирательство, с учетом, что оно возобновлялось на основании доносов минимум дважды, если бы в 1915 г. 47-летний Хан Йомудский не ушел на фронт доблестно воевать в составе 542-й пешей Казанской дружины.

---

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» («Denkschrift des Komitees zum Schutz der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands»).

[2] Там же.

[3] Подробнее см.: *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 303–313.

[4] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1560. Л. 5–5 об.

Но вернемся к меморандуму и предложенной в нем классификации тюркских народов Российской империи. Киргизская земля, так же как и туркменская, управляется с помошью особых законов. Но благодаря близости «русских властных центров» (возможно, речь идет об Оренбурге, Омске и Ташкенте. – *Примеч. авторов*) и при помощи целого ряда административных инструментов управления влияние власти здесь более сильное чем у туркмен. Русское правительство отправляет на киргизские земли крестьян-переселенцев из центральных губерний империи, и предотвращает всеми способами проникновение в степные области «образованных сородичей одной с ними расы и религиозных верований – казанских татар», которые приезжают сюда в качестве имамов, учителей и торговцев. Правительство препятствует распространению среди кочевников книг, газет и печатных изданий, выпущенных в Казани[1].

Главной мечтой киргизов остается свобода, т.е. возможность в рамках своих национальных организаций развивать себя, защищать собственность, не позволять русским отбирать их имущество, и развиваться «в естественном направлении» без русского вмешательства. Все это возможно претворить в жизнь только через политическую и административную независимость. Кроме проживающих на русских территориях туркмен, именно киргизы составляют наиболее мужественный и «склонный к военной организации» народ. В будущем они, безусловно, смогут «сохранять и оберегать» свою автономию при поддержке, «со стороны независимых ханств и их союзников (нет сомнения, что речь идет о государствах, воюющих с Россией. – *Примеч. авторов*)»[2].

Немецкие эксперты классифицировали тюркское население Российской империи на группы, практически аналогичные приведенным выше: северных тюрков, киргиз-казахов, туркестанцев, туркмен, кавказских тюрков и крымских тюрков. К северным тюркам они относили население, проживающее в бассейне рек Волга, Кама и Ока, а также на склонах Уральских гор. Общая численность северных тюрков, по немецким данным, насчитывала 7 млн человек. По этим же данным этническая группа киргиз-казахов к 1916 г. насчитывала не менее 6 млн человек. Туркестанцы, то есть смешанное оседло-земледельческое население Русского Туркестана и частично Бухары и Хивы, составляли на тот момент около 6 млн человек. Туркмены были выделены в отдельную группу с территорией проживания между Каспийским морем, рекой Амударьей и Персидским государством и составляло около 1 млн человек. Тюрки Кавказа, выделенные также в самостоятельную группу, проживали на юго-востоке Кавказских гор и составляли большинство населения Кавказского региона с численностью около 3 млн человек.

[1] РА-АА. См.: Докладная на имя секретаря МИД Германии фон Везедонка, составленная Себастьяном Бекком от 13 марта 1916 г.

[2] Там же.

Последняя группа – крымские татары – насчитывала немногим меньше 500 тыс. человек[1].

Точных записей о рождаемости, заключеных браках, разводах и смертности среди тюрских народов Росийской империи невозможно было установить: у мусульман отсутствовали метрические записи. Несмотря на то, что в последние столетия русские оказывали определенное давление на политическую и экономическую сферы жизни мусульманских народов, им так и не удалось, по мнению немецких экспертов, ассимилировать татарское население, за исключением литовских татар. Немцы также отмечали, что царское правительство запрещало северным и кавказским тюркам приобретать земельные владения на землях туркестанцев, киргизов и туркмен[2]. При этом царское правительство переселяло ежегодно около 10 тыс. человек из числа православных подданных во все части империи и принуждало туземное население отдавать русским колонистам свои земли без всякой денежной компенсации. Однако русские крестьяне были гораздо более отсталыми, чем туркестанские земледельцы. И только небольшому числу русских удавалось обосноваться в Туркестане. На землях же киргиз-казахов русским колонистам удавалось закрепиться лучше, чем среди туркестанцев. При этом, по их мнению, киргиз-казахи еще не осознавали всю опасность своего положения, проистекавшего из массового заселения русскими их земель, в то время как туркестанцы поняли это раньше[3].

К прибывшим в Берлин депутатам «Комитета» МИД кайзеровской Германии приставил в качестве переводчика и сопровождающего лица Себастьяна Бека (Sebastian Beck). Он должен был информировать свое руководство обо всех действия членов делегации, встречах, проведенных переговорах и регулярно составлять отчеты. Основная масса документов в особой папке архива МИД Германии по деятельности «Комитета» и его представителей состоит из составленных Себастьяном Беком отчетов[4].

Так, в одной такой записке от 14 января 1916 г. на имя высокопоставленного сотрудника дипломатической канцелярии фон Визендонка (von Wesendonk), сообщается, что в своем выступлении Ю. Акчура назвал в качестве недругов тюрко-татарских народов «славян и латинян», но никак не британцев[5].

Немецкая сторона со всей серьезностью отнеслась к прибывшей из Османской империи маленькой делегации, выступавшей от имени много-

[1] РА-АА. См.: Приложение к докладной записке Себастьяна Бекка на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка от 13 марта 1916 г. «О численности населения».

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. См.: отчет от 6 января 1915 г. на 5 страницах; записка «К меморандуму Тюрко-татарского комитета» на 3 страницах; записка «К вступительной речи Господина Акчуры» на 3 страницах; записка «Речь господина Али Хуссейн-заде» на 2 страницах; и др.

[5] Там же. См.: записка «К вступительной речи Господина Акчуры» на 3 страницах.

миллионного мусульманского населения империи Российской. Ими весьма критически было воспринято то, что в тексте меморандума и в своих выступлениях делегаты «Комитета» не называли в качестве своих врагов Великобританию, воевавшую против Германии на стороне Антанты. И только позже, находясь уже в Берлине, по настоятельной просьбе профессора востоковедения и тюркологии Хартмана (Hartmann) в число объявленных политических и военных противников были включены и британцы.

Делегация российских мусульман все время своего визита в европейские столицы – Будапешт, Софию, Вену, Берлин – находилась в тесном контакте с представителями дипломатических миссий Османской Турции. Так, в докладной записке от 7 января 1916 г. говорится, что турецкий посол просит немецкую сторону принять представителей туркмен и организовать им встречи с главами различных политических партий под руководством Юсуфа Акчуры. При этом турецкий посол выразил пожелание, чтобы туркменская делегация встретилась с обербюргермайстером[1] Вермутом и рейхсканцлером страны[2].

В одном из своих дальнейших рапортов С. Бек писал, что Ю. Акчура выразил желание опубликовать свои выступления в немецкой печати, например в популярной столичной газете Berliner Tageblatt. В связи с этим Бек просил разрешения на это со стороны руководства МИД Германии. Далее, в его докладной записке говорилось, что в Будапеште был сформирован особый комитет в целях проведения встреч представителей «Комитета» с общественностью. И по их примеру следовало бы и в Берлине организовать подобную комиссию. Для этих целей он предлагал задействовать «Немецкое общество по изучению ислама» и «Немецко-азиатское общество».

Стоит отметить, что еще до Первой мировой войны в своих колониях немцы начали использовать «прокси-правление», т.е. удержание германского влияния с помощью местных религиозных авторитетов. В самой Германии к мусульманам относились с интересом, и в 1912 г. появилось специальное «Немецкое общество по изучению ислама», выпускавшее журнал «Мир ислама». Позже при Колониальном институте Гамбурга появился свой журнал под названием «Ислам». То, что называлось Islampolitik, сложилось во многом под влиянием немецких ученых. Ключевую роль играл Макс фон Оппенгейм, к мнению которого прислушивался кайзер. Саму религию немцы рассматривали не как угрозу, а как возможность и инструмент. Первая попытка использовать мусульман была предпринята в ноябре 1914 г., когда оттоманский шейх Ургуплу Хайри выпустил пять фетв, призвав верующих воевать против Антанты. Это положило начало так называемой «исламомании» в Германии. Немецкие газеты пестрили статьями на религиозные темы,

[1] Обербюргермайстер – глава исполнительной власти или мэр большого города в Германии и некоторых других странах.

[2] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Записка от 7 января 1916 г.

исламоведы собирали аудитории, а на пропаганду были потрачены большие средства[1].

Но вернемся к сообщению Бека. В нем говорилось, что Акчура был намерен выступать в собраниях на французском языке, поскольку не владел немецким. С. Бек писал, что ему представляется крайне важным как можно шире представить деятельность и программу «Комитета» в Германии, поскольку, по его мнению, эти люди представляли влиятельные круги из регионов Российской империи, населенных мусульманами. Предположительной причиной визита в Европу членов «Комитета» он считал желание обратиться за помощью к европейским государствам, поскольку «возможно, что Турция была недостаточно сильна, чтобы помочь своими силами».

Первоначально была достигнута договоренность с Акчурой, что в его выступлениях и публикациях не будет подниматься вопрос об исламском халифате, так же как и не будет затрагиваться тема о Кавказе. Причиной тому было досужее представление о народах Кавказа, как о группах населения, которые не желали никакого чужого вмешательства в свои дела и проблемы. И что они готовы были сами себя представлять и защищать свои интересы. На тот момент такое мнение сложилось в Османской империи, предполагал С. Бек. Излагая позицию Акчуры, он писал, что тот постоянно повторял идею о желании северных тюрков развивать именно свою свободу и культуру. При этом Акчура называл имена ряда лиц, в том числе депутата Государственной думы Садри Максуди (Максудова), как ключевых в борьбе за достижение поставленных политических целей.

По словам Ю. Акчуры, они представляли особую важность как политические фигуры, через которых будет продвигаться западная культура в тюркские регионы империи. А до сего времени «тюрки получают информацию о достижениях Запада и его культуре через вторые руки – через русское посредничество». В качестве подтверждения в записке приводился соответствующий абзац из текста меморандума, где говорилось, что «западная культура с помощью северных тюрков будет побеждать и распространяться во всей Азии, минуя византийско-русскую культуру». Самой Германии в этом процессе отводилась передовая роль[2].

В ходе дальнейшего скурпулезного обсуждения немецкими экспертами отдельных пунктов текста меморандума возникали определенные несогласия и споры, которые, по мнению С. Бека, были вызваны неточностями в переводе на немецкий язык. Помимо отдельно встречаемых неточностей в процессе перевода текста, острые споры возникали и по отдельным принципиальным

---

[1] См.: *David Motadel*. Islam and Nazi Germany's War. London, Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015.

[2] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Записка «К вступительной речи господина Акчуры» на 3 страницах; Меморандум «Комитета в защиту прав мусульманских тюрко-татарских народов России».

пунктам программного требования «Комитета». В частности, немецкая сторона посчитала, что одно из политических требований, о создании суверенного Казанского ханства, не могло быть реализовано на деле. Отдельного внимания к себе потребовал и вопрос о статусе крымских татар. Здесь определяющим была не численность крымско-татарского населения – всего около 500 тыс. человек, а положение самого народа. Как известно, крымские татары в языковом отношении принадлежали к той же группе, что и османские и кавказские тюрки. Известный крымско-татарский деятель Исмаил Гаспринский многие годы вел свою просветительскую деятельность в Российской империи, широко распространявшуюся через издание газеты «Терджиман». И поэтому в своих спорах члены «Комитета» отстаивали право крымских татар на политический суверенитет Крыма. В этом желании немецкая сторона усматривала некую договоренность, достигнутую между османским правительством и той частью населения Стамбула, которая так и не могла смириться с мыслью о потере Крыма для Турции.

В документах также было отмечено, что у различных тюркских народов существуют диалектические различия внутри единого общетюркского языка. Это обстоятельство было важным в контексте создания некоего единого литературного языка для всех тюркских народов.

Профессор Хартман, привлеченный немецким МИД в качестве эксперта в работе с делегатами «Комитета», был давно и хорошо знаком с Юсуфом Акчурой. Он писал, что впервые познакомился с ним 30 марта 1910 г. в Берлине, где тот в качестве своей главной цели назвал стремление открыть в немецкой столице высшее учебное заведение для тюркской молодежи из Российской империи. Хартман сообщал, что в тот момент он разочаровал Акчуру своим заявлением о том, что цель его нереализуема. Причиной были сложные отношения между Санкт-Петербургом и Берлином. И в Берлине посчитали, что организация такого учебного заведения в столице немецкого рейха могла вызвать сильное раздражение со стороны России и рассматриваться даже в качестве вызова. Хартман отметил, что Акчура не доверял османам, исходя из собственного жизненного опыта. Его семья во главе с матерью прибыла в Стамбул. Образование полученное в Стамбуле Акчуру не удовлетворило. И только потом, переехав в Париж, Юсуф Акчура понял, что значит по-настоящему трудиться и учиться. Несмотря на все уговоры Хартмана, Акчура вернулся в Стамбул и открыл там собственную газету под названием «Тюрк юрду» (Türk Jordu), которую он продолжал возглавлять на момент своего визита в Берлин[1].

Касательно отношений с Османской Турцией немецкие эксперты отмечали, что русские мусульмане, приехавшие из Стамбула, явно не хотели затрагивать эту тему. Юсуф Акчура выразил собственный взгляд на языковой

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп.Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. Там же. См.: Записка профессора Хартмана на имя фон Везендонка. 23 марта 1916 г. «Об Акчуре».

вопрос. Он считал, что Османская империя проводила такую языковую политику, которая не была лишена «доли насильственности».

В тексте меморандума упоминания о турецком султанате и халифате можно найти только дважды. По мнению Хартмана, это было сделано из сугубо дипломатических соображений – совершить необходимый реверанс в сторону хозяев страны, в которой работали члены «Комитета». В противном случае определенные круги турецкой общественности могли бы оказать на своих зарубежных гостей некоторое давление.

Делясь информацией об истории создания «Комитета», Акчура, в частности, сообщил, что он был основан в Константинополе (Стамбуле) и имел в своем составе представителей различных тюркских народов России. «Комитет» выдвинул из своих рядов четверых доверенных лиц для представления интересов этих народов в европейских странах, которые были связаны «с Халифом Ислама и Каганом всех тюрков, патроном всех исламских народов и Турции, ведших войну с общим врагом Россией». Делегаты посетили Будапешт, где проживали их «тюркские соплеменники», и Вену, где, по их словам, «проживали друзья по оружию». В этих европейских столицах они были приняты с большой теплотой. И, как отметил Акчура, в Берлине они также нашли дружественный прием.

По его мнению, Российскую империю не следует представлять как единое целое. Финны, поляки, евреи, украинцы прилагают усилия, чтобы доказать, что не все народы империи проявляют лояльность «русским-московитам». И что среди населения империи насчитывалось как минимум 20 млн мусульман из числа тюрков и татар. Они принадлежали одной нации и исповедовали одну религию. При этом на Западе они рассматриваются лишь в этнографическом аспекте, и не более того. Поэтому «Комитет» хотел бы предложить западному миру «правильное представление об этих народах, тем самым надеясь заручиться дружбой и симпатией со стороны гуманного и цивилизованного мира». Это могло одновременно усилить мусульманские народы и ослабить Россию, что отвечало бы интересам союзников «великого османского брата»[1].

Несмотря на все усилия русского правительства по сдерживанию, тюрко-татарские народы демонстрировали большой прогресс в своем развитии. Во второй половине XIX в. среди них развилось и распространилось интеллектуальное движение (джадидизм. – *Примеч. авторов*), зародившееся в исламских медресе, отмечали немецкие ученые. Казань и ее окрестности превратились в образовательный центр для всех северных тюрок.

Анализируя состояние просвещения и культурного развития тюркских мусульманских народов Российской империи, немецкие ученые считали, что значительное духовно-интеллектуальное движение в мусульманской среде

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп.Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Записка «К вступительной речи Господина Акчуры» на 3 страницах.

началось с Курсави. Его последователем и учеником был знаменитый Шигабутдин Марджани.

На Кавказе из среды тюркских народов немецкие востоковеды выделили проживавшего в Тифлисе мирзу Фетхали Ахундова, создававшего первые драматические произведения для театральных постановок на тюркском языке. Но как наиболее выдающегося мусульманского реформатора немцы отмечали крымского татарина Исмаила Гаспринского. Этот человек оказал значительное влияние на интеллектуальную среду мусульман России. Он развил особую методику преподавания на родном языке, которая отличалась легкостью и эффективностью усвоения. Разработанная им методика широко распространилась по империи и получила название «новой системы» обучения. Однако его реформы встретили ожесточенное сопротивление среди консервативных мусульман. Немецкими востоковедами было особо отмечено, что, несмотря на борьбу реформаторов (джадидов. – *Примеч. авторов*) и консерваторов (кадимистов. – *Примеч. авторов*), и в среде консервативно мыслящей части тюрков-мусульман было достигнуто единство мысли о необходимости сохранения и дальнейшего развития в сознании народов собственной национальной, религиозной и социальной идентичности[1].

В документе следовал вывод политического характера: «Часть русских, и в особенности русское правительство, преследует цель уничтожения национальной и религиозной самобытности мусульманских народов со всей энергией. …Эта цель реализуется систематически во всех регионах империи, не только в экономической сфере, но и в культурной. …Так, совсем недавно был принят закон, запрещающий преподавание в школах и медресе всех (светских) предметов, за исключением религиозных, на национальных языках и на арабском (речь идет о правилах для начальных училищ для инородцев от 1 ноября 1907 г., которые разрешали использовать родной язык только как подсобный в обучении. – *Примеч. авторов*)»[2]. Данная политика в системе школьного образования, по мнению немецких аналитиков, представляла опасность для будущего тюрко-татарских народов. При этом отмечалось, что внедрение в жизнь новой образовательной политики царизма пока еще не проводилось в полной мере.

Что же касалось политической позиции, то революция 1905–1907 гг. вовлекла в себя часть мусульманского населения России. Была создана политическая организация «Союз русских мусульман» («Иттифак аль муслимин». – *Примеч. авторов*). Их политическая программа была близка партии конституционных демократов, но, тем не менее, в ней содержался ряд пунктов, отражавших требования и ожидания исключительно мусульман.

---

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп.Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Приложение к докладной записке Себастьяна Бекка на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка от 13 марта 1916 г. «О численности населения».

[2] Там же.

С началом Первой мировой войны некоторые мусульмане осознали, что «эта война могла пойти их народам на пользу», делает вывод С. Бек. И они создали «Комитет», делегаты которого и прибыли в Европу.

В докладной записке говорилось также, что Кавказ, Северная Персия, Центральная Азия и то, что можно назвать «ключом к Центральной Азии» – регион Казани, были населены народами, которые «не были пока еще русифицированы». Вышеуказанные территории представляли большой экономический интерес для Германии. Тщательное изучение татарского вопроса могло бы в конце концов закрепить этот интерес. Товары, которые на тот момент поступали из Средней Азии по цепочке Каспийское море – Баку – Батуми – Черное море на фабрики Москвы и через посредничество русских коммерсантов попадали в Европу, при открытии нового торгового пути Стокгольм – Рига – Казань и создании торгово-экономического моста между народами бассейнов Каспийского и Черного морей и Сибири, с одной стороны, и Германии – с другой, через посредничество казанских татар могли попадать в Европу напрямую, при условии восстановления Казанского ханства. Претворить эту идею в жизнь собирались с использованием «новых цивилизационных методов»[1].

В заключение немецкие аналитики делали вывод, что в недалеком будущем экономическое развитие тюрко-татарских народов России могло вызвать к жизни их духовный и научный рост, что, в свою очередь, вело их к политическому прогрессу. Понимая такие перспективы, русское правительство, «чьей конечной целью является полная ассимиляция нерусских народов», стало оказывать с большей силой систематическое давление и наступление на экономическую, образовательную и политическую стороны жизни мусульманских народов империи. Если политика указанного давления окажется успешной, это приведет к необъятному расширению русских территорий, увеличению русского населения на миллионы и значительному росту экономической и политической власти России в мире[2]. Разве могла кайзеровская Германия это допустить?

В аналитической записке также говорилось, что власти государств Центральной Европы создали с Турцией и скандинавскими монархиями своего рода экономическое соглашение. И промышленные круги выражают интерес в получении безграничного и гарантированного доступа к сырьевым ресурсам Азиатской России. В связи с вышесказанным делегатами «Комитета» была выражена надежда, что народ и правительство Германии не откажутся поддержать их устремления: «Речь идет о принципиальных вещах: о правах малых наций защищать себя. Безусловно, освобождение из-под власти русского абсолютизма нерусских народов империи послужит свободе и правам

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп.Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Приложение к докладной записке Себастьяна Бекка на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка от 13 марта 1916 г. «О численности населения».

[2] Там же.

самих русских. В случае оказания поддержки указанным целям и достижениям победы (в войне) это принесет пользу нашим друзьям и даже нашим сегодняшним врагам, всему человечеству и никому не причинит вреда!»[1]

Члены «Комитета» приветствовали борьбу кайзеровской Германии и ее союзников против Российской империи, за национальную и культурную независимость нерусских народов империи. С немецкой стороны, в свою очередь, были выражены симпатия и понимание тяжелого положения, в котором оказались мусульманские народы России, и им было обещано оказание помощи.

В политическом смысле немецкой стороной было недвусмысленно высказано соображение, что в конечном счете речь на этих переговорах прежде всего шла «об усилении Османской империи». Таким образом, по расчетам Германии, Османская Турция, будучи на тот момент главной силой ислама, могла бы «направлять политическую линию всех мусульман и устойчиво поддерживать их требования, а возможно, провозгласить ранее оккупированные земли нейтральными или даже присоединить их к своим владениям». В тексте докладной записки было сказано буквально следующее: «Мы надеемся, что Ваши усилия не останутся без успеха… и что в Думе Вы получите 40 мест вместо сегодняшних 6 и тем самым сможете развивать Вашу национальную жизнь в Казани, Оренбурге и пр. И камень за камнем разберете завалы на Вашем пути, чтобы без препятствий восстановить религиозные связи с братьями по другую сторону Черного моря»[2].

Хартман, который был лично знаком с Юсуфом Акчурой и консультировал МИД Германии по тюрко-мусульманским вопросам, выступил с речью в защиту позиции «Комитета», отметив, что татары продемонстрировали желание расширять и углублять свой духовный кругозор, осваивать интеллектуальные достижения западной и мировой цивиллизаций. Но на этом пути им недоставало соответствующих методик и навыков, которые до определенного времени оставались им неизвестными. Немецкая сторона выразила свою готовность обучать татар и других представителей тюркских народов недостающим «навыкам и методам». При этом было подчеркнуто, что немцы не хотели бы навязывать другим народам свои взгляды на мироустройство. Они убеждены, что народы Востока могли бы определенную часть своего богатейшего духовного и интеллектуального наследия повернуть в новом направлении, как это сделали когда-то сами немцы в эпоху реформ[3].

В следующей многостраничной докладной записке, составленной С. Беком, были подробно изложены все встречи и выступления, совершенные

---

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп.Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Приложение к докладной записке Себастьяна Бекка на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка от 13 марта 1916 г. «О численности населения».

[2] Там же.

[3] Там же. См.: Докладная записка профессора Хартмана на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка от 23 марта 1916 г.

членами «Комитета в защиту прав мусульманских тюрко-татарских народов России» в период их пребывания в Берлине – с понедельника 3 января по воскресенье 22 января 1916 г.

Коротко или подробно излагались содержание переговоров и речи сторон. Отдельным пунктом были выделены те встречи, которые прошли без присутствия самого Бека. И были также упомянуты встречи, которые не были запланированы в календарном графике. В отдельном параграфе приводилось содержание выступлений делегатов в различных научных и культурно-просветительских обществах, куда они были заранее приглашены. В частности, встреча Юсуфа Акчуры с членами «Турфанского общества», где видным немецким профессором Ле Коком была прочитана содержательная лекция об истории и культурных достижениях уйгурского народа, что, по мнению С. Бека, явилось открытием для Юсуфа Акчуры.

Не обойдены вниманием контакты с деловыми и банковскими кругами Германии и Австро-Венгрии, где обсуждались будущие планы строительства Туранской железной дороги. Эта магистраль должна была начинаться в северных районах Персии, проходить через Русский Туркестан и заканчиваться в одном из городов Китайского Туркестана. Строительство такой транснациональной железнодорожной ветки сулило Германии огромные конкурентные преимущества для продвижения немецких промышленных товаров на Востоке. Речь шла о вытеснении русских товаров, которые характеризовались в докладной записке как «худшие по качеству и дорогие по цене» по сравнению с немецкими. Себастьян Бек написал об этой встрече, что она не увенчалась успехом по вине Юсуфа Акчуры, который вспылил во время переговоров с еврейским банкиром из Будапешта. Тот согласен был инвестировать финансы в строительство при условии, что к нему обратятся турецкое правительство и правительства тех стран, по чьей территории предполагалось протянуть железнодорожную ветвь, включая и русское правительство. Кроме того, австрийский банкир попросил Акчуру пролоббировать его интересы в турецком правительстве для осуществления и других коммерческих проектов, что совершенно возмутило последнего[1].

Помимо встреч с представителями научных и интеллектуальных кругов немецкой столицы члены «Комитета» также встречались с представителями влиятельных политических кругов Германии. В частности, с государственным секретарем Сольфом (S.E. Staatssekretär Dr. Solf), во время которой Акчура попытался узнать мнение немцев о дальнейшем обустройстве народов Российской империи на тот случай, если империя будет побеждена в мировой войне. На что был получен ответ, который поверг Акчуру в шок, – в немецких планах значилось объединение Туркестана с Османской Турцией[2].

---

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См: Докладная записка Себастьяна Бека, приложенная к сопроводительному письму на имя посла Германии в Константинополе за № 195 от 13 марта 1916 г.

[2] Там же.

Отдельным обширным параграфом в донесении С. Бека говорилось о выступлении делегатов «Комитета» в лагере для военнопленных, расположенном в небольшом прусском городке Цоссен (Zoccen). Встреча сопровождалась парадом батальона добровольцев. Сами делегаты были тепло приняты руководством лагеря. В лагере размещались преимущественно российские мусульмане. В докладной записке отмечается, что для них здесь была построена специальная молельняя комната. И в лагере имелся свой имам.

Стоит отметить, что в отношении военнопленных-мусульман из Российской империи Германия реализовывала политику «привилегированного содержания», руководствуясь особыми мотивами. Вместе с мусульманами, подданными Франции и Великобритании, они должны были пройти военную и идеологическую подготовку в специально созданных просветительских лагерях для последующей отправки в турецкую армию в соответствии с призывом султана в ноябре 1914 г. к священной войне против неверных. Хотя внешнеполитическое ведомство Германии уже 17 декабря 1915 г. объявило турецкому посольству о существовании батальона военнопленных-татар, только весной следующего года удалось отправить в османскую Турцию 1100 добровольцев, причем число желающих постоянно снижалось.

Возможно, это стало результатом плохой организации с турецкой стороны. Отправленные в Османскую империю пленные жаловались на недостаточную заботу со стороны турок и выражали желание служить только под началом немецких офицеров. Желающих не воевать, а просто поселиться в Порте и получить от турецкого правительства подъемные деньги, было значительно больше. Кроме того, агитация в мусульманских лагерях была призвана пробудить симпатии в отношении Германии. Пленные объявлялись гостями кайзера, война против немцев и турок приравнивалась к стрельбе в Коран, а Германия позиционировалась как защитник будущего тюркских народов[1].

С марта 1915 г. для военнопленных-мусульман в просветительских лагерях начался выпуск газеты «Джихад», в том числе на татарском языке 3 тыс. и на русском 500 экземпляров. Издание пропагандировало идею самостоятельности народов Востока, гарантом которой выступала кайзеровская Германия[2]. Пленные могли общаться с муллой, посещали специально построенную мечеть, праздновали религиозные праздники[3].

Один из лидеров мусульманского эмигрантского движения, Аяз Исхаки, откровенно писал в 1930-е гг.: «Заграничная группа тюрко-татар, добивающаяся признания Европой прав тюркских народов на самоопределение, работала в контакте с бюро при мусульманской фракции Госдумы, а на Лозаннском

[1] *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 174–175.

[2] Там же. С. 176.

[3] Там же. С. 287–288.

конгрессе, открывшемся в 1916 г. под председательством профессора Стамбульского университета Юсуф Акчура-Бея (из Казани), выступила от имени национального центра тюрко-татар. Она же организовала особые отряды из пленных тюрко-татар в Германии для будущей борьбы с русской властью»[1].

Действительно, согласно отчету С. Бека, Юсуф Акчура выступал перед военнопленными на татарском языке и говорил с большим воодушевлением. Он сообщил, что правительства Германии и Австро-Венгрии пришли к согласию с османским турецким правительством, султан которого ялялся защитником и халифом в том числе всех мусульман Российской империи. «Россия хочет лишить вас родного языка, обычаев и религии, – говорил Акчура, – Турция, поддерживаемая сильными Германией и Австро-Венгрией, хотела бы вам помочь и завоевать суверенитет. Поэтому вашей обязанностью является помогать Турции. Кто желает и имеет мужество, тот должен вступить на путь джихада. А другие, особенно это касается ремесленников, те могут переехать в Турцию. Там вы будете приняты с радостью. Вы получите землю и денежную помощь. Россия держится на последних силах. Наши союзники отобрали у нее много территорий и с божьей помощью она будет полностью сокрушена. И тогда Хива, Бухара и Туркестан будут освобождены. Турки выгнали англичан из Дарданелл, и никто из них туда не вернулся. Таким образом, наши дела повсюду обстоят хорошо. И вы должны исполнить свой долг»[2].

Речь Акчуры неоднократно прерывалась возгласами поддержки со стороны военнопленных. После завершения своего эмоционального выступления он осмотрел добровольческий батальон. Там он также выступил с похожей речью: «Я особенно горд и рад вас приветствовать и видеть здесь. Поскольку вы являетесь необычным полком, и вам это хорошо известно. …Впервые в истории добровольческий полк, состоящий из татар, воюет совместно с османами. И это заслуживает особой благодарности. Вы сражаетесь за свободу ваших соплеменников. Вы сражаетесь за ваш родной язык и вашу религию, что Россия желает уничтожить!»[3]

После завершения своего выступления в лагере в Цоссене члены «Комитета» купили ремесленные изделия, производившиеся военнопленными. Как было написано в докладной, во время совместного завтрака руководства лагеря с делегацией «царила уютная атмосфера». Сразу же после визита в военный лагерь в Цоссене делегаты Комитета встретились с тайным советником Доктором Зиберхом (Herr Geheimer Konsistorialrat Dr. Seeberh), с которым были обсуждены различные религиозные проблемы. Во время этой встречи Акчура рассказал о новых религиозных движениях среди мусульман России. После завершения своего трехнедельного визита в Германию мусульманская

[1] *Исхаки А.* Идель-Урал. Париж, 1933. С. 39.

[2] PA-AA. Ф. R 11071. Оп.Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. Параграфы «Посещение лагеря в Цоссене», «Речь Акчуры». С. 12–14.

[3] Там же. Параграф «Речь перед добровольцами». С. 14–15.

делегация покинула столицу. На перроне столичного вокзала их провожал генеральный консул Турции Омер Лютфи Бей. Помимо подробного описания программы визита, выступлений перед немецкой публикой и встречи с Цоссене с военнопленными мусульманами из России, Себастьяну Беку также было поручено собрать и составить подробное досье на всех делегатов Комитета.

Кто же входил в делегацию «Комитета», гастролировавшую по европейским столицам? Согласно документам РГВИА, в Вену приехали Юсуф Акчурин, Али-бек Гусейнзаде, Мохаммед-Эссад Эселибизаде и Мухаметдин Бейдшау. Документы Политического архива МИД Германии называют Юсуф бея Акчуру, Гуссейн Али бея, Мехмеда Езаде и Мукимэтдина Бейджана[1]. Нетрудно догадаться, что это одни и те же люди, сделав поправку на сложности с которыми сталкивались как российские, так и немецкие чиновники при передаче сложных восточных имен и фамилий.

О биографии Юсуфа Акчуры немецкому МИД было известно следующее: он родился в Симбирске в 1876 г. Его отец был текстильным фабрикантом и принадлежал к старинному роду Акчура. Его мать происходила из казанской городской семьи Юнусовых. Начальное образование он получил на своей малой родине. В Константинополе (Стамбуле) он продолжил свое образование и завершил его в Париже. В 1904 г. Юсуф Акчура вернулся из Парижа в Казань и стал профессором истории в медресе. Одновременно с этим он совместно с некоторыми казанскими юристами стал издавать газету «Казан мухбире». Принял активное участие в либеральном движении, на волне революции 1905–1907 гг. стал одним из основателей «Союза русских мусульман». В разное время был редактором газет «Терджиман», «Вакт», «Казань мухбири», «Ашбар», «Иль» и «Шура». За одну из своих статей в газете «Вакт», где он открыто писал о нарушениях и ограничениях прав нерусских народов империи, был привлечен к суду. После 1907 гг. дальнейшая жизнь в России оказалось для него невозможной. Он переехал в Турцию и обосновался в Стамбуле. Но и после эмиграции он несколько раз посещал Россию. В 1910 г. Акчура впервые посетил Берлин. Начиная с 1907 г. Юсуф Акчура пришел к убеждению, что война между Россией и Германией неизбежна и что реальными союзниками Турции в Европе являлись Германия и Австро-Венгрия. Он регулярно публиковал статьи на страницах различных турецких газет. В основном это были газеты «Иджтихад» и «Сират аль-мустаким». Юсуф Акчура также стоял у истоков первого научного учреждения под названием «Тюрк дарнаги» («Тюркское общество»), которое было создано в Турции с целью изучения всех тюркских народов. Позже он основал газету «Тюрк юрду» («Родина тюрков») и стал ее главным редактором. Газета стала содействовать налаживанию

[1] РА-АА. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. Параграфы «Акчура Оглы Юсуф Бей». С. 16–18; «Характер Акчуры». С. 18–21; «Али-бек Гусейнзаде». С. 21–22; «Характер Али Бея». С. 22–23; «Мехмед Есад». С. 23; «Характер Мехмеда Есада». С. 23–24; «Муким эддин Бейджан». С. 24–25; «Характер Мукимэтдина Бейджана». С. 25–26.

и расширению контактов между различными тюркскими народами и содействовать германо-турецкой дружбе.

Себастьян Бек писал, что Юсуф Акчура являлся бесспорным лидером, при этом сам сильно сомневался в реальном существовании «Комитета». С. Бек описывал Акчуру как крайне высокомерного и амбициозного человека. В нем были отмечены такие персональные качества, как быстрая реакция и расчетливость. Особенностями характера Акчуры были названы вспыльчивость и несдержанность. Стоит заметить, что отношения между Юсуфом Акчурой и Себастьяном Беком не сложились. Немецкий агент отмечал, что Акчура пытался обращаться с ним как с прислугой, что неоднократно вызывало в последнем справедливое возмущение. Глава «Комитета» русских мусульман был больше похож на образованных османских турков, с барскими замашками и желанием самоутверждаться за чужой счет.

Другого члена «Комитета» – Гуссейн Али Бея – С. Бек наделил множеством положительных характеристик. Он родился в 1864 г. в селении Салиан Бакинской губернии. Был внуком Шейха-уль-Ислама шейха Ахмеда Сальяни и вырос в Тифлисе, где посещал мусульманскую школу и классическую гимназию. После окончания факультета естественных наук Санкт-Петербургского университета уехал в Константинополь и поступил на медицинский факультет университета. Он служил добровольцем в рядах Красного Полумесяца на турецко-греческой войне в Тессалии. После войны вернулся на Кавказ. Его возвращение на родину совпало с началом Русско-японской войны и последовавшей за ней революцией в 1905–1907 гг. В это время он с единомышленниками приступил к изданию газеты «Хаят», которая просуществовала два года. После ее закрытия Гуссейн Али Бей открыл другую газету – «Фуюзат». Как и в Баку, в Стамбуле он занимался и научными работами. После «установления в Российской империи настоящей политической реакции и деспотии» он перебрался в Османскую Турцию. И в течение 3–4 лет читал лекции на медицинском факультете университета в Константинополе и работал санитаром.

По описанию С. Бека, Гуссейн Али Бей обладал жизнерадостным, открытым и естественным характером. Довольно хорошо владел немецким языком и свободно владел французским и русским. Был эстетом, преклонялся перед немецкими философами и поэтами. Мог свободно цитировать Гёте и Шиллера. Обладал артистической натурой с большим чувством такта и вкусом, что выгодно отличало того от Акчуры. И благодаря таким качествам все шероховатости в манерах Акчуры сглаживались особенной любезностью и тактом во время их общения с немецкой стороной.

Мехмед Езаде родился в 1897 г. в Бахчисарае, в Крыму. Его отец происходил из знатного рода Челебизаде Бахчисарайских, а мать была из рода Чобуксаде. Свое начальное образование он получил на родине. В Константинополе молодой человек изучал мусульманские право и управление на юридическом факультете университета. После революции в Турции получил назначение

профессора в высшей религиозной школе в Константинополе. Он был довольно замкнутый и неразговорчивый человек. Мог часами сидеть, не проронив ни единого слова. Себастьян Бек назвал его «молчуном». Вместе с тем он отозвался о Мехмеде Езаде, как о человеке благодарном и хорошо мотивированном, в определенные моменты могущим блеснуть здоровым юмором и острословием. В целом он был охарактеризован как «мусульманин, придерживающийся ортодоксального направления с легким налетом религиозного фанатизма». Кроме турецкого Езаде не владел никакими другими языками.

Последний, и самый юный, делегат Мукимэтдин Бейджан был «вторым молчуном» в «Комитете». Он родился в 1889 г. в районе Кермина, недалеко от Бухары. Происходил из знатного рода Сейид Ата. Начальное образование получил в Бухаре. После смерти отца в 1909 г. наставником его стал родной дядя. Юноша сбежал от его опеки, переодевшись в женскую одежду, и без паспорта пересек персидскую границу. Сначала он добрался до Багдада и оттуда дошел до Константинополя с единственным желанием продолжить свое обучение. В Константинополе окончил Школу гражданского (народного) права (Mulkija maktabi). Позже он пригласил из Бухары 15 студентов и помог им поступить в различные школы турецкой столицы. Там он вместе с единомышленниками создал «Туранское общество для развития науки» и с тех пор прилагал все свои усилия для развития Бухары и Туркестана. С. Бек пишет о нем как о симпатичном, хорошо воспитанном человеке, отличавшемся вежливостью, отзывчивостью и благодарностью, к тому же с хорошим чувством юмора. Он свободно владел турецким, чагатайским и персидским языками. Русским владел плохо. Во время поездки по европейским странам он был искренне поражен всем увиденным и выразил желание после окончания войны переехать в Берлин и поступить в университет. Кроме того, он собрался изучать немецкий язык. По мнению немецкого агента, кипучая энергия, бурлившая в Мукимэтдине Бейджане, должна была неизбежно проявиться в его общественной деятельности.

Персональным составом «Комитета» очень заинтересовалась Азиатская часть ГШ Российской империи и попросила Департамент полиции выяснить, кто же эти люди, где родились, чем занимаются и т.д.[1]

Полгода полиция наводила справки и наконец выяснила следующее. Юсуф Хасанович Акчурин, уроженец Симбирска, русский подданный, происходил из древнего татарского рода Ак-Чуре. Его родственники – известные в Симбирской губернии суконные фабриканты. Общее и военное образование Акчурин получил в Стамбуле, куда был отвезен матерью в возрасте 7 лет, после смерти отца, и там же окончил Академию Генерального штаба. Вскоре примкнув к свободомыслящей турецкой молодежи, был арестован турецкими властями и осужден на бессрочное содержание в крепости в Триполи, откуда

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 60.

ему удалось бежать в Париж. В Париже он продолжил учебу и прошел трехгодичный курс политехнической школы, а в 1904 г. прибыл в г. Казань. Здесь он вошел в состав «Всероссийского мусульманского союза» и был избран секретарем центрального правления. Одновременно с этим Юсуф Акчура являлся сторонником присоединения мусульман к конституционно-демократической партии и, состоя членом последней, принял участие в предвыборной агитации в I Думу и даже составил прокламацию под заглавием «Не ходите в Думу», изданную Казанским комитетом партии социалистов-революционеров на татарском языке.

Попутно с революционной деятельностью среди мусульманского населения России Акчурин занимался литературным трудом, сотрудничая в газектах «Казанский вестник», «Вакт», «Тарджиман». Будучи убежденным сторонником турецкого национализма, поддерживал связи с проживавшими в Стамбуле видными деятелями панисламистского движения. После младотурецкой революции Юсуф Акчурин вернулся в Константинополь, где одно время служил в рядах турецкой армии, а затем занял должность профессора в Стамбульском университете и начал издавать иллюстрированный журнал «Тюрк юрды»[1].

Другой фигурант – Али-бек Гусейнзаде – происходит из закавказских татар, был русским подданным, но воспитание также получил за границей. В 1907 г. состоял директором Бакинского мусульманского училища «Саадат», а также издавал двухнедельный иллюстрированный научно-популярный журнал «Фуюзат», прекративший свое существование вследствие недостатка подписчиков. В 1911 г. Гусейнзаде уехал в Константинополь, где был выбран в члены центрального комитета партии «Единение и прогресс» и, будучи враждебно настроен по отношению к русскому правительству, вел непрерывную агитацию за объявление войны России[2].

Мухаммед-Эссед (Махмут-Эсхат) Эселибзаде, турецкий подданный, состоит профессором богословия в «Фатих-медресе» в Стамбуле и, принадлежа к числу убежденных панисламистов, является видным членом партии «Единение и прогресс». Участвовал в издании стамбульского журнала «Себилур-решад» панисламистского направления, а также сотрудничает в журнале «Тюрк юрды». В 1913 г. Эселибзаде был министром кадастров Османской империи и летом того же года посетил Россию в качестве путешественника[3].

И наконец, Мухаметдин Бейтшау, преподавал русский язык на юридическом факультете (Хукук) Стамбульского университета и по совместительству был сотрудником журнала «Тюрк юрды». Происхождение двух последних фигурантов Департаменту полиции установить не удалось[4].

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 75–75 об.

[2] Там же. Л. 75 об. – 76.

[3] Там же. Л. 76.

[4] Там же.

Можно сравнить и найти весьма существенные различия. Из этого следует только одно, что МИД Германии был информирован гораздо лучше Департамента полиции Российской империи.

Подобного рода деятельность подданных и уроженцев Российской империи можно, конечно, квалифицировать как «антиколониальную и национально-освободительную». Но думается, что «компетентные органы» Российской империи квалифицировали ее как «сепаратизм» и «панисламистская протурецкая пропаганда».

И так, подводя итоги наблюдения, Себастьян Бек пришел к выводу: «…целей, которые преследует Комитет, можно достичь только тогда, когда тюркские народы России сами осознают необходимость сбросить собственными усилиями иго русского правления. А до тех пор они вынуждены будут терпеть духовное угнетение. Оказание какого-либо влияния на русское правительство по этому пункту из заграницы не представляется возможным. Таким образом, весь карточный домик, выстроенный Акчурой, развалится»[1].

Причину же своего столь скептического отношения к деятельности «Комитета» Бек объяснил в другом докладе, адресованном на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка и датированном 29 февраля 1916 г.[2]

В нем он писал, что члены «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России», по его мнению, не являются никакими делегатами, а сами представляют собой весь комитет. В качестве аргумента он ссылался на 102-й номер газеты «Тюрк юрду», главным редактором которой был сам Юсуф Акчура. Под рубрикой «Тюркские новости» там была опубликована следующая заметка: «Тюрко-татарский комитет, который некоторое время находится в Европе, в пятницу, 22 января 1916 г., вернулся в Константинополь». Отсюда Бек делал вывод, что вся затея с «Комитетом» была инициирована исключительно Юсуфом Акчурой.

Кроме того, меморандум «Комитета» был вручен делегацией официальным лицам в Вене, где они назвали себя «делегированными лицами от Комитета». К тому же во всех вышедших публикациях газеты «Тюрк юрду» не было названо ни одного имени, а в распечатанных экземплярах меморандума в конце текста стояла единственная надпись: «мы, нижеподписавшиеся тюрки».

Официально о «Комитете» турецкой общественности было заявлено только после того, как эта тема была предварительно прозондирована в официальных кругах стран Оси. Таким образом, считал Бек, «заявление четырех людей о том, что они выступают от имени различных тюркских народов России, является враньем», а вся затея с «Комитетом» была инициирована исключительно Юсуфом Акчурой.

---

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Докладная записка Себастьяна Бека, приложенная к сопроводительному письму на имя посла Германии в Константинополе за № 195 от 13 марта 1916 г. «Заключение». С. 26.

[2] Там же. См.: Докладная записка от 29 февраля 1916 г.

Вышеприведенная докладная записка Себастьяна Бека вместе с экземпляром текста меморандума были переданы на изучение разным инстанциям, включая посла Германии в Стамбуле графа Вольфа Меттерниха (Graf Wolff-Metternich. Konstantinopel)[1].

Однако в среде немецких экспертов существовало отличное от Себастьяна Бека мнение. Оно подробно изложено в докладной записке, написанной профессором Хартманом на имя секретаря МИД Германии фон Везендонка 23 марта 1916 г. Докладная записка сопровождалась письмом от сотрудника МИД Германии Циммермана на имя посла Германии в Стамбуле Вольфа Меттерниха от 29 марта 1916 г.[2]

Хартман писал, что после ознакомления с содержанием докладной записки Себастьяна Бека у него закралось мнение, что эта записка могла бы создать ложное впечатление о «Комитете». Хартман считал нужным дать другую оценку личности Юсуфа Акчуры, так как негативная оценка, составленная Беком, являлась, скорее всего, результатом возникшей между ними антипатии, то есть носила личный характер. Что же касается взглядов Акчуры, то по результатам их неоднократных встреч в 1910 г. в Константинополе он пришел к выводу, что Акчура не особенно доверял турецкой стороне. При этом речь шла об открытии им школы в турецкой столице. Профессор Хартман отозвался о тогдашней стамбульской политической среде, как о «болоте, в котором можно было утонуть». Позже Акчура вместо школы открыл в Стамбуле собственную газету «Тюрк юрду», которую ему все это время удавалось с большими усилиями держать на плаву. В докладной записке была выражена безусловная поддержка как самого профессора Хартмана, так и определенных политических кругов Германии в отношении новоиспеченного «Комитета в защиту прав мусульманских тюрко-татарских народов России».

Стоит отметить, что профессор Хартман пытался убедить ключевые персоны немецких политических кругов в важности существования «Комитета». Хартман писал, что делегаты «Комитета» были уполномочены представлять интересы российских мусульман и что «Комитет» состоял из 6 известных личностей. Он считал, что без их гласного или негласного согласия делегация не могла бы выступать в европейских столицах. И членов данной делегации назначал и выбирал не один Акчура, а центральный комитет организации. Однако подтверждением этому, по мнению Хартмана, почему-то служит пристальное внимание со стороны официальных турецких кругов – посла Турции в Германии господина Хакки Паши (Hakki Pascha), которое не могло быть

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Письмо на имя Его Превосходительства императорского посла господину графу Вольфу Меттерниху в Константинополь. Берлин, 13 марта 1916 г.

[2] Там же. См.: Докладная записка профессора Хартмана господину секретарю фон Везендонку. Берлин, 23 марта 1916 г.; Письмо № 271 Его Превосходительству императорскому послу господину графу Вольфу Меттерниху в Константинополе. Берлин, 29 марта 1916 г.

не согласовано с правительством Турции. Поэтому мнение о деятельности «Комитета» как единоличной инициативе амбициозного Юсуфа Акчуры, высказанное Себастьяном Беком, должно быть исключено, настаивал Хартман.

Он снова напомнил о своих личных контактах с Ю. Акчурой. В ходе многочисленных встреч и бесед, проведенных Хартманом с Акчурой во время его визита в Берлин зимой 1915–1916 гг., у него сложилось мнение, что Акчура не был безусловным сторонником господства османских турков. «Османы желают подкупа», – так примерно заявил Акчура, как бы извиняясь, писал Харман в докладной записке. Акчура не вызывал никаких подозрений относительно своих намерений у высокопоставленных лиц из влиятельных религиозных и политических кругов. Он также не имел противников среди ортодоксальных мусульманских кругов. Профессор Хартман был убежден, что с учетом сложившейся международной обстановки нельзя было отказываться от услуг такого влиятельного человека, как Юсуф Акчура. Его необходимо было рассматривать как важное звено в цепочке влиятельных персон, реально руководивших новоиспеченным комитетом. Эти люди могли бы послужить Германии, и даже, возможно, сами не ведая того. И совсем не важно, на самом ли деле эта четверка мужчин представляла собою делегатов от «Комитета». Так же, как не важно, знали ли те народы, чьи интересы вызвался защищать они, о политической акции, которую от их имени задумал проводить в жизнь Акчура. Если люди хотели представлять собой российских мусульман, требуя при этом поддержки для осуществления хороших дел, то тут не приходилось рассчитывать на получение согласия со стороны значительной по численности группы людей. В действительности Акчура мог действовать только от имени тюрко-татарского населения, проживавшего на тот момент в Константинополе, как он сам и сообщил Хартману. При этом Акчура поддерживал постоянные контакты с руководящими и влиятельными лицами мусульман России, такими как Аяз Исхаков и Муса Бигиев, хотя в годы Первой мировой войны поддерживать такие связи было сложно.

Таким образом, немецкое политическое руководство было заинтересовано в личных политических контактах Акчуры с влиятельными исламскими кругами в Османской Турции и Российской империи. При этом их не заботили вопросы о происхождении самого Комитета как реального политического органа.

Но, несмотря на это, Хартман выразил сомнение в том, что активная деятельность Акчуры в европейских столицах могла бы найти поддержку среди российских мусульман. Речь больше шла об активности, проявленной для достижения своих целей всеми доступными средствами. Хартман выделял волжских татар среди прочих мусульманских народов России за передовые позиции в экономическом и культурном развитии. Он считал, что одной из целей Ю. Акчуры после окончания войны является организация в столицах европейских государств постоянных представителей из татар, которые мог-

ли бы в любое время информировать о текущих событиях среди российских мусульман своих единоверцев в Европе.

Хартман допускал, что даже если Комитет во главе с Ю. Акчурой был не чем иным, как блефом, тем не менее «с такими людьми, как Акчура, нужно считаться; он никак не мог повредить интересам Германии, но мог сослужить ей хорошую службу»[1].

Так получили ли политическую поддержку со стороны Германии и ее ключевых союзников делегаты «Комитета»? Документально подтвержденной информацией об ответной реакции политических и дипломатических кругов Германии на деятельность «Комитета в защиту прав мусульманских тюркотатарских народов России» авторы пока не располагают. Но не вызывает никакого сомнения, что Порта и Германия накануне и в ходе Первой мировой войны были крайне заинтересованы в нагнетании внутриполитической обстановки в России всеми доступными им средствами. Самый эффективный способ – спекуляции на религиозной и национальной нетерпимости в России. Однако массы простых мусульман империи не всегда были в состоянии в полной мере воспринять эти идеологические установки, даже если их транслировали авторитетные лидеры из числа самих же российских мусульман. Лидеры младотурок не были исламскими ортодоксами и использовали религиозную риторику главным образом в пропагандистских целях в основном за пределами Османской империи. Протурецкая агитация находила свою аудиторию в большинстве случаев в среде джадидов. Кадимисты относились к ней в лучшем случае сдержанно, а зачастую даже помогали официальной власти бороться «с крамолой» посредством анонимных доносов.

Остается только строить гипотезы о том, повлиял ли каким-нибудь образом на восстания в обширных Азиатских регионах Российской империи визит делегации «Комитета» в столицы враждебных России европейских держав. Но фактом является то, что за информацией о ходе восстания мусульман в Российской империи в 1916 г. пристально следили в высоких правительственных кабинетах европейских государств.

Туркестан в планах кайзеровской Германии в начале XX в.

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война вынудила вступившие в нее державы использовать весь арсенал имевшихся средств для достижения поставленных целей. Несмотря на то, что основные события происходили в Европе, народы Азии и Африки также оказались частично втянуты в этот мировой конфликт. Туркестанский край, входивший в то время в состав Рос-

[1] PA-AA. Ф. R 11071. Оп. Bd.7–f.Bd.8. Д. Russland № 97. См.: Докладная записка профессора Хартмана господину секретарю фон Везендонку. Берлин, 23 марта 1916 г.

сийской империи и населенный преимущественно мусульманами, стал одним из очагов распространения панисламизма – идеологической доктрины, которая активно использовалась кайзеровской Германией и Османской империей в пропагандистской работе с местным населением Среднего Востока и Центральной Азии. Вместе с тем необходимо понимать, что Туркестан оставался на периферии германского внимания, учитывая исторически сложившиеся там позиции России, да и значительную географическую отдаленность региона от кайзеровской империи.

Тем не менее еще в конце XIX в. германские и турецкие агенты под видом предпринимателей, торговцев, путешественников, миссионеров участили свое появление в Туркестане, повсеместно разжигая панисламистские и антироссийские настроения. Так, например, газета «Новое время» от 8 октября 1898 г. сообщала своим читателям о том, что в Ферганской области появился некий Абду-Джалиль из Стамбула и привез с собой будто бы «волос из бороды пророка Магомеда»[1]. Кроме того, он передал местному ишану (духовный вождь у народов Туркестана. – *В. Р.*) от имени турецкого султана грамоту, халат, золотое кольцо и зеленое знамя, под которым надлежало объявить «газават» (священную войну. – *В. Р.*) против русских. Вскоре цель его поездки была достигнута: мусульмане во главе с ишаном совершили нападение на русский военный лагерь под Андижаном, а сам Абду-Джалиль в это время благополучно, не возбудив никаких подозрений, уехал в Кашгар[2].

Несмотря на подавление этого мятежа русскими властями, разжигание панисламизма среди местного населения активно продолжалось в самом начале XX в. 15 сентября 1900 г. туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской сообщал в письме военному министру А.Н. Куропаткину: «…Средняя Азия, будучи одним из мировых очагов мусульманства, …ныне наэлектризовывается извне [из Стамбула] током панисламизма»[3]. Впоследствии, вплоть до окончания Первой мировой войны, турецкие агенты вместе с германскими коллегами неоднократно и весьма успешно занимались пропагандой панисламистских идей среди мусульманского населения Туркестана. В результате такой активной деятельности ими было организовано там несколько антирусских восстаний.

В архивных материалах за 1908 г. вновь встречаются сведения, доказывающие активное участие союзников Германии – турок – в распространении идей воинствующего ислама среди населения Туркестанского края. Летом 1908 г. местными властями было перехвачено письмо флигель-адъютанта турецкого султана Исмаила Хакки-бея, адресованное в Старый Маргелан господину Абдул Расул-баю Абдуррахман-оглу. Необходимо заметить, что это письмо доставлялось германской почтой. Оно содержало в себе призыв к мусульманскому населению Туркестана восстать против правительства «гя-

[1] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 644. Л. 3.
[2] Там же. Л. 3.
[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2689. Л. 4.

уров» (неверных с точки зрения ортодоксального ислама, христиан. – *В. Р.*) под зеленым знаменем ислама. Самые верные мусульмане, согласно письму, должны были попасть после смерти во имя Аллаха в Рай Вечности («ахрет»). Подобные панисламистские призывы надлежало распространить и среди населения соседних мусульманских стран[1].

В первом десятилетии XX в. германская разведка попыталась использовать для проникновения в Русский Туркестан структуры евангелическо-лютеранской церкви. Следствием таких попыток явилось то, что в 1908 г. Петербургская Генеральная евангелическо-лютеранская консистория обращалась с ходатайством в Министерство внутренних дел о разрешении приезда в Среднюю Азию священников-иностранцев, но без принятия ими российского подданства. Если учесть, что приверженцами евангелическо-лютеранской церкви в Русском Туркестане являлись только этнические немцы, то можно представить себе, кто и зачем мог приехать к ним в качестве священников из-за рубежа. И если департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД поддержал такое ходатайство, то военная администрация Русского Туркестана быстро поняла, что может скрываться за этим внешне «богоугодным» делом. Выражая суммарное мнение областных руководителей, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал министру внутренних дел, что «под личиной пасторов в Среднюю Азию станут проникать германские шпионы, которые с «выгодой» используют право свободного посещения населенных пунктов и военных гарнизонов»[2]. Естественно, что российское правительство отказало руководству евангелическо-лютеранской консистории в его просьбе.

Однако это не обескуражило германские разведслужбы, которые прибегли вскоре к услугам так называемого «Трактатного общества», создававшего в России адвентистские общины из числа «русских» немцев. В 1909 г. в Русский Туркестан прибыл известный проповедник «Трактатного общества» О. Дик, который полулегальными методами создал адвентистские общины в Ташкенте и Самарканде. Общины были немногочисленными и состояли всецело из этнических немцев, с ярко выраженной прогерманской и антироссийской ориентацией. Вполне естественно, что туркестанская полиция проявила повышенный интерес к деятельности этих общин. Поэтому в 1911 г. ташкентская община адвентистов во главе с пресвитером Эбелем, связанным с германскими спецслужбами, была вынуждена перейти полностью на нелегальное положение, а сам Эбель успел скрыться. Самаркандская община находилась под неусыпным наблюдением Туркестанского районного охранного отделения и поэтому не могла оказывать германским разведслужбам ту помощь, на которую они рассчитывали.

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3725. Л. 6.

[2] Цит. по: Die Groβe Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1–40. Berlin: Verl.-Ges. für Politik und Geschichte, 1922–1927. Bd. 14. № 3725. Anm. S. 75.

Факты свидетельствуют о том, что германские спецслужбы проводили активную скрытую работу среди крупной туркестанской общины немцев-меннонитов, причем небезуспешную. Так, среди туркестанских меннонитов работали германские шпионы-супруги Бон и Тильман, а также известная авантюристка Анна Мон. Результатом их деятельности явилось то, что перед началом Первой мировой войны в общине заметно возросли прогерманские настроения, а во время восстания 1916 г. в Туркестане община меннонитов открыто оказала помощь мусульманским повстанцам оружием и провиантом, стараясь ослабить тем самым позиции властей в Средней Азии[1].

В начале XX в. германские разведслужбы создали два центра в Китайском (Восточном) Туркестане – в гг. Кашгаре и Кульдже, поскольку они находились на территории Цинской империи и им легче работалось вне пределов досягаемости российских властей. Но деятельность этих центров была всецело направлена на ослабление позиций царской России в Средней Азии. В Берлине диверсионной работой этих центров руководил опытный германский разведчик, полковник Генерального штаба фон Хафтен. Перед началом Первой мировой войны он направил в Кашгарию опытного разведчика Вернера Отто фон Гентига («прославившегося», кстати, и во время Второй мировой войны. – *В. Р.*). Гентиг собрал в Кашгарии диверсионную группу из уйгуров, узбеков, киргизов и др., членов которой он засылал с «известными» целями на территорию Русского Туркестана[2]. Так, в 1914 г. он направил в Андижан «туземного» шпиона Абдуррахмана-кары, поставив перед ним задачу организовать в городе и его округе диверсионную группу из туркестанских «туземцев», недовольных российскими властями. Абдуррахман-кары не успел развернуть свою деятельность, так как быстро был вычислен сотрудниками Туркестанского районного охранного отделения. Несмотря на это, Гентигу удалось вскоре завербовать известного в Русском Туркестане купца-еврея Потеляхова, который вместе с приставленным к нему немцем-шпионом Л. Бауэром переправлял германским разведывательным службам в Кашгарии золото в значительном количестве[3]. Кроме того, Гентигу удалось также установить «дружеские» связи с предводителем памирских киргизов Джафаркул-ханом, которого он снабжал оружием, надеясь использовать киргизов «Крыши мира» в борьбе против российского присутствия в Туркестане. А в 1915–1916 гг. капитан Вернер Отто фон Гентиг, находясь в составе разведгруппы капитана Оскара фон Нидермайера, помог организовать «канал», по которому германские военнопленные, работавшие на строительстве Термезской железнодорожной ветки, могли бежать на свободу – в Афганистан и Кашгарию.

---

[1] *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец, 1996. С. 83.

[2] *Hentig W.O., von.* Meine Diplomatenfahrt ins verschlossene Land. Wien, 1918. S. 69.

[3] ЦГА РУз. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–6.

После вступления в Первую мировую войну Османской империи (октябрь 1914 г.) на территориях Туркестана и Степного края стали часто встречаться такие воззвания: «Мусульмане! Царствующий над нами халиф ислама – турецкий султан ведет войну с Россией и другими ей союзными государствами. Каждый мусульманин должен сочувствовать этой священной войне Султана и обязан немедленно жертвовать на ее нужды и во благо войны всего мусульманства. А тот, кто не в состоянии жертвовать, тот должен сам встать в ряды сражающихся против неверных… Настало время освобождения от власти гяуров-русских…»[1] Кроме того, активно распространялись слухи о поражениях российских войск, а самые малые успехи германских и, особенно, османских войск безудержно восхвалялись. В годы войны заметно возросла активность турецких и германских агентов в пограничном с Синьцзяном районе, особенно в Кашгаре. Например, исполнявший должность военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексеев в докладной записке генерал-губернатору Туркестанского края А.Н. Куропаткину в начале ноября 1916 г. писал, что среди главных причин недовольства киргизов, приведших к открытому возмущению, надо считать: «…пропаганду, проникавшую из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имеются германские агенты, действующие через дунган и китайцев, в большом числе приезжавших на Каркару и Пржевальск; причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов партии «Геляо», имевших связь с немецкими агентами»[2]. Однако представители контрразведки Семиреченской области в своих секретных рапортах в соответствующие органы МВД Российской империи указывали о том, что многие местные начальники для оправдания своих ошибок и неспособности контролировать ситуацию на местах ссылаются на некие шпионские деятельности иностранных агентств, в частности из Германии и Турции[3].

В годы Первой мировой войны германские агенты активно работали непосредственно среди населения Русского Туркестана, опираясь на тех его религиозных деятелей (мулл, ишанов. – *В. Р.*), которые были особенно недовольны российской властью в регионе. По указанию германских разведслужб эти представители туркестанского мусульманского духовенства вели среди населения широкую антироссийскую пропаганду, распространяли листовки, занимались разъяснительной работой, призывали уклоняться от мобилизации в тыловые части войск. Военный губернатор Ферганской области Александр Иванович Гиппиус сообщал туркестанскому генерал-губернатору, что в пределах подведомственной ему области «развернулась вовсю деятельность мулл и ишанов. Они расхваливают немцев как защитников всех мусульман, утверждая, что Россия проиграет войну. При этом они утверждают, что сло-

---

[1] *Суюнбаев М.Н.* Агенты с правом на убийство. [Электронный ресурс] // URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7072

[2] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 374.

[3] Там же. С. 397.

во «Германия» на таджикском языке означает «бери больше» и что поэтому Германия обязательно победит и освободит мусульман от гнета неверных»[1]. Подобные сведения можно обнаружить и в рапортах других военных губернаторов областей Туркестана, относящихся к 1913–1916 гг.

12 марта 1916 г. исламский деятель и редактор издававшегося в Париже журнала «Мусульманин» Магометбек Хаджетлаше писал в Департамент духовных дел МВД, что Германия значительно активизировала деятельность своей агентуры не только в самом Русском Туркестане, но и в среднеазиатских протекторатах России – в Бухарском и Хивинском ханствах. Он сообщал следующее: «Повсюду, в особенности в Бухаре и Хиве, на афганской границе немецкие агенты свили себе прочное гнездо и умело руководят пропагандой»[2]. Магометбек Хаджетлаше также указывал на то, что «сотни энергичных смелых и опытных германских агентов, обильно снабженных золотом, под видом дервишей и бродяг снуют по Востоку, пропагандируя величие и могущество Германии»[3]. Он призывал российские власти обратить особое внимание на это обстоятельство, поскольку его следствием может стать мощное мусульманское восстание в Туркестане. Можно считать, что журналист оказался прав, так как летом 1916 г. такое восстание в Русском Туркестане действительно вспыхнуло, и оно сильно подорвало как позиции России на фронтах мировой войны (были отозваны войска для подавления восстания. – *В. Р.*), так и внутренние позиции царских властей, оказавшихся на грани катастрофы, грянувшей в эпохальном 1917 году[4]. Перечисляя причины этого восстания, туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в своем докладе военному министру Д.С. Шуваеву указывал на «обращение в сторону Афганистана местного населения как результат агитации немцев, многие побеги туда пленных из наших пределов, укрывательство их туземцами, все это также, по-видимому, успело создать довольно прочную сеть враждебного к нам отношения туземцев. Характерным показателем враждебной нам агитации среди последних служит тот факт, что взбунтовавшиеся туземцы Джизакского уезда, избивая русских, кричали, что они не хотят быть больше русскоподданными, а хотят быть подданными «Германа», в чем им поможет Афганистан»[5].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что во время Первой мировой войны кайзеровская Германия старалась максимально эффективно использовать в своих интересах различные социальные движения в Русском (Западном) Туркестане. В этой связи восстание 1916 г. не стало исключением. Лишь

---

[1] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1084. Л. 27.

[2] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 471. Л. 238.

[3] Там же.

[4] *Суздальцев А.* Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива) / под ред. Ю.Ю. Рустейко и П.М. Войтик. Самара, 1919. С. 91.

[5] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 81–82.

последовавшие события на европейских фронтах в совокупности с противодействием царской администрации края помешали реализации геополитических планов Второго рейха в этом регионе Востока, а вскоре привели поочередно к краху обе империи – и Российскую, и Германскую.

Влияние внешних факторов на территории Батумской области Кутаисской губернии и Сухумского округа в годы Первой мировой войны

Российская империя, несмотря на определенные успехи в экономическом развитии при Николае II, была страной с такой социальной структурой, которая не выдержала испытаний серьезным кризисом, который усугубила Первая мировая война, что в итоге переросло в революции 1917 г. Война до предела обострила целый ряд системных противоречий, не решенных в ходе первой русской революции 1905–1907 гг. Внешнеполитический курс империи, проводимый такими сторонниками сближения с Англией, как А.П. Извольский, а затем С.Д. Сазонов, привел Россию к конфронтации с Германией. На внешнеполитической арене данное обстоятельство сыграло на руку новоявленному союзнику – Великобритании. При этом урегулирование англо-русских противоречий произошло окончательно лишь в 1907 г. Внутри страны дрейф в сторону извечного противника (достаточно вспомнить эпохальное противостояние в Азии – т.н. «Большую игру») не обошелся без поддержки компрадорской буржуазии и финансистов.

Этот процесс совпал с тем обстоятельством, что роль Британии с ее могущественным флотом и самой сильной транспортной инфраструктурой и мобильностью в мировом масштабе могла быть пересмотрена. Германский проект железной дороги Берлин – Константинополь (Византиум) – Багдад и строительство Транссибирской магистрали Россией при их координации и смычке могли создать сухопутный транспортный коридор из Азии в Европу. Подписанное в августе 1911 г. Потсдамское соглашение между Россией и Германией способствовало урегулированию спорных вопросов и взаимовыгодному разделу сфер влияния на Среднем Востоке[1]. Потенциальная альтернатива британским морским перевозкам не могла не натолкнуть британских стратегов на внесение раскола в перспективу подобного альянса. Приходит на ум высказывание А.Е. Едрихина: «Плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом»[2].

В связи с тяготами затянувшейся войны первоначальный патриотический порыв схлынул, а накопившиеся к войне социально-экономические противоречия в стране в целом и противоречия национальных окраин с им-

[1] Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 405–407.
[2] *Вандам (Едрихин) А.Е.* Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 103.

перским центром в частности нашли выход в восстаниях в Азиатской части Российской империи в 1916 г. Формальным поводом для восстания послужило издание 25 июня 1916 г. Высочайшего повеления о привлечении «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующих армий освобожденных от воинской повинности инородцев Империи»[1].

Восстания, происходившие на Кавказе в период Первой мировой войны, и в частности в Западном Закавказье, практически не исследованы по сравнению с событиями в Туркестане. По ним собрана крайне скудная информация, исключение составляют статьи краеведа З. Маргиева[2], юриста-международника А.Х. Абашидзе[3], отечественного историка Д.Г. Мартиросяна[4]. Поэтому нашей целью является исследование и анализ событий в Батумской области Кутаисской губернии и Сухумском округе в 1916 г., которые явились частью восстаний в Азиатской России. Мы рассмотрим события в тылу Кавказского фронта в годы Первой мировой войны, а именно военно-диверсионную активность и проявление коллаборационистских настроений, инспирированных со стороны Турции и Германии. Указанные выше регионы (исторические территории Аджарии и Абхазии) представляют в данном контексте особый интерес, поскольку они находились в самой непосредственной близости к театру военных действий. Кроме того, несмотря на то, что большинство абхазов-мусульман совершили *хиджру*[5] в Турцию после Кавказской войны и последующий период, в Аджарии и Абхазии их осталось значительное количество. Эта категория населения из-за религиозной близости не могла не смотреть с приязнью на Турцию. В силу всего этого плотность событий и их значение весьма превосходят беспорядки в других районах Кавказа.

В целях исследования мы использовали источники Российского государственного исторического архива (РГИА). Сведения о «Высочайшем повелении», а также информацию о турецком и германском следе в событиях 1916 г. мы обнаружили в фондах Государственной думы (Ф. 1278), Департамента государственных земельных имуществ (Ф. 396), Управления по делам о воинской повинности МВД (Ф. 1292), а также Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) Грузии. Ценные сведения по данному вопросу представляют материал Фонда Кавказского военно-народного управления

[1] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1069. Л. 5 об. – 6.

[2] *Маргиев З.* Батум во времена Османской империи. Краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батума и региона во времена Османской империи. М., 2005.

[3] *Абашидзе А.Х.* Аджария: история, дипломатия, международное право. М., 1998.

[4] *Мартиросян Д.* Унижение Джевдет-бея: Ванская операция: миф или реальность? // Родина. 2009. № 5. С. 87–91; *Мартиросян Д.* Трагедия батумских армян: просто «резня» или предвестник армянского геноцида? // Родина. 2010. № 4. С. 68–71.

[5] Хиджра – (дословно в пер. с араб. яз.) исход, переселение. Апелляция к сюжету переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину.

(Ф. 545), Фонда помощника начальника Кутаисского губернского управления в Батумской области, в котором хранятся документы с 1860 по 1917 г. (Ф. 157). Так, в частности, были изучены циркуляры Департамента полиции Особого отдела по полицейской части Канцелярии наместника на Кавказе, переписка начальника Кутаисского жандармского управления и агентурные сведения о панисламистском движении среди мусульманского населения Кавказского края. Мы постарались привести более полные цитаты из неопубликованных архивных источников, при этом часть материалов поместили в сноски, дабы не перегружать основной текст.

В начале XX в. Сухумский округ был выделен из Кутаисской губернии и наделен статусом особого округа, приравненного к губерниям. Обратим внимание, что в рассматриваемый период таких особых округов было всего два (еще один – Закатальский, населенный на тот момент воинственными лезгинами; ныне – территория Азербайджана).

В 1864 г. после окончания Кавказской войны и утраты в связи с этим территорией Абхазии стратегического значения «буферной зоны» для борьбы с горцами центральной властью была предпринята попытка вовлечь Абхазию в общую административную систему управления, для чего номинальная власть местной княжеской династии Шервашидзе (Чачба)[1] была заменена на прямое российское военное управление – был образован Сухумский военный отдел, что стало отправной точкой для массовых волнений (в частности, Лыхненского восстания 1866 г. и восстания 1877 г.) и *махаджирства* – добровольного массового протестного переселения в Османскую империю (приобретшего особенно большие масштабы после Русско-турецкой войны 1877–78 гг.).

В 1883 г. отдел был переименован в Сухумский округ и включен в Кутаисскую губернию, но в начале XX в., как уже было указано, вновь был административно выделен.

Поиск центральной властью оптимальных форм административно-территориального управления территорией Батумской области является отдельным предметом для исследования, однако нужно отметить, что к рассматриваемому нами периоду Батумская область была вновь образована в 1903 г. из Батумского и Артвинского округов.

Территория исторической Аджарии впервые вошла в состав Российской империи только после Русско-турецкой войны 1877–78 гг. (т.е. недавно по отношению к рассматриваемому периоду).

Пребывание в составе Османской империи не могло не наложить отпечаток на религиозную идентичность части населения региона. «В то время как другие мусульманские народности Российской империи лишь понаслыш-

[1] В переписке князя Шервашидзе с главнокомандующим Кавказской армией имеется приказ последнего о высылке князей Шервашидзе за пределы Абхазии // ЦГИА Гр. Ф. 545. Оп. 1. Д. 75.

ке знают о Турции, здешние туземцы, будучи в действительности грузинами, называют себя турками. В этом отношении, т.е. в отношении отречения грузинского языка от своей национальности, исключительную роль сыграла мусульманская религия, которая когда-то православных грузин обратила в турок и фанатиков ислама. Таким образом, панисламизм и пантюркизм для населения Батумской области не есть какое-либо наносное явление, которое нуждается в поддержке и развитии, то и другое здесь вполне естественны и входят в миросозерцание местного населения», – свидетельствует источник[1]. Несмотря на то, что у аджарцев этнолингвистические связи превалируют над конфессиональными, и поэтому в целом они ощущали свое единство с другими картвелоязычными субэтническими группами и в большинстве своем сохранили язык (грузинский)[2], в среде политических элит региона ориентация на Турцию была весьма ощутима. Характерным является мнение русского офицера, служившего в Батумской области: «Взять штаб-офицера для поручений при батумском губернаторе, исполняющего обязанности начальника Верхне-Аджарского участка, подполковника Джамаль бека Аджарского. Он хотя и прикидывается патриотом России, но, в сущности, самый настоящий патриот турок, имеющий к тому же много родственников в правящих сферах Константинополя. Если бы у России началась война с Турцией, то он при малейшем перевесе счастья в сторону последней… открыто перешел бы на сторону наших врагов и (в первом варианте документа «повел бы за собой». – *Примеч. авт.*) всю Верхнюю Аджарию»[3]. Из изложенного видно, что рассматриваемые регионы к началу Первой мировой войны оставались предметом беспокойства со стороны центральной власти.

Русская администрация в регионе осознавала, что туркофильство в регионе зиждется на культурном наследии османов, которое прививалось детям в школе. Выражалось мнение о плавном и постепенном привитии начал русской культуры, сохраняя по возможности традиции ислама: «В настоящее время в Батумской области очень ограниченное число министерских школ, а со временем, когда это число увеличится, я уверен, что население пожелает, чтобы преподавание шло исключительно на государственном языке. Да и теперь они ничего не имеют против русского языка, а если в школах идет преподавание Корана, то это для того, чтобы не раздражать безграмотных мулл, которые пользуются громадным влиянием на жителей Батумской области»[4].

[1] ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д. 211. Л. 143.

[2] Влияние турецкого языка, тем не менее, было очень заметным: «В Аджарии употребительным языком для женщин и детей считается грузинский язык, а для взрослых турецкий язык. Все дети, поступающие в наши школы, говорят по-турецки. Затем немало в Аджарии таких сел (это факт), где совсем не говорят по-грузински, а говорят на турецком языке» // ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д. 211. Л. 1 об.

[3] Там же. Л. 144 об.

[4] Там же. Л. 2.

Хотя справедливости ради стоит отметить, что отдельные чины были сторонниками более скорого преодоления культурных различий и предлагали для решения проблемы, пожалуй, чересчур директивные методы: «Желательно было бы уничтожить преподавание турецкого языка в школах, где учатся дети грузинской национальности, так как этим путем искусственно насаждается тот самый пантюркизм, с которым предстоит бороться»[1].

Следует отметить, что в Туркестане внешний фактор (вмешательство со стороны самых разных иностранных агентур, включая японскую[2], но особенно турецкую[3] и германскую[4]) по масштабам и влиянию на восстание был несоизмеримо ниже, чем на Кавказе. О подобной деятельности в Туркестане также сохранилось немало сведений (к примеру, мемуары Адиля Хикмета[5], упоминания в архивных источниках о турецких и немецких шпионах, которые, однако, чаще всего не были пойманы с поличным[6]), впрочем, их активность на Кавказе была слишком очевидна и заметна. Данное обстоятельство не следует демонизировать (стоит понимать историческое противостояние с Россией в данном регионе, помноженное на реалии военного времени), но и преуменьшать его значило бы идти против исторической объективности.

Общим итогом всей этой активности было то, что главными бенефициарами войны стали великие державы в лице Великобритании, Франции и США, а империи рухнули, что обернулось трагедией для народов России, Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Народы и национальные окраины России были наделены разными правами и обязанностями. Например, в качестве льготы для «инородцев» на них не распространялась воинская повинность. В «Уставе о воинской повинности» (1912 г.) оговаривалось, что «для мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья (включая аджарцев и абхазов-мусульман. – *Примеч. авт.*)… абхазцев-христиан Сухумского округа… поставка новобранцев заменена временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход государственного казначейства с присвоением сему сбору наименования налога взамен исполнения воинской повинности

[1] ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д. 211. Л. 125 об.

[2] Там же. Д. 97. Л. 131, 196.

[3] Указывается, что бывшие в плену у восставших киргизов питомцы Пржевальского интерната слышали от своих пленителей, что сыновья манапа Шабдана Джантаева, будучи в Турции, получили деньги и оружие для создания «киргизско-сартовского царства» // РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 764. Л. 63.

[4] Мадьяр Габор Сабо был задержан в Чаталах, переодетый текинцем // РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933 А. Л. 471 об.; немецкий офицер Хендинг упоминается в выборке сводки секретных сведений русского консульства в Кашгаре // РГИА Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933 А. Л. 493 об., 494, 494 об.

[5] *Hikmet Bey A.* Asya‘ da Beş Türk. İstanbul. Ötüken, 1999.

[6] [Электронный ресурс] // URL: http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/sto-let-islamskomu-gosudarstvu-kyrgyzstana-i-pri-chem-zdes-turtsiya/11258

натурою»[1]. Несмотря на имевшие место позитивные оценки в отношении мусульман империи, безусловно, подобное «послабление» было результатом общего недоверия русской администрации к «туземному» населению, а «теория официальной народности»[2] фактически выводила за скобки подданных-мусульман. И если народы Туркестана воспринимали освобождение от службы в армии действительно как привилегию, то для народов Кавказа с их исторически сложившимся культом воина подобное решение имело унизительный оттенок.

Тем не менее Первая мировая война вызвала небывалый при Николае II подъем патриотизма и единства в стране, раздираемой внутренними противоречиями, который нашел отражение даже в неспокойных национальных регионах. Общий патриотический порыв охватил всю страну, и на основании поданных добровольцами заявок уже в августе 1914 г. был сформирован Черкесский конный полк из четырех сотен по 128 всадников, вошедший в состав 1-й туземной конной дивизии, состоявшей из представителей кавказских и закавказских народов. Четвертая сотня полка (командир – уроженец Финляндии штабс-ротмистр Г.Ф. Бьерквист)[3] состояла из горцев Сухумского округа как православных (107 чел.), так и мусульман (21 чел.). Интересно отметить, что присяжные листы были составлены как на русском, так и на арабском языках[4]. Позднее в ходе призыва мусульманского населения Закавказья чины Военного министерства в 1914–15 гг. выражали мнение о том, что на абхазов призыв стоит «ныне же распространить», аджарцев также «не откладывая привлечь», причем об аджарцах сложилось мнение, «что этот народ очень привязан к своей земле, поэтому можно было не опасаться их бегства в Турцию»[5].

Однако указанные выше протестные настроения населения после неминуемого спада первоначального патриотического порыва ввиду затягивавшейся войны также не могли не проявиться.

Накануне войны в специальных циркулярах МВД сообщалось о необходимости пресечения влияния Турции как «культурно враждебного нам государства», а также получивших образование в Турции и Египте выпускников

---

[1] Устав о воинской повинности. СПб., 1912. С. 25–27.

[2] Принятое в литературе обозначение государственной идеологии Российской империи, базирующейся на трех главных началах: 1) Православной вере. 2) Самодержавии. 3) Народности.

[3] *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик, 1999. С. 44.

[4] *Цвижба Л.И.* Абхазская сотня на фронтах Первой мировой войны. [Электронный ресурс] // URL: http://apsnyteka.org/1084-svizhba_l_abkhazskaya_sotnya_na_frontakh_pervoi_mirovoi_voiny.html

[5] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 34.

новометодных школ в России[1]. Потенциальная угроза извне, конечно, верно оценивалась. Но при этом внутри страны не всегда продуманные действия негативно сказывались на имидже русской власти. Так, в Туркестане по навету в сговоре с турками были арестованы андижанский купец-миллионер Миркамиль Мумынбаев[2] и подполковник Н.Н. Хан Йомудский[3]. Не сумев доказать их вину, а точнее, убедившись в их невиновности и лояльности, но пытаясь сохранить лицо, власти удалили обоих из региона – первого сослали, а второго отправили на фронт. На Кавказе подобная ситуация сложилась с потомком знатного и авторитетного рода владетельных князей Аджарии Мемеда Абашидзе, бывшего главой Батумского бюро партии социалистов-федералистов Грузии. Его преследование и несколько арестов способствовали отчуждению местного населения от имперской администрации. В начале 1908 г. царские власти хотели сослать Абашидзе в Сибирь, однако ему удалось бежать в Турцию. Правда, и там он был взят под арест и лишь после прихода к власти младотурок был освобожден по амнистии. В 1913 г., сразу после переезда в Батум, Абашидзе был арестован и отсидел один год в тюрьмах Батума и Новочеркасска. В 1914 г. он был вновь арестован и заключен в Метехскую тюрьму в Тифлисе, а затем сослан в Енисейскую губернию. После освобождения Абашидзе было запрещено жить в родном Батуме, и он находился в Тифлисе под надзором полиции. Лишь после Февральской революции 1917 г. в России он смог переехать в Батум. Подытожив, отметим, что М. Абашидзе при всем своем фрондерстве не строил политических планов в расчете на помощь со стороны Турции или европейских государств.

Стоит отметить, что русская администрация не разбиралась в тонкостях политических убеждений и в лице социалистов-федералистов видела враждебный элемент. «В пределах Турции… пропаганда имеет место не только среди военнопленных, но и кавказских беженцев-грузин и мусульман, причем деятельную в этом отношении помощь оказывают немцам наши эмигранты и беженцы из партийных деятелей социалистов-федералистов и членов разбойничьих шаек Кавказа и Закавказья»[4], – отмечала разведка уже в годы войны. В это же время реальная угроза исходила от грузинских национал-демократов, которые бежали за рубеж и, находясь в эмиграции в Женеве и Берлине, создали группы «Свободная Грузия» и «Комитет независимости Грузии». Одной из основных задач этих организаций было формирование грузинского легиона в Турции с тем, чтобы в дальнейшем использовать его для борьбы за независимость Грузии.

---

[1] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 55; ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д. 211. Л. 37.

[2] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 47.

[3] Там же. С. 64–67.

[4] ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 18.

***

11 ноября 1914 г. Турция объявила войну странам Антанты. Уже через неделю – 18 ноября – русские войска оставили Артвин и отступили в сторону Батума. При содействии аджарцев-мусульман, восставших против русских властей[1], под контроль турецких войск перешла вся Батумская область кроме Михайловской крепости и Верхне-Аджарского участка Батумского округа. На оккупированных территориях турки при содействии местного населения из мусульман проводили этнические чистки среди христианского населения.

Успешное наступление турецких войск в первой фазе войны привело к тому, что на оккупированной территории уже открыто начали действовать находившиеся до войны в подполье организации, призывавшие присоединить Аджарию (и Кавказ в целом) к Турции[2]. Большинство офицеров турецкой 3-й «Кавказской» армии (бесславно полегшей в ходе Сарыкамышской операции) являлись кавказцами-мухаджирами[3]. Также на Кавказ было тайно переброшено 60 турецких офицеров для проведения подрывной деятельности и пантюркистской агитации[4]. В планах турецкого руководства Кавказ, с одной стороны, должен был сдерживать Россию и «сбивать дыхание» русскому продвижению в Азию, а с другой стороны, регион включался в сферу реализации панисламистских и пантюркистских проектов.

В самой Турции черкесская диаспора[5] выражала воинствующие настроения и выдвигала соответствующие инициативы. Губернатор Бейрутского вилайета, этнический осетин, Бекир Сами-бей, сын генерал-лейтенанта Русской армии, перешедшего на службу Османской империи, Мусы-паши Кундухова еще 30 июля 1914 г. направил военному министру Энверу-паше письмо, в котором указывал на необходимость организации на Кавказе восстаний местного населения против российской администрации и рекомендовал привлечь для организации этих планов потомков имама Шамиля Мухаммад-Камиль-пашу (младший сын имама) и Мухаммад-Фазыл-пашу (шурин имама)[6]. Подобных взглядов придерживался также влиятельный начальник штаба османского военно-морского флота и видный представитель этнических абхазов подполковник Хусейн Рауф Орбай (Ащхаруа)[7].

---

[1] *Арутюнян А.* Кавказский фронт. 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 160–161.

[2] *Абашидзе А.Х.* Указ. соч. С. 242.

[3] *Чочиев Г.В.* Турция, Кавказ и северокавказская диаспора во время и после Первой мировой войны // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность: сборник статей. Владикавказ, 2014. С. 21.

[4] История Азербайджана. Баку, 1960. С. 742.

[5] Черкесами турки называли всех кавказцев-мусульман (преимущественно выходцев с Северо-Западного Кавказа, но не только), не вдаваясь в этнические различия.

[6] *Чочиев Г.В.* Указ. соч. С. 22.

[7] Подробнее см.: *Orbay R.* Cehennem Değirmeni. Siyasi Hatıralarım. T. 2. Istanbul, 1993.

Отечественный историк Г.В. Чочиев, опираясь на турецкие данные, отмечает, что в ходе переговоров между младотурками и группой кавказцев была достигнута договоренность о создании формально независимого конфедеративного государства в пределах «Большого Кавказа», которое должно было управляться одним из османских принцев и служить барьером, защищающим османские владения от «угрозы с севера»[1].

В сентябре 1915 г. в Стамбуле был создан Комитет независимости Кавказа, в который вошли как выходцы с Северного Кавказа, так и представители закавказских тюрок (азербайджанцев) и грузин. Члены комитета среди военнопленных (преимущественно выходцев с Кавказа) вели агитационную работу и вербовали потенциальных сторонников будущего «независимого государства».

«Как в Германии, так и в Турции, среди наших военнопленных ведется пропаганда отдельно по каждой национальности, в том числе она распространяется и на мусульман, и на грузин. В пределах Турции пропаганда имеет место не только среди военнопленных, но и кавказских беженцев-грузин, и мусульман, причем деятельную в этом отношении помощь оказывают немцам наши эмигранты и беженцы из партийных деятелей социалистов-федералистов и членов разбойничьих шаек Кавказа и Закавказья», – отмечается в источнике[2].

Не позднее июня 1916 г. комитет в связи с выходом из него закавказских активистов был преобразован в Комитет северокавказских политических эмигрантов в Турции[3].

Стоит отметить, что союзники турок – немцы также вели в регионе активную работу. Если в Берлине использовать исламский фактор в интересах Германии предлагал Макс фон Оппенгейм, который составил «Записку о революционизировании исламских областей наших врагов»[4], то осуществлением этого на Кавказе занимался Фридрих Вернер граф фон дер Шуленбург. Первый был сыном кельнского банкира, очарованным романтикой мусульманского Востока, а второй был выходцем из древнего рыцарского немецкого рода. В 1911 г. граф Шуленбург был назначен консулом в Тифлис. В 1915 г. он занял пост консула в турецком Эрзеруме, а затем был переведен на Ближний Восток, где возглавил консульскую службу в Бейруте и Дамаске.

***

Как уже было указано выше, формальным поводом для цепи народных выступлений стало подписанное 25 июня 1916 г. Николаем II Высочайшее

[1] *Чочиев Г.В.* Указ. соч. С. 22.

[2] ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 18.

[3] *Чочиев Г.В.* Указ. соч. С. 24–25.

[4] *Шерстюков С.А.* Джихад «made in Germany»: Первая мировая война и споры об исламе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 210.

повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ», согласно которому для таких работ в военное время привлекались мужчины от 19 до 43 лет перечисленных в повелении регионов, среди которых упоминается «мусульманское население Терской и Кубанской областей Закавказья (за исключением подлежащих отбыванию воинской повинности натурою осетин-мусульман, а также не подлежащих сей повинности турок и курдов), обитающих в Закавказье езидов, ингилойцев-христиан и абхазцев-христиан Сухумского округа»[1].

Однако в количественном плане Сухумский округ и Батумская область Кутаисской губернии со своими скромными показателями были каплей в море[2] по сравнению с потенциалом призывников из Туркестана (2,6 млн чел.)[3].

Новость о царском повелении была встречена горцами Кавказа протестами и беспорядками[4]. Вместе с тем следует отметить, что волнения в разных регионах Кавказа, их характер и размах существенно отличались между собой и тем более отличались от туркестанских. Дело в том, что объем кавказского земельного фонда был не таким существенным, как в Туркестане и Степном крае[5]. Ввиду этого такого массового переселения русских крестьян, как на указанные земли, на Кавказ не было. При этом народы Кавказа были ранее, чем народы Туркестана, включены в состав России, потому более интегрированы и уже давно занимались отходничеством. Они регулярно отправлялись на заработки и сезонную работу в Центральную Россию и Закавказье (строительство железных дорог, нефтепромысел и т.д.). Поэтому даже с психологической точки зрения народы Кавказа были знакомы с климатическими особенностями, русским бытом и всем тем, что у уроженцев Туркестана могло вызывать непонимание и подсознательное отторжение. (Еще имам Шамиль, будучи в Калуге, говорил: «Чечня! Совершенная Чечня!»[6]). Подавле-

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства № 182 от 6 июля 1916 г., ст. 1526. [Электронный ресурс] // URL: http://semirechye.rusarchives.ru/dokumenty-po-istorii-sobytiy-1916-g/vysochayshee-povelenie-o-privlechenii-muzhskogo-inorodcheskogo

[2] Мужское население всего Артвинского округа Батумской области составляло на 1897 г. 29 064 человека, Батумского округа Батумской области – 53149 человек, Сухумского округа – 59 836 человек // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги.) [Электронный ресурс] // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=66

[3] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 35.

[4] История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 289.

[5] Подробнее см.: *Зуева О.Б.* Конфессиональная переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 151–154; *Суздальцева И.А.* Русские переселенческие участки на Северо-Восточном Кавказе в начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 109–120.

[6] *Руновский А.И.* Записки о Шамиле. Махачкала, 1989. С. 33–34.

ние антиписарского восстания в Дагестане накануне войны (в начале 1914 г.) и зачистка через это потенциальных недовольных, активное участие народов Кавказа в добровольческих воинских формированиях в составе русской армии, влияние сложившейся в регионе национальной интеллигенции и буржуазии, которые были лояльны царю, и, наконец, относительная удаленность от театра военных действий – все это обуславливало меньшую вовлеченность в повстанческое движение. Ввиду этого, а также учитывая близость фронта и неспокойность Западного Закавказья, пришли к целесообразности полной отмены мобилизации на Кавказе[1].

Будучи Кавказской землей и неся в себе весь вышеуказанный антиповстанческий потенциал, территория Сухумского округа и Батумской области Кутаисской губернии обладала существенным обратным фактором – границей с историческим противником России и ее непосредственным врагом в войне – Османской империей.

Первая мировая война принесла Закавказью большой хозяйственный урон. Резко сократилось общее количество посевных площадей, пострадало животноводство. Железнодорожный транспорт пребывал в состоянии коллапса. Дефицит продовольствия резко сделал жизнь в городах дорогой[2]. Этим тяготам сопутствовали слухи о значительных потерях русской армии (преимущественно в ходе боев с немцами). Так, по подсчетам Б.Ц. Урланиса, Российская империя на фронте в 1915 году в среднем теряла 207 тысяч человек в месяц, в 1916-м и того больше – 224 тысячи человек в месяц[3]. Такая ситуация требовала реформ и срочного поиска резервов, более того, в 1916 году планировались наступательные операции, которые требовали ресурсов, в первую очередь человеческих. Для этого была начата мобилизационная кампания в Средней Азии, которая и повлекла за собой недовольство населения и восстания, которые, кстати, начались всего через месяц после начала знаменитого Брусиловского прорыва. В расшатывании ситуации в кавказском тылу, ровным счетом как и в Средней Азии, была заинтересована Османская империя, делавшая ставку на мусульманские народы и испытывающая сама серьезные проблемы на фронтах от русского оружия. Кавказская армия России смогла к тому времени взять Эрзерум, а затем и Мамахатун, Муш и Битлис[4].

---

[1] Жесткое подавление бунта силами трех рот солдат и одной сотни казаков (поводом послужило объявление о реквизиции подвод) в кумыкском сел. Аксай в июле 1916 г. и выступивших следом жителей Караногайского приставства пресекло дальнейшие акции подобного рода, но также подтолкнуло власти пойти на уступки: реквизиции были приостановлены.

[2] Рост цен на промышленные и продовольственные товары составил в среднем на 100–300% и более, на жилье – на 30–70%, на топливо – в 4–6 раз, более чем на 100% увеличились прямые и косвенные налоги, произошло небывалое падение реальной заработной платы рабочих.

[3] *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 145.

[4] *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 150–151.

Серьезные опасения вызывал тот факт, что у России (в отличие от Германии) не было четкой политики по управлению занятыми территориями Восточной Анатолии. Этим объяснялось активное вмешательство германских и турецких сил, использующих зыбкость русского присутствия. С продвижением русских войск в тылу оставалось враждебно настроенное население и остатки разбитых турецких частей. Один из участников боевых действий на Кавказе подполковник Гаврилов сообщал в своем донесении от 18 апреля 1916 г.: «С продвижением наших отрядов вперед в пределы Турции в тылу остается на местах целиком почти все население, значительная часть коего безусловно враждебно настроена к нам, кроме того, среди этого же населения скрывается немало аскеров разбитых нами в свое время турецких отдельных частей. Принимая во внимание изложенное выше обстоятельство, имея в виду отсутствие какого-либо надзора на местах за упомянутым выше населением, а также что наша государственная граница совершенно открыта, проникновение преступного элемента в пределы Батумской области и по всему Кавказу весьма возможно, и борьба с этим непосильна впредь до учреждения полной администрации на завоеванных местах, регистрации всего населения, истребления беглых аскеров и какой-либо охраны границы»[1].

Спектр операций Турции и Германии в регионе был обширен: от отправки шпионов и спонсирования вооруженных отрядов до обстрела береговой линии с моря. Так, военному губернатору Батумской области приходили телеграммы о том, что участились «случаи неоднократного обстреливания за последнее время неприятельской подводной лодкой населенных пунктов и потопление транспортов в определенном районе Черноморского побережья преимущественно от Сухума до Туапсе»[2]. Обстрелу подверглись Гудаута и Сухум. В последнем атаке подвергся маяк как объект стратегического значения[3].

Именно в 1916 г. мы обнаруживаем резкий рост количества донесений о деятельности турецкой агентуры. Так, из донесения начальнику Кутаисского губернского жандармского управления от 27 января 1916 г.: «Некоторые из солдат-грузин, когда совершают на фронте разведки, незаметно от других встречаются с турецкими аскерами, якшаются с ними и передают сведения, а затем, эти же нижние чины, по возвращении докладывают ложные сведения. Дружат они с турками потому, что при благоприятном исходе для Турции она обещает грузинам самостоятельность»[4].

---

[1] ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 18–18 об.

[2] Там же. Л. 33 об.

[3] Там же. Л. 13; Любопытные подробности мы нашли в другом документе: «Среди мусульман крепостного района функционирует упорный слух, что якобы какие-то два армянина турецкоподданные, проживая в окрестностях Туапсе, снабжают турецкие подводные лодки довольствием, причем бензин якобы бросается в море в винных бурдюках» // Там же. Л. 44.

[4] Там же. Л. 1–1 об.

«По полученным в Департаменте полиции сведениям, один из находившихся в Германии наших военнопленных грузин сообщил на родину в письме, написанном химическими чернилами, о том, что в Германии среди русских военнопленных мусульман и грузин немцами ведется усиленная пропаганда, под влиянием которой мусульмане якобы уже перешли на сторону германцев, грузины же, отказавшись последовать этому примеру, выражают надежду на принятие русским правительством каких-либо мер к ограждению их от посягательств немцев»[1]. Более того, «как в Германии, так и в Турции среди наших военнопленных ведется пропаганда отдельно по каждой национальности, в том числе она распространяется и на мусульман, и на грузин».[2] Далее источник сообщает, что «немцы в Турции принимают все меры к направлению на Кавказ всевозможных эмиссаров и агитаторов в целях пропаганды революционных идей и поднятия восстания среди туземного, преимущественно мусульманского и грузинского населения Кавказа и Закавказья»[3].

Турецкая сторона активно поддерживала сепаратистские настроения в регионе. Так, перешедшие на сторону Турции грузины-мусульмане получали жалованье для подготовки и пропаганды восстания среди туземцев в регионе, а также оружие из Германии. Например, вражеский линейный крейсер «Гёбен», который участвовал в операциях на Черном море против русского флота, в конце января 1916 г. в Трапезунде выгрузил 10 тысяч русских ружей, доставленных из Германии, несколько орудий и пулеметов, и три аэроплана[4]. Данное снабжение было необходимо для грузинского комитета «Дадиани», занимавшегося подготовкой восстания.

Русская разведка сообщала, что, согласно имеющимся сведениям, с началом текущей войны с Турцией в Трапезунде было создано турками при содействии германцев и основанного в 1911 году в Константинополе грузинского (Дадиановского[5]) комитета грузинское воинское формирование (первоначально батальон) из подданных России грузин, получившее наименование «Лежион Табуре». Организацию легиона и общее руководство им германский Генштаб поручил упоминавшемуся выше фон Шуленбургу. Из офицеров-грузин выделялся Леон Кереселидзе[6], но в дальнейшем реальное руководство осуществлял немецкий офицер Мозель[7].

---

[1] ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 17.

[2] Там же. Л. 18.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 2 об.

[5] Дадиани – династия князей Мингрелии, ликвидированы как владетели княжества, территории которого подпали под прямое управление России в 1867 г.

[6] Леон Кереселидзе – уроженец Озургетского уезда Кутаисской губернии, национал-демократ, находился в эмиграции по политическим мотивам, младший брат и соратник Георгия Кереселидзе.

[7] Из текста дела мы узнаем о причине, по которой командиром батальона стал немецкий офицер. Леон Кереселидзе, Александр Сургуладзе и Осман-Агаб-Ага-Заде-бек были «ко-

Для успеха в Закавказье антирусского выступления указанными выше силами велись попытки по созданию в среде местного населения социальной базы. В частности, через море отправлялись эмиссары «для поднятия восстания среди туземного населения Кавказского края»[1].

По сведениям Кутаисского губернского жандармского управления, численность грузинского формирования оценивалась в 800 человек[2]. Предполагалась увеличить состав формирования до полка и высадить десантом в районе Кобулет (под Батумом), о чем в городе распускались усиленные толки «и были бесконечные кутежи по этому случаю, но отправка батальона так и не состоялась»[3]. При этом отправлении в батальоне произошел разлад, так как входящие в состав батальона аджарцы заявили, что они хотели воевать за Аджарию, а в Эрзинджане, куда затем решено было их отправить, воевать они категорически отказались[4].

Таким образом, основными задачами «легиона» стала диверсионная деятельность. Вероятнее всего, немцы, предвидя военное поражение Турции, готовили профессиональные диверсионные группы в Закавказье и уничтожать подготовленный и вооруженный на германские деньги отряд вовсе не желали. Непосредственного участия в боях «легион» так и не принял и находился в резерве на случай возможных антироссийских выступлений в Закавказье. В дальнейшем турецкое командование в ультимативном тоне потребовало от Германии распустить грузинский «легион», что и было сделано в 1917 г. Тем самым турки обнаружили свое подлинное отношение к потенциальной независимости народов Кавказа и к Германии, шансы на победу в союзе с которой становились все более призрачными.

В самой Турции набирали силу антивоенные настроения[5]. Об этом сохранились сведения из донесения унтер-офицера Дополнительного штата Кутаисского губернского жандармского управления в Батумской области Удинского: «При объезде постов нижними чинами 3-й пешей Черноморской сотни пограничной стражи на берегу моря около Супсы были обнаружены 2 полубутылки из-под водки, хорошо закрытые, и сверху сургучом залитые, в которых оказалось 7 экземпляров литографированных прокламаций на ту-

---

мандированы в Персию, откуда они, вероятно, имеют намерение пробраться на Кавказ» // ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 36.

[1] Там же. Л. 5–5 об.; «В январе текущего года из состава батальона было отправлено на Кавказ 10–12 человек, которые высадились возле Поти. Целью посылки этих людей была передача кому-то денег в сумме 4000 турецких лир и каких-то документов и писем» // ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 36.

[2] Там же. Л. 35–35 об.

[3] Там же. Л. 35 об.

[4] Там же. Л. 36.

[5] Косвенно в пользу серьезности размышления турок о заключении мира свидетельствует также имеющаяся информация о желании последних избежать недовольства общественного мнения по поводу событий с армянами и курдами // ЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 22 об.

рецком языке. При переводе на русский язык содержания прокламации оказалось, что: 1. Русскими войсками взяты Эрзерум и много других местностей Турецкой империи. 2. На Черном море полные хозяева русский флот, а немецкие суда Гёбен и Бреслау не могут и показываться на Черном море. 3. Немецкие руководители посылают слабых турок на убой против русских. 4. Нужно всех немцев изгнать из Турции и пора самим взяться за дело и не допускать, чтобы окончательно была разгромлена Турция, и снова зажить с русскими по-мирному, где и довольно жилось хорошо и т.д. При сем прокламации были без подписи и обозначения города или числа месяца и года. Таковая же полубутылка и точно такого же содержания в двух экземплярах была обнаружена в Потийском порту»[1].

Подводя итог, обратим внимание, что активная работа Германии и Турции в регионе связана с несколькими факторами. Во-первых, Германия была заинтересована в успехе своего союзника – Турции. Активность со стороны последней вынуждала русскую армию перебрасывать в Закавказье силы с других фронтов. Во-вторых, Турция, помимо непосредственного успеха в рамках фронтов Первой мировой войны, была заинтересована в усилении своего влияния не только на Кавказе, но и в Средней Азии, где она имела стратегические задачи по консолидации тюркских народов под своей эгидой. Именно поэтому турецкая элита указывала на необходимость организации восстаний в данных регионах.

Стоит признать, что активное участие германского командования в создании антирусского подполья и агентуры в регионе имело характер долговременных инвестиций в разведку и подрывную деятельность в Российской империи. Немецкие офицеры, находясь в Турции, принимали участие в расшатывании ситуации, подготовке восстаний, отправке шпионов, агитаторов и диверсантов для поддержки антирусских идей среди народов Кавказа. Таким образом, уже в годы Первой мировой германская армия и разведывательные структуры опробовали приемы, получившие широкое распространение при формировании 25 лет спустя специальных подразделений Абвера, а затем и печально известных «национальных» легионов СС. Грузинские легионеры под руководством Кереселидзе в дальнейшем составили костяк армии меньшевистской Грузии. А после советизации Грузии в 1921 г. эмигрировали за рубеж и активно сотрудничали с Третьим рейхом[2].

В самой Турции имели место антигерманские (на фоне усугубления положения Центральных держав в ходе войны) настроения. Расхождение во взглядах отразилось, в частности, в запрете пестования на турецкой территории немецкими офицерами диверсионных отрядов.

С другой стороны, лидеры кавказских инсургентов и курировавшие их младотурки и немцы значительно преувеличивали уровень межнациональ-

[1] ТЦГИА Гр. Ф. 157. Оп. 1. Д.?. Л. 11 об. – 12.

[2] Подробнее см.: *Мамулиа Г.Г.* Грузинский легион вермахта. М., 2011.

ных и межрелигиозных противоречий между народами Кавказа и Россией и в то же время недооценивали идейные расхождения, социальные и национальные различия внутри самого кавказского общества. Преувеличенными были и их предположения о бытовании среди мусульман протурецких настроений, а ожидания масштабных выступлений против российской власти не подтвердились.

Глава II
НАРОДЫ И РЕГИОНЫ ИМПЕРИИ В 1916 ГОДУ

Попытки призыва в армию горцев Северного Кавказа в годы Первой мировой войны

Представители горских народов Северного Кавказа издавна охотно шли на русскую военную службу. Горцы дали стране сотни и тысячи блестящих офицеров и генералов, прославивших русское оружие в войнах XIX и начала XX в. Однако речь идет о лицах в основном знатных фамилий, добровольно связывавших себя с военной службой русскому царю. Массы северокавказских горцев до самой Первой мировой войны оставались вне рамок армии. Правда, многократно была опробована практика создания и использования во внешних войнах ополченческих горских формирований, комплектовавшихся добровольцами. В начале Первой мировой войны правительство продолжило традиционную линию на создание иррегулярных добровольческих частей из уроженцев Кавказа. Принципиально новым было то, что такие части впервые были объединены в крупное соединение, способное самостоятельно решать достаточно серьезные тактические задачи – кавалерийскую дивизию.

23 августа 1914 г. был объявлен высочайший приказ Николая II о формировании на добровольных началах Кавказской туземной конной дивизии трехбригадного состава из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского. Кроме того, вне горского соединения почти всю войну оставались еще два горских конных полка – 1-й Дагестанский и Осетинский. В 1917 г. они были включены в состав вновь сформированного Туземного конного корпуса, объединившего все горские полки.

Высокий патриотический подъем, охвативший все российское общество, в полной мере затронул и горцев. Само решение о формировании дивизии было ответом на инициативу горских обществ, которые не только выдвинули перед властями идею создания национальных полков, но и взяли на себя значительную часть расходов по их содержанию. Пристальный интерес к формированию дивизии со стороны императорской фамилии, назначение на должность ее начальника родного брата царя великого князя Михаила Алек-

сандровича (по некоторым данным, именно он был подлинным инициатором создания дивизии[1]) способствовали большой популярности дивизии.

Архивные документы за август – октябрь 1914 г. содержат множество заявлений добровольцев. Один авторитетный чеченец 8 августа 1914 г. просил прямо у императора «разрешения ехать на войну и взять с собой сотню чеченцев-добровольцев»[2]. В период формирования дивизии число добровольцев нередко превосходило штатные потребности полков, так что приходилось некоторым из них отказывать. Со своей стороны горские общества проявляли максимальную заботу о своих национальных полках даже после их сформирования. Так, представители Грозненского и Веденского округов на своем съезде 11 сентября 1914 г. единогласно постановили ассигновать Чеченскому полку сверх уже оказанной материальной помощи снаряжением и обмундированием по одному рублю с плоскостного дыма и по пятьдесят копеек с горного[3]. Такие примеры были в начале войны повсеместными.

Офицеры подавали прошения о переводе в тот или иной полк дивизии из самых отдаленных уголков империи, равно как и из привилегированных столичных учреждений[4]. Многие стремились служить именно под началом брата императора. Командный состав подобрался из представителей самых знатных фамилий.

В связи с обстоятельствами формирования и боевой историей «Дикой дивизии» следует особо подчеркнуть политический смысл, который вкладывала царская власть в это мероприятие. По словам последнего начальника дивизии П.А. Половцова, «цель этого формирования была не только боевая, но и политическая, чтобы показать неразрывную связь Кавказа с Россией привлечением в общерусское дело кавказских народностей»[5]. Половцов отмечал в связи с этим и «чисто утилитарные соображения»: удалить на время войны с Кавказа «наиболее беспокойные элементы», среди которых могла бы иметь успех тюркофильская пропаганда или «просто чрезмерно развиться природные разбойничьи инстинкты»[6].

Другой особенностью истории дивизии была принципиальная установка власти на добровольность ее комплектования и дальнейшего пополнения потерь. Дивизия существовала до тех пор, пока среди горцев находились волонтеры. За период 1914–1917 гг. каждый из полков дивизии получил по четыре пополнения. Дагестан, к тому же, дал четыре пополнения 1-му Дагестанскому полку, находившемуся в составе одной из казачьих дивизий. Однако уже тре-

---

[1] *Марков А.П.* В ингушском конном полку. М., 1999. С. 5.

[2] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 878. Л. 284.

[3] Там же. Л. 206.

[4] Там же. Л. 230.

[5] *Половцов П.А.* Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.) Париж, 1927. С. 5.

[6] Там же. С. 5–6, 56.

тье пополнение начала 1916 г. «не вполне удовлетворяло требованию», а набор затянулся из-за недостатка добровольцев[1]. Волонтеров давали в основном бедные горные общества, в то время как зажиточные плоскостные аулы их, по свидетельству наборщиков, «почти не давали». Сокращению численности добровольцев способствовал и традиционный весьма доходный отходнический промысел горцев – служба в страже в Центральной России.

С 1916 г. перед вербовщиками дивизии встала сложная дилемма: продолжить добровольческий набор, существенно затянув сбор пополнения, или нарушить традицию, ввести принудительные меры привлечения горцев в армию и стать перед опасностью их активного сопротивления принудительному призыву. Она была решена паллиативными мерами («некоторым давлением», по определению заместителя командира дивизии подполковника Н. Тарковского[2]): наборщики договаривались с горскими обществами о распределении наряда, перекладывая дело принуждения вступления молодежи в ряды дивизии на плечи старейшин. Несколько возросло единовременное пособие волонтерам. Кроме того, был снят запрет приема в армию мелких преступников – канлыев. Из них формировались сверхштатные «абрекские» сотни. В целом же принципиальное положение о том, что при наборе всадников «принуждение не может быть допущено»[3], сохранялось весь период существования «Дикой дивизии». Последнее, четвертое пополнение добровольцами было получено дивизией 22 июля 1917 г.: 2-й Дагестанский полк получил 116 всадников, Чеченский – 70, Татарский (из азербайджанцев) – 116, Черкесский – 136, Кабардинский – 115 всадников (по Ингушскому полку нет сведений).

Всего за годы войны через ряды Кавказской туземной конной дивизии прошло около 7000 горцев. Известно, что к марту 1916 г. дивизия потеряла убитыми и умершими от ран 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов. Ранеными числились 144 офицера и 1438 всадников[4].

Добровольчество как способ пополнения действующей армии отвечало прежде всего пропагандистским задачам, но не решало вопроса регулярного, планомерного и, что особенно важно в условиях мировой войны, массового поступления в нее воинских контингентов из горских регионов. Из всех кавказских народов до революции на общих основаниях в армию призывались лишь грузины и армяне. Вопрос о привлечении на военную службу многочисленного мусульманского населения Кавказа неоднократно обсуждался со времени введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности, однако решение его все время откладывалось. «Устав о воинской повинности» 1874 г. содержал главу «об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повиннос-

---

[1] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1033. Л. 6 об.

[2] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 157. Л. 37 об.

[3] Там же. Д. 1033. Л. 57.

[4] *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. Нальчик, 2007. С. 240.

ти», предусматривавшую целый ряд ограничений для отдельных местностей и народностей Российской империи. Прежде всего они касались «инородческого» – окраинного – населения. Все изъятия носили временный («впредь до дальнейших распоряжений») характер, однако норма повторялась без изменений во всех последующих редакциях Устава вплоть до начала Первой мировой войны. Причиной тому были, с одной стороны, слабая интеграция этих народов в русскую православную культуру и язык, с другой – политические проблемы, связанные с относительно недавним вхождением многих из них в состав Российской империи и продолжавшимся на их территориях процессе замирения. Российская армия мирного времени в достаточном количестве обеспечивалась обученным резервом в основном славянских национальностей.

В начале XX в. призыву в армию не подлежали 46 народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Казахстана, Сибири. Из представителей народов Кавказа в «Уставе» упоминались татары Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний, ногайцы, ингилойцы-мусульмане, абхазцы, курды, иезиды, турки, аджарцы, чеченцы, ингуши, кумыки, горцы Терской, Кубанской и Черноморской областей (адыги, черкесы, абадзехи, натухайцы, осетины, кабардинцы)[1]. По некоторым данным, ежегодный призыв из отсеянных национальностей мог до войны составлять 47 тыс. чел., т.е. более чем 10% от всего призыва[2]. Мусульманские народы Востока и Кавказа облагались специальным военным налогом, заменявшим им натуральную воинскую службу, и считали это своей особенной льготой.

После Русско-японской войны, когда штатный состав русской армии значительно вырос, вопрос о призыве освобожденных от службы национальностей был поднят Государственной думой, учредившей 10 апреля 1907 г. специальную комиссию. В отношении Военному министерству комиссия указала, что тягота воинской повинности «увеличивается еще неравномерностью… и распределения числа призываемых в войска по отдельным местностям»[3]. В 1908 г. Государственная дума уже прямо указывала на необходимость призыва нацменьшинств с целью более равномерного распределения тягот военной службы среди населения. Кроме того, справедливо указывалось на то, что «такое положение… препятствует слиться всем этим народностям в одно прочное государство». В то же время комиссия Госдумы пришла к выводу, что «для народностей, впервые призываемых к защите общей родины, необходимо создание условий службы, приспособленных к особенностям их быта, религии, климата и т.п.»[4]. Однако в целом никаких изменений в этой области не произошло.

---

[1] *Сиднев.* Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 113–114.

[2] Там же. С. 115.

[3] Там же. С. 115.

[4] Там же. С. 116.

Уже в начале Первой мировой войны, потребовавшей невиданного доселе напряжения людских ресурсов страны, одновременно с формированием добровольческих частей Военное министерство приступило к рассмотрению вопроса об условиях массового использования в армии представителей не призывавшихся прежде народов. Несмотря на остроту проблемы, связанной с большими потерями Российской армии на фронтах Первой мировой войны и истощением годных к призыву контингентов славянских национальностей, подготовка к рассмотрению вопроса затягивалась. Лишь в конце ноября 1915 г. Военным министерством Совету министров был представлен доклад «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени». Однако вместо серьезного исследования, составители доклада ограничились небрежной фантазией о ментальных достоинствах и недостатках «туземцев». Документ основывался на частных мнениях об окраинных народах царских наместников (по Кавказу таковое представил И.И. Воронцов-Дашков) и изобиловал литературными оборотами вроде «природные воины», «несравненная отвага», «храбрость», «лихость», «природный ум» и т.п. Никаких точных статистических данных о социально-демографических характеристиках подлежащего призыву горского населения не было. Не имелось более или менее точных данных даже о численности представителей того или иного народа, и составители доклада округляли цифры порой до десятков тысяч человек.

Очевидная поверхностность доклада и архаичная терминология времен Кавказской войны насторожила Совет министров, и 27 ноября 1915 г. было решено отложить его рассмотрение на неопределенное время. Было указано на неизбежные в случае начала призыва трудности, такие как отсутствие посемейных списков, квалифицированных должностных лиц для осуществления призывных мероприятий, опасность массовых беспорядков в местностях, намеченных для проведения мобилизации, при недостатке войск и полиции для их подавления. Первый инородческий солдат мог появиться на фронте спустя не менее полутора лет после начала призывных мероприятий. Справедливо полагалось, что война к этому времени могла окончиться, сделав все затраченные усилия напрасными[1].

Единственной реальной попыткой царского правительства вовлечь «инородческое» население в войну была предпринята летом 1916 г. Было решено «реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» привлечь к фронтовым работам[2]. Это решение относилось к большинству кавказских народов: езидов, ингилойцев-христиан, абхазцев-христиан Сухумского округа, трухмен, ногайцев, калмыков «и прочих подобных им инородцев Ставропольской гу-

[1] *Захаров М.* Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 23.
[2] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 3.

бернии, а также мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья»[1]. Это распоряжение полностью порывало с традиционными формами отношений нерусских народов империи с русской армией: или добровольное вступление в боевые части, или откуп посредством военного налога. Принудительная мобилизация на полевые работы заведомо ставила «туземцев» в унизительное положение по отношению к фронтовикам. Такой грубый, сугубо практичный подход (оформленный императорским указом) находился в вопиющем противоречии с тем, как царизм лелеял немногочисленные национальные части.

Первым к реализации этого мероприятия приступил Туркестанский военный округ. Здесь сразу «возникли тяжкие беспорядки, пролилась русская кровь, пришлось прибегнуть к употреблению оружия», – докладывал царю командующий войсками округа А.Н. Куропаткин[2]. Беспорядки были направлены главным образом против русских чиновников и их семей и имели ярко выраженный шовинистический характер. Благодаря жестким мерам командования округом восстание было ликвидировано, население находилось «в подавленном состоянии», но, по сообщению Куропаткина, «настроение плохое, и беспорядки могут возобновиться»[3]. Возникла реальная угроза откочевки большей части скотоводческого населения Средней Азии в Монголию, Китай и Афганистан. При этом кочевое население, по мнению Куропаткина, оказалось совершенно непригодным к земляным работам, которыми никогда прежде не занималось, требовало особого за ним ухода, а также соблюдения мусульманских традиций и проч. На основании этого Куропаткин ходатайствовал перед царем о предоставлении ему полномочий на месте решать объемы и порядок «реквизиции» туземцев с правом полного освобождения от него или замены денежным налогом. Николаю II пришлось поставить на докладе Куропаткину резолюцию: «Согласен. Ставлю на вид спешное и недостаточно обдуманное проведение в жизнь этой меры, вызвавшей на окраине кровавые беспорядки»[4].

Одновременно мобилизация была объявлена и на Кавказе. Недавно назначенный наместником на Кавказе и командующим Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич-младший употребил весь свой авторитет для ее отсрочки, а когда выявился провал мобилизации в Туркестанском округе, 9 августа 1916 г. отправил царю большое письмо, в котором предупреждал Николая II о назревании в регионе «крайне опасного для государственных интересов» положения – настолько серьезного, что он считал бы нужным прибыть в Ставку для личного доклада царю[5]. Специально созванное совещание

[1] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 3.
[2] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 51.
[3] Там же. Л. 48.
[4] Там же. Л. 49.
[5] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 49.

губернаторов и начальников областей единодушно высказалось о том, что самой мягкой формой протеста станет массовое дезертирство мужского населения в горы, после чего начнутся вооруженные мятежи, нападение на русскую администрацию, порча железных дорог, нефтепромыслов и проч. Волнения с применением насилия в отношении «начальствующих лиц» уже началось в среде караногайцев[1].

Если материально-бытовые вопросы были в принципе решаемы, то глубокое противоречие «реквизиции» на принудительные работы национальным традициям местного мужского населения, от веку воинственного и презрительно относящегося к физическому труду, не возможно было устранить, не отказавшись от самого замысла. Привлечение горцев к принудительным работам, отмечал Николай Николаевич, «равносильно в глазах многих мусульман *унижению их достоинства*» (курсив мой. – *А. Б.*) Уже имелись сведения о насмешках в адрес горцев со стороны солдат-армян[2].

Серьезно обеспокоенный ситуацией на окраинах империи, Николай II вначале предложил распространить полномочия, данные ему ранее Куропаткину, «а может быть, и больше» и на кавказского наместника[3]. Вскоре мобилизация была приостановлена, и попытки возобновить ее до самого крушения Российской империи более не предпринимались.

Следует отметить, что царское правительство не брало перед окраинными народами никаких обязательств, относилось к ним потребительски, как к балласту, не спеша интегрировать их в социум метрополии. С этой точки зрения ничтожные усилия царизма в этом направлении не кажутся чем-то ненормальным. Этим объясняется и парадоксальное сочетание безудержной пропаганды Кавказской туземной дивизии с тем полным пренебрежением к самолюбию горцев, которое сопровождало кампанию по «реквизиции» на принудительные работы.

Таким образом, в области массового призыва горцев в армию за несколько десятков лет царское правительство не смогло продвинуться ни на шаг. Препятствием тому выступал высокий социально-культурный, социально-экономический и языковой барьер между великорусской и горскими цивилизациями. Многотрудную работу по подготовке массового привлечения горцев в армию, а именно налаживание мобилизационного учета и изучения военнообязанного населения, проведения допризывной подготовки, выравнивание физического и общеобразовательного уровня горской молодежи, проведение собственно призывных кампаний, выработка форм использования горских контингентов в войсках – эти и многие другие проблемы, связанные с массовым призывом пришлось решать уже советской власти.

---

[1] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 88.

[2] Там же. Л. 88 об.

[3] Там же. Л. 90.

Реакция азербайджанской общественности на царский указ от 25 июня 1916 г.

Первая мировая война оставила глубокий след в истории народов Российской империи. Огромную тяжесть великой войны почувствовало на себе как христианское население, так и мусульманские народы государства. Тяжкий груз войны лег на плечи и азербайджанского народа. Ситуация особенно ухудшилась после открытия Кавказского фронта в ноябре 1914 г.

Известно, что задолго до войны кавказские тюрки, как и многие представители тюркских народов, были освобождены от воинской повинности и вместо нее платили денежный налог. В первую очередь это было связано с проявлением крайней осторожности российских властей в военных вопросах. Большую часть населения России на ее границах с Османской империей и Иранским государством Каджаров составляли именно азербайджанские тюрки, которые в силу своей этнической принадлежности и религиозных убеждений не вызывали доверия у метрополии.

Тем не менее на дворянское сословие данный порядок не распространялся. Дети азербайджанских беев получали соответствующее образование в высших военно-учебных заведениях Российской империи и поступали на службу в русскую императорскую армию. Известно, что в годы войны в рядах русской армии служили более 200 офицеров азербайджанского происхождения, многие из которых были удостоены высших наград, в том числе и ордена Святого Георгия. Среди них достаточно упомянуть имена таких военачальников, как генералы от артиллерии Самед-бей Мехмандаров и Али-ага Шихлинский, генерал от кавалерии Гусейн-хан Нахичеванский, генерал-майоры Ибрагим-ага Усубов, Фейзулла Мирза Каджар, Теймур-бей Новрузов, Ибрагим-ага Векилов, Тарлан Алиярбеков, поручики Осман-ага Гюльмамедов и летчик Императорского военно-воздушного флота, первый азербайджанский военный летчик Фаррух-ага Гаибов, героически погибший в воздушном бою в 1916 г.

В ходе Первой мировой войны из молодых азербайджанских солдат-добровольцев был сформирован Татарский конный полк, входивший в состав Кавказской туземной конной дивизии. Примечателен тот факт, что, несмотря на то, что мусульмане имели полное моральное основание не принимать никакого участия в «русской» войне, тем не менее сформированная из добровольцев мусульманская дивизия, получившая за свое бесстрашие название «Дикая дивизия», выступила на защиту России. Прошло ведь не так много лет со времени окончания кавказских военных кампаний, и многие воины-кавказцы были внуками и, возможно, даже сыновьями людей, с оружием в руках противостоявших российским войскам. Однако даже после Февральской революции, в тяжелейших условиях лета 1917 г., когда фронт был прорван,

а русская армия деморализована и части ее беспорядочно покидали позиции, воины Татарского конного полка стояли насмерть.

Военная доблесть Татарского конного полка нашла свое отражение в русской прессе периода Первой мировой войны. В этой связи довольно примечательна опубликованная в газете «Утро России» статья под заголовком «Верные сыны России», в которой говорится: «Кавказская туземная дивизия, все те же многострадальные "дикие", жизнями своими оплачивающие торгово-предательские счеты русской армии, ее свободу и ее культуру… "Дикие" спасли русскую армию в Румынии, "дикие" безудержным ударом опрокинули австрийцев и во главе русской армии прошли всю Буковину и взяли Черновицы. "Дикие" ворвались в Галич и гнали австрийцев неделю тому назад. И вчера вновь "дикие", спасая отступавшую митинговую колонну, рванулись вперед и отбив позиции, спасли положение…»[1].

В конце августа 1917 г. в Тифлисе состоялся мусульманский благотворительный вечер в пользу увечных и семей погибших воинов Кавказской туземной конной дивизии. Газета «Кавказский край» в связи с этим писала: «Посетив мусульманский вечер, мы отдадим только крошечную частицу того громадного неоплатного долга, который лежит на всей России, на всех нас перед Кавказом и перед льющей свою кровь уже три года за Россию – благородной "Дикой дивизией"»[2].

Стоит отметить, что после провозглашения 28 мая 1918 г. Азербайджанской Демократической Республики (АДР), будучи одной из элитных частей новообразованной национальной армии, Татарский конный полк был включен в состав Конной дивизии армии АДР.

В Азербайджане весьма болезненно отреагировали на новость о начале Первой мировой войны. Война пагубно отразилась на большинстве отраслей народного хозяйства. Ситуация усугубилась после того, как был открыт Кавказский фронт. Закавказские тюрки неоднозначно восприняли новость о том, что Российская и Османская империи объявили друг другу войну.

В те годы азербайджанская интеллигенция очень переживала за судьбу братского турецкого народа, единственного независимого тюркского государства – авангарда тюркского мира. Известно, что многие в Азербайджане добровольцами записывались в турецкую армию, дабы противостоять врагам, замышлявшим расчленить Османскую Турцию. Добровольно отправившись на фронт, они встали на защиту Чанаккале и Галлипольского полуострова в 1915 г. В ходе боев с марта по август 1915 г. около трех тысяч выходцев из Азербайджана разделили судьбу 250 тыс. турецких солдат, павших на полях сражений.

В сознании закавказских тюрок все более укреплялись просветительские идеи, пропагандируемые такими общественными деятелями, публицистами

[1] *Салахлы Ч.* Туземная конная дивизия // Газета «Биржа plus». 2004. 3, 10 декабря.

[2] Там же.

и журналистами, как Али-бей Гусейнзаде, Ахмед-бей Агаоглу, Алимардан-бей Топчибашев и Мамед Эмин Расулзаде. В те дни при Чанаккале азербайджанцы сражались бок о бок с турецкими солдатами, в очередной раз доказав, что они являются представителями единого тюркского народа. В годы Первой мировой войны азербайджанские патриоты собирали деньги для нужд турецкой армии.

В 1914 г. азербайджанский народ не испытывал особого энтузиазма от предстоящей войны. Перспектива Кавказского фронта была своего рода краеугольным камнем и сдерживающим фактором для определенных слоев общества. А царский указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» обострил и без того напряженную обстановку и трудное положение населения Азербайджана. Народ оказался в чрезвычайно чувствительной ситуации.

Отношение кавказских тюрков к Первой мировой войне и их симпатии к воюющим сторонам являются предметом отдельного исследования. В этой связи примечателен рапорт главы местной уголовной полиции Руденко бакинскому градоначальнику от 1 ноября 1915 г., в котором говорится: «Отношение кавказских мусульман к войне в целом меняется в зависимости от ситуации на турецком фронте. Когда турки наступают, мусульманское население пребывает в хорошем настроении, а когда они отступают – наоборот. В любом случае как богатые, так и бедные мусульмане поддерживают турок. Если ситуация на фронте изменится не в нашу пользу, мы не можем быть уверены в том, что мусульмане сохранят спокойствие. Согласно источникам среди мусульман, сейчас их взгляды прикованы к событиям на Балканах. Они с нетерпением ждут объединения германских и турецких сил и рассчитывают на то, что турки перейдут в наступление на своем фронте. В случае успеха турок я не исключаю, что может вспыхнуть мусульманское восстание»[1].

Следует особо отметить, что кавказские тюрки были далеко не единственными мусульманами, которые поддерживали в этой войне Турцию и ее союзницу – Германию.

Указ от 25 июня 1916 г. был подписан, несмотря на то, что симпатии мусульман были явно на стороне врагов империи, и это было очевидно. Он предусматривал привлечение в ходе войны мужского инородческого населения империи, не несшего воинской повинности, к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно всяким иным, необходимым для государственной обороны работам. Более того, оно обязывало кавказских мусульман обеспечивать дополнитель-

[1] ГАПДУДПАР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 79. Л. 1.

ную живую силу для работ в прифронтовой зоне. Мусульманское население крайне негативно отнеслось к этому решению царя.

Весть о пресловутом указе дошла до кавказских мусульман за считаные часы. Тем не менее ознакомиться с его содержанием они смогли намного позднее. Этот фактор сам по себе стал предметом для жарких дискуссий и разных сплетен в мусульманском обществе. Более того, по мнению мусульман, текст оставил слишком много неопределенности в вопросе об условиях мобилизации, что стало причиной крайней обеспокоенности среди кавказских тюрков.

Реакция азербайджанской общественности оказалась неоднозначной, но тем не менее она не заставила себя долго ждать. В связи с этим особо выделяется деятельность азербайджанского миллионера и мецената, известного благотворителя, действительного статского советника Гаджи Зейналабдина Тагиева. 30 июня 1916 г. известный меценат выступил с докладом перед бакинским градоначальником. В документе Тагиев подчеркивал, что война оставила глубокий след в жизни мусульман, однако их боевой дух находится на высоком уровне:

«Мы – мусульмане – считаем, что защита отечества является очень важной и нужной миссией. Мы не хотим отставать от других регионов нашей родины и готовы встать на ее защиту. О героизме мусульман, сражавшихся за царя и отечество в составе Кавказской конной дивизии, знают многие. Они вписали славную страницу в историю этой войны», – говорится в докладе, предназначенном для высших русских властей на Кавказе[1].

Примечательно, что Тагиев приветствовал указ о мобилизации мусульман. По его мнению, он стал лишним свидетельством того, что власти относятся к мусульманам как к равноправному населению Российской империи. Он называл его законным и желанным для мусульман юридическим актом.

«Ислам, в первую очередь, учит мусульман к любви к родине. Любовь к отечеству, патриотический дух в крови и генах каждого мусульманина. Эти качества передаются из поколения в поколение через материнское молоко и проявляются в характере всех мусульман. Каждый мусульманин готов умереть за родину», – писал Тагиев[2].

Вместе с тем азербайджанский общественный деятель отмечал недостатки, содержащиеся в тексте документа. Он призывал власти опубликовать соответствующие инструкции и провести разъяснительную работу среди мусульманского населения. Тагиев особо подчеркивал возможную роль местной прессы в деле просвещения населения.

Автор доклада отмечал, что в первую очередь следует определить условия и сроки призыва мусульман на тыловые работы. «Судя по данному тексту, призыву подлежат все мужчины в возрасте от 19 до 25 лет (!). Это значит, что все земледельцы и скотоводы будут мобилизованы, некому будет содержать

[1] *Мамедов М.* Роковое предупреждение // Газета «Region plus». 2014. 2 сентября.

[2] Там же.

целые семьи, детей. Необходимо внести ясность и в религиозные вопросы. Будут ли обеспечены все условия для совершения религиозных обрядов?» – вопрошал он[1].

Меценат подчеркивал необходимость принятия ряда мер для социальной поддержки семей, отцы и мужья которых будут взяты на работу. «Русская женщина отличается своей проницательностью. Она умеет жить в отсутствие мужа и содержать семью. В этом вопросе ей нет равных. Малограмотная мусульманская женщина в хиджабе не может трудиться. Поэтому она не в состоянии содержать семью без мужа», – писал Тагиев[2].

В конце он предлагал временно приостановить мобилизацию до тех пор, пока не будет проведена разъяснительная работа среди населения. По словам Тагиева, для того чтобы сомнения и недопонимание не имели место быть, следует издавать специальные административные инструкции на тюркском языке и распространять их среди населения. Правительство должно с пониманием отнестись к переживаниям мусульман, а местные газеты – опубликовать соответствующие инструкции с тем, чтобы их могли читать грамотные люди, считал он.

Предупреждение Тагиева, имевшее огромное значение, было очень дальновидным шагом. Восстание в Туркестане стало лишним свидетельством тонкости сложившейся ситуации. Позиция Гаджи Тагиева и других известных лиц мусульманской общественности Кавказа, представителей местной прессы, по сути, стала роковой в хорошем смысле этого слова. Благодаря умелым действиям представителей интеллигенции на Южном Кавказе удалось-таки избежать кровопролития и других фатальных последствий указа 25 июня 1916 г.

Принимая во внимание мнения лидеров и общественных деятелей кавказских тюрков, а также чрезвычайно сложную политическую ситуацию, сложившуюся в Туркестане, 15 сентября 1916 г. власти приостановили процесс мобилизации кавказских мусульман.

Известный азербайджанский писатель, журналист, публицист, общественный деятель, революционер, один из отцов-основателей Азербайджанской Демократической Республики Мамед Эмин Расулзаде писал по этому поводу в ежедневной тюркоязычной газете «Açıq söz» (Открытое слово): «Вчера из Тифлиса поступила хорошая для мусульман новость: 21 августа наместник Его Императорского Величества на Кавказе освободил кавказских мусульман от воинской обязанности», – писал в своей газете Расулзаде[3].

Следует отметить, что, встретив сопротивление кавказских мусульман, руководство Кавказского наместничества приняло вынужденное решение о подаче прошения об отмене царского указа от 25 июня 1916 г. Однако из-

[1] *Мамедов М.* Роковое предупреждение // Газета «Region plus». 2014. 2 сентября.

[2] Там же.

[3] *Расулзаде М.А.* Хорошая новость для мусульман // Газета «Açıq söz». 1916. 22 августа.

начально власти не намеревались полностью отказываться от мобилизации мусульманского населения Кавказа. Вскоре было принято решение заменить принудительную мобилизацию кавказских мусульман «добровольной» мобилизацией.

По сути, «добровольная» мобилизация ничем не отличалась от тотальной. Это решение пагубно отразилось на сельском хозяйстве. Практически все мужское население было привлечено к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии[1].

Тяжелая ситуация продолжалась вплоть до середины сентября 1916 г., пока царские власти полностью не отказались от идеи призыва кавказских мусульман на тыловые работы. Сопротивление местных мусульман не переросло в массовые народные волнения, их тотальное недовольство не вылилось в крупные беспорядки, в результате чего удалось-таки избежать кровопролития и столкновений с властями.

Благодаря умелым действиям и четкой, уравновешенной позиции представителей азербайджанской общественности кризис был разрешен мирным путем. Власти приостановили на Южном Кавказе действие указа от 25 июня 1916 г. Новый геополитический расклад и дальнейшие события в Туркестане подтвердили правоту принятого решения.

О реакции казахов Букеевской Орды на Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г.

Первая мировая война ускорила процесс назревания всеобщего кризиса в Российской империи, одним из проявлений которого явилось восстание 1916 г. в Азиатской России. Непосредственным поводом к восстанию явилось Высочайшее повеление Николая II от 25 июня 1916 г. «О реквизиции инородцев Средней Азии и Казахстана для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Это распоряжение не могло, конечно, не вызвать со стороны туземного населения упорного сопротивления.

Восстание охватило Туркестан и Казахстан. Отчасти затронуло оно и казахов Букеевской Орды Астраханской губернии. Букеевская (Внутренняя, Киргиз-Казачья, Киргиз-Кайсацкая) Орда как государственное образование возникла в начале XIX в. и просуществовала до середины столетия. В 1801 г. с разрешения императора Павла I (указ от 11 марта 1801 г.) в междуречье Волги и Урала на освободившиеся после ухода калмыков земли переселились казахи – выходцы из Младшего Жуза (Киши Жуз). Это переселение продолжалось до 1803 г. Основным инициатором казахской миграции был султан Букей, сын хана Младшего Жуза Нурали. В Волго-

[1] *Омаров В.* Азербайджан в годы Первой мировой войны // Газета «Səs». 2012. 12 ноября.

Уральское междуречье он привел 5000 кибиток (семей), а затем прибыло еще 1265 кибиток[1].

Букеевская Орда, хотя и пользовалось внутренней автономией, находилось в прямой зависимости от Российской империи. Территория, на которой находилось ханство, являлось собственностью России, а хан считался находящимся на службе у русского императора. В 1812 г. султан Букей, уже провозглашенный ханом представителями родовой знати с соблюдением старинного ритуала поднятия на белой кошме, был официально утвержден в этом статусе имперской администрацией в г. Уральске[2]. После смерти Букея в 1815 г. ханством управлял в качестве регента при малолетнем сыне Букея Джангире султан Шигай, брат Букея. В 1824 г. в ханское звание был возведен Джангир, правивший Ордой до своей смерти в 1845 г. И хотя ханская власть после него не восстанавливалась (для управления казахами был создан «Временный комитет по управлению киргизской ордой»), вопрос о назначении нового наследника хана не снимался в правительственных органах вплоть до середины 1850-х гг. С этого времени можно говорить об окончательном упразднении Букеевского ханства и начале нового периода в истории Букеевской Орды. С середины XIX в. и до 1876 г. Букеевская Орда подчинялась в административном отношении оренбургскому генерал-губернатору, а с 1876 г. вошла в состав Астраханской губернии[3].

Уже в июле 1916 г. среди казахов Букеевской степи Астраханской губернии начали проявляться волнения по поводу «указа» от 25 июня 1916 г. Так, в телеграмме астраханского губернатора И.Н. Соколовского из Астрахани управляющему земским отделом от 20 июля 1916 г. говорится: «Среди киргизов (т.е. казахов. – *А. С.*) явилось несколько тревожное настроение по поводу предстоящего призыва в отряды рабочих на фронт. По произведенному расследованию, виновником смуты является киргиз Кулманов… Кулманов при посещении мною орды 8 июля, когда я объявил Высочайшее повеление о призыве киргизов в отряды рабочих, явно обнаружил стремление выговорить совершенно не вызывающиеся потребностью льготы для киргизов, получив с моей стороны отказ и внушение. Ныне, по сведениям моим, Кулманов, собрав с киргизов большие деньги, отправился в Петроград с целью ходатайствовать об освобождении киргизов от призыва»[4].

---

[1] *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда // Современник. СПб., 1851. № 10. Т. XXIX. С. 52; *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С. 153, 155.

[2] *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982. С. 91–92, 97–98.

[3] *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. С. 156; *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. С. 54; *Харузин А.Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская Орда). Странички из записной книги. М., 1888. С. 16, 18; *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. С. 4, 94; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор ввод. статьи, коммент. и приложений Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 292.

[4] К истории восстания киргиз в 1916 г. // Библиотека древних рукописей. [Электронный ресурс] // URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XX/1900–1920/Kirgiz_1916/text.php

В дополнении к этой телеграмме губернатор далее уведомлял: «…для исходатайствования отмены реквизиции киргизов из Степи выехала в Петроград депутация в составе Гайдулы Мукашева, киргиза Торгунской части, уволенного от должности правителя части, Джумгали Карагаева, киргиза Таловской части, также уволенного от должности правителя части; также Батырхана Низова, киргиза Таловской части, помощника присяжного поверенного округа Саратовской судебной палаты, лишенного права практики, и Мендыханова, уволенного от должности помощника правителя части и ныне служащего во временном совете… Для подавления агитации в Степи в распоряжение ордынской администрации мною отправлено три взвода казачьего полка»[1].

Среди лидеров казахских волнений в Орде были представители казахской интеллигенции: Б. Кулманов, С. Мендешев, Н. Залиев, М. Сарсанбиев.

Упоминавшийся выше Бахтыгирей Кулманов (1858–1919) – султан-чингизид, общественный деятель, депутат Государственной думы Российской империи I и II созыва от казахов Букеевской Орды, член мусульманской фракции. Обучался на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, работал в штате астраханского губернатора, титулярный советник. В 1903 г. был назначен советником Временного Совета по управлению Внутренней Киргизской Ордой. В 1916 г. выслан из Астраханской губернии, так как призывал к уклонению казахов от тыловых работ. Впоследствии был одним из лидеров партии «Алаш», принимал активное участие в работе правительства Алаш-Орды[2].

Сейткали Мендешев (1882–1938) – в 1903 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, затем работал учителем в аулах Букеевской степи. Тогда Сейткали занялся революционно-пропагандистской работой, распространял политическую литературу, участвовал в организации тайных сходок. Летом 1916 г. выступал против мобилизации казахов на тыловые работы в поддержку народных масс, говорил о нежелательности участия казахов на тыловых работах. Вместе с Н. Залиевым, М. Сарсанбиевым проводили агитацию среди населения против царизма, войны, призывали вооружаться и оказывать сопротивление властям. За подстрекательство казахов к неповиновению власти С. Мендешев был заключен на три месяца в астраханскую тюрьму «Белый лебедь». Отсидев три месяца (с июля по октябрь 1916 г.), он вернулся на родину и поступил на работу в потребительское общество в с. Новая Казанка. Впоследствии С. Мендешев стал видным советским партийным и государственным деятелем, первым председателем ЦИК Киргизской (Казахской) АССР[3].

---

[1] К истории восстания киргиз в 1916 г. // Библиотека древних рукописей. [Электронный ресурс] // URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XX/1900–1920/Kirgiz_1916/text.php

[2] Kazinform. Халықаралық ақпараттық агенттігі. [Электронный ресурс] // URL: http://www.inform.kz/rus/article/2211619

[3] Там же.

В целом можно, однако, отметить, что восстание 1916 г., хотя и сопровождалось некоторыми волнениями букеевских казахов, не привело к их массовому выступлению вследствие, видимо, удаленности Орды от основных очагов восстания, «внутреннего положения» в составе Российской империи, оперативных действий местных властей.

Милитаристские и антивоенные выступления, борьба за национальную самоидентификацию в ходе восстаний 1916 г. в Закаспийской области Туркестанского края

Имперской администрации, поставленной на местах, необходимо было пропагандировать политику «белого царя», формировать общественное мнение, удобное для правления. С этой целью началось издание газет на языках местного населения. Уже в конце XIX в. на узбекском и казахском языках выходила газета «Туркистон вилоятининг газетаси» («Туркестанская туземная газета»), только на казахском языке – газета «Дала уалаяты». Издавалась газета и на туркменском языке – «Закаспийская туземная газета». Примечательно, что газета на туркменском языке начала издаваться именно с началом Первой мировой войны. Именно тогда возникла необходимость в газете на языке местного населения, поскольку необходимо было «рассеивать слухи», проникавшие в самые глухие аулы, о поражениях царской армии, когда нужно было, во избежание волнений, распространять среди коренного населения сведения о «крупных победах», укрепляя таким образом авторитет «белого царя», – решено было приступить к изданию туркменской газеты[1].

Со второй половины сентября 1916 г. был «организован выпуск два раза в неделю бюллетеней на туркменском языке в количестве 700 экземпляров каждого выпуска»[2], что для пропаганды военных действий на фронтах, видимо, оказалось недостаточным[3]. Судя по подписке на 1916 г.[4], тираж газеты не превышал 500–1000 штук. Ее читателями были местные учителя, духовенство и другие грамотные граждане.

Издавалась газета с 14 декабря 1914 г. по 25 мая 1917 г. на туркменском и персидском языках, имела два названия, на русском языке – «Закаспийская туземная газета», на персидском – «Рузнаме маврайы бахры хазар». В газете печатались приказы начальника Закаспийской области, вести с войны по свод-

[1] *Насырли Я.* Нацпечать в Туркмении // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия: «Общественные науки». 1981. № 4. Ашхабад. С. 49–54.

[2] *Ильясов А.* «Закаспийская туземная газета» как источник изучения истории духовной культуры туркменского народа // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия: «Общественные науки». 1964. № 4. Ашхабад. С. 4.

[3] *Чарыяров Ы.Б.* О первой газете на туркменском языке // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия: «Общественные науки». 1981. № 4. Ашхабад. С. 49–54.

[4] Там же. С. 50.

кам Петроградского телеграфного агентства, письма туркменских джигитов с фронта, различная информация из жизни области, в неофициальном разделе печатались материалы по истории туркменского народа, туркменской литературы, стихи туркменских поэтов, полемические статьи туркменских интеллектуалов о просвещении, обычаях, тормозящих развитие туркменского народа и т.д. В начале каждого номера «Закаспийской туземной газеты» помещалось краткое содержание данного номера на русском языке. Вот, например, содержание 1-го номера «Закаспийской туземной газеты», вышедшего 14 декабря 1914 г.: «Письмо туркмена к своим сородичам»; 2) газетный отзыв о геройстве туркменского полка; 3) известия о войне; 4) хроника; 5) биография героя войны – туркмена».

Действительно, большевистская революция коренным народам Туркестанского края была привнесена извне, она была непонятна основной массе его обитателей, стоявших в стороне от революционной борьбы[1].

Чем объяснить, что коренное население оказалось в роли пассивного наблюдателя происходящего?[2]

Во-первых, туркмены в своем подавляющем большинстве не верили ни большевикам, ни их противникам, одинаково видя в них пришельцев, захватчиков, которые, кроме беды, ничего им не принесут. Для кишлачной и аульной бедноты и дехканства единственным источникам зла и притеснения являлось русское владычество. Об этом, утверждал Р.М. Эсенов, свидетельствует вся история российского имперского колониализма в Туркестане.

Во-вторых, нельзя исключать влияния на туркменский аул феодально-клерикальной знати в лице родовых вождей и религиозных деятелей, а также национальной буржуазии, которые сами к началу октября еще не определились, за кем идти, ибо им одинаково ненавистны были и большевики, и те, кто боролся с ними.

О революционном движении, социал-демократических организациях в дооктябрьском Туркменистане и распространении оппозиционных течений и идей до 1917 г. написано достаточно много серьезных исследований, которых, правда, не миновали веяния времени[3]. В этих работах немало страниц,

[1] *Эсенов Рахим.* Духовная оппозиция в Туркменистане. 1917–1935. М., 2002.

[2] Автор Р.М. Эсенов признает ошибочность своей прежней позиции по этому вопросу, изложенной в монографии «Большевистское подполье Закаспия». М., 1974. См. также его документальные романы: *Эсенов Р.М.* Предрассветные призраки пустыни: роман. Кн. I. М., 1976; *он же.* Тени «желтого доминиона»: роман // послесловие С. Абрамова. М., 1983; *он же.* Легион обреченных: роман. М., 1988.

[3] Революционное движение в Туркмении в 1908–1917 гг.: сборник документов. Кн. IV. Ашхабад–М., 1946; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане. Ашхабад, 1954; Революционное движение в Туркменистане в 1907–1917 годах. Ашхабад, 1970; Материалы революционного движения в Туркмении (1904–1919 гг.). Ташкент, 1924; *Козлов Т.С.* Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении (1904–1916 гг.). Ашхабад, 1928; см. также статьи указанного автора в журнале «Туркменоведение» 1930. № 12; 1931. № 3–4, 7–9; *Росляков А.А.* Революционное движение и социал-

посвященных национально-освободительной борьбе, ее видным лидерам, но обо всем этом, как правило, было принято писать только в связи с революционно-демократическим движением. В советской исторической науке восстание лишь в том случае признавалось народным, национально-освободительным, если оно связывалось с большевистскими организациями или же с революционной борьбой российского пролетариата. Иначе любое выступление, даже такое крупное, как восстание Джунаид-хана в феврале 1916 г., выдвинувшего «ряд требований, волновавших сердца трудового народа, отвечавших его надеждам и чаяниям»[1], могли объявить «феодальным мятежом, возглавленным туркменской племенной аристократией и частью узбекских чиновников»[2].

В советское время над каждым ученым, осмелившимся высказать свое мнение, приподнять завесу умалчивания о национально-освободительном движении, висел дамоклов меч обвинения в национализме, как это случилось с профессором Г. Непесовым, автором известных монографий о народных революциях в Северном и Восточном Туркменистане и в Хорезме.

Туркменский дайханин питал глубокое недоверие к грубой, насильнической политике царских колонизаторов. Из истории русского владычества в Туркестане невозможно стереть зверские расправы, учиненные «просвещенными» колонизаторами над «дикими туземцами». Чувство протеста против русского господства образно выразил Бекки Бердыев[3], сын богатого и известного в Мерве бая Эмира-хаджи[4], арестованного в 1932 году по надуман-

демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900 – март 1917). Ашхабад, 1957; *Хадыров Т.* Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане (1900–1917 гг.). Ашхабад, 1971; *Аннанепесов М.* Участие солдатских масс в революции 1905–1907 гг. в Туркменистане. Ашхабад, 1966; *Реджепов П.* История Кизыл-Арватского вагоноремонтного завода (1880–1937 гг.). Ашхабад, 1968; История Туркменской ССР. Т. I–II. Ашхабад, 1957; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1965; История Коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. Темы революционного движения, деятельности его видных лидеров и социал-демократических организаций поднимаются в трудах Ш. Батырова, Ш. Тышлиева, О. Кулиева, А. Каррыева, Н. Кулиева, К. Кулиева, Т. Дурдыева, М. Языковой, М.М. Абаевой и др.

[1] История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. М., 1971. С. 43.

[2] Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. С. 59.

[3] Бекки Бердыев (1897–1970) до Октября и в первые годы после революции занимался коммерцией. Окончил асхабадскую гимназию. Отличался необычной эрудицией и разносторонностью знаний. В белогвардейском правительстве Закаспия занимал пост министра продовольствия. После образования Туркменской ССР работал в системе Наркомпроса, сторонник и проводник латинизации туркменского алфавита. Обвинялся, как и его отец Эмир-хаджи, в сотрудничестве с царской охранкой. После отбытия 10-летнего тюремного заключения в 1942 г. был сослан в Ухту (Коми АССР), а затем переведен в Узбекистан. В июле 1958 г. реабилитирован «за недоказанностью участия в контрреволюционной организации «Туркмен Азатлыгы» (АКНБТ. Д. П48577. Т. 1. Л. 217; Т. 5 Л. 58–59, 65; Т. 12. Л. 101–102).

[4] Отец Б. Бердыева – Эмир-хаджи Бердыев (родился в 1861 г.) – крупный бай и промышленник, постоянно проживал в ауле Геокча-1 Мервского района. В 1910 г. вступил в националистическую партию «Иттихад-ва-Тараки», участвовал в деятельности ее мервского

ному делу о «контрреволюционной антисоветской организации “Туркмен азатлыгы”. В застенках ГПУ, где его приговорили к десяти годам лишения свободы за принадлежность к несуществующей организации, он вспомнил своих родителей, испытавших ужасы осады царскими войсками Геокдепинской крепости: «Русские в то время, – заявил Б. Бердыев на допросе, – олицетворяли самое бесцеремонное насилие, что наши матери, пытаясь угомонить расшалившихся детей, пугали их словами: «Кес сесини, орус гелйэр!» – «Замолчи, русский идет!»[1]

Никто сейчас не может сказать, когда родилась эта горькая поговорка. Может, в пору генерала Головачева, покорявшего хорезмских туркмен в 1873 г., то ли в экспедицию Скобелева, прозванного «гози ганлы» – «с кровожадными глазами», не щадившего в Геокдепинскую кампанию ни малого, ни старого, или позже, в 1916 г., который в народе нарекли «Галкин йылы» – «Годом Галкина» по имени карателя, преподавшего уроки безжалостности и зверства во время второй карательной экспедиции против хивинских туркмен[2].

Туркменская национальная оппозиция в Закаспии возникла как протест против завоевания Туркменистана царизмом. Формы народного сопротивления были различны: от бунтов и восстаний до создания оппозиционных групп, течений и организаций.

филиала. Принимал участие в белогвардейском мятеже 1918 г. в Закаспии, сотрудничал с английскими оккупационными войсками. В 1919 г. ездил в Константинополь для переговоров с тамошними национальными деятелями об оказании помощи турецким правительством мусульманским организациям Туркестана. Был принят турецким султаном. Близко общался с известными лидерами туркестанской эмиграции Заки Валидовым, Мустафой Чокаевым и др. В начале марта 1928 г. был выслан органами ГПУ в Оренбург, где отбыл трехлетнюю ссылку. В апреле 1932 г. был арестован, лишен гражданских прав и вскоре умер в Ташкентской внутренней тюрьме ГПУ Узбекистана (АКНБТ. Д. П48577. Т. 1. Л. 340, Т. 5. Л. 614, Т. 12. Л. 119). Эмиру Бердыеву поэт Ата Салих в 1920 г. посвятил свои строки:

Эмир Хажы инлисе элин булады, // Эмир хаджи позвал англичан,
Дашары юртдан кемек диледи, // Пришла помощь из-за рубежа,
Овезбай алжырап, лебин ялады, // Овезбай, опешив, облизал губы,
Большевиги басан болмаз, яранлар. // Никто не задавит большевиков, друзья.
(Ата Салых. Сайланан эсерлер. Ашхабад, 1951. С. 28).

[1] АКНБТ. Д. П48577. Т. 1. Л. 225.

[2] Об этих событиях, помимо указанной ранее литературы, см: Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад, 1946; Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1960; Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы). Ашхабад, 1938; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., 1960; История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957; *Аннанепесов М.* Восстание 1916 г. в Туркменистане // Известия Академии наук Туркменистана. Серия: «Гуманитарные науки». 1992. № 1. С. 3–11. В последней работе академик М. Аннанепесов объективно воссоздал панораму движения народных масс Средней Азии и Казахстана, направленного против национального гнета со стороны царской администрации, показал, что восстание 1916 г. по своему характеру было антиколониальным национально-освободительным движением народов региона. Аннанепесов прослеживает, как на территории современного Туркменистана возникли три серьезных очага движения 1916 г.: Теджен, юго-западные районы и Северный Туркменистан.

После присоединения Закаспия к России молодые люди из туркмен с благословения царской администрации стали обучаться в местных конфессиональных и смешанных русско-туземных школах, гимназиях, учительских семинариях, в светских и военных учебных заведениях России. По возвращении на родину они становились учителями, военнослужащими, переводчиками, писарями, мелкими чиновниками, составляя первую когорту туркменской интеллигенции. Именно в этой среде появились первые оппозиционеры, выступавшие против колонизаторской политики царской России.

Одновременно увеличилось число туркмен, обучавшихся в духовных учебных заведениях Бухары, Хивы, Казани, Уфы и Турции. По свидетельству С. Овезбаева, если до русского завоевания число духовных лиц туркменского происхождения исчислялось единицами (Ак Ишан, Торе Ахун, Молла Овез Карры и др.), то за последующие 36 лет их число возросло до сотни. Возвращаясь на родину после завершения учебы, они открывали свои медресе и воспитывали большое число учеников, которые становились муллами, ахунами и казиями[1].

Советская историография была часто необъективна и тенденциозна при оценке многих событий и исторических личностей, чья жизнь и деятельность приходится на описываемый период. Немало ошибок, например, было сделано при оценке Джунаид-хана – этой весьма колоритной и противоречивой личности. Джунаид-хан был ярым врагом большевистской власти, однако явно абсурдно утверждение, что он был английским шпионом и в «угоду турецкому султану и английским правителям хотел отделить население Хивы и Каракалпакии от России, для чего поддерживал связи с главнокомандующим английского войска, находившимся в Мешхеде»[2]. Несомненно, Джунаид-хан мечтал о самостоятельном туркменском ханстве, во главе которого видел себя, но едва ли можно утверждать, что он – английский шпион. До настоящего времени ни один исследователь не привел ни одного серьезного доказательства этого утверждения. К тому же в Первую мировую войну турецкий султан выступал на стороне Германии против Антанты, в которую вместе с Россией входила и Великобритания.

Приведу еще один факт предвзятого, ненаучного толкования событий того времени. В восстании 1916 г., как известно, активно участвовали бек

---

[1] *Овезбаев С.* Сквозь тьму веков – к новой культуре // Туркменоведение. 1927. № 2–3. С. 32. Сеидмурат Овезбаев (1889–1937) родился в небогатой семье Овезбая Геоклена, жителя аула Изгант Ахальского оазиса. Был отдан учиться в Оренбургский кадетский корпус туркестанским генерал-губернатором Куропаткиным. Затем окончил Елисаветградское военное училище. В царской армии имел звание штабс-ротмистра. В 1932 г. был осужден на 10 лет за принадлежность к так называемой организации «Туркмен Азатлыгы». В 1937 г. расстрелян в Соловках за распространение клеветнических измышлений о вожде народов тов. Сталине» (АКНБТ. Д. П48577. Т. 4. Л. 352; Т. 7. Л. 1; ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 55. Л. 14–15).

[2] История Каракалпакской АССР (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1986. С. 165.

города Ходжейли Овезджан Ходжа и Джунаид, поддержанные населением Хивинского ханства. Походы на Хиву Овезджана Ходжи и Джунаид-хана – это два звена одной цепи, но советские исследователи почему-то искусственно разделяли их. Выступление бека Овезджана Ходжи во главе повстанцев, руководители которых были затем казнены, характеризовалось как «прогрессивный этап хивинского восстания», а захват Джунаид-ханом Хивы расценивается как «угодничанье турецкому султану и английским правителям»[1].

Известно, что население Хивинского ханства выступило против деспотии Асфендияра. Жители туркменских районов Хивинского ханства, воспользовавшись сложившейся обстановкой, особенно с возвращением Джунаид-хана из Афганистана осенью 1917 г., свели давние счеты с эксплуатирующими их узбекскими феодалами, разгромив их села[2].

К сожалению, история национально-освободительного движения в Туркменистане – по-прежнему белое пятно в туркменской историографии. История формирования буржуазных партий Средней Азии, деятельность кружков и групп панисламистов и пантюркистов, зародившихся в городах Туркменистана, ждут серьезного исследования. Необходимо пересмотреть отношение к таким неординарным личностям, вставшим во главе туркменского национально-освободительного движения, как Джунаид-хан, Эзиз-хан, Ходжакули-хан и др.[3]

Мы никак не можем объединить все «басмачество» в одно целое и судить о нем, не проводя демаркационной линии. Имя Джунаида (Гурбан Мамед Сардар, 1957–1938) было отнесено к категории «басмач» в советской мемуаристике. Вслед за мемуаристикой советская историография также накопила немало исторических материалов и документов, свидетельствующих о разбойничьих нападениях банд Джунаид-хана. В период независимости историки попытались дать объективную оценку деятельности Джунаид-хана на военно-политической арене Хорезмского оазиса. В последнее время в современной историографии намечается тенденция возвеличивания личности Джунаид-хана. В этой связи необходимо ознакомить общественность с документами о реальной деятельности одной из одиозных личностей[4].

Джунаид-хан выступил с самого начала своей разбойничьей и военной карьеры как способный и хитрый организатор. Примкнув к восстанию

---

[1] Джунаиду удалось захватить ханский дворец и убить двух министров хана. Он провозгласил себя ханом, но под давлением царских войск был вынужден оставить город, предварительно получив от хана Асфандияра выкуп. Царские каратели повесили Овезджана Ходжу, его брата Мамуджана и других сторонников Джунаида (*Мурадов С.* На разгром Джунаида. За Советский Туркменистан (1917–1920) // Воспоминания участников революции и гражданской войны. Ашхабад, 1963. С. 405).

[2] *Мухамедбердыев К.Б.* История Хорезмской революции. Ташкент, 1986. С. 42.

[3] *Эсенов Р.* Духовная оппозиция в Туркменистане. 1917–1935. М., 2002. С. 39.

[4] *Сейтназаров М.С.* О личности Джунаид-хана в истории // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. Нукус, 2012. № 4 (229). С. 66, 67.

1916 г., он со своим «избранным отрядом» занимался исключительно грабежами и убийствами мирного населения городов и сел ханства. Беспощадный в своих насилиях над массами всех национальностей и племен без исключения, Джунаид пользовался поддержкой не только туркменских мохердаров и кетхуда, с которыми он делился добычей, но и царских чиновников. Народ питал к нему глубокую ненависть и презрение, прозвав его «хан-байтал» («хан-кобыла»).

Джунаид во главе хорошо вооруженных всадников общей численностью 150–200 10 февраля 1916 г. выступил из аула Бедеркент Тахтинского района и на следующий день появился в узбекских городах Ханки и Гурлен. В этих городах узбекские и каракалпакские ишаны признали и провозгласили Джунаида хивинским ханом. С горожан, отказавшихся признать его ханом, Джунаид силой оружия в течение двух дней получил свыше 260 000 руб. штрафа, Ургенч был обложен 261 000 руб. контрибуции.

Джунаид к вечеру 13 февраля прибыл в столицу. Большинство восставших считали, что пришли помогать побеждающим повстанцам. В действительности случилось другое. Джунаид потребовал к себе хана Асфендиара, который сообщил ему, что готов исполнить все требования.

Еще 11 февраля 1916 г. Джунаид, находясь в городе Ханки, отправил хану Асфендиару письмо с требованием добровольно отречься от престола и получить согласие представителей царского правительства на согласие на признание Джунаида ханом Хивы. Дождавшись кульминационного момента восстания, Джунаид явился в Хиву, чтобы склонить высших узбекских сановников и русскую администрацию дать согласие на провозглашение его хивинским ханом. Но представители российского имперского правительства не смогли согласиться со сценарием дворцового переворота в Хивинском ханстве. Российская имперская власть ответила категорическим отказом на предложение ханского двора принять предложение Джунаида. Родовой вождь туркмен решил компенсировать утраченные политические намерения грабежами и убийствами узбекского населения Хивинского ханства. Джунаид обратился к хану Исфендиару и предложил ему выплатить 60 000 рублей за то, что он сохранил ему жизнь. Хан Исфендиар немедленно распорядился выдать ему требуемые деньги. Грабительские деяния Джунаида были прекращены известиями о появлении в окрестностях городов Гурлена и Ургенча воинских отрядов генерала Галкина. Опасаясь преследования, всадники Джунаида, конвоируя награбленные трофеи, 14 февраля 1916 г. вернулись в свои аулы. Навьючив несколько верблюдов захваченными им драгоценностями, в сопровождении двух десятков всадников неудачливый претендент на ханский престол скрылся пустыне Каракум. Далее его путь лежал сначала в Иран, затем в Афганистан. Джунаид всерьез опасался повстанцев, угрожавших ему расправой, грозивших за изменническое и предательское поведение во время восстания.

Джунаид также опасался репрессий Российского правительства за попытку узурпировать власть в Хивинском ханстве. Военная разведка Российской империи располагала к осени 1914 г. агентурными сведениями, на основании которых объявила Джунаида турецко-германским агентом. Однако среди части русских офицеров существовало мнение, что его можно и нужно использовать в своих интересах, несмотря на то, что, по сведениям Туркестанского районного охранного отделения, в ставке Джунаида проживал какой-то турок, прибывший в Хивинское ханство после вступления Турции в войну с Российской империей.

Дунгане в трагических событиях 1916 г. в Семиречье

Дунгане (хуэй) – потомки китайских беженцев, которые, спасаясь от неминуемой гибели от рук китайских карателей, самовольно переселились на территорию Российской империи в результате поражения антицинского Дунганского восстания 1862–1878 гг. В результате двух этапов переселения на территорию Туркестанского края, главным образом Семиреченской области, водворилось около 20 тыс. дунган, что составляло 0,7% всего населения края[1]. Переселение земледельческого экономически активного податного населения соседнего района Китая (уйгуров и дунган) значительно затруднило и замедлило восстановление и упрочение военного могущества Китая в верхней части Илийской долины из-за того, что с уходом земледельцев содержать китайские войска стало практически некому. Для России же прибавление трудолюбивых оседлых мигрантов, преданных российской власти и видящей в ней своего спасителя, оказало самое благотворное влияние не только на внешнее, но и на внутреннее положение на китайской границе.

Среди главных политических целей при разрешении на переселение кульджинцев (уйгуров и дунган) было желание российских властей иметь на границе население, враждебно относящееся к китайцам, которое бы, за отсутствием здесь русского населения, могло стать серьезным сдерживающим фактором от враждебных вожделений восточного соседа. О значении дунган для Семиречья полковник генерального штаба Л.Ф. Костенко писал следующее: «Для русских дунгане, переселившиеся в наши пределы, составили поистине приобретение. Они усилили колонизационный элемент наших пограничных областей и, кроме того, в случае войны с китайцами, составят надежную милицию, которая окажет значительную помощь нашим войскам»[2].

В Семиречье дунгане образовали четыре волости: Джаркентско-Дунганскую (ныне Тараз, Казахстан), Мариинскую (Ырдык, рядом с Пржевальском,

[1] *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. С. 273–274.

[2] *Костенко Л.Ф.* Чжунгария: военно-статистический очерк: сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXVIII. СПб., 1887. С. 99.

Киргизстан), Николаевскую (Масанчи, Казахстан) и Александровскую – к западу от Пишпека (Бишкек, Киргизстан).

В начале XX в. для зажиточных дунган было характерным сочетание земледелия с торговлей или ростовщической деятельностью, что отражало постепенное развитие в области товарного земледелия. Так, в с. Александровском имелось 69 торговых заведений с оборотом в 30 тыс. руб. в год, в с. Николаевском – более 10 торговых заведений с оборотом в 5 тыс. руб., в с. Мариинском – 8 торговых заведений с оборотом в 17 тыс. руб.[1], в 1912 г. на 519 дворов этого села приходилось 25 тыс. голов мелкого рогатого скота[2]. В г. Пишпеке дунганские купцы и торговцы имели более 50 торговых заведений[3].

Проникновение капиталистических отношений в дунганскую общину способствовало ее расслоению, появлению зажиточных и богатых хозяйств, которые захватывали общинные земли или скупали земли своих односельчан. «Опираясь на волостные управления, богатые дунгане захватывали земли лучшего качества и в большом количестве, а бедняки пользуются только остатками, не захваченными богатыми», – писал современник[4].

В ряде отношений военному губернатору Семиреченской области отмечается, что во время войны положение коренного населения края, в том числе дунган, резко ухудшилось, что было связано с непрерывной реквизицией рабочего скота и изъятием сельхозпродукции, увеличением налогов и повинностей, постоянным принудительным сбором «добровольных» пожертвований, ростом дороговизны в крае[5]. В советской историографии изъятие земли и водных источников вместе с усилением колониального и феодального гнета царской России в отношении населения Семиречья рассматривались как основные причины восстания 1916 г.

Однако локализация рассматриваемых событий в рамках Туркестана и Семиречья, без учета сложившейся международной обстановки в регионе и вокруг России, не позволяет восстановить объективную картину восстания и определить те силы, которые стали его истинными виновниками. Восстания 1916 г., прокатившиеся по огромной территории окраин Российской империи (Кавказ, Туркестан, Степной край), принесшие колоссальные людские и материальные потери, по своему трагизму и географическим масштабам не уступали происходившим в это же время боям на фронтах Первой мировой. Эти восстания необходимо рассматривать в контексте глобальной мировой исто-

[1] Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области. Верный, 1913. С. 106–109, 122, 130, 143.

[2] *Недзвецкий В.* Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области. Верный, 1913. С. 130–131.

[3] ЦГА КР. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 63. Л. 26.

[4] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

[5] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16908, 18913 и др.

рии, где движущей силой являлось стремление крупных империалистических держав, проводивших захватническую политику в Европе и Центральной Азии, вытеснить Россию из этого региона. Для достижения этой цели использовались все средства – от эскалации внутренних конфликтов в государствах до открытых военных столкновений между ними.

Накануне и во время восстания на внешних границах Российской империи создалось тревожное положение: поступали сведения о снабжении китайцами киргизов оружием, со стороны Афганистана, Персии, у части туркменского населения наблюдалось оживление воинствующих сил, готовящихся выступить против России[1]. В секретных донесениях русского консульства в Китае отмечалось, что в Кабуле немцами открыт оружейный завод, где ежедневно изготовлялось по 100 и более ружей. В г. Бадахшан прибыло несколько германцев и 18 пушек, изготовленных на этом заводе. Из Афганистана поступали сведения, что в город Ханабад приехало пять немцев и три турка, все они – офицеры, обучают афганских солдат, по слухам, афганцы собирались начать военные действия против России с местности Дарбаз и Куляб[2]. Не исключено, что в случае победы повстанцев эти обученные войска готовились вступить на территорию Туркестана.

Одновременно и в Туркестанском крае Российской империи, и в Китае предпринимались попытки дестабилизации ситуации, распространялись тревожные слухи одинакового содержания среди мусульманского населения двух соседних стран, активизировались различные деструктивные силы и преступные сообщества. В феврале 1916 г. поступают тревожные секретные сведения Российского императорского консульства в Кашгаре о том, что среди китайского населения циркулировали слухи, что власти предполагают привлечь мусульманское население к отбыванию воинской повинности и распространяются слухи о готовящемся восстании[3].

О степени и глубине внедрения немецких агентов в Ставку Главного командования и правящие круги России говорит хотя бы тот факт, что сама императрица, немка по происхождению, настойчиво требовала сепаратного мира с Германией. Эта же идея активно продвигалась при помощи большевиков во главе с Лениным, призывавшим к борьбе с войной, миру с Германией без аннексий и контрибуций и полной ликвидации в России государственного аппарата и армии («Апрельские тезисы»).

По совету императрицы и ее окружения во главе с Г. Распутиным Николай II 20 января 1916 г. назначил Б.В. Штюрмера, имевшего репутацию германофила, председателем Совета министров. С 3 марта 1916 г. он был назначен

---

[1] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 185–186.

[2] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 39–40, 43.

[3] Там же. Л. 9–11, 17.

министром внутренних дел, а с 7 июля одновременно еще стал и министром иностранных дел[1]. Союзники восприняли известие о новом назначении Штюрмера как победу закулисных германских влияний, как первый шаг царя к установлению мира с Германией. Именно Штюрмер являлся автором Высочайшего повеления о привлечении инородцев для работы в тылу и экстренно, не дожидаясь выработки условий набора рабочих, предъявил коренному населению Туркестана заведомо невыполнимые требования[2], ставшие причиной кровавых событий на окраинах России. И это был не единичный случай провокационной, вредительской деятельности членов правительства против интересов Российского государства и его граждан[3].

Восстание стало результатом провокационной деятельности ряда государственных чиновников, жандармов и военных, представителей имперской и «туземной» администрации, использовавших набор тыловиков с целью наживы и грабежа коренного населения. Своей хищнической деятельностью в отношении местных народов и природных ресурсов края они наносили огромный вред экономическим интересам и престижу России в этом регионе.

Неэффективная организация управления Туркестанским краем и контроль над ним позволял незаконно обогащаться административному аппарату, как за счет хищений из казны, так и за счет грабежа населения. Огромные суммы собираемых с русского и инородческого населения налогов и податей не доходили до государственной казны, оседая в карманах высшего руководства и всей низшей русской и «туземной» администрации. Б. Мухлынин[4] отмечает, что, согласно Положению об управлении краем, налог с отдельного юртовладельца мог быть снижен до 30 копеек в зависимости от его благосостояния или затрудняющих обстоятельств. А общая сумма налогов и сборов с киргизской кибитки в пользу государства официально составляла около 9 руб.[5], в то время как с русских крестьян Семиречья ежегодный налог в 1905 г. составлял 33 руб. 55 коп[6].

На деле с киргизской семьи взимали налоги и подати в размерах, в несколько раз превышающих обязательные государственные сборы. Здесь нужно учитывать, что одна семья русского казака владела участком в несколько

---

[1] *Пескова Г.Н.* Б. В. Штюрмер (министр иностранных дел 7 июля – 10 ноября 1916 г.) // Дипломатический вестник. 2001. Декабрь.

[2] *Бахтурина А.Ю.* Управление в Туркестанском крае накануне и во время восстания 1916 г. / В сб.: Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). М., 2015. С. 48.

[3] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1993. С. 78, 87, 112–113; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 1991. С. 29, 81, 87, 99, 110.

[4] *Мухлынин Б.Ф.* История села Беловодское: В 3 т. СПб., 2015. [Электронный ресурс] // URL: http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0–2

[5] Семиреченские областные ведомости. 1910. 5 декабря.

[6] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 184. Л. 393.

десятков гектаров земли, в то время как вся киргизская волость могла не иметь столько пахотной земли.

Так, в жалобе от 27 октября 1913 г. жителей аила № 6 Саяковской волости Пишпекского уезда говорилось: «Имея ничтожное количество скота, обложены уплатой податей от 24 до 48 руб. от каждой кибитки, тогда как собрать у нас всех весь наличный скот, то и тогда не хватит для уплаты. Богачи же, имеющие по 1000 и более баранов, при переписи свой скот скрывали и записали в посемейные списки самое малое количество, а на бедных записали то, чего они не имеют». Манапы и волостные перекладывали всю тяжесть налогового бремени на плечи простого населения, которое более всего страдало от гнета своих эксплуататоров, а потом уже – от царского гнета[1].

Коррупция являлась неизбежной атрибуцией чиновничьих злоупотреблений не только в отношении коренного населения, но и русских переселенцев, что было предопределено отдаленностью объекта колонизации и, как следствие, практиками предоставления имперским чиновникам широких административных полномочий.

Незаконные поборы с населения и вымогательство денег у состоятельных жителей Семиречья осуществлялись также организованной полицмейстером г. Верного Поротиковым сетью «туземных жандармов», пользовавшихся покровительством губернатора Фольбаума. Именно эти люди были настоящими хозяевами Семиречья: к ним стекалась вся информация обо всех событиях, происходящих в толще местного населения и о настроениях народа; их боялись, потому что в их руках находились полицейско-судебная власть и военные. Против состоятельных и влиятельных «туземцев», не пожелавших дать выкуп, Поротиковым фабриковались дела об их политической неблагонадежности и пособничестве Турции. Фольбаум подписывал приказ об аресте несчастного, который подвергался тюремному заключению или высылке. По получении выкупа, исчисляемого десятками тысяч рублей, обвиненные освобождались из-под ареста[2].

Поротиков и его агенты, некоторые представители местной администрации и суда[3] сознательно создавали панику в киргизских волостях, запугивая население, что их возьмут на фронт и поставят перед неприятелем, агитируя за протестные выступления против реквизиции рабочих. В тех местах, где побывали агенты Поротикова, везде впоследствии вспыхивало восстание. Посылаемые им в разные волости агенты во главе с Исабаевым, занимались поборами, отбирая у населения скот, деньги, кошмы, дорогие седла и домашние вещи, что в немалой степени спровоцировало восстание в этих волос-

---

[1] *Мухлынин Б.Ф.* История села Беловодское. [Электронный ресурс] // URL: http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0–2

[2] Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г.: его причины, течение и постепенная ликвидация / ФРРК НБ РК. Инв. № 62. Л. 14–15.

[3] ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 806, 807.

тях. Начавшееся восстание казахов и киргизов стало следствием раздражения массы населения вызывающими действиями Поротикова, Исабаева, пристава Гилева и волостных управителей, которые вносили в список рабочих родственников своих партийных врагов. Протест против волостного управителя постепенно перерастал в открытое волнение, а действия агентов Поротикова (поборы около станций Самсы и Тарган Ботпаевской волости и др.) спровоцировали уже массовые выступления коренного населения. Командировка Исабаева с помощниками в Пржевальский уезд также способствовала обострению отношений между киргизами, имперской властью и русским населением. Исабаев привез оттуда разных дорогих вещей на двух лошадях и два пуда (32 кг) опиума, который продал в селении Чарын по 35 руб. за фунт (410 г)[1].

Задолго до восстания в Верненском, Пишпекском, Пржевальском уездах (13 июля) агентами Поротикова были арестованы несколько киргизов, а также они побывали в дунганском поселке Каракунуз, арестовали волостного Булара Могуева, не пожелавшего дать выкуп. Во всех местах, где побывали они, впоследствии возникли серьезные события[2]. Отказ Могуева дать выкуп агентам Поротикова, позволив ограбить своих соплеменников, стал причиной приказа Фольбаума об аресте Б. Могуева[3].

Распространение клеветы и ложных слухов было приемом, широко применявшимся агентами полиции, военными и администрацией с целью вымогательства, устранения неугодных, подстрекательства населения к беспорядкам и антиправительственным выступлениям. Фольбаум признавался, что среди русских были злостные провокаторы, полагавшие, что бунт киргизов принесет выгоды русским как при подавлении мятежа, так и после возможной конфискации земель[4]. Поротиков и его агенты были авторами донесений, истинность которых вызывает большие сомнения, в которых Могуев рисуется как один из главных организаторов восстания коренного населения Семиречья[5]. Слухи подобного содержания также активно распространялись по степи и горам. В лице Могуева киргизы и казахи должны были видеть поддержку Китая и Турции, готовых якобы поддержать повстанцев и помочь им оружием.

Начальник сыскного пункта Семиреченской области ротмистр Железняков после проведения следственных мероприятий и опроса киргизов писал в телеграмме Верненскому губернатору, что «сведения о Б. Могуеве оказались киргизскими сплетнями, основанными на легендном понятии о нем»[6].

---

[1] ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 818. Л. 3–4.
[2] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 141.
[3] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 19369. Л. 44–45.
[4] Там же. Оп. 2. Ст. 2. Д. 16921. Л. 222.
[5] Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2140. Св. 92. Л. 100; там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 101–103.
[6] Восстание 1916 года: документы и материалы / под ред. К.А. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 199, 216.

В ходе следственных мероприятий, проведенных после восстания, были найдены письма и вещественные доказательства, указывающие на связь самого Поротикова с немецкими агентами в Китае и запрещенной партией «Гэ-лао-хуэ» («Гэлаохой»)[1].

При разрешении на переселение дунган на территорию Российской империи одним из условий было причисление их к мещанскому сословию и отбывание воинской повинности. После полутора десятков лет гонений и скитаний в Цинском Китае дунгане в Семиречье получили возможность мирно жить и трудиться, поэтому они испытывали чувство благодарности к российским властям. Вице-губернатор Семиреченской области Колосовский, говоря о дунганах, писал, что «именно этим выходцам из Китая жилось особенно привольно под покровительством русских властей; все они достигли значительного материального благосостояния, вели крупную торговлю и имели постоянное общение с русскими»[2].

Поэтому никаких эксцессов в связи с мобилизацией дунганской молодежи на фронт или при реквизиции рабочих для тыловых работ не отмечалось. На фронтах Первой мировой войны воевало около 1500 дунганских солдат[3]. Единственное, о чем просили дунгане Николаевской волости на сходе 10 июля, это предоставить им двух- или трехмесячную отсрочку от мобилизации для уборки хлеба и риса, так как, отвечая на воззвание Военного губернатора Семиреченской области, в тот год они увеличили площади посевов в два раза. Дунгане писали: «Мы всегда готовы служить и защищать белого царя и родину, не то что копать окопы и проч. И даже готовы идти прямо в бой, но только умоляем начальство дать время убрать хлеба, дабы жены, дети, старые люди и население могли жить с хлебом и не голодали»[4].

Старшина с. Каракунуз Губэ Вантянши показывал на следствии: «Когда было объявлено распоряжение о призыве туземцев на военные работы, то проживающие в Каракунузе китайцы в числе трех человек, на вид влиятельных, стали смущать молодых дунган нашего селения, подлежащих призыву, восстать против русских и вступить в общество «Гэ-лао-хуэ», в каковом обществе эти китайцы состоят членами. Общество «Гэ-лао-хуэ» стремится создать не только в китайских пределах, но и в пределах Туркестанского края особые ханства под управлением особых лиц из туземного населения и очистить этот край от русских. Когда об этом узнали жители – дунгане селения Каракунуз, то решили собраться в мечети, принять присягу в том, чтобы не изменять русскому правительству, а если понадобится, то умереть вместе с русскими и

[1] ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 818. Л. 44, 190, 309–312.

[2] *Лачко А.Ф.* Копийные материалы по теме: «Аграрная политика царизма в годы столыпинской реакции». 1948 // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. № 156. Л. 163.

[3] *Юсуров Х.* Переселение дунган в Семиречье. 1951 / РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. № 1063. Л. 35.

[4] Восстание 1916 года: документы и материалы / под ред. К.А. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 117.

не вступать в преступное общество, что и сделали. Все эти дунгане доказали на деле, организовав добровольческие дружины из молодых дунган, дерущихся теперь вместе с русскими, против восстания киргиз»[1].

Один из чиновников Туркестанского охранного отделения, анализируя восстание, писал, что не все киргизы принимали участие в восстании. Примерно треть киргизов совершенно не участвовала в восстании и если ушла в горы, то лишь из опасения быть уничтоженными русскими отрядами. Треть киргизов была принуждена так или иначе принять участие в восстании из опасения быть перебитыми своими сородичами. Несочувствие части киргизов восстанию доказывается тем, что многие киргизы предупреждали русских о приготовлении к мятежу, и тем, что много русских, попавших в киргизский плен, было спасено, а в некоторых случаях и уведено из плена киргизами. Кара-Булакская волость (на юге Пишпекского уезда) даже выступила против своих же киргизов и отстояла русское селение[2].

Администрация не предпринимала никаких разъяснительных мер по поводу указа, а наоборот, пугала и сеяла панику среди местного населения, чтобы повысить откупные ставки от призыва. Откупная система и несправедливость при составлении списков мобилизуемых еще сильнее обострила вражду между бедными и богатыми внутри волости и вызвала волну протестов, направленную прежде всего против собственной «туземной» администрации. Волостные управители просили уездные власти вызвать войска для усмирения населения. Военное положение, введенное в Туркестане 7 июля[3], было воспринято военными, добровольными дружинами и переселенцами на местах как начало войны с «туземцами» и разрешение на открытое притеснение, грабеж и уничтожение коренного населения.

Уже 10 июля в военные части было разослано распоряжение командования, гласившее: «Ввиду случаев употребления огнестрельного оружия против безоружных масс туземцев предлагаю разъяснить войскам, что оружием нужно пользоваться в высшей степени осмотрительно и только при явно враждебных выступлениях»[4].

1 августа, когда население большинства киргизских волостей уже составило списки и мирно дожидалось призыва рабочих, военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум докладывал в Ташкент командующему войсками: «Для надобности войск в целях придачи карательным отрядам подвижности вынужден был разрешить реквизировать лошадей. За отсутствием денег лошади берутся у населения под квитанции»[5]. Реквизиция лошадей

---

[1] Восстание 1916 года: документы и материалы / под ред. К.А. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 124.

[2] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. П.Я. Пясковского. М., 1960. С. 397.

[3] Туркестанские ведомости. 1916. № 157.

[4] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20076. Л. 1.

[5] Там же. Л. 33.

и транспорта у населения по непосредственному приказу Фольбаума производилась в течение нескольких месяцев и продолжалась уже после прекращения беспорядков во всех волостях Семиречья. Будучи прекрасно осведомлена о брожении среди местного населения, царская администрация целенаправленно способствовала разжиганию здесь кровавого конфликта. Восстание было использовано имперскими властями Семиречья для фактического ограбления всего населения области путем принудительной массовой реквизиции лошадей, подвод и скота. Все отнятое у коренного населения во время восстания имущество, скот, опиум должно было после аукционной распродажи поступать на счета Военного губернатора по приказу А.Н. Куропаткина[1].

Г. Бройдо, описывая начало восстания киргизов, писал, что 7 августа из ближайших к Верному казачьих станиц была сформирована новая казачья сотня, обрушившаяся уже 10 августа на кочевья казахов Ботпаевской волости. По словам очевидца, решительные действия этой сотни, перебившие поголовно около трех аулов и рассеявшие всех остальных «мятежников», а также арест многих заранее установленных главарей привели остальные аулы волости к повиновению[2]. Этот отряд под командованием хорунжего Александрова заставил своими действиями казахов и киргизов впервые броситься бежать. Часть бежала на Курдайские горы, часть – в долину Чу, около Самсоновки и Карабулака, разнося весть о жестокостях отряда. Эти движения толпы, бежавшей от преследований карательных отрядов, вносили страшное волнение (пассивное) в еще спокойно сидящие волости и сразу подняли слух о том, что киргизы будут резать русских. Такой же слух о том, что русские будут резать киргизов, столь же интенсивно разносился по Степи.

Отряд, высланный на Курдай, прибыв на станцию Отар, увидел, что все лошади уведены, а ямщики поехали в степь за ними. Когда ямщики вернулись и привели 8 лошадей, прапорщик приказал им выстроиться и всех расстрелял. Весть об этом быстро разнеслась среди близлежащих волостей, и киргизы этих волостей бросились бежать со скотом, женами и скарбом, а отряд стал «усмирять» их «волнение» расстрелами. Бегущими толпами уже кое-где в это время были приняты меры к самозащите от образовавшихся почти повсюду крестьянских дружин: у киргизов появились палки, вилы, кое-где насаженные на древко железные части.

Все это произошло мгновенно – с 7 по 10 августа. Известие о толпах в районе Самсоновки вызвало посылку карательного отряда в 100 штыков под руководством пристава Бакуревича, которому был Фольбаумом дан приказ: «Всех встречных киргизов уничтожать, а аулы сжигать». Два отряда, двигавшиеся по двум направлениям: через Кастек на Токмак и из Верного на Курдай, ловили всех встреченных мирных киргизов, в том числе жителей Токмака, и убивали. Толпы киргизов, по отношению к которым решительно

[1] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5038. Л. 83.
[2] ФРРК НБ РК. Инв. № 62. Л. 47.

выполнялся приказ Фольбаума, в панике бросились бежать в горы. Нападений или осады со стороны киргизов вообще нигде не удалось установить (при проверке многочисленных о сем слухов) до 28 августа[1].

Последним аргументом, заставившим основную массу сомневавшихся киргизов начать восстание, стал захват оружия 7–8 августа в Боомском ущелье. В тот же день повстанцы ограбили и подожгли с. Новороссийское, затем станицу Самсоновскую[2]. Посылка обоза с оружием в сопровождении всего 4–5 человек в то время, когда многие районы Туркестана были охвачены восстанием, а в еще мирном Семиречье готовились к его подавлению, народная молва называла провокацией, задуманной Фольбаумом.

С.К. Малабаев[3] приводит документ о том, что восставшим, по агентурным сведениям, было известно о движении транспорта с боеприпасами. Евдокия Зиновьевна Грукова, крестьянка селения Гоголевка, отмечала, что во время пребывания в плену Чолкамбай говорил, что киргизы знали, что в Пржевальск едет оружие, и они, подкараулив транспорт, отобрали берданки и патроны к ним.

Это может объяснить настроение русского населения, расположенного против Германии и немцев в связи с войной, которые обвиняли Фольбаума в предательстве, считая, что он специально отправил конвой с оружием практически без охраны для вооружения повстанцев, до этого никак не решавшихся начать активные действия. И как видно, информация об оружии была донесена до сведения повстанцев. Начав восстание, коренное население «развязало руки» карательным отрядам, для которых открылась полная основательность их уничтожения.

Слухи о дате начала мятежа киргизского населения – 10 августа – распространялись среди коренного и русского населения в то время, когда киргизы еще спокойно работали на полях у русских солдаток, не помышляя о восстании. Как раз к этому времени обоз с оружием попал в руки повстанцев, и восстание началось тогда, когда его ждали.

На территории Семиречья, в Пишпекском, Пржевальском и Джаркентском уездах восстание началось только через месяц после того, как военные начали стрелять по безоружным кочевникам и через неделю после приказа о массовой реквизиции лошадей у населения. Имел ли этот приказ непродуманный, случайный характер или был результатом преступного замысла, позже пытались выяснить в ходе судебных разбирательств. Именно шествие военных и массовый отъем лошадей и подвод спровоцировали нападения киргизов на русских крестьян. Это были ответные действия повстанцев на

---

[1] *Бройдо Г.* Восстание киргиз в 1916 г. М., 1925. С. 21–23.

[2] Восстание 1916 г. в Киргизии: документы и материалы / сост. Л.В. Лесная. М., 1937. С. 68–69.

[3] *Малабаев С.К.* Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). М., 2015. С. 123.

беззаконие воинских подразделений, хотя русскими крестьянами эти нападения воспринимались так, что киргизы первыми стали нападать.

В названных уездах самым выгодным и быстрым способом обогащения для уйгур и дунган стало выращивание опиумного мака. Вокруг опиума происходило много «темных» дел, начиная от вымогательств местных чиновников, незаконной конфискации и изъятия ими урожая, до занижения цифр реально собранного для казны опиума и пр. Именно этот опиум и деньги китайских контрабандистов на его скупку, были утаены от государства и стали причиной острой борьбы между областной и уездной администрацией, полицейскими, военными – с одной стороны, и земледельцами – дунганами, киргизами и китайскими скупщиками – с другой.

Собственно, поэтому восстание коренного населения в этих уездах началось только в первой декаде августа, когда сбор опия подошел к концу, а о дате начала киргизского восстания – 10 августа – распространялись слухи задолго до начала беспорядков. Борьба за огромные богатства зажиточных жителей этих уездов – купцов, торговцев, крупных скотоводов, опиесевов и китайских скупщиков опиума – сопровождалась варварским кровопролитием и жестокостью по обе стороны конфликтующих.

Подрывную деятельность в толще мусульманских народов Семиречья легче всего было вести с территории соседнего Китая. Поражение России в войне с Японией и неудачи русского оружия в Первой мировой войне породили в правящих кругах Китая надежду ослабить позиции России в Синьцзяне. Накануне Первой мировой войны германские разведывательные службы создали два центра в Восточном (Китайском) Туркестане – в городах Кашгаре и Кульдже, деятельность которых была всецело направлена на подрыв позиций России в Средней Азии. Перед самым началом Первой мировой войны фон Хафтен направил в Кашгарию опытного разведчика Вернера Отто фон Гентига, который собрал там диверсионную группу из «туземцев»: уйгуров, узбеков, киргизов и др., членов которой он засылал с «известными» целями на территорию Русского Туркестана[1].

Они проникали на территорию Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов Семиречья в числе тысяч китайских рабочих, привлеченных к строительству железной дороги, рытью канала и выращиванию опиумного мака[2]. Именно в этих районах разгорелось пламя народного восстания в 1916 г. В 1915 г. трое членов тайного общества «Гэ-лао-хуэ» («Общество старших братьев»), были командированы в Семиреченскую область для пропаганды идеи свержения монархического строя и образования отдельного ханства. В Пржевальск прибыл Ян Фань Ма, в Пишпек – Ли Синь Фин (который перед поездкой принял ислам) и в Верный – Дзин Дзин Юан, который

[1] *Оришев А.Б., Ряполов В.В.* Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера. М.–Берлин, 2016. С. 49–50.

[2] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17655. Л. 158, 165, 172.

позднее выехал в г. Токмак и поселился в дунганском с. Николаевском. Все они занялись вербовкой в свои ряды дунган – русскоподданных и китайскоподданных – и частью киргизов, и только в Пржевальске им удалось образовать банду в 1000 человек[1].

В Мариинской волости именно подданные Китая стали зачинщиками и главными организаторами мятежа в Пржевальском уезде. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Так, в одном из них говорится, что агитация шла из Кульджи и Кашгара, где масса немцев занималась темными делами. В горах над Пржевальском в начале августа происходят собрания киргизов, на которых ораторствуют агитаторы из Китая[2]. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома, а из Синьцзяна в Семиречье якобы тайно поставлялось оружие[3].

Накануне восстания под предлогом покупки опиума из Китая в Семиречье прибыло значительное число (до нескольких тысяч) китайцев, сартов, казахов, киргизов, дунган, уйгуров и калмыков. Многие из них были вооружены и вели активную антирусскую пропаганду среди казахского и киргизского населения, убеждая его в том, что мусульман посылают на фронт с целью перебить, а земли отдать русским поселенцам. Идея анархистов поднять восстание пришлась по душе некоторой части дунган с. Мариинского, промышлявших контрабандой опия.

Волостной управитель Мариинской волости М. Маруфу показывал на следствии: «Китайцы, наехавшие в Мариинскую волость, были все молодые, богатые, на хороших лошадях и хороших седлах, и немногие из них занялись работой по сбору опиума, а большинство ничего не делали. Много таких китайцев и китайско-подданных наехали в самый город Пржевальск и в Киргизскую волость. Там они частью занялись скупкой полей мака для выработки из него опия. Когда было объявлено о призыве дунган на военные работы, то я, по данным мне указаниям, составил списки призываемых и списки эти доставил уездному начальнику, причем все дунгане как один изъявили согласие в точности выполнить приказ начальника о призыве»[4].

Распоряжение о призыве коренного населения для работ в тылу действующей армии, о котором 12–13 июля Пржевальский уездный начальник В.А. Иванов известил жителей волости, стало совершенно неожиданным для населения. Уже на следующий день из Мариинской, Коксуйской, Тюпской, Тургайской волостей начались побеги в Китай рабочих, подлежащих призыву, а разные слухи будоражили местное население.

---

[1] Восстание 1916 года: документы и материалы / под ред. К.А. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 205.

[2] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 99.

[3] ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2123. Л. 105–106.

[4] Там же. Д. 28. Л. 26 об.

Уездная администрация во главе с полковником В.А. Ивановым не разъясняла населению, что туземцев берут не на фронт, что их работа в тылу будет оплачиваться по 1 руб. в день, а казной выделены пособия в размере 30 руб. на обмундирование рабочих из бедняков[1], а занималась вымогательством: откупная система при наборе в рабочие возбудила вражду между богатыми и бедняками, почему и начались волнения.

Высочайшее повеление о привлечении коренного населения для тыловых работ был использован имперскими властями Семиречья в корыстных целях: для грабежа коренного населения и прикрытия фактов откровенного казнокрадства и должностных преступлений. На самом деле у дунган, китайских подданных, узбеков-торговцев, киргизов на руках находилась большая денежная масса, опиум и сотни тысяч, даже миллионы голов скота (в 1916 г. только в Пржевальском уезде киргизский скот исчислялся в 2 327 472 головы, тогда как в остальных уездах Семиречья насчитывалось свыше 6 млн голов скота[2]), но они были безоружны, разобщены и не защищены. А у казаков и военных денег и скота не было, но было оружие, связь, хорошая организация и поддержка государства. В таких условиях «туземцам» было что терять, и восстание для них было смерти подобно. Но для администрации и военных это был очень выгодный способ разбогатеть быстро и безнаказанно.

События 1916 г. в Пржевальском, частью в Джаркентском и Пишпекском уездах приняли особо кровавые формы из-за рекордного урожая опиума в тот год. Для выращивания опиума правительство привлекало в Пржевальский уезд сезонных рабочих из Китая, вместе с которыми сюда проникали и всякого рода преступные элементы, занимавшиеся его контрабандой. Накануне восстания в с. Мариинском была сосредоточена огромная масса (по официальным данным, более 7 тыс. человек[3]), намного превосходившая местных дунган по численности (в Пржевальском уезде проживало в то время около 2000 дунган[4]), вооруженная огнестрельным оружием и крайне заинтересованная в беспорядках вблизи границы с Китаем. Китайские анархисты и контрабандисты подстрекали население к бунту, желая воспользоваться этим для вывоза опиума в Китай.

В 1916 г. дунганами, киргизами и русскими в трех названных уездах выращивался опиум на площади примерно в 10 тыс. га, урожай с которых, по самым скромным подсчетам, ожидался более 200 т, на сумму 5–6 млн руб. В казну поступила лишь малая часть от всего выращенного урожая опиума – 22,1 тонны на сумму 535 тыс. руб.[5], остальной опиум, утаенный от государ-

[1] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 27.

[2] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. П.Я. Пясковского. М., 1960. С. 416.

[3] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 2. Л. 76.

[4] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 2. Ст. 2. Д. 16918. Л. 45.

[5] Опий, его обработка и добывание в Туркестане (в Семиречье, в Джетысу) // ФРРК НБ РК. Инв. № 172. Л. 3–4.

ства, стал яблоком раздора между администрацией, военными, китайскими скупщиками и местным населением.

Ответственность за разрушение богатейшего в Семиречье Пржевальского уезда, а также грабежи и убийства мирного населения лежит на уездном начальнике Иванове и военных. Следствие установило, что полковнику Иванову не могли быть не известны приготовления киргизов к мятежу, так как не только частные, но и должностные лица неоднократно доносили ему об этих приготовлениях. Последним не только не принималось никаких мер для охраны порядка в уезде, но лицам, доносившим о приготовлении киргизов, делались угрозы трехмесячного ареста за распространение тревожных слухов. Несмотря на все предупреждения и видимые признаки, Иванов дважды в день телеграфировал Фольбауму о благополучии в своем уезде. Последняя такая телеграмма была подана 8 августа[1].

Поведение полковника Иванова накануне восстания в Пржевальском было очень странным. Еще 1 августа, когда ничто не предвещало восстания, он вызвал из Каркары отряд Кравченко для «усмирения» коренного населения[2]. Хотя в это время никакого брожения среди коренного населения Пржевальского уезда не наблюдалось и помощь военных для подавления населения не требовалась. Вице-губернатор Семиреченской области Колосовский в своем рапорте указывал: «До 9 августа жизнь русского и туземного населения шла вполне нормально. Весть о мобилизации рабочих киргизами была воспринята спокойно. Киргизы продолжали спокойно работать на сенокосе у русских крестьян. Все это свидетельствует, что восстание для главной массы населения было неожиданным или подготовлялось конспиративно известной группой наиболее влиятельных туземцев, действовавших, очевидно, под влиянием извне»[3].

Беспорядки в Пржевальском уезде начались с нападения киргизов на с. Григорьевку вблизи Сазоновки 9 августа вечером, а утром 10-го распространились уже до с. Преображенского. На следующий день после начала киргизских беспорядков, 10 августа, Иванов вызывает в город 15 дунган из селения Мариинского (Ырдык)[4], хотя прекрасно знает о брожении и подстрекательстве к восстанию китайских рабочих в этом селе. Начальник уезда просит мариинских дунган – не русских военных, расквартированных в городе, и не городских дунган – посторожить его дом и говорит им о том, что в казне нет оружия. Именно известие о том, что в городе нет ни войска, ни оружия,

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. П.Я. Пясковского. М., 1960. С. 399.

[2] Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г.: его причины, течение и постепенная ликвидация // ФРРК НБРК. Инв. № 62. Л. 63.

[3] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. П.Я. Пясковского. М., 1960. С. 401.

[4] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 2. Л. 88–89.

помогло наконец решиться дунганам поддержать киргизов и китайских подданных в их стремлении поднять восстание. Дунгане рассказали, что в Мариинке неспокойно, в селе наблюдается какое-то брожение, и что они боятся нападения киргизов и китайцев и поэтому просят дозволения переехать с семьями в город. Разрешение на переезд дунган в Пржевальск было дано Ивановым в 6 часов вечера 10 августа.

В Пржевальске рано утром 11 августа народ повалил на казарменную площадь. Рассказывались невероятные вещи, нелепые слухи росли: кто-то пустил слух, что в Мариинском выселке началась резня наших дунган китайскими подданными, а несколько минут спустя – другое, что наши дунгане нападают и режут русских, бегущих в город.

Л.В. Лесная пишет по этому поводу: «Ни тот, ни другой слух не соответствовал действительности. Китайские подданные не резали дунган, так же как дунгане не резали русских»[1]. Слухи, пускаемые в отношении дунган, рисующие их врагами, имели целью оправдать готовящиеся чинами администрации и военными нападения на дунган и китайцев-опийщиков с целью грабежа.

Межевой техник Пржевальска И.А. Поцелуев показывал на следствии, что с полудня 11 августа разъезды стали доставлять в крепость китайцев-опийщиков, которые попадались на пути к Мариинке. Сначала полковник Иванов приказывал их отпускать после обыска и отобрания ножей и опия. Им было велено идти в сторону границы, но вскоре было установлено, что, обойдя город, китайцы пробирались в Мариинку, где рассказали о предпринимавшихся жителями Пржевальска вылазках с целью грабежа опийщиков. После этого пойманных за городом китайцев стали арестовывать и сажать в арестный дом[2].

По договоренности с Ивановым 11 августа утром часть мариинских дунган, забрав свои семьи, двинулась к Пржевальску под защиту его стен. Вместе с ними в Пржевальск направились верховые к уездному начальнику и волостному управителю Марафу с просьбой о помощи против китайских подданных, силой заставлявших местных дунган поднять восстание. При подходе к городу дунгане были встречены ружейным огнем со стороны организованного добровольческого отряда, состоявшего из солдат, местного чиновничества и отставных военных[3].

Согласно воспоминаниям очевидца тех событий, Ф. Юсуповой, 11 августа, примерно в 2 часа дня, во время пятничной молитвы, солдаты окружили дунганскую и центральную мечети в г. Пржевальске (ныне Каракол). После намаза дунган и других городских мусульман под конвоем отвели на мусуль-

[1] Восстание 1916 г. в Киргизии: документы и материалы / сост. Л.В. Лесная М., 1937. С. 37.
[2] Там же. С. 43.
[3] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. П.Я. Пясковского. М., 1960. С. 382.

манское кладбище возле села Жаны-Арык и всех расстреляли. Оставшиеся дунгане, в основном женщины и дети, большей частью сразу бежали в село Ырдык. Даже не успев собрать необходимые вещи, дунгане вместе с киргизами стали уходить в Китай.

В это время в Мариинском разъезжали большие толпы вооруженных китайцев и дунган. Весть о расстреле городских мусульман, мирных дунган на подходе к городу и охота за китайцами-опийщиками вызвала ожесточение в Мариинском. Перед началом восстания киргизы пришли в Мариинскую мечеть, где совершили совместную с дунганами молитву и сделали «бату», поклявшись совместными усилиями выступить против русских властей. В тот же день восстали китайские поденщики и часть мариинских дунган. Толпой численностью до 400 человек, вооруженные ружьями, шашками, топорами и пиками, они стояли вдоль Покровской дороги недалеко от местности Ырдык, нападая на беженцев, направлявшихся к Пржевальску[1].

Сообщение разъездов о том, что на Мариинской дороге дунгане убивают русских беженцев, в огромной степени озлобило русское население города против дунган. На Пржевальск нападений киргизов не было, тем не менее в городе разыгрались кровавые события. Часть китайцев и дунган, доставленных на казарменную площадь, где собралось население во главе с начальством, по приказанию Иванова без суда и следствия была переколота штыками чинами конского запаса. Другую часть китайцев заперли в доме, но они сломали дверь и пытались бежать. Караул открыл стрельбу. Произошло это около 4 часов дня и стало сигналом к всеобщему избиению китайцев-опийщиков. Из 60 убежавших через 15–20 минут «на площади были приготовлены форменные битки». За отсутствием оружия били палками и камнями, кололи вилами и потрошили серпами и косами. Современник писал: «Лишь только панический страх пред грозившей опасностью прошел и толпа почувствовала свою силу, явилась жажда мести и самосуда, при которой, конечно, не учитывалось, причастно ли данное лицо к мятежу или нет. Особенно жестока была самосудная расправа в Пржевальске над жившими в городе дунганами Мариинской волости. При первом известии, что односельчане их присоединились к мятежникам, почти все городские дунгане были перебиты, а имущество их разграблено»[2]. Здесь погибло, по приблизительным подсчетам, около 140 дворов, всего около 1500 человек. Живых осталось всего 8 дунган. Имущество мариинских дунган было вывезено в Пржевальск[3].

Во время беспорядков в Пржевальске и Мариинском главным образом у дунган, китайских подданных и сартов было отобрано все имущество, деньги и опиум, большая часть награбленного имущества попала в руки уездной администрации. Лавки и магазины узбеков, дунган и китайских торговцев,

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 50. Л. 41.
[2] Там же. Д. 46. Л. 30, 34.
[3] ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2123. Л. 105–106.

их дома – все подверглось разграблению. Это подтверждает факт, что главной целью администрации, военных и дружинников был грабеж и разорение этого дунганского селения и городских торговцев, для достижения которой в жертву было принесено русское крестьянство. Администрация заранее готовилась и создавала все условия для возникновения беспорядков, чтобы успеть отобрать у населения скот, опиум и деньги до прихода уже подходящих к городу войск.

Некоторое успокоение в г. Пржевальске наступило 15 августа, когда прибыл первый эшелон каркаринского отряда ротмистра Кравченко, на следующий день прибыла сотня хорунжего Угренинова. Для подавления восстания в Пржевальском уезде было двинуто несколько карательных отрядов[1]. После подавления мятежа началось массовое избиение коренного населения.

Руководство высшим военным ведомством Российской империи не могло не предвидеть негативной реакции на царский указ о мобилизации туземцев на тыловые работы. Демократическая часть IV Думы, в том числе А.Ф. Керенский прямо указывали на провокационную роль бюрократии в центре и на местах в разжигании огромного по географическим масштабам и ожесточенности конфликта. Он подчеркивал, что именно «некомпетентность и коррумпированность корыстных чиновников, карательные акции, сопровождавшие набор тыловиков, вызвали массовую расправу туземцев над русскими переселенцами и на порядок более крупные жертвы со стороны местных народов»[2].

Разработка технологии дестабилизации ситуации и смены власти в странах Антанты началась в правящих кругах стран Тройственного союза еще в начале XX века. К 1916 г. существовали различные внутренние и внешние силы, крайне заинтересованные в кровавых беспорядках в Туркестане и Семиречье. В условиях войны это восстание стало дорогим подарком для Германии и Турции, который приблизил час поражения России в Первой мировой войне. В то время, когда Россия с перенапряжением сил вела войну в Европе, провоцирование кровавого конфликта в Семиречье, угрожавшего гибелью русского дела на этой восточной окраине, было выгодно прежде всего внешним врагам. Но внутри страны, в высших эшелонах власти, были силы, предавшие интересы России в собственных корыстных целях. Российское государство, ослабленное войной, не смогло противостоять сращиванию интересов ее внешних и внутренних врагов, которым удалось развязать кровавый конфликт 1916 г. в Семиречье, а через год уничтожить всю государственную систему страны.

---

[1] Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г.: его причины, течение и постепенная ликвидация // ФРРК НБРК. Инв. № 62. Л. 63.

[2] «Такое управление государством – недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной думы. Декабрь 1916 г. [публикация *Д.А. Аманжоловой*] // Исторический архив. 1997. № 2. С. 91–94.

События 1916 г. имели трагические последствия для всех жителей Семиречья, независимо от национальной и религиозной принадлежности. Погибли и вынуждены были покинуть родную землю сотни тысяч тружеников: киргизов, русских, дунган и др., которые своим совместным трудом обустроили и превратили в цветущий край эти бывшие кочевья. Народы Семиречья обеспечивали продовольственную поддержку центральным районам России, внося свой посильный вклад в победу русского оружия на фронтах Первой мировой. Экономическими последствиями восстания стала разруха и почти полное уничтожение материальных и людских вложений, затраченных Российским государством и многонациональным народом Семиречья на освоение этих территорий в течение нескольких десятилетий.

В выигрыше остались Германия и Турция после признания Россией своего поражения в войне и выплаты Германии огромной контрибуции, и китайская сторона, обобравшая беженцев до нитки. Значительно обогатились военные, жандармы, чины царской администрации, промышлявшие грабежом мусульманского населения. Здесь отчетливо видно, кому были выгодны беспорядки в Туркестане и кто приложил усилия и средства к провоцированию данного конфликта, ибо всегда за крупными событиями скрываются крупные деньги, а организатор беспорядков – тот, кому это выгодно.

Особенности применения Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения…» в Сибири

Начало Первой мировой войны изменило привычный образ жизни многих народов Азиатской России. Имели место случаи публичного выражения верноподданнических чувств. Акмолинский военный губернатор П.Н. Масальский 15 октября 1914 г. доносил в МВД: «Могу свидетельствовать, что киргизское население, ведущее в громадном большинстве первобытный кочевой образ жизни – и это население, как только надвинулись грозные тучи, не участвуя непосредственно в защите государственных границ, старалось и старается всячески проявить заботу к русскому народу и нуждам войны… Везде, где были муллы, в киргизских мечетях отслужены молебствия о здравии Государя Императора и о даровании победы русскому оружию». Что касается местных татар, то «как более культурный, чем киргизы, народ, они проявляют и более интереса к войне. С первых дней ее сильней засвидетельствовали о полной лояльности и верности России. Представители их духовенства служили повсеместно молебствия о ниспослании победы русским воинам, говорили проповеди патриотического содержания». В патриотических манифестациях в Омске и Петропавловске участвовали представители этих народов. «В Омске во время одной из манифестаций портрет Государя Императора нес татарин

Мамин. Там же в день кружечного сбора в пользу семей запасных, призванных в войска, в числе сборщиков было десять татарок». Наконец, 17 октября 1914 г. «в обеих омских мусульманских мечетях были отслужены молебствия о даровании победы Русскому оружию и, согласно циркулярного предложения Оренбургского муфтия на имя имамов, такие молебствия будут служиться повсеместно каждую пятницу и одновременно в мечетях будут производиться сборы в пользу раненых и больных воинов»[1].

31 августа 1914 г. томские татары обратились к губернатору В.Н. Дудинскому с ходатайством разрешить отправить императору телеграмму следующего содержания: «Томское мусульманское население, собравшись с томским ахуном Х. Хамитовым во главе в мечети и вознося горячие молитвы Всевышнему о здравии возлюбленного монарха и даровании победы русскому воинству, повергает к стопам Вашим верноподданнические чувства беспредельной любви, преданности и готовности встать на защиту чести, достоинства и целости дорогого нам отечества». В последующем они организовали отдел Мусульманского комитета по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий, во главе с Н. Карповым, Ф. Сайдашевым, С. Фахрутдиновым, К. Хамитовым и др.[2]

Вслед за этим аборигены региона включились в попечительскую деятельность. Буряты Иркутской губернии и Забайкальской области создали несколько благотворительных комитетов, которые с середины августа 1914 г. по подписным листам и общественным приговорам организовали сбор средств в помощь семьям фронтовиков[3]. В Якутске 23 августа 1914 г. образуется Комитет по снабжению армии теплой одеждой, который, по рекомендации военного ведомства, занимался заготовкой меховых жилетов[4]. Постепенно эта инициатива приобретает обязательный характер, как разновидность повинности. Например, Общебурятское общество по сбору пожертвований на нужды войны собирало формально добровольные пожертвования, которые фактически носили принудительный характер, что вызывало протест бурятского населения[5]. Участники окружного инородческого съезда в Якутске 30 августа 1915 г. поддержали предложение губернатора и постановили обложить каждого работника сбором в 50 коп. на нужды обороны страны[6].

К началу войны всесословная воинская повинность, согласно закону 1874 г., распространялась на башкир и татар. Так, согласно «Положению

---

[1] ГАРФ. Ф. ДПОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 141. Ч. 1. Л. 1 об.. – 2 об.

[2] *Кокоулин В.Г., Рахматуллина А.Р.* Томская мусульманская община: история и современность. Новосибирск, 2011. С. 6.

[3] *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 252.

[4] *Федоров В.И.* Первая мировая война в судьбах «инородцев» // Якутский архив. 2004. № 2. С. 62.

[5] История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2. С. 20.

[6] *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1909–1919). М., 2002. Кн. 1. С. 216.

о башкирах» от 14 мая 1863 г., военная служба башкир была отменена, и они переводились в сословие свободных сельских обывателей. С 1882 г. их стали призывать в армию на общих основаниях[1]. Большое количество башкир проходили подготовку в запасных частях Омского военного округа. Например, в сентябре 1915 г. в 38-й Сибирский запасной стрелковый батальон, расквартированный в Новониколаевске, прибыло из Бирского уезда Уфимской губернии 952 ратника ополчения 2-го разряда, более 90% из которых, судя по именным спискам, составляли башкиры[2]. Призывали в армию и сибирских татар. Согласно выписке из именного списка мы узнаем о том, что родившийся в 1898 году Катуков-Азанов Мухамет Емурлович, крестьянин Томской губернии Каинского уезда Ново-Ярковской волости села Епельдинского, магометанского вероисповедания, холостой, неграмотный, хлебопашец, принят на военную службу 24 октября 1916 г. и отправлен со сборного пункта Каинского уездного воинского начальника в 18-й Сибирский запасной стрелковый полк в г. Томск. Сюда прибыл 13 марта 1917 г., приведен к присяге на «верность службы Государству Российскому» 24 марта, исключен из списков полка и в составе маршевой роты отправлен в действующую армию 5 августа 1917 г.[3]

Еще до начала войны в правительственных кругах обсуждался вопрос о привлечении «инородцев» к исполнению воинской повинности, т.е. к ликвидации единственной льготы, которая еще сохранялась по отношению к ним. Еще в 1904 г., как информировал министра финансов В.Н. Коковцева начальник Главного штаба и будущий командующий Иркутским ВО генерал А.Е. Эверт, «…Государственный совет, рассмотрев представление Министерства финансов об установлении особого налога с туземного населения, так как взамен отбывания воинской повинности натурой, нашел, что ввиду возникшей войны с Японией введение такой меры представляется несвоевременным, почему признал необходимым отложить осуществление ее до благоприятных обстоятельств»[4].

В 1910 г. в военном ведомстве образуется специальная Комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Совет министров заслушал ее доклад и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно[5]. Однако местные власти и аборигенные интеллектуалы смотрели на этот вопрос с противоположных позиций. В Туркестане местный генерал-губерна-

---

[1] *Асфандияров А.З., Рахимов Р.Н.* Военная служба башкир // Военная история башкир. Энциклопедия. Уфа, 2013. С. 119.

[2] ГАНО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1. Л. 303–305, 310 об.

[3] Там же. Д. 39. Л. 1099–1100.

[4] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей истории: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 122.

[5] *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 313.

тор генерал А.В. Самсонов в 1910 г. и чиновник МИД в Ташкенте С.В. Чиркин в 1916 г. отнеслись к предложению о призыве отрицательно[1].

В Сибири, как вспоминал в 1916 г. иркутский общественный деятель И.И. Серебренников, «года четыре тому назад ко мне явились уполномоченные от бурятских волостей Иркутского уезда и пожаловались: распорядился-де исправник составить по уезду призывные списки и привлечь нас, бурят, к воинской повинности. Это незаконно будет… Я в закон: Устав о воинской повинности прямо говорит, что сибирские инородцы к отбыванию такой повинности не привлекаются. Что такое?

— Ведомства у вас преобразованы в волости? – спрашиваю я.

— Да!

— А вы перечислялись в крестьяне?

— Нет. Мы пишемся оседлыми инородцами такой-то волости.

— Хорошо, – говорю я бурятам. – Зайдите ко мне вечером.

Отпустил я бурят, а сам пошел к одному моему хорошему знакомому, видному чиновнику, прекрасно знавшему крестьянские и инородческие дела. Рассказываю, в чем дело.

— Ничем, брат, помочь нельзя, – услышал я в ответ. – Было тут одно, под председательством приезжего генерала, специальное совещание по этому вопросу. Обсуждали дело с разных точек зрения: годны ли буряты в солдаты и с физической и с нравственной стороны? Решили, что годны, и постановили: привлечь их к воинской повинности. Были затем по этому вопросу, кажется, и какие-то циркуляры из Петербурга.

Думаю: дело плохо. Но, с другой стороны, как же быть с законом?

Вечером снова ко мне пришли буряты. И пришла мне в голову такая мысль. Сел я за стол и составил телеграмму на имя трех членов Государственной думы (Манькова, Волкова и Некрасова)[2]. Изложил дело, указал, что привлечение инородцев к воинской повинности, пока они остаются таковыми, незаконно, и от имени уполномоченных просил затем депутатов внести экстренно запрос в Государственную думу о незакономерных действиях иркутской администрации.

Депутаты получили телеграммы и препроводили их в копиях министру внутренних дел. Эффект получился разительный. Маклаков уведомил телеграммой иркутского генерал-губернатора, что привлечение бурят к воинской повинности противоречит действующему законодательству и может быть осуществлено только в законодательном порядке. И затея иркутской администрации потерпела крушение»[3].

---

[1] Восстание 1916 года в Туркестане. С. 145, 146.

[2] И.Н. Маньков – социал-демократ, депутат IV Государственной думы от Иркутской губ.; Н.К. Волков – кадет, депутат IV Государственной думы от Забайкальской обл.; Н.В. Некрасов – кадет, депутат IV Государственной думы от Томской губ.

[3] *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 241–243.

Разговоры о привлечении «инородцев» к воинской службе вскоре прекратились и не возобновлялись даже после начала Первой мировой войны. Поэтому сенсацией стало Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работу по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии». По сути дела, объявлялась трудовая мобилизация аборигенов Азиатской России. Недоумение вызывает использование ключевого термина «реквизиция» (от лат requisition – требование), т.е. принудительно-возмездное изъятие имущества в собственность или временное пользование. С начала Первой мировой войны государство активно осуществляло реквизицию лошадей, мяса, сливочного масла, ряда других продуктов и товаров. Но почему эта процедура была распространена на людей, подданных Российской империи, которые изымались из повседневной жизни без всякой компенсации? На данное обстоятельство обратили внимание современные казахстанские историки: «как будто речь шла о реквизиции скота», а не о мобилизации живых людей[1].

Представляется, что использование такого типа нормативного акта (не закон или указ, а повеление), а также дефиниции «реквизиция», было намеренным: это позволяло обойти действующее законодательство Российской империи и квалифицировать предпринятые меры как сугубо административные, направленные на решение проблемы привлечения рабочей силы для осуществления общественных работ. Именно в таком ключе высказался по этому поводу на закрытом заседании IV Государственной думы 13 декабря 1916 г. депутат от Саратовской губернии А.Ф. Керенский. «Высочайшее повеление в порядке, каком оно было издано, издано быть не могло, – заявил он. – Я настаиваю, что само Высочайшее повеление нарушило основной закон Российской империи, 71-ю статью, говорящую о том, что “русские подданные обязаны отбывать повинность” только “согласно постановлению закона”. В этом указе сделана ссылка на закон о реквизиции, прошедший по 87-й статье, но эта ссылка совершенно не верна. Да и сам указ говорит, что нужно только определение возрастов и установление подробных правил выработать “применительно к порядку закона о реквизиции”. И действительно, если вы возьмете ст. 137, 138, 139 и следующие статьи закона о реквизиции по приказу 1914 г. по военному ведомству, то вы увидите, что правила о реквизиции не предвидят того случая, который предусмотрен указом от 25 июня. Правила о реквизиции представляют командующим войсками и местным начальникам армии право, во-первых, призывать в принудительном порядке к работам все местное население, именно “местное население” для работ на месте и, во-вторых, все население без исключения. Действительно, мы знаем случаи на фронте и в ближайшем тылу, когда для рытья окопов, для возведения валов и других сооружений обороны в крепостях призывается в порядке реквизи-

[1] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, 2000. Т. 3. С. 638.

ции "все местное население" для исполнения тех или иных работ. В данном случае туземцы были привлечены как таковые, не как местные жители, не распоряжением данного начальника армии или даже Военного министра для работ в данной местности, они были привлечены как инородцы, одновременно по всей Российской Империи. И раз это так, то возложение новой повинности на целый "разряд" русских граждан, именующихся инородцами, могло произойти только в порядке ст. 71, т.е. законодательным путем. Таким образом, самое содержание указа, опубликованного 6 июля, не подлежало распубликованию в собрании узаконений и распоряжений Правительства. И Правительствующий Сенат должен был задержать распубликование этого Высочайшего повеления, как нарушающего основные законы»[1].

В отечественной историографии реквизиция «инородцев» одним предложением лишь упоминалась в работах и разделах, посвященных периоду Первой мировой войны 1914–1918 гг. и отдельным этносам Азиатской России[2]. С конца 1990-х данный сюжет в самом общем виде (количество реквизированных, использование их в качестве рабочей силы) рассматривался в публикациях по национальной проблематике в избранных хронологических рамках применительно к Бурятии и Якутии, и при выявлении источников пополнения рабочей силы на оборонных предприятиях и транспорте. Более подробно его начали изучать казахстанские историки, поскольку реализация «непродуманного указа» (на самом деле – повеления) от 25 июня 1916 г. в Степном крае «столкнулась с прямым сопротивлением»[3], переросшим в вооруженное восстание, а затем «в национально-освободительное движение, направленное главным острием против военно-колонизаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма и в определенной степени – против феодально-байской верхушки аула»[4]. Обращается внимание на жесткое подавление выступления. Можно согласиться с обозначенными причинами, отбросив эпитеты «антиколониальный», «антиимпериалистический». Решительные же действия по подавлению восстания обуславливались не только обстановкой военного времени, но прежде всего его антирусской, антипереселенческой направленностью, массовыми издевательствами и уничтожением мирного русского населения, объявлением газавата иноверцам[5].

---

[1] Аграрная история Казахстана (конец XIX – начало XX в.): сб. док. Алматы, 2006. С. 1124–1125.

[2] «Многие хакасы в возрасте от 18 до 30 лет были мобилизованы на различные тыловые работы, иногда за пределами Енисейской губернии». История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 482.

[3] *Аяган Б.Г., Абжанов Х.М., Селиверстов С.В., Бакенов С.В.* Современная история Казахстана: учебник для студентов неисторических специальностей (бакалавриата) высших учебных заведений. Алматы, 2010. С. 83.

[4] История Казахстана. С. 639.

[5] *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 296; *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска 1917–1920. М., 2004. С. 600–601.

Итак, нормативный акт от 25 июня 1916 г. предусматривал привлечение мужчин в возрасте от 19 до 43 лет из числа оседлых и кочевых «инородцев» Северной Азии (казахов, узбеков, алтайцев, бурят, хакасов, якутов), за исключением бродячих аборигенов северной части Сибири, на тыловые работы. Всего к отбыванию новой для них повинности военные предполагали привлечь около 400 тыс. чел., в том числе 240 тыс. казахов и сартов (узбеков). Расплывчатость ряда положений повеления, в частности ключевой дефиниции «тыловые работы», вызвала непонимание и недовольство на местах.

Для исполнения повеления в Красноярске, Киренске, Иркутске, Верхнеудинске и Чите организовали специальные сборные пункты. К июлю 1916 г. на них собралось до 10 тыс. чел., оказавшихся в очень сложном положении. В Якутской области предполагалось мобилизовать около 10 тыс. якутов Олекминского и Якутского округов. От реквизиции освобождались должностные лица инородческих управ, имеющие высшее образование и учащиеся, отсрочку по усмотрению губернатора могли получить учителя. Акцию, к тому же в разгар полевых работ, якутское население восприняло негативно. Земский заседатель 3-го участка Якутского округа сообщал исправнику 12 июля 1916 г.: «Известие об этом (реквизиции. – *М. Ш.*) произвело на них в силу неожиданности ошеломившее их впечатление, приведшее к сильному упадку духа. Настроение это, несмотря на делаемые мною разъяснения истинного положения призываемых, продолжает оставаться прежним: то же безразлично тупое и упрямое состояние с примесью свойственного якутам непонятного озлобления. При наличности таких условий возможность предположения о дезертирстве будет вполне допустимой»[1]. В создавшейся ситуации правительство отказалось от проведения акции, а «инородцев» распустило по домам.

Якутов вообще решили не трогать по ходатайству Ленского золотопромышленного товарищества, поскольку их призыв мог отрицательно повлиять на добычу золота из-за резкого сокращения поставок на прииски мяса и других продуктов, заготовку леса. В отношении других аборигенов реквизиция возобновилась на рубеже августа-сентября 1916 г. В инструкции енисейского губернатора от 7 сентября того года предполагалось освободить от нее состоящих на службе государственной и вольнонаемной, штатных лам и духовных лиц, учащих и учащихся, врачей, фельдшеров и «инородческих должностных лиц», писарей, переводчиков у крестьянских начальников, почтовых содержателей на трактах, уже работающих на оборонных предприятиях. «Единственным сыновьям в семействах и единственным работникам в хозяйствах никакой льготы и отсрочки не дается, так как таким изъятием не пользуется и коренное русское население, обязанное служить в войсках, а не рабочих партиях за плату». Призываемым разрешалось заменять себя «годными для

[1] *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1909–1919). М., 2002. Кн. 1. С. 220–221.

работы родственниками или посторонними лицами, неподлежащими по возрасту реквизиции, замена производится на пунктах осмотра и приема, куда должны явиться заменяемый и заменитель»[1].

В Иркутской губернии чиновник переселенческого управления, заведующий Южно-Верхоленским подрайоном, 11 июля 1916 г. предписывал волостным правлениям «принять меры, чтобы на сельских сходах были выяснены способы исполнения полевых работ без изъяна, как то: уборка урожая в семьях реквизированных при содействии семей, оставшихся в полном составе»[2]. Объясняя необходимость осуществления акции, вице-губернатор Иркутской губернии М.И. Измайлов 30 июня 1916 г. в специальном объявлении разъяснял: «Свободные от обязательного для других сынов империи несения военной службы инородцы Иркутской губернии и ныне, несмотря на то, что государству, в этот тяжелый период его истории, так нужны войска, призываются по воле государя императора, не на военную службу, а лишь к чрезвычайно нужной государству тыловой работе. Эту высочайшую волю инородцы всегда должны ценить, как особую милость государя императора, и как доселе по личному свободному почину стремились быть полезными общей всей нам, горячо любимой Родине своими денежными добровольными пожертвованиями, так теперь на призыв Его Величества должны откликнуться, в требуемых реквизицией возрастах, дружно как один человек, немедленной явкой на указанные сборные пункты»[3].

Более конкретные очертания процедура использования труда аборигенов приобрела в приказе по военному ведомству № 600 «Правила о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работ внутри Империи на государственную оборону» от 30 октября 1916 г., подписанному военным министром генералом от инфантерии Д.С. Шуваевым и согласованному с министрами: морским, внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия и государственным контролером.

Привлекаемые по реквизиции «инородцы» военным ведомством распределялись «в учреждения и предприятия как казенные, так и частные, работающие для нужд государственной обороны», по возможности однородными партиями с учетом национальных, бытовых и религиозных особенностей. Повинность есть «священная обязанность перед Царем и Отечеством». «Инородцы-рабочие не имеют права оставлять самовольно место работы, на которые они определены, подвергаются дисциплинарным взысканиям, вплоть до тюремного заключения на срок не свыше трех месяцев, или денежному взысканию до трех тысяч рублей». Внутренняя организация привлеченных устраивается в виде артели, с избранием доверенных. Каждый работающий обеспечивается администрацией расчетной книжкой. Их содержание (продук-

[1] ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 417. Л. 6.
[2] Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2015. № 3. С. 245.
[3] Там же. С. 244.

ты, дрова для приготовления пищи и помещения с отоплением и освещением) обеспечивается учреждениями и предприятиями, на которых они работают, но с последующим удержанием из зарплаты, которую «инородцы» получают на основании соответствующих расценок. При ее выдаче «учреждения и предприятия обязаны указывать и разъяснять инородцам всю важность пересылки ими денежных средств на поддержку оставшихся семей и близких». Обеспечение реквизируемых и их семей пособиями в случаях увечий и заболеваний осуществляется работодателями «на общем основании с прочими заводскими и иными рабочими и служащими». На таких же условиях оказывается медицинская помощь. В случае невостребованности «инородцы-рабочие», получив расчет, перераспределяются по другим предприятиям или передаются военному ведомству[1].

Факт возобновления реквизиции применительно к Иркутску отметил 2 октября 1916 г. И.И. Серебренников: «На улице снова видишь толпы бурят: это все реквизированные. Скоро предстоит их отправка на тыловые работы. Буряты ведут себя лояльно»[2]. Аборигенов направляли на предприятия, подведомственные Сибирскому заводскому совещанию: Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрику Бородиных в Бийске и т.д. «К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы расширилась. Особенно много «инородцев» направили в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района, прежде всего в морской порт[3]. Всего мобилизовали 20 878 бурят, в том числе в Забайкальской области – 11 817 чел., в Иркутской и Енисейской губерниях – 9061 чел. В Архангельске они занимались реконструкцией порта, в тылу Северного и Западного фронтов рыли окопы и прокладывали дороги[4].

Что касается условий отбывания аборигенами тыловых работ, то о них уполномоченный агинских бурят Сыранжан Очиров в письме от 20 ноября 1916 г. со станции Столбцы Минской губернии сообщал, что «положение и жизнь наших людей на фронте и на работе, нельзя сказать много дурного, но и хорошего мало: отношение властей как к военнообязанным, а потому существующий военный режим, почти безмясное питание, плохое состояние медицинской помощи… все это, взятое вместе, с непривычной новой для них обстановкой вдали от родины гнетет, по-видимому, немало… Между тем купить что-либо съестное у нас на позиции, хотя рядом есть деревня и люди живут, почти невозможно за дороговизной и отсутствием». По информации побывавших в Архангельске в ноябре 1916 г. Чойнзона Иролтуева и Эрдэни Вамбоцыренова «Положение рабочих там, по-видимому, гораздо лучше и оп-

[1] Правительственный вестник. 1916. № 255.
[2] *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 268.
[3] *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Указ. соч. С. 314.
[4] История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2. С. 21.

лачиваются хорошо – 3 руб. в сутки, и там все по сравнению дешевле, чем на позиции, и все есть. Есть еще ночные работы для желающих, которые оплачиваются 1 руб. за час, а так как денные работы оканчиваются рано, в 5 часов вечера, то многие идут на ночные работы и зарабатывают деньги, таким образом, денег там много. Случилась там одно несчастье, а именно в порту Бакарица случился взрыв, от которого погибла не одна сотня, кажется, людей; к великому счастью бурят, они были далеко, в 2 верстах, и никто не пострадал, а отделались лишь испугом. Там между бурятами развился тиф, от этого и других болезней простудных, говорят, умерло более 10 человек за эти 3–4 месяца их приезда туда»[1]. Авторы «Истории Бурятии» уточняют: «Житье в землянках и товарных вагонах, скудный казенный паек, непомерно тяжелый труд, антисанитарные условия, сырой климат – все это негативно отражалось на здоровье людей»[2].

Секретарь Сибирского заводского совещания И.И. Серебренников 17 января 1917 г. следующим образом охарактеризовал ситуацию с привлеченными на тыловые работы непосредственно в Сибири: «С реквизированными инородцами по всей Сибири идет кутерьма: они бегут и бегут с предприятий. Сегодня мне передали, что несколько минусинских инородцев (хакасов. – *М. Ш.*), работавших на Черемховских копях, сбежали с этих копей; где-то с Томской железной дороги попытались прямиком пробраться через тайгу к себе домой, но, застигнутые морозом, погибли в пути». В начале февраля он сообщает: «Реквизированные инородцы бегут с работ, в особенности если они работают в частных предприятиях. Здесь, видимо, никто о них не заботился. На Черемховские копи были даны минусинские и ачинские инородцы. Через несколько времени они сбежали домой, к родному Абакану. Буряты сбежали с Урала, из Вологды и Архангельска. Появились и беглые киргизы. Боясь ответственности, многие из бежавших инородцев устраиваются в местных предприятиях, работающих на оборону страны: копях, заводах и пр. Обрадованные этим обстоятельством, предприятия сейчас же возбуждают ходатайства по всем инстанциям о прикреплении к ним этих инородцев. Генеральный штаб, боясь всеобщей деморализации, отклоняет эти ходатайства и разъясняет, что бежавшие инородцы должны быть немедленно отправляемы в действующую армию для работы в тылу ее. Полиция ловит беглецов и направляет их к воинским начальникам, на сборные пункты. Появляются новые партии беглецов и т.д.»[3].

Основными формами противодействия реквизиции в Сибири становятся жалобы и побеги. Коллективная позиция бурят Иркутской губернии по этому вопросу излагается в их записке, предназначенной для вручения депутатам

---

[1] Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. С. 246, 247.

[2] История Бурятии. С. 21.

[3] *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 300, 307.

IV Государственной думы, членам Сибирской парламентской группы. В ней формулируются пять аргументов в пользу сохранения льготы по отбыванию воинской повинности. Они сводятся к признанию факта благополучного существования аборигенов «только в обстановке степной жизни. Оторвавшись от степей буряты в огромном большинстве случаев становятся жертвами легочных болезней и либо гибнут, либо возвращаются в свои улусы полукалеками». Далее просители указывают на неразвитость в своей среде отхожих промыслов, превращающих их в «весьма малоценный материал в качестве рабочих». Обращается внимание, что «на их труде зиждется хозяйственное благополучие огромного района». «Улусы, перешедшие к земледелию (Балаганский уезд), останутся при этом вообще без работников, так как религиозные верования запрещают бурятским замужним женщинам занятие хлебопашеством». А в кочевом скотоводстве они не могут заменить мужчин «вследствие непривычки и физической слабости». Наконец, призыв мужчин на тыловые работы нанесет смертельный удар «самому существованию бурятской народности»[1].

Факт неблагополучия в этом вопросе фиксировала местная администрация. Иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц 8 декабря 1916 г. признал, «что многие из инородцев, отправленных в силу Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. на тыловые работы, как оказывается, самовольно в некоторых местах уходят с работы, возвращаясь в свои улусы, или с целью уклонения от работ – в соседние местности, причем чины уездной полиции не принимают достаточных мер к возвращению инородцев»[2]. Ситуация выходит из-под контроля после Февральской революции. И руководитель медеплавильного предприятия в Минусинском уезде Енисейской губернии отправляет в управленческие инстанции телеграмму следующего содержания: «Сегодня прибыли 21 киргиз, устроили буйство. Не имея возможности поддерживать порядок новыми средствами, отправил их обратно. Прошу более инородцев из Омска не присылать»[3]. Наконец 5 мая 1917 г. Временное правительство приняло решение возвратить «реквизированных» аборигенов на родину.

Негативная реакция аборигенных этносов Сибири, Степного и Туркестанского генерал-губернаторств на Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. во многом обуславливалась массовым переселением на их земли русских крестьян из Европейской России и политикой властей, направленной на ускоренное «обрусение» «инородцев» путем перевода их на оседлость и приобщение к православию. В отчете губернатора Акмолинской области за 1913 г. с удовлетворением констатировалось, что во время выборов должностных лиц в казахское самоуправление впервые на практике был реализован принцип обязательного знания этими лицами русской разговорной речи.

[1] Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. С. 248–250.
[2] ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 417. Л. 591.
[3] *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 336.

Забайкальский военный губернатор, генерал-майор А.И. Кияшко в 1914 г. отмечал: «Орочены, тунгусы и те из бурят, которые ведут кочевой образ жизни, неизбежно идут к полному вымиранию; несколько в особых условиях находятся оседлые буряты, в среде которых замечается способность к восприятию русской культуры и устроению жизни в соответствии с повышенными требованиями русской государственности; к сожалению, отличие религиозного культа отделяет момент их полной ассимиляции с русским населением области»[1].

Переселение и землеустройство, понуждавшие кочевников к переходу на оседлый образ жизни, рядом исследователей рассматривается в качестве главных элементов их русификации, усиления русского присутствия на восточной окраине империи[2]. От себя заметим, что переход к оседлости и земледелию, а также появление переселенцев в местах компактного проживания аборигенов не означал автоматической их русификации и аккультурации. Но в долгосрочной перспективе указанные мероприятия способствовали их постепенной ассимиляции, отражая общую тенденцию мирового развития. Поэтому посетившие Западную Сибирь и Степной край в 1910 г. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин вполне резонно, на мой взгляд, замечали: «Киргизы не могут вечно оставаться кочевниками, если только они способны к культуре. Опыт последних лет свидетельствует об их способности перейти к земледельческому быту и показывает, что русское переселение в степь, связанное с неизбежным сокращением площади кочевания, служит к тому же могущественным и пока единственным побудителем. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземе было бы во всех отношениях ошибочно, даже по отношению к самим киргизам»[3].

Курс на перевод коренных народов Сибири на оседлость сопровождался выравниванием их правового статуса с местными русскими крестьянами путем замены ясака государственной оброчной и поземельными податями, введением паспортной системы, сельского и волостного управления по русскому образцу, распространением на них сферы деятельности крестьянских начальников. В представлении аборигенов эти шаги оценивались как утрата национальной идентичности и вызывали скрытое сопротивление. Последним шагом стало Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. Говоря о результатах процесса «обрусения» Азиатской России в начале XX в., хотелось бы сослаться на точку зрения А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой, которую мы разделяем:

---

[1] Роль государства в освоении Сибири и верхнего Прииртышья в XVII–XX вв ./ отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2009. С. 142.

[2] *Горюшкин Л.М.* Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX века: препринт. Новосибирск, 1989. С. 22; *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991; *Дамешек Л.М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти. Иркутск, 2007. С. 295–296.

[3] Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 2.

«Казалось бы, рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на “слияние” окраин с центром страны, однако крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия. Во многом именно аграрные миграции крестьян породили “киргизский вопрос” в ряду волновавших правительство “вопросов”, поставили бурят и якутов в разряд “проблемных народов”. Империя так и не нашла баланса интересов между желанием снизить остроту аграрного кризиса в центре страны, заселить азиатские окраины и сохранить лояльность местного населения»[1].

Массовые переселения рубежа XIX–XX вв. породили ситуацию фронтира и противостояния между переселенцами, поддерживаемыми государством, и аборигенными этносами юга Сибири. Под напором мигрантов нарушается шаткое равновесие между ними. В наиболее радикальной форме кочевники-казахи пытаются бороться за сохранение кочевых угодий во второй половине 1916 г. В свою очередь, крестьяне-переселенцы активно участвовали в массовом избиении алтайцев в верховьях реки Чарыш 24 июня 1904 г., где они под руководством адепта новой религии – бурханизма – Чета Челпанова осуществляли массовое моление.

Бурятское общество в годы Первой мировой войны

25 июня 1916 г. Николай II подписал Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ»[2], известное в советской историографии как царский указ «О реквизиции инородцев».

Во вступительной статье к сборнику документов и материалов, посвященному истории восстания в 1916 г. в Туркестане, имеется важная ремарка о том, что «подготовленный документ назывался не “царский указ”, как было принято его называть в советской историографии вслед за многими дореволюционными чиновниками, включая генерала А.Н. Куропаткина, а “Высочайшее повеление”, объявленное военным министром»[3]. Задача Высочайшего повеления – это стремление власти обеспечить рабочими, освобожденными от несения воинской повинности, оборонные объекты

[1] *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой, или «сомнительные культуртрегеры» // Ab imperio. 2008. № 2. С. 219.

[2] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел 1, № 182, 6 июля 1916, ст. 1526. С. 1747.

[3] *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей истории: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 38–39.

и предприятия, на которых были заняты русские рабочие, с целью призыва последних в действующую армию. Причем это решение, по мнению военного министра, органично укладывалось в рамки принятого 3 августа 1914 г. «Закона о реквизиции» и являлось его продолжением[1]. Именно такой подход к проблеме позволил военному ведомству принять решение без обсуждения и одобрения Государственной думой и Государственным советом. 27 июня 1916 г. вдогонку Высочайшему повелению последовал циркуляр МВД «О привлечении реквизированных порядком инородцев к строительным работам в районе действующей армии». Реквизицию предписывалось провести в кратчайшие сроки[2].

29 июня 1916 г. началась мобилизация инородческого населения Российской империи.

***

На наш взгляд, поставленная проблема применительно к Сибири имеет три составляющие:

1) политика Российской империи по привлечению кочевых инородцев Сибири к воинской повинности как ключевое направление политики Российского государства по их включению в систему общеимперских законов;

2) собственно Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. и его реализация в Сибири;

3) протестное движение автохтонного населения Сибири.

Сразу же следует отметить, что в советской историографии проблема «реквизиции бурят», за редким исключением[3], практически не исследовалась. Скорее всего, это обусловлено тем, что историографии истории Первой мировой войны в целом уделялось не много внимания.

В 1991 г. появилась первая публикация о протестном движении бурят как реакции на мобилизацию[4].

Проблема получила звучание в современной российской историографии благодаря усилиям профессора Северного (Арктического) федерального университета Т.И. Трошиной, которая в 2006 г. инициировала начало разработки учеными Бурятии этой темы[5]. В последующие годы сотрудниками Государственного архива Республики Бурятия Б.Ц. Жалсановой и Л.Ш. Чимитдоржиевой была предпринята серия документальных публикаций о состоянии

---

[1] *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей истории: сборник документов и материалов/сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 40–41.

[2] Там же. С. 43.

[3] История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954.

[4] *Курас Л.В.* О переходе бурят в Монголию // Байкал. 1991. № 5. С. 128–130.

[5] *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2014.

бурятского общества в годы Первой мировой войны[1]. Кроме того, на материалах фонда «Архангельская инородческая дружина» Государственного архива Архангельской области (ГААО), копии документов которого были любезно переданы на хранение в Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), Б.Ц. Жалсанова подготовила публикацию о реквизиции бурят в Архангельскую губернию в годы мировой войны[2]. И, наконец, усилиями сотрудников ГАРБ проведена научно-практическая конференция к 100-летию начала I мировой войны, где тема реквизиции рабочих получила отражение[3].

22 июля 1822 г. был принят законодательный акт царского правительства, определивший основные принципы и систему управления нерусскими народами Сибири – «Устав об управлении инородцев». В соответствии с § 42 Устава «все кочующие инородцы освобождались от рекрутской повинности»[4], что отличало сибирских инородцев от других податных сословий империи, например крестьян.

Таким образом, законодательно буряты были освобождены от несения воинской повинности. В то же время буряты и эвенки начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. По указу Екатерины II от 30 июня 1764 г. для усиления Селенгинской и Нерчинской границ были сформированы 4 бурятских полка, получивших название бурятского

---

[1] *Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш.* «…Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрозненных частей бурятского народа…» (Документы о создании Общебурятского комитета по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4 (16). С. 294–301; *они же.* «На пожертвования бурятского населения области учреждается в Петрограде лазарет бурятского имени на 30 кроватей…» (Документы о деятельности Петроградского бурятского лазарета) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 1 (17). С. 290–297; *они же.* «…буряты и тунгусы, простолюдины и интеллигенция, духовные и статские! К вам мы обращаемся – организуйтесь в волостные, булучные и улусные комитеты, организуйте сборы пожертвований везде и всюду, покажите в этой работе – горячем отклике на наше обращение, что вы граждане, дети своей родины, что жива в вас великая совесть!» (Документы о благотворительной деятельности бурятских обществ в помощь пострадавшим от войны) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 2 (18). С. 246–252.

[2] *Жалсанова Б.Ц.* Из истории реквизиции бурят в Архангельскую губернию в годы Первой мировой войны (1916–1917 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск, 2007. С. 120–125.

[3] *Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш.* Бурятские общества в годы Первой мировой войны // Сборник статей на материалах круглого стола «Первая мировая война в истории Байкальского региона», посвященного 100-летию со дня начала Первой мировой войны (16 октября 2014 г. Улан-Удэ). Ижевск, 2015. С. 143–148; *Митыпова Г.С.* Хамбо лама Д.-Д. Итыгилов в годы Первой мировой войны (по материалам наградных дел буддийских иерархов Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) // Сборник статей на материалах круглого стола «Первая мировая война в истории Байкальского региона», посвященного 100-летию со дня начала Первой мировой войны (16 октября 2014 г. Улан-Удэ). Ижевск, 2015. С. 127–130.

[4] ПСЗРИ. 1 собр. Т. XXXVIII. Ст. 29126. СПб., 1830. С. 396.

нерегулярного войска. Полки находились на полном содержании бурятских обществ. Учреждением бурятских полков успешно был разрешен вопрос охраны границ в Забайкалье[1].

О боеспособности и желании бурят защищать свое Отечество в тяжелое время для России свидетельствует статья, опубликованная в газете «Амур» в 1862 г.: «В 1812, 1813, 1814 годах забайкальским монголо-бурятам было не до русской грамотности. В это время все они – кто бы этому поверил? – с энергией готовились идти войной на француза! Напрасно иркутский губернатор Н.И. Трескин просил добряков письмом на имя хоринского тайши Галсана Мардаева не беспокоиться, потому что русские уже разбили в пух и прах все бесчисленные полчища французов. Буряты заподозревали Иркутское губернское начальство в измене Белому царю и продолжали готовить себе винтовки и стрелы с сайдаками»[2].

Со стороны царской администрации на общегосударственном и региональном уровне периодически поднимались вопросы о привлечении сибирских инородцев, в том числе бурят, к воинской службе, что нашло отражение в российской историографии. Профессор Л.М. Дамешек подчеркивает, что «в высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться призывы к реорганизации системы управления сибирскими губерниями на “общих основаниях”. При этом он замечает, что призывы по времени совпадают с эпохой контрреформ[3]. Так, в 1872 г. на заседании Комиссии о личной военной повинности при Главном управлении Восточной Сибири обсуждался вопрос об обложении кочевых инородцев милиционной военной службой, на которую предполагалось возложить «земскую службу, как например, препровождение местных арестантов по проселочным трактам, назначение конных инородцев в помощь к пешим этапным командам, сопровождение сельской почты, назначение их нарочными от полицейских управлений и т.п.»[4].

1 января 1874 г. был принят Манифест «О введении всеобщей воинской повинности», согласно которому был утвержден Устав о воинской повинности. В соответствии с Уставом «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого подданного, Устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа или замены охотниками»[5]. С введением Устава о всеобщей воинской повинности положение инородцев изменилось следующим образом: в Манифесте было определено, что «действие нового закона не должно распростра-

[1] ПСЗРИ. 2 собр. Т. XLIX. Отд. 1. Ст. 52982. СПб., 1876. С. 1–2.

[2] Амур. 1862. 11 марта. (№ 19). С. 3–4.

[3] *Дамешек Л.М.* Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Серия: «История». Т. 7. С. 81.

[4] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 3 об.

[5] ПСЗРИ. 2 собр. Т. XLIX. Отд. 1. Ст. 52982. СПб., 1876. С. 1–2.

няться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев», в том числе «на неотбывавшее до сих пор рекрутской повинности ни натурой, ни деньгами инородческое население Восточной Сибири»[1].

С принятием Устава о воинской повинности, возникли вопросы о привлечении сибирских инородцев, в том числе и бурят, к отбыванию воинской повинности по особым положениям. В этом же 1874 г. во все бурятские ведомства были отправлены письма о предоставлении сведений о том, смогут ли быть обеспечены семейства бурят материально в случае призыва мужчин на военную службу. Это было своего рода социологическое обследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение инородцев к перспективе привлечения их к отбыванию воинской повинности, а заодно и политическую лояльность к империи.

В 1880-х гг. снова поднимается вопрос о подчинении сибирских инородцев действующим общеимперским законам и уравнении их во всех правах и обязанностях с крестьянами, в том числе в несении ими воинской повинности. Предполагалось, что эти мероприятия приведут к росту нравственного развития инородцев, будут способствовать распространению среди них образования и, самое главное, увеличат доходы государства[2].

Следует подчеркнуть, что администрации большинства сибирских губерний и областей выразили согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у автохтонного населения. В основе этого решения лежали внутриполитические интересы, связанные прежде всего с дальнейшей русификацией аборигенов. Военный министр Д.А. Милютин, признавая принципиальную важность участия инородцев в военной службе, как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири, воздержался от введения воинской повинности для инородцев, снова отложив на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к воинской службе[3].

Тем не менее правительство подчеркивало принципиальную важность участия инородцев в воинской службе как «одной из главных государственных повинностей, имеющей значение объединяющего в политическом смысле и цивилизующего начала»[4]. Так, в 1890 г. был издан проект военного губернатора Забайкальской области М.П. Хорошхина о привлечении бурят к воинской повинности, согласно которому буряты должны были привлекаться в мирное время ежегодно на учебные сборы на 4 или 5 недель. Для образования бурят-

[1] ПСЗРИ. 2 собр. Т. XLIX. Отд. 1. Ст. 52982. СПб., 1876. С. 2, 27.

[2] *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма в и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1986. С. 112–113.

[3] Там же. С. 118.

[4] *Дамешек Л.М.* Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Серия: «История». Т. 7. С. 82.

ской национальной милиции должны были привлекаться буряты 21 года, но не более 250 человек со всего бурятского населения области, и таким образом, в течение четырех лет из четырех возрастов 21-, 22-, 23-, 24-летних образовался бы один полк в 1000 человек. Впоследствии с запасными бурятская милиция должна была состоять из 4 полков обученного войска[1]. Целью привлечения бурят к воинской повинности было создание бурятской милиции, которая несла бы гарнизонную службу в случае войны с Китаем, например, служить конвоирами, проводниками войск и ходить на разведки[2]. Селенгинский главный тайша откликнулся на призыв к воинской службе следующим образом: «Я полагаю, что должно настать время, когда забайкальские буряты должны быть привлечены к несению воинской повинности»[3]. Хотя агинские и хоринские буряты активно ходатайствовали об отсрочке исполнения воинской повинности, мотивируя свой отказ кочевым образом жизни, трудными климатическими условиями, незнанием русского языка и просили отложить решение вопроса о воинской повинности до окончательного межевания земель и переустройства их быта, образа жизни.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки привлечения сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. Так, в 1896 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, итогом работы которой стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний. В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Николаю II, предложив привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых инородцев Сибири и Забайкалья. Идея понравилась императору и предложения министра были утверждены. Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план.

Правительство вновь вернулось к вопросу в 1910 г. При Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В этой связи в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский. Его поездке предшествовал секретный циркуляр премьер-министра П.А. Столыпина на имя сибирских губернаторов, в котором он потребовал предоставить чиновнику все средства и возможности для исполнения поручения. Куколь-Яснопольский провел совещания в Омске, Красноярске, Иркутске и Чите, на которых обсуждались вопросы привлечения к отбыванию воинской повинности аборигенов конкретной губернии, области. И если чиновники губерний Западной Сибири вместо воинской повинности предлагали ввести воинский

[1] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 11.
[2] Там же. Л. 11–13.
[3] Там же. Л. 10.

налог, то на совещаниях в Иркутске и Чите полагали возможным привлечение коренных жителей края к отбыванию воинской повинности. В Якутской области местные чиновники также признали «весьма желательным в целях обрусения аборигенов» привлечь кочевых инородцев к отбыванию воинской службы[1].

Материалы поездки Куколь-Яснопольского по Сибири поступили в Военное министерство, а оттуда – в комиссию по пересмотру о воинской повинности, созданную при Главном управлении Генерального штаба. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности «по обстоятельствам, времени и условиям их быта представляется возможным».

Принятию изменений в Устав о всеобщей воинской повинности помешала начавшаяся Первая мировая война.

Участие бурят в начальном этапе мировой войны выразилось в сборе огромных пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Документы ГАРБ свидетельствуют о том, что бурятским сообществам в первые месяцы войны был свойствен патриотический подъем. Так, в 1915 г. по инициативе лидеров бурятских обществ и Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова был учрежден Общебурятский комитет для оказания помощи жертвам войны и оказания помощи нуждам семейств воинов[2]. Целью деятельности Общества было оказание помощи больным и раненым воинам путем устройства лазаретов, коек, полевых питательно-врачебных отрядов, эвакуационных поездов[3]. За короткий срок со всего бурятского населения было собрано более 86 000 руб., из них израсходовано более 77 000 руб. на содержание бурятских коек на Кавказе, семьям призванных на войну низших чинов, содержание бурятского врачебно-питательного отряда, содержание Петроградского бурятского лазарета на 30 коек, размещавшегося в Старой деревне в доме буддийского храма в Петрограде и т.д.[4] Для сравнения: в одном из отчетов алтайской миссии указывалось, что алтайцы пожертвовали для оказания помощи пострадавшим во время военных действий лишь 1000 рублей. По этому поводу епископ Иннокентий возмущенно писал: «Что за помощь в 1000 рублей, когда разные проходимцы-кегени, периодически появляющиеся в Алтае для эксплуатации невежества алтайских зайсанов, собирают с них, по народному заявлению, десятки тысяч рублей, не говоря уже о пожертвованиях скотом целыми табунами»[5].

---

[1] Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. Якутск, 1902. С. 67.

[2] ГАРБ. Ф. 84. Оп.1. Д. 475. Л. 55–56.

[3] Там же. Л. 114.

[4] Там же. Л. 47–48.

[5] *Данилин А.* Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 году // Борьба классов. 1936. № 9. С. 38.

Первая мировая война затянулась, и появилась необходимость в привлечении инородцев как дешевой рабочей силы к тыловым работам. 25 июня 1916 г., Николай II подписал Высочайшее повеление о мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии. Согласно повелению некоторые народы Сибири были «реквизированы» на тыловые работы, в том числе и буряты.

В первую очередь призыву по мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1885 и 1897 гг. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа. Количество мобилизованных бурят, по данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, составляло 20 878 человек[1]: в том числе из Забайкальской области – 11 750 человек, из Иркутской и Енисейской губерний – 8725 человек[2]. Часть мобилизованных была отправлена в Архангельскую область, другая – на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительная часть их была распределена по разным предприятиям, работавшим на войну.

По Якутскому округу предполагалось мобилизовать около 10 тысяч человек, которые после медицинского освидетельствования должны были прибыть на сборный пункт в Якутск. Однако якуты на тыловые работы не попали. По ходатайству товарищества «Лензолото» правительство отложило их мобилизацию[3]. Что касается алтайцев, то там мобилизация была фактически сорвана[4]. Вновь возродилось движение бурханистов, имевшее место в годы российской революции 1905–1907 гг. Оно призывало алтайцев все надежды на лучшую жизнь возлагать на скорый приход легендарного освободителя Ойрот-хана, который уведет алтайцев в свое прежнее царство. Русские миссионеры подчеркивали: «Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь за тридевять земель»[5].

Труд бурят использовался при разгрузочных работах в Архангельском порту, при строительстве железнодорожных веток Смольный – Буян-Экономия, Экономия – Мудьюг, в качестве кочегаров на поездах Архангельской железной дороги, в Вологодских и Ярославских главных мастерских, Твери, Пскове, при заготовке дров для Москвы, Петрограда и т.д.[6]

В период с 9 августа 1916 г. по 28 марта 1917 г. в Архангельск шестью эшелонами прибыло 6131 человек[7]. Каждый эшелон сопровождали 2 офицера, 30 нижних чинов конвоя, 1 фельдшер. Дорога до Архангельска была очень тяжелой – почти месяц в холодных вагонах. Несколько десятков человек были

[1] История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. С. 471.

[2] Там же.

[3] История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 402–403.

[4] *Данилин А.* Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 году // Борьба классов. 1936. № 9. С. 41.

[5] Отчет алтайской духовной миссии за 1915 год. Томск, 1916. С. 54.

[6] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32 об.

[7] Там же. Д. 60. Л. 8.

оставлены по болезни в различных населенных пунктах по пути следования. После излечения они самостоятельно добирались до Архангельска.

Бурят, как и других инородцев, привлекли к трудовой мобилизации в самый разгар полевых работ, в связи с чем Николай II был вынужден приказать отпустить часть реквизированных по домам. Но военные власти Архангельска, ссылаясь на важность проблем портостроительства и на то, что буряты преодолели огромный путь через всю страну, добились разрешения оставить их в Архангельске[1].

По приказу Главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря из прибывших бурят была сформирована Архангельская инородческая дружина под командованием полковника Судовикова. Поддержанием порядка в эшелоне и организацией выдачи наряда на работы занимались прибывшие с инородцами офицеры[2]. Устанавливалась плата инородцам как чернорабочим – 3 рубля в сутки. Из этой платы удерживались стоимость питания и расходы на приобретение необходимой одежды и обуви.

Прибывших бурят размещали в свободных бараках. Бараки, построенные для летних сезонных работ, были плохо приспособлены к зимним условиям. Бурят, работавших в военном порту, расселили в здании флотского полуэкипажа в Соломбале. Реквизированные буряты, оставленные в Архангельске, проживали на станции Бакарица, в так называемом «Губернаторском городке». В донесении прапорщика Куклина со станции Архангельск-Пристань от 9 сентября 1916 г. говорится: «Команда инородцев находится в крайне неблагоприятных условиях жизни. Из 3 бараков $1^{3}/_{4}$ занято 150 вольнонаемными плотниками, $1^{1}/_{4}$ занята 225 инородцами. В то время как вольнонаемные спят только на нижних нарах и то свободно, буряты при крайней тесноте спят на двойных нарах, и на столах, и на полу. Нет бака для кипяченой воды, комнаты для фельдшера, сушки портяного, и надо установить железную печь»[3]. Рабочие, занятые на строительстве железнодорожной ветки на Мудьюг, селились в ближайших деревнях[4]. Для жилья на самом острове Мудьюг специально для бурят в Иркутской губернии были заказаны юрты.

Питание бурят было организовано плохо. На них распространялись нормы питания, положенные для нижних чинов. Среда и пятница были «рыбными» днями. Бурятам, привыкшим питаться мясо-молочными продуктами, было тяжело привыкать к другой пище. Обычно группа рабочих на собственные деньги отправляла своего представителя в город, чтобы купить лошадь для забоя. Врачи отмечали антисанитарное состояние бараков бурят, которые забивали лошадей и разделывали туши вблизи от них, тут же разводили костер и готовили пищу. Из-за некачественного, непривычного питания среди

[1] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.
[2] Там же. Д. 1. Л. 29.
[3] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9.
[4] Там же. Д. 16.

бурят начались заболевания цингой, и в марте 1917 г. заведующий Архангельской дружиной подписал распоряжение о замене рыбной пищи мясной[1]. Довольно часто случались перебои со снабжением бурят продовольствием, о чем свидетельствуют многочисленные рапорты и прошения.

Суровые климатические условия Севера сразу же поставили вопрос о теплой одежде, которая у бурят отсутствовала. Они выехали из своих домов летом, легко одетые, не имея запасов одежды. Казенное обмундирование им не полагалось, и они должны были приобретать одежду за свой счет. По распоряжению заведующего дружиной несколько раз бурят отправляли в командировку на родину за теплыми вещами. Из-за нехватки теплых вещей одежду выдавали только тем, кто выходил на работу, остальные оставались в бараках.

Когда реквизированных доставили в Архангельск, выяснилось, что в городе для такого количества неквалифицированных рабочих нет рабочих мест, и больше половины было откомандировано в распоряжение различных ведомств и предприятий. По состоянию на 4 октября 1916 г. из 3480 бурят, прибывших в Архангельск, 756 были больны, 1060 находились на станциях Няндома, Емца, Вожега, 193 – на ст. Исакогорка, 211 – на ст. Архангельск-Пристань, 589 – на Смольном Буяне и в городском карьере, 584 – в Соломбале, 80 – в военном порту, 197 – на Экономии, на Бакарице – 503[2]. Часть бурят была направлена за пределы губернии – в Вологодские и Ярославские главные мастерские, Тверь, Псков. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в порту, при строительстве железнодорожных веток Смольный – Буян-Экономия, Экономия – Мудьюг, в качестве кочегаров на поездах Архангельской железной дороги, при заготовке дров для Петрограда и т.д. При отсутствии работы их отправляли в распоряжение частных владельцев, например в распоряжение фирмы «Мордухович», лесопромышленника Шергольца.

Пребывание реквизированных бурят в Архангельске сопровождалось массовыми заболеваниями, смертельными случаями. Первые партии бурят, прибывших в Архангельск в августе 1916 г., по мнению заведующего дружиной Судовикова, перед отправкой были плохо освидетельствованы медиками, в результате чего среди реквизированных рабочих оказалось немало больных различными хроническими заболеваниями. Кроме того, буряты не всегда имели документы, подтверждающие их возраст. Вскоре в Архангельск стали поступать удостоверения волостных правлений, указывающих на то, что тот или иной мобилизованный не может быть подвержен трудовой реквизиции по возрасту, поскольку был старше или младше призывного возраста.

31 августа 1916 г. вышел приказ Главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря о создании комиссии для освидетельствования состо-

---

[1] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 27. Л. 97.

[2] *Жалсанова Б.Ц.* Из истории реквизиции бурят в Архангельскую губернию в годы Первой мировой войны (1916–1917 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2007. Иркутск, 2007. С.123.

яния здоровья бурят. В результате медицинского осмотра 222 человека были признаны негодными и отправлены на родину по болезни. В середине октября была вновь образована комиссия, которая отправила на родину еще 302 человека по причинам туберкулеза легких и упадка общего состояния. В январе комиссия освободила от реквизиции около 200 человек. В период с 29 марта по 19 мая 1917 г. было освобождено от реквизиции еще 725 человек[1].

Причинами массовых заболеваний бурят были не только плохое питание, плохие жилищные условия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В рапорте врача, проводившего освидетельствование состояния здоровья бурят, говорилось: «Инородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины, и имея в виду то, что инородцы вообще расположены к легочным заболеваниям, что доказывается тем, что человек, первой комиссией признанный совершенно здоровым, второй комиссией признается уже больным туберкулезом легких и в таком случае климат северной части Архангельской губернии для них будет, безусловно, губителен»[2].

При медицинском осмотре рабочих-бурят на станции Смольный Буян из 351 человека 251 были признаны здоровыми. У 100 человек обнаружили туберкулез, хронический бронхит, катаракту, малокровие, общую слабость. Только за четыре первых месяца от тифа, воспаления легких, туберкулеза, натуральной оспы умерло 64 бурята. Многие умирали в лазаретах в других городах, по дороге, по приезде домой. Всего за 8 месяцев реквизиции только в Архангельске умерло от разных болезней 289 бурят; 725 были отправлены на родину как признанные неспособными к труду[3]. Несколько бурят пострадали от взрывов в портовых районах Бакарица и Экономия. 10 человек получили при взрывах ушибы и ранения и находились на излечении в Архангельских лазаретах. Несколько человек считались пропавшими без вести, но начальство полагало, что они просто бежали на родину.

В донесении заведующего дружиной от 13 января 1917 г. сообщалось, что из 4965 человек 2000 исповедуют буддистскую религию, среди них имеется около 320 человек монашествующих разных степеней. Остальная часть – крещеные, либо шаманисты. Для удовлетворения религиозных потребностей бурят-буддистов на ст. Бакарица был выделен вагон, в котором устраивались молебны. Службу проводили ламы, находящиеся постоянно при дружине или же приезжающие ламы, как, например, Хамбо-лама Иролтуев. Крещеные буряты могли посещать православные церкви, расположенные в городе[4].

---

[1] *Жалсанова Б.Ц.* Указ. соч. С. 123.

[2] Там же.

[3] *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2014. С. 178.

[4] Там же. С. 124.

Начиная с января 1917 г. активизируется деятельность уполномоченных, общественных комитетов по организации помощи реквизированным бурятам. Так, 20 января уполномоченные Ханхасаев, Барадин, Жигжитов направили телеграмму из Петрограда Хамбо-ламе Итыгилову с просьбой организовать в г. Минске инородческий комитет на средства комитета Всероссийского земского союза Западного фронта. Архангельскому комитету был выделен один миллион рублей на устройство больниц, жилищ, обслуживание реквизированных бурят. Распоряжением санитарной части Главнокомандующего Северного фронта больные буряты из Архангельска переводились в бурятский лазарет в Петрограде[1].

Необходимо отметить, что буряты, реквизированные на Западный фронт, оказались в лучших условиях, чем в Архангельске. Из донесения ламы-лекаря Доржи Ирдынеева и уполномоченного Хышикто Буянтуева Баргузинскому инородческому волостному старшине от 22 ноября 1916 г. следует, что буряты-рабочие расположились в местечке Огугуеды между г. Минском и станцией Столбцы при железной дороге. Они устроились в трех палатках, «питания довольно – от Всероссийского союза городов. Одежды тоже достаточно: выдаются сапоги за плату, белье бесплатно меняется в каждую неделю после бани. Работа их пока легкая: лесорубка, плотничья, земляная при сооружении железной дороги, конюхи и т.д. Им было поголовное медицинское освидетельствование, но больных оказалось мало»[2]. На 1000 рабочих-бурят полагался один лама и уполномоченный от инородцев, которым дается бесплатная квартира и содержание.

С января 1917 г. участились побеги реквизированных бурят. Так, в телеграмме из Вологды говорится о массовом побеге бурят-кочегаров и необходимости усиления конвоя[3]. По данным заведующего Архангельской дружиной на 27 марта 1917 г. из 4681 рабочих-бурят в самовольной отлучке было 207 человек[4].

Указ «О реквизиции инородцев» вызвал протестное движение автохтонного населения, которое вылилось в массовый исход бурят в Монголию. Проблема оказалась настолько серьезной, что стала предметом специального рассмотрения Иркутского генерал-губернатора и даже Министерства иностранных дел Российской империи. В этом отношении весьма показательным является письмо Читинского уездного начальника военному губернатору Забайкальской области, в котором он подчеркивает, что с переселением вглубь Монголии «инородцы не поддаются регистрации, не платят податей и не относят натуральных повинностей… делают невозможным для своих сельских властей исполнение относящихся до них административных и судебных тре-

[1] ГАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 395. Л. 78.
[2] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 144. Л. 314.
[3] Там же. Д. 31. Л. 7.
[4] Там же. Д. 46. Л. 23–23 об.

бований, так как строго определенных стоянок они не имеют, кочуя по обширной монгольской степи как вздумается. Переход бурят в Монголию осуществляется преимущественно без соблюдения паспортного устава»[1]. Следует отметить, что пограничное население Забайкалья пользовалось караульными землями Монголии в течение многих десятилетий на основании договоров и мирных соглашений с монгольскими властями и владельцами земель. В письме Забайкальского военного губернатора Иркутскому генерал-губернатору указывалась приблизительная численность кочующих инородцев – около 10 тысяч человек. В начале 1917 г. была создана специальная консульская комиссия для выяснения причин массового оттока пограничного населения Забайкалья. Из протокола № 1 от 19 февраля 1917 г. явствует, что мотивами для переселения в Монголию на постоянное место жительства послужили «свободное пользование землями и вообще несомненные выгоды, которые открылись с перспективой на привольную жизнь в широких монгольских степях, являвшихся в высшей степени удобными для разведения скотоводческого хозяйства».

Что касается численности скота, принадлежащего постоянно проживающим в Монголии инородцам, то комиссия смогла это выявить лишь по Цугольской и Агинской волостям Читинского уезда – она доходила до 80 тысяч голов скота[2]. Более точных сведений, касающихся проживающих в Монголии, а равно и имеющегося у них скота, комиссии собрать не удалось ввиду полного отсутствия регистрации переселенцев. Комиссия подчеркнула, что «арендная плата за пользование русскими подданными земельными участками под пастбища и сенокошение не регулировалась и не регулируется и в настоящее время никакими определенными нормами. Все переселившиеся в Монголию из пределов Верхнеудинского и Читинского уездов Забайкальской области подданные представляют совершенно неорганизованную массу, никем не руководимую и не имеющую никаких органов управления. Российские консульские власти за дальностью расстояния и отсутствием средств передвижения лишены возможности осуществлять требуемый надзор в районе кочующих, чинить среди них правосудие и осуществлять в нужных случаях законное содействие. Как выяснилось позднее, большинство переселенцев не имело даже установленных видов на право выезда за границу».

И если экономические причины массового переселения ясны, то политические замалчиваются. Комиссия указала лишь на «несколько случаев перехода инородцами и другими русскими подданными монгольской границы в целях явного уклонения от призыва: первыми – на тыловые работы, лицами второй категории – от призыва в войска по мобилизации»[3].

---

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 54. Л. 1–4.

[2] Там же. Л. 12.

[3] *Курас Л.В.* О переходе бурят в Монголию // Байкал. 1991. № 5. С. 130.

После Февральской революции уполномоченные начинают активно ходатайствовать об отправке бурят на родину, прежде всего из Архангельска, как наиболее пострадавших от непривычного климата и пищи[1].

5 мая 1917 г. был опубликован Указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят. 10 мая 1917 г. уполномоченный Н. Ханхасаев отправил телеграмму из Петрограда в г. Читу на имя Национального комитета о принятии Указа, согласно которому Главнокомандующий армии увольняет инородцев с фронта и разрабатывается план отправки их на родину[2]. По данным заведующего дружиной, на 6 мая 1917 г. в Архангельске числилось 3940 бурят[3]. В мае они начали освобождать бараки, получать расчет за работу и возвращаться на родину.

Таким образом, начавшаяся Первая мировая война, а затем реквизиция бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад жизни бурят. Буряты, до этого жившие достаточно изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, ограничиваясь платой податей и повинностей, оказались непосредственно втянутыми в активную экономическую и политическую жизнь страны. И это объективно способствовало политизации общества, росту национального движения, выразившегося в образовании Бурятского национального комитета.

В последующем революционизированное забайкальское казачество, вернувшееся с фронта и установившее советскую власть в Забайкалье, нашло прекрасную социальную подпитку в лице автохтонного населения.

[1] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 64. Л. 29 об.
[2] ГАРБ. Ф. 32. Оп.1. Д. 395. Л. 93, 99.
[3] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 60. Л. 82.

Глава III
ВОССТАНИЯ: ЭЛИТЫ И ВЛАСТЬ

История Туркестана в контексте евразийских процессов: Первая мировая война, джадидизм и восстание 1916 г.

Известное выражение Киплинга «Восток и Запад не сойдутся вовек» много раз находило свое подтверждение, но много раз и отвергалось, особенно исследователями Нового и Новейшего времени. И это понятно, потому что процесс самого интенсивного сближения, вернее активных контактов, несмотря на то, что это было результатом войн, начался в XIX в. Это определялось в первую очередь колонизацией Российской империей Средней Азии. Этот вопрос почти всегда изучался односторонне в советский период как однозначно позитивный и назывался присоединением Средней Азии к России, принесшей сюда, как считалось, цивилизацию и культуру, в современный период – как однозначно отрицательный, и трактовался как превращение Туркестана в колонию и его экономическое закабаление.

Дело не в том, что здесь нужен взвешенный срединный подход со всеми «за» и «против» (есть и такие исследователи). С точки зрения участия Туркестана в евразийских процессах во многом через призму России приобщение к происходящим в мире общественным явлениям проблема не ставилась и не разрабатывалась. Между тем каждое завоевание, независимо от результатов, времени, регионов, в которых происходили войны, меняет геополитическое положение не только двух воюющих сторон и сопредельных стран, но и большую часть мира.

Если рассматривать «колонизацию Средней Азии как только часть глобального и попеременно меняющегося всеобъемлющего исторического процесса и противостояния Азии и Европы»[1], то вхождение среднеазиатских ханств в состав Российской империи в качестве колонии и протекторатов не только изменило ее политический и экономический статус, но и втянуло в мировые процессы.

Новая, последняя и самая богатая колония России, названная Туркестанским генерал-губернаторством и официально оформленная в 1867 г.,

[1] *Ртвеладзе Э.* Штрих к познанию исторической проблемы // Россия – Узбекистан: в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 10.

по площади (1,5 млн кв. верст) была больше, чем вместе взятые территории Австро-Венгрии, Германии и Франции. Завоевав Среднюю Азию, Россия значительно укрепила свои военно-политические и дипломатические позиции, прежде всего среди колониальных держав, и получила ряд очевидных выгод: выход на населенное казахами и туркменами побережье Каспийского моря и к границам с Афганистаном, Китаем, Ираном, Индией[1]. К сожалению, эта проблема рассматривалась как в советской, так и в современной историографии только с точки зрения интересов региона, всесторонне эксплуатируемого метрополией в качестве колонии. Очень редки исследования этой проблемы в ракурсе международных отношений. Между тем само завоевание Туркестана и его вхождение в состав Российской империи изменило геополитику многих ведущих держав мира, в частности Великобритании, Германии, Турции и ряда восточных стран. Признавая, что колонизация нанесла огромный ущерб экономике края, его самобытной культуре, обозначившей девять веков назад первый восточный ренессанс, который длился до XV в., следует признать, что вхождение России приоткрыло окно в Европу, через которое процессы капитализации коснулись и среднеазиатских ханств.

Можем ли мы говорить об участии Туркестана в происходящих мировых процессах уже после ее завоевания? Пребывание России в Средней Азии, ее политика, приспособление ее экономики к ресурсам края и наоборот, приспособление сырьевой базы края к технологическим возможностям России – все это само по себе было проявлением процесса смыкания частей Европы и Азии и сплава двух видов экономических культур. Влияние европеизации имело и негативный, и позитивный характер. Если вхождение в Среднюю Азию российского и через Россию европейского капитала вызвало кардинальные изменения в экономике, то население терпело тяготы от неконкурентноспособности своей деятельности. Интенсивное строительство фабрик и заводов вытесняло ремесленное производство. Нелегким было положение и сельского населения, чувствовавшего постепенное насаждение монокультуры хлопчатника.

Более того, влияние самой метрополии, ее культуры, политических процессов на сознание населения было несомненным. Усилила эти процессы Первая мировая война 1914 г.

В узбекистанской и в целом центральноазиатской историографии немало работ, статей, монографий и диссертаций, в том или ином ракурсе рассматривающих этот период. Но всем им присущ, на наш взгляд, один недостаток – отсутствие анализа деятельности центральной власти по руководству Туркестанским генерал-губернаторством как частью империи, требовавшем особого внимания всех ведомств от военных до гражданских. И это объясняется не просто плохой доступностью российских архивов, а отсутс-

[1] *Исхаков Ф.* Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 1997. С. 9.

твием глобальной концепции, ядром которой является исследование политики центральной власти, а не просто рассмотрение локальных действий Туркестанской администрации в ракурсе осуществления колониальной политики. Зачастую в работах, посвященных этому периоду, эмоционально-патриотические чувства авторов подавляют возможность всестороннего и объективного освещения проблемы со всеми «за» и «против».

Туркестан самым прямым образом был втянут в процессы военного времени. В государственной политике России Туркестан имел особое стратегическое значение как материально-сырьевая база, обеспечивающая ее сельхозпродукцией, в первую очередь хлопком. Начавшаяся война перевела эту политику в военное русло. Туркестан стал рассматриваться как источник не только экономических, но и людских ресурсов. Царским указом от 25 июня 1916 г. коренное население края мобилизовалось на военно-тыловые работы. Насколько продумана была эта акция? По-видимому, положение России было настолько сложным, что она нуждалась в этой рабочей силе, в туркестанских рабочих, не знающих языка, не приспособленных к суровым климатическим условиям, не имеющих навыков работы на промышленном производстве. Причиной указа была очевидная и нарастающая потребность в пополнении частей на фронте, массовый призыв в действующую армию, вызвавший трудности на предприятиях промышленных центров России, обеспечивавших фронт боеприпасами. В прифронтовой зоне также нужны были рабочие руки. Но мало кто берет во внимание то, что вначале вообще стоял вопрос о мобилизации населения Туркестана в армию. Когда начальник Главного штаба в августе 1915 г. запросил мнение Туркестанской администрации, временно исполняющий обязанности Туркестанского генерал-губернатора Мартсон ответил следующее: «Призыв туземцев в ряды армии, даже как временная мера в настоящую войну при религиозном единстве их с народностями, настроенными к нам враждебно, может вызвать крупное брожение и создать благоприятную обстановку для выступления Афганистана и Персии», подчеркивая, что «из киргиз военные кадры создать не удастся»[1].

Мобилизация населения Туркестана на тыловые работы в России осуществлялась на фоне кризиса хозяйственной жизни, вызванного переводом экономики края на военные рельсы, который в первую очередь коснулся крестьянского (дехканского) населения. В результате войны фактически прекратились поставки хлопка в Россию из-за рубежа. В итоге резко повысились цены на туркестанский хлопок. Обеспокоенные этим текстильные магнаты потребовали от правительства принятия срочных мер. Летом 1915 г. был принят закон о нормировании цен на хлопок, они были предельно занижены. Цены на продовольствие и мануфактуру не подверглись нормированию, хотя тоже были взвинчены. Так, в 1916 г. цены на зерно по сравнению с 1915 г. повыси-

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 86.

лись на 300%, на рис и сахар – на 250%, хлеб – в 4 раза[1]. Дехкане, хлопкоробы потеряли за год 60 млн рублей[2]. Значительно возросло и налогообложение, например, в 2 раза увеличились налоги, которыми облагались скотоводы. Все это вкупе и стало причиной восстания 1916 г., которое в течение августа – декабря охватило всю Среднюю Азию и Казахстан – огромную зону от Урала до Атрека – и приняло массовый характер. Оно имело и политическую подоплеку.

Таким образом, политические события в регионе были прямым следствием событий на границах России и Европы.

Другим фактором влияния российско-европейских процессов был рост национально-демократических движений. Политический диссонанс, вызванный войной, революционно-демократическими процессами в Европе, включая и Россию, не оставил вне зоны действий и национально-прогрессивную интеллигенцию края. Движение под названием «джадидизм» уже перешло в политическую фазу развития. Джадиды имели связи с другими странами Европы и Азии и пользовались опытом демократических перемен наиболее развитых стран. Но первой линией, ведущей их к картине современного мира была Россия.

Российское завоевание дало им новый опыт восприятия мира, позволило познать более широко мир, осознать пагубные последствия колонизации и несравнимую отсталость своей страны, некогда бывшей мощным централизованным государством. Современная карта мира, показывающая его постоянное взаимодействие, принесла новые концепции пространства. На примере Европы они поняли, что нации, которые достигали прогресса, становились могущественными и прогресс опасен для тех, кто не мог его достичь[3]. Это была дарвиновская форма идеи прогресса (известно, что в книжном магазине одного из руководителей джадидизма – Махмудходжи Бехбуди – имелась книга под названием «Дорвинизм»[4]).

Средняя Азия после окончания войны стала ареной не только культурной, но и политической борьбы за реформы, обновление и прогресс. Национально-демократическое движение джадидизм, возглавлявшее эту борьбу, было ярким проявлением евразизма, сплава двух культур, толерантности. История джадидизма, пожалуй, одна из самых разработанных в Узбекистане и за его пределами тем.

Однако ни одна из работ, посвященных этой проблеме, не дает ответа на вопрос: как же пересекались эти два явления первых десятилетий XX в.:

---

[1] Бюллетень Центрального хлопкового комитета. М., 1917. С. 98.

[2] *Понятовский С.* Нормировка цен на хлопок и преследуемые ею цели // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 5. С. 453.

[3] *Халед А.* Идея прогресса в философской мысли джадидов: новое направление во взглядах на мир // Марказий осие XX аср босаћасида. Материалы международной конференции. 1999. Ташкент, 2001. С. 30.

[4] Ойна. 10 октября 1914.

восстание 1916 г. и джадидизм? Как же джадиды – либералы и демократы, придерживавшиеся теории гандиевского ненасилия, – отнеслись к Первой мировой войне, восстанию, так дико всплеснувшему доведенных до отчаяния людей?

Следует отметить, что после 1910 г. джадиды представляли собой серьезную политическую силу, которая вела борьбу за парламентскую монархию. Но с началом Первой мировой войны их радикальная часть выдвинула более широкий ряд требований, среди которых было проведение глубоких реформ по расширению полномочий местного населения в управлении краем, выделении мест в Государственной думе, исходя из фактической численности местного населения, обеспечения демократических свобод, прежде всего свободы национальной печати, замены монархического строя конституционным.

Эти процессы особенно активизировались после Февральской революции, когда джадиды объединились в организацию «Шуро-и-Исломия», а затем, несмотря на внутренние разногласия, в целях нейтрализации большевиков, сконцентрировали свои силы в партии «Турк адами марказияти»[1]. В период восстания 1916 г. они имели большой авторитет в туркестанском обществе.

Непосредственно к организации восстания джадиды, конечно, никакого отношения не имели. Известно, что в их концепции реформирования общества не было места ни революциям, ни каким-либо вооруженным выступлениям. Более того, они считали неправильными стихийные противодействия властям, считая более целесообразным добиваться реформ мирным путем.

Однако жестокое подавление восстания властями, расправа с восставшими и мирным населением не оставили джадидов равнодушными. Они посещали основные очаги восстания в Ташкенте, Андижане, Джизаке, пытаясь выяснить требования восставших и предотвратить дополнительные столкновения с вооруженной армией, против которой они были бессильны.

Проведя определенное изучение положения дел, поговорив со многими участниками волнений, джадиды решили, согласно своей концепции мирного урегулирования проблемы, обратиться в Государственную думу России с просьбой создать комиссию по изучению хода призыва мужского населения на тыловые работы. Для поездки туда был избран Убайдулла Ходжаев, один из видных деятелей движения, возглавивший организацию «Тараккий парвар» («Прогрессист»)[2], юрист, имевший большой авторитет в обществе.

---

[1] *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии. Ташкент, 2006. С. 98.

[2] Убайдулла Ходжаев (Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев) (1880–1938) – один из видных лидеров джадидского движения, общественный, политический деятель, родился в Ташкенте. По окончании русско-туземной школы работал переводчиком в государственных учреждениях. Позже он успешно окончил юридический факультет Саратовского университета и стал одним из первых узбекских адвокатов. Работал в Ташкентском окружном суде. Став сторонником

Возложение этой миссии именно на него было вызвано несколькими причинами. Во-первых, Убайдулла Ходжаев был частным поверенным и работал в Ташкентском окружном суде, окончил русско-туземную школу, а затем Саратовский университет, прекрасно владел русским языком. Забегая вперед отметим, что А.Ф. Керенский был выдвинут депутатом IV Государственной думы от Саратовской губернии, очевидно, саратовские друзья и однокурсники У. Ходжаева могли ему помочь выйти на него, возможно, они были знакомы раньше, в период ссылки А.Ф. Керенского в Туркестан. Это всего лишь предположение, однако включение Керенского в состав Комиссии Госдумы было не случайным.

Основными идеологами обращения в Госдуму были, кроме Убайдуллы Ходжаева, видные деятели национально-прогрессивного движения – Мунаввар-кары Абдурашидханов[1], Мустафа Чокаев, ставший

демократических идей, У. Ходжаев сплотил вокруг себя молодежь и организовал тайное общество «Умид» (Надежда). Позже эта организация стала называться «Тараккий парвар» («Прогрессист») и превратилась в одну из основных организаций джадидов. В 1914 г. при помощи местных меценатов У. Ходжаев под своей редакцией начал издавать газету «Садои Туркистон», ставшей трибуной национальных прогрессистов. После ее закрытия царской администрацией У. Ходжаев переехал в Андижан, где издавал новую газету на русском языке под названием «Туркестанский голос». После Февральской революции 1917 г. он становится самым активным участником политического движения за автономию Туркестана и избирается председателем Ташкентской организации «Шуро-и-Исломия» и одновременно членом Всероссийского совета мусульман. У. Ходжаев постоянно находился в контакте с прогрессивными политическими лидерами России. Выступая на Туркестанских и Всероссийских мусульманских съездах, он поднимал вопросы социального и государственного устройства Туркестанского края. Активно участвуя в движении за автономию Туркестана, У. Ходжаев являлся одним из авторов программных документов создаваемой Туркестанской автономной республики в составе Российской Федеративной демократической республики. В ноябре 1917 г. состоялся IV чрезвычайный съезд мусульман Туркестана, где было образовано Временное правительство Туркестанской автономной республики – Туркистон Мухторияти. Убайдулла Ходжаев был избран военным министром Туркестанской автономии. После ликвидации Туркистон Мухторияти в феврале 1918 г. он уехал в Оренбург и с Ахметом-Заки Валиди принимал активное участие в формировании правительства Башкирской Автономии. В 1920–1938 годы У. Ходжаев преследовался из-за своих политических взглядов, противоречащих идеологии советской власти. В 1938 г., как и многие узбекские прогрессисты, был арестован и расстрелян.

[1] Мунаввар-кары Абдурашидханов (1878–1931) – просветитель, общественный и политический деятель, родился в 1878 г. в Ташкенте. Учился в медресе «Юнусхан» и «Мир Араб» в Бухаре. Человек с широким кругозором как религиозного, так и светского характера Мунаввар-кары имел чрезвычайно большой авторитет среди народа. Он начал свою активную деятельность в джадидском движении с конца XIX в. В 1901 г. одним из первых в Ташкенте он открыл новометодную школу. Позже такие школы были открыты им в различных частях города. Написал учебники «Адиби аввал» («Первый учитель»), «Адиби соний» («Второй учитель»), составил и издал учебные пособия «Тажвид ал-Куръон» («Правила чтения Корана»), «Ер юзи» («География»). Одновременно он был автором целого ряда стихов и рассказов для детей. В 1909 г. М. Абдурашидханов организовал благотворительное общество «Жамияти хайрия» и «Турон». В 1906 г. он начал издавать одну из первых национальных газет – «Хуршид». В 1917 г. стал главным редактором газет «Нажот», «Кенгаш», одновременно работал в газете «Садои Туркистон». Один из основателей и руководителей общественно-

впоследствии председателем правительства «Туркестанской автономии».

По данным Туркестанского охранного отделения, У. Ходжаева в поездке в Петербург сопровождал Вадим Чайкин – сотрудник газеты «Туркестанский голос», которую издавал Ходжаев[1].

Встретившись с членами мусульманской фракции, они изложили ход событий и просили «о приезде кого-либо из членов Государственной думы для расследования дела о бывших беспорядках в связи с объявлением Высочайшего повеления, а также для ознакомления на месте с условиями жизни мусульман»[2].

Комиссия, как известно, была составлена из 3 депутатов: А.Ф. Керенского – председателя фракции трудовиков, как человека хорошо знающего Туркестанский край, К.Б. Тевкелева и Ш.З. Мухамедьярова из мусульманской фракции. Есть предположение, что У. Ходжаев и В. Чайкин вернулись в Ташкент вместе с ними. Предполагалось и участие депутата М.Ю. Джафарова, однако он был направлен с той же целью на Кавказ[3].

С этого момента между джадидами и этими депутатами завязалась деловая дружба, объединяющая их вокруг одной цели – довести до Госдумы, правительства истинное положение дел.

В вопросе о том, что решение о мобилизации было совершенно непродумано и не был разработан механизм его осуществления, их взгляды совершенно совпадали.

Депутаты приехали в Ташкент 20 августа, раздельно. А.Ф. Керенский в тот же день выехал в Джизак, где его ждал К.Б. Тевкелев[4]. Поездка была очень интенсивной. Практически за неделю им удалось посетить Ташкент, Самарканд, Андижан, Коканд и Джизак – основные очаги восстаний, переходя от встречи к встрече и пересаживаясь буквально с поезда на поезд. Везде их сопровождали Убайдулла Ходжаев и Мустафа Чокаев, в Ташкенте к ним присоединились Мунаввар-кары Абдурашидханов и Ташпулат Норбутабеков. Во всех городах джадиды организовывали встречи с населением, преимущественно на площадях, перед соборными мечетями. Депутаты, пользуясь своим положением, просили полицейских не вмешиваться. В результате «они получили самую достоверную информацию о произошедших событиях из уст восставшего народа»[5].

политической организации «Шуро-и-Исломия», принимал участие во всех четырех краевых мусульманских съездах. В ноябре 1917 г. М. Абдурашидханов организовал массовые митинги в Ташкенте в поддержку Туркестанской автономии. В 1918 г. по его инициативе был образован Туркестанский народный университет, ректором которого он являлся. В 1929 г. был арестован и в 1931 г. расстрелян.

[1] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 3 об.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 4.

[4] Там же. Л. 1.

[5] *Зияева Д.Х.* Туркистонда миллий озодлик харакати XX аср тарихшунослигида (1916 йил қўзғолони ва 1918–1924 йиллар истиқлолчилик харакатини ўрганиш муаммолари). Автореф. дисс.…док. ист. наук. Ташкент, 1999. С. 35.

По этому поводу начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник Волков в своем донесении генерал-губернатору писал: «Принимая во внимание, что член Государственной думы Керенский – председатель трудовой фракции таким путем может пропагандировать среди туземцев идеи, противные задачам государственного управления и вселять среди туземцев надежды на осуществление их мечтаний националистического характера, я, не имея сведений о разрешении местной властью собраний туземцев гг. членам Государственной думы без присутствия полиции, почитаю должным о сем доложить Вашему Превосходительству»[1]. А надежды населения действительно были большими, поэтому на встречах не было места восточному этикету, не было умалчивания, депутатам рассказали все. Они убедились, что отправка рабочих на тыловые работы в Россию проводилась с недопустимыми и грубыми нарушениями, сопровождавшимися взяточничеством, и что никакой подготовительной работы не было проведено.

Обсуждение, в котором участвовали 100 человек, продолжалось и на неофициальных встречах, в частности в ресторане «Регистан» в Ташкенте, устроенной Убайдуллой Ходжаевым[2], где помимо представителей местной интеллигенции присутствовали и представители русской элиты края: глава городского управления, статский советник Н.Г. Маллицкий, директор народных училищ Сырдарьинской области С.М. Граменицкий, бывший директор Русско-Азиатского банка С.А. Иванов, председатель Пушкинского общества М.И. Сосновский и др.[3]

Выступая на этом банкете в честь депутатов, Убайдулла Ходжаев мягко сказал: побывав на местах, депутаты убедились, что население Туркестанского края вполне лояльно и что беспорядки произошли ввиду неподготовленности местного населения к отбыванию государственной повинности[4].

Сами депутаты были настроены более воинственно. А.Ф. Керенскому удалось из своей поездки извлечь политические выгоды, став защитником народов Туркестана. На наш взгляд, в целом его позиция, сформулированная в его выступлении на заседании Госдумы 12 декабря, выражала и мнение туркестанских джадидов. Депутаты А.Ф. Керенский и М.Ю. Джафаров в своих выступлениях привели конкретные данные из уст очевидцев о форме усмирения восставших в Туркестане и на Кавказе. Например, о том, что в Джизаке с населением 20 тыс. не осталось ни одного целого здания, что город сровняли с землей. До этого он был разграблен солдатами. Карательные отряды ло-

[1] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 1 об.

[2] Финансовое обеспечение поездки Убайдуллы Ходжаева в Петербург и Ташкент осуществлял меценат Миркамиль Муминбаев, не исключено и то, что проводился сбор средств для приезда депутатов, о чем имеются непроверенные сведения в донесениях царской охранки.

[3] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 6.

[4] Там же.

вили людей, как зайцев, истребляя местное население, оставшихся в живых с семьями и детьми выдворяли из города.

Основываясь на письменных жалобах и свидетельствах очевидцев, они рассказали и о безобразном содержании, фактически как арестантов, туркестанских рабочих-тыловиков, невыносимых условиях работы[1] и привели немало фактов о нечеловеческом отношении к ним.

Александр Керенский открыто заявил, что произошедшие в Туркестане события показали, что «такое управление государством – недопустимо», что указ о мобилизации на тыловые работы не имеет логики. Он, как юрист, дал профессиональную оценку Указу о мобилизации, отметив, что такого рода указы «не принимаются иначе как по предварительному истребованию соображений и заключений генерал-губернатора…»[2] (на что указывала ст. 205 Общего положения учреждений министерств), на него же «он свалился как снег на голову», как и на само население. И никаких правил проведения призыва коренного населения Туркестана на тыловые работы не было разработано. В этом А.Ф. Керенский видел характерную черту пренебрежения министров законами государства и признания себя «абсолютными самодержцами Российской империи»[3].

Зная хорошо Туркестан как край «с своеобразным бытом, экономическим и политическим содержанием», он призывал депутатов представить, как «такая нелепая и сумасшедшая мера» могла бы быть выполнена, к примеру, в Тамбовской губернии, ясно, что последствия были бы гораздо худшими и в большем размере[4]. И Керенский, и Джафаров считали виновными в произошедших событиях 1916 г. в Туркестане центральную власть. Однако местные власти спустя рукава относились к беспорядкам и набирающему рост взяточничеству в этом деле. Кстати будет отметить, что назначенный в Туркестан новый генерал-губернатор – А.И. Куропаткин в рапорте на имя Николая II отмечал, что Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. отошло от принципа «попечительской заботы русской администрации по отношению к туземному населению»[5]. В своем дневнике он писал: «Мы за последние 30 лет не приблизились, а отдалились от туземного оседлого населения»[6].

В процессе мобилизации богатые находили выход, чтобы не попасть в список мобилизованных, а бедные попадали, даже 50–60-летние, потому что ими заменяли откупившихся. Среди имперских чиновников нашелся один трезво мыслящий человек – ферганский губернатор А.И. Гиппиус, который

---

[1] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 289.

[2] Там же. Д. 1100. Л. 262.

[3] Там же. Д. 1139. Л. 266.

[4] Там же.

[5] Цит. по кн.: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 314.

[6] Красный архив. 1929. № 3. С. 64.

был единственным официальным лицом, не разделявшим оптимистических взглядов на предстоящую мобилизацию коренного населения. Конечно же, он не выступал против самой мобилизации, но предлагал ввести денежную повинность для зажиточных классов и рабочую для бедноты, а также ввести практику найма рабочих за плату. Также он предлагал ввести для мобилизуемых оплату с выдачей аванса для обеспечения их семей. Тем самым он хотел возложить осуществление мобилизации не на низовую волостную и сельскую администрацию, а на представителей русской администрации. Как известно, его предложения не были приняты. Последствия были такими, как предсказывал А.И. Гиппиус. Волнения 9 июля 1916 г. в Андижане вынудили его на свой страх и риск исказить смысл Высочайшего повеления, объявив что на тыловые работы будут отправлены только добровольцы[1]. Чтобы успокоить население, он отказался выполнить распоряжение командующего войсками Туркестанского военного округа о проведении мобилизации. По докладу временно исполнявшего должность военного министра генерала от инфантерии П.А. Фролова о его действиях, император распорядился наказать Гиппиуса, но после доклада военного министра Д.С. Шувалова, он был уволен со службы. «При этом, – как правильно пишет А.И. Бахтурина, – никто не задумывался о том, сколько людей остались в живых, благодаря предотвращенным беспорядкам»[2].

Анализируя доклады депутатов, изучавших последствия Указа о мобилизации коренного населения на тыловые работы и восстания 1916 г. в Туркестане, мы пришли к выводу, что джадиды достигли желаемого. Их голос был услышан, их единомышленники смогли донести до Государственной думы, до депутатов, до правительства и до главы Российского государства – царя Николая II информацию о реальном положении дел в Туркестане.

Правда, последствия выразились не в принятии определенных мер, хотя бы по усовершенствованию управления краем, а в росте огромного количества бумаг, которыми обросли подотчетные организации – от генерал-губернатора А.Н. Куропаткина до самых низовых звеньев власти в Туркестане. Центральный Государственный архив Узбекистана содержит такое огромное количество разнообразных документов, касающихся характеристик народных выступлений на местах, отчетов о наказаниях, рапортов со статистическими данными, что на их изучение, как верно отмечает Д.Х. Зияева, потребуется немало лет[3].

Последующие события принесли джадидам большие разочарования. Встретив с большим восторгом Февральскую революцию, они очень скоро убедились, что отношение Временного правительства, возглавлявшегося А.Ф. Керенским, к народам Туркестана ничем не отличается от прежнего.

---

[1] *Бахтурина А.И.* Указ. соч. С. 307.

[2] Там же. С. 308.

[3] *Зияева Д.Х.* Туркистонда миллий озодлик харакати XX аср тарихшунослигида … С. 51.

Однако приобретенный опыт способствовал развитию их борьбы за политические права. К сожалению, историки не располагают какими бы то ни было личными архивами представителей джадидского движения. Они все без исключения уничтожены большевистскими властями. Сохранившиеся материалы газет и журналов, издававшихся ими, не содержат сведений о данной проблеме. Возможно, этим объясняется недостаточная изученность темы об отношении джадидов к восстанию 1916 г. в Туркестане, о их обращениях по этому вопросу к властям еще до обращения в Госдуму.

Перед историками, изучающими этот период, стоит задача поиска альтернативных материалов, нового прочтения воспоминаний очевидцев, в которых, возможно, есть сведения о встречах с джадидами. Такой материал существенно дополнил бы архивные материалы официальных ведомств, что в совокупности позволило бы сделать определенные выводы, проливающие свет на историю Туркестана в свете евразийских процессов.

События 1916 г. глазами банкиров Туркестана

В современной, впрочем, как и в советской, историографии фактически не освещаются события 1916 г. с позиции «иного», или «постороннего», наблюдателя, т.е. при описании событий восстания в основном привлекаются архивные источники (мемуары участников и бюрократическая переписка администрации) и научная литература. В постсоветской среднеазиатской историографии возрождаются старые клише ранних советских историков, освещавших эти события как национально-освободительное движение[1], а в исследованиях активно привлекаются отчеты и мнения имперской администрации по восстанию[2]. В российских научных кругах (и не только) возрождаются идеи о внешнем влиянии (со стороны Китая, Турции и Германии) на восстание 1916 г.[3] В основном постсоветские историки пишут о причи-

[1] Например, интересна в этом отношении диссертация проф. Д.Х. Зияевой. *Зияева Д.Х.* Туркистонда миллий озодлик ҳаракати XX аср тарихшунослигида (1916 йил қўзғолони ва 1918–1924 йиллар истиқлолчилик ҳаракатини ўрганиш муаммолари): Дис. док. ист. наук. Ташкент, 1999.

[2] Интересно, что «экономическую» версию событий 1916 г. выдвинули имперские чиновники, чтобы «исторически» объяснить эти эксцессы на местах. «Экономическое порабощение туземцев коммивояжерами туземного и пришлого капитала, взяточничество, подчас откровенное вымогательство – вот где нужно искать корни июльских событий (1916 г.)». Из речи губернатора Ферганской области П.П. Иванова. «Туркестанский Голос» от 17 сентября 1916 г., № 60. Но существует и другой подход: «Война благоприятно отразилась на экономике империи, но это не коснулось Туркестана». «Туркестанский Голос» от 19 августа 1916 г., № 39.

[3] Нередко можно было услышать разговоры о том, что скоро единоверные турки появятся в Туркестане в роли освободителей мусульман. Все это вылилось в знаменитое восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Загнанные вовнутрь волнения продолжались и подог-

нах и ходе восстания, а не как эти события повлияли на жизнь местного населения. Как уже упоминалось, экономические причины (изъятие земель на колонизацию, увеличение налогов и т.д.), как и внешнее влияние на восстание составляют каркас объяснительных схем историков. В стороне остается само восстание, или оно преподносится как следствие неких политических и социально-экономических процессов, что неизбежно приводит к метаисторическим построениям или к тотальной редукции. Кроме того, историки в основном описывают события 1916 г., происходившие в Семиречье – в кочевых районах, а оседлые районы – Ферганская и Зарафшанская долины – остаются вне поля зрения исторического анализа. Это объясняется тем, что «основной площадкой» восстания было Семиречье, где население больше всего пострадало от него. Еще Т. Рыскулов предлагал отказаться от этого дихотомического регионального подхода[1], т.е. исследовать восстание 1916 г. как монолитный процесс, не разделяя события на «кочевую» или «оседлую» зоны. Единый «макроисторический» подход Т. Рыскулова теряет свой смысл в постсоветском пространстве и возвращает нас к «дифференциальному» (плюралистическому), или «дискретному», подходу к описанию событий. Мы далеки от исторических или метаисторических обобщений, мы стараемся показать реакцию определенных кругов – «многоголосицу» участников и свидетелей этих событий.

Драматические события 1916 г. не оставили равнодушными финансовые круги Туркестана, так как они нарушили «нормальное» развитие банковских операций в крае. Волнения «туземцев» привели к временному закрытию нескольких филиалов коммерческих банков по всей Средней Азии, что не могло не сказаться на прибылях этих отделений. Также «брожение» населения привело к вздорожанию производства продукции из-за недостатка рабочих рук, вследствие чего часть кредитов, выданных банками частным лицам, вовремя не возвращались. Несмотря на экономическую дестабилизацию в Туркестане, банки смогли извлечь определенную выгоду из волнений и продолжали свою деятельность, финансируя оптовую и розничную торговлю. Основной причиной устойчивости банков была гиперинфляция и активное вмешательство в туркестанский экспорт (хлопок, сушеные фрукты), что позволило им, невзирая на все политические эксцессы, укрепить свои позиции на рынке. Ниже мы постараемся на примере переписки и записок служащих и отчетов ревизоров филиалов Государственного (в Андижане и Ташкенте) и Русско-Азиатского

ревались извне вплоть до Российской революции 1917 г. // Цит. по: Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М., 2013. С. 121.

[1] Одни, интересующиеся Туркестаном, до сих пор склонны предполагать, что восстали в 1916 г. только киргизы в Семиреченской области, а другие, имея вообще смутное представление об этих событиях, предполагают, что восстание почти ничем не отличается от обыкновенных эксцессов, наблюдавшихся и прежде при царизме. Цит по: *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии: сб. ст. Ф. Ходжаева, Е. Федорова, Т. Рыскулова, С. Гинзбурга. М., 1926. С. 47.

(в Самарканде) банков проследить экономическую ситуацию во время и после событий 1916 г. в Туркестане. Мы взяли в качестве примера Андижан, Ташкент и Самарканд не случайно, так как Андижан считался центром производства хлопка, Ташкент – торговли, а Самарканд – виноградарства и изюма, чтобы показать, как повлияли события 1916 г. в экономическом плане на эти регионы. Отправной точкой событий явилось Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г., а моделью объяснения нам служат голоса и мнения «постороннего», или «наблюдателя», который непосредственно был свидетелем неоднозначных событий в Туркестанском крае.

Объявление Высочайшего указа от 25 июня, – писал в своей «Записке» управляющий Андижанским филиалом Государственного банка, – вызвало среди населения сильное брожение. «Низшие темные слои населения испугались призыва, испугались возможности умереть вдали от родины, в далекой, чуждой и незнакомой стороне, более состоятельные испугались за свои поля, за свое имущество, за своих жен и детей и вместе решили – "в рабочие мы не пойдем, не дадим и своих отцов, детей и братьев"»[1]. По мнению управляющего филиалом, дезинформация населения о наборе рабочих привела к беспорядкам в Андижане. Представитель Андижанского отделения воспринимал Высочайшее повеление 25 июня как нарушение традиционного уклада жизни местного населения, что и привело к всеобщему росту «сопротивления» во всех слоях «туземного» общества». Он сознавал, что применение силы со стороны властей приведет к ответным мерам. Отношение управляющего банка к восстанию, таким образом, амбивалентно: он понимает интересы местного населения, учитывает их психику и традиции, но он также прекрасно понимает нужды государства и фронта. Предвидя силовое давление властей, местное оседлое население оказало пассивное сопротивление. «Сартов в новом городе почти не видно, – писал он. – По слухам, многие из них отправили свои семейства и молодежь призывного возраста в дальние, глухие кишлаки уезда, и старый город опустел»[2]. Миграция городского населения в села и горы подрывала финансовую систему региона и предвещала полную остановку активной экономической жизни в Ферганской долине. Естественно, что многие банки прекратили свои операции, испугавшись мародеров и погромов. «Беспорядки» также повлияли на экономическую жизнь в городе, частные банки за исключением Русско-Азиатского (т.е. Московский Учетный и Сибирский Торговый) приостановили развитие активных операций, а многие фирмы – выдачу задатков[3]. Это предвещало конец той экономической политики, которая стремилась превратить Фергану в «хлопковый рай» для российских текстильщиков. Примечательно, что Русско-Азиатский банк не закрыл свое представительство в Андижане, намекая, что имперская

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1459. Л. 18–19.

[2] Там же.

[3] Там же.

власть в регионе сильна и никакие эксцессы не могут нарушить «нормальное» развитие края по имперскому сценарию. Интересно, что Русско-Азиатский банк, будучи коммерческим банком, остался верным имперским экономическим интересам в крае.

В своем отчете управляющий Андижанским филиалом писал о перспективах хозяйственной жизни региона на 1917 г. «Будущий урожай хлопка ожидается значительно слабее прошлогоднего. …Непомерно возросли цены на рабочие руки и местами дошли до 3 руб. 20 коп. – 3 руб. 50 коп. на хозяйских харчах. Вследствие дорогих рабочих рук, дорогого провианта и фуража обработка десятины хлопка в настоящем году будет стоить от 450 до 480 руб. вместо нормальных 200 руб., при среднем сборе хлопка 80 пудов с десятины цены упадут на пуд сырца до 6 руб., и потому прошлогоднюю нормировку для настоящего года следует признать низкой»[1]. Война и восстание повлияли на производство сельскохозяйственной продукции. Это отмечалось в отчете специально, давая понять центральным органам банка, что предстоящий год будет тяжелым для экономики региона из-за непомерного роста цен на продукты первой необходимости. Высочайшее повеление 25 июня не только нарушило «нормальное» развитие края, но стало причиной роста цен, что привело к снижению доходов банка. В отчете в первую очередь анализируется состояние урожая хлопка, так как банки финансировали хлопководство и таким образом контролировали экономическую жизнь оседлых районов. От снижения воспроизводства хлопка банки теряли не только доходы, но и влияние, через которое и осуществлялась их деятельность в Туркестане. Поэтому они и противились фиксированным ценам на продажу хлопка в Москву. Банкиры пытались убедить правительство, что нормирование цен на хлопок приведет к краху экономическую систему региона и, следовательно, банки перестанут играть существенную роль в хозяйственной жизни в оседлых районах Средней Азии. Основной причиной удорожания производства хлопка был недостаток рабочих рук. Дефицит сельскохозяйственных работников привел к удорожанию производства хлопка почти вдвое, что сводило на нет все старания правительства по удержанию фиксированной цены на хлопок на Московской бирже и породило спекуляцию на «черном» рынке. Рост цен на рабочих привел к сокращению производства хлопка в Андижане в 1917 г. и уменьшению кредитования банками этой отрасли, а население недополучило денег на воспроизводство сельскохозяйственной продукции, следствием чего стали экономический кризис и стагнация.

Восстание повлияло не только на сельское хозяйство, но и на торговлю в Андижане. «С большого базара в Старом городе выехали и закрыли торговлю бухарские евреи, – писал управляющий, – и тем внесли панику и в среду остальных торговцев, хотя приказом администрации было произведено при-

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1459. Л. 15–17.

нудительное открытие лавок, но этот приказ выполнен только для видимости, и до сего времени рынок еще не пришел в нормальное положение»[1]. Торговля Андижанского уезда была напрямую связана с хлопком, так как местное население в основном получало прибыль от его продажи банкам и перекупщикам. Следствием приостановления торговли в Андижане стало сокращение финансирования хлопковой отрасли банками, так как торговцы понимали, что у населения упала покупательная способность, а оставшиеся средства припрятаны населением на «черный» день. Местная администрация всячески пыталась повлиять на купеческие круги, чтобы они продолжали свою деятельность в Андижане, но эти силовые решения властей не дали своего результата. Представитель банка прекрасно понимает сложившуюся ситуацию, а силовые действия и акции правительства в сфере экономической жизни выглядят абсурдными.

К сентябрю 1916 г., по словам управляющего Государственного банка в Андижане, «брожения и волнения среди туземного населения… ликвидированы»[2], причиной было то, что население края «благоразумно подчинилось неизбежному»[3]. Банкиру из Андижана события 1916 г. не кажутся чем-то политически мотивированными, в его понимании это даже не восстание, а «брожение и волнения». Высочайшее повеление 25 июня трактовалось им как необходимость для победы над врагом, а местное население не поняло интересов империи и поставило свои интересы превыше общегосударственных, что и стало причиной восстания. Финал «восстания», по его мнению, был прозаичным. Местное оседлое население приняло Высочайшее повеление как необходимость – историческую необходимость, продиктованную текущим состоянием дел на фронте. Банкир мыслит, как государственник, но в отличие от других правящих структур государства для него в первую очередь важно спокойствие в регионе для нормального экономического развития. В своем отчете банкир отмечает посещение Андижана туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным. «Туземцы встретили его восторженно, взирая на него, как на своего *спасителя* и поднесли ему массу прошений о своих нуждах и жалоб, преимущественно на туземную администрацию»[4]. Визит генерал-губернатора в Андижанский уезд это жест со стороны администрации края в сторону местного населения, который поддерживает андижанский банкир. В его понимании краевая власть должна обеспечить мир и спокойствие в крае, чтобы финансовые институты свободно могли осуществлять свою деятельность, а местное население спокойно заниматься сельскохозяйственным производством во благо государства.

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1459. Л. 21–21 об.
[2] Там же. Л. 25–27.
[3] Там же.
[4] Там же.

Управляющий банка также в своей «Записке» писал об экономических перспективах Андижана на 1917 г. следующее: «В будущем году, вследствие призыва туземцев на тыловые работы, а также вследствие желания населения обеспечить себя собственным хлебом и кормовыми злаками и несколько ослабить зависимость от Центральной России, площадь посева хлопка сократится. Сокращение это вряд ли будет значительно и, по мнению сведущих лиц, уменьшение едва ли будет более 10–15%. Такое сокращение следует считать нормальным, так как последние годы площадь посева увеличивалась вне зависимости от количества рабочих рук и самая обработка полей велась недостаточно. Уменьшение посевов сделает обработку более интенсивной и увеличит подесятинный сбор хлопка. Так что, по моему мнению, особенно пессимистически на предстоящий сезон смотреть не следует»[1]. Андижанский банкир слишком оптимистически смотрел на экономическое состояние уезда на 1917 г. Он даже убеждал центральное управление Государственного банка не тревожиться за инвестиции, вложенные в Андижан, также он прогнозировал, что хлопковое производство в уезде интенсифицируется, что даст ожидаемые результаты для финансовых институтов края.

Стоит отметить, что прогнозы банкиров по хлопководству на 1917 г. не оправдались. В 1917 г. хлопком было засеяно в среднем на 60% меньше, чем в 1916 г.[2] Основными причинами сокращения посевов хлопка были: война, нормирование цен и нехватка воды весной 1917 г. Эти факторы негативно повлияли на экономическую жизнь Ферганской долины и нанесли непоправимый ущерб деятельности государственных и коммерческих банков.

В Ташкенте – центре Туркестанского генерал-губернаторства Высочайшее повеление 25 июня о призыве в рабочие дружины население, «в массе темное и фанатичное, встретило с недоверием»[3]. По мнению управляющего банка, призыв на тыловые работы стал для всех неожиданностью, как для местного населения, так и для администрации края, «которая в силу этого не имела возможности подготовить туземное население к ясному пониманию последним цели и порядка призыва»[4]. «Неожиданность», «фанатичность» и «непонимание» стали основными понятиями для объяснения восстания местного населения против администрации Туркестанского края. Ташкентский банкир также указывает на «темность» и «фанатичность» населения, которое не смогло понять смысла Высочайшего повеления 25 июня. Администрация края в свою очередь была сбита с толку «неожиданностью» этого повеления. Эти факторы обусловили паралич администрации в принятии важных решений, в первую очередь разъяснительных. В момент взаимного «непонимания» «фанатичные» массы народа стали вершить историю. Банкир

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1459. Л. 40–41 об.
[2] РГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–24.
[3] Там же. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1450. Л. 87–88.
[4] Там же.

воспринимает сложившуюся ситуацию как нарушение не только государственного порядка, но и как победу «темных» сил над силами миропорядка. «К тому же Высочайшее повеление было опубликовано в период их поста – "Уразы", – писал ташкентский банкир, – перед наступлением праздника – "Айтфитр" (Ид ал-фитр) (18–21 июля), что создало боязнь мобилизации до конца поста. Все эти обстоятельства породили брожение среди туземцев, окончившееся крупными беспорядками»[1]. Мусульманский пост, по мнению банкира, также подогрел «фанатичные» массы к действию против правительства. Банкир не использует слово «восстание», а активно применяет для определения событий термин «беспорядок», что и доказывает наш тезис, что банкиры смотрели на происходившее события как на слабость правительствующих кругов, необдуманные решения администрации в деле мобилизации, а также «отсталость» местного населения. Банкиры, заняли в этих событиях «промежуточную» позицию – нейтралитет, чтобы сохранить свои позиции в туркестанском миропорядке. Они ясно понимали, что краевая администрация не имеет достаточно ресурсов, чтобы восстановить порядок в кратчайшие сроки, а ждать помощи от Европейской России не имело смысла, так как шла Первая мировая война. Результат нарушения знакомого миропорядка не заставил себя долго ждать. «Все эти беспорядки не могли не отразиться на сельскохозяйственной и торговой жизни в крае, писал ташкентский банкир. По словам хлопководов, туземного населения и главным образом рабочих киргизов, хлопковые поля остались без полива в самые сильную жару, что грозит частью гибелью, частью порчей хлопковых плантаций. Базары продолжительное время были закрыты, и торговая деятельность замерла»[2]. Нарушение экономического воспроизводства и остановка торговли в центре Туркестана – Ташкенте грозили банкирам банкротством. Интересно, что в такой политический и экономический кризис они оставались хладнокровными и пытались реально оценить причиненный восстанием ущерб экономике края, чтобы восстановить в прежних объемах производство хлопка и рост товарообмена между Туркестаном и сопредельными странами. «В Туркестане в текущем году (1916 г.) почти полный неурожай хлеба»[3], – писал управляющий банком. В городе не хватало продуктов первой необходимости, и непрерывно росли цены на них. «В овощах город нуждался еще в прошлом году, так как в окрестностях города занимались огородничеством главным образом болгары. С выселением их количество огородов сократилось более чем на половину, и поставщиками овощей стали исключительно сарты, которые при отсутствии таксы на все почти жизненные продукты сделались хозяевами рынка и повышают цены по своему желанию»[4]. Сокращение сель-

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1450. Л. 87–88.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

скохозяйственного производства породило рост спекуляции, которым и воспользовалось, по мнению банкира, местное население, которое было склонно к разным финансовым махинациям. «При этих условиях вопрос о питании стал острым, особенно для малообеспеченного класса, в том числе и мелкого чиновника»[1]. Интересен вывод банкира: в конечном счете после подавления восстания в выигрыше оказались местная администрация и особенно «туземное» население, которое смогло получить выгоду от сложившейся ситуации.

Ташкентцы, как отмечал банкир, нанимали рабочих, чтобы отправить их вместо себя. «Отправка первых эшелонов рабочих, – писал управляющий банка, – прошла повсюду. Более состоятельные сарты нанимали за себя добровольцев доплачивая им от 1000 до 1500 руб.»[2]. Высочайшее повеление 25 июня усилило в туркестанском обществе не только недовольство, но и высокий уровень коррупции. Богатое население Ташкента смогло откупиться от повинности и продолжить свою деятельность, невзирая на войну и на социальные потрясения в Туркестане. Этим и отличался Ташкент от других регионов Туркестана – устойчивостью к эксцессам, так как здесь господствовало крупное купечество, которое могло удержаться в любой ситуации. Оно не сильно зависело от цен на хлопок, хлеб и фрукты – оно нуждалось в мире и спокойствии, чтобы продолжать свою коммерческую деятельность. Спекуляция и временное ослабление банков сыграли на руку местным купцам, которые и смогли извлечь выгоду, банки эти процессы понимали, но изменить ничего не смогли.

В Самарканде после событий 1916 г. экономическая ситуация была иной, чем в Андижане, но напоминала Ташкентский регион. «Сухой» закон в Российской империи и недостаточное производство сахара породили огромный спрос на фрукты и вино. Как известно Самарканд славился производством, винограда, вина и сухофруктов. Со всех концов империи в Самарканд приезжали купцы, которое скупали виноград и вино, вследствие чего производители винограда и банки получили большую прибыль. Цены на виноград повысились в девять раз, с 3 руб. за пуд до 27–30 руб. Небывалый рост цен не только позволил местным банкирам избежать банкротства, а, наоборот, усилил их влияние в этом регионе. Особенно большую выгоду получили коммерческие банки, которые были готовы рискнуть ради больших прибылей. Как отмечал инспектор Русско-Азиатского банка в своей ревизии Самаркандского филиала: «Общее положение дел надо признать благоприятным; все нажились. Некоторое замешательство внес только набор рабочих от туземного населения. Ныне замешательство это почти прошло, оставив, однако, резкий след в виде необычайной дороговизны и явной недостаточности рабочих рук и перевозочных средств»[3]. Обратим внимание, что местный банкир по отно-

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1450. Л. 87–88.

[2] Там же. Л. 89–90 об.

[3] Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 10 об – 11 об.

шению к восстанию 1916 г. использует термин «замешательство», не «беспорядок», как отмечал ташкентский банкир, или «брожение» в Андижане. «Замешательство», в понимании Самаркандского банкира, не означает крах политической или экономической системы региона, а только то, что оно внесло некоторую «путаницу» в миропорядок, которое было вскоре «замято» экономическим процветанием самаркандского рынка. «Денег на базаре масса, – писал самаркандский банкир, – в базарные дни видно, как переходят из рук в руки чуть ли не одни пятисотрублевые кредитки – купюра, о которой здесь раньше в массе понятия не имели. Ничего нет, впрочем, в этом удивительного: один кишмишный базар делал за день более нежели полумиллионный оборот»[1]. Далее ревизор отмечал, что «у населения были крупные расходы в связи с набором трудсилы (наем заместителей, экипировка их прочее), но ведь в конце концов и эти деньги остались среди того же туземного населения»[2]. Банкир отмечает вскользь о подкупе рабочих, отправленных вместо богачей региона или их сыновей, называя это «расходом», а не «подкупом». Он далек от оценочных размышлений и считает, что сейчас важнее ситуация на самаркандском рынке, чем где-то на фронте, и оправдывает местное население, которое, отправив вместо себя на работы бедняков, сами остались «делать деньги». Кто-то должен воевать, а кто-то должен заниматься торговлей. Таким образом, местные интересы стоят выше государственных или имперских.

Ревизор рассматривал расцвет торговли в Самарканде как следствие военной спекуляции, которая позволила населению разбогатеть, и что «население не стесняется в покупках и платит за все любые цены, не считаясь ни с какими таксами и нормировками»[3]. По сравнению с Андижаном и Ташкентом Самарканд процветал на волне спекуляции, банкиры были довольны, и там не произошло «слома» административной и экономической системы, а наоборот, банкиры стали управлять всей экономической системой региона.

Ситуация была несколько иной только в самом восточном уезде Самарканда – Джизаке, где в основном проживали кочевники и бедные крестьяне, которые выращивали хлопок. Там и произошли волнения, которые затронули интересы банковских кругов Самарканда. Город Джизак, как отмечал ревизор, сильно пострадал от последних событий, и кредитоспособность его коммерсантов подорвана окончательно»[4]. Всего пострадало от беспорядков 10 джизакских клиентов Русско-Азиатского банка с общей задолженностью в 14 175руб.[5] «О некоторых из них нет даже сведений, живы ли они, – писал ревизор, – вследствие беспорядков в Джизаке все тамошние баи лишились

[1] РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 10 об – 11 об.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 14 об.
[5] Там же. Л. 45 об.

своих товаров, ибо базар был разгромлен весь дотла»[1]. Потери (14 175руб.) Русско-Азиатского банка в Джизаке не повлияли на его деятельность в регионе, а наоборот, банк продолжал расширять свою деятельность во «фруктовых» районах Самарканда, которая приносила баснословные прибыли.

События 1916 г. в оседлых районах Туркестана воспринимались банкирами, местным населением и администрацией по-разному и по-разному интерпретировались. Выше мы попытались показать восприятие и отношение банкиров Андижана, Ташкента и Самарканда, и мы увидели, что мнения банкиров также сильно различались друг от друга в зависимости от региона. События 1916 г. в Андижанском и Самаркандском уездах воспринимались представителями банка, как «брожение», «беспорядок», «волнение» или «замешательство», которое случилось по недоразумению или как следствие дезинформации населения администрацией (низшей). Отметим, что банковские служащие ни одного из регионов Туркестана не воспринимали «волнения» как национально-освободительное движение или как «революцию». Эти события понимались ими как следствие войны.

В экономическом плане это «волнение» не меняло структуру туркестанской экономики[2], несмотря на сокращение мужского населения края и спекуляцию, а наоборот, увеличивало интенсивность ведения хозяйства (в Самарканде) и укрепляло торговые связи (особенно Ташкента) Центральной России с азиатской периферией.

Джадиды и восстание 1916 г.

Всестороннее изучение и правильная оценка восстания 1916 г. в Центральной Азии в настоящее время имеет научное и познавательное значение. Оно является одним из сложных и важных вопросов, которые требуют тщательного изучения. Исходя из этого, восстанию историками в советский и постсоветский периоды посвящен ряд исследовательских работ – от газетных сообщений и научных статей до капитальных трудов. В советское время, особенно в 50–60-е гг. XX в., в братских республиках Средней Азии и Казахстана были проведены юбилейные сессии и научные конференции, где велись горячие споры об оценке характера восстания 1916 г. Однако не все вопросы среднеазиатского восстания столетней давности в отдельные периоды развития исторической науки были оценены правильно. Бурный разлив массовых народных волнений и восстаний привел в движение все слои местного общества. Он оказал влияние и на джадидов, часть которых в известной мере была недовольна войной и набором рабочих. Другая их часть устно и в печати вела усиленную агитацию за отправку туркестанцев на тыловые работы, возглав-

[1] РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 45 об.
[2] Туркестанский Голос. 19 августа 1916 г.

ляли комитеты по набору рабочих. На страницах джадидской прессы помещались патриотические статьи, стихи и очерки, выпускались специальные сборники песен, посвященных добровольцам. Следует заметить, что в советской историографии упрощена позиция джадидов, не учтены особенности национального движения в разных регионах Центральной Азии, где национальный гнет не мог не задевать также и джадидов. В советской исторической литературе в основном утверждалась такая позиция, что джадиды занимали в восстании явно реакционную и предательскую позицию.

Общеизвестно, что джадиды в конце XIX – начале XX в. сыграли определенную роль в развитии народного образования и внесли свою лепту в дело обогащении духовной жизни коренного населения Туркестана. Деятельность джадидов выходила за пределы только культуры и просвещения: через просветительство джадиды ставили и решали более широкие и глубокие проблемы. Прежде всего это выход народов Туркестанского края из состояния застоя и отсталости, освобождение их от суеверий, невежества и фанатизма, пробуждение тяги к достижениям современной цивилизации. В этом и заключалась главная ценность, историческая миссия джадидского движения в Центральной Азии.

В годы Первой мировой войны происходит эволюция джадидизма. Всеобщий духовный кризис, наступивший с началом войны, ознаменовался изменением отношения ко многим традиционным формам общественного сознания. Война способствовала радикализации мышления джадидов. В их среде усилилась критика основных постулатов официальной идеологии, механизма политической жизни. Усиление политической направленности в идеологической и социально-практической деятельности национальной интеллигенции обусловило дальнейшее размежевание джадидов на сторонников сугубо культурно-просветительской работы и приверженцев программы реформы общественно-политических институтов. Обозначились также противоречия в отношении к войне. Одна часть выступала с ее осуждением, другая – занимала выжидательную позицию. Определенная группа туркестанских джадидов ориентировалась на Турцию, но большинство – на Россию.

Некоторые лидеры джадидов на страницах периодической печати выступали инициаторами создания комитетов поддержки фронта, сбора денег и других материальных ценностей для оказания помощи семьям российских солдат, находившихся на фронте. «Горе Русского государства, – писала джадидская газета «Садои Туркистон» («Голос Туркестана»), – наше горе. И мы, разделяя его, должны вести себя так, чтобы это было приятно нашему правительству. Правительство – отец народа. Его сыновья должны заботиться о нем»[1].

Лидер туркестанских джадидов Махмудходжа Бехбуди с самого начала войны вел агитацию в пользу русского царизма. «Российская страна, – писал

[1] *Убайдулло (Ходжаев).* Ватан мухофазаси (Защита родины) // Садои Туркистон. 1914. 2 сентября.

он в журнале «Ойна» («Зеркало»), – родина русских мусульман. Враг объявил нашей Родине войну, и мы, любя свою Родину, должны помогать ей. Любить Родину – это значит по мере возможности материально помочь правительству. Кроме того, мы должны оберегать себя от всяких мыслей и действий, могущих отвлечь внимание нашего общественного мнения»[1].

Из всего сказанного уже становится ясным, какую позицию должны были занять джадиды по отношению к восстанию 1916 года. Определенным было отношение джадидов и к царскому указу от 25 июня 1916 года о мобилизации коренного мужского населения на военно-тыловые работы, и к восстанию народов Средней Азии 1916 г. Одни ходатайствовали перед властями во избежание новых «беспорядков» передать царю «просьбу населения» об освобождении от набора рабочих; другие просили отсрочить набор, постепенно приготовить народ, «иначе беспорядки могут повторяться», отложить призыв до окончания сезона сельскохозяйственных работ, оставить часть тыловиков для работы в хозяйствах или на промышленных предприятиях; третьи принимали участие в создании в уездах, областях и городах «туземных комитетов содействия» колониальным властям по осуществлению набора рабочих. Так, Мунаввар-кары, Расул Ходжаев, Убайдулла Ходжаев, Асадуллабеков, Набиханов и другие джадиды возглавляли комитеты по оказанию помощи в наборе и отправке рабочих[2].

Джадиды устно и в печати вели усиленную агитацию за посылку рабочих на тыловые работы, возглавляли комитеты по набору рабочих. На страницах джадидской прессы помещались патриотические статьи, стихи и очерки, выпускались специальные сборники песен, посвященных добровольцам. Так, в сборнике стихов джадидских поэтов М. Ибрагимова и А. Алими «В тылу», изданном в Намангане в 1916 г., говорилось, что «наши старательные и боевые юноши поняли обязанности, возложенные на них: согласно дедовскому обычаю они пошли добровольно служить правительству. Они поняли, что спокойствие родины и нации – в таком служении». Авторы сборника гордились тем, что «храбрые сыны» народа Таш-Ходжа и другие первыми добровольно записались на тыловые работы[3].

О поведении джадидов в период восстания 1916 г. свидетельствуют также стихи небезызвестного джадидского поэта Акбари, выпустившего в феврале 1917 г. сборник под названием «Служба Родине». В предисловии к нему говорится, что «Абдурахмон Акбари, представитель общества «Турон», издал настоящий сборник стихов-молитв, сложенных населением Туркестана в честь Его Величества Белого царя». «Песня мардикеров, уехавших из Ташкента» начинается двустишием:

---

[1] *Махмудхужа (Бехбуди).* Ионат керак (Нужна помощь) // Ойна. 1914. № 44. С. 1042–1044.

[2] *Кастельская З.Д.* Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972. С. 137.

[3] *Иброхимов М., Олими А.* Лошмон (В тылу). Намангон, 1916. С. 2.

Соотечественники, люди одной нации, единоверцы!
Мы уезжаем ради нации, ради родины, наши друзья!

В стихах и статьях, написанных в дни набора тыловиков, джадиды от имени мардикеров говорили, что мардикеры пожертвуют ради Родины своей головой, будут служить «нации», за что бог помилует их, скоро они вернутся обратно, и работа и жизнь в тылу для них станет легче; если они будут усердно служить царю, то он вознаградит их; чтобы порадовать царя, мардикеры должны отдаться целиком службе и радоваться, что на их долю выпала честь служить царю.

В целом отношение джадидов к восстанию 1916 г. было отрицательным. Чем объяснить это? Это объясняется конкретно-историческими социально-экономическими и политическими условиями, которые определяли позицию местной буржуазии, малочисленной и экономически и политически слабой. Она находилась в зависимости от российского капитала и была ему подконтрольна. Промышленная национальная буржуазия была тесно связана с монополиями России, особенно в области сбыта сырья и в системе банковского кредита. Экономические интересы торговой части национальной буржуазии были переплетены с интересами русской буржуазии. Поэтому буржуазные националисты – джадиды открыто призывали поддержать царское правительство и ревностно боролись против восстания, способствовали осуществлению набора на военно-тыловые работы.

Периодическая печать джадидов наглядно показывает их отношение к восстанию. Так, в «Туркистон вилоятининг газетаси» джадиды писали: «Царь издал повеление, мы пойдем на работу. О, послужим нашему царю, будем помощниками армии, надо помогать отечеству»[1]. Или за подписью видного представителя джадидской поэзии Тулагана Ходжамёрова под псевдонимом Тавалло в той же газете 21 августа 1916 г. было напечатано приветствие генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину в стихах. Автор стихотворения поздравлял генерала с прибытием в Ташкент, желал ему всяческого успеха и процветания, объявлял его отцом народа. Тот же Ходжамёров в статье, опубликованной в указанной газете, по случаю восстания писал, что «в результате непонимания или невежества произошло несколько неприятных событий».

Редактор джадидского журнала «Аль-Ислох» Абдурахмон Сайёх советовал населению беспрекословно выполнять царский указ. «Дорогим единоверцам, – писал он, – рекомендуется в этом отношении, наряду с именитыми людьми, умеющими различать добро и зло, подчиниться указанному Высочайшему повелению, ибо защищать дорогую Родину – есть дело обязательное для всего населения отечества, как русских, так и мусульман».

Национальная буржуазия при активной помощи джадидских лидеров принимала участие в создании в уездах, областях и городах Азиатской России

[1] Туркистон вилоятининг газетаси (Туркестанская туземная газета). 1916. 24 сентября.

«туземных комитетов содействия» колониальным властям по осуществлению набора рабочих. Такой комитет из 16 человек был образован 15 августа 1916 г. в Ташкенте под председательством джадида Убайдуллы Ходжаева, получившего юридическое образование в Саратове и занимавшегося адвокатурой. В составе комитета был и лидер ташкентских джадидов Мунавваркары. О том, что члены местного комитета содействия были исключительно из угодных царской администрации лиц, свидетельствует рапорт начальника города Ташкента от 17 августа 1916 г., который подтверждал, что руководители «Ташкентского городского комитета по призыву туземцев на работу в тылу действующей армии в политическом отношении вполне благонадежны»[1].

Джадиды организовывали патриотические манифестации в честь царя и Куропаткина, за проведение набора рабочих. По сообщению «Туркестанских ведомостей» в сентябре 1916 г., в одной из манифестаций в Ташкенте на улицу вышли учащиеся джадидских школ и пели песни, которые начинались словами: «Живи, живи, император, у тебя есть справедливость» – и в которых выражалась готовность выполнить царский указ. По сведениям академика З.Ш. Раджабова, 16 сентября 1916 г. джадиды в Ташкенте организовали демонстрацию с песнями по поводу завершения набора мардикеров, т.е. наемных работников[2].

Часть джадидов в известной мере были недовольны войной и набором рабочих. Представители джадидизма Завки, Аваз Отар, Хамза и другие выступали против царского указа и осуждали тех джадидов, которые поддерживали местную администрацию в отправке коренного населения на тыловые работы. В этом отношении характерно выступление Завки против сторонников отправки местного населения на тыловые работы, группировавшихся вокруг джадидского журнала «Аль-Ислох». Завки дал им резкую отповедь, показав, насколько они далеки от народа. «Ваша деятельность, – говорил он, – равносильна игре на карнае (бас в национальном оркестре. – *Н. Г.*) в ухо больного. Вы хотите помирить волков с овцами (баев с бедняками)». Отмежевываясь от джадидов, Завки заявил: «Идти с вами для меня означает повеситься на виселице. Я бедный сапожник и останусь со своими друзьями-сапожниками»[3].

В 1916 г., когда в некоторых областях Туркестана, в особенности в Ферганской долине, начался голод и под влиянием подавления восстания народ был охвачен паникой и унынием, поэт с джадидскими стремлениями Завки написал свои стихи «Аджаб эрмас» («Возможно»)[4]. В них он говорил, что

---

[1] *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 209.

[2] *Раджабов З.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. Сталинабад, 1957. С. 421.

[3] *Вахабов М.Г.* О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюции в период Великой Октябрьской революции // История СССР. 1963. № 2. С. 44.

[4] *Завки.* Сборник избранных стихов. Ташкент, 1957. С. 87.

голод, гнет, могущество царизма – все это преходяще, в ближайшие дни покажется солнце свободы. Такие же мотивы звучали в произведениях Хамзы Хакимзаде Ниязи, который в дни восстания писал:

Баи, шейхи, улемы, все ишаны и мингбаши –
Все одной веревкой связаны, совесть продали за гроши[1].

Хамза в конце 1916 г. пишет ряд стихотворений и песен о мобилизации на тыловые работы, такие как «Тоскую» и «Передай привет»[2]. Они были напечатаны в специальной части «Сборника стихов для национальных песен» под названием «Сафсар гуль» («Цветок ириса»), основной темой которого, как он сам подчеркивает в надписи на обложке, является «несчастное положение рабочих нашей Родины».

Следует отметить, что Хамза позже, в 1919 г., уже в качестве советского драматурга и театрального деятеля создает большое – в трех частях – драматическое произведение под названием «Трагедия мобилизованных», посвященное событиям 1916 г. В основу конфликта в этом произведении положено столкновение классовых сил в условиях мировой войны, материальных лишений, связанных с ней, и мобилизации на тыловые работы, которые до предела обнажили социальные противоречия, вызывали резкое размежевание классовых сил и привели в конце концов к взрыву народного возмущения.

Джадидский поэт Сироджиддин Махдум Сыдки довольно подробно описывает мрачную жизнь тыловых рабочих на чужбине. Он рассказывает, что рабочие фактически были солдатами, несли непосильный труд, подвергались штрафу за малейшую вину, голодали, были разуты и т.д. Он писал:

Вернулся человек, находившийся на чужбине,
Вернулся человек, подвергавшийся там многим страданиям и лишениям,
Вернулся человек, потерявший половину своей юности
от кошмара жизни...[3]

Одним из наиболее известных джадидов был Убайдулла Ходжаев (Асадуллаходжаев), который в 1914 г. был избран членом Ташкентской городской думы, где получил трибуну для публичного осуждения ограничения прав коренного населения, обличения действий полиции и т.д. Критикуя общественные порядки в Туркестане, Убайдулла Ходжаев вместе с тем неоднократно подчеркивал свою лояльность России, писал о процветании региона под рус-

[1] *Вахабов М.Г.* Указ. соч. С. 44.
[2] *Хамза Хаким-заде Ниязи.* Сочинения. Т. I. Ташкент, 1960. С. 98–101.
[3] Цит. по: *Раджабов З.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. Сталинабад, 1957. С. 428.

ским управлением. В 1914 г. он выступил в поддержку Российской империи в начавшейся мировой войне[1].

Как свидетельствуют архивные документы, в июле 1916 г. Убайдулла Ходжаев совместно с редактором газеты «Туркестанский голос» Анатолием Афанасьевичем Чайкиным и известным туркестанским джадидом, будущим руководителем Туркестанской автономии Мустафой Чокаевым побывал в Петрограде. От имени жителей Андижана они просили депутатов Государственной думы приехать в край и на месте разобраться, как идут дела с набором на тыловые работы, а если возможно, вообще отменить Высочайшее повеление. По сведениям охранки, на эту поездку они получили от местного населения крупную сумму денег[2].

По инициативе Убайдуллы Ходжаева, В.А. Чайкина и андижанского миллионера Мир Камил-бая в августе 1916 г. была организована поездка членов мусульманской фракции Государственной думы в Туркестан. Они побывали в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Джизаке, Коканде, где приняли большое число просителей, выступали перед населением, знакомились с ситуацией на местах, собирали материалы о злоупотреблениях администрации в отношении мусульман и евреев. По их просьбе в Туркестан приехали представители Государственной думы – член мусульманской фракции К.-М.Б. Тевкелев и член фракции трудовиков А.Ф. Керенский. Они с 15 августа по 2 сентября 1916 г. побывали в ряде городов и сельской местности – в Ташкенте, Самарканде, Джизаке, Андижане, Коканде, Ассаке, Тойтюбе и др.[3]

Видный государственный деятель Турар Рыскулов, который являлся сторонником джадидизма и был участником восстания 1916 г., еще в 1926 г. писал: «Являясь по существу своему выразительницей нарождающейся торговой буржуазии оседлого населения, национально-прогрессивная джадидская интеллигенция, по понятным причинам, не приняла участия в восстании народных масс и даже не пошла навстречу облегчения участи повстанцев (за исключением единичных случаев, когда отдельные ее представители выступали в качестве защитников при судебных разбирательствах). Относившаяся вначале безразлично к восстанию масс джадидская интеллигенция в своей причастной к администрации части становится открыто на сторону русской буржуазно-демократической общественности. Отдельные ее представители участвуют в разных манифестациях при встречах, например, Куропаткина и других карателей восстания. Это “патриотическое” чувство у отдельных

[1] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 281–282.

[2] Цит. по: *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей истории: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 76.

[3] *Котюкова Т.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 111–112.

представителей указанной интеллигенции выливается в решение ехать самим во главе рабочих на фронт»[1].

Следует отметить, что во время восстания 1916 г. движение джадидов в Туркестанском крае в целом переживало кризис, однако в Ферганской области активную роль в местной общественно-политической жизни играло джадидское общество «Тараккий парвар» («Прогрессист») или «Падаркуш» («Отцеубийца», от названия пьесы лидера среднеазиатского джадидизма Махмудходжи Бехбуди), о чем свидетельствуют агентурные донесения. В одном архивном документе указывалось, что в организацию «Падаркуш» входило около 50 человек[2]. В другом архивном материале говорилось, что «в помещении редакции андижанской газеты оппозиционного направления "Туркестанский голос" ежедневно по вечерам происходят собрания молодых прогрессивного направления сартов в количестве до 20 человек, образовавших в г. Андижане группу "Тараккий парвар"»[3]. Такого рода донесения заставляли официальные власти принимать решительные меры, такие как производство допросов и обысков, конфискация имущества, депортация и т.д.

Таджикский историк Камол Абдуллаев считает, что «для джадидов, как и для русских, восстание стало неожиданностью. Его результаты были просто разрушительными для их зарождающегося движения. Джадиды и их сторонники, которые были посредниками между русской властью и народом, потеряли свой авторитет, из-за того что осудили восставших и даже прославляли русского императора, как это делали лидер джадидов Махмудходжа Бехбуди, поэт и драматург Хамза Хакимзаде Ниязи… Восстание 1916 г. обнажило главную слабость джадидизма – его чрезмерное увлечение проектом "модернизации" и бездумное игнорирование собственного социального опыта. К сожалению, джадиды не были поняты и приняты массами. В их глазах они выглядели "неверными", союзниками русских колонизаторов. Будучи преимущественно тюрко-таджикскими горожанами, они не имели никакого влияния среди кочевников, составивших ядро восстания»[4].

Иного взгляда придерживается известный узбекский ученый Наим Каримов. По его мнению, «митинги и демонстрации в связи с восстанием 1916 г. придали джадидизму невиданный доселе динамизм. Именно в это время джадиды в полном смысле слова стали выразителями интересов угнетенного народа»[5].

---

[1] *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии: сборник статей. М., 1926. С. 121.

[2] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 24.

[3] Там же. Л. 26.

[4] *Абдуллаев К.* К столетию восстания в Средней Азии: Заметки таджикского историка // Иран-наме. 2015. № 3–4 (35–36). С. 314–315.

[5] *Каримов Н.* Возникновение джадидизма, как первоосновы национальной идеи народов Центральной Азии. [Электронный ресурс] // URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1285057980

Факт, что джадиды не были вовлечены в восстание – неудивителен. Они не имели никакого присутствия в сельских районах, уже не говоря о кочевой территории, где восстание было самым сильным. Что удивительно, так это энтузиазм джадидов по отправке рабочих на тыловые работы. Безусловно, на джадидов оказали сильное влияние многослойные процессы начала XX в. в колониальных условиях туркестанской действительности. На наш взгляд, джадиды были далеки от того, чтобы возглавлять, организовывать или поддерживать народные восстания, которые вспыхивали в Центральной Азии, но они хорошо осознавали побудительные мотивы происходящих событий в регионе.

Таким образом, туркестанские джадиды в непростых условиях военного времени целенаправленно стремились вывести движение сопротивления на иной, более отвечающий национальным интересам и современным историческим реалиям, уровень. Деятельность джадидов в период восстания 1916 г. страдала определенной противоречивостью. Она прежде всего выражалась в их отношении к этому восстанию. Отдельные джадиды выступили с осуждением восстания, другие занимали выжидательную позицию, а отдельная часть джадидов вела агитацию за посылку рабочих на тыловые работы. Джадиды посредством деятельности «туземных комитетов по набору рабочих» в меру своих сил и возможностей делали все, чтобы облегчить участь тыловых рабочих, устранить произвол и бесчинства властей в отношении их обеспечения.

Восстание 1916 г.: взгляды киргизской интеллигенции Семиречья

В начале XX в., несмотря на значительные изменения в росте показателей, в результате зарождения новых капиталистических отношений Центральная Азия оставалась отсталой и колониально порабощенной. В таких условиях передовая мусульманская интеллигенция основными причинами социального и колониального порабощения считала безграмотность и низкий уровень сознания народа. Поэтому представители джадидского движения вначале направили свои усилия на просветительскую деятельность, но постепенно это движение преобразовалось в политическое, направленное на коренное изменение жизни общества.

Совместная деятельность элиты национальной интеллигенции Туркестана в решении национально-политических вопросов ярко выражена как в годы первой российской революции, так и в последующем. В это время участились обращения петицией с выражением недовольства в вопросах национальных интересов к правительственным органам власти, особенно с отдаленных окраин империи. В 1905–1906 гг. в центральные органы власти поступило более 500 петиций. Одной из таких петиций является обращение к председателю

Комитета министров графу М.Ю. Витте от имени киргизского и казахского населения Семиреченской области о его нуждах в вопросах веры, образования, земледелия и др., т.е. так называемая в научном обороте «Петиция Шабдана Жантаева»[1].

Данная петиция состояла из 11 пунктов, содержащих в основном вопросы, касающиеся организации управления по религии (муфтият), предоставления муфтияту вакуфных земель, издания книг, газет и журналов на киргизском, татарском и др. восточных языках и их свободная продажа среди населения, а также о запрете переселения российских крестьян на земли киргизов и др[2].

В 1905 г. киргизы и казахи Верного, Копальского, Жаркентского, Лепсинского, Пржевальского и Пишпекского уездов Джети-Суйской области подписали Доверительное письмо Шабдану Жантаеву (1839–1912) для ходатайствания перед российским императором и высшими властями от их имени о их нуждах в вопросах веры, землепользования и др[3]. Это Доверительное письмо доказывает серьезное отношение местного населения к официальным обращениям к власти, а также подчеркивает авторитет Шабдана Жантаева среди соотечественников. Он одним из первых среди киргизов открыл новометодную школу-медресе в 1909 г. в селе Тар-Суу в Кеминской долине, в котором обучалось около 200 учеников, где работали два учителя, специально приглашенные Шабдан-батыром. Он платил учителям немалые деньги – 1 тыс. руб. в год[4]. Открытие новометодной школы, а также его активное участие в джадидских группах «Гап» или «Машрабы», которые существовали и на территории Киргизстана, свидельствуют о его связях с джадидами Туркестана.

Еще один из видных представителей джадидов Дюр Сооромбаев (?–1918) построил школу в селе Сайлык Токмакского уезда, где обучались дети по новому методу И. Гаспринского (позже школа стала русско-туземной). Он принимал активное участие в восстановлении почтовой дороги и телеграфной линии Пишпек – Иссык-Куль после землетрясения 1910 г.[5] Вместе с Б. Сыртановым был избран представителем казахов и киргизов на Узун-Агачском съезде (21 октября 1910 г.) для поездки в Санкт-Петербург и встрече с депутатами Госдумы для возбуждения вопроса об отчуждении киргизских земель и недовольства населения деятельностью Переселенческого управления администрации. Но вскоре это стало известно местным властям, которые приняли меры против этой поездки[6].

---

[1] *Махаева А.Ш.* Казак-кыргыз тарыхынан (19-кылымдын экинчи жарымы – 20-кылымдын башы). Бишкек, 2011. Б. 191.

[2] *Молдокасымов К.* Шабдандын петициясы. Бишкек, 1992. Б. 103–104.

[3] Там же.

[4] Шабдан баатырдын медресесине 100 жыл/сост. А. Джуманалиев, А. Тойчубаев, А. Кубатова, Т. Кебекова. Бишкек, 2009. Б. 261.

[5] *Кубатова А.* Кыргызстандагы жадидчилик кыймылы (1900–1916). Бишкек, 2012. Б. 94.

[6] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1025. С. 3.

Представители мусульманского населения Семиречья начали принимать активное участие в общественно-политической жизни Туркестана. Например, на первом съезде мусульман Семиреченской области в г. Верном в 1906 г., где участвовали 300 человек, депутатами были мударрис медресе «Экбалия» в г. Токмак Закир Вагапов (председатель президиума съезда) и пишпекский адвокат Акматбек Койбагаров (секретарь). На съезде приняли резолюцию, где была отмечена необходимость ходатайствовать об учреждении мусульманского духовного собрания. По резолюции, в собрании «должны участвовать представители всех мусульманских общин (наций) Туркестанского края. Дела, касающиеся какой-нибудь нации, должны решаться в собрании по докладу представителя той нации». В случае учреждения главного мусульманского духовного правления для управления религиозными делами всех мусульман России Туркестанское духовное собрание должно будет подчиниться этому правлению. «Муфтии, шейх-уль-исламы, кади, имамы, муэззины и др. священнослужители должны избираться народом и утверждаться в должности духовным собранием, а не администрацией. В этих строках заметны реформаторские намерения участников съезда»[1].

В отчете туркестанскому генерал-губернатору от 1914 г. было подробно изложена информация о проведении еженедельных тайных собраний, так называемых «Гап» или «Машраб» среди населения региона, в которых принимали участие около 15–30 человек; такие же организации создавались в Джети-Суйской, Ферганской областях, а г. Верном их было более десяти. Джадиды активно участвовали в проведении гапов, где обсуждались политические вопросы, а также проблемы новометодных школ и организация благотворительных акций. Царской администрации были известны из числа прогрессивных гапов в Ташкенте такие деятели, как Мунаввар-кары, братья Убайдулла и Баширулла Ходжаевы, Абдулла Авлони и др. Такие же группы «Гап» или «Машраб» создавались и на территории Киргизстана. По секретным сведениям царского охранного отдела, руководителем группы «Гап» в Токмаке был Гали Токтаров, общее число членов – 41 человек: Сыдык Кенжетаев, Шамен Давлетов, Галия Узбеков, Ибрагим Мурзабаев, Абдуазиз Игамбердиев, Закир Вагапов и др[2]. Они просили разрешения от администрации об организации «благотворительных обществ» в городах Пишпек и Токмак, начав принимать участие и во всероссийском мусульманском движении. Например, в 1906 г. на третьем Всероссийском мусульманском съезде, который проходил в г. Нижний Новгород, в качестве делегатов были приглашены из Джети-Суйской области два представителя – киргизов А. Койбагаров и казах Пишпекского уезда Ы. Дабылбаев (всего около 800 делегатов)[3].

[1] Туркестанские ведомости. 1906. 6 мая.
[2] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1319. Л. 141.
[3] Русие мөселманлари өченче надуеси. Казань, 1906. Б. 28.

В секретных донесениях 1910 г. отмечено активное участие Тымбая Серикбаева, Найзабека Тулина, Дюра Сооромбаева, Мамбетаалы Мураталина, Ибрагима Жайнакова, Эшмухаммеда Аблайханова и др. в политическом движении каракиргизов и киргизов Семиречья[1].

Надо отметить, что после присоединения к России вначале, т.е. в 1867–1889 гг., были прекращены междоусобицы и в результате установления новых порядков намечено улучшение социальной жизни народа. А с 1889–1905 гг., как отметил М. Тынышпаев, в крае начали появляться темные лица, которые и стали эксплуатировать простодушных киргизов, меняя одну коробку шведских спичек на барана и т.д. Киргизы у них научились курить папиросы, пить водку, появились выборные подкупы, что впоследствии стало явлениями обычными, повседневными[2].

В таких условиях среди киргизов появились люди прогрессивных взглядов, получившие образование в новометодных, т.е. джадидских, школах, такие как О. Сыдыков, Б. Солтоноев, Ы. Абдрахманов, Алдаш Жээнике-уулу, Нурмолдо и др. В своих произведениях они отражали новые явления, преобразования в обществе, осуждали поборы, колониальную политику власти. Так, в своей работе первый киргизский историк О. Сыдыков (1879–1942) «Тарихи Шадмания» опубликованной в 1914 г., писал:

Партиялык басып кетти,
Жылдан жылга ашып кетти.
Куулук шумдук ташып кетти,
Мээр шапкат качып кетти.
Манап болсо элди жеди,
Бай-байкуштар малын берди
Кедей байкуш, малай кирди,
Азыр кыргыз шондой болду.

Партийность наступает
Год за годом,
Кипит сполна хитрость и лукавость,
Исчезли традиции и справедливость,
Манапы довели народ,
Бедняки отдали скот и стали рабами.
Вот судьба такова стала у киргизов.

Еще один просветитель, Алдаш Жээнике уулу (1888–1967) в поэме «Шайлоо» («Выборы») в 1903 г. показал совместные грязные интриги местных бай-манапов с чиновниками царской администрации, а также тяжелое положение народа.

[1] ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1319. Л. 187–188.
[2] ЦГА РК. Ф. И-797. Оп. 1. Д. 46. Л. 401–410.

Ни одни выборы не проходили без громадных подкупов. Каждый раз перед выборами претендент клялся, что если проведут его, то прекратятся незаконные поборы, настанет мир и спокойствие в волости. Киргизы, увлеченные конкурентной борьбой, забывали о том, зачем кандидат раздавал от 5 до 40 тыс. руб., когда все его будущее жалованье за трехлетие не превышало 900–1500руб. Претенденты, прошедшие в волостные или в народные судьи, затем могли собрать в виде взяток в 5, 10, 20 раз более затраченного капитала. И этот форменный грабеж происходит и в настоящее время, – говорил М. Тынышпаев на допросе в 1917 г.[1]

Большим бременем для коренного населения являлось обложение его налогом. Кроме основных налогов, царизм учредил дополнительные и косвенные поборы: на ремонт и постройку небольших мостов, арыков, поставку юрт и баранов для воинских частей и т.п. В 1916 г. с населения Семиреченской области было взыскано налогов на сумму 1 946 228 руб.[2] Население несло также и трудовые повинности, составлявшие немалую сумму. Размер налогов для народов Туркестана был значительно выше, чем в центральных губерниях России. В целом киргизский дехканин платил с десятины земли в два раза больше, чем русский крестьянин европейской части страны[3]. О тяжелом налоге писал акын-письменник Молдо Кылыч Шамыркан уулу (1868–1917) в своем произведении «Зар заман»:

Теңгеден алды салыкты,
Карытты далай калыкты.
Жылдан-жылга салык деп
Закон баштап түгөнгүр
Замананы тарытып.

Сбор налога по рублю,
Извели народ до седин
Из года в год поборные законы,
Притеснили эпоху нашу.

Царское правительство объявило все земли Туркестана государственной собственностью, чем создало правовую основу для взимания налогов и насильственного изъятия земли. Это позволяло ему проводить в ущерб интересов коренных народов переселенческую политику, которая являлась неотъемлемой частью аграрной политики царизма. На совещании о землеустройстве, созванном в 1907 г. Министерством внутренних дел, решили усилить колонизацию азиатских владений и наметили такие мероприятия, как ограни-

[1] ЦГА РК. Ф. И-797. Оп. 1. Д. 46. Л. 401–410.
[2] *Усенбаев К.* Восстание 1916 г. в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 131.
[3] *Будянский Д.* История беженцев-кыргызов (1916–1927 годы). Бишкек, 2007. С. 35.

чение землепользования кочевников определенными границами, обращение остальных земель в переселенческий фонд. Совещание фактически выступило против их перехода на оседлость, оно стремилось законсервировать кочевой образ жизни народов[1].

В своем произведении «Хал заман» Алдаш Жээнике уулу охарактеризовал колониальную политику царской России и предупреждает, что такие меры могут вызвать бунт:

Айдап чыкты тоо-тоого,
Ашып көчтү эчен бел,
Аштык айдаар жери жок
Азып жүрөт кайран эл.
Шол кылганы дуруспу?
Аргасы кеткен эли-журт
Акыры түбү бир күнү,
Бунт кылып салар урушту[2].

Людей гнали жить в горах,
Многострадальный наш народ
Шел через горы, перевалы,
а хлеб посеять земли нет,
Разве это ладно?
От жизни такой
у народа зреет бунт.

Не оставался в стороне еще один видный представитель акынской поэзии и просветитель Молдо Багыш Сарыбай уулу (1888–1937). Он в своих прозведениях «Бузулду го заманын» («Испортилась эпоха»), «Кандай болот бул заман?» («Какой станет эта эпоха?»), «Түрмөдөгү бул казал» («Тюремные стихи») и др. рассуждает об изменениях многовековых традиций:

Акыйкат кылбайт жакшылар
Акты менен караны
Ала берет параны.
Шул себептен калайык
Журтка берди балааны.

Несправедливые имущие,
Не различая белое от черного,
Завязли во взятках,

[1] *Будянский Д.* Указ. соч. С. 28.
[2] Мурас / сост. М.К. Абдылдаев. Фрунзе, 1990. С. 187–188.

И это несчастьем
Легло на народ.

А также показывает крах морально-этических принципов народа:

Байкап турсам, агайын
Бозону ичип мас болуп,
Карылары жаш болуп,
Катындары баш болуп,
Бир-бирине кас болуп,
Бир бирине кат коюп,
Бий, болушу баш болуп,
Кудай таалам кудурет
Журтка толду балээси[1].

Замечаю, мой народ
Бузой часто упивается,
стар становится, как млад,
и бабы тоже в этой пьяни.
друг на друга жалобы, вражда,
во главе как судьи и волостные.
О Всевышний,
Грехом наполнился народ.

Когда в 1912 г. часть киргизов Кунгей-Аксуйской волости Пржевальского уезда подала заявление о желании перейти на оседлость, то приехавший в связи с этим чиновник Переселенческого управления некий Юдин, собрав подавших заявления, сказал: «Правительство царя охотно идет навстречу вашим пожеланиям, но вы должны знать, что это налагает на вас обязанности: вы должны стать крестьянами, т.е. отдавать своих детей в солдаты, а потом принять веру царя». Провокационный характер этого заявления очевиден, почти все подписавшие заявление отказались от перехода на оседлость. Но были и отдельные моменты, когда царские власти старались ограничить районы кочевий и насильственно переводили их на оседлость[2].

Несмотря на такие меры, передовые представители народа старались перейти к оседлому образу жизни. Например, по инициативе Талып Байболот уулу (1848–1949) племя конурат основало село Чырак в Жети-Огузской долине. Этот айыл является одним из первых киргизских сел[3].

---

[1] *Тиллебаев С.* Беш молдо. Молдо Нияз, Нурмолдо, Молдо Кылыч, Алдаш молдо, Молдо Багыш. Бишкек, 2004. Б. 131.
[2] *Будянский Д.* Указ. соч. С. 33.
[3] РФ НАН КР. Инв. № 396 (185). С. 8.

Об этом упомянул и Ыбырайым Абдрахманов (1888–1967) в своих рукописях: «воспитанные по-новому (т.е. джадиды. – *А. К.*) старались перейти к оседлости»[1].

Об этом писал и Алдаш молдо:

Олтуруп кыштак болбосок,
Олуттуу жерге конбосок.
Ишибиз артта калат деп,
Иш бузулуп барат деп.
Талып молдо, Бекбоо, Көкөл
Жерин өлчөп алышкан
Крестиян аталып,
Кыштагын бөлүп салышкан...[2]

Если оседлости не будет,
И поселок ты не построишь.
От жизни мы отстанем,
И дела наши не пойдут.
Участки всем раздали,
И крестьянами их назвали…

С началом Первой мировой войны коренное население добровольно начало денежные сборы – от 50 коп. до 1 руб. с кибитки. В некоторых местах они своими силами и средствами скосили сено, убирали хлеб семей, призванных в армию. Киргизы Пржевальского и Пишпекского уездов отправили первых и единственных добровольцев. Это были именно те уезды, где в 1916 г. произошли трагические события. Один из них, штабс-капитан Бекимов, в газете «Семиреченские областные ведомости» поместил обращение к населению области «с призывом защищать интересы, как и все подданные России»[3].

По сведениям М. Тынышпаева, в газете «Казах» поместили заметку об отбывании киргизами воинской повинности (№ 166, 168, 177, 178, 179). Развернувшаяся дискуссия показала, что большинство киргизов предпочитало службу в конном строю[4].

В донесении заведующего Розыскным пунктом г. Верный начальник Туркестанского районного охранного отделения (12 июля 1916 г.) указывал на то, что доминирующее желание киргизов идти на войну на правах казаков

[1] РФ НАН КР. Инв. № 129. С. 71.
[2] Там же. № 257 (468). Спец. фонд № 136. С. 37.
[3] Семиреченские областные ведомости. 1916. 7 октября. № 224.
[4] Казак улт-азаттык козгалысы. Алматы, 2009. Б. 178.

объясняется тем, что они с детства – верхом на лошади и работа в качестве чернорабочих не соответствует всему укладу их жизни[1].

Таким образом, ясно, что военная служба не пугала киргизов, наоборот, они к ней на всякий случай готовились, только никто не ожидал, что привлечение киргизов на работы более страшные (по их мнению) произойдет так внезапно. Киргизам было непонятно само слово «окопы». Знакомые крестьяне, у которых были на войне родственники, успели им объяснить, что это – рвы, в которых сидят русские и германские солдаты друг против друга; если же нужны новые окопы, то их роют впереди, т.е. под обстрелом неприятеля (зачем им мол рыть окопы позади солдат)[2].

Представители мусульманской интеллигенции пытались объяснить причины привлечения населения на военно-тыловые работы. Например, видный акын-письменник, просветитель Нурмолдо Наркулу уулу (1838–1920) писал:

Баргандар Орусияга
Аң казып, кыят карагай.
Март жигиттер – марткерлер
Уруштан алыс иштешет
Мусулманның аскерлер.

Прибывшие в Россию
Рубят лес и землю роют.
Воины-мусульмане
Трудятся в тылу
Вдали от войны.

Нурмолдо был уверен, что выступления против Указа Николая II создаст крайнюю напряженность между властью и народом, приведет к разрухе, невозратным потерям, поэтому он призывал к согласию и миру:

Ойлончу бир аз токтолуп
Каяшаң тиер ок болуп.
Алакандай аз элсиң
Каласың дароо жок болуп,

Задумайтесь на мгновенье,
чтоб слово не пронзило, как пуля.
Мы всего лишь горстка народа,
Можем разом исчезнуть.

[1] ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1888. Л. 144–145 об.
[2] Казак улт-азаттык козгалысы. Алматы, 2009. Б. 179.

Кеңешкиле жаранлар.
Келишишке жараңлар.
Араздашып кетпегей
Ак пааша менен араңар.
Оңоп алар ортону
Өнүп-өссүн балалар[1].

Советуйтесь, граждане,
Стремитесь к согласию
С белым царем,
Чтоб не было ссоры.
Создайте мир меж собой,
Чтоб процветали дети наши.

Списки призываемых составлялись с нарушениями, так как имущие вместо своих записывали детей бедняков. Бывали и случаи, когда снижали или добавляли возраст призывников в свою угоду, т.е. за это брали взятки. О таких явлениях писали Алдаш Жээнике уулу, Калык Акиев и др. Например, Алдаш Молдо в своем произведении «Перед Уркуном 1916 г.» показывает, как богатые дают взятки писарям и как составляются списки, он также призывает население бороться с этим:

Старчын менен бий-болуш
Басты байлар санаасын
Бермек болду ордуна
Жаздырып кедей баласын.
Бай, манапка алдатпа!
Баланды бербе солдатка!
Ызнак, мөөрүн тартып ал!
Спискесин тытып сал!
Өздөрү берсин балдарын!
Старчын келсе кармагын!
Оодара тартып атынан,
Өлөөрчө кылып сабагын…

Старосты, судьи и волостные
упоены решением,
написав в список
вместо себя
дитя бедняка.

[1] Кыргыз поэзиясынын антологиясы. К. 1. Бишкек, 1999. Б. 632–633.

Не обманись бай-манапом!
Не дай дитя в солдаты!
Отбери печать! Списки порви!
Своих пусть отправляют детей!
А придет староста,
Хватай, свали с коня!
И бей до полусмерти…

Обстоятельства сложились слишком неблагоприятно, и малочисленная киргизская интеллигенция очутилась между двух огней. Представители казахской интеллигенции, почувствовав серьезную опасность, в газете «Казах» № 192 от 11 августа за подписями бывшего члена 1-й Государственной думы А. Букейханова, редакторов Байтурсынова и Дулатова выпустили воззвание к киргизскому народу, призывая его к успокоению, уверяя, что никакой опасности нет. Одновременно М. Тынышпаев обратился к пишпекским киргизам по телеграфу с призывом к успокоению[1].

Многие представители национальной интеллигенции приняли участие в восстании. Некоторые даже стали предводителями национально-освободительного движения. Например, Белек Солтоноев (автор книги «Кызыл кыргыз тарыхы»), сыновья Шабдана Жантаева – Мокуш, Хисаметдин, Аман, Кемел (выпускник медресе «Галия»), Канат Ыбыке уулу, Исхак Канат уулу (выпускник медересе «Галия»), Осмоналы Сооромбаев, Максют-Ходжа и др. Но в советской историографии отмечалось, что они преследавали свои корыстные цели, т.е. стремились сохранить свое влияние среди коренного населения[2]. А о тех, кто не хотел присоединиться к восставшим, писали, что часть феодалов колебалась и заняла выжидательную позицию, и после начала восстания они отвели своих людей в более безопасное место, а затем бежали в Китай[3]. При изучения материалов восстания, в частности допроса Каната Абукина[4], возникает вопрос, как человек, который в 1912 г. построил на свои средства новометодную школу-интернат и содержал 9 учителей, мог иметь корыстные цели? Или дети Шабдана Жантай уулу, у которого были доверительные отношения с царской властью? Ответ прост – они не могли в трудный момент бросить свой народ и отказать ему в просьбе возглавить восстание.

После подавления восстания многие из них принимали активное участие в оказании помощи беженцам. Так, например, Кемел Шабданов вел переговоры с китайскими властями о беспрепятственном возвращении беженцев. Об этой поездке в Китай в качестве уполномоченного по устройству кир-

[1] Казак улт-азаттык козгалысы. Алматы, 2009. Б. 180.
[2] *Усенбаев К.* Указ. соч. С. 273.
[3] *Будянский Д.* Указ. соч. С. 40.
[4] Казак улт-азаттык козгалысы. Алматы, 2009. Б. 131.

гизских беженцев К. Шабданов в 1921 г. сообщал, что выезжал за границу для освобождения 3 тыс. рабов-киргизов и 7 тыс. находившихся там в зависимости от китайских граждан. Он также сообщал, что лично выкупил из китайского рабства 15 юртхозяев и 400 семей, переправив их в Советскую Россию[1]. Около десяти лет продолжался процесс решения проблемы возвращения и устройства беженцев. Объясняется это тем, что системно проблема стала решаться только в советский период. Большую работу по возвращению беженцев проводили видный просветитель киргизского народа Э. Арабаев, политические и общественные деятели Ж. Абдрахманой, А. Сыдыков, историк Б. Солтоноев, поэт И. Шайбеков и другие.

Таким образом, заслуги и наследие тех, кто стоял у истоков формирования национальной интеллигенции, еще требуют дальнейшего изучения не только в литературном, но и в историческом, философском и социальном аспектах.

Руководители и специфика трагических событий 1916 г. в Семиречье

С распадом СССР в бывших союзных республиках переписывание истории в угоду политической конъюнктуре или в поисках «национальных героических моментов» стало обычным явлением. Мы видим, что необъективное рассмотрение исторического развития уже стало регрессом в развитии ряда стран бывшего СССР, в частности Украины, где прославление ряда исторических моментов, в особенности с участием Бандеры, стало одним из прологов к гражданской войне, которая уносит десятки тысяч жизней. С обретением суверенитета историческая наука Киргизстана не стала свободной от идеологического догматизма, политизации истории и более некомпетентного вмешательства государства и субъективных, зачастую не вполне объективных исследователей в различные вопросы истории, в том числе касающиеся событий 1916 г., где появились крайние точки зрения. Так, президент К.С. Бакиев 8 ноября 2005 г. подписал указ о торжественном праздновании 90-летия восстания, а в 2008 г. парламент страны своим постановлением утвердил один из августовских дней Днем памяти жертв национального восстания 1916 г.[2], несмотря на то, что именно в августе 1916 г. начались трагические события, которые сперва сопровождались кровавой резней против переселенческого населения начатой именно восставшими. Часть отечественных историков также действует в угоду политической конъюнктуре, и по мнению ряда современных киргизских историков, в период трагических событий 1916 г.

[1] *Будянский Д.* Указ. соч. С. 172.

[2] *Евлашков Д.* Переписать историю намерены киргизские депутаты // Российская газета, 2008. 24 апреля. С. 8.

происходил геноцид киргизского народа со стороны Российской империи. Историк М. Махмутбекова в своей диссертации отмечала, что главная цель политики царской России в Киргизстане это – «геноцид местных жителей»[1]. В таком же русле, к сожалению, воспитывается и школьное поколение. Написавший учебник по истории Киргизстана для 9-го класса М.К. Иманкулов пишет о жестокостях царских войск, но при этом не пишет о жестокостях со стороны восставших. Так, он пишет: «К примеру, 14 августа в населенном пункте Беловодское карательный отряд совместно с группой ополчения из переселенцев уничтожил, не тратя ни одного патрона, более 600 киргизов, забив их палками, топорами и вилами. Полуживых раздавливали груженными телегами. В тот же день озверевшие каратели совершили еще несколько рейдов в близлежащие волости, где сначала ограбили, а потом поголовно убили всех оставшихся в юртах киргизов. Участвовавший в избиении киргизов в Пишпеке некто Полтавский с сожалением сетовал: «Пока протыкал эту киргизню, сломал новую вилу, надо было взять старую». Далее он делает заключение, что «как видно из приведенных фактов, предпринятые царизмом меры по подавлению восстания вылились в массовое истребление киргизского народа. Оказавшись под угрозой геноцида, повстанцы стали спешно перекочевывать в Китай»[2].

А ведь были жестокости и со стороны восставших, о которых никто из отечественных историков не говорит и не пишет. В киргизской историографии утвердилось мнение о том, что в период трагических событий происходил геноцид киргизского народа, однако архивные материалы говорят о том, что тезис истребления киргизской нации может быть подвергнут основательному пересмотру. Так, во время восстания 1916 года известен факт, когда отказавшиеся восставать киргизы ушли в горы и никакого участия в событиях не принимали, а впоследствии холод и голод заставили их спуститься с гор, и около селения Тарханы им встретились русские переселенцы, которые и доставили их в селение Покровское, не подвергнув их истреблению[3].

Кто же стоял во главе восставших? В большинстве своем это была феодальная прослойка – манапы, баи, муллы, часть волостных управителей, почетные и влиятельные лица, которые умело использовали накопившееся недовольство народа и искусно повернули его в антирусское русло, заставляя массы киргизов напасть на переселенцев. К крестьянину села Большой Токмак И.К. Бобровскому обратился киргиз Бектурсун Бегалин, который говорил: «Скоро киргизы думают на вас напасть, и наши главари: Шамсинский

---

[1] *Махмутбекова М.* Народно-освободительное восстание 1916 года в Кыргызстане (историко-источниковедческий анализ воспоминаний): Автореф. дис… канд. ист. наук. Бишкек, 2008. С. 18.

[2] *Иманкулов М.К.* История Кыргызстана XX–XXI вв.: учебник для 9-го класса средней школы. Бишкек, 2006. С. 16–17.

[3] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 6. Л. 36–36 об.

волостной управитель киргиз Максым ходжа и другие баи подготовляют нас, бедных киргиз, и принуждают примкнуть к мятежу, но я, Бектурсун, хочу предотвратить этот мятеж и думаю, что если пристав арестует наших главарей, которых не больше 5 человек, то бунта в нашей волости не будет, только я боюсь заявить и прошу об этом тебя»[1].

В нападении на село Гоголевка Пржевальского уезда одним из лидеров восставших был мулла Тонской волости Сабар, который приказывал убивать мужчин-переселенцев, а женщин и детей брать в плен.

Во время нападения на село Преображенское Пржевальского уезда очевидец Я.В. Лемякин отмечал, что «во время работы на нас, как и на других крестьян, напала толпа киргиз, человек 25, вооруженная пиками, вилами, палками, топорами, и один из толпы был даже с ружьем, и стали отнимать наше добро и лошадей, а некоторые даже ударили баб топорами: Дарью и Анастасию, двух моих снох. В толпе грабивших нас киргиз я увидел киргиз Курмектинской волости из ущелья Ичке-Су Исмаила, Ахуна Тунгатарова, Мурзаходжу и своего работника Сары Кендикеева. Помимо этих киргиз на пригорке стояла другая толпа из почетных киргиз и смотрела на работу первых». Далее он отмечал, что «12 августа меня повели на совет к почетным, из которых я запомнил Ишке Телетаева, волостного Кадырбая, Байбосуна, Джайнеке, Кава и Кожалы Супотаевых. Все эти – из Курментинской волости, и Мурзакана Мамытова – волостного управителя Бреазаровской волости, Интея Саломатина и Орозбака Саадамбекова – киргиз Бреазаровской волости. Помимо этих была масса и других киргиз. На этом совете мне предложили, чтобы я ехал в Преображенское и предложил крестьянам сдаться добровольно и перейти в мусульманство»[2].

Одним из крупных предводителей восстания был Канат Абукин, волостной управитель Абаильдинской волости, который безуспешно осаждал Токмак. При нем руководителями восставших были такие волостные управители и их приближенные: 1) Исхак, отец волостного управителя, и Мамут Абайдулин – над восставшими киргизами Иссыгатинской волости; 2) Мамбеталы Мураталин, Максым-Ходжа, Тоголок Ходжаев, Мундузей Мургазин и Малыбек Джаркимбаев (бывший переводчик мирового судьи 2-го участка Шамсинской волости) – над Шамсинской волостью; 3) Сопубек Маманов, Балпык и волостной управитель Бурадинской волости; 4) Сарыбай Диконбаев, Курач Манатов с сыном (волостным управителем) и Тюлек Турдин – Кочкорской волостью. Еще с нами был Исхак Курманов с сотней людей из Курманходжаевской волости. Отец Исхака Курман Лепесов был руководителем восставших киргизов Джумгала[3].

---

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

[2] Там же. Д. 12. Л. 8–9.

[3] Там же. Д. 27. Л. 35–35 об.

Однако нужно отметить, что в трагических событиях были негативные моменты с двух сторон, и нужно рассказывать о них объективно. Так, кровавый инцидент, описываемый автором Иманкуловым, действительно имел место в тех событиях. Но нужно учитывать, что царская администрация старалась предотвратить подобные действия. На фоне Беловодского события выходят приказы царских управленцев. Комендант Пишпекского уезда в своем приказе отмечал: «Поставляя об изложенном в известность все русское население, считаю нужным предупредить, что военным и военно-полевым судам предаются лица, не исполняющие распоряжения властей и учиняющие насилие и грабеж над мирным населением, в какой бы на вид форме оно ни проявилось. Во избежание тяжкого наказания военного суда прошу все русское население воздержаться от всяких насилий, и в особенности удерживать от этого юную молодежь»[1]. По докладе об этом главному начальнику края, генерал-адъютанту Куропаткину, последний прислал следующую телеграмму: «Вы доносите 16 августа, что русское население Беловодского участка вышло из повиновения Пристава и озлобленно уничтожает киргиз, предлагаю выходящих из повиновения русских судить тем же порядком и такой же строгости, как и вышедших из повиновения туземцев»[2]. Тем самым как комендант Пишпекского уезда, так и Куропаткин А.Н. проводили целесообразную политику в отношении участников событий, стараясь более справедливо решать эти вопросы, и в свете данных исторических фактов нецелесообразно обвинять царскую власть в так называемом «геноциде киргизского народа».

В исторической науке Киргизстана утвердилось мнение о том, что царская администрация относилась к восставшим с крайней жестокостью, однако во время трагических событий глава Туркестанского генерал-губернаторства А.Н. Куропаткин называл эти события «большим горем» как для переселенческого, так и киргизского населения и останавливал незаконные действия отдельных негативных элементов со стороны войск и администрации, выражавшиеся в незаконной реквизиции имущества, а также отмечал что «разорение киргизского населения не в интересах русского правительства»[3].

Все исследователи Киргизстана, рассматривавшие трагические события 1916 г., отмечают жестокости со стороны царской администрации и карательных отрядов, но никто из них не пишет о том, что жестокие действия, которые носили фактор уничтожения русскоязычного населения, были начаты именно восставшими. Так, архивный источник зафиксировал: «Киргизы и дунгане били русский народ из ружей, рубили шашками, кололи пиками и вилами, резали ножами, как баранов. Убивали палками, захлестывали нагайками, собирали человек по двести в кучу и топтали конями. Самый способ убийства

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–6 об.
[2] Там же. Л. 6.
[3] Там же. Д. 41. Л. 29–30.

состоял у киргиз в нанесении первоначально смертельных ран, но встречались трупы и раненые исколотые как решето. Для примера могу привести искалеченную, оставшуюся в живых крестьянку Горохову из селения Иваницкого, а ныне проживающую в городе Пржевальске. Живых детей киргизы для потехи разрывали по ногам или перебрасывали через крыши домов[1]. Так, 13 августа 1916 г. восставшие напали на селение Высокое Пржевальского уезда, мужчин, стариков, старух и детей убили, а молодых женщин и девушек забрали в плен. Каждый из восставших посадили к себе на лошадь по женщине и увезли их. Всех женщин заставляли пасти скотину, готовить пищу и над некоторыми производили насилия»[2]. Такие насильственные действия со стороны восставших сопровождались в большинстве очагов трагических событий. Например, в селе Гоголевка были сожжены все 56 дворов, убитых мужчин из 201 – 180; женщин из 200 – 50; из мужчин пропало без вести – 10; женщин – 76[3]. Один из главных предводителей трагических событий 1916 г. Канат Абукин в своих показаниях также признавал что «подойдя к Токмаку и окружив его, мы стали вести наступление, желая вырезать в Токмаке все решительно русское население»[4]. Количество погибшего киргизского населения во время трагических событий 1916 г. полностью не выяснено, но следует отметить, что большинство гибло в горных ущельях от холода и голода и внезапно наступивших морозов при бегстве в Китай. По прибытии в Нарын полковника Слипко выяснилось, что военные действия частей Семиреченского отряда можно было считать оконченными, а потому 15 октября царской администрацией было выпущено воззвание к туземному населению, коим киргизы местностей, охваченных мятежом, сознававшие свою вину, покорявшиеся требованиям властных органов, призывались к возвращению на свои места и к приступлению к мирным занятиям[5].

Нужно отметить, что самим переселенцам было известно, что назревает резня со стороны негативно настроенных местных феодалов и их приспешников. Сами же восставшие порою пользовались при нападении на переселенцев самыми коварными методами, убеждая их не покидать насиженные места, обещая их не трогать и не подвергать нападению их села. Василий Никитин Рогозин, крестьянин села Юрьевского, в своих показаниях отмечал: «Начиная с весны текущего года отношения с киргизами сделались не такими дружными, как были до этих пор. Накануне восстания, то есть 11 августа, приезжали Сулейман, Чал, Найзабек Тулин и убеждали нас не покидать селения, выдали расписку в том, что не будут трогать селения Юрьевского, причем эту расписку писал Найзабек Тулин, приложил печать Сулейман, и из русских

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 2. Л. 43–44.
[2] Там же. Д. 9. Л. 4 об – 5.
[3] Там же. Д. 7. Л. 1.
[4] Там же. Д. 15. Л. 20.
[5] Там же. Д. 32. Л. 2.

расписались Чивцов и Моргунов»[1]. Однако, получив расписку, восставшие вероломно напали на селение и подвергли его жестокому ограблению.

Во время трагических событий 1916 г. происходили различные негативные действия не только со стороны восставших, но и со стороны царских войск, выражавшиеся, в частности, в принудительной реквизиции скота у киргизов, не только у восставших, но и у мирных жителей. Губернатор Куропаткин предлагал принять самые строгие меры, чтобы небунтующее мирное население охранялось всеми мерами и скот у такого населения не отбирался, предписывал расследовать случаи грабежа скота у населения, и если они подтверждались, предавать виновных военному суду[2]. Инициаторами трагических событий, вылившихся в кровавую резню с обеих сторон, являлись местные феодалы, знать и состоятельные киргизы, которые заставляли, применяя насилие, простой народ вставать под свои знамена и устраивать резню переселенческого населения[3]. Однако нужно отметить, что рядовые кочевники в большой степени понимали реакционность данных выступлений и своевременно предупреждали как переселенческое население, так и царскую администрацию о готовящейся резне. Так, переселенец Пржевальского уезда Ефим Седых отмечал, что ему знакомый киргиз по имени Мамырбай сказал, что восставшие будут нападать на селение Высокое[4]. Архивные документы изобилуют сведениями, когда киргизы из простонародья предупреждали переселенцев и администрацию о будущей резне[5]. Федор Журавлев, крестьянин села Токмак, в своих показаниях отмечал: «О готовящемся восстании …меня предупредил киргиз Джиентай, сторож казенного сада. Причин восстания не объяснил, а просто говорил: «Наша орда собирается вырезать всех крестьян»[6].

Киргизские феодалы и их приспешники еще задолго до восстания готовились к нему. Переселенка Евдокия Грукова в своих показаниях отмечала, что Орузбак, который был в числе нападавших, до трагических событий владел в их селении лавочкой «и до бунта у него киргизы покупали порох, пистоны. Русским он тогда не продавал. Киргизы покупали же задолго до бунта»[7]. До кровавых событий особо примечательным был тот факт, что за дней десять или за неделю до них готовившиеся к восстанию усиленно покупали лошадей, и какой-нибудь работник-киргиз, никогда не имевший копейки, платил за лошадь 200–300 руб., набивал цену и не жалел денег. Финансированием подготовки к трагическим событиям занимались местные влиятельные

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 22. Л. 34 об.
[2] Там же. Д. 41. Л. 29 об.
[3] Там же. Д. 26. Л. 17.
[4] Там же. Д. 9. Л. 1 об.
[5] Там же. Д. 11. Л. 7 об – 8.
[6] Там же. Д. 27. Л. 31 об.
[7] Там же. Д. 7. Л. 6 об.

лица, волостные управители и их подчиненные. Ефим Лелякин, житель селения Преображенского, отмечал: «…ко мне, например, то и дело приходили киргизы, и покупали, и торговали моих лошадей, и выбирали все лошадей верховых и хороших, мелких и ленивых лошадей не брали; так, у меня купил Байбатыр из аула № 7 Курментинской волости (пятидесятник) и торговали из 6-го аула той же волости Умюрбай Быйбасунов и Джюбла Айгазаков и даже сердились, что я им не продал. Затем мне бросилось в глаза, что киргизы куют своих лошадей в таком количестве, в каком ранее не ковали»[1].

Нужно отметить, что значительную роль в возникновении трагических событий 1916 г. несет неоднозначная земельная политика и коррупированность части царской администрации. Исполняющий обязанности управляющего государственным имуществом и заведующий переселенческим делом в Семиреченской области признавал, что по поводу злоупотребления чинов переселенческого ведомства и их джигитов с забиранием баранов у киргизов бесплатно или за небольшую плату тогда много циркулировало слухов, и очевидно они не были безосновательными. Необходимо сознаться, отмечал царский управленец, что изъятия у киргизов Кочкинской волости были сделаны совершенно неправильно и незаконно и сильно стеснили землепользование коренного населения этой волости.

В результате киргизам были оставлены неудобные и малоудобные земли, а лучшие земли были изъяты, и все-таки и эти лучшие земли заселить не представлялось возможности, и они эксплуатировались путем сдачи в аренду тем же кочевникам. Благодаря тому, резюмировал чиновник, «что земельные изъятия в некоторых случаях были произведены неправильно и с игнорированием интересов киргиз и благодаря особенному подчеркиванию таких случаев, создается впечатление у высшей администрации, что главной причиной киргизского мятежа было недовольство киргиз земельными изъятиями»[2]. Однако нужно отметить, что наиболее острый характер восстание приняло в Пржевальском уезде, где за последние годы изъятия земель не было[3].

Еще одной причиной и особенностью трагических событий 1916 г. был царский указ о мобилизации на тыловые работы. Во-первых, населению не до конца объяснили суть мобилизации, и они решили, что их призывают на войну. Во-вторых, местная феодальная прослойка и волостные управители при составлении приговоров о наряде рабочих назначали в рабочие лишь бедняков и тем самым подготовляли почву для недовольства[4].

Другой причиной таких трагических событий была преступная халатность и измена местной царской администрации. Так, когда крестьянин селения Высокого Емельян Парамонов приехал и просил уездного начальника

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
[2] Там же. Д. 34. Л. 44–45 об.
[3] Там же. Д. 31. Л. 5.
[4] Там же. Д. 48. Л. 1.

Пржевальского уезда полковника Иванова о помощи, сказал, что дунгане под городом избивают массу русских, он не поверил и помощи не оказал[1]. Архивные документы свидетельствуют, что простые киргизы предупреждали переселенцев о будущей резне, а те оповещали о данных сведениях уездное начальство, которое не придавало этим сведениям никакого значения или по халатности, или по прямой измене, особенно это касается уездного начальника Пржевальского уезда полковника Иванова. Так, в своих показаниях Ирина Зиновьева Артамонова, крестьянка селения Гоголевки, показывала: «В конце июля сего года у нас в селении стали ходить слухи, что киргизы собираются бунтовать, слухи эти шли от тех же киргиз. Был созван сход и на нем же решили послать об этом рапорт уездному начальнику, но он не обратил внимания, посылали ему об этом три раза, и он послал стражника Сенюкова, который приехал в селение, стал убеждать не беспокоиться»[2]. «11 августа крестьянин из старого Каракола, верстах 5–6 от города, просил начальника уезда вывезти от него к казармам 12 тыс. пудов пшеницы в зерне и 500 пудов муки для бесплатного продовольствия народу и гарнизону. Однако несмотря на неоднократные просьбы о подвозе продовольствия для населения Пржевальска начальник уезда три дня подряд каждый раз отвечал “это все сделаем”, но на самом деле при возможности привезти этот хлеб, так как у казарм было около 200 телег с лошадьми, хлеб остался не привезенным и был сожжен восставшими»[3].

В киргизской историографии утвердился тезис историка К.У. Усенбаева о том, что события 1916 г. отличались массовостью и всеобщим размахом и охватили всю Среднюю Азию, Казахстан, часть Поволжья, Закавказья, Алтая, Западной Сибири и некоторые другие национальные окраины царской России, особенно охватив Семиречье[4]. Однако ранее неопубликованные архивные документы говорят о том, в Семиречье эти трагические события не происходили там, где местным феодалам и их приспешникам не удалось вовлечь рядовых кочевников в свою авантюру. Например, в Шамсинской[5] волости Пишпекского уезда и в Пригородном участке этих печальных событий не было[6]. Особенно ожесточенный характер трагические события 1916 г. приняли на севере Киргизстана, и одна из этих причин – темнота и невежество части населения и угрозы со стороны местных феодалов. Особенно деятельное участие принял почетный киргиз Абаильдинской волости Канат, который стал возмущать все волости Загорного участка. Многие не хотели принимать участия в восстании, и тогда Канат стал угрожать, что перебьет всех на месте,

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–7 об.
[2] Там же.. Д. 7. Л. 2.
[3] Там же. Д. 2. Л. 43.
[4] *Усенбаев К.У.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 255.
[5] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 27. Л. 47.
[6] Там же. Д. 34. Л. 16 об.

кто не пойдет воевать с русскими[1]. Очевидец и участник трагических событий Найзабек Тулин отмечал: Канат Абукин говорил, что он избран Ханом, кто его слушаться не будет, тому голову снимет, говорил, что он имеет сообщение с Китаем, Турцией, афганцами, и что от них придут войска, совместно с которыми возмет Россию, и что Россия больше существовать не будет[2].

Как в Пишпекском, так и в Пржевальском уезде была особенно заметна подстрекательская политика агентуры как Турции, так и Германии, которые имели целью поднять войну внутри Российской империи, которая участвовала в Первой мировой войне на стороне Антанты, с целью ослабления Российской империи и отвлечения от действующей армии боеспособных частей. Местных феодалов и зажиточную прослойку кочевников подстрекали к восстанию турки и немцы, которые посылали прокламации сыновьям бывшего влиятельного феодала Шабдана из Османской Турции, в которых убеждали не давать людей на театр военных действий, поднять восстание и уничтожить русских, создать свое царство, в ханы предназначался один из сыновей Шабдана. Более того, османы дезинформировали киргизов о том, что все города Туркестана уже завоеваны турками и что остался только Самарканд[3]. Архивный источник зафиксировал действия восставших, которые свидетельствуют о влиянии внешних сил, способствовавших эскалации конфликта[4].

Предводителями восставших являлись местные феодалы, муллы и их приспешники из зажиточных слоев населения, которым удалось повернуть недовольство некоторой части населения против переселенцев и царской администрации. Так, в нападении на село Гоголевка принимали участие две волости – Барскаунская и Тонская, и вожаками были волостной управитель Тонской волости Сагалы Айматаев[5]. В руководстве трагическими событиями в подавляющем большинстве были замечены местные феодалы, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Василий Сергеев, крестьянин с. Барскаун, в своих показаниях отмечал: «К нам приехал киргиз Барскаунской волости Абдыш с солдатской винтовкой и от имени манапов сказал нам, чтобы мы отдали все оружие и сдались в плен и тогда они, киргизы, нас бить не будут. Никто из почетных киргиз в убийстве русских не принимал участия, все это делали солдаты-киргизы, т.е. киргизы непочетные. Вожаками киргиз я считаю манапов, т.к. без их разрешения киргизы никаких действий не производили»[6]. В большинстве своем это была феодальная прослойка – манапы, баи, муллы, которые умело использовали накопившееся недовольство народа и искусно повернули его в антирусское русло, заставляя массы киргизов напасть на переселенцев.

---

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.
[2] Там же. Д. 22. Л. 45 об.
[3] Там же. Д. 1. Л. 7.
[4] Там же. Д. 45. Л. 31.
[5] Там же. Д. 7. Л. 2 об.
[6] Там же. Д. 6. Л. 11–12 об.

Особенностью трагических событий 1916 г. является и то, что отдельные представители переселенческого населения вставали во главе восставших. Так, одним из руководителей восставших, нападавших на селение Фольбаумовку, был унтер-офицер и георгиевский кавалер трех степеней Марк Давидович Власенко[1].

Особо следует отметить, что острие части восставших также было направлено и против местных феодалов, волостных управителей, почетных лиц и зажиточной части коренного населения. Особенно удар по ним был нанесен в Семиречье. Если по всему Туркестанскому краю было убито 55 представителей феодалов, то только в Южном Киргизстане было убито из них 34[2].

Одной из основных причин восстания 1916 г. в Пржевальском уезде было введение со стороны государства контроля над выращиванием опийного мака, обработкой которого занимались в основном дунгане и китайцы. С 1916 г. они должны были сдавать его государству по более низкой цене, нежели приносила контрабанда в Китай. Недовольство опиесевов монополизацией скупки опия государством являлось одной из причин мятежа в Пржевальском уезде. Дунгане и китайцы заинтересованы были в возникновении восстания, так как под шумок можно было бы уехать со сбором опия в Китай. Лишь одно это обстоятельство может служить объяснением восстания пржевальских дунган против империи[3]. Коррупционная была одной из немаловажных составляющих в трагических событиях 1916 г. В царской администрации и полиции служили и представители туземного населения, которые, пользуясь служебным положением, занимались взяточничеством и обирали местное население, тем самым вызывая его недовольство. Характерен рассказ захваченного в плен инженера Пугаченко, служащего в Семиреченском областном правлении. По его словам, в своих действиях киргизы выказывали нерешительность, так, нанося удары пиками, они старались не нанести смертельных ран. Между прочим инженера Пугаченко они приняли за ротмистра Железнякова, так как он по росту сложению и отчасти форме (носит форму чиновника Главного штаба – с погонами) похож на последнего. Сейчас же раздался крик: «Жандарм», и его хотели зарезать, к чему уже совершенно приготовились, и лишь подтверждение одного из киргизов, что он не жандарм, а инженер, спасло ему жизнь. Такое озлобление киргизов к «жандарму» вполне понятно, так как киргизы – сыщики сыскного отделения в Верном выдают себя за жандармских сыщиков, обирая нещадно киргизов[4].

В трагических событиях 1916 г. особо был примечателен исламский фактор, когда восставшие разрушали церкви и заставляли переселенцев-христиан насильственно принимать ислам. В своих показаниях жительница села Гоголевки Ирина Зиновьева отмечала: «Когда я находилась в плену, то меня

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 45. Л. 30.
[2] *Усенбаев К.У.* Указ. соч. С. 260.
[3] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 50. Л. 33, 34.
[4] Там же. Д. 46. Л. 115–116.

заставлял Самбек работать: жать хлеб в горах и другую работу, он кормил меня и 2 моих детей, меня никогда не бил, но заставлял молиться по-мусульмански, учить молитвы и, когда замечал, что я молюсь по-моему, угрожал, что отрежет мне нос и уши»[1]. Житель селения Преображенского Яков Лемякин отмечал, что руководителями восставших были феодалы и влиятельные лица. В своих показаниях он отмечал, что местные феодалы и волостные управители уговаривали его предложить крестьянам селения сдаться восставшим и перейти в ислам[2]. Восставшие отмечали, что в случае успеха их действий настанет «полное царство мусульман»[3]. Пленных переселенцев заставляли принимать ислам, и такие факты зафиксированы как в Пишпекском, так и в Пржевальском уездах.

Из приведенных фактов видно, что никакого геноцида в отношении киргизского народа в трагических событиях 1916 г. не было, и не нужно делать никаких поспешных выводов, необходимо относиться к историческим событиям со всей осторожностью и объективностью, исследуя все архивные материалы. Одной из важных причин трагических событий 1916 г. является коррупционная составляющая как части местной управленческой знати в лице волостных управителей, так и части царской администрации. Нужно признать тот факт, что в составе Российской империи киргизы развивались в поступательном движении и что трагические события 1916 г. произошли как по вине царской администрации, вовремя не предотвратившей те события, так и по вине туземных влиятельных лиц, которые, стремясь воспользоваться тяжелым положением России в период Первой мировой войны, решили с помощью внешних сил открыть «внутренний фронт» с целью отделения от империи. Из приведенных материалов, которые замалчивались и не использовались историками, видно, что относиться к восстанию 1916 г. в Семиречье нужно прежде всего, как к трагическим событиям, которые должны послужить хорошим историческим уроком.

Восстание 1916 г. в Степном генерал-губернаторстве: новые аспекты изучения

Территория Степного генерал-губернаторства вызывает особый интерес не только потому, что Тургайский регион известен как один из центров восстания 1916 г., но и потому, что на протяжении более сорока лет (1870–1916) на этой территории не происходило ни одного национально-освободительного движения, протеста казахского народа против политики российской власти. Как известно, последние восстания произошли в 1869 (Тургайская и Уральская

[1] ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
[2] Там же. Д. 12. Л. 9.
[3] Там же. Д. 13. Л. 42.

области) и в 1870 г. на Мангышлаке в процессе внедрения новой административной реформы, а именно «Временного положения об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства». Летом 1916 г. началась мощная волна протеста, захватившая все регионы Степи, включая и Мангышлакский уезд Закаспийской области[1].

Сравнительное изучение политики российского правительства в разных регионах империи позволяет обратить внимание на то, что в исторической науке практически не изучена последняя административная реформа в Степи, а именно введение 10 июня 1902 г. «Временного положения о крестьянских начальниках» на территории Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей. Эта реформа была внедрена в Степном генерал-губернаторстве по аналогии с «Временным Положением о крестьянских начальниках» Тобольской, Иркутской, Томской и Енисейской губерний от 2 июня 1898 г. По сути, это был завершающий аккорд имперской политики по отношению к казахскому кочевому обществу начала XX в. в процессе включения его в общеимперское пространство и создания новых дробных территориально-административных единиц на территории уездов (крестьянских участков). И наконец, это была последняя попытка унификации системы управления кочевниками Степи и русскими крестьянами в Российской империи. Региональная администрация (военные губернаторы областей Степного генерал-губернаторства) считала, что распространение полномочий крестьянских начальников на казахское население «упорядочит дела управления», ибо уездные начальники, не в меру обремененные полицейскими, городскими и земскими делами, фактически лишены возможности иметь «наблюдение за внутренним управлением казахов»[2]. В результате волостные управители и аульные старшины перешли в непосредственное подчинение крестьянских начальников. Казахское население восприняло новую административную реформу с осторожностью и связывало ее с изъятием казахских земель, переходом к оседлой жизни и воинской повинностью. Термин «крестьянский» ассоциировался у казахов с оседло-земледельческой культурой. Не случайно в своем особом мнении советник военного губернатора Акмолинской области, надворный советник Т.И. Тихонов предупреждал, что название «крестьянские начальники» может породить «превратные и нелепые слухи» об обращении казахов в крестьянское состояние и может стать политически опасным и неудобным[3]. А с другой стороны, в представлении местного населения в уезде был теперь не один начальник в лице уездного исправника, к которому они уже привыкли на протяжении более тридцати лет, а несколько в качестве крестьянских начальников[4].

---

[1] См. Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Алматы, 1998. Т. 1–2.
[2] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 818. Л. 322–323.
[3] Там же. Л. 178–183.
[4] Там же. Д. 1009. Л. 28 об.

За 1902–1903 гг. на территории Степного генерал-губернаторства было создано 56 крестьянских участков, из них в Уральской, Тургайской и Семипалатинской областях – по 12 участков, а в Акмолинской – 16, так как эта область отличалась значительным переселенческим движением в сравнении с другими регионами[1]. В архивах Казахстана сохранились документы, свидетельствующие о довольно сложных отношениях между крестьянскими начальниками, волостными и казахским населением. При этом на должность крестьянских начальников могли назначать лиц, не знающих особенности кочевой жизни, языка и культуры местного населения. Анализ послужных списков крестьянских начальников из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан показал, что образование у новых должностных лиц было разным от военного до богословского. Многие, конечно, были выпускниками кадетских корпусов, в частности Александр Данилов (Сибирский кадетский корпус, Александровское военное училище), приступивший к службе в качестве крестьянского начальника в 1903 г.[2] Не случайно крестьянский начальник 1-го участка Кустанайского уезда подпоручик Алексей Андреев писал в 1905 г. военному губернатору Тургайской области, что служил честно на протяжении 18 лет в Тургайской области согласно данной ему присяге, военному чувству, долгу и в силу корпусного воспитания привык исполнять все законные приказания начальства[3].

С другой стороны, на должность крестьянских начальников назначались и выпускники духовных семинарий. Так, 16 мая 1914 г. крестьянским начальником 1-го участка Зайсанского уезда был назначен выпускник Петроградской духовной академии, имевший академическую степень кандидата богословия Владимир Платонович Селезнев[4]. Кандидатом на должность крестьянского начальника был выпускник Витебской духовной семинарии, титулярный советник Иосиф Григорьевич Автухов. Естественно, отсюда – целый комплекс вопросов, требующих изучения неоднозначных отношений казахского населения с крестьянскими начальниками. Вместе с тем интересен тот факт, что позиция крестьянского начальника 1-го участка Зайсанского уезда В. Селезнева относительно призыва казахов на работы в тылу армии была непонятной и опасной не для местного населения, а для российской власти.

Член Совета министра внутренних дел В.Г. Кондоиди в своем докладе управляющему Министерством внутренних дел Л.Д. Протопопову о восстании в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях от 8 декабря 1916 г. отдельно отметил поведение крестьянского начальника Селезнева, который «в присутствии как посторонних, так равно и должностных лиц инородческого управления позволяет себе открыто возмущаться и порицать в

[1] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 818. Л. 268.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 301. Л. 1–2.
[3] Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2811.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 1287. Л. 118–118 об.

весьма резких выражениях действия правительства» в отношении казахского народа. В результате военный губернатор Семипалатинской области «за таковой проступок» считал нужным перевести Селезнева на службу в Павлодарский уезд[1].

Как мы видим, многое в деятельности крестьянского начальника зависело от его личных качеств, мировоззрения, понимания гуманных ценностей и т.д. Конечно, такие неординарные факты были единичны, основная часть крестьянских начальников были вполне заурядные деятели, для которых служба есть прежде всего основание для получения жалованья и основная цель – утверждение власти над подвластным им населением. Свидетельством этому явились жалобы казахов на превышение крестьянскими начальниками своих полномочий, вмешательство во внутреннюю жизнь кочевого общества, различные подлоги, совершаемые ими во время предвыборных кампаний волостных, аульных старшин. Обращения казахов в вышестоящие инстанции указывали и на тот факт, что крестьянские начальники использовали в своем обращении с ними не только бранные слова и оскорбления, но и оружие. Это вызывало ответную реакцию казахского населения, которая завершалась избиением крестьянского начальника, и противостояние с каждым годом усиливалось. И, как свидетельствуют документы ЦГА РК, в ходе событий 1916 г. повстанцы областей Степного генерал-губернаторства пытались нанести физические увечья именно крестьянским начальникам, но не волостным управителям[2].

В контексте вышесказанного важен процесс переосмысления событий 1916 г., определение круга проблем, требующих своего освещения, не только земельной политики российского правительства в конце XIX – начале XX в. и связанных с этим вопросов переселения и изъятия казахских земель (в исторической литературе в основном раскрываются именно вышеназванные аспекты при освещении причин восстания 1916 г.), но и процесса внедрения российской властью последней реформы в Степи, взаимоотношений казахского населения и крестьянских начальников.

Далее, интересным для понимания событий 1916 г. является вопрос выяснения позиции волостных как ключевых фигур в Степи. И здесь вновь требуется проведение сравнительного анализа института волостных по регионам Степи, который впервые был внедрен в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве в 1822 г. и практически через 40 лет – в Оренбургском и Туркестанском генерал-губернаторствах (с 1867/1868 гг.). Деятельность волостного охватывала практически все проявления жизни казахского кочевого общества

---

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / под. ред. А.В. Пясковского. М., 1960. С. 310.

[2] К примеру, военные губернаторы Семипалатинской, Тургайской областей неоднократно доносили в Канцелярию Степного генерал-губернаторства о факте избиения казахами крестьянских начальников. См.: ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2835; Ф. 64. Оп. 1. Д. 1287; Д. 818.

начала XX в. Роль волостных в событиях 1916 г. возрастала и в связи с тем, что они не только были представителями низовой системы управления, но и предоставляли свидетельства о годе рождения того или иного лица, рожденного на подведомственной им территории, и составляли списки мобилизованных на тыловые работы. Общеизвестно, что с 1868 г. составление метрических книг было передано из ведения Оренбургского мусульманского духовного собрания в гражданское управление. В фондах ЦГА РК сохранились документы, свидетельствующие о дне и годе рождения казаха той или иной волости, заверенные управителем и писарем данной волости. Отсутствие метрических книг и свидетельств о рождении дало повод местным властям для дополнительного мздоимства. Начались поборы и торги за понижение (для молодых) и повышение (для зрелых) возраста призываемых.

Исследователи выделяют разную степень участия волостных управителей в событиях 1916 г. К примеру, историк Б. Курманбеков подчеркивает слабость действий повстанцев в Актюбинском уезде Тургайской области из-за соглашения 28 волостных с русской властью. Иная картина складывалась в Иргизском уезде, где волостные Баксайской, Белкопинской, Талдыкской волостей активно участвовали в событиях 1916 г.[1]

Следующий вопрос, на который нужно обратить внимание при изучении исторических событий 1916 г., – факт избрания казахским населением ханов в ходе восстания. Каковы были причины восстановления института ханской власти в Степи практически почти после столетия ее отмены? Историк Беркин Курманбеков представил имена 9 ханов, избранных на территории Иргизского уезда в процессе восстания (Жумагазы Жургенев, Айжаркын Канаев и др.)[2]. Исследователь Марат Мырзагалиев восстановил деятельность 2 ханов, избранных в Тургайском уезде, – Абдыгапара Жанбусынова[3], внука бия Ниязa среди казахов рода кыпчак, и Шолак Оспанова, избранного ханом среди аргынских повстанцев Тургайского уезда[4]. Академик Манас Козыбаев считал, что этот акт воссоздания традиционных институтов власти есть выражение протеста повстанцев против политики царизма. Вместе с тем в этом действии повстанцев есть ряд вопросов, которые требуют обсуждения. Во-первых, был восстановлен только титул хана, который заняли не представители привилегированного сословия, т.е. не Чингизиды, которые согласно обычному праву имели право на верховную власть в Степи, а представители степной аристократии – бии, старшины.

На самом деле это не было восстановление традиционной правящей династии казахского кочевого общества, попытки которого были в ходе на-

---

[1] *Курманбеков Б.* Проблемы изучения истории национально-освободительного движения 1916 г.: Дис… уч. ст. к.и.н. Алматы, 1998.

[2] Там же.

[3] *Сулейменов М.* Абдигапар хан Алматы, 2005.

[4] *Мырзагалиев М.* Восстание Тургайских казахов 1916–1917 г. Алматы, 2005.

ционально-освободительного движения султана Кенесары Касымова. Ведь с 1847 г. до 1916 г. изменилась политическая культура казахских кочевников и произошла адаптация казахской правящей элиты к новой реальности и практически большая часть из них перешла на службу Российской империи, занимая должности чиновников в местном и пограничном управлении регионами.

Исследования последних лет по формированию казахского чиновничества в XIX – начале XX в. позволили выделить такую особенность, что именно правящая династия казахского кочевого общества (султаны) занимали должности и были инкорпорированы в административную структуру[1]. Российские власти использовали различные практики для вовлечения султанов в процесс устройства новой системы управления: от обещания сохранить их прежнюю власть в Степи посредством назначения на должность, награждения чинами, привилегиями империи до маневрирования между ними, используя существовавшие разногласия влиятельных кланов казахской знати. При этом казахи, инкорпорированные на службу российской системы управления, становились посредниками между российской властью и казахским населением, носителями новой политической культуры для своих соплеменников.

С другой стороны, выборы нескольких ханов на одной территории отразили существовавшие традиции, когда одновременно отдельные ханы управляли разными родо-племенными группировками казахов-кочевников в XVII–XVIII вв. И. Ерофеева отмечает, что ханы, возглавлявшие самые малочисленные группы кочевого населения региона, обозначались восточными авторами термином *келте хан* – «мелкий хан»[2]. Восстановившаяся традиция управления казахским обществом в 1916 г. больше отражает попытку казахского народа восстановить основную функцию хана, а именно защиту территории и ведение переговоров, в данном случае – с российскими властями. С другой стороны, выборы нескольких ханов свидетельствовали о том, что у них не было реальной власти и отсюда и не было единства восставших казахов, планирования совместных действий в ходе восстания.

Одним из интересных историко-социологических феноменов при условии дисперсного расселения кочевников в аридной зоне, отсутствии связи между разными частями Степи в начале XX в. являлись слухи или распространенное понятие у казахского населения «узун-кулак» (быстрое ухо, или, как говорят сейчас, степной телеграф). По сути, это были новости, которые могли выступить в определенной степени катализатором тех или иных действий повстанцев. К примеру, новости с фронтов войны, слухи о причинах мобилизации казахского населения на тыловой фронт, о содержании казахов на

---

[1] Казахское чиновничество на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2014.

[2] *Ерофеева И.В.* Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. как исторический источник // Эпистолярное наследие казахских ханов. Алматы, 2015. Т. 1. С. 54–55.

работе в тылу, о взаимодействии с русской властью и т.д. могли ускорить процесс консолидации местного населения и организацию вооруженных отрядов для оказания протеста.

Кто же был генератором слухов – управляющие родами, местные чиновники или казахские шаруа? И могли ли русские полицейские как представители иной «оседлой культуры» адекватно зафиксировать слухи народа иной культуры, «кочевой»? Почему один и тот же слух в одних случаях вызывал пассивное ожидание, в других – панику, в третьих – готовность к применению силы и активный протест? Каковы были стратегия или методы работы с феноменом слухов у российских властей: от нейтрализации, опровержения и политического мониторинга или до провокации и пропаганды? Ответы на эти вопросы могли бы помочь пониманию действительной картины событий 1916 г. Однако изучением природы слухов практически никто не занимается в отечественной исторической науке, хотя в 2016 г. вышел сборник документов и материалов о распространении слухов в Средней Азии в 50–60-х годах XIX в.[1] В этом контексте заслуживает интерес работа Хаппель Йорн[2], где он предпринял попытку изучения восстания 1916 г. через такие явления, как страх, тревоги, слухи, и их влияние на ход исторических событий. Йорн объясняет складывающиеся тенденции развития социального страха среди русских колонистов через ожидание взрыва недовольства кочевников указом царского правительства от 25 июня 1916 г.

Таким образом, новые аспекты в изучении восстания 1916 г. в Степном генерал-губернаторстве, представленные выше, вновь обращают внимание исследователей на сложность, неоднозначность, многоплановость событий начала XX в., позволяют расширить понимание истинных причин восстания, проанализировать ход его событий, определить политику региональной администрации.

Роль казахских волостных управителей в восстании 1916 г.

Волость как административная структура впервые на территории Казахской степи была введена Российской империей в ходе реформ управления в XIX веке. Процесс создания волостной системы и оформления должности волостного управителя в Казахской степи можно разделить на несколько этапов: 1) 1824–1868 гг. – создание волостей в составе внешних округов на территории сибирского ведомства на основе объединения казахских родов и племен Среднего Жуза по «Уставу о сибирских киргизах (казахах)» 1822 г.[3], за должность волос-

[1] Исключением явилась работа Б.Т. Жанаева. См.: О слухах и событиях в Средней Азии: сборник документов (20 апреля 1853 – 31 июля 1862) / сост. Б.Т. Жанаев. Караганда, 2016.

[2] См.: *Happel Jorn*. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik: der Aufstand in Zentralasien 1916. Stuttgart, 2010.

[3] В Российской империи ошибочно казахов именовали «киргизами». В документе «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. речь шла о казахах Среднего Жуза, находившихся на момент

тного управителя между собой ведут борьбу представители султанских групп[1] и традиционной родовой знати; 2) с 1868 – до начала 1890-х гг. – организация волостей в областях Оренбургского и Туркестанского генерал-губернаторств по территориальному принципу[2], в этот же период происходит замена наименований волостей с родовых названий на топонимы по местности (например, по названию урочища и др.), на должность волостного управителя может претендовать «всякий, кто пользуется уважением и доверием народа, не опорочен по суду, не находится под следствием и имеет от роду не менее 25 лет»[3]; 3) с начала 90-х гг. XIX в. – наблюдается процесс постепенного разделения на казахские и крестьянские (переселенческие. – *Т. Д.*) волости в Степных областях[4], теперь на основании Положения 1891 г. на должность волостного управителя в казахских волостях может быть избран каждый кибитковладелец волости… по принадлежности, не подвергавшийся по суду взысканиям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не находившийся под следствием и судом и имеющий от роду не менее 25 лет»[5]. Таким образом, к началу XX в. казахские волостные управители – это чиновники на службе Российской империи, составлявшие вместе с подчиненными им аульными старшинами нижнее звено местного административного управления в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве[6]. К числу обязанностей волостного управителя относились: «исполнение правительственных распоряжений и судебных решений, присутствие на аульных съездах для выбора

принятия этого Устава в административном подчинении Западно-Сибирского генерал-губернаторства, образованного в том же 1822 г.

[1] В начальный период реализации административной реформы по Уставу о сибирских казахах 1822 г. на должность волостного управителя могли претендовать только султаны, но затем постепенно российские власти стали признавать право биев и старшин на утверждение в этой должности на основе выбора, законодательно это утвердив в 1861 г. Султаны были вытеснены из структур местного управления, а после реформ 1867–1868 гг. вообще перестали существовать как сословие в Российской империи // *Далаева Т.Т.* От волостного султана к волостному управителю (1822–1868 гг.): Эволюция статуса и социального состава // Международный электронный научный журнал «e-history.kz» (edu.e-history.kz). 2016. № 1(05). [Электронный ресурс] // URL: http://edu.e-history.kz/kz/publications/view/356 (дата обращения: 29.06.2016).

[2] Волости на территории Младшего и Старшего казахских Жузов были впервые организованы по Временным положениям 1867–1868 гг.

[3] См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата. 1960. Т. 1. С. 327.

[4] Третий период был ознаменован принятием и реализацией Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г.

[5] См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 391.

[6] Речь идет о казахских кочевых волостях Туркестанского генерал-губернаторства. Население в Туркестанском крае по Положению 1886 г. делилось на: а) кочевое, б) оседлое туземное, в) селения, заселенные русскими и лицами, не принадлежащими к туземному населению. В Степном крае по Положению 1891 г. население делилось на кочевое (казахское. – *Т. Д.*) и оседлое: а) русские поселения; б) управление дунган и таранчей. В соответствии с выделенными категориями населения и оформлялась волостная система.

аульных старшин и кандидатов к ним, наблюдение за порядком на сих съездах… ведение списка кибитковладельцев в аульных сообществах, наблюдение за прибылью и убылью населения и надзор за своевременным поступлением всех сборов и исполнением повинностей…»[1] Так, волостные управители сосредоточивали в своих руках власть полицейскую и распорядительную, имели свой аппарат управления в лице волостного писаря, рассыльных и подведомственных ему аульных старшин.

Получение должности волостного управителя давало ее обладателю возможность фактически бесконтрольного управления в условиях сохранения кочевого образа жизни казахов, обширного пространства волости, объединяющей от 1000 до 2000 кибиток, и слабых возможностей коммуникаций. Так характеризуются подобные обстоятельства в записке о необходимости увеличения штата чинов уездных управлений в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX в.: «До введения в Степных областях высочайше утвержденного 25 марта 1891 г. Положения об управлении сих областей штат уездных управлений, состоя из двух помощников уездного начальника, двух письмоводителей и двух помощников их, далеко не всегда успешно удовлетворял требованиям службы. …Как не надо упускать из виду того обстоятельства, что обширные пространства степи, населенные кочевыми инородцами, не имеют ровно никаких правительственных органов, и о том, что делается в Степи, администрации известно только из донесений волостных управлений. Хотя уездные начальники и их помощники и разъезжают по Степи, но при обширности пространства уездов и при многосложной канцелярской работе разъезды эти не могут быть частыми»[2]. Поэтому понятно, что обычным явлением в этот период становится борьба «противных партий» за выдвижение и выбор своих представителей на должности местного общественного управления. Вместе с тем в конце XIX – начале XX в. вследствие распространения и развития капиталистических отношений в Степи и разрушения традиционного образа жизни казахов, кризисных явлений в кочевом хозяйстве волостные могли теперь оставаться на должности, если взаимодействовали как с влиятельными казахами данной волости, так и с вышестоящей российской администрацией в лице уездного начальника и с 1902 г. – крестьянского начальника. Таким образом, должность волостного управителя становится связующим звеном между местным населением и вышестоящей российской администрацией и важным элементом всей системы российской власти в регионе.

В начале XX в. увеличилось число явных нарушений и злоупотреблений со стороны волостных управителей на местах, что является свидетельством социально-экономических изменений, связанных как с развитием капиталистических отношений, так и с внутренними межродовыми столкновениями, от-

[1] Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 392.
[2] ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1881а. Л. 17, 20.

ражающими постепенное разложение родовых отношений. И, если в середине XIX в. волостной управитель – это представитель объединения родовых групп, своего рода защитник их интересов, то в начале 1917 г., по свидетельству драгомана российского консульства в Кашгаре Стефановича Г.Ф.: «С разделением киргиз (казахов. – *Т. Д.*) на волости и введением волостного управления (речь идет о Семиречье. – *Т. Д.*) среди них начинается партийная борьба из-за получения должностей старшины, судьи и проч. При таких обстоятельствах влияние старших в роде начало утрачиваться и переходить к богатым, имеющим возможность использовать свои материальные блага для получения места, или же к лицам, не чуждым физического воздействия на киргизскую массу, державшим ее в постоянном страхе и кабале»[1]. На должности волостного управления, такие как волостной управитель, помощник управителя, народные судьи – бии, стали претендовать наиболее влиятельные и богатые представители крупных родов, которые были способны, пользуясь подобной бесконтрольностью управлять волостью в своих интересах. Далее Стефанович Г.Ф. отмечает ответственность уездного начальства в создавшемся критическом положении: «Управление киргизской массой[2] уездной администрацией через подобного рода волостных, порой даже небескорыстная поддержка их, усугубляют только тяжесть безысходного положения темной массы, лишенной возможности обратиться с жалобой на своих управителей. Когда отдельные лица советовали им обращаться к уездному начальнику или даже губернатору, то ответ получался слишком печальный – к губернатору нас не допустят, а уездный начальник – прогонит. При таких условиях манапам[3] предстояла дилемма отказаться от главенства и власти, которая перешла бы к другим лицам, их противникам, пожелавшим бы использовать такой благоприятный момент, как всеобщее брожение среди киргизов, вызванное призывом рабочих, или же самим остаться во главе послушных масс, имея к тому же в перспективе возможность грабежа и легкой наживы за счет мирного русского населения. Вот почему почти во всех волостях руководителями мятежа оказались волостные старшины, которые, казалось, должны были быть безупречными исполнителями воли своего начальства и проводниками среди киргизов идей русской власти»[4]. Данное свидетельство характеризует далеко не однозначное поведение волостных управителей и их роли в восстании 1916 г.

---

[1] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Алматы, 1998. Т. 1. С. 255.

[2] В данном документе под «киргизской массой» следует понимать как казахов, так и киргизов, которые находились в составе различных соседних волостей в уездах Семиреченской области.

[3] Манапы – это представители родовой киргизской аристократии, которые на территории современного Северного Киргизстана были предводителями киргизских племен. [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/106325 (дата обращения: 04.07.2016).

[4] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Т. 1. С. 257.

Говоря о роли казахских волостных управителей в восстании 1916 г., остановимся на следующих вопросах:

— состояние и уровень активности волостей в Степном крае и Туркестане в период восстания 1916 г.;

— характеристика деятельности (позиций) волостных управителей в ходе восстания 1916 г.

Первой реакцией на Высочайшее повеление о привлечении инородческого населения империи на тыловые работы от 25 июня 1916 г. становится обсуждение его содержания казахами на съездах различного охвата от нескольких волостей до общих областных. Такие волостные съезды прошли во всех областях Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства.

Отличием волостных съездов явилось то, что на них сразу определялись позиция населения волости, выделялись руководители, как правило, из числа волостных управителей, в том числе бывших волостных. Первые собрания-сходы в начале июля 1916 г. состоялись в Семиречье – в Каркаре в местности Ереуил[1], в Каргалинской волости в горах на Джайляу[2], у подножия горы Ушконыр (Жайылмасская, Чамалганская и Шапраштинская волости)[3], в местности Улкенсаз в Верненском уезде Узынагачской волости – (8 волостей – Куртинская, Узынагачская, Каргалинская, Бидалинская, Ботпайская, Восточно-Кастекская и Западно-Кастекская, Тайторинская волости)[4].

Принимаемые решения на этих собраниях: откупиться деньгами, чтобы не забирали джигитов; послать на высочайшее имя прошение об освобождении казахов от тыловых работ; сговорились в случае призыва их напасть на русские селения, но были и такие решения, как подчиниться царскому указу от 25 июня 1916 г. и содействовать прекращению «беспорядков» в аулах[5]. Затем с середины июля в этих собраниях стала участвовать российская администрация – уездные начальники и областные губернаторы: например, 14 июля в Каркаралинск приехал семипалатинский областной губернатор Ф.Ф. Чернецов, чтобы разъяснить волостным управителям указ от 25 июня 1916 г.[6]; 17 июля 1916 г. в Актюбинском уезде уездный начальник Мясищев собрал

[1] *Тлеубаев Ш.Б.* Жетісудағы 1916 жылғы ұлт азаттық көтерілістік жетекшілер жөнінде (О руководителях национально-освободительного восстания 1916 года в Жетысу – Семиречье) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: «Исторические и социально-политические науки». 2013. № 1(30). С. 22–27.

[2] Агентурная записка 18 июля 1916 года // Жетысу-Иссыккульская трагедия: 1916–1920 гг.: сборник документов и материалов. Астана, 2016. С. 71.

[3] *Тлеубаев Ш.Б.* Указ соч. С. 24.

[4] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Т. 1. С. 122.; *Тлеубаев Ш.Б.* Указ. соч.

[5] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. А.В. Пясковского. М., 1960. С. 549.

[6] *Ермуханов Е.Н.* Қарқаралы үйезіндегі он алтының ойраны // Қазақ тарихы. 2001. № 4. С. 40–45.

представителей местного правления, в этом собрании участвовал оренбургский военный губернатор С.М. Обухов[1].

Во второй половине июля начинается создание вооруженных отрядов на этих съездах: в окрестностях оз. Кургальджино собрались и вооружились 8 волостей Акмолинского уезда – Кургальджинская, Кон-Кургальджинская, Саналы-Кургальджинская, Джаксыконская, Сарыузенская и части волостей Аккум-Нуринской, Нуринской и Кулан-Утмес-Нуринской; к ним же присоединились 5 волостей из юго-восточной части Атбасарского уезда[2] Акмолинской области. В других частях этого уезда также стали сгруппировываться киргизы (казахи. – *Т. Д.*) по две-три и более волостей в одном месте. Все 24 южные волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области сгруппировались на р. Сары-Су[3].

В начале августа состоялся съезд части каркаралинских (Семипалатинской области) и части акмолинских волостей (Акмолинской области), на котором было решено не подчиняться реквизиции, сопротивляться до конца[4], в августе – в волостях Омского уезда Акмолинской области, Павлодарского уезда Семипалатинской области. В конце августа – в Тургайский уезд перекочевала Аман-Карагайская волость из Кустанайского уезда и много казахов из Перовского (Сырдарьинской области) и Атбасарского (Акмолинской области) уездов, чтобы выждать результатов съезда, назначенного в Тургае на 1 сентября 1916 г.[5]

В начале сентября в Тургайском уезде собираются казахи из Петропавловского и Атбасарского уездов (Акмолинской области), Перовского уезда (Сырдарьинской области) и из Кустанайского уезда (Тургайской области) «с целью скрыться от призыва, а если понадобится, то и оказать сопротивление совместно с населением Тургайского уезда»[6]. Нужно сказать, что не все волости активно стали выступать против Высочайшего повеления, так, казахи отдельных аулов Белькопинской волости и Баксайской волости Актюбинского уезда выразили, было, готовность явиться на сборный пункт, но под угрозами и давлением повстанцев этого уезда стали примыкать к ним: «Казахи № 1 аула Баксайской волости и белькопинцы, не разделяя взглядов мятежников, за отказ от присоединения к таковым терроризировались ими. Боясь кровавой расправы, покидают одиночные зимовки, группируясь в одно место. Часть таковых со своим скотом в панике бегут в пределы Кустанайского и Актюбинского уездов, ища там спасения от преследования мя-

[1] *Курманбеков Б.Ж.* Проблемы истории восстания 1916 года в Казахстане (на материалах Западного Казахстана): автореферат дис… канд. ист. наук. Алматы, 1998. С. 11.
[2] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 518.
[3] Там же. С. 519.
[4] Там же. С. 558.
[5] Там же. С. 579.
[6] Там же. С. 585.

тежников, т.к. таковые приступили к расправе с теми, кто не желает быть их единомышленниками»[1].

Характеризуя активность выступлений казахов в восстании 1916 г, следует отметить, что особое упорство разрозненных отрядов наблюдалось в приграничных с российскими внутренними территориями районах, к примеру, в Петропавловском уезде Акмолинской области[2]. «Южные уезды Тургайской области, не имеющие русских поселков, занятые сплошь казахским населением, находились до последнего времени (речь идет о январе 1917 г. – *Т. Д.*) в состоянии мятежа. Обширность и малодоступность этих уездов дала возможность недовольным казахам образовать вооруженные конные скопища, которые насилием, грабежом препятствовали мирной части населения подчиниться призыву, а казахским должностным лицам исполнять свои обязанности. …Тургайский уезд, лежащий вдали от железной дороги за Иргизским, еще менее доступный, еще более дикий, находится пока на положении мятежа»[3].

Таким образом, географическое расположение волостей и уездов, близость к железной дороге, к переселенческим и казачьим поселениям, влияло на степень активности населения этих административных подразделений.

Характеристика деятельности (позиций) волостных управителей в ходе восстания 1916 г.:

1) в первую очередь волостные управители – это должностные лица, поэтому многие из них выполняют свои прямые служебные обязанности, тем более что они получали жалованье хоть не от государства, но из общественных сумм[4], давали клятву при вступлении в должность, многие из волостных уже

---

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 596.

[2] *Ермуханов Е.Н.* Вопросы истории восстания 1916 года (1914 – нач. 1917 г. на материалах Акмолинской и Семиреченской областей): Автореферат дис…. канд. ист. наук. С. 16.

[3] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 623.

[4] Так, например, управитель Сейтеневской волости Семипалатинского уезда Семипалатинской области Джакуп Нороконев, согласно сведениям из формулярного списка 1883 г., жалованья получает в год 500 руб., а управитель Дегеленской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области Тюлебай Алдабергенов – 600 руб. // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Т. VIII. Ч. 2 / сост., предисловие, комментарии и указатели Б.Т. Жанаева. Алматы, 2006. С. 375, 378. По Положению 1891 г.: «Волостные съезды определяют жалованье волостным управителям, до избрания оных, сообразно величине и благосостоянию волости, в размере от 300 до 500 рублей…» // Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата. 1960. Т. 1. С. 392. Как отмечает С.Н. Абашин: «Волостной управитель имел должностной оклад от 300 до 500 руб. (что соответствовало жалованью младших чиновничьих чинов в Российской империи)» // *Абашин С.Н.* «Туземные» чиновники и восстание 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). М., 2016. С. 87. Однако «… содержание волостному управителю и аульным старшинам, а также сумма на наем писарей и рассыльных собираются по общественной раскладке вместе с податями и сдаются в уездное казначейство, в депозит уездного управления, по распоряжению которого упомянутые должностные лица получают назначенное им содержание в сроки и поряд-

были представителями династий не в одном поколении. Поэтому волостных управителей в степных областях в начале XX в. вполне можно считать чиновниками на государственной службе. Так, в своей телеграмме военный губернатор Семипалатинской области Ф.Ф. Чернецов генерал-губернатору Степного края Н.А. Сухомлинову от 18 июля 1916 г. сообщает: «Списки составляются почти во всех волостях, многие уже готовы»[1]. По должностным обязанностям волостным было предписано составить списки привлекаемых на тыловые работы казахов, и некоторые волостные управители уже к концу июля 1916 г. явились к крестьянским начальникам с докладом о состоянии дел. Из рапорта временно исполняющего обязанности крестьянского начальника 6-го участка Петропавловского уезда Н.В. Кучука военному губернатору Акмолинской области П.Н. Масальскому от 29 июля 1916 г.: «Среднему волостному управлению было предписано составить списки привлекаемых киргизов. 21-го управитель со своим волостным писарем явился ко мне с докладом»[2]. Выполняя свои функции, волостные управители составляют протоколы о срыве проверок посемейных списков, рапорты об отказе казахов выставлять рабочих, о нападении на них вооруженных повстанцев. Так, управитель Карабалыкской волости С. Кадыров отмечает в составленном протоколе 9 июля 1916 г.: «На увещания мои прекратить беспорядки и на приказание разойтись бунтовщики не обращали никакого внимания, а напротив, угрожали подвергнуть меня побоям»[3].

О том, что достаточно большое число волостных продолжают исправно выполнять предписания, свидетельствует доклад крестьянского начальника 5-го участка Акмолинского уезда от 11 сентября 1916 г.: «Лично мною посемейные списки получены уже от 11 из 16 волостей. Остальные 5 списков будут, надеюсь, получены своевременно из них 2 – до 15 сентября. Сведений об уничтоженных списках ко мне не поступало»[4]. Отдельные волостные управители, выполняя полицейские функции, сами участвуют в поимке мятежников. Из секретного донесения командующего войсками Казанского военного округа А.Г. Сандецкого начальнику Генерального штаба П.И. Аверьянову от 17 января 1917 г.: «Волостным управителем Майкаринской волости привезен главный мятежник Чубаланской волости Умар Телымов, который передан судебным властям»[5]. В период подавления восстания некоторые волостные управители в условиях нехватки карательных сил обеспечивали препровож-

ком, которые определяются областным правлением» // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 392. Очевидно, что само жалованье волостные управители могли получать только по распоряжению областного и уездного начальства.

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 550–551.

[2] Там же. С. 520.

[3] Там же. С. 572.

[4] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Т. 1. С. 59–60.

[5] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 621.

дение плененных повстанцев: «Во время преследования шайки отрядом захвачено 17 киргизов (казахов. – *Т. Д.*), которые сданы волостному управителю для препровождения в Тургай»[1].

2) второе обстоятельсчтво: казахские волостные управители еще до восстания 1916 г. действовали фактически бесконтрольно в подведомственных им волостях, как было сказано выше, поэтому в условиях реального ослабления российской администрации в период восстания многие из них стали открыто проявлять свои собственные интересы, в частности, злоупотребляя служебным положением, допускали «много незаконных действий, благодаря которым не были мобилизованы лица, подлежавшие принятию на службу, и, наоборот, взяты подлежавшие освобождению по должности или по другим основаниям». Так, Омский волостной правитель Мадин Бибатыров и его писарь Ахмет Татинов «не стеснялись брать взятки за освобождение от службы». На них была подана жалоба: «Многие лица получили такие удостоверения, по которым их года не подходили к годам, требовавшимся при мобилизации, и, наоборот, многим выданы удостоверения, по которым они были приняты на службу. Как на характерный пример, укажем на братьев волостного правителя, которые благодаря неправильным удостоверениям о годах остались дома, а младший из них был назначен муллой, хотя ему было всего 19 лет»[2]. В волостях Лепсинского уезда «… было тихо и спокойно, управитель Маканчи-Садыровской волости Касым Джакамбаев, приближенные его – народный судья Окыш Омаров и Джексембек Князев стали требовать с казахов своей волости деньги и скот, обещая освободить их от повинности; некоторые, не щадя своих имуществ, начали откупаться, другие, возмущенные их открытым вымогательством, порицали их действия. Джакамбаев решил отомстить непокорным людям, не желавшим давать ему откуп, и донес, что роды Кунамбай и Берши отказываются давать рабочих и восстали»[3].

Будучи волостными, они требовали преследования тех повстанцев, кто осуществил нападение на их личное имущество, скот, например 17 сентября 1916 г. поступил рапорт управителя Аккелинской волости Павлодарского уезда П. Чорманова в Павлодарское уездное правление об угоне восставшими лошадей крупных скотовладельцев Чормановых[4]. Местами волостные управители пожелали, используя мобилизацию на тыловые работы, свести счеты со своими «партийными» врагами, «стали сочинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте 19–31 года, стали доносить на «партийных» врагов, что они собираются в песках для нападения на русских и т.д.

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 628.

[2] Там же. С. 359–360.

[3] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Т. 1. С. 286.

[4] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 559.

Как было записано 7 августа 1916 г. в Протоколе частного совещания представителей казахского населения Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей под председательством А. Букейханова: «Местные власти, особенно волостные управители, сами создали волнение, возмутили самый мирный, покорный Высочайшему повелению народ, который объявили непокорным властям и закону»[1].

3) третья позиция волостных управителей состояла в том, что они сами становились во главе восставших: об этом свидетельствуют опубликованные архивные документы. Так, волнение среди казахов Петропавловского уезда растет с появлением в волостях Торсана Тлемисова, который раньше много лет служил пресногорским волостным управителем. «Этот киргиз (казах. – *Т. Д.*), по словам волостного писаря Петропавловской волости, разъезжает по волостям и агитирует в пользу возмущения, пользуясь своим большим влиянием среди киргизского (казахского. – *Т. Д.*) населения»[2].

В архивных документах есть сведения из протоколов допросов участников восстания и рапорты тайных агентов, которые свидетельствуют об активном участии волостных управителей на стороне восставшего народа. Из допроса казаха Больше-Алматинской волости Байбасуна Тамабаева по делу восстания казахов и киргизов: «В отношении лиц, принимавших участие в подстрекательстве казахов и киргизов к восстанию и кто ими главным образом руководит, в данное время могу сказать следующее:

1) Даупас Ибраим, все старшины, бий и *волостной управитель Айхотаев* (здесь и далее курсивом выделено нами. – *Т. Д.*), Аскар Ибраимов, Кожманбет он сидит в тюрьме, задержан. Все они Куртинской волости.

2) В Моюнкумовской волости командует людьми на Улькен-Сазе Джалдыбай, *сменный волостной управитель,* подстрекателями были все аульные старшины, бий из почетных лиц Гали Урдыбаев, имеет несколько домов в городе Верном.

3) В Каргалинской волости командует восставшими бунтовщиками народный судья Устен, его помощник Тамабай Аджи: *подстрекатели – волостной управитель,* имя и фамилию не знаю, все аульные старшины и бий.

4) В Тайторинской волости командует восставшими людьми *Саке Неизбеков, он же держит в своих руках Западно-Кастекскую волость, помощник у него брат его и Темербек волостной управитель.* Подстрекателями были все вышеуказанные лица, все волостные старшины, бий и муллы.

5) В Ргайтинской волости Аджи Карабаев, Али Мураходжаев, первый командует восставшими, а второй его помощник и *в помощниках состоит бывший волостной управитель Сарсабек,* подстрекателями являются, кроме 1, 2 и 3 аульные старшины, бий и муллы. Из 2 и 3 аулов часть людей присоединилась к бунтовщикам.

[1] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Т. 1. С. 33–34.

[2] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 523.

6) В Западно-Кастекской волости командует *Чалтобай Аджи Кудабергенев, человек очень влиятельный, состоит волостным управителем,* помощник его *бывший волостной управитель Акчал,* подстрекатели волостные старшины и бий.

7) В Верхне-Илийской волости командует бунтовщиками Мамут Ксибеков, *подстрекателями были все волостные старшины*, бий также принимал участие арестованный *Акчал, бывший волостной управитель*.

8) В Ниже-Илийской волости командует бунтовщиками *бывший кандидат волостного управителя Сарыбай,* подстрекатели все волостные старшины и бий.

9) В Ново-Илийской волости командует бунтовщиками *бывший волостной управитель Джулан Богубаев*, все волостные старшины и бий подстрекали народ к восстанию по его указанию.

10) В Узынь-Агачской волости командует *бывший волостной управитель Тайтели*, а помощник его Кийшибай Сарыбаев.

11) В Ботпаевской волости командует бунтовщиками Самалтыр Диканбаев, его помощник Хасеней Адербеков и Нарыбай, *все волостные старшины* и бий, кроме волостного управителя, одного муллы Джанибека Хаджи, Куштут Усанбаева и аульного старшины № 9 аула. Эти лица участия не принимали. Точно не знаю, но слышал, что всеми одиннадцатью волостями руководит один из сыновей Шабдана.

Все перечисленные лица одинадцати волостей 7 и 9 числа июля собрались на урочище Улькен-Саз и решили живых людей на работу в действующую армию не давать»[1].

Из Агентурной записки секретного сотрудника Нияза: «В Ботпаевской волости главным руководителем во время восстания был *кандидат волостного управителя*. В Западно-Кастекской волости руководил восстанием *киргиз Кавкак, бывший волостной управитель*. В Курдайской волости руководил восставшими киргизами *волостной управитель этой волости*»[2].

В период с 10 июля по 7 августа 1916 г. волостной управитель Мирсалим Бектенов организовал вооруженное сопротивление в Зайсанском уезде Семипалатинской области[3]. Из протокола от 7 августа 1916 г. акмолинского уездного начальника А.С. Веретенникова: «*Волостной управитель* Карабулакской волости Сагит Копенев не только не принимал участия к вразумлению народа, но и отказался даже от поездки в г. Акмолинск. Все аксакалы волости, …возмущают народ о неповиновении властям»[4]. Из телеграммы военного

---

[1] Жетысу-Иссыккульская трагедия: 1916–1920 гг.: сборник док. и матер. Астана, 2016. С. 80.

[2] Там же. С. 130.

[3] *Ермуханов Е.Н.* Вопросы истории восстания 1916 года (1914 – нач. 1917 г. на материалах Акмолинской и Семиреченской областей): Дис.… канд. ист. наук. С. 121–122.

[4] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы). Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Т. 1. С. 30.

губернатора Акмолинской области П.Н. Масальского генерал-губернатору Степного края Н.А. Сухомлинову 1 сентября 1916 г.: «об аресте одного [из] главных руководителей – *брата бывшего управителя Чурубай-Нуринской волости Нуржана Кияшева,* выбранного, по частным сведениям, местным ханом»[1]. Из перечисленных фактов очевидно, что в основном во главе восставших находились бывшие волостные управители. Активность волостных управителей определялась еще и тем обстоятельством, что в Степном крае, в частности в Акмолинской области, летом 1916 г. состоялись выборы волостных управителей и кандидатов к ним и всего аппарата волостного управления в лице волостных выборных, волостных биев – народных судей и кандидатов к ним. В частности, «на основании циркулярного предложения г. акмолинского губернатора от 24 марта 1916 г. за № 2089 в Сартерекской волости Акмолинского уезда 15 июня 1916 г. состоялись выборы должностных лиц местной казахской администрации на трехлетие 1917–1919 гг.»[2]. А уже 20 июня 1916 г. была подана жалоба на действия крестьянского начальника 1-го участка Акмолинского уезда М. Плахова по итогам произведенных выборов. В другой волости этого же уезда – в Аккум-Нуринской – также состоялись выборы на должности волостного управления 22 июня 1916 г. на предстоящее трехлетие 1917–1919 гг. Однако поданная на утверждение Акмолинскому губернатору копия журнала о производстве выборов в данной волости с указанием избранных кандидатур не получила должного рассмотрения: «…в виду продления полномочий должностных лиц инородческой администрации и суда в 1916 г. на один год, т.е. до 1 января 1918 г., и устройства ныне общественных управлений на новых началах представленное при сем выборное производство по Аккум-Нуринской волости приобщить к делу № 708/1917 г., которое считать оконченным»[3]. Это обстоятельство вызвало протест среди волостных выборных, не согласных с продлением полномочий прежнего волостного управителя, и подавших прошение господину министру внутренних дел от 20 сентября 1916 г. об утверждении в должности управителя вновь избранной кандитатуры Макажана Мухамедгалиева с обоснованием своей просьбы: «…так как выборы по нашей Аккум-Нуринской волости были произведены до высочайшего указа, т.е. 23 июня, и выборное производство представлено на утверждение до обнародования сего указа, т.е. 5 июля, то, по мнению населения волости, распоряжение Вашего Высокопревосходительства едва ли применимо для должностных лиц нашей Аккум-Нуринской волости, а потому вновь избранные должностные лица на наступающее трехлетие подлежат утверждению и с 1 января 1917 г. допущено к своим обязанностям»[4]. Однако это прошение не получило положительного решения. Подобные обстоятель-

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 532.
[2] ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 9561. Л. 25.
[3] Там же. Д. 9560. Л. 3–3 об.
[4] Там же. Л. 20–20 об.

ства, связанные с итогами выборов должностных лиц в аппарат волостного управления летом 1916 г., составили определенную политическую ситуацию в волостях и повлияли на позицию противоборствующих группировок за власть на местах.

4) четвертая позиция волостных управителей – это подчинение восставшим или сочувствие им.

Как сообщает 18 июля 1916 г. в телеграмме семипалатинский военный губернатор Ф.Ф. Чернецов генерал-губернатору Степного края Н.А. Сухомлинову о ходе восстания в области: «Должностные киргизские (казахские. – *Т. Д.*) лица, частью, может быть, некоторые аксакалы, понимают необходимость в собственных интересах подчиниться требованию высшей власти. Но в большинстве случаев они бессильны внушить это дикой народной массе, которая при малейшей попытке образумить ее бросается на управителей, избивает, считая, что они предатели, не желает идти на работы, частью просто не отдавая себе ясного отчета в предъявленном им требовании, частью принимая его за солдатчину»[1]. Подчиняясь восставшим в своих рапортах, волостные управители не указывают, кто на них напал: «Ночью в кибитку, где лежали избитые управитель Колпаков и писарь Киселев, вновь явились Худайберген Байменов, Чамак Кусмагамбетов и Ихсан Терекбаев и потребовали от управителя написать рапорт на имя крестьянского начальника о том, что в ночь на 11 июня на них напала толпа неизвестных киргизов (казахов. – *Т. Д.*) и отобрала у них посемейные списки. Исполняя это требование, писарь Тяукенов написал рапорт такого содержания, после чего этот рапорт был подписан управителем и выдан вышеуказанным лицам»[2]. Как докладывает и.д. крестьянского начальника 4–5-го участков Петропавловского уезда Б.П. Васильев Акмолинскому военному губернатору П.Н. Масальскому 1 августа 1916 г.: «Характерно, что во всех… случаях должностные лица не называли ни одного участника нападения»[3]. Или из рапорта пристава Петропавловского уезда от 7 августа 1916 г.: «Из виновных волостей управитель, по-видимому, только для отвода глаз указал на трех киргизов (казахов. – *Т. Д.*) из № 3 аула, на Кузбека Уразакова, Молоджана Акылбекова и Галия Сарсенова, из которых, как заявили… при дознании, Уразаков в марте месяце отправлен в Петропавловскую тюрьму и еще не возвратился, а остальные находятся в работниках в Тургайской области»[4]. Омский уездный съезд крестьянских начальников в середине августа 1916 г. отмечает то обстоятельство, что до настоящего времени ни один из управителей не доставил списков призываемых. Между тем эти списки всем управителям в присутствии аульных старшин и аксакалов было предложено представить к 10 августа… Очевидно, что казахское население, как только стало известно о необходимости составле-

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 550.
[2] Там же. С. 566.
[3] Там же. С. 524.
[4] Там же. С. 528.

ния списков для привлечения на тыловые работы, не позволяет управителям составлять и вести эти списки. Как было записано в журнале этого заседания, «…имеются слухи, что киргизы (казахи. – *Т. Д.*) обещали расправиться силой с тем, кто первый повезет списки»[1].

По всему Тургайскому уезду в августе 1916 г. замечается полнейшая бездеятельность волостной администрации, ни один из управителей волости в город не является, и в последнее время лишь только стали присылать своих чабаров – рассыльных[2]. Вместе с тем Кустанайский уездный начальник М.В. Кочергин в конце августа 1916 г. высказывает предположение в своем докладе военному губернатору Тургайской области М.М. Эверсману: «Весьма возможно допустить, что некоторые из них (волостных управителей. – *Т. Д.*) сами сочувствовали такому брожению киргиз (казахов. – *Т. Д.*)»[3].

Таким образом, говоря о роли волостных управителей, их деятельность и позиции в восстании 1916 г. можно охарактеризовать следующим образом: от сотрудничества к конфронтации, причем как с восставшими, так и с российскими властями. Сотрудничество с российской администрацией основано на том, что многие волостные управители продолжают исправно исполнять свои служебные обязанности, являясь действительными чиновниками местной администрации. Сотрудничество же с повстанцами происходит отчасти у бывших волостных управителей, которые ныне утратили свои официальные полномочия, но сохранили свое влияние на население своих волостей, особенно в своих «партиях». Однако есть и действующие волостные управители, которые сами становятся организаторами повстанческих отрядов и выступают против официальных властей. Конфронтация волостных управителей с российской властью была обусловлена проводимой в Казахском крае земельной политикой и, как следствие, – резким ухудшением социально-экономического положения народных масс. Конфронтация волостных управителей с восставшими возникала на почве чрезмерного злоупотребления своих властных полномочий по отношению к подведомственному населению.

Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи

Восстание 1916 г. имеет важное значение в истории Центральноазиатского региона. В нем приняли участие все мусульманские народы региона, что отметил в своей повести «Лихая година» классик казахской литературы Мухтар Ауэзов[4].

---

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. С. 533.

[2] Там же. С. 579.

[3] Там же. С. 582.

[4] *Ауэзов М.* Лихая година. Повесть о бунте смирного рода Албан. Алматы, 2012. С. 136.

Последствия его подавления были для всех народов Центральной Азии, в том числе киргизов и казахов, катастрофическими. Значительная часть людей, спасаясь от отрядов карателей, вынуждена была, бросив родные очаги, бежать в Китай, где их встречали отнюдь не хлебом-солью. «И тогда, в том кровавом 1916 г., – писал в Предисловии к повести М. Ауэзова, Чингиз Айтматов, – …в который раз пред древними племенами казахов и киргизов встал вопрос – быть или не быть, жить на родине или на чужбине?»[1] Обезлюдевшие земли были отданы казакам. Изменился демографический и хозяйственно-культурный ландшафт.

Исследователи предполагают, что в ходе восстания происходит и рост национального самосознания, одним из проявлений чего является попытка возрождения государственности, существовавшей ранее в форме ханства. Согласно установившейся с XIII в. и сакрализованной традиции, на всей территории, завоеванной Чингисханом и его потомками, в том числе и на территории Казахстана, вошедшей в состав улуса старшего сына Чингисхана Джучи, законными правителями, ханами, признавались только выходцы из Чингисидов. Данная концепция была названа казахстанским востоковедом В.П. Юдиным «чингисизмом»[2].

Была ли предпринята в ходе восстания 1916 г. попытка возрождения традиционных институтов, существовавших до вхождения в состав Российской империи, в основе которых лежала концепция чингисизма?

Данный контекст проблемы, в предшествующий период развития казахстанской историографии бывшей частью советского историописания, не актуализировался. Известно, что это восстание характеризовалось как национально-освободительное, носившее антифеодальный и антиколониальный характер, что вполне укладывалось в марксистско-ленинскую концепцию классовой борьбы. Характерно, к примеру, его описание в фундаментальном пятитомнике, подготовленном Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова: «Как и в других областях Казахстана, в Тургайской области феодально-байские элементы пытались захватить руководство восстания в свои руки и направить его по националистическому руслу. Это нашло свое отражение, например, в избрании ханов в Иргизском и Тургайском уездах. Однако трудящееся крестьянство не поддержало эту инициативу баев и мулл и сплотилось вокруг Амангельды Иманова. В ходе борьбы “ханы” оказались фактически изолированными от масс. Более того, на деле они перешли на сторону царизма. Вместе с ними на стороне карателей против восставших крестьян участвовало 400 казахских баев»[3].

---

[1] *Айтматов Ч.* Предисловие к первому изданию повести М. Ауэзова «Лихая година» на русском языке // *Ауэзов М.* Указ.соч. С. 5.

[3] *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая… // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII. Алма-Ата, 1983. С. 114.

[1] История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1979. С. 462.

Насколько верна эта оценка, мы имеем возможность говорить сейчас, поскольку стало возможным опираться не только и не столько на марксистско-ленинскую методологию, во-первых, и, во-вторых, использовать новые источники. Прежде всего отметим, что как в цитируемом абзаце, так и во всем пятитомнике не нашли упоминания имена избранных народом ханов. Руководителями восстания в Тургайском очаге называются Амангельды Иманов и Алибий Джангильдин, первый казах-большевик, известный также как и первый казах, совершивший до этих событий пешее путешествие вокруг света.

В изданном уже в постсоветское время пятитомнике говорится, что в Тургайский очаг восстания возглавили Абдигапар Жанбосынов, Амангельды Иманов, Алиби Жангельдин[1]. Как видим, неупоминавшийся в советском издании А. Жанбосынов, поставлен здесь на первое место. О нем говорится, что он был избран «ханом» кыпчакских повстанцев, говорится также, что «ханом» аргынских повстанцев был избран Шолак Оспанов, поскольку состоявший из 13 волостей Тургайский уезд был населен в основном представителями кыпчаков и аргынов[2].

Затем произошло объединение этих ханств, был избран единый правитель, и, таким образом, можно предположить, что в Тургайском уезде была успешно осуществлена реставрация традиционной казахской государственности, ликвидированной рядом царских указов в 20–60-е годы XIX века. После этих реформ потомки Чингисхана, образовывавшие особый род «торе», считавшийся «белой костью» – «ак суйек», были уравнены с простыми казахами – «кара суйек» – «черной костью». Принято считать, что благодаря этим реформам последние следы традиционной казахской государственности были ликвидированы. Последняя попытка возрождения государственности была предпринята Чингисидом Кенесары Касымовым в 1837–1847 гг. Но уже в ходе восстания Кенесары в административное управление был привнесен ряд элементов, которые были заимствованы из российской системы управления.

Поэтому, чтобы решить поставленную проблему, необходимо рассмотреть институты той политической системы, которая была создана на территориях, контролируемых повстанцами.

На первом этапе восстания «Началось “самоопределение” Тургайского уезда. Сначала уезд распался на три ханства: северное, восточное и западное (называем их так по географическому положению в уезде). Но северное, состоявшее из двух Наурзумских волостей Аргынского рода, скоро было ликвидировано: нашли, что при близости к сплошному русскому населению трудно сохранить свою самостоятельность. Тогда область его отошла к двум другим ханствам.

[2] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. Т. 3. Алматы, 2000. С. 647.
[3] Там же.

Западное ханство включало волости Турсунскую и Чубаланскую, населенную казахами Аргынского рода, почему и называлось Аргынским.

Восточное ханство называлось Кипчакским, так как оно объединяло казахов Кипчакского рода»[1].

Затем в ханствах началась организация гражданского и военного управления, и в первую очередь избрание правителей. Как известно, Казахское ханство, являлось одним из государств, созданных Чингисидами Кереем (Гиреем) и Джанибеком на обломках постзолотоордынского государства Абулхайра (государства кочевых узбеков). Выше говорилось, что на всем этом пространстве, как показал в своих работах выдающийся востоковед В.П. Юдин, существовала концепция чингисизма. «Чингисизм освятил право рода Чингисхана на верховную власть. Это, в частности, выразилось в том, что титул "хан" стал исключительной прерогативой Чингисидов»[2].

В результате различных исторических коллизий сложилось так, что во многих ханствах, возникших на постмонгольском пространстве, династия Чингисидов исчезла, но в Казахстане она сохранилась, благодаря чему казахские Чингисиды приглашались на правление в различные регионы от Башкирии до Хивы.

Следовало бы ожидать, что и в восставших районах Казахской степи ханом будет избран один из Чингисидов, но этого не произошло. Пока трудно сказать, был ли избран ханом руководитель восстания в Семиречье Болат Ашикеев. На допросе он отрицал, что хотел быть ханом («Мне приписывают, что я хотел быть ханом, но теперь вот меня повесят, и будет "кан"») (т.е. кровь. – *А. Г.*)[3].

В Западном, Аргынском ханстве был избран Оспан Чулаков, поскольку среди аргынов аристократическими фамилиями считались Джаныбековская и Калыбековская, происходившие от батыра XVIII столетия Джаныбека Кошкарова. За отказом более видных представителей двух этих фамилий от чести стать ханом это звание принял на себя джаныбековец Оспан Чулаков. За него, кроме его происхождения, говорило и личное мужество. проявленное им при отобрании посемейных списков от турсунского волостного управителя.

В Восточном, Кыпчакском, ханстве восставшие избрали «ханом» потомка знаменитого Ниязбия, Абдигапара Жанбосынова. В последующем, 21 ноября 1916 г. на курултае представителей 13 волостей (6 волостей кыпчаков, 6 волостей аргынов и одна волость найманов) ханом избрали кыпчака А. Жанбосынова.

О нем известно, что он на момент восстания был 45-летнего возраста. Уроженец Кортугайской волости, А. Жанбосынов принадлежал к сильному, боевому роду тлеулинцев и, отстаивая интересы своих сородичей, всю жизнь

---

[1] *Харлампович К.В.* Восстание Тургайских казак-киргизов 1916–1917 гг. // Грозный 1916 год: сборник документов и материалов. Т. 2. Алматы, 1998. С. 71.

[2] *Юдин В.П.* Указ. соч. С. 114.

[3] ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 510. Л. 443–444.

провел в подвигах и занятиях, которые в старое время доставляли славу и уважение. Он был известный барымтач, набегами и угоном скота отстаивавший свои права и укрепивший свое положение против посягательств недругов. В его роду было несколько волостных управителей. Незадолго до Первой мировой войны он был избран в волостные управители и, как указывают источники, с честью нес это звание[1].

Иначе говоря, оба руководителя восстания хотя и были людьми знатными, но не принадлежали к Чингисидам-торе. Они, казалось бы, отвергли концепцию чингисизма и, ломая традиционные институты, приняли титул «хан». На самом деле это не совсем верно, О. Чулаков в качестве хана был недолго, также недолго ханом был и А. Джанбосынов. Став единым правителем кыпчаков, аргынов и найманов уезда, «он, – как пишет один из первых исследователей восстания К.В. Харлампович, – отказался от звания хана и принял титул эмира в знак того, что желает править не самодержавно, а с помощью народа в лице его представителей»[2].

Как представляется, это не совсем правильное объяснение. Вероятнее всего, что концепция чингисизма продолжала существовать, и поэтому правители, не принадлежавшие к «Золотому роду», начиная даже с могущественного Тамерлана, не осмеливались называться ханами, довольствуясь более скромным титулом «эмир».

Вся остальная система управления была традиционной[3]. При хане состоял совет из 20 человек, избранных волостями. Ханская ставка находилась в зимовке Сеидгаза в 15 верстах от урочища Батпак-кары.

В руководимой эмиром и его советом части Тургайского уезда не оставалось на местах ставленников царской власти, как русских, так и казахов.

Как предписывали различные установления, в том числе и Жети-Жаргы, принятые ханом Тауке, наиболее важные дела обсуждались на всенародном курултае, где право голоса принадлежало всем мужчинам и обязательным условием, подтверждавшим правомочность, было наличие оружия. Такой курултай был у восставших. Сохранилось описание обсуждения вопроса о взятии города Тургая:

«Сама операция обсуждалась всенародно 4 ноября в 8 верстах от города, где собирались все вооруженные силы. Без споров принято было решение взять город и стереть его с лица земли, как опору в крае царской власти. Но в то время, как более горячий аргынский хан Чулаков, вернее его советники, предложили взять город, так сказать, с налета, штурмом, осторожный Абдулгафар, поддерживаемый бывшими тогда в лагере известным казак-киргизским революционером Джангильдином, явившимся из Петрограда, предпочитал довести город до сдачи осадой… после долгих споров, приведших,

[1] *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 74.

[2] Там же. С. 71.

[3] Более полно традиционная система управления была рассмотрена в книге: *Галиев А.А.* Казахское ханство: структура, экстраобраз и знаковый аспект. Алматы, 2015.

казалось бы, к победе Абдулгафара, остановились на компромисном решении – город осадить, но если окажется возможным, взять его»[1].

Помимо совета и курултая, существовали волостные управители, возможно, это уже был новый институт, воспринятый у царской системы управления, так как в источниках указывается, что управители избирались населением.

Вновь избраны были и народные судьи. Замечено было, что в этот период самоуправления среди тургайских казахов упало число преступлений, даже таких бытовых, как барымта и кража.

Существовала система налогообложения, сбором занимались сборщики податей. Последние шли на содержание администрации и войска повстанцев.

Особое внимание уделялось организации армии. С согласия участников курултая внук знаменитого батыра Имана – сподвижника Кенесары Касымова – Амангельды Иманов (сын Удербая) был назначен сардарбеком (главнокомандующим) повстанцев. Выдвинут он был на этот пост потому, что был хорошим стрелком и еще более, быть может, потому, что пользовался закрепившейся репутацией барымтача, сорвиголовы, без участия которого не обходился ни один наезд в волости.

Приехавший из Центральной России и вскоре присоединившийся к повстанцам уроженец этих мест Алиби Жангельдин стал своеобразным «идеологом» восставших. Из десятков тысяч неорганизованных повстанцев А. Жанбосынов, А. Иманов и их ближайшие сподвижники создали стройный, дисциплинированный военный организм, разделенный на десятки, сотни и тысячи. Во главе каждого из подразделений, соответственно, были поставлены онбасы (десятник), елюбасы (пятидесятник), жузбасы (сотник), мынбасы (тысячник). Было сформировано специальное подразделение метких стрелков (мергенов) во главе с Кейки Кошкинбаевым.

При сардарбеке функционировал военный совет – кенес. Штаб армии квартировал от города Тургая в 170 верстах; в районах, контролируемых повстанческой армией А. Иманова, по существу, была отстранена от управления низовая аульно-волостная («туземная») администрация, гражданская власть перешла в руки повстанцев. А. Жанбосынов, А. Иманов и возглавляемый им военный совет организовали службу тыла, поручив специально назначенным лицам (елбеги) обеспечение повстанцев продовольствием, лошадьми, изготовление в кузницах самодельных ружей, сабель, кинжалов, пик и т.д.[2]

Хотя источник и говорит, что у аргынского хана была своя армия, во главе которой стояли Утетлеуов Ахмед и Кубеков Ташмагамбет, мы из вышеприведенного описания военного совета по поводу взятия Тургая видим, что оба войска действовали совместно. Поэтому можно говорить о единой армии, организованной по родо-племенному принципу.

[1] *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 72.

[1] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы, 2000. С. 647–648.

Обе армии, точнее две ее части, численностью 8 тысяч человек, представляли военную силу почти всего Тургайского уезда, силу настолько внушительную, что для нее не могло быть неодолимых подвигов. Таким подвигом представлялось взятие города Тургая.

Источник также указывает, на то, что «…армия, если и уменьшилась численно, но старалась выиграть в качественном отношении. Ее отряды обучались строю и ружейным приемам». Правда, последнее производилось на деревянных ружьях, так как настоящих было мало. В феврале 1917 г. их было не более 200, причем многие были переделаны из охотничьих[1].

Восставшие делали свое оружие и свой порох, последний – с помощью солей и серы. Мобилизовали мастеров на изготовление своего оружия[2].

Говоря о ханстве, точнее, эмирате, созданном восставшими, необходимо было бы рассмотреть и его символику. К сожалению, мы не располагаем такой информацией. В нашем распоряжении имеется только единичное упоминание о белом флаге у молодежи, собравшейся на Ошакты[3].

Из такого, в общем то случайного, факта трудно делать определенные заключения.

Подведем некоторые итоги.

На первом этапе восстания была попытка восстановления традиционной государственности в форме ханства. При этом «изобретенная» (по Э. Хобсбауму) царской администрацией традиция инаугурации ханов[4] вряд ли использовалась. Но вместе с тем была применена «возрожденная» традиция, предполагавшая своего правителя у каждого этнополитического (этнопотестарного) объединения, называемого в советской историографии племенем. Эта традиция существовала до эпохи монгольского завоевания. Согласно хорошо фундированной теории В.П. Юдина, после данного завоевания на всей территории, где существовала политическая власть потомков великого завоевателя, утвердилась концепция чингисизма. Можно предположить, что возрождение этой концепции связано с попыткой возрождения казахского государства, во главе которого, вероятно, должен был бы встать представитель «золотого рода», один из казахских торе. Это предположение подтверждается тем, что избранный представителями казахских родов авторитетный в Степи А. Джанбосынов отказался от титула «хан», на который не имел права, так как являлся не торе, а кыпчаком, и принял титул «эмир». Как известно, этот титул использовался и величайшим завоевателем Тамерланом, который также не был Чингисидом, будучи выходцем из племени барлас. Отрицал принятие такого титула и руководитель семиреченских казахов-повстанцев Б. Ашикеев.

---

[1] *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 73.

[2] АП РК. Ф. 811. Оп. 20. Д. 753. Л. 2–4.

[3] ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 150. Л. 45–46.

[4] *Кундакбаева Ж.* Изобретение традиций: репрезентация Российской империи среди кочевников Северного Прикаспия в XVIII веке // Acta Slavica Iaponica. 2014. Vol. 35. P. 55–86.

Остается открытым вопрос о том, как проходили выборы хана. Вероятно, они должны были проходить в соответствии с традиционным ритуалом «Хан котурмак»[1], хотя бы только потому, что иного ритуала, казахи просто не знали и прибегали к нему как в предшествующий, так и в последующий периоды. Так, казахи Китая, среди которых значительную часть составляли бежавшие от карателей участники восстания 1916 г. избрали хана, исполнив древний ритуал «хан котурмак»[2]. Но имеющиеся документы не указывают на проведение этого древнего ритуала интронизации. Кроме того, этот ритуал, возможно, связан с идеологией чингисизма, и поскольку выбранные ханы сознавали, что не имеют права на этот титул, то можно предположить, что в 1916 г., «хан котурмак» в его классическом варианте не проводился.

В ходе восстания были созданы и различные государственные институты – администрация, налоговая служба, армия. Царская администрация в районах восстания была устранена и заменена местной, хотя, конечно же, государственные институты испытали влияние российских бюрократических структур, тем не менее много было и традиционного – ханский совет, курултай, на котором и народ имел свой голос, десятичная структура войсковой организации и др. Аналогичные институты были воссозданы еще в ходе восстания Кенесары. Возрожденная в ходе восстания в Тургайском очаге государственная структура в форме традиционного ханства, видимо, не имела другой альтернативы. Институционально оформленная в движение «Алаш» казахская интеллигенция, будучи частью общероссийской партии конституционных демократов (кадетов), разделявшая их либерально-демократические взгляды, представляла будущую Россию как федеративную республику, но никак не монархию, одной из разновидностей которой является ханство. Но в ходе восстания алашевцы, справедливо опасаясь жестких карательных мер царизма, призвали подчиниться царскому указу и тем самым дистанцировались от восстания. Их идеи не нашли в тот момент поддержки в массах.

Таким образом, мы имеем некоторые основания отказаться от характеристики этого восстания как антифеодального (хотя бы только потому, что феодализм для номадов является также «изобретенной» традицией в рамках марксистско-ленинской идеологии) и назвать его монархическим, национально-освободительным.

Созданная в ходе восстания административно-политическая система, несомненно, испытала влияние концепции чингисизма.

---

[1] См.: *Галиев А.* Традиционное мировоззрение казахов. Алматы: Фонд Евразия, 1997; *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. С. 66–71; Ron Sela. Ritual and Authority in Central Asia: The Khan's Inauguration Ceremony // Inner Asia, No 37. P. 18.

[2] *Камалов А.К.* Казахи Синьцзянского Алтая в советско-китайских отношениях в начале 1940-х годов в оценке американских дипломатов // Материалы международной научной конференции «Социальные и культурные практики Евразии в имперском пространстве». Усть-Каменогорск, 2014. С. 183–184.

Восстание 1916 года в политической биографии А.Н. Букейханова

А.Н. Букейханов (1866–1937) стал ярким представителем динамично формировавшейся в конце XIX – начале XX в. этнополитической элиты народов Российской империи. В составе казахской национальной демократии Букейханов был, пожалуй, единственным действующим политиком, прямо участвовавшим в наиболее важных событиях той эпохи, начиная с реформы политической системы страны в ходе революции 1905–1907 гг. и заканчивая созданием национально-государственных образований в составе СССР, когда Казахстан стал субъектом советской федерации. Его биография, наиболее активно пропагандируемая сегодня в связи со 150-летием со дня рождения, позволяет проследить основные этапы и коллизии этнополитического развития и консолидации казахского общества вокруг наиболее популярных 100-летие назад идей, революционных и реформаторских проектов, грандиозное столкновение которых произошло в условиях мировой войны, революции и гражданского противоборства. 1916-й г. в этом контексте стал поворотным в биографии лидера «Алаш» и всей казахской демократии, которую он возглавлял. От культурно-пропагандистской и политической деятельности в рамках возможностей, предоставляемых государственным устройством переживавшей кризис империи и после ее распада в транзитном пространстве, организуемом Временным правительством и множившимися акторами революционной России, Букейханов перешел к непосредственной организационной практике, ставшей пиком его политической карьеры.

Фундаментальная общеобразовательная, культурная и экономическая подготовка, опыт научно-исследовательской работы, журналистской практики и тесных политических контактов с представителями разных демократических сил российской политической оппозиции составили основу и стимул для быстрого и вполне успешного включения Букейханова в развернувшееся партийно-политическое строительство и формирование первого парламента – Государственной думы. Пересечение партийно-политических «активов» в сложном этносоциальном пространстве на территории современного Казахстана сопровождалось, как и по всей стране, острым противоборством идей, структур, персонажей с непрогнозируемыми результатами и последствиями. Накопленный им в конце XIX – начале XX в. опыт оказался чрезвычайно ценным, когда в разных регионах Степного края и других областях современного Казахстана вспыхнули протесты против призыва коренного населения на тыловые работы. Сегодня в связи со 100-летием трагических событий развернулись оживленные и порой острые дискуссии по разным вопросам – причины и предпосылки, роль чиновников разных уровней управления в организации призыва, провоцировании конфликта или его усмирении, правомерность тех

или иных мер правительства в подавлении мятежников, численность жертв и потерь среди представителей коренного населения и переселенческого крестьянства, последствия и внешнеполитические факторы восстания[1].

Позиция казахской интеллигенции и ее лидера – А.Н. Букейханова – в 1916 г. рассматривается попутно, в т.ч. в многочисленных изданиях, посвященных 150-летию лидера «Алаш». Между тем его деятельность в 1916–1917 гг. – сотрудничество с общероссийскими гражданскими организациями, прежде всего Земгором, и правительственными учреждениями по организации социальной защиты тыловиков; работа в качестве комиссара Временного правительства в Тургайской области – служит важным примером конструктивной практики достаточно искусного переговорщика и политического лоббиста, открывавшего окно возможностей для диалога власти и общественности.

1916 г. вскрыл значительные сложности во взаимоотношениях светски образованных, встроенных в общероссийскую социально-культурную жизнь казахских интеллектуалов с традиционной этносоциальной элитой, из которой во многом и вышли казахские «западники», а также малочисленными приверженцами большевизма. Открытая поддержка будущим лидером движения «Алаш» и его единомышленниками патриотической идеи защиты многонационального Отечества, активная агитация против антиправительственных выступлений сегодня воспринимаются как логичная и гражданski выверенная позиция. Однако в советской историографии она оценивалась как предательская, поскольку якобы означала отказ от национально-классовой борьбы казахских трудящихся против всяческих эксплуататоров. Современные казахстанские авторы лишь констатируют факт поддержки интеллигенцией «колонизаторской царской» власти, как бы не решаясь отказаться от советского наследия, клеймившего алашординцев за служение «антинародным» режимам царизма и Временного правительства и тем самым вступая

[1] *Абдуллаев К.* К 100-летию восстания 1916 года: Заметки историка. [Электронный ресурс] // 2016. 12 мая // URL: http://www.fergananews.com/articles/8964; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 5. М., 2008. С. 152–214; *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 98–126; Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии» 20–21 мая 2016 года: программа и тезисы статей. Бишкек, 2016; *Morrison A.* The 1916 Central Asian Revolt // The Ninth ICCEES World Congress August 3–8, 2015 Makuhari Preliminary Program (September 18, 2014). Makuhari, 2014. P. 71; *Тілеубаев Ш.Б.* Жетісу облысындағы қазақ және қырғыз халықтарының 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісі. Алматы, 2010; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Межд. науч.-пр. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016; *Шодмонова С.* Нарушение прав и свобод человека через призму истории: Семиреченская трагедия на страницах Туркестанской периодической печати // Отан тарихы. 2007. № 3. С. 33–44 и др.

в противоречие с утверждением о равнозначной колониальной сущности всех этапов казахской истории в составе Российского и Советского государств. Это утверждение доминирует в актуальном национальном дискурсе, в т.ч. в работах об истории восстания.

Стоит напомнить, что еще в декабре 1915 г. казахские деятели начали обсуждение вопросов о воинской службе казахов в газете «Казах» (№ № 166, 168, 177, 178, 179, 184). Большинство склонялось к желательности организации кавалерийских частей из казахов призывного возраста. Одной из причин активной поддержки этой идеи было стремление таким образом уравнять права казахов и казачества, в т.ч. в отношении земли. Все настойчивые требования национального равенства, которые казахский политический класс во главе с Букейхановым отстаивал весьма последовательно, свидетельствовали о прямой связи их целей с общим политическим процессом в рамках единого Российского государства. Представители национального движения предвидели одну из основных трудностей, которые могли возникнуть при непосредственной организации призыва, на деле оказавшуюся после царского указа наиболее болезненной, – отсутствие у казахов метрических свидетельств о дате рождения. При составлении списков для определения количества призывников на этой почве массовыми стали различные махинации и злоупотребления со стороны местной администрации и зажиточных слоев населения. Газета «Казах» 9 февраля 1916 г. предложила направить делегацию представителей всех областей для «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», чтобы в случае решения о призыве инородцев провести мобилизуемых через мусульманские органы для их метрической регистрации, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнять казахов и казаков в вопросах воинской службы и землепользования. В итоге в Петроград направилась инициативная группа – А. Букейханов, А. Байтурсынов и Н. Бегимбетов, которые при поддержке председателя бюро мусульманской фракции Думы Б. Тевкелева добились обсуждения вопроса на совещании кадетов, депутатов из Сибири и мусульманской фракции.

Активисты, писавшие в газету «Казах» в апреле 1916 г., предполагали, что обсуждавшийся 25 марта на закрытом заседании Думы при рассмотрении сметы Генштаба вопрос о призыве ранее не состоявших на службе народов может быть положительно решен в ближайшее время. В начале апреля общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о проведении во время Кояндинской ярмарки 18–20 июня 1916 г. специального съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». После указа от 25 июня представители 7 волостей Семипалатинского уезда на собрании 31 июля приняли обращение к губернатору области передать императору «верноподд-

даннические чувства киргизского народа, с радостью и готовностью подчиняющегося» указу, и просить о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих частях, отрицая в то же время «приписываемое киргизам желание сопротивляться призыву». Красноречивая риторика была традиционным средством толкования конфликтных ситуаций в кочевом обществе, что отчасти объясняет активность в печати и обращения всех сколько-то значимых националов в центр.

7 августа 1916 г. в Оренбурге по инициативе и под председательством А. Букейханова состоялось известное совещание делегатов Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Они констатировали, что «корень всех… недоразумений и трений» в связи с призывом на тыловые работы – «в неподготовленности населения и в чрезвычайной поспешности, местами – грубости и злоупотреблениях в действиях властей». Участники, в частности, решили ходатайствовать перед правительством о мерах по предотвращению эскалации конфликта в регионе. В частности, предлагалось включить в приемные мобилизационные комиссии по два уполномоченных от каждой волости, объединить мобилизованных в артели по 30 чел. и обеспечить их переводчиками и муллами (при каждой один переводчик и на 10 артелей один мулла), организовать медицинское обслуживание тыловиков наравне с ранеными воинами, передать мобилизованных рабочих в ведение учреждений земского и городского союзов и др. Протокол совещания А.Н. Букейханов направил главе Земско-городского союза (Земгор) Г.Е. Львову, а также министрам внутренних дел и военному. В итоге удалось добиться передачи в ведение Земгора 30 тысяч призванных на тыловые работы инородцев[1].

Политический лоббизм Букейханова сыграл исключительную роль в продвижении общественных инициатив через систему правительственных структур. Руководство Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, министерств военного и внутренних дел стремилось предусмотреть масштабы и сроки призыва, организацию транспортировки, питания, оплаты труда инородцев, условия освобождения или отсрочки от участия в тыловых работах, а также службы в армии, возможности привлечения общественности для социально-психологической и иной поддержки призывников, этнорегиональные и конфессиональные аспекты и др. 20 августа под давлением казахской интеллигенции, причем ее предложения распространялись на тыловиков всех национальностей, междуведомственное совещание обсудило согласование их перевозки по железной дороге со сроками призыва

[1] *Брайнин С., Шафиро Ш.* Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935. С. 38; Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 114–115, 239; К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.–Л., 1926. С. 57–68; Казах. 1916. 9 февраля, 9 марта, 8, 30 апреля; Юлдуз (Казань). 1916. 15 февраля.

и санитарными мероприятиями, что осложнялось в т.ч. из-за психологических, культурных барьеров и стереотипов призывников[1].

22 августа межведомственное совещание при Главном штабе обсудило 23 вопроса о привлечении инородцев на тыловые работы и государственную оборону в районах действующей армии и внутри страны. Они были прямо связаны с предложениями казахской интеллигенции – потребность, количество и возраст призываемых, возможности отсрочки для отдельных районов, права и обязанности тыловиков, снабжение их зимней одеждой, оплата труда, категории освобождаемых от призыва и др. Социальная направленность решений проявилась в вопросе о категориях инородцев, подлежащих освобождению или отсрочке. По настоянию казахской интеллигенции решили «предоставить киргизским обществам право и возможность послать на места работы на фронте своих уполномоченных, знающих русский язык и людей развитых, дабы они служили переводчиками и посредниками между рабочими и наблюдающими за работами». Минимальная гарантированная зарплата была установлена 1,2 руб. в сутки. Из прибывающих на фронт формировались дружины по 2250 чел. «с необходимым кадром офицерских и нижних чинов, а также мулл и переводчиков». Старшие и переводчики набирались из реквизированных[2]. Совещание по ряду вопросов уступило националам, однако это касалось лишь положения инородцев в тылу действующей армии, на строительстве оборонительных сооружений, на предприятиях и т.п. Наряду со стремлением правительства учесть возможные и уже возникшие трудности организации призыва, проявились архаичность и взрывоопасность установленной сверху этноконфессиональной стратификации населения, за которую столь упорно держалась власть. Негативную роль играла низкая продуктивность аппаратных мероприятий, плохо совмещавших общегосударственные интересы и потребности с динамичной и противоречивой социальной практикой. Как правило, неготовность бюрократии на разных уровнях искать разумный компромисс с национальным активом лишь усугубляла ситуацию и исключала возможность предотвратить или уменьшить насилие.

В марте 1917 г. при Комитете Союза на Западном фронте в Минске во многом благодаря Букейханову был создан инородческий отдел (им заведовал сам Букейханов, затем до августа 1917 г. – А. Кенжин), наблюдавший за условиями жизни и работы, питанием и лечением рабочих, помогавший «в сношениях с родиной» и удовлетворении религиозных потребностей. Учащиеся и студенты, привлеченные в отдел, использовались также для эвакуации рабочих на родину летом 1917 г. 11 октября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев издал приказ об утверждении положения о приеме в казачьи части добровольцев из инородцев, подлежащих мобилизации на тыловые работы

[1] *Аманжолова Д.А.* Партия «Алаш»: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 83–85.
[2] Там же. С. 89–90.

по указу от 25 июня 1916 г., что можно считать успехом национальной общественности. Однако 14 марта 1917 г. Временное правительство приостановило мобилизацию инородцев, а 24 апреля приняло решение о демобилизации. 5 мая состоялось постановление о возвращении тыловиков на родину[1].

Общенациональная газета «Казах» усилиями Букейханова и его соратников превратилась в центр защиты интересов тыловых рабочих на русско-германском фронте и в других местах их работы. Казахская интеллигенция заняла конструктивную позицию в отношении власти для минимизации последствий социально-политических и межэтнических конфликтов и организации помощи тыловикам. Именно она стала посредником между властью и обществом, и опыт компромисса, несмотря на ограниченность его применения и результатов, имел большое значение для политического поведения лидеров этносоциальной демократии.

Наиболее влиятельная ее часть не случайно выступала сторонницей компромисса с властью и всячески стремилась найти средства для снятия напряжения в обществе, в т.ч. в межэтнических отношениях, укрощения стихийного насилия. При этом основное внимание казахские интеллектуалы уделяли отношениям с центральной властью, хорошо представляя распространенность коррупции и низкую эффективность местных органов управления, ничтожное влияние последних на решение судьбоносных вопросов. Характерными чертами политического поведения интеллигенции были приверженность легитимным способам деятельности, компромиссу с институтами государства и общероссийскими политическими структурами, прагматизм и реализм. Более того, в сравнении со среднеазиатской общественностью казахский образованный класс был гораздо сильнее вовлечен в научные, культурные, социальные, общемусульманские организации, политические партии России. Их действия, социально-политические и пропагандистские усилия, публицистика были нацелены на формирование представлений о неразрывности интересов казахов и других народов России, стимулирование консолидирующих ориентиров в отношении этнообщества к своему месту в общегосударственном гражданском пространстве.

Это особенно ярко проявилось в 1916 г. Не случайно с началом балканских войн в газете «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. А.Н. Букейханов пишет: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. …Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет…» Казахские интеллектуалы не отделяли себя от страны. В воззвании «К гражданам“Алаша”» они писали: «Соотечественники – русский народ; единоверцы-мусульмане, татарский

[1] *Аманжолова Д.А.* Указ. соч. С. 72–80, 100–102.

народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»[1].

Кроме того, в перспективе эта наиболее значимая часть казахской интеллигенции рассчитывала таким образом повлиять и на отношение власти к степному социуму. Его ясная, сознательная и выраженная в практических действиях солидарность со всей страной в военной ситуации должна была укрепить позиции тех сил в органах власти и политическом классе в целом, которые могли поддержать главные инициативы движения «Алаш». Среди них – введение (и возвращение) избирательного права азиатским народам, организация земства на востоке России, предоставление казахам права служить в армии по примеру казачьей кавалерии и др. Добиваясь равенства прав всех народов России, казахская интеллигенция и Букейханов как ее лидер, по сути, доказывали свою приверженность единому социально-политическому поликультурному сообществу россиян. Однако 1916 г. ускорил разочарование казахской интеллигенции в способности падающей центральной власти ответить на запросы окраин, что и превратило следующий, 1917-й г. в решающий для ее политической мобилизации и консолидации всех граждански ответственных сил этносообщества.

Крах империи и создание переходной власти, подготовка выборов в Учредительное собрание придали новый импульс национальной демократии. Надежды участников движения «Алаш» были связаны с достаточно активными попытками правительства добиться урегулирования сложного социально-политического, экономического и межэтнического конфликта в Центральноазиатском регионе при активном участии этнополитических элит. От февраля до октября 1917 г. А.Н. Букейханов целенаправленно действовал вместе с Временным правительством, возлагая серьезные надежды на демократические трансформации в стране под руководством хорошо знакомых ему лидеров российского конституционализма. Именно в 1917 г. создаются казахские комитеты и интернациональные органы местного самоуправления (гражданские комитеты, советы и земства – участие в них национальный политический актив считал своей важной задачей), проводятся общеказахские съезды. Интеллигенция обеспечила свою победу на выборах в Учредительное собрание от коренного населения края, ее целенаправленными усилиями форсированно конструируется партия, а затем автономия. Тогда же Букейханов на короткое время стал государственным служащим, комиссаром Временного правительства – представителем центральной власти в Тургайской области – одном из наиболее крупных очагов восстания 1916 г. Здесь он вновь проявил себя как гражданин и патриот, противник политического радикализма и любого экстремизма, в т.ч. религиозного.

В этом контексте достаточно привести слова Букейханова при закрытии Тургайского казахского и крестьянского съезда 28 апреля 1917 г., когда миро-

[1] Казах. 1916. 11 августа.

вая война была еще далека от завершения: «…без мирного труда в тылу мы не укрепим завоеванную свободу. Это помните, крестьяне и киргизы. В тылу сохраните мир, на фронт дайте продовольствие. Киргизы, дайте скот. Русские, дайте хлеб». В мае в связи с земельным конфликтом в одной из волостей, имевшим межэтнический характер, он призывает казахов «не ссориться с русскими, жить в ладу. …В настоящее переходное время в интересах государства и закрепления завоеванных свобод необходимо, чтобы все граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания жили между собой в ладу, помогая по силе возможности друг другу». Вместе с тем он выступал против частной собственности на землю, за общинное пользование ею при условии, что «ни один киргиз не может быть без земли». Значительное место в работе Букейханова на посту комиссара правительства заняли защита прав казахских женщин в вопросах брака и образования, в т.ч. против «Шуро-и-Исломия», противодействие попыткам мулл присвоить различные религиозные сборы, предназначенные на благотворительность, с применением строгих мер в случае выступления «против народных общественных интересов в корыстных целях, идущих вразрез новому строю». Он осуществлял контроль за реализацией принципа пропорционального национального представительства при организации местного самоуправления, выступал против «партизации» местных властей и требовал, чтобы все расходы по партийной деятельности лиц, входящих в них, несли сами общественные организации; вмешивался в деятельность Совета крестьянских и казахских депутатов в связи с вымогательством денег за освобождение от мобилизации на тыловые работы одним из депутатов[1].

Несмотря на противоречивые оценки разных групп социальных верхов казахского общества той позиции, которую занял Букейханов в 1916 г. вместе с единомышленниками, ему удалось, используя актуальные для того времени информационные технологии, социальные сети, партийно-политические контакты и готовность определенных кругов в разных структурах власти к диалогу, обеспечить движению «Алаш» приоритетное место в политическом пространстве Степи. Лидеры «Алаш» не отделяли себя и судьбу своего народа от общероссийской. Они использовали все возможности, чтобы включиться в наиболее значимые политические и общественные организации и события, связывая этнополитическую консолидацию и нациостроительство казахов с доминантами российской истории. Ценность данного опыта и в том, что, за исключением немногочисленной группы казахов, в огромном регионе практически отсутствовала светски образованная и встроенная в общероссийскую социально-культурную систему интеллигенция, которая, как показывает пример Букейханова, могла сыграть важную роль в налаживании обратной связи и компромисса с властью и в миротворческом влиянии на массы. Имен-

[1] *Аманжолова Д.А.* Указ. соч. С. 112–113.

но такие сюжеты представляют наибольший интерес с точки зрения того, как образование и культура становятся действенными факторами межнационального согласия и формирования гражданских, консолидирующих смыслов и моделей поведения национальных элит. В 1916–1917 гг. лидеры казахской интеллигенции предпринимали разные попытки противостоять конфронтации на этносоциальной основе, найти действенные способы укрепления гражданской солидарности на трудовой, соседской, экономической почве. Они не смогли противостоять доминирующей силе всеобщего кризиса, что совсем не умаляет исторического значения предпринятых усилий. Более того, современные коллизии борьбы за власть и драматический опыт «цветных революций» придают новый смысл ценностным ориентирам и идейно-нравственным основам политической деятельности А.Н. Букейханова.

Али Мардан-бек Топчибашев и положение мусульман в Туркестане

Али Мардан-бек Топчибашев – одна из выдающихся личностей азербайджанской истории XX в. Став лидером национального движения начала века, он сыграл решающую роль в пробуждении и организации национального возрождения российских мусульман. Не раз ему доводилось выступать в качестве руководителя всех мусульманских народов Российской империи. В политических кругах России его признавали, с ним считались и он был в числе избранных политиков. Павел Николаевич Милюков, один из известнейших политиков России до 1917 г., в годы Второй мировой войны издал свои «Воспоминания», в которых упоминает и Али Мардан-бека, с которым порой расходился во взглядах. Милюков с нескрываемой симпатией рассказывает об участии Топчибашева в Центральном комитете Партии народной свободы в качестве видного представителя российских народов, а позже и в роли главы азербайджанского правительства[1].

С момента появления на свет 4 мая 1863 г. в Тифлисе до последнего дня своей жизни 5 ноября 1934 г. Топчибашев вел интересную и насыщенную жизнь. Годы учебы в Петербурге, приобщение к культуре тюркизма в Баку, Нижнем Новгороде, Петербурге и других крупных городах России, борьба за права мусульманских народов в Государственной думе пришлись на бурный период истории Российской империи. Получив диплом с отличием в 1884 г., Топчибашев некоторое время работал в Тифлисе, а затем в 1894 г. переезжает в Баку.

Получивший известность своей деятельностью на Кавказе, Топчибашев на революционной волне 1905 г. вышел на российскую политическую авансцену. После указа императора Николая II об учреждении Государственной

[1] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 325.

думы А.М. Топчибашев в газете «Каспий» высоко оценил факт создания этого представительного учреждения и отметил, что в подготавливаемом проекте должны быть учтены интересы мусульман. 9 марта Бакинская городская дума сочла необходимым направить своих представителей в столицу, на специальное заседание правительства. В состав этой делегации попал и член думы А.М. Топчибашев. Кроме того, 15 марта в доме Гаджи Зейналабдин Тагиева собралась передовая интеллигенция Азербайджана. Было решено обратиться с заявлением к правительству с изложением нужд мусульманских народов Российской империи. Текст заявления был составлен А.М. Топчибашевым. Главный смысл заявления заключался в том, чтобы был положен конец дискриминации мусульман, наряду с другими народами были предоставлены национальные и гражданские права и право на культурное развитие. 2 апреля Топчибашев и другие делегаты встретились с А.Г. Булыгиным, вручили ему свои требования и получили обнадеживающие ответы[1].

Петербургский вояж азербайджанских просветителей во главе с А.М. Топчибашевым стал знаковым событием в формировании общемусульманкого единства. 8 апреля 1905 г. в Санкт-Петербурге на квартире Габдюррашида Ибрагимова собрались Али Мардан-бек Топчибашев, Али-бек Гусейнзаде, Ахмед-бек Агаев, Фаррух-бек Везиров, Бунямин Ахмед, Садри Максудов и др. Они пришли к единому мнению о необходимости создания политической партии российских мусульман. Появившийся в Петербурге чуть позже Исмаил-бек. Гаспринский внес практическую струю в эту идею. В ходе обсуждений пришли к соглашению, что организация должна называться «Иттифаг ал-Муслимин» («Союз Мусульман»), или, как значится в некоторых документах, «Союз Российских Мусульман», или попросту «Союз»[2]. Всесторонне обсудив этот вопрос, пришли к решению послать всем известным интеллигентам, проживающим в мусульманских областях России, обращение, составленное Али Мардан-беком. В этом обращении подчеркивалась необходимость объединения всех мусульман вокруг общей программы, чтобы создать возможность выступать с единых позиций в борьбе за уравнение прав мусульман с другими народами империи[3].

15 августа на реке Оке открылся первый съезд мусульман России[4]. А.М. Топчибашев выступил с обширным докладом по политическим, эконо-

---

[1] См: Petition de musulmans du Caucase au Comite des ministres (Avril 1905), au gouverneur general (Juin 1905) // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n. 8. Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (CERCEC), l'École des hautes études en sciences sociales (EHESS). Paris.

[2] *Усманова Д.* Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 гг. М., 2005. С. 134.

[3] *Топчибашев А.М.* Мусульманские съезды в России // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. carton n 7. CERCEC, EHESS. Paris. P. 7.

[4] *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 года / пер. с тат. Г. Мухамедовой; под ред. Г.Ф. Линсцера. Казань, 1926. С. 149–150; *Топчибашев А.М.* Мусульманские съезды в России; Archives

мическим, культурным, национальным и религиозным проблемам российских мусульман. В речи Али Мардан-бека, как и в последующих выступлениях И. Гаспринского и А. Ахтямова, звучала мысль о необходимости образования политической партии, способной объединить всех мусульман России. На основе всех выступлений была принята резолюция из пяти пунктов, в последнем из которых значилось: «…для успешного достижения всех намеченных целей на местах образуются свои меджлисы, руководимые периодическими съездами мусульман»[1].

Политические кризисы в России обусловили издание Манифеста 17 октября, который официально разрешал образование партий в России и объявлял ряд политических свобод. Тем самым манифест подтвердил реальность надежд на создание «Иттифаг-и-Муслимин». После издания манифеста Топчибашев прибыл в Петербург и вместе с активным мусульманским деятелем Габдюррашидом Ибрагимом стали обсуждать вопросы организации и деятельности «Иттифага»[2]. Топчибашев подготовил программу и устав партии. В конце 1905 г. в газетах Баку, Казани, Бахчисарая и других городов стала появляться информация о втором съезде российских мусульман.

Второй съезд российских мусульман состоялся в январе 1906 г. На первом заседании председательствовали И. Гаспринский и Г. Ибрагим, на последующих – А.М. Топчибашев. Подготовленный ими проект устава был принят 23 января с условием рассмотрения на следующем, третьем съезде партии. Вместе с тем съезд обсудил вопросы приближающихся выборов в Думу и сотрудничества с Партией конституционных демократов (кадетов). В резолюции съезда говорилось: «Так как до выборов в Госдуму осталось мало времени, то все российские мусульмане будут сотрудничать с Партией конституционных демократов и вместе с этой партией идти на выборы»[3]. Кроме того, съезд счел необходимым начать борьбу за получение мест в Думе, соответствующих количеству мусульманского населения в стране. В Уставе Союза все губернии, населенные мусульманами, делились на 16 районов. Это были следующие: Кавказ с центром в Баку; Крым с центром в Бахчасарае; Москва и Петербург с центром в Петербурге; Литва с центром в Минске; Нижняя Волга с центром в Астрахани; Верхняя Волга с центром в Казани; Оренбургский район с центром в Оренбурге; Уфимский район с центром в Уфе; Туркестан в центром в Ташкенте; Сибирь с центром в Иркутске; Рав-

d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 7. CERCEC, EHESS. Paris. P. 8; Как и на первом съезде, на последующих съездах российских мусульман Али Мардан-бек проявил большую активность, о чем крайне интересно поведал Муса Бигиев в изданной в Петрограде в 1917 г. книге «Основы реформы». Муса Бигиев был секретарем многих заседаний, на которых председательствовал А.М. Топчибашев.

[1] *Топчибаши А.М.* Мусульманские съезды в России // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 7, II. CERCEC, EHESS. Paris. P. 10; *Бигиев М.Дж.* Основы реформы. С. 117.

[2] Более подробно о Г. Ибрагиме см.: *İsmail Türkoğlu.* 20. Yüzyılda Bir Türk Seyyahı // «Toplamsal Tarih», Sayı 20, Ağustos 1995.

[3] *Nadir Devlet.* Rusya Türklerinin Milli Mücadele Tarihi (1905–1917). S. 98.

нина с центром в Уральске; Омский район с центром в Омске; Семипалатинский район с центром в Семипалатинске; Семиреченский район с центром в Алма-Ате; Акмолинский район с центром в Петропавловске; Закаспийский район с центром в Ашхабаде. Предусматривалось, что во всех этих центрах будут созданы местные меджлисы, которые будут подчинены всероссийским съездам мусульман, а между съездами – Главному совету «Союза». Устав предусматривал ежегодное проведение Всероссийских съездов мусульман с представительством: по 2 человека от каждого района и по 1 человеку от каждого городского меджлиса. Все члены «Союза» должны были подчиняться решениям съезда[1]

До третьего съезда мусульман, состоявшегося в середине августа 1906 г., деятельность Топчибашева концентрировалась на выборах в I Госдуму и на руководстве думской фракцией. С тех пор как Россия начала экспансию против мусульманских территорий, т.е. с 1552 г., мусульманские народы впервые получили возможность вмешиваться в государственные дела России. Работая не покладая рук на съездах мусульман и в период выборов в Госдуму, Топчибашев был не простым участником событий, а превратился в лидера национального исторического процесса. Он был избран депутатом в Госдуму от Баку. 21 июня 1906 г. в Петербурге состоялось первое собрание депутатов из мусульманских провинций. Среди 22 присутствовавших делегатов А.М. Топчибашев был избран лидером мусульманской фракции I Государственной думы. Всего во фракции было 36 депутатов. Мусульманская фракция I Государственной думы просуществовала всего 18 дней – с 21 июня по 9 июля[2].

Будучи депутатом от Баку, Топчибашев жил интересами всех мусульман Российский империи. От имени всей фракции он выступал против политики правительственных чиновников, сеющих раздор между местным населением Северного Кавказа и пришлыми русскими. Незаконные действия земельной комиссии в Киргизии, невиданные нарушения прав человека в Туркестане одинаково вызывали протесты лидера российских тюрков. В своем обширном отчете о деятельности фракции он писал, что 5 миллионов коренного населения Туркестанского края представлены в Думе 6 депутатами, а 300 тысяч пришлого русского населения представлены 5 депутатами, т.е. по одному депутату приходилось на 834 тысячи мусульман и 60 тысяч русских[3]. Поэто-

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 473. Л. 239–242; Дополн. информ. см.: *Сеидзаде Д.Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. Баку, 1991. С. 33.

[2] *Топчибашев А.М.* Мусульманская парламентская фракция. Баку, 1907. С. 2–3. На обложке этой книжки, хранящейся в Русской Национальной библиотеке Петербурга, имеется следующая дарственная надпись Али Мардан-бека Павлу Милюкову: «Неутомимому борцу русского освободительного движения, лидеру партии Народной Свободы, глубокоуважаемому Павлу Николаевичу Милюкову от председателя бывшей мусульманской парламентской фракции. А.М. Топчибашев. Баку, 1907. См.: *Топчибашев А.М.* Мусульманская парламентская фракция. Баку, 1907. С. 1.

[3] *Топчибашев А.М.*. Мусульманская парламентская фракция. Баку, 1907. С. 15.

му Топчибашев подготовил предложения по пересмотру закона о выборах и равному пропорциональному соответствию числа депутатов и числа избирателей. По поводу политики шовинизма в отношении российских мусульман Топчибашев писал: «Есть ли необходимость говорить о том, что идея народного представительства наносит себе смертельный удар в стране, где 20 миллионов российских мусульман представлены всего 36 депутатами?[1] При распределении депутатских мест по регионам в отношении мусульман допущена откровенная несправедливость. А в ряде мест эта несправедливость достигла ужасающих размеров»[2].

9 июля 1906 г. Николай II подписал указ о роспуске Госдумы. Из 19 членов мусульманской фракции, находившихся тогда в Петербурге, 9 депутатов по рекомендации Топчибашева подписали «Выборгскую декларацию». Выборгский процесс длился до декабря 1906 г., когда суд Финляндии рассмотрел дела 167 бывших депутатов Госдумы. Наряду с различными сроками тюремного заключения суд вынес решение запретить подсудимым повторно избираться в Госдуму. Мусульманские депутаты, арестованные за подписание Выборгской декларации, были выходцами из знаменитых и родовитых династий. В российском обществе, особенно в кругах столичной интеллигенции, котировался журнал «Русская мысль». В № 7 от 1909 г. по поводу ареста Али Мардан-бека Г. Алисов писал: «Весной 1906 г. в Киргизской степи производились выборы в первую русскую Государственную думу. Кандидаты говорили речи на открытом воздухе, стоя на спине лошади. Понятие о конституции нередко объяснялось при помощи грубых сравнений, взятых из области скотоводства. Между прочим был избран один из многочисленных потомков Чингис-хана, Алихан Букейханов. Он приехал в Петербург как раз в день роспуска Первой думы; разыскав товарищей, он поехал вместе с ними в Выборг и, хотя ни разу не бывал в Думе, подписал там Выборгское воззвание, за что в 1908 г. отсидел три месяца в семипалатинской тюрьме. В том же году за то же деяние отсидел три месяца в выборгской тюрьме потомок Азербайджанского фельдмаршала (Топчибаши) при одном грузинском царе в XVIII веке, депутат от Баку и лидер мусульман первой Государственной думы, Али-Мардан-бек Топчибашев»[3].

Пока длилось следствие по Выборгскому делу, А.М. Топчибашев занялся еще более политически важным делом – он был одним из основных организаторов III съезда российских мусульман. С разрешения властей съезд открылся 16 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде, в центральном городском клубе. Из 800 делегатов съезда 500 обладали правом решающего голоса[4].

---

[1] О численности российских мусульман в конце XIX – начале XX в. более подробно см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918). М., 2004. С. 100–113.

[2] «Каспий». 1906. 1 февраля.

[3] *Алисов Г.* Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 34.

[4] Мардан-бек пишет, что на съезде было до 1000 делегатов с Кавказа, из Крыма, Поволжья, Сибири, Туркестана и Киргизии. См.: *Топчибашев А.М.*. Мусульманские съезды в России // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 7. CERCEC, EHESS. Paris. P. 15.

Председателем съезда был избран А.М. Топчибашев. Центральным вопросом съезда было принятие подготовленной Топчибашевым программы партии «Союза российских мусульман». Это был единственный проект программы, представленный на съезд, но самый совершенный. Поэтому съезд отдал предпочтение именно этой программе[1]. Принятый съездом устав партии «Иттифаг» определил организационную структуру партии. Избранным съездом Центральным комитетом из 15 человек и сформированным позднее Бюро из 5 человек руководил А.М. Топчибашев[2]. В состав ЦК и Бюро вошли: Г. Ибрагимов, С.Г. Алкин, И. Гаспринский, А. Апанаев, Г. Галиев, С. Максудов, Ш. Сыртланов, М. Бигиев, Г. Буби, М. Давидович, Ш. Кощегулов, С.Г. Джантюрин, М. Керими, Ю. Акчурин. В заключительном документе предусматривалось, что в ЦК будут кооптированы еще 5 человек: 3 из мусульман губерний Бакинской, Гянджинской и Иреванской, один из Туркестана и один из Оренбургского края. Али Мардан-бек стал не только председателем Союза российских мусульман, но и председателем комиссий по политическим вопросам[3].

После выхода на свободу Али Мардан-бек в июне 1909 г. вместе с председателем мусульманской фракции III Государственной думы Кутлуг-Мухаммед мурзой Тевкелевым отправился в длительный двухмесячный вояж по Поволжью, Оренбургскому краю, по Сибири и другим центрам мусульманского ареала для пропаганды среди населения идеи гражданских, религиозных и политических свобод и объединения мусульман в Мусульманском союзе и вокруг программы, принятой на III съезде Союза[4]. 10 июля делегаты фракции III Государственной думы уже были в Тюмени, 12 июля в доме Халилуллаха Гайнулина в Ениауле собрали видных представителей тюменских татар, узбеков, киргизов и провели с ними беседу о работе мусульманской фракции III Думы. 13 июля близ Тюмени, в деревне Молчин, основанной среднеазиатскими купцами, гости в присутствии известных купцов и религиозных деятелей, собравшихся в доме имама Ильчигулова, составили документ, подобный Оренбургской декларации, и тюменские мусульмане подписались под ним[5]. 24 июля мусульманские лидеры встречали делегацию из Восточного Туркестана (Синьцзяна) – дунган и казахов – и разговорились об общих проблемах,

[1] См: III Congres des musulmans de Russie.// Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 4. CERCEC, EHESS. Paris.

[2] См: Materiaux du Comite Central du Parti Musulmans (1906–1907) // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n° 5. CERCEC, EHESS. Paris.

[3] *Топчибаши А.М.* Мусульманские съезды в России // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 1. CERCEC, EHESS. Paris. P. 17–19.

[4] Toptchibachy Ali Mardan bek Ali Akbar bek oglou // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 3; Биографические сведения об Али Мардан-беке Топчибашеве. Ч. I (в кратком изложении) // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 14; Топчибаши Али-Мардан-бек. Биография. 16.12.1951 // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n° 3. CERCEC, EHESS. Paris. P. 10.

[5] Дневник А.М. Топчибашева о поездке в Поволжье, на Урал и в Сибирь. 09.06.1909–01.08.1909 // ГААР. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 9. Л. 5–6.

и в частности, о политической ситуации в этом регионе[1]. 30 июля завершилась программа совместного вояжа.

Осенью 1912 г. были проведены выборы в IV Думу. Новый состав Думы приступил к работе 15 ноября 1912 г. По сравнению с предыдущей Думой количество мусульманских представителей во фракции уменьшилось с 9 до 6 депутатов. В те дни мусульманская пресса считала «эту цифру смешной и жалкой» и писала об этом следующим образом: «Мы, мусульмане, виноваты сами; мы спали и спим по-прежнему». Спецслужбы, наблюдавшие за ходом избирательной кампании, также отмечали, что большинство избирателей от мусульман почти совершенно не интересуются общегосударственным значением Думы[2].

Представленные членами фракции законопроекты, их обращения в различные государственные органы, высказанное в прессе недовольство вынудили правительство вынести на обсуждение мусульманский вопрос и, особенно, вопрос переустройства духовных учреждений. Главным генератором этой идеи был председатель мусульманской фракции Тевкелев. 27 марта 1914 г. в письме Али Мардан-беку он просил признанного лидера высказать свои мысли по вопросам мусульманского образования, деятельности школ и медресе, выборов преподавательского состава в религиозных учебных заведениях[3]. На обращение мусульманской фракции IV Думы с просьбой провести совещание по вопросу переустройства религиозных учреждений Министерство внутренних дел дало разрешение, правда с определенными оговорками. Министерство ставило условия: совещание должно проводиться в Петербурге; в его работе должен участвовать представитель Министерства внутренних дел; круг участников должен быть ограничен и список приглашенных должен быть заранее представлен в министерство; заседания должны проводиться на русском языке, но без участия русскоязычной прессы; но тюркоязычная пресса может присутствовать. Министерство утвердило список участников совещания, в который вместе с мусульманскими депутатами Думы вошли еще 35 делегатов[4].

За день до начала совещания, 14 июня, выходящая в Петербурге газета «Русские ведомости» анонсировала участие ветерана мусульманской журналистики, издателя и редактора газеты «Терджиман» И. Гаспринского, богослова М. Бигиева, бывших депутатов Думы А.М. Топчибашева, А. Бу-

---

[1] А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. 1903–1934 гг. С. 130–131.

[2] *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007. С. 418.

[3] Письмо К.Б. Тевкелева А.М. Топчибашеву. 27.03.1914 // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 8/23. CERCEC, EHESS. Paris. P. 1–2.

[4] *Топчибашев А.М.* Мусульманские съезды в России // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 7. CERCEC, EHESS. Paris. P. 24; Биографические сведения об Али Мардан-беке Топчибашеве. Ч. I (в кратком изложении) // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 17.

кейханова, С. Максудова, Р. Фахретдинова, Г. Усманова и других известных мусульманских деятелей[1]. В середине июня 1914 г. в Петербурге собрались 6 думских депутатов, 34 признанных общественных и политических деятеля и авторитетных богослова во всех концов России. Совещание состоялось 15–25 июня 1914 г., в самый канун Первой мировой войны. Официальный председатель этого мероприятия – руководитель мусульманской фракции IV Думы К.-М Тевкелев, открывая первое заседание, предложил, чтобы это совещание считалось IV съездом мусульман. Собравшиеся приняли это предложение. Здесь были представлены все области, города, крупнейшие села мусульман России: Баку, Елизаветполь, Тифлис, Уфа, Белебей, Стерлибас, Казань, Оренбург, Гаргалы, Троицк, Симбирск, Самара, Иркутск, Крым, Грозный, Урал, Ташкент, Туркестан, Сырдарья, Санкт-Петербург, Павлодар и др. В качестве организаторов съезда выступили депутаты IV Думы К.-М. Тевкелев, И.А. Ахтямов, Г. Еникеев, М.Ю. Джафаров, Г. Байтеряков, М.М. Далгат[2]. На первом заседании А.М. Топчибашев и И. Ахтямов были избраны заместителями председателя, а М. Бигиев и С. Максудов – секретарями съезда. В первый день съезда делегаты заслушали доклад И. Ахтямова «Основные законы о мусульманском духовном учреждении». Во второй день был заслушан доклад И. Лиманова «Состояние религиозных дел мусульман Крыма». После докладов и выступлений перешли к прениям по самым актуальным вопросам жизни мусульман России. 16 июня особенно неожиданно острой оказалась речь А. Ахтямова (отца) об отношении правительства к мусульманам. Проанализировав все стороны взаимоотношений русских правительств и мусульман со времен Ивана Грозного, он пришел к выводу, что эта политика должна измениться. Абусугуд Ахтямов заявил: «Мы хотим, чтобы перестали смотреть на нас с подозрением, руководствуясь указаниями миссионеров. Панисламизм, пантюркизм и сепаратизм – это плод больного воображения. Нужно, чтобы правительство смотрело на нас как на истинных граждан»[3]. Пожилой киргиз С. Каратаев со слезами на глазах говорил о бесправии российских мусульман и просил депутатов Думы проявить заботу о киргизах[4].

18 июня четвертое заседание съезда началось под председательством Али Мардан-бека. Основными вопросами в повестке дня были: Туркестанская область, не имеющая духовного управления, и ситуация в степях Киргизии. Али Мардан-бек предоставил слово Сахиб-Гирею Еникееву, прибывшему из Ташкента. Анализируя религиозные дела в области, Еникеев отметил, что

[1] Русские ведомости, 1914, 14 июня.

[2] Список участников IV мусульманского съезда в С.-Петербурге. 15–25 июня 1914 г. // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 8/23. CERCEC, EHESS, Paris, P. 1; Дополн. информ. см.: *Усманова Д.* Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 гг. М., 2005. С. 205.

[3] Более подробно о ходе IV съезда Российских мусульман см.: *Тагирджанова А.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010. С. 84–94.

[4] *Сенюткина О.Н.* Указ. соч. С. 456.

во времена Кокандского ханства в Туркестане были все религиозные титулы – шейх-уль-ислам, раис-колян, гази, имам и мулла, но после оккупации ханства все эти должности, кроме гази, были ликвидированы. По его мнению, такое положение привело к моральному разложению области, что и нашло отражение в восстании 1898 г. против государственных органов во главе с Ишаном Минтюбинским. Минтюбинский в своих предсмертных показаниях говорит о том, что «отсутствие заботливого внимания организованного духовенства мусульман послужило причиной падения нравственности, и только это обстоятельство побудило его взяться за подобное средство борьбы». Еникеев отметил, что 95% населения Туркестана составляют мусульмане, а образование получили только 9% местных граждан. В своем докладе Еникеев отметил, что такое положение нельзя считать нормальном и настаивал на создании в Ташкенте центрального религиозного учреждения, охватывающего всю область[1]. Следующим слово получил прибывший из Туркестана Саид Насир Мирджалилов, который отметил, что грамотность среди местных парней не превышает 10%, а о девушках и говорить не стоит. Докладчик описывает печальное положение туземцев в отношении просвещения. Мирджалилов заявил, что попытки учителей – татар и башкир – просвещать мусульман Туркестана получили отрицательную реакцию со стороны правящих органов и, не выдержав преследований, эти учителя покинули область. Очередной докладчик, С. Лапин, открыто заявил, что «население Туркестана в крайней степени деморализовано и вследствие этого доведено до такого экономического состояния, которое необходимо признать угрожающим. Объясняется все это отсутствием соответствующих органов управления, удерживающих жизнь мусульманина в нормальной, здоровой колее, а именно органов духовного самоуправления»[2].

О положении религиозных дел среди киргизов рассказали Джаханшах Сайдалин из Троицка и Султан Бахтджан Каратаев с Урала. Каратаев отметил, что в 60-х годах XIX столетия миссионер Ильминский «успел убедить правительство, что киргизы – не мусульмане, что они шаманы и очень легко их оправославить… Такая политика правительства, естественно, вызывала брожение умов среди киргизов, выразившееся сначала в волнении их 1869 г. и затем в глухой пассивной борьбе против даже самых благих, быть может, намерений»[3]. Выступивший по киргизскому вопросу Али хан Букейханов сказал, что начиная с 1902 г. воспитанник Ильминского Алекторов открывал школы для киргизов, однако он в этих школах преподавал киргизский язык на основе русского алфавита, что явилось одной из форм русификации населения. По мнению оратора фонетика тюркского (киргизского) языка корен-

[1] Протокол четвертого заседания IV съезда мусульман России. 18.06.1914 // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 8/23. CERCEC, EHESS. Paris. P. 1–4.

[2] Там же. P. 5.

[3] Там же. P. 14.

ным образом отличается от фонетики русского языка, поэтому эти школы себя не оправдали и местное население с предубеждением стало относиться к киргизско-русским школам. Благодаря такой политике правительства киргизы отнеслись к русско-киргизской школе отрицательно[1]. По результатам обсуждений было принято решение поднять перед властными органами вопрос об учреждении духовного управления в Туркестане. Букейханов отметил, что «нам надо объединиться и бороться за свои права теми способами, которые открывает нам наша конституция. Я надеюсь, что наше совещание согласно со мною в том, что никто не смеет покушаться на дела религии, она составляет интимную область нашей души, запретную кому бы то ни было»[2].

На съезде были приняты 10 резолюций по вопросам: перестройки духовного управления, организации работы религиозных учебных заведений и семинарий, о собственности вакфов, организация в некоторых мусульманских областях религиозных учреждений и религиозных судебных органов, которых там до сих пор не было и т.д. На этом съезде был составлен список 18 календарных мусульманских праздников, которые должны были отмечаться российскими мусульманами[3]. По ходу съезда был подготовлен для соответствующей комиссии Государственной думы обширный законопроект, регулирующий деятельность религиозных органов. За многие годы у российских мусульман набралось так много проблем, что 40 делегатов за 10 дней напряженной работы не успели обсудить все вопросы, предлагаемые в повестку дня[4]. 25 июня на последнем заседании Али Мардан-бек выступил с блестящей речью, в которой подверг критике всесторонне предвзятое отношение правительства к мусульманам[5]. Он отметил, что съезд завершает свою работу, однако проблемы мусульман остаются, и «мы расходимся по домам под давлением обстоятельств и с тяжелым сердцем. И всюду, куда мы придем, нас встретят с вопросами: “почему съезд закрылся? почему не впустили представителей прессы? в чем причина подобного отношения правительства к мусульманам?” И так далее». Али Мардан-бек подчеркнул: порой нам говорят, что мы, мусульмане, многого не знаем, и это правда, миссионеры о нас знают гораздо больше, чем мы сами, готовят за нас документы, отчеты, ищут пути ассимиляции. Не для того мы преодолели более трех тысяч верст пути, чтобы рассказать друг другу о недостатках духовного управления мусульман, мы и так это знаем, и все трудности испытали на себе; мы пришли для того, что-

[1] Протокол четвертого заседания IV съезда мусульман России. 18.06.1914 // Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 8/23. CERCEC, EHESS. Paris. P. 19.

[2] Там же. P. 20.

[3] *Тагирджанова А.* Указ. соч. С. 92–93.

[4] Топчибаши Али-Мардан бек. Биография. 16.12.1951 // Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 3. CERCEC, EHESS, Paris, P. 11; Toptchibachy Ali Mardan bek Ali Akbar bek oglou // Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 3.

[5] Биографические сведения об Али Мардан-беке Топчибашеве. Ч. I (в кратком изложении) // Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 17–18.

бы правительство выслушало нас, узнало про наши нужды и не игнорировало наше существование. Али Мардан-бек отметил, что после указа от 18 февраля 1905 г. мусульмане прислали более пяти сотен петиций, правительство переслало их «знатоку мусульманских дел» Череванскому. Али Мардан-бек заявил, что «о нас собирают совещание, обсуждают наши вопросы, нас осуждают, но выслушать нас, узнать наше мнение не желают. Вспоминая прошлое, Али Мардан-бек сказал: «Здесь не могу не припомнить, как бывший председатель Комитета министров, которому кавказские мусульмане в лице своих представителей подавали в 1905 г. петицию, ознакомившись с последней, пожал плечами и сказал: «Первый раз слышу, что мусульмане так ограничены в правах». Нас не только игнорируют, но и не доверяют нам. Основная причина – это то, что мы мусульмане. Этот вероисповедный взгляд красною нитью проходит особенно через все отношение правительства к нам и вот почему мы, мусульмане, – не граждане, и не дети общего отечества, а лишь мусульмане, последователи ислама, пасынки страны». Хотя, по его мнению, когда родина в опасности, мусульмане вместе с другими народами не оставляли ее в беде. В качестве примера Али Мардан-бек припомнил, как в годы Отечественной войны полк крымских татар вместе с Александром I вошел в Париж, башкирские всадники воевали в первых рядах, а в охране всех русских царей, вплоть до Александра III, обязательно находился отряд кавказцев. После этих воспоминаний Али Мардан-бек заявил, что быть мусульманином – не столь большой грех, «ибо мы были мусульманами, остаемся ими и будем всегда мусульманами (эти слова вызвали бурю аплодисментов. – *Дж. Г.*). Равным образом, мы считаем и будем продолжать считать исповедуемую нами религию – ислам – общечеловеческой религией, не заключающей в себе ничего противогосударственного». Али Мардан-бек сказал, что отношение российского правительства к мусульманам наиболее выпукло прослеживается на примере Государственной думы. Он напомнил, что в I Думе мусульмане заняли 36 мест, в III Думе – 10, а в IV Думе всего 8 мест. Затем Али Мардан-бек представил съезду проекты 10 резолюций, связанных с жизнью российских мусульман: 1. Об образовании новых Духовных правлений в Туркестане и на Северном Кавказе; 2. Об упорядочении религиозных дел в киргизских областях; 3. О скорейшем разрешении открытия в местностях с мусульманским населением медресе, духовных семинарий; 4. О прекращении преследований на местах преподавателей мусульманских духовных училищ – муаллимов и мударрисов; 5. О допущении к преподаванию в духовных училищах мусульман, получивших образование за границей; 6. О скорейшем урегулировании в Закавказье вопроса о выдаче метрических свидетельств о событиях рождения, брака и смерти лиц; 7. О предоставлении земельных наделов там, где киргизы оседают; 8. О разъяснении всем должностным лицам и присутственным местам Кавказа о праве мусульман находиться во всех местах в головном уборе; 9. О невозможности для мусульман внесения каких-либо изменений в поря-

док и способы убоя скота ввиду внесенного в Государственную думу законодательного предложения; 10. О предоставлении мусульманскому населению Туркестана и киргизских областей избирательного права, которое дало бы им возможность иметь своих представителей в законодательных учреждениях. Кроме этих резолюций Али Мардан-бек озвучил также предложение делегатов съезда: местным медицинским учреждениям не отказывать в выдаче медицинских справок о физическом здоровье молодым людям, собирающимся вступить в брак. Каждая зачитанная Али Мардан-беком резолюция и его комментарии к ним сопровождались бурными аплодисментами, которые свидетельствовали, что резолюция принимается[1]. Вот так, заключительным словом Али Мардан-бека IV съезд мусульман России был объявлен закрытым, хотя работу свою завершить не успел.

Последний съезд Всероссийских мусульман открылся в Москве 1 мая 1917 г. Собравшиеся на съезд делегаты были едины в вероисповедании, но в этнонациональном отношении их состав был очень пестрым. Здесь и кавказские тюрки, татары из Поволжья, Сибири, Урала вплоть до Крыма, киргизы, башкиры, туркмены, узбеки, горцы и даже представители Восточного Туркестана[2]. Только женщин – делегаток из Поволжья, Крыма, Кавказа, Киргизии, Сибири и других мест было около 100 человек. Три четверти из них или учились в высших учебных заведениях или уже завершили образование[3]. В повестку дня съезда были включены вопросы, волновавшие российских мусульман: форма государственного устройства страны, национально-культурное самоопределение, отношение к войне, Учредительное собрание, женский, рабочий и аграрный вопросы, проблема окраин, формирование вооруженных сил страны, тактика предвыборной кампании в Учредительное собрание, организация помощи жертвам войны, выборы во Всероссийский мусульманский совет и др. Для решения этих вопросов были созданы отдельные комиссии и секции, кроме того, работали финансовая, мандатная и редакционная комиссии[4]. После решения ряда организационных вопросов А. Цаликов, поприветствовав делегатов от имени Временного центрального бюро российских мусульман, предоставил слово профессору Сергею Котляревскому – представителю Временного правительства, комиссару по делам граждан неславянской национальности и иноверным исповедованиям. Кот-

---

[1] Речь, произнесенная А.М. Топчибашевым 25 июня 1914 года на IV мусульманском съезде // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 8/23. CERCEC, EHESS. Paris. P. 1–5; Дополн. информ. см.: *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007. С. 457.

[2] Бюллетень № 1 редакции Московского Всероссийского съезда мусульман. Май, 1917 // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/II. CERCEC, EHESS. Paris. P. 1–2

[3] См.: Там же. P. 6.

[4] Повестка дня, составы комиссий и регламент Московского Всероссийского съезда мусульман. 02.05.1917 // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/II. CERCEC, EHESS. Paris. P. 1–3.

ляревский объявил, что перед всеми народами России открываются новые горизонты, что даже название управления «по делам иноверцев» теперь изменено, и после этого не будет никаких препятствий мусульманам в делах веры, особая забота будет уделена вопросам национального языка и школы. Свое выступление профессор Котляревский закончил лозунгом: «Да здравствуют свободные народы великой свободной России!»[1]

Слово для ответа представителю правительства от имени президиума предоставили А.М. Топчибашеву, который по-русски поблагодарил Котляревского за поздравления, но отметил, что от Временного правительства мусульмане в первую очередь ожидают получить свободу для своих стран. Али Мардан-бек по достоинству оценил обещания члена правительства, но заметил, что учреждение, называемое «управление по иноверным исповеданиям», довольно темное для мусульман, однако все прекрасно знают о тех черных делах, которые там творятся. Топчибашев сказал: «Российские мусульмане, которых миллионы от Алтайских гор до Черного моря, Ирана и Туркестана, святые чувства которых топтались и оскорблялись царским правительством, с благоговением носили в себе идею свободы совести. История попрания мусульманских чувств, связанных со свободой совести, была передана управлению по чуждым религиям, которую сегодня государственный чиновник представляет. Это было горькое для нас учреждение. В дни свободы мы читали телеграммы о закрытии управлений тайной полиции и жандармерии. И когда пришла телеграмма о закрытии управления по чуждым религиям, мы сказали, что так и надо, таким и должен быть конец подобного учреждения. Здесь вы найдете черную книгу, объясняющую, почему миллионы мусульман в России более шести столетий преследуются, содержатся под надзором на своей земле, почему они смеют поднять свой голос и почему вы не слушаете их стенания. Правда, они не смели кричать, но они рыдали в тиши своей души, терпя эти издевательства. Но однажды, все же солнце взойдет, думали они, и вы увидите наш заклейменный полицией народ и поймете, что такой народ не должен жить в рабстве. Освещенные лучами духовного и морального воспитания, данного нам умным и великим нашим Пророком, мы готовы идти по пути, предписанному нам судьбой, рука об руку с соседними народами… Теперь единственное, что пугает нас, это ваша неосведомленность, которая может нам навредить. Дела правительства должны строиться на доверии к нам. Тогда и мы отнесемся к нему с почтением, и будем уверены, что наш голос будет услышан»[2]. Под гром аплодисментов Али Мардан-бек продолжал: «Мусульмане, уже пять столетий находящиеся в подчинении России, до сего дня не видели от правительства ни добрых слов, ни ласкового обращения.

[1] См.: İhsan İlgar. Rusiya'da Birinci müslüman Kongresi tutanakları. Ankara, 1990. S. 48–57; Бюллетень № 1 редакции Московского Всероссийского съезда мусульман. Май, 1917 // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/II. CERCEC, EHESS. Paris. P. 2–3.

[2] İhsan İlgar. Rusiya'da Birinci müslüman Kongresi tutanakları. Ankara, 1990. S. 57–58.

После стольких лет ожидания терпеливые мусульмане, конечно же, подождут и до Учредительного собрания. Но есть один нюанс, о котором следует сказать. Боюсь, что Временное правительство вновь повторит прошлые ошибки. До сих пор считалось, что достаточно дать мусульманам моллу и мечеть, и ничего больше они не попросят. Но времена изменились. Понятие «мусульманство» хоть и имеет религиозный окрас, но по сути и содержанию обладает характерными чертами понятия «народ». Статьи, содержащие требования мусульман, фактически несут в себе национальные требования. Конечно, вопрос автономии будет решать Учредительное собрание. Однако правительство уже сейчас должно понять, что мусульмане должны быть автономны при решении вопросов религиозных и национальных, сами должны определять свою судьбу. Пусть правительство вернет отнятые у нас земли вакфа. Тогда мы сможем сами удовлетворить наши потребности в национальной школе. Несомненно, мы подождем до Учредительного собрания, но пойдем туда, чтобы требовать свою автономию»[1].

Всероссийский съезд мусульман продолжался до 10 мая. В этот день, на 12-м заседании, под председательством Фатиха Керимова состоялось обсуждение вопроса о предстоящих выборах в Учредительное собрание. В резолюции съезда по этому вопросу указано, что еще до выборов мусульмане должны оформить союз, объединение всех демократических партий. Съезд решил создать национальный совет, представляющий все мусульманские области с целью координации действий на выборах в Учредительное собрание. В этот совет предполагалось ввести по семь представителей от Туркестана, Бухары и Хивы, по пять представителей от Кавказа и Казахстана, от литовских татар – один и от татар Центральной России – десять человек[2].

Летом 1917 г. стал углубляться общенациональный кризис в России. Временное правительство во главе с А. Керенским провело в Москве 12 августа 1917 г. государственное совещание. 2414 участников, в том числе 488 депутатов Государственной думы всех четырех созывов и представители 58 национальных организаций прибыли на совещание. Али Мардан-бек, как глава Бакинского комитета Мусульманских общественных организаций выполнявшего функции Национального комитета мусульман Южного Кавказа, также был командирован на это совещание[3]. В зале присутствовали 34 делегата от Кавказа, Крыма, Поволжья и Туркестана. На своем собрании 13 августа они обсудили и одобрили доклад Топчибашева, подготовленный от имени всех мусульман[4]. Совещание длилось до 15 августа. Сперва выступили А. Ке-

[1] Газета «Ачыг сез». 1917. 23 мая.

[2] Ачыг сез. 1917. 13 июня.

[3] Toptchibachy Ali Mardan bek Ali Akbar bek oglou // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 4.

[4] Каспий, 1917, 24 августа; Биографические сведения об А.М. Топчибашеве. Ч. I (краткое изложение) // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 20.

ренский и Л. Корнилов, выступление которых предвещало введение военной диктатуры. 14 августа слово взял А.М. Топчибашев, представлявший на московском совещании Всероссийский мусульманский совет, Всероссийский мусульманский военный совет, Бакинский комитет мусульманских общественных организаций, выполнявший функции Национального комитета Южного Кавказа, Центральный комитет объединения горцев Дагестана и Северного Кавказа, Туркестанский краевой совет, Крымский краевой комитет, Киргизский и Башкирский краевой совет, одним словом, в качестве лидера российских мусульман. Он сказал, что в нынешнее революционное время 30 миллионов мусульман со всех концов России, объединившись в вышеперечисленные мусульманские демократические организации, считают своим долгом перед лицом всех народов свободной России, Временным правительством и революционной демократией говорить о волнующих их проблемах общегосударственной жизни. Али Мардан-бек отметил, что обычно молчаливое, но всегда кричавшее в своем молчании многомиллионное мусульманство России находит нужным быть услышанным в настоящем высоком собрании не для того, чтобы заговорить о вопивших о себе веками и вопиющих и ныне нуждах своих, не для того, чтобы сетовать на несоответствие роли мусульман в государственно-общественной жизни страны, а в полном сознании своего гражданского долга перед родиной. Мусульмане возвышают свой голос, чтобы идти навстречу призывам гражданина министра-председателя и на вопрос его: «Где же вы?» – ответить: «Мы, мусульмане, были и остаемся на своем посту, на посту многомиллионной части государства Российского, не уклоняющейся от выполнения своих обязанностей и требований государства. Едва показалось над Россией солнце свободы, как мусульманские народы, сбросив с себя ненавистные цепи деспотизма, воспрянули духом и с ликованием, надеждой на лучшую жизнь стали в ряды самых горячих сторонников нового строя на демократических началах, и не только сторонников, но и защитников олицетворяющего этот строй Временного правительства, решив всемерно поддерживать все начинания народной верховной власти и идти по пути свободы вместе с революционной демократией». Али Мардан-бек завел речь о несправедливостях в отношении мусульманских народов, о жестком отношении к 83 тысячам киргизов, которые решили вернуться из Китая на родину, в Семиречье, о нарушении прав мусульман при дележе продуктов в Туркестане и Крыму, о недостойных методах преследования на Кавказе в агрессивных целях, причем эти вопросы поднимаются не впервые. Он подчеркнул: «Но мусульмане не сойдут с указанного пути в полной надежде на лучшее будущее, как залог торжества завоеваний великой русской революции». С высокой трибуны Государственного совещания Топчибашев объявил, что во имя блага родины следует сказать вместе со всей революционной демократией: «Почетный мир, без аннексий и контрибуций, на основах свободного самоопределения народов мусульмане кладут в ос-

нование форм государственного устройства, оставляя разрешение самого вопроса до Учредительного собрания, на котором они будут отстаивать для окраин федеративное устройство».

Касаясь вопроса формирования власти на коалиционной основе, Али Мардан-бек подчеркнул, что мусульмане считают такой подход единственно верным для России. Он отметил, что только такое правительство под идейным контролем всех наличных сил в стране сможет создать должный порядок. Что же касается местных органов управления, он сказал, что мусульмане поддерживают принцип предоставления местным субъектам власти самой широкой автономии. Али Мардан-бек отметил, что Учредительное собрание следует, не откладывая, открыть в намеченный срок – 27 ноября, чтобы решить наконец вопрос о форме государственного строительства, назревшие аграрный и рабочий вопросы в пользу интересов трудящихся. Что же касается самого слабого места – национального вопроса, Али Мардан-бек выразил надежду, что в свободной и демократической России, как и в европейских странах, утвердится идея равенства и братства, и день этот недалек. В конце выступления, обращаясь к представителям Англии и Франции, сидящим в специальной ложе, он пожелал, чтобы их мусульманские подданные также получили право на свободную политическую жизнь и самоопределение. Только тогда «мы сможем громко сказать: «Ex oriente lux» – «Солнце восходит на востоке»[1].

Начиная с осени 1917 г. мусульмане Южного Кавказа, возглавляемые Али Мардан-беком, стали активно готовиться к выборам в Учредительное собрание. Под председательством А.М. Топчибашева в Гяндже состоялись обсуждения, в результате которых был образован блок Мусульманского национального комитета и партии «Мусават», составлен и утвержден список кандидатов от этого блока, в который вошел и Али Мардан-бек. Он был также выдвинут кандидатом от Сырдарьинской области. Этот факт говорит о том, что в политической жизни российских мусульман Топчибашев играл ведущую роль.

Восстание 1916 г. и национальные политические организации Туркестана

Восстание 1916 года в Туркестане, как известно, происходило на фоне драматических событий Первой мировой войны, в которую волею судьбы было втянуто и мусульманское население края.

Российская империя, как одна из активных участниц этой мировой бойни, в полной мере испытала на себе всю ее тяжесть, весь ее кошмар, всю ее пагубность и те необратимые бедствия, те непоправимые катастрофические

[1] Государственное совещание (Стенографический отчет). С предисловием Я.А. Яковлева. М.–Л., 1930. С. 185–188; Биографические сведения об А.М. Топчибашеве. Ч. I (краткое изложение) // Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, carton n° 6/2. CERCEC, EHESS. Paris. P. 20–21.

последствия, к которым постепенно, но неуклонно вела страну эта затянувшаяся война.

С началом военных действий Российская империя и Туркестан, как ее часть, оказались в крайне сложной социально-экономической ситуации. В стране и в крае обозначались явные признаки кризиса экономической жизни, продовольственного дефицита и начинающегося голода.

В этот период во многих городах Туркестана активизировали свою деятельность уполномоченные по заготовке сырья, продовольствия, топлива для промышленности и армии. С 1914 по 1916 г. из Туркестана было вывезено 41 млн пудов хлопка, свыше 3 млн пудов хлопкового масла, 200 тыс. пудов жмыха, сухофруктов, миллионы голов овец и других пород скота[1].

В крае осуществлялось скрытое ограбление народа через систему ценовой политики и налогового обложения. Безудержно росла инфляция. В 1916 г. по отношению к 1915 г. цены на зерно повысились на 300%, на рис и сахар – до 250%, на хлеб – в 4 раза, одежду и обувь – на 200–350%[2].

Еще накануне восстания правительство России приняло закон о нормировании цен на хлопок, вследствие чего туркестанские дехкане только за 1915 г. потеряли около 60 млн руб[3].

Резко возросло число повинностей и налогов. К примеру, по многим видам налогов, взимаемых с сельского населения, объем требуемой суммы поднялся до 66%. На хлопок был введен специальный налог. Население облагалось также специальными налогами на поддержание дорог и ирригационных сооружений в исправном состоянии.

Кроме налогов, были введены так называемые «добровольные сборы», за счет которых собирались для нужд фронта дополнительные деньги. У населения реквизировались и запасы продовольствия, одежда, орудия труда, скот, лошади и т.д.[4] Как отмечал один из очевидцев тех событий: «…цены на предметы первой необходимости выросли неимоверно; мобилизация лошадей следовали одна за другой; …число разорившихся дехкан достигает несколько сот тысяч»[5].

В результате, как писал генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин в своем рапорте царю: «…за долги у туземцев продавали во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь»[6].

---

[1] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1149. Л. 150–151.

[2] *Чариев З.У.* Усиление колониальной политики и национального гнета и их последствия в Туркестане в начале XX века (на примере мобилизации на тыловые работы): Автореф. дис… докт. ист. наук. Ташкент, 1999. С. 30.

[3] *Понятовский С.* Нормировка цен на хлопок и преследуемые ею цели // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 5. С. 453.

[4] См.: *Чариев З.У.* Указ. соч. С. 30.

[5] Цит. по: *Шестаков А.В.* Восстание в Средней Азии в 1916 году (к десятилетию событий) // Историк-марксист. М., 1926. Т. 2. С. 90.

[1] Цит. по: *Климович Л.* Ислам в царской России. М., 1936. С. 347.

Все это, вкупе с почти неуправляемым ростом военных расходов, огромными людскими потерями, развалом транспортной системы, хозяйственной разрухой, хищениями и паникой путаницей в высших эшелонах власти, создавало условия для небывалого социального взрыва и народного недовольства в Туркестане и других частях многонациональной России.

Указ императора Николая II «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» был подписан 25 июня 1916 г. Целью указа являлось «…обеспечение рабочей силой ряда оборонительных сооружений, военных предприятий; расширение возможности призыва на фронт русских рабочих, занятых на этих работах и предприятиях, путем замены их “инородцами”»[1]. Данный указ не предусматривал формирование военных подразделений из числа туркестанских мусульман, к которым официальные власти, особенно после имевших место крупных восстаний второй половины XIX в., не испытывали большого доверия.

«Пребывание инородцев в армии, – докладывало Военное министерство русскому правительству в 1915 г., – не сделает их преданными России, но научит действовать оружием, поэтому не следует засорять ряды русской армии подобными инородцами. Исторический опыт показал, что попытки формировать на окраинах туземные части приводят к одному и тому же результату: эти части приходится расформировать, как только в данной окраине начинает обостряться национальный вопрос»[2].

Однако необходимость решения многих проблем, вызванных тяготами войны, вынуждало правительство «…в кратчайшие сроки и при минимальных затратах обеспечить отправку мужской половины «инородческого» населения края на тыловые работы»[3]. 29 июня в Ташкенте была получена правительственная телеграмма, где указывалась конкретная цифра – 250 тыс. человек, отправку которых на эти работы должны были обеспечить ташкентские власти.

2–3 июля 1916 г. в Ташкенте было проведено совещание с участием военных губернаторов областей и крупных чиновников колониальной администрации. На нем был намечен наряд рабочих по областям и разработаны меры по организованной отправке населения на тыловые работы[4].

Сам процесс так называемой «организованной» отправки населения на тыловые работы вызвал серьезный протест среди простых людей. Дело в том, что согласно дополнениям и комментариям к Указу от 25 июня, некоторые категории имущих слоев населения освобождались от набора. Кроме того,

---

[2] *Чариев З.У.* Указ.соч. С. 32.

[3] Цит.по: *Климович Л.* Указ. соч. С. 347.

[3] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1127. Л. 1–5; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1110. Л. 101–113.

[4] См.: *Чариев З.У.* Указ. соч. С. 32–33.

ташкентская колониальная администрация дала указание, что любой «туземец» может нанять вместо себя другого человека на работу по наряду, чем и воспользовались многие состоятельные люди[1].

В одном из донесений начальнику Туркестанского районного охранного отделения в этой связи говорилось: «Среди туземного населения замечается возбуждение вследствие распространившегося слуха, что состоятельным и интеллигентным туземцам будет предоставлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по набору в команды для окопных работ. В чайханах и т.п. заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправиться самосудом с богачами»[2].

Эти события послужили поводом к началу одного из самых крупных на территории Российской империи народных восстаний периода Первой мировой войны.

Первое открытое выступление населения против набора на тыловые работы состоялось в Ходженте в начале июля. Вслед за этим восстание охватило практически все области, входившие в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Одним из наиболее масштабных и организованных было выступление в Джизаке. Российское правительство, весьма обеспокоенное этими событиями, предприняло срочные меры к подавлению восстания.

17 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении. В Ташкенте и других местах начались массовые аресты участников восстания, которые привлекались к судебной ответственности как уголовные преступники. Официальные власти, предвидя неизбежность массового недовольства населения указом, подготовили специальные правила применения вооруженной силы в зависимости от характера сопротивления. Во многих местах были утверждены инструкции, где говорилось, что «…при активных выступлениях масс чин администрации передает дальнейшую расправу начальнику карательного отряда, который и действует в зависимости от обстоятельств, вплоть до расстрела»[3].

В городах и других населенных пунктах Туркестана начали формироваться карательные отряды, значительно пополняться военные гарнизоны и полицейские части. В эти дни против восставших было брошено около 15 батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 68 пулеметов[4].

Начался разгул репрессий, сопровождавшийся арестами, конфискацией имущества и расстрелами активных участников выступлений, которые, как отмечалось во многих полицейских отчетах, своими действиями угрожали жизни представителям администрации и русского населения края.

---

[1] ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 2. Д. 660. С. 9–10.

[2] Восстание 1916 года в Туркмении: Документы и материалы. Ашхабад, 1938. С. 31.

[3] Там же. С. 71.

[4] См.: *Чариев З.У.* Указ. соч. С. 36.

В частности, в докладе военного губернатора Ферганской области Иванова в декабре 1916 г. сообщалось, что еще 9 июля текущего года «при объявлении в мечети "джами" 2-й части г. Андижана Высочайшего повеления, толпа туземцев, около 500 человек, категорически отказалась дать рабочих, причем угрожала перерезать всю туземную администрацию, после чего устремилась по направлению к русской части города, бросая в препятствовавших движению толпы казаков и полицию камнями, кетменями и палками, почему по приказанию начальника уезда, дабы воспрепятствовать дальнейшему движению толпы к русской части города, был открыт ружейный огонь, и толпа рассеялась, оставив троих убитых и 8 раненых»[1].

В те дни подобные и значительно более крупные инциденты происходили практически по всему Туркестану. Разумеется, такого рода события «развязывали руки» представителям силовых структур колониальной администрации, что приводило к большим, часто неоправданным жертвам среди мусульманского населения края. Восстание, которое постепенно приобретало (невзирая на жесткие методы подавления) все более широкий размах, заставляло власть думать о возможных серьезных последствиях, могущих губительно отразиться на ее авторитете в крае и стране в целом.

Эти соображения все же вынудили императора принять в августе 1916 г. решение о временном приостановлении набора туркестанцев на тыловые работы. Данное решение было вызвано в том числе и тем, что определенная часть русской общественности Туркестана была возмущена чрезмерным и не всегда обоснованным использованием силы в ходе реализации известного указа и сочувственно относилась к крайне тяжелому положению местных мусульман.

Тем не менее отправка коренного мусульманского населения на тыловые работы со второй половины сентября возобновилась и продолжалась вплоть до Февральской революции 1917 г. 5 февраля 1917 г. Временное правительство приняло постановление о возвращении всех тыловых рабочих на родину. Этому во многом способствовали, как уже отмечалось, протесты и обращения представителей либеральной русской общественности в адрес властей. Так, из Петербурга 18 марта 1917 г. на имя министра земледелия Временного правительства Андрея Ивановича Шингарева было направлено письмо от молодых активистов Туркестанского землячества[2].

В письме говорилось: «Мы, уроженцы Туркестана, более других осведомлены и знакомы с жизнью в Туркестане, в частности с жизнью туземного населения.

Мы пережили волнения 1916 г., и причина их нам ясна: общий полицейский режим, прежняя система управления с ее административным произ-

[1] Цит.по: *Климович Л.* Указ. соч. С. 352.

[2] Туркестанское землячество объединяло студентов – выходцев из Туркестанского края, обучавшихся в Петербурге, Москве, Киеве и других городах России.

волом… По официальным сведениям, из Туркестана вывезено до 200 тысяч рабочих. Эти 200 тыс. разбросаны по всей России… Почти все они попали в самые неблагоприятные как бытовые, так и климатические условия: голодают, ибо не привыкли к местной пище; мерзнут за недостатком одежды и отсутствием средств для покупки ее; болеют и… не оправдывают возлагавшихся на них надежд в том отношении, что они вовсе не подготовлены и не знакомы с работой на фабриках и заводах…

С другой стороны, отправка на родину взятых на работу туземцев вызывается чисто психологическими соображениями: ведь не исключена возможность повторения волнений и текущим летом… Если волнения заглохли в прошлом году, то достигнуто это было слишком свирепыми мерами, характерными для прежней власти.

Остается фактом то обстоятельство, что налаженные с 1865 г. отношения между туземным населением и русскими испорчены, и теперь между обеими национальностями Туркестана нет доверия друг к другу…

Помимо указанных соображений, мера отправки туземцев обратно на родину диктуется чисто практическими соображениями: в коренных областях Туркестана из боязни голода и недостатка рабочих рук культура хлопка приостанавливается и на хлопковых полях засевают хлеб…

Не медлите, ибо в Туркестане уже идут полевые работы!

Обратим внимание на предостерегающий голос уроженцев Туркестанского края!»[1]

Особое место в общественно-политической жизни Туркестана этого периода занимали мусульманские прогрессисты-джадиды (Махмудходжа Бехбуди, Убайдулло Ходжаев, Абдурауф Фитрат, Мунаввар-кары Абдурашидханов, Обиджон Махмуд, Абдулла Авлоний, Шоислам Шоахмедов, Исхакхан Ибрат и др.), мечтавшие о достижении национальной свободы, модернизации традиционного общества и адаптации его к современным условиям начала XX в.

Будучи искренними патриотами своего края, они в то же время не были сторонниками стихийных и вооруженных выступлений против официальной власти. Прогрессисты-джадиды в своем большинстве считали, что слабоорганизованные и разрозненные восстания, направленные против значительно более мощных вооруженных сил России, с самого начала обречены на поражения.

Именно поэтому основная их часть не принимала активного участия в событиях 1916 г. Вместе с тем, безусловно, эти события не могли оставить их равнодушными и с болью отразились в их сердцах. В эти дни многие джадиды, представители национальной политической и интеллектуальной элиты Туркестана пытались облегчить участь тех, кто был призван на тыловые работы.

[1] ЦГА РУз. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 41. Л. 78–79.

Так, в июле 1916 г. Убайдулло Ходжаев, редактор газеты «Туркестанский голос» А.А. Чайкин и будущий председатель правительства Туркестанской автономии Мустафа Чокаев прибыли в Петербург. От имени жителей Андижана они просили депутатов Государственной думы приехать в край и на месте разобраться, как идут дела с набором на тыловые работы, а если возможно, вообще отменить Высочайшее повеление[1].

29 июля 1916 г. в Петербурге под председательством М.В. Родзянко состоялось совещание депутатов Государственной думы по вопросам мобилизации населения на тыловые работы. Совещание приняло решение направить в край свою комиссию, состоявшую из председателя мусульманской фракции Государственной думы, К.Б. Тевкелева, а также председателя фракции трудовиков А.Ф. Керенского, которые уже в августе 1916 г. прибыли в Ташкент в сопровождении Ш. Мухамедиарова, М. Чокаева[2] и одного из ярких представителей национального движения Туркестана, руководителя Ташкентского комитета по набору на тыловые работы, адвоката У. Ходжаева. Надо заметить, что, работая в данном комитете, У. Ходжаеву удалось собрать большой материал, во многом разоблачающий деятельность колониальной администрации в ходе реализации императорского указа от 25 июня.

Начальник Туркестанского районного охранного отделения полковник Волков в эти дни писал: «Убайдулла Асадулла Ходжаев, сарт Ташкента, частный поверенный, постоянно проживает и работает в г. Андижане – сотрудник и пайщик газеты… 10 августа сего года Ходжаев прибыл в г. Ташкент с членом Госдумы Тевкелевым и поселился с ним в гостинице «Националь». За время нахождения в пределах края членов Государственной думы Тевкелева и Керенского он неотступно сопровождал их во всех поездках по Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областям и служил посредником. По сформировании комитета по призыву сартов на окопные работы Ходжаев был избран председателем Ташкентского комитета и во время поездок генерал-губернатора (Куропаткина. – *А. Р.*) по краю представлял его высокопревосходительству прошения и жалобы местных жителей на злоупотребления чинов администрации. Ходжаев имеет большое число приверженцев как в городе Ташкенте, так и в Ферганской области»[3].

Между тем участие У. Ходжаева и других джадидов в комитетах по набору на тыловые работы в свое время некоторыми советскими исследователями фактически интерпретировалось как предательство интересов собственного народа. В частности, в известной работе Люциана Климовича «Ислам в цар-

---

[1] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 76.

[2] Там же. С. 77.

[3] Цит.по: *Садыков Х.Д.* Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за национальную независимость в начале XX века: автореф. дис… докт. ист. наук. Ташкент, 1994. С. 27.

ской России» утверждалось, что «…джадиды и различные “мусульманские национально-культурные общества” и т.п. организации в основном выполняли ту же роль, что и официальные круги мусульманского духовенства. Например, двумя видными туркестанскими джадидами в связи с призывом “инородцев” в тыловое ополчение была издана на узбекском языке брошюра, которая в стихотворной форме ратовала за необходимость исполнения указа российского самодержца.

“Да здравствует царь…” – таков был основной лозунг этой брошюры»[1].

.Но в то же время имевшие место факты сотрудничества представителей политизированной части мусульманского населения с официальной властью, в том числе в связи с событиями 1916 г., целым рядом других авторов объяснялись прежде всего необходимостью защиты прав и свобод туркестанских мусульман в сложившихся условиях, а также искренним желанием смягчить то тяжелое бремя, которое выпало на их долю[2].

Благодаря усилиям У. Ходжаева, М. Чокаева, М. Бехбуди, М. Абдурашидханова известия о драматических событиях, которые происходили в Туркестане в этот период, получили достаточно широкую огласку. Вместе с членами комиссии Госдумы они провели опрос участников восстания в Ташкенте, Самарканде, Джизаке, Андижане и Коканде, собрав важные показания и свидетельства.

По результатам проведенной работы состоялось два специальных заседания (13 и 15 декабря 1916 г.) V сессии Государственной думы IV созыва[3]. На этих заседаниях депутаты подвергли резкой критике политику правительства и действия ташкентской администрации, предав гласности также имевшие место факты коррупции, жестокости и несправедливости властей. Так, один из депутатов, завершая свое выступление, особо подчеркнул, что «…если политику правительства и местной администрации не выдернуть с корнем и если не будет обеспечено иное управление краем и не восторжествует справедливость, то здесь в дальнейшем возможны более грозные восстания»[4].

Восстание 1916 г. не могло не повлиять на дальнейшее развитие национального движения в Туркестане, вовлекая в этот процесс в том числе наиболее пассионарную часть туркестанской молодежи в лице прогрессистов-джадидов. Еще до начала этого восстания в крае стали появляться совершенно новые для этих мест общественно-политические объединения («Тарбия-йи-атфол», «Падаркуш», «Умид», «Нашри-Маориф», «Баракат», «Гайрат», «Тараккий парвар» и др.), инициаторами создания которых были молодые туркестанские прогрессисты.

---

[1] *Климович Л.* Указ. соч. С. 352.

[2] *Садыков Х.Д.* Указ. соч. С. 28.

[3] См.: *Котюкова Т.В.* Туркестан и Государственная дума Российской империи. Аспекты взаимодействия. Ташкент, 2003. С. 43–45.

[4] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 339.

Туркестанские прогрессисты-джадиды, многие из которых получили современное образование, прекрасно сознавали, что в условиях колониальной отторгнутости, невежества и нетерпимости ожидать духовного пробуждения, конечно же, нелепо и наивно. Опыт неудавшихся восстаний конца XIX века позволил им сделать вывод о необходимости консолидации национальной энергии на качественно ином уровне. В первый период своей деятельности джадиды сосредоточили основное внимание на реализации просветительских изысканий и установлении более тесных контактов с сопредельным мусульманским миром.

Первые национальные организации туркестанцев еще не имели своих, достаточно продуманных и отработанных уставов и программных документов; им зачастую недоставало политического опыта, а иногда и необходимого профессионализма. Однако этот пробел, как уже отмечалось, восполнялся наличием активных и глубоких связей с сопредельным миром, а также знакомством с установками и рекомендациями ранее состоявшихся общероссийских мусульманских форумов. Практическая реализация этих установок и рекомендаций постепенно приводила к тому, что грань между сугубо просветительскими изысканиями джадидов и их политической деятельностью начинает заметно стираться.

Они приходят к пониманию того, что задачу национального возрождения и будущего устройства туркестанского общества можно будет решить только при условии ликвидации деспотии и колониальной зависимости; учреждения парламента (маджлиса) и создания эффективного правительства; развития культуры, науки и распространения современной цивилизации; обеспечения социальной справедливости и укрепления основ национального единства.

Становится очевидным, что без создания качественно новых национально-политических организаций, способных стать во главе движения сопротивления, решить поставленные проблемы будет невозможно.

После восстания 1916 г. и последовавших вскоре событий, связанных с Февральской революцией, которая оказала огромное влияние на умонастроения туркестанцев, заметную роль в политической жизни края стали играть такие организации, как «Шуро-и-Исломия» («Совет ислама» или «Исламский совет»), «Турк адами марказият фиркаси» («Партия туркестанских федералистов»), «Шуро-и-Уламо» и др.

К этому времени также уже оформились организации: «Озод халк», «Мифтах-ул-маориф», «Хуррият», «Маърифат-ва-шариат», «Иттифок-исломия», «Тижорат-ул-ислом», «Сано-ул-Ислом», «Хаддод-ул-Ислом» – в Андижане; «Мирваж-ул-Ислом» – в Самарканде; «Равнак-ул-Ислом», «Гулистон» – в Каттакургане; «Муайин ат-толибин» – в Ходженте; «Джамият Исломия» – в Намангане и т.д.[1]

[1] См.: *Валидий Закий.* Уюшмаган миллат инқирозга маҳкум // Турон тарихи. Мерос, 1992. Б. 21; а также: Кенгаш. 1917. 19 июля.

Эти организации, членами которых были представители образованной части духовенства, учителя, писари, казначеи, купцы, ставили перед собой довольно широкий круг задач. Так, в программных положениях самаркандского общества «Мирваж-ул-Ислом» говорилось о необходимости улучшения быта, совершенствования деятельности школ, мечетей и мадраса; урегулирования вопросов вакфа; помощи неимущим, детям, старикам и вдовам; борьбы с воровством, пьянством, взяточничеством, чрезмерными и неоправданными расходами в дни свадеб и похорон[1].

В этот период также активизируется деятельность организации «Турон», в работе которой принимали участие видные туркестанские и кавказские прогрессисты: Мухаммадамин афанди-зода, Низомиддин афанди, Абдулла Толиб Орифжонов, Абдулла Авлоний, Убайдулла хужа Турсун хужа угли, Исроилжон Иброимжон угли, Абулкосим Аминзода, Мухаммаджон Пошохужаев, Мусихон Мирзахонов и др.[2]

Однако все же наиболее значительной из национальных организаций, действовавших в те дни, была «Шуро-и-Исломия». Следует заметить, что появление названной организации было, безусловно, одной из первых серьезных попыток национальных политических сил интегрировать и сплотить разрозненные общества и союзы с целью создания более мощной и эффективной организационной структуры, могущей реально и действенно защищать интересы мусульманского населения Туркестана.

Становление новой национальной организации было не случайным явлением, а закономерным следствием всей эволюции политической мысли народов Туркестана. У ее истоков стояли люди достаточно разных мировоззренческих ориентаций – от прогрессистов-джадидов до религиозных традиционалистов.

Но было и нечто общее, что объединяло их; этим общим было чувство неудовлетворенности настоящим и жажда перемен (которые, разумеется, понимались не всегда одинаково).

«Шуро-и-Исломия» организационно оформилась 9 марта на собрании (проходившем в Старом Ташкенте), созванном обществом «Турон». За короткий срок «Шуро-и-Исломия» создает свои филиалы в Коканде, Андижане, Намангане, Скобелеве, Маргилане, Самарканде и даже в Мерве[3] и усиливает тем самым свое влияние в регионе.

Отмечая данный факт, прокурор Скобелевского окружного суда докладывал своему начальству: «Конкурирующей с комитетом общественной безопасности по силе своего влияния на жизнь главным образом туземного населения является организация мусульманская, …“Шуро-и-Исломия”, зна-

[1] Туркестанские ведомости. 1917. 16 июня.
[2] Улуғ Туркистон. 1917. 30 июля.
[3] См.: Знамя Свободы. 1917. 27 июня.

чение которой пока сказалось в быстрой организации широких мусульманских масс…»[1]

Социальная база новой организации была достаточно разночинной, здесь и представители духовенства, национальной интеллигенции, чиновничества, купечества и предпринимательства. Сочувственно к программным положениям «Шуро-и-Исломия» относились и простые люди: дехкане, кустари, служащие. Активисты организации очень оперативно и успешно проводили популяризаторскую работу среди местного населения. По сведениям газеты «Улуг Туркистон», в первые же дни членами «Шуро-и-Исломия» в Ташкенте стали более 100 человек, среди которых были люди разных национальностей[2]. В выработанных положениях «Шуро-и-Исломия» говорилось о необходимости избрания общего собрания новой организации во всех населенных пунктах края. Центральным комитетом организации объявлялась ташкентская «Шуро-и-Исломия».

В ее руководящее ядро входили известные всему Туркестану общественные и политические деятели: Мунаввар-кары Абдурашидханов, Убайдулло Ходжаев, Тошпулатбек Норбутабеков и др. Необходимо отметить, что в силу незавершенности национальной и политической консолидации туркестанских мусульман молодую национальную организацию едва ли можно было назвать политической партией.

Новая организация делала свои первые шаги и находилась пока еще как бы в «эмбриональном» состоянии. «Шуро-и-Исломия» зародилась как представительный орган мусульманского населения в политическом спектре Туркестана, однако элементы, которые обычно характеризуют сложившуюся политическую партию, с самого начала присутствовали в деятельности этой организации.

В частности, это выражалось в практической реализации программных положений; в претензиях организации на тотальное участие в жизни общества; в борьбе за власть; в желании расширить свои ряды; в стремлении придать собственным усилиям целенаправленность и т.д. Лидеры «Шуро-и-Исломия» особо обращали внимание на необходимость в этот исторический момент объединения усилий и консолидации (независимо от национальностей и политических разногласий) всех мусульман. Эту задачу были призваны решать и начавшие выходить (благодаря усилиям местных прогрессистов) десятки газет и журналов. Большим успехом пользовались такие издания, как «Шуро-и-Ислом», «Нажот», «Кенгаш», «Хуррият», «Турон», «Эл байроги», «Улуг Туркистон».

В первом своем номере «Улуг Туркистон», в частности, писала: «Газета “Улуг Туркистон” издается не для одного класса или узкой группы людей.

---

[2] *Силонов А.* Февральская революция в Средней Азии // Коммунистическая мысль. 1927. Кн. 3. С. 260.

[3] Улуғ Туркистон. 1917. 25 апреля.

Она видит свою главную задачу в пропаганде новой культуры и знаний для проживающих в Туркестане татар, сартов, казахов, туркмен, узбеков и других народов»[1]. По инициативе «Шуро-и-Исломия» в Ташкенте с 16 по 23 апреля 1917 г. проходил I краевой мусульманский съезд, где собрались около 150 делегатов со всего Туркестана, включая представителей русской общественности[2].

В президиум съезда было избрано 13 человек: Мунаввар-кары Абдурашидханов (председатель), Убайдулло Ходжаев, Серали Лапин, Мустафа Чокаев, Тошпулатбек Норбутабеков, Ахмет-Заки Валиди, Содик Сатторов, Шоислам Шоахмедов, Абдурахман Уразаев, Мулла Абдумажид Махмудов, Серекбой Акаев, Ахмадбек Койбокаров, Собиржон Юсупов[3].

На первом заседании с поздравительными речами выступили: председатель Туркестанского комитета Временного правительства Щепкин, члены Комитета генерал Давлетшин и Садри Максутов[4]. Были заслушаны телеграммы с приветствиями, присланные на имя съезда из многих уголков Российской империи. В частности, от Центрального бюро мусульман была получена телеграмма, в которой, кроме поздравления по случаю открытия съезда, предлагалось мусульманам Туркестана добиваться устранения «всех носителей власти – ставленников старого режима, полного равноправия туземного населения с русским при условии гарантии представительства меньшинства во всех общественных органах», а также бороться «с колониальными взглядами и колониальной политикой»[5].

В свою очередь съезд подготовил тексты ответных телеграмм. В одной из них, посланной в Оренбург на имя редакции газеты «Вакт», говорилось: «Мусульманский съезд Туркестана выражает благодарность мусульманам России за сердечные приветствия. Съезд выражает уверенность, что единение всех мусульман послужит на общую пользу. Мусульмане Туркестана верят в дружный мусульманский союз, основанный на взаимной поддержке и помощи. Предложения мусульманских организаций России помощи туземным организациям показывает, что братство мусульман существует не только на словах, но и на деле и создает им блестящее будущее укреплением свобод, завоеванных революцией на благо всех народов России»[6].

Повестка съезда включала около 20 пунктов, среди которых особое внимание было уделено вопросам: о подготовке к Учредительному собранию; о наборе на тыловые работы; о гражданских и религиозных учреждениях; о школьных, вакуфных и финансовых делах; о земле и воде; об избрании де-

---

[1] Улуғ Туркистон. 1917. 25 апреля.

[2] *AllworthE.* Central Asia a century of Russian Rule. Columbia University Press. New York–London, 1967. P. 216.

[3] Улуғ Туркистон. 1917. 25 апреля.

[4] Там же.

[5] Туркестанские ведомости. 1917. 17 апреля.

[1] Там же. 29 апреля.

легатов на общероссийский мусульманский съезд; об отношении «Шуро-и-Исломия» к новым общественным организациям и др.[1]

Съезд также принял резолюции с требованием прекращения колонизации края и возвращения местному населению конфискованных у них земель. Отдельным решением была отмечена и необходимость учреждения в Туркестане Центрального совета мусульман, который уже позже стал известен как Национальный центр (Миллий Марказ)[2].

Кроме того, благодаря настойчивым требованиям делегатов съезда Туркестанский комитет Временного правительства организовал при Комитете постоянное совещание по делам края. На одном из первых его заседаний были выбраны некоторые члены совещания. В состав его вошли: от съезда мусульман – Убайдулло Ходжаев, Ташпулатбек Норбутабеков, Серали Лапин, от Сыр-Дарьинской области – Мустафа Чокаев, от Ферганской области – Шоислам Шоахмедов, от съезда представителей исполнительных комитетов – Акаев, Добкевич, Зимин; от Ташкентской Думы – Иванов, Дынин; от съезда солдатских и рабочих депутатов – Бройдо, Фиттерман, Беликов. В дальнейшем было решено, что «постоянно работающее совещание будет состоять из трех членов, избираемых съездом исполнительных комитетов края; трех членов, избираемых краевым съездом солдатских и рабочих депутатов; трех членов, избираемых краевым съездом мусульман; двух членов от Ташкентской городской Думы; десяти членов от областей края, по два от каждой; двух членов от русских поселков в Бухарских владениях…»[3]

Краевой мусульманский съезд высказался за реализацию демократических свобод. Отныне все граждане без различия пола, вероисповедания и национальности должны быть равны перед законом; гражданам обеспечивается свобода совести, слова, собраний, передвижения, организации союзов и обществ, а также неприкосновенность жилища, личности и т.д. В резолюции, принятой по вопросу об отношении к Временному правительству, говорилось: «Веря, что Временное правительство искренне и неуклонно будет проводить в жизнь начало декларации, возвещенной им при принятии власти, что только Временное правительство, обладающее всей полнотой власти и непререкаемым авторитетом, при каковом условии единственно представляется возможным вступление страны на путь созидательного творчества, к осуществлению демократических начал, провозглашенных революцией и избежание гражданской войны. Мусульманский краевой съезд находит необходимым для достижения этих целей оказывать Временному правительству всемерную поддержку в предположении, что Временное правительство в своей деятельности должно опираться на мнение организованной общественности страны»[4].

---

[2] Улуг Туркистон. 1917. 25 апреля.

[3] *AllworthE.* Central Asia a century of Russian Rule. P. 216.

[4] Туркестанские ведомости. 1917. 17 мая.

[1] *Силонов А.* Указ. соч. С. 39.

По вопросу о национально-государственном устройстве России съезд принял решение, по которому Туркестан входит в состав Российской республики в качестве отдельной территориальной автономии, организованной на началах национального самоопределения.

Вместе с тем справедливости ради надо отметить, что была и иная, более радикальная позиция, суть которой заключалась в достижении полной политической, экономической независимости и окончательного отделения Туркестана от России. Однако эта точка зрения в те дни не доминировала в обществе, видимо, в силу того, как позже отмечал Г. Сафаров, что «отделение лишило бы прогрессистов поддержки "русского либерального общества"…»[1]

Во всяком случае, данное обстоятельство все время фигурировало в процессе политической борьбы различных национальных организаций и течений внутри них, а также служило наиболее веским аргументом в руках умеренного крыла национального движения. Следует сказать, что сила эмоционального воздействия съездовских решений и лозунгов, пронизанных идеей единения и независимости, была настолько велика, что во многом определила этнополитическую ситуацию в регионе в период между февралем и октябрем 1917 г.

Разумеется, рост политического и национального самосознания коренного населения, становление и постепенное упрочение позиций национальных общественно-политических организаций не приводили в особый восторг членов Туркестанского комитета Временного правительства, которые продолжали воспринимать Туркестан как источник сырья и русскую колонию.

Несмотря на то, что в одном из первых декретов Временного правительства, изданном в марте 1917 г., заявлялось, что «…все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются»[2], в реальной жизни дальше деклараций дело не шло.

Методы управления Туркестаном, основанные на недоверии к коренному населению, опоре на ретроградные силы и военную мощь также, по существу, не менялись. Характерным в этой связи является письмо председателя Туркомитета Щепкина от 13 мая 1917 г., направленное на имя князя Львова. В нем говорилось: «…До сих пор державное племя свысока относилось к мусульманам, а те молчали. Теперь времена изменяются, и мусульмане начинают чувствовать свое численное превосходство, моральное превосходство русских слабовато, больше страх штыков действует»[3].

К лету 1917 г. расстановка политических сил в Туркестане представляла собой довольно сложную картину. В национальном движении начинает

---

[2] *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921. С. 56.

[3] Цит. по: *Манкветов Н.В.* Национально-освободительное движение в России в период Октябрьской революции. М., 1959. С. 8.

[1] ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

усиливаться процесс политико-идеологического размежевания, вызванный несовпадением мнений по большинству вопросов, касающихся темпов, степени и характера религиозных реформ; эмансипации женщин; отношения к войне; к будущему государственно-политическому устройству России и Туркестана; к Временному правительству и проводимой им национальной политике и т.д.[1]

Все это привело к тому, что в июне 1917 г. из организации «Шуро-и-Исломия» отделилась более консервативная часть – «Шуро-и-Уламо» («Совет духовенства»), пользующаяся большим влиянием прежде всего в самом Ташкенте. Программа и устав «Шуро-и-Уламо» утверждались в начале июля на одном из митингов, проходившем в Старом городе. На митинге, собравшем около 25 000 человек, говорилось, что в организацию «помимо улемов и купцов, входят также и представители других классов и профессий мусульман города Ташкента», и что организация «…будет обслуживать интересы мусульманского населения и повсеместно будет содействовать его духовно-умственному и культурно-политическому развитию…»[2]

Одним из основных авторов программных положений новой организации был лидер ташкентской «Шуро-и-Уламо» Серали (Шерали) Лапин. У Серали Лапина, как отмечал Мустафа Чокаев, были серьезнейшие идейные разногласия с представителями «Шуро-и-Исломия»[3], однако он, безусловно, являлся крупной политической фигурой и активным участником национального движения в Туркестане. Во многом благодаря его усилиям сфера деятельности «Шуро-и-Уламо» распространяется и на другие регионы Туркестана, где создаются филиалы этой организации.

Следует заметить, что идейные установки «Шуро-и-Уламо», так же как и «Шуро-и-Исломия», базировались на признании необходимости политического самоопределения народов Туркестана, но при этом исламским принципам и ценностям придавалось исключительное, приоритетное значение. По мнению представителей «Шуро-и-Уламо», предстоящая реорганизация туркестанского общества должна была осуществляться строго только по законам шариата.

К примеру, в одном из программных документов «Шуро-и-Уламо», написанном под руководством Серали Лапина, говорилось о том, что в Туркестане необходимо установить «чисто мусульманскую автономию с правом местного законодательства по всем отраслям внутреннего управления… урегулирован должен быть в крае вопрос о землепользовании по шариату с предоставлением малоземельным мусульманам широкой возможности к использованию государственных и общественных земель с соблюдением, однако, неприкосновенности права частной собственности. Сообразно с указанными положе-

[2] См.: Нажот. 1917. 3 июня.

[3] Туркестанские ведомости. 1917. 18 июля.

[4] См.: *Мустафо Чўқайўғли.* Истиқлол жаллодлари. Тошкент, 1992. Б. 19–20.

ниями о социально-экономическом устройстве Туркестанской автономной федерации, должно быть издано специальное законоположение, нормирующее рабочий труд и направленное к улучшению быта рабочих, согласно указаниям Шариата…»[1]

В июле 1917 г. многоликая и насыщенная политическая жизнь Туркестана была отмечена еще одним знаменательным событием. 12–14 июля в г. Скобелеве представители мусульманских организаций (в том числе и «Шуро-и-Исломия») Ферганской области провели свой очередной (четвертый по счету) съезд, в котором участвовали 137 делегатов[2].

Одним из важнейших результатов работы форума было решение о создании новой организации – партии туркестанских федералистов («Турк адами марказият фиркаси»). Делегаты съезда были вкратце ознакомлены с основными положениями устава и программы партии, состоящей из 9 разделов.

Программа и устав партии туркестанских федералистов[3] были составлены целым рядом видных представителей национальной общественности Туркестана и Кавказа. Среди них были: Камолиддин кози Рахмонберди угли (Коканд), Мулло Мухаммад (Андижан), Боки охунд Одилбой угли (мударрис, Андижан), Нуриддин аълам Юлдошхужа эшон угли (Андижан), Мухаммаджон Камолжонбоев (купец, Андижан), Абдулкодирбек Мирзоахмад Кушбегиев (Андижан), Обиджон Махмудов (купец, Коканд), Мир Одил мирзо Ахмад угли (купец, Скобелев), Мунаввар-кары Абдурашидхон угли (Ташкент), Махмудходжа Бехбуди (муфтий, Самарканд), Мухаммад Амин афанди-зода (представитель от Кавказа), Садриддин махдум Мухаммад Шарифхужа кози угли (Ташкент), Мир Абдуллах мулло Шохмирзо охунд угли (студент, Ташкент)[4].

Знакомство с программой новой организации показывает, что многие ее положения имели несомненную идейную близость с программными установками партии азербайджанских федералистов «Мусават» и некоторых других, уже сформировавшихся, национальных организаций России.

В данном документе отмечалось, что главной (политической) целью партии является достижение национальной автономии для Туркестана и всех других тюркских регионов и народов России. Каждая автономная единица, по мнению авторов программы, должна была составлять нераздельную федеративную часть России с общей системой обороны, внешней политики, финансов и таможни, но в вопросах внутренней политики, как указывалось, «все автономные единицы независимы»[5].

---

[1] ЦГА РУз. Ф. 39. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

[2] Там же. Ф. Р-1760. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

[3] Программа и устав партии «Турк адами марказият фиркаси» были опубликованы в Ташкенте в типографии Г. Орифжонова в сентябре 1917 года.

[4] См.: Туркистонда халқ жумҳурияти. Турк адами марказият (Федералист) Фирқасининг Маромномаси ва Низомномаси // Фан ва турмуш. Тошкент, 1990. № 7. Б. 8.

[5] Туркистонда халқ жумҳурияти. Турк Адами Марказият (Федералист) Фирқасининг Маромномаси ва Низомномаси // Фан ва турмуш. Тошкент, 1990. № 7. Б. 7.

В разделе «Общенациональные вопросы» говорилось:

«1. Для урегулирования общенациональных вопросов тюрков России и солидарных их выступлений учреждается культурно-национальный Союз.

2. Форма, состав и функции этого союза определяются первым съездом представителей всех тюркских автономных единиц»[1].

В программе туркестанских федералистов, естественно, обращалось внимание и на религиозные вопросы. В специальном разделе было сказано: «Все мусульманские народности России без различия национальностей объединяются под главенством особого Шайх-уль-ислама, находящегося во главе (муфтията), состоящего из представителей мусульманских народов, включая и мусульман – не-тюрков»[2].

В документе большой блок положений включал раздел «Дела просвещения». В нем, в частности, предлагалось: ликвидировать все ограничения, связанные с религией, национальностью, полом; предоставить полную автономию и свободу преподавания в университетах и высших школах; организовать просветительскую работу для широких кругов населения и т.д. Особо отмечалось, что «в средних учебных заведениях преподавание общетюркского наречия и русского языка обязательно, как особых предметов. В высших учебных заведениях преподавание ведется на общетюркском наречии»[3].

Следует сказать, что программа туркестанских федералистов, несомненно, носившая в целом общедемократический характер, была все же (как и большинство принимаемых в тех условиях решений) продуктом компромисса с влиятельным и сильным духовенством и их организациями.

В частности, в ней, наряду с положениями о введении 8-часового рабочего дня на фабриках и заводах, о бесплатном начальном образовании на языке большинства учащихся; отмене косвенных налогов и податей с недвижимости и замене их одним основным налогом; о существовании параллельно суда казиев и суда мирового и т.д., имелись разделы, где говорилось, что «…водопользование… регулируется местными органами самоуправления по обычаю и шариату», а нотариат, как особое учреждение, «упраздняется и функции нотариусов переходят к казиям и мировым судьям по принадлежности»[4]. Что касается устава партии, который состоял из 22 пунктов, то в нем были оговорены все организационные вопросы, а также принципы и условия приема в свои ряды новых членов. Например, отмечалось, что членом партии «Турк адами марказият фиркаси» может быть любой мусульманин, независимо от пола и социального происхождения, признающий программу и устав организации и имеющий рекомендации от двух членов партии[5].

---

[1] Туркистонда халқ жумҳурияти. Турк Адами Марказият (Федералист) Фирқасининг Маромномаси ва Низомномаси // Фан ва турмуш. Тошкент, 1990. № 7. Б. 7.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 8.

[4] Туркестанский курьер. 1917. 26 июля.

[5] См.: Туркистонда халқ жумҳурияти. Б. 8.

Общее собрание (съезд) туркестанских федералистов должно было созываться Центральным Комитетом партии один раз в году, а общероссийские съезды (конгрессы) всех национальных и региональных филиалов партии, как указывалось в уставе, два раза в году[1].

3 августа 1917 г. в Ташкенте (в помещении «Шуро-и-Исломия») состоялось организационное заседание федералистов. В руководящее ядро партии были избраны: Мухаммадамин афанди-зода, Садриддинхон Шариф хужа угли, Мажид Кодирий, Катта хужа Бобохужа угли, Мухаммадхон Пошохужа угли, Исроилжон Иброимжон угли и др.[2] Большинство из избранных были также членами организаций «Шуро-и-Исломия» и «Турон» (последняя в связи с созданием партии туркестанских федералистов, по предложению Мухаммадамина афанди-зода, должна была прекратить свое существование)[3].

Таким образом, можно констатировать, что восстание 1916 г., а также последовавшие вскоре масштабные политические изменения в жизни общества, вызванные Февральской революцией 1917 г., безусловно, сказались на состоянии национального движения в Туркестане.

Мусульманское население края становится свидетелем формирования нового исторического контекста, в котором, как показали дальнейшие события, особую роль было суждено сыграть молодым национальным политическим организациям.

Невзирая на наличие серьезных мировоззренческих разногласий внутри национального движения, политико-идеологическую неоднородность молодых организаций, само их появление, несомненно, говорило о качественных и глубинных изменениях в общественном сознании туркестанских мусульман, которые уже более не желали оставаться простыми статистами и объектами имперской политики, унижающей их человеческое и национальное достоинство.

Национальный вопрос в программных документах младомусульманских организаций Туркестана

Период конца XIX – начала XX в. явился исторической эпохой в жизни народов Российской империи. Важную роль в социальной и политической сферах общества приобрел национальный вопрос. Это было связано с тем обстоятельством, что на общественную арену стали выходить новые социально-политические силы – национальная буржуазия и тесно связанная с ней национальная интеллигенция. Одним из наиболее ярких показателей этого

[1] См.: Туркистонда халқ жумҳурияти. Б. 8.
[2] Турон. 1917. 10 сентября.
[3] Там же. 1 сентября.

явилось появление целого ряда «младонациональных» партий и движений в различных регионах империи как проявление роста социально-политической активности мусульманских этносов.

Среди причин данного роста можно назвать «начало капиталистической индустриализации и дальнейшее социальное расслоение общества; широкую демократизацию и вместе с тем наличие социально-экономических и политических пережитков, сдерживавших процесс модернизации общественно-политической жизни России; социально-политические движения нерусских народов… вызванные повышением их самосознания и нерешенностью национального вопроса в стране; и, наконец, наличие консервативных, либеральных и революционных тенденций в российском социуме в целом и тюрко-мусульманском общественно-политическом движении в частности»[1].

Среди наиболее известных и активных следует назвать такие «младомусульманские» партии и движения, как:

— «Иттифак эль муслимин» (Всероссийский «Союз мусульман»);

— «Алаш» – казахская национальная партия;

— «Младобухарцы» – просветительское движение в Бухарском эмирате;

— «Младохивинцы» – просветительское движение в Хивинском ханстве;

— «Шуро-и-Ислам» («Совет ислама») – Туркестанская джадидская организация;

— «Мусават» («Равенство») – Мусульманская демократическая партия в Азербайджане;

— «Милли Фирка» («Национальная партия») – крымско-татарская партия и т.д.

Как пишут современные российские исследователи: «Выразителями национальных интересов малых народов на рубеже XIX–XX вв. стали национальные партии. Их национальный «характер» проявлялся в том, что во главу угла в системе партийных приоритетов они ставили решение национального вопроса как первого и необходимого условия для будущего государственного переустройства империи. Идея национального возрождения играла важнейшую, если не определяющую, роль в становлении национальных политических партий России»[2]. Таким образом, суть «национальных» партий может быть раскрыта только через анализ роли и места национального вопроса в их программных документах.+

Среди важных факторов, повлиявших на активизацию социально-политической деятельности российских мусульман следует назвать такие, как Рос-

---

[1] *Фархутдинов Р.Р.* Татарское общественно-политическое движение в конце XIX – начале XX в. как фактор конструирования национальной идентичности: автореф. дисс… д.и.н. СПб, 2007. С. 5.

[2] Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 261.

сийская революция 1905–1907 гг., Младотурецкая революция 1908–1909 гг., Иранская революция 1905–1911 гг., Китайская революция 1911–1913 гг., рост национально-освободительного движения в Британской Индии, наконец – Первая мировая война.

Как подчеркнул узбекский историк Р.М. Абдуллаев: «Вопросы, связанные с изучением идеологических основ национальной политической мысли Туркестана, еще ждут своего исследователя. Тем не менее мы уже сейчас, видимо, можем определить принципиальное различие политических целей между общероссийскими и национальными партиями Туркестана, которое следует искать в их позиции применительно к развитию национально-освободительного движения в стране»[1].

Принципиальной особенностью «младомусульманских» партий, движений и организаций России был тот факт, что они представляли социально-политические интересы этносов, находившихся в зависимом положении, не обладавших всей полнотой власти на своих национальных территориях. Это не могло не отразиться на подходах к решению многих социальных, экономических, политических вопросов, и в особенности – национального вопроса. Главным для «младомусульман» России было завоевание национального суверенитета в различных формах (культурная автономия, национально-территориальная автономия, полная государственная независимость). Как верно утверждал Г.Н. Потанин: «Киргизское (казахское. – *Р. Н.*) движение поглощено одним нерасчлененным вопросом, вопросом о национальном возрождении, об усвоении… благ европейской культуры, о свободном развитии народных сил во всех областях человеческого творчества. Словом, киргизская (казахская. – *Р. Н.*) программа исчерпывается вопросом о национальном самоопределении»[2].

Как писал еще в 1881 г. основоположник джадидского движения Исмаил-бей Гаспринский: «Мне кажется, что в будущем, быть может недалеком, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств»[3]. К началу XX в. во всех мусульманских регионах Российской империи создаются «младомусульманские» организации, близкие друг другу по своим идейным основам.

Как отмечал историк общественно-философской мысли народов Востока проф. Ш.Ф. Мамедов: «народы Средней Азии и Казахстана на протяжении многих столетий представляли собой относительно единую культурно-историческую общность, имели общие или сходные черты в своем экономическом, социальном и политическом развитии, находились в тесном, динамичном вза-

---

[1] *Абдуллаев Р.М.* Национальный вопрос в программных положениях политических партий и организаций Туркестана (февраль – октябрь 1917 г.) // Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. Ташкент: Фан, 1991. С. 99.

[2] *Потанин Г.* Киргизы после переворота // Сибирская жизнь. 1917. 14 ноября.

[3] *Гаспринский И.* Россия и Восток. Русское мусульманство. Русско-восточное соглашение. Казань, 1993. С. 18.

имодействии друг с другом»[1]. И, естественно, приблизительно в одно время здесь возникают организации, имеющие сходную политико-идеологическую направленность.

8 апреля 1905 г. в Санкт-Петербурге на Всероссийском совещании мусульман было решено созвать 1-й Всероссийский мусульманский съезд летом 1905 г. в Нижнем Новгороде во время ярмарки. Однако ввиду запрета нижегородского губернатора съезд прошел 15 августа 1905 г. на пароходе «Густав Струве». На съезде присутствовали 160 человек из Поволжья, Крыма, Кавказа, Степного края, Туркестана. Съезд постановил создать «Иттифак-уль-муслимин» – Всероссийский мусульманский союз[2].

Была принята резолюция съезда, отражавшая основные моменты политической программы Союза. В ней, в частности, говорилось: «1. Необходимо и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных, политических запросов и задач русской жизни. …4. Деятельность свою мусульмане направляют сообразно с действительными и могущими народиться потребностями общегосударственной жизни, они должны стараться открывать всякого рода школы, соответствующие потребностям мусульман, распространять и популяризовать идейные начала современной жизни при помощи книг, газет, журналов, народных курсов, библиотек-читален и подобного рода учреждений просветительного характера»[3]. Таким образом, видно, что основные требования делегатов достаточно скромны и не выходят за рамки требований культурной и просветительской работы среди мусульманского населения, хотя один из лидеров туркестанских джадидов, М. Бехбуди, весьма позитивно отозвался о создании Всероссийского мусульманского союза[4].

На 2-м Всероссийском мусульманском съезде (СПб., январь 1906 г.) были обсуждены проекты Устава и программы «Иттифак-уль-муслимин», а также вопросы тактики на выборах в 1-ю Государственную думу. Съезд утвердил устав Всероссийского мусульманского союза, а программу Союза принял в качестве временной[5]. По поводу тактики на выборах в Думу было принято решение поддержать партию кадетов. Следует подчеркнуть, что политические ориентации многих национальных «младомусульманских» партий, движений и организаций Российской империи были в целом близки взглядам и программным требованиям кадетской партии[6].

---

[1] *Мамедов Ш.Ф.* Некоторые методологические проблемы истории философии и общественной мысли народов Средней Азии и Казахстана // Вестник МГУ. Сер.: Философия. 1977. № 6. С. 5.

[2] *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 162–172.

[3] Цит. по: *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 25.

[4] Газ. «Хуршид». 1906. 11 октября.

[5] *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 208.

[6] *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.

Согласно Уставу «Иттифак-уль-муслимин» было выделено 16 регионов России, населенных мусульманами, и определены региональные центры работы отделений Союза:

- Кавказ (центр – Баку),
- Крым (Симферополь),
- Москва – Петербург (Санкт-Петербург),
- Западный район (Минск),
- Нижнее Поволжье (Астрахань),
- Верхнее Поволжье (Казань),
- Уфимский край (Уфа),
- Оренбургский край (Оренбург),
- Туркестанский край (Ташкент),
- Сибирь (Омск),
- Степной край (Уральск),
- Омский район (Омск),
- Семипалатинский район (Семипалатинск),
- Семиречье (Верный),
- Акмолинский край (Петропавловск),
- Закаспий (Асхабад).

16 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде состоялся 3-й Всероссийский мусульманский съезд, в котором приняли участие более 100 делегатов. Съезд избрал ЦК Мусульманского союза в числе 15 человек. Важным итогом данного съезда стало принятие политической программы «Иттифак-уль-муслимин». В данной программе, в частности, есть такие положения как: равноправие мусульман с русским населением, введение в России конституционной монархии с соответствующим пропорциональным представительством от всех национальностей, проведение реформ в различных социальных сферах, в т.ч. – национальной и религиозной, свобода религии, печати, союзов и т.д.[1]

В целом можно констатировать, что произошло оформление Союза в партию «мусульманских кадетов», поскольку многие программные установки «младомусульман» были близки взглядам умеренного крыла кадетов, и только по национальному и религиозному вопросам деятели «Иттифака» были чуть более радикальными.

Спад общественно-политической активности в России после 1907 г. привел к тому, что политическая деятельность мусульман была сведена к спонтанной активности региональных групп и отдельных личностей, что видно по динамике репрессий. Так, в 1909 г. был арестован А. Байтурсынов за то, что «вел среди киргиз (казахов. – *Р. Н.)* Каркаралинского уезда пропаганду в противоправном сепаратистском духе… Сущность пропаганды… сводится к проведению среди киргизского (казахского. – *Р. Н.*) населения идей

[1] Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1996. С. 73.

об автономном управлении»[1]. В 1911 г. был за распространение брошюры «Пробуждайся, киргиз!» был арестован М. Дулатов. Даже царские жандармы почувствовали силу воздействия данного произведения: «Написанная стихами, хорошим языком, брошюра “Пробуждайся, киргиз!” даже в переводе производит известное впечатление и по содержанию своему направлена к возбуждающему недовольство современной в отношении киргиз политикой русского правительства»[2].

В период между 1907-м и 1917 г. единственной возможностью деятельности «младомусульман» оставалась национальная пресса. Большую роль в пропаганде идей «Алаша» играла национальная казахская печать – газеты «Казах» (Оренбург), «Жас азамат» (Петропавловск), «Сары-Арка» (Семипалатинск), «Уран» (Букеевская Орда), «Алаш» (Ташкент). Также значительное место в пропаганде джадидских идей принадлежало туркестанским изданиям «Тараккий» («Прогресс»), «Хуршид» («Солнце»), «Туджор» («Купец»), «Садои Туркистон» («Эхо Туркестана»), «Ойна» («Зеркало»), «Улуг Туркистон» («Великий Туркестан») и т.д.[3] Роль национальной печати охарактеризовал известный востоковед Г.Н. Потанин: «Киргизская (казахская. – *Р. Н.*) пресса одной из задач своих ставила пробуждение в киргизском (казахском. – *Р. Н.*) народе национального самосознания»[4].

Важным фактором, способствовавшим росту этнического самосознания мусульманских народов, была политика властей, которые в секретных циркулярах не особо стеснялись в выражениях. Так в резолюции Семиреченского военного губернатора на циркуляр Туркестанского генерал-губернатора (от 31 октября 1911 г.) говорится: «…быть всегда особо твердыми в сношениях с туземцами, помня, что всегда и во всем русское имя и русские интересы должны главенствовать… Туземцы нас должны интересовать только как материал, из коего в близком будущем должны выработаться обычные русские крестьяне, хотя и мусульманского вероисповедания»[5].

Туркестанское восстание 1916 г. как будто дало повод «младомусульманам» проявить себя в качестве «защитников интересов народа», однако большинство из них никак себя особо не проявило во время этих событий. Есть две крайности о роли младомусульман (джадидов) в их отношении к восстанию. В советский период джадиды поголовно объявлялись «врагами народа», «приспешниками колониальной власти» и т.п.[6] В постсоветский период, напротив, проявилась тенденция приписывать им чуть ли не руководство вос-

[1] ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 5882. Л. 55, 55 об.

[2] Там же. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 408. Л. 2–3.

[3] *Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И.* История печати Туркестана. Ташкент, 1976.

[4] *Потанин Г.* Киргизы после переворота // Сибирская жизнь. 1917. 14 ноября.

[5] Рабочее и аграрное движение Казахстана в 1907–1917 гг.: сб. док. и мат. Алма-Ата, 1957. С. 361.

[6] См.: Восстание 1916 года в Средней Азии. Ташкент, 1932.

ставшими, хотя известные лидеры восстания (Амангельды Иманов, Алибий Джангилддин, Касым Ходжаев и др.) были очень далеки от идей просвещенного джадидизма.

Исключение составляют несколько человек, каким-то образом себя проявивших. Это М. Чокаев[1] и Ш. Мухамедьяров, встречавшие и сопровождавшие депутатскую комиссию Керенского – Тевкелева, направленную в Туркестан в августе 1916 г.[2]

Это адвокат Убайдулла Ходжаев (Асадулла-Ходжаев) – представитель андижанской организации «Тараккий парвар» (по ориентации близкой к эсерам), депутат Ташкентской городской думы, редактор газеты «Садои Туркистон», пытавшийся быть «ходатаем» по делам осужденных участников восстания, а впоследствии ставший одним из министров Кокандской (Туркестанской) автономии[3].

Мнение о том, что все «младомусульмане» Туркестана были вовлечены в восстание, следует считать слишком большим преувеличением. Кстати, многие из них были уязвимы еще и в том отношении, что получили образование в Германии или Турции, т.е. в государствах, которые находились в этот период в состоянии войны с Россией.

Новая попытка возобновить деятельность Всероссийского союза мусульман была сделана в мае 1917 г., когда по инициативе Временного центрального бюро российских мусульман был созван очередной Всероссийский мусульманский съезд, на котором был избран Всероссийский исполнительный комитет. Однако социально-политическая ситуация в различных регионах складывалась так, что большинство партий, движений и групп «младомусульманского» толка оказалось вовлечено в политическую борьбу на местном, локальном уровне. Практически после падения империи, а тем более после Октября 1917 г. существование всероссийского мусульманского центра потеряло политический смысл. Зато самостоятельные младомусульманские организации широко развернули свою деятельность[4].

Следует заметить, что именно к периоду 1917–1918 гг. относится взлет многих «младомусульманских» партий. Например, активные деятели казахской национальной партии «Алаш» А. Букейханов и М. Тынышпаев были областными комиссарами Временного правительства (фактически – губернаторами) соответственно Тургайской и Семиреченской областей. Уже в марте 1917 г. группой казахских активистов было принято обращение к казахскому

[1] *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.

[2] Мусульманские депутаты Государственной думы России, 1906–1917 годы: сборник документов и материалов. Уфа, 1998. С. 304–305.

[3] *Хасанов М.К.* Кокандская автономия и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1990. № 2.

[4] *Вахабов М.Г.* О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюции в период Великой Октябрьской революции // История СССР. 1963. № 2.

народу, в котором говорилось: «Нужно работать в контакте со всеми национальностями, поддерживающими новый строй»[1].

А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов, Е. Гумаров, М. Тынышпаев, Е. Турмухамбетов, Г. Жундибаев, Г. Биримжанов и т.д. явились авторами Программы партии «Алаш», принятой в декабре 1917 г. в Оренбурге. Одним из главных пунктов Программы было положение о том, что «Россия должна стать демократической федеративной республикой… Каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляется само собой на одинаковых правах»[2].

Как верно отметил академик М.К. Козыбаев, при исследовании данной проблемы следует учитывать следующие факторы: во-первых, партия «Алаш» – партия либеральной национальной интеллигенции; во-вторых, основа ее идеологии, сформированная под воздействием просветительских идей, базировалась на антиколониальном национализме; в-третьих, «Основатели партии “Алаш” являлись носителями двух культур, маргинальными личностями, которые усвоили мораль и мировоззрение оппозиционной либеральной русской интеллигенции, доктрины ее партии кадетов»[3].

В отношении национального (и тесно связанного с ним конфессионального) вопроса в ней выделено следующее: Россия должна стать федеративной республикой, каждый член федерации – это самостоятельное национальное государство, автономия казахов состоит из областей, населенных ими и составляет часть Российской федерации, все граждане равны вне от зависимости от этнического происхождения и вероисповедания, все религии равноправны, религия отделяется от государства, казахи должны иметь национальный муфтият, до обеспечения казахского населения землею должно быть прекращено переселение некоренного населения на казахские земли, власть и суд должны строиться на основе национальных особенностей каждого народа, чиновники и судьи должны владеть языком местного населения и т.д.[4]

В Протоколе заседания Общеказахского съезда (Оренбург, декабрь 1917 г.) особо подчеркнуто: «Всем, кто живет среди казак-киргиз, гарантируются права меньшинства. Во всех учреждениях представители всех наций должны быть представлены пропорционально. Предоставляется также экстерриториальная и культурная автономия тем, кто без территории окажется в пределах автономии Алаш»[5].

Как видим, политическая программа партии «Алаш» в области национального и конфессионального вопросов была достаточно разработанной,

---

[1] К киргизам, свободным гражданам обновляемой России // Бюллетень Семипалатинского областного исполнительного комитета. 1917. № 11.

[2] Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920 гг.). Оксфорд, 1985. С. 49

[3] Казахстанская правда. 1988. 8 июня.

[4] Газета «Казах». 1917. 21 ноября.

[5] Движение «Алаш»: сборник документов и материалов. Алматы, 2004. С. 477.

радикальной и прогрессивной, отвечавшей национальным чаяниям казахского народа. В острый период гражданской войны в 1918–1920 гг. партия «Алаш» несколько раз меняла свои ориентиры по отношению к белым и красным: компромисс с советской властью, нейтралитет, союз с белыми лидерами (Колчаком, Дутовым, Анненковым и т.д.), снова нейтралитет, опять компромисс с советской властью, наконец, практически уход с политической арены в 1920 г. Основной причиной, которая не позволила партии «Алаш» полностью поддержать белогвардейцев была откровенно шовинистическая линия белых, направленная на восстановление «единой и неделимой России», без всяких перспектив для любой национальной автономии[1].

С другой стороны, интернационалистская риторика большевиков также не прельщала представителей казахского национального движения. Именно этим во многом объясняется тот факт, что «Алаш» как выразитель национальных интересов не нашел места для себя в социально-политической жизни «красной» России[2].

Большинство «младомусульманских» партий, движений и организаций выражало интересы конкретного этноса: «Алаш» – казахов, «Мусават» – азербайджанцев и т.д., но это не фиксировалось документально. В принципе членом этих партий и организаций мог быть любой человек, разделявший их программные требования и устав. В частности, среди членов «Мусавата» встречались иранцы и представители народов Северного Кавказа (лезгины, таты-мусульмане и т.д.)[3], среди членов «Алаш» – киргизы, татары, башкиры и т.д. И только в партийной инструкции крымско-татарской партии «Милли Фирка» прямо говорилось следующее: «партия состоит из *крымских татар* (выделено нами. – *Р. Н.*), согласившихся с программой и принявших инструкцию партии»[4], т.е. официально фиксировался этнический принцип построения партии. Главной задачей партии являлась национально-территориальная автономия Крыма.

Не придерживались строго этнического принципа формирования среднеазиатские организации – «младобухарцев», «младохивинцев», туркестанских джадидов. В составе этих организаций были представители всех основных этносов региона – узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены, а также татары, уйгуры и т.д. Так, в составе Временного народного совета «Туркестанской автономии» были казахи М. Чокаев, М. Тынышпаев, А. Дербисалин, С. Лапин и др., узбеки О. Махмудов, У. Ходжаев, С. Мирджалилов, Т. Ашурходжаев и др., татары М. Акчурин, И. Губайдуллин, Ш. Шагиахметов, И. Давлетшин

---

[1] Гражданская война и военная интервенция в СССР // Энциклопедия. М., 1987. С. 30–31.

[2] *Григорьев В.К.* Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917–1920 гг.). Алма-Ата, 1989.

[3] *Балаев А.* Азербайджанское национально-демократическое движение 1917–1920 гг. Баку, 1990.

[4] Цит. по: Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). С. 96.

и др., и даже еврей-ашкеназ С. Герцфельд[1]. Было провозглашено: «Объявление автономии мусульманами не ущемляет чьи-то права. Проживающим в Туркестане русским, евреям, армянам и другим нациям будут предоставлены их права. Они также будут полноправными членами Туркестанской автономии»[2].

Среднеазиатский джадидизм (туркестанские джадиды, младобухарцы, младохивинцы) первоначально представлял собой просветительское движение за реформу системы мусульманского образования, за необходимость «новометодных» школ для мусульман (отсюда название движения: от арабского «усул-и-джадид» – новый метод). Затем постепенно он вышел за рамки сугубо просветительских задач, став центром притяжения всей передовой национальной интеллигенции региона. Характерным признаком джадидизма было тесное увязывание между собой вопросов этнического и конфессионального характера. Как выразился джадид А. Музаффар: «…религия существует лишь на основе национального и национальной жизни… Без нации религия уничтожается»[3].

Сначала джадидизм представлял собой «узкое, культурническое движение за реформу старой системы мусульманского образования… за необходимость европейского образования для мусульман»[4]. Однако достаточно быстро оно приобрело вполне четкий политический характер. «Джадидизм прошел в своей истории два этапа: первый – это этап просветительства и второй – политический этап»[5].

Большое влияние на формирование идейной основы среднеазиатского джадидизма оказали деятели «младомусульманского» движения Крыма, Кавказа, Поволжья, Казахстана. Так, туркестанская джадидская партия «Тюрк адами марказият» основывала свою деятельность на политической программе азербайджанской партии «Мусават»[6]. В программе партии «Мусават» значительное место было уделено национальному и конфессиональному вопросу. В частности, были приняты следующие положения:

— создание демократической республики на национально-территориально-федеративных началах;

— территориальная автономия мусульманских районов – Азербайджана, Туркестана, Башкирии, Киргизии (имеется в виду Казахстан. – *Р. Н.*);

— национальная автономия поволжских и крымских татар и всех тюркских и мусульманских (курды, горцы, аджарцы и т.д.) народов России;

---

[1] *Агзамходжаев С.С.* Туркистон Мухторияти: опыт строительства национально-демократической государственности // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 172.

[2] Улуг Туркистон. 1917. 8 декабря.

[3] Садои Туркистон. 1014. 26 ноября.

[4] *Пясковский А.В.* Джадидизм // БСЭ. 3-е изд. Т. 8. М.: СЭ, 1972. С. 184.

[5] Очерки по истории государственности Узбекистана. С. 141.

[6] Газета «Туран». 1917. № 11. 10 августа.

— создание культурно-национального союза тюрков России;

— создание единого муфтията мусульман России с представительством в нем всех мусульманских народов без различия толков;

— равенство всех граждан перед законом без различия национальности и религии, свобода совести и вероисповедания, развитие просвещения на национальных языках и т.д.[1]

Стремления джадидов в области национального вопроса сводились к следующему: доступность современного светского образования для мусульманских народов, всестороннее развитие национальной культуры, распространение достижений передовой мировой культуры, политическое равноправие граждан вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности, социальный мир внутри мусульманской общины, культурная автономия мусульманских народов, тесные контакты с другими тюркскими и мусульманскими этносами и т.д.[2]

Туркестанские джадиды первоначально видели будущее своего края в составе федерации, затем – в качестве независимого демократического государства[3].

Одним из лозунгов джадидов было создание единой тюркской нации. Так, в программной статье в газете «Улуг Туркистон» были выдвинуты лозунги: «Долой разделение на татар, сартов, казахов! Да здравствует мусульманство и тюркизм!»[4] С этой целью предлагалось даже «создать единый чистый тюркский язык»[5]. При этом джадиды выступали за равноправие этнических и конфессиональных групп. Так, М. Бехбуди писал: «Принимаемые нами законы должны защищать интересы и евреев, и христиан, и мусульман, и в целом всех»[6].

Следует иметь в виду, что представлять «младомусульманское» движение в Российской империи как нечто единое было бы не вполне верным, поскольку в него входили партии, организации, группы различной политической ориентации – от монархической и кадетской до эсеровской и меньшевистской. Даже внутри одной организации могли быть серьезные расхождения по тому или иному вопросу, в т.ч. – и по национальному. Однако «несмотря на значительные расхождения в стратегии и тактике, реально существовали и общие моменты, которые объективно служили консолидирующим фактором: осознание несправедливости старого царского порядка; стремление к свободе и национальному самоопределению; борьба за прекращение колонизации

---

[1] Революция и национальный вопрос / под ред. С.М. Диманштейна. М., 1930. Т. 3. С. 341–345.

[2] *Тоган Заки Валиди.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных турок за национальное существование и культуру. М., 1997.

[3] Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920 гг.). С. 353–360.

[4] Улуг Туркистон. 1917. 30 апреля.

[5] Там же.

[6] Там же. 1917. 12 июня.

и желание создания собственного национального правительства, армии, суда, школы и т.д.»[1].

Политическим итогом деятельности «младомусульман» можно считать определенный рост национального самосознания у мусульманских народов бывшей Российской империи. Однако судьбы собственно руководителей и активистов партий и движений были незавидны: либо эмиграция и смерть на чужбине (М. Чокаев, А.-Заки Валиди и др.), либо гибель в период гражданской войны (М. Бехбуди и др.), либо сталинские репрессии, которых удалось избежать буквально единицам (например, С. Айни). Даже те деятели, которые оказались в силу ряда причин в рядах компартии, не избежали в дальнейшем репрессий (Ф. Ходжаев, Т. Рыскулов и др.).

Мусульманские элиты Волго-Уральского региона о Туркестанском восстании 1916 г.: между российским патриотизмом и сочувствием павшим…

Широко известным является тот факт, что мусульманские элиты Волго-Уральского региона, прежде всего в лице членов мусульманской группы (фракции) Государственной думы и бюро при ней, старались не допустить кровопролития в казахских степях и Туркестане. В июле-августе 1916 г. они обращались с запросом к военному руководству с требованием отложить набор рабочих на тыловые работы, прибыли в Туркестан, где стремились стабилизировать ситуацию, помогали А.Ф. Керенскому в подготовке материалов для доклада о восстании[2]. Следует отметить, что в города Туркестана вместе прибыли как либерал, председатель мусульманской фракции Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, так и социалист (начинал как эсер) Шакир Мухамедиаров, ставший в 1917 г. одним из лидеров Милли Шуро (Всероссийского мусульманского совета) и членом мусульманской социалистической фракции Всероссийского учредительного собрания[3]. В декабре 1916 г. в города Коканд и Ташкент приезжал член мусульманской фракции Государственной думы, ее секретарь Ибниамин Ахтямов, получивший высшее юридическое образование. Вместе со своим коллегой присяжным поверенным Владимиром Беренштамом они «выступали в качестве защитников в военно-окружном суде, по делу о туземцах Наманганского уезда, преданных суду за участие в июле месяце прошлого года восстания, сопряженного с убийствами должностных лиц». И. Ахтямов обещал содействовать тому, чтобы

[1] *Абдуллаев Р.М.* Национальный вопрос в программных положениях политических партий и организаций Туркестана. С. 98.

[2] См. напр.: Центральная Азии в составе Российской империи. М., 2008. С. 291–292.

[3] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 207–208.

повстанцам не было вынесено смертных приговоров[1]. Он начинал свою политическую карьеру как социал-демократ меньшевик и придерживался тех же убеждений в своей политической деятельности в 1917 г.

Однако необходимо указать, что при сочувствии к населению Туркестана и Степей татары в дни Туркестанского восстания находились на стороне действующей власти. Ни татары в охваченном восстанием регионе, ни тем более в Волго-Уральском регионе не оказали помощи взявшим в руки оружие. Речь шла только о помощи в умиротворении края, отказе от массовых репрессий и невынесении смертных приговоров. Фактография отношения мусульман Волго-Уральского региона в целом известна и приведена выше. Поэтому в этой статье мы остановимся на истоках этой политики и оценках положения в Туркестане и казахских степях со стороны мусульман Европейской России в начале прошлого века.

Мусульмане Волго-Уральского региона поддерживали мусульман оседлой зоны Туркестана, казахов и киргизов в их борьбе за сохранение своих земель. Исторически татарские и башкирские мурзы были тесно связаны с той частью казахской элиты, которая получила русское дворянство. В 1916 г. в распоряжении русских поселков и станиц в Средней Азии числилось 1 900 000 десятин (57,6% обрабатываемой земли), т.е. на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятины обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя приходилось только 0,21 десятины. Таким образом, 94% коренного населения владели только 42,4% всей обрабатываемой площади, а остальные приходились на русских переселенцев[2].

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., казахи составляли 3392,8 тыс. чел., или почти 82% населения Степи, а численность русских достигла немногим более 454 тыс., т.е. 11%. Уже в 1916 г. в 6 казахских областях – Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской) – насчитывалось около 1,4 млн переселенцев, что составляло почти четверть населения[3].

Напомним, что переселенческая политика была активизирована в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1911). По данным С.Д. Асфендиарова, «всего царским правительством у казахов было изъято около 40–45 млн гектаров земли, самой лучшей, наиболее пригодной для земледелия. Основная масса земель была изъята в Западном, Северном и Восточном Казахстане.

---

[1] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 251–253.

[2] *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году. Цит. по: Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991. С. 33–34.

[3] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 222–224; *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации. [Электронный ресурс] // URL: http://www.eurasica.ru/articles/kazakh/da_amanzholova_kazahskoe_obshestvo_v_1-y_chetverti_xx_veka_problemy_etnoidentifikatsii/

После 1905 г. массовые изъятия начались в Семиреченской и Сырдарьинской областях… В этих районах казахское население частью перешло на полную оседлость и частью сохранило полукочевое положение (по периферии)»[1].

В 1905 г. казахский политический лидер Ахмет Байтурсунов подал петицию императору от имени 14,5 тыс. жителей Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Здесь говорилось: «Правительство совсем упустило из виду, что киргизские степи не завоеваны, а добровольно присоединились к России… Считая землю своею собственностью… киргизы (здесь, казахи. – *А. Х.*) не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность, между тем… все киргизские степи признаются государственной собственностью… самые лучшие участки земли перешли к переселенцам, а худшие остались за киргизами…»[2] Не только в Средней Азии, но и в казахских степях многие земли обрабатывались местным населением, и, с точки зрения местного населения, излишков не существовало. По Степному положению 1891 г. все земли казахов были объявлены государственной собственностью, что открыло дорогу для их конфискации[3].

В ключевом документе съезда казахских либералов «Шура-и-уммет» («Совет уммы»), прошедшем в декабре 1905 г. в Уральске и опубликованном на страницах татарского журнала «Ал-гаср ал-джадид» четко определена позиция мусульманских либералов по земельному вопросу. Раздел «Народное самоуправление»: «Законы о Степном положении, крестьянских начальниках и областных правлениях упраздняются, вводятся законы о земском самоуправлении» (п. 16). Раздел «Земля»: «В основном законе должно быть написано, что земля, воды киргизского народа навечно принадлежат ему и не являются собственностью никого другого. Упраздняются законы, передающие киргизские земли казне и русским мужикам. Без разрешения самих киргизов русские никогда не могут приобрести их земли. Русские мужики пусть увеличивают свою численность в местах, где они живут» (п. 31)[4].

Все попытки мусульманских либеральных деятелей России, включая мусульманскую фракцию Государственной думы, остановить массовое переселение и передать контроль над земельным фондом областным самоуправлениям, были отвергнуты. В I Государственной думе в июне 1906 г. мусульманской фракции удалось выработать общие принципы земельной программы, включая неприкосновенность земель, где ведется скотоводство, и вакуфных земель, конфискацию земель казаков и офицеров. Земельный

---

[1] *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата–М., 1936. С. 17–18.

[2] *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации. [Электронный ресурс] // URL: http://www.eurasica.ru/articles/kazakh/da_amanzholova_kazahskoe_obshestvo_v_1-y_chetverti_xx_veka_problemy_etnoidentifikatsii/

[3] *Абдиров М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы, 1994. С. 128.

[4] Шура-и-уммет // Ал-гаср ал-джадид. 1906. № 1. С. 15–16.

фонд передавался в собственность губерний и областей, а переселение прекращалось[1].

В глазах лидеров мусульманских либералов у казахов происходил процесс, аналогичный потере земель упраздненных башкирских кантонов. После передачи с 1 февраля 1865 г. в гражданское ведомство населения кантонов начался процесс сокращения их земельных владений. Н.А. Крыжановский (оренбургский генерал-губернатор в 1865–1881 гг.) стал инициатором принятия Указов от 11 февраля 1869 г. и от 4 июня 1871 г.[2], в итоге действия которых площадь башкирских вотчинных земель сократилась от 13,8 млн дес. в начале 1860-х гг. до 6,6 млн дес. к концу XIX в.[3]

Наиболее известна полемика по земельному вопросу в I (1906 г.) и II (1907 г.) Государственной думах. В I Госдуме мусульман Уфимской губернии представлял потомок хана Абулхаира и ханов Букеевской Орды Салим-Гирей Джантюрин. Он примкнул к фракции автономистов, так как они защищали права нерусских народов на свои земли[4]. В I Госдуме с требованием возвращения башкирских земель 2 июня 1906 г. выступил мурза из Уфимской губернии, член ЦК партии «Иттифак ал-муслимин» Шах-Айдар Сыртланов[5]. Наиболее жестким было выступление во II Думе учителя из Уфимской губернии, члена «мусульманской трудовой группы» («думачы») Калимуллы Хасанова. 16 мая 1907 г. он протестовал против конфискации у башкир двух миллионов десятин земли. Хасанов заявил: «Если нам наши земли, отобранные правительством, не будут возвращены, мы все меры будем принимать к тому, чтобы эти земли обратно отобрать»[6]. Следует отметить, что такие требования о перераспределении земельного фонда в пользу мусульман Волго-Уральского региона затрагивали только Южное Приуралье, то есть земли башкир как сословия.

В I (1906 г.) и II (1907 г.) Государственной думах были представлены мусульмане Средней Азии и Казахстана. Однако по избирательному закону от 3 июня 1907 г. они потеряли право иметь депутатов во всероссийском парламенте. В III Думе (1907–1912) представители мусульманской фракции прежде всего говорили о необходимости просвещения мусульман Туркестана, приобщения их к культуре, включая гражданскую. При обсуждении законопроекта о начальных училищах депутат от Казанской губернии секретарь мусульманской фракции Садри Максуди (Садретдин Максудов) так говорил о ситуации в Туркестане 23 октября 1910 г.: «В этом громадном крае… вы, мо-

[1] Вакыт. 1906. 25 июня.

[2] Башкирская энциклопедия. Т. 4. Уфа, 2007. С. 555.

[3] Там же. С. 56–57.

[4] *Усал М.* Беренче, икенче вэ оченче Думада моселман депутатлары вэ аларнын кылган эшлэре. Казан, 1911. С. 114.

[5] Государственная дума: стенографические отчеты. Созыв 1. Сессия 1. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 23.

[6] Там же. Стб. 641.

жет быть, думаете, что эта страна постепенно приобщается к русской культуре… Нет… эта страна остается на той точке замерзания, на которой она была во время завоевания»[1]. По данным С. Максуди, из 20 русско-туземных школ Ферганской губернии «за 1906 г. не было выпусков в 13 училищах, за 1907 г. – в 17 школах, за 1908 г. – в 11 школах»[2].

В итоге, по мнению С. Максуди, для Туркестана, «русское господство внесло только… два заслуживающих одобрения факта: во-первых, русское владычество уничтожило рабство, во-вторых, положило конец междоусобиям племен». При этом «туркестанские мусульмане… находятся… в полной изолированности от русских, в полной отдаленности от всего того, что волнует русское общество»[3].

Поскольку мусульмане Волго-Уральского региона с 1860-х гг. взаимодействовали с русскими православными в губернских и уездных земствах, Городских думах, коронном и мировом суде, а с 1906 г. и в стенах Думы, то такое отсутствие сотрудничества у мусульман Туркестана и Степей, было особенно заметно для них.

Наоборот, введение этнического местного самоуправления и суда подорвало позиции феодальной элиты, обосновывающей свою легитимность происхождением от Чингисхана. К власти пришли нувориши из «черной кости», бесконтрольно использовавшие административный ресурс. В итоге адвокат Е. Самойлов, 8 лет проработавший членом Семипалатинского окружного суда, отмечал: «Власть получила характер азиатской деспотии… Наш суд был жестокой игрушкой в руках киргизских главарей»[4].

Первая мировая война только усугубила противостояние между общинами. С одной стороны, славянское и татарское население Центральной Азии массово призвалось в действующую армию. К лету 1915 г. Россия потеряла полтора миллиона человек – крупнейшие жертвы в современной истории войн. С другой стороны, резко увеличились различные, зачастую бесконтрольные сборы с коренного населения Туркестана, оно стало привлекаться к работам в хозяйствах славянских поселенцев.

В условиях войны представители российских мусульман в Госдуме вновь предприняли попытку добиться равноправия с русским православным населением. 20 июля 1915 г. К.Б. Тевкелев от имени думских представителей латышей, литовцев, эстонцев, армян, евреев и мусульман заявил: «Мы выражаем… глубокую уверенность, что в деле отражения врага и победы над ним одним из главных условий успеха является подъем духа в среде населяю-

---

[1] Государственная дума: стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1910. Стб. 370.

[2] Там же. Стб. 372.

[3] Там же. Стб. 373.

[4] Цит. по: *Калишевский М.* Трагедия 1916 года: Девяносто пять лет со дня восстания. [Электронный ресурс] // URL: // http://www.fergananews.com/article.php?id=7003

щих Россию народов и возможность свободного приложения для каждого из них своих сил на общее дело борьбы с врагом и что такое положение может быть лучше всего достигнуто при обеспечении входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия». Заявление было отклонено 190 голосами против 162. Это была последняя крупная попытка компромисса нерусских народов с думским большинством[1].

В конце 1916 г. мусульманская фракция выступила в поддержку Прогрессивного блока в его противостоянии с правительством. 1 ноября 1916 г. лидер оппозиции Павел Милюков делает заявление: «Мы потеряли веру, что эта власть может привести нас к победе (голоса: «Верно»), ибо по отношению к этой власти ни попытки исправления, ни попытки улучшения, которые мы тут предпринимали, не оказались удачными»[2].

3 ноября 1916 г. от имени мусульманской фракции депутат от азербайджанцев Закавказья Мамед-Юсуф Джафаров присоединился к анализу П. Милюкова и заявил: «Никогда мрачная политика национального уг

нетения не достигала таких размеров, как в настоящее время освободительной войны». Джафаров говорил о жертвах волнений в Степях и Туркестане. В заключение своей речи он призвал: «Мы считаем, что необходимо немедленно возвестить всем народам России светлую эру их грядущего национального возрождения… [Это] создаст уверенность, что несомые инородцами на алтарь отечества неисчислимые жертвы раскроют перед нами двери к равноправной общественно-политической жизни»[3].

М.-Ю. Джафаров не совершал вместе с депутатами-татарами поездок в Туркестан, так как он отбыл в это время в Закавказье, где сложились крайне тяжелые отношения между мусульманами и армянами, которые также привели к кровопролитию. Однако именно М.-Ю. Джафаров выступил на закрытом заседании Государственной думы 13 декабря 1916 г., где обсуждалось Туркестанское восстание.

М.-Ю. Джафаров крайне жестко оценил деятельность властей: «Незакономерность издания как самого акта о призыве инородцев, так и незакономерность проведения этого акта в жизнь – прямой результат выработанной веками и традициями инородческой политики, политики игнорирования как мнения самого населения, так и его жизненных интересов»[4]. Выступление М.-Ю. Джафарова также подтверждает тот факт, что думцы-мусульмане были в курсе развития событий: «Как только был издан указ о призыве инородцев, сейчас же с разных концов империи стали поступать в Канцелярию министра внутренних дел и военного хозяйства указания и просьбы о необ-

[1] Государственная дума: стенографические отчеты. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 187, 196.
[2] Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 36.
[3] Там же. Стб. 84–86;
[4] Цит. по: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 317.

ходимости отсрочек и льгот. В огромном количестве этот материал поступал к нам, в мусульманскую фракцию»[1].

Таким образом, мусульманские лидеры Волго-Уральского региона крайне негативно отнеслись к кровопролитию в Туркестане и Степях, начавшемуся летом 1916 г. Они призвали власти и местную элиту решить проблемы методом переговоров и признания взаимных интересов. Мусульманские элиты, особенно дворянство Приуралья, понимали и отмечали конфликтогенность перераспределения земельного фонда Туркестана и казахских степей в пользу славянских переселенцев. Вторым важным взрывоопасным фактором представители мусульманской фракции считали отчужденность региона от русской культуры. Сыграв ключевую роль в переговорах с местным населением в Туркестане, представители от татар предоставили площадку для выступления в стенах Государственной думы с докладом о восстании депутату – этническому азербайджанцу. При сочувствии к восставшим мусульманские элиты Волго-Уральского региона предпочли возможность сохранения коридоров для диалога с властями и думским большинством произнесению обличительных речей. Российский патриотизм и готовность к сотрудничеству вновь показали свое превалирование у татарской элиты.

Отношение Государственной думы Российской империи к восстанию 1916 г. в Туркестане и Степном крае

В настоящее время в исторической науке явно наметилась тенденция отказаться от противопоставления Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. , так как они неразрывно связаны между собой и органически вписаны в системный кризис империи в рамках Великой российской революции 1917–1922 гг.[2] Действительно, революционные изменения продолжались вплоть до окончания Гражданской войны на территории Сибири и Средней Азии. Вместе с тем немаловажной причиной падения самодержавия в результате Февральской революции 1917 г. явилась нерешенность национального вопроса, следствием чего стало восстание 1916 г. в Казахстане и Средней Азии, 100-летний юбилей которого вызывает самые противоречивые оценки.

В связи с этим необходимо обратить внимание на роль в этих событиях IV Государственной думы. Современные ученые правомерно выделяют новое направление в историографии темы, изучение которой «далеко от завершения», когда общероссийское представительное учреждение рассматривается

[1] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. С. 318.
[2] См.: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 4; Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5; *Легкий Д.М.* Национально-освободительное движение в Казахстане и Великая российская революция // Евразийское сообщество. Общество. Культура. Политика. 2008. № 1. С. 90.

как средство развития правового сознания жителей национальных окраин и «снятия остроты национального вопроса», что способствовало «активизации и конституционализации национального самосознания»[1].

В европейской академической науке справедливо считают, что «национальные идеи и движения в XIX в. расшатывали полиэтнические империи Европы», а в России начала XX столетия «последовательной национальной политики и в последние десятилетия существования царской империи не было». А. Каппелер придерживается аксиомы, что «с идеей нации тесно были связаны идеи суверенитета народа и демократии, которые представляли серьезную опасность для монархий, особенно для российского самодержавия». Вместе с тем, по его мнению, «этнические признаки получили политическое значение, из чего и возникли межэтнические конфликты», что непосредственно относится и к восстанию 1916 г. в Туркестане, которое получило широкий общественный резонанс и повлияло на политическое развитие последних лет царской России[2].

Одним из ярких примеров влияния восстания 1916 г. в Туркестане на политическое развитие является резкое осуждение Государственной думой Российской империи в декабре 1916 г. карательной политики царского правительства. На данный факт ученые обращали внимание в разные периоды истории.

В начале 1930-х гг. к 15-летнему юбилею восстания был напечатан сборник документов «Восстание 1916 года в Средней Азии» (подготовленный к печати Ф. Божко и С. Волиным под общей редакцией известного советского историка П.Г. Галузо). Составители включили в сборник весьма важный для историков раздел – «Государственная Дума о восстании: стенографический отчет Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия 5. Заседание шестнадцатое. Вторник, 13 декабря 1916 г. в закрытом заседании» и аналогичный документ от 15 декабря 1916 г. с выступлениями депутатов М.-Ю. Джафарова, А.Ф. Керенского, С.П. Мансырева, И.И. Капниста и других[3]. Данная публикация в начале 1930-х годов в конечном счете оказалась значительным вкладом в историографию проблемы восстания 1916 г., что по достоинству было оценено только многие годы спустя.

Советские ученые, работая в архивах среднеазиатских советских республик, в 1950-е годы отразили факт визита членов Госдумы в ряд городов Туркестана в 1916 г. (Ташкент, Самарканд, Джизак, Андижан, Коканд) и отчасти в сельские местности. Вместе с тем критически было замечено, что

---

[1] *Могилевский К.И., Циунчук Р.А., Шелохаев В.В.* Государственная Дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3–6.

[2] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 100, 107.

[3] Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов / сост. Ф. Божко, С. Волин; под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932. С. 105–122.

в других районах края никто из депутатов так и не побывал. Так, П.А. Ковалев в своих научных трудах вернул в научный оборот сам исторический факт участия Государственной думы Российской империи в трагических событиях 1916 г. в Средней Азии, с обязательным, конечно, осуждением действий царской администрации[1]. Хрестоматийной стала фраза военного министра Д.С. Шуваева на заседании Военно-морской комиссии Государственной думы в конце сентября 1916 г. в ответ на обвинения в превышении власти: «Быть может, я превысил власть, но я и впредь буду превышать ее, если найду нужным»[2].

Показательно, что после данных публикаций (документов в 1930-е годы, и исследований 1950-х годов) в советской историографии факт противостояния царской администрации и Государственной думы по поводу восстания в Туркестане в 1916 г. упоминался только в одном официальном издании, правда, уже в период перестройки (причем без всякого анализа)[3].

Это было связано с тем, как справедливо заметил современный киргизский ученый Ж.Ж. Жакыпбеков, что «в советской историографии долгие годы утверждался карикатурный образ безгласной, послушно выполняющей волю Николая II Государственной думы и марионеточной фигуры А.Ф. Керенского», а ныне непредвзятый взгляд «позволяет нам по-другому взглянуть на деятельность Государственной думы и ее депутатов»[4].

Забытый исторический факт осуждения Государственной думой России карательной политики царизма в 1916 г. (где одними из активных участников были неугодные советской официальной науке Александр Керенский и Мустафа Чокаев) был возвращен, реабилитирован в историческом плане только в конце XX столетия (фактически одновременно) учеными Казахстана и России: Ж.А. Касымбаевым, А.Ф. Панфиловым, Д.А. Аманжоловой (в хронологическом порядке)[5].

---

[1] См.: *Ковалев П.А.* Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия // Труды САГУ. Ташкент, 1953. *Он же.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957.

[2] *Ковалев П.А.* Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия. С. 43. Цит. по: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 82.

[3] См.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1988.

[4] *Жакыпбеков Ж.Ж.* Проблемы советской историографии восстания 1916 года в 20–30-е годы XX века // Лаборатория общественно-политического развития Стран ближнего зарубежья. 2012. 16 февраля.

[5] См.: *Касымбаев Ж.* Вопросы истории восстания 1916 г. в Казахстане в представлении депутатов IV Государственной думы России // Казахстан жогаргы мектебі. 1996. № 6; *Панфилов А.В.* Либерально-демократическая Россия о событиях 1916 года // «Адилет».1997. № 1. С. 114–122; «Такое управление государством – недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной Думы. Декабрь 1916 г. [публикация Д.А. Аманжоловой] // Исторический архив. 1997. № 2. С. 5–22.

Впоследствии вопрос о роли российской Государственной думы Российской империи в решении проблем, возникших с восстанием 1916 г. в Туркестане, подвергли отдельному, специальному научному изучению Н.Е. Бекмаханова и Т.В. Котюкова[1].

Накануне 100-летнего юбилея восстания 1916 г. в Туркестане ведущие научные центры России и Киргизии опубликовали фундаментальные сборники документов, посвященные юбилейной дате. Ученые Киргизско-Российского славянского университета из запланированного многотомника «Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах» издали первые три тома[2], включающие в себя ранее не публиковавшиеся документальные материалы из архивов Киргизской Республики и Российской Федерации[3]. В историографическом обзоре сборника приводятся наиболее яркие примеры из речи А.Ф. Керенского 1916 г. в Госдуме и отдельно публикуются «Выдержки из речи члена Государственной думы Керенского, сказанной в общем собрании Думы 13 декабря 1916 года»[4].

Накануне юбилейной даты научной общественности стран СНГ был представлен сборник документов «Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии»[5].

Таким образом, история непосредственно самого восстания 1916 г. в Туркестане получила достаточно широкое освещение в советской историографии, но только в современной историографии благодаря усилиям историков стран СНГ некоторые стороны этого важного исторического события справедливо подвергаются кардинальному переосмыслению.

В казахстанской историографии неизменно отмечается, что в период восстания 1916 г. оппозиционные силы в Думе осудили карательную политику царизма в Туркестане и в целом «симпатии демократической России были на стороне повстанцев»[6].

---

[1] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 291–293. Туркестан и Государственная дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. [публикация Т.В. Котюковой] // Исторический архив. 2003. № 3. С. 133–134. *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 111–112; *Котюкова Т.В.* Керенские в Туркестане: история жизни одной семьи (мифы и реальность) // Материалы IV международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ, 15–21 июня 2009 года. Ереван, 2009. С. 42–50.

[2] См.: Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Т. I–III / ред. совет: В.И. Нифадьев, А.Ч. Какеев. Бишкек, 2015, 2016.

[3] Там же. Т. I. С. 20.

[4] Там же. Т. II. С. 15, 18, 281–301.

[5] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. 468 с.

[6] См.: *Касымбаев Ж.* Вопросы истории восстания 1916 г. в Казахстане в представлении депутатов IV Государственной Думы России // Казахстан жоғаргы мектебі. 1996. № 6. *Козыбаев М.К.* Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные про-

В современных исследованиях о жизни А.Ф. Керенского визит депутатов отражен с опорой на документы Туркестанского районного охранного отделения. Главе фракции трудовиков в Государственной думе А.Ф. Керенскому суждено было стать главным действующим лицом в противостоянии Думы с царским правительством, побудительным мотивом чего стал вопрос о причинах восстания 1916 г. Керенский к тому времени был известен в стране как видный адвокат, защищавший революционеров на судебных политических процессах. В 1916 г. он фактически встал на защиту участников национально-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии[1].

Об итогах поездки А.Ф. Керенский рассказал 10 сентября 1916 г. на частном совещании членов Думы под председательством М.В. Родзянко. В нем участвовало около 30 депутатов от разных фракций. Современные исследователи заметили, что прозвучавшие тогда предложения об ограничении количества призывников и отсрочке мобилизации могли бы способствовать снижению напряженности, но не были поддержаны. Керенский заявил, что местная власть при объявлении и проведении указа о мобилизации на тыловые работы допустила в отношении кочевого населения ряд грубых ошибок и бестактностей. Он огласил официальные документы, подтверждающие этот вывод. Главную вину «за неправильное усвоение Высочайшего указа туземным населением» А.Ф. Керенский возложил на местные власти, «которые не считаются с местными условиями, религиозными верованиями населения, его укладом жизни»[2].

В организации поездки в Среднюю Азию принял активное участие секретарь бюро мусульманской фракции Мустафа Чокаев. Именно по его просьбе в Туркестан приехал А.Ф. Керенский, который к тому времени приобрел широкую политическую известность. Историк, тюрколог с мировым именем Ахмет-Заки Валиди (Ахмет-Заки Валидов) вспоминал: «Я готовил для фракции (мусульманской фракции. – *Д. Л.*) многие заявления и вместе с Мустафой Чокаевым занимался проблемами туркестанцев, которых брали на фронт рабочими; чаще всего мы работали с депутатом Керенским. Туркестанцы любили его: он вырос в Ташкенте, где его отец был инспектором просвещения, и, будучи социалистом-революционером, часто критиковал правительство. Особенно был связан с ним Мустафа Чокай. С помощью Керенского мы с Муста-

блемы // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: Материалы международной научной конференции. Алматы, 1997. С. 16; *Озганбай О.* Государственная дума России и Казахстан. 1905–1917 гг. Алматы, 2000. С. 148–170.

[1] *Легкий Д.М.* К 90-летию восстания 1916 г. в Казахстане. Вулкан в степи. Александр Керенский – защитник национально-освободительного движения нач. XX века // Мысль. Республиканский общественно-политический журнал. 2006. № 9. С. 83–85.

[2] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных Думах России (опыт законотворчества). М., 1999. С. 195–196.

фой Чокаевым раза два выезжали на фронт, чтобы инспектировать положение там туркестанских рабочих»[1].

13 декабря 1916 г. состоялось закрытое заседание Думы, на котором с подробным докладом выступил А.Ф. Керенский. Он прямо указал на то, что «это восстание, как здесь называют это теперь в Петербурге», непременно будет «еще долго сказываться в жизни не только Туркестана, и Степных областей, но и всей России». Более того, Керенский обвинил царское правительство в том, что «ко всем фронтам войны прибавился новый – Туркестанский фронт». Вместе с тем он категорически отвергал распространяемые официальными властями слухи о провокационной роли панисламистских настроений и германского фактора, отмечая, что до принятия указа в этих областях не было межнациональных конфликтов. «Население жертвовало, и жертвовало в огромном количестве, надеясь на выполнение обещания не налагать другие повинности на него. Оно оказало помощь семьям русских поселенцев, ушедших на войну, в размере около 100 тысяч рублей, кочевники главным образом на своих плечах выносили тяжесть материальной помощи этим семьям, в том числе на сельхозработах». Затем он добавил, что «это те самые кочевники, которых теперь беспощадно десятками тысяч истребляют планомерно и систематично». Опираясь на многочисленные беседы с участниками и свидетелями волнений, докладчик заявил, что «события эти не только внесли экономическое разрушение, не только нарушили спокойное течение жизни, но они были соединены с жертвами как со стороны русского, так и туземного населения». Керенский привел цифры жертв в «несколько тысяч (2–3) русского населения и много десятков тысяч» местного населения. Здесь докладчик эмоционально воскликнул: «Того, что происходило в горах Семиречья, никогда, может быть, мир до сих пор не видел»[2].

Казахстанские ученые в настоящее время указали, что «первоначальным центром противостояния колонии и метрополии было Семиречье», с одновременным признанием Тургайской степи «основным очагом национально-освободительного движения 1916 г.», причем для подавления восстания в Семиречье было направлено «35 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов»[3].

Керенский фактически вскрыл обстоятельства недальновидных действий властей, порою преступных по содержанию, которые привели не только

---

[1] *Валидов А.-З.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / под ред. С.М. Исхакова; пер. В.Б. Феофановой. М., 1997. С. 109.

[2] «Такое управление государством – недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной Думы. Декабрь 1916 г. [публикация *Д.А. Аманжоловой*] // Исторический архив. 1997. № 2. С. 5–22.

[3] *Козыбаев М.К.* Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: Материалы международной научной конференции. Алматы, 1997. С. 16.

к социальному, но и межнациональному конфликту. Будучи хорошо знаком с жизнью Степного края, он с иронией напоминал авторам злополучного указа, что «есть еще местные условия, есть быт, есть экономические условия жизни данного населения», поэтому его содержание «шло вразрез со всем укладом местной жизни». В качестве примера был приведен тот факт, что «даже момент проведения выбрали самый невозможный, самый неудачный из всех моментов, которые только можно было выбрать». Кроме того, что «в Туркестане был разгар сельскохозяйственного сезона, который по местным условиям заканчивается не в августе, а к концу октября», в это же время у мусульман был величайший в году праздник – великий мусульманский пост «Ураза». Он пояснил депутатам Думы, что «это время самого острого нервного подъема, когда все мусульманское население уходит в исполнение своих религиозных нужд». Здесь же Керенский отметил «гражданское мужество» генерала Гиппиуса, который подал особое мнение и решил «не подчиняться такому безумному распоряжению власти». Этот грамотный чиновник «получил чисто русскую благодарность» в форме увольнения со службы, несмотря на то, что «у себя в Фергане… провел своим порядком эту меру, достигнув того, что там не было таких беспорядков, как, например, в Семиречье»[1].

Видимо, не случайно Керенский обозначил эти события как «новый Туркестанский фронт» для воюющей империи. «Я считаю Высочайшее повеление единственной причиной событий, и утверждаю, – продолжал докладчик, – что этот приказ невыполним». Поэтому местная власть «везде от системы принудительного набора, от системы “повинности” должна была немедленно перейти к системе откупной». По справедливому мнению оратора, именно «вот эта купля и продажа… и вызвала то возмущение, которое началось среди местного населения». Причем он обвинил местные власти, что они открыли «новый небывалый золотой фонтан… новый источник невероятного, сказочного обогащения, новый источник эксплуатации и вымогательства населения». По его словам, все знают, «какая такса существует за то, что бы откупиться от судебных преследований». Наряду с этим Керенский не отрицал, что «на местах, несомненно, начались эксцессы и волнения». Рассуждая о «психологии масс», опытный политик заявил: «Это были стихийные вспышки людей, доведенных до ужаса и отчаяния, до негодования. Всегда одинаковым способом отвечают доведенные до исступления масса на эксцессы и беззакония властей. Это один способ, который существует как в культурных, так и в некультурных государствах… На эти беспорядки администрация и русская государственная власть отвечали планомерным и систематическим террором, недопустимым не только в культурном европейском государстве, но недопустимым даже в какой-то ни было восточной деспотии!» В ходе выступления Керенский прямо отвечал на неудобные вопросы, когда «население…

[1] «Такое управление государством – недопустимо». С. 5–22.

огромными массами, целыми родами поднялось с долин и пошло в горы искать себе нового убежища, новой родины в Китае». Он указал, что «их восстание было восстание пассивное, они хотели… покинуть старую родину, столь жестоко с ними обошедшуюся». Керенский обвинил царских генералов, что «комбинированные действия войск» в горных ущельях приводили к тому, что «масса женщин, детей, взрослых и стариков обрекалась холодно и спокойно на голодную смерть». По его словам, даже «представитель военно-прокурорского надзора… после усмирения восстания», вернувшись домой, был вынужден заявить: «Мы не знали, куда деваться от стыда». Здесь прозвучал однозначный вердикт докладчика: «Мы стоим перед действительно позорной страницей, неизгладимой страницей позора в русской истории»[1].

Фракцию трудовиков в Государственной думе единодушно поддержала мусульманская фракция, когда Мамед-Юсуф Джафаров заявил с парламентской трибуны: «Незаконные действия агентов высшей власти сопровождались безграничным произволом местных властей, незакономерность как самого акта издания повеления о призыве инородцев, так и незакономерность проведения этого акта в жизнь – прямой результат выработанной веками и традициями инородческой политики, политики игнорирования как мнения самого населения, так и его жизненных интересов»[2]. Вывод мусульманского депутата был однозначный: «Превышение власти – это принцип инородческой политики русской власти»[3].

По мнению казахстанских ученых, член мусульманской фракции Государственной думы М. Джафаров, поддерживая основные положения запроса фракции трудовиков (лидером которой был А.Ф. Керенский), «четко обозначал главную причину восстания народов Казахстана и Центральной Азии – колониальную политику царизма и прямую зависимость от нее действий исполнительной власти всех уровней»[4].

Когда 15 декабря 1916 г. обсуждение в Думе было продолжено, то в выступлениях депутатов от партии кадетов также прозвучала обеспокоенность сложившейся ситуацией и критика политики царского правительства. Так, в выступлении депутата М.С. Аджемова также говорилось о недопустимости лишения народов Туркестана и Степного края избирательного права и насильственного изъятия у них земли, что «привело к росту антирусских настроений». Депутат князь С.П. Мансырев, отметив, что «Туркестан – одна из лучших жемчужин русской короны», одновременно указал на архаичный, реакционный характер местного управления[5]. Видимо, депутатов Думы, из-

[1] «Такое управление государством – недопустимо». С. 5–22.

[2] *Озганбай О.* Указ. соч. С. 211.

[3] *Панфилов А.В.* Либерально-демократическая Россия о событиях 1916 года // Адилет. 1997. № 1. С. 118.

[4] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Алматы, 2000. С. 650.

[5] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Указ. соч. С. 199.

бранных от прибалтийских, кавказских губерний, в том числе Войска Донского, волновала судьба не только Туркестана, но и своего родного края, национальные и региональные интересы своих избирателей.

Запрос будущего лидера Февральской революции 1917 г., как и два других, были приняты Государственной думой, которая большинством голосов осудила карательную политику царизма в Средней Азии и Казахстане. Таким образом, благодаря резким, смелым выступлениям А.Ф. Керенского и депутатов Думы, в первую очередь мусульманской фракции в 1916 г., в начале 1917 гг. на законодательном уровне были официально признаны провалы в национальной политике самодержавия, что стало одной из весомых, объективных причин назревающих на глазах революционных потрясений.

Таким образом, толчком к прямому противостоянию Государственной думы с царским правительством послужила именно неразрешенность национального вопроса. Этому способствовала деятельность мусульманской фракции, которая организовала поездку А.Ф. Керенского в Среднюю Азию с последующим его выступлением на закрытом заседании Думы. Андреас Каппелер дал непредвзятую оценку роли мусульман, в том числе представителей казахов в высшем законодательном органе Российской империи, где, по его мнению, «специфические национальные проблемы лишь спорадически становились предметом обсуждения». Каппелер отметил: «Думы представляли собой важный форум для политических дискуссий… Мусульманские депутаты выступали за равноправие их религии и культуры, а казах Каратаев выдвигал требования ограничить русские поселения в Степных областях»[1].

В настоящее время историки ввели в научный оборот документы, свидетельствующие, что А.Ф. Керенский, используя полномочия депутата Государственной думы, не прекращал защищать интересы уже мобилизованных на фронтовые работы туркестанцев, которые неоднократно обращались к нему за помощью. Так, 16 января 1917 г. он сделал телеграфный запрос в Министерство внутренних дел: «Обращаю ваше внимание, что 46 000 человек, призванных от Семипалатинской и Семиреченской областей на фронтовые работы в течение двух месяцев находятся в семипалатинских бараках для арестантов, которые находятся в страшном состоянии, а призывники недоедают, распространились заразные болезни, возрастает смертность среди них. Прошу принять срочные меры, быстрее отправить к местам назначения или отправить по домам до выяснения сроков и пунктов отправки»[2].

Последние открытые выступления Госдумы в 1916 г. предрешили ее судьбу. Буквально накануне Февральской революции 1917 г. император Николай II 25 февраля издал указ о роспуске Государственной думы, в ответ ее депутаты 27 февраля создали Временный комитет Государственной думы, на

[1] *Каппелер А.* Указ. соч. С. 152–153.
[2] *Озганбай О.* Указ. соч С. 166–167.

основе которого вскоре будет создано Временное правительство. Непосредственные свидетели первого дня революции в столице 27 февраля, члены мусульманской фракции Думы, М. Чокаев и А.-З. Валидов до вечера наблюдали, «как революционно настроенные рабочие воевали с полицией и царскими чиновниками», а солдаты «вешают на телеграфные столбы шинели убитых крупных полицейских чиновников»[1].

Когда 3 и 6 марта 1917 г. в газетах была напечатана декларация Временного правительства «об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и принято было обращение к гражданам России, то уже 7 марта состоялся митинг, организованный мусульманской фракцией Государственной думы, секретарем которой был Мустафа Чокаев. От имени митинга были направлены телеграммы не только в адрес председателя Думы М.В. Родзянко и первого председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, но и персональное поздравление министру юстиции А.Ф. Керенскому, который был охарактеризован как «первый выступивший в защиту попранных прав мусульманского населения», имея в виду его выступления в Думе в 1916 г. после поездки в Туркестан в составе думской комиссии, изучавшей причины восстания местных мусульман[2].

Инициатором отправления телеграммы А.Ф. Керенскому от имени мусульманского митинга на Невском проспекте был именно М. Чокаев. Митинг мусульманской фракции 7 марта 1917 г. в столице в поддержку новой власти совпал с выходом указа Временного правительства от 7 марта 1917 г. об амнистии участникам восстания 1916 г., причем А.Ф. Керенский, как министр юстиции, станет инициатором его издания.

Вместе с тем в межреволюционный период от февральской до Октябрьской революции с большим трудом исполнялись указы Временного правительства, и нередко благие пожелания центральной власти на местах оборачивались бюрократической волокитой (что так остро критиковали в свое время лидеры либеральной оппозиции). По мнению современных исследователей национального движения в Узбекистане и Татарстане, после крушения Российской империи, «Временное правительство не спешило разрешать проблемы, накопившиеся в крае (Туркестане. – *Д. Л.*) за долгие годы самодержавия, и вообще, «после февраля новая власть не сумела переломить события к лучшему»»[3].

Во многом причины этого историки объясняют разнородностью входивших в него партий, отсутствием у них единой программы по национальному вопросу, а также продолжавшейся войной. Вместе с тем одновременно при-

---

[1] *Валидов А.-З.* Воспоминания. С. 113.

[2] *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция. 1917–1918. М., 2004. С. 116–117.

[1] *Валиханова Н.С.* Национальные движения и партии Средней Азии: историография. М., 2000. С. 64; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане в социальных и межнациональных отношениях 1917 года // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 259.

знается, что Временное правительство оставило на своих местах не только генерал-губернатора края А.Н. Куропаткина (что было в то время и во многих русских губерниях), но и «других чиновников, в том числе генералов Иванова и Папенгута, известных "усмирителей" восстания 1916 г.». Более того, на митинге в Ташкенте 5 марта 1917 г. Куропаткин заявил, что присоединяется к заявлениям Временного правительства, но не преминул подчеркнуть, что революции угрожает внутренний враг – «не кто иной, как киргизы». Современный историк Н.С. Валиханова делает правомерный вывод, что «фактически генерал Куропаткин продолжал старую колонизаторскую политику натравливания одного народа на другой, пытаясь заручиться в этом поддержкой и правительства». Все же, некогда всесильный, Куропаткин 7 апреля 1917 г. был отстранен от власти, причем сделано это было вовсе не по распоряжению правительства. Он «был арестован у себя в резиденции», когда «возмущенные представители народов Востока, в том числе русские, потребовали снятия генерала с должности». Позицию главы Временного правительства в отношении Туркестана раскрывает запись в дневнике А.Н. Куропаткина от 29 апреля 1917 г.: «А.Ф. Керенский согласился с моим мнением, что при неравенстве обязанностей с русским населением туземцам не следует предоставлять и полноту прав» (что было опубликовано в 1927 г. в журнале «Красный архив»)[1].

Таким образом, личную позицию А.Ф. Керенского красноречиво раскрывают дневники и воспоминания его современников. Так, в мемуарах видного деятеля национально-освободительного движения народов Российской империи Ахмет-Заки Валиди (впервые изданных в Стамбуле в 1969 г.) описывается его встреча в 1958 г. в библиотеке Гуверовского института в США «с самим А.Ф. Керенским, еще здравствовавшим и работавшим над своими мемуарами». Ахмет-Заки Валиди имел непосредственное отношение к обсуждению вопроса о восстании 1916 г. в Туркестане, когда в 1916 – начале 1917 г. молодой историк, ставший видным специалистом по Востоку в возрасте 27 лет, был экспертом мусульманской фракции в IV Госдуме. Он прямо указывает на политическую позицию А.Ф. Керенского (в период написания мемуаров бывшего главой Временного правительства): «В старости он стал чересчур большим русским патриотом и не хотел слышать слов о независимости» (независимости Туркестана. – *Д. Л.*)[2].

Поэтому не стоит современным исследователям идеализировать роль А.Ф. Керенского по предоставлению Туркестану каких-либо широких демократических прав (вплоть до автономии народам национальных окраин). Одно дело выступать с трибуны Государственной думы в противостоянии с царским правительством в период борьбы за власть до Февральской рево-

[2] *Валиханова Н.С.* Указ. соч. С. 64.
[1] *Валидов А.-З.* Воспоминания. С. 109–110.

люции 1917 г., а другое – нести ответственность за политические обещания, находясь у власти.

Известный мусульманский лидер Усман Токумбетов[1] подчеркивал, что «политика Временного правительства на окраинах России, Кавказе, и в Туркестане, и Киргизских степях мало чем отличается от политики старой власти». Он указывал, что из общей суммы, выделенной для помощи русскому и туземному населению Семиреченской области, пострадавшей от восстания в 1916 г., на каждый разоренный русский двор отпускалось 1000 руб., а возвращавшимся из Китая семиреченским киргизам и казахам – по 100 руб. на кибитку. У. Токумбетов выражал «крайнее сожаление, что Временное правительство… ограничивается обещаниями, принятием докладных записок, а на деле игнорирует интересы мусульманского населения»[2].

Эти данные приводит видный российский ученый, специалист по истории межнациональных отношений С.М. Исхаков. В качестве другого яркого примера он приводит конфликт казахов и киргизов с казаками, русскими и украинскими переселенцами после возвращения первых из Китая, куда они бежали после восстания 1916 г., который он небезосновательно считает «самым масштабным и острым». Когда же центральная власть попыталась исправить положение силой, это приносило порой обратный результат. Так, в конце июля 1917 г. войска, посланные А.Ф. Керенским (когда он уже стал главой Временного правительства) в Семипалатинск для наказания грабителей, соединились с последними, причем «до 2 тыс. казахов были подвергнуты избиению». Для оправдания этих действий Петроградское телеграфное агентство распустило слух, что «казахи были вооружены пулеметом». В конечном счете оказалось, что «просьбы об обустройстве среднеазиатских беженцев поступали Временному правительству еще с марта 1917 г.», и вплоть до Октябрьской революции «положение все более осложнялось в связи с нехваткой средств, равнодушием петроградских властей и всей российской демократии к окраинным проблемам»[3]. По свидетельству Мустафы Чокаева, в то время «революция 1917 г. показалась как бы логическим завершением туркестанского восстания 1916 г., проведшего непроходимый ров между русским царизмом и Туркестаном»[4].

Таким образом, восстание 1916 г. в Казахстане и Средней Азии накануне Февральской революции 1917 г. переросло в национально-освободительную войну, которая фактически завершилась в период свержения самодержавия, сливаясь одновременно в один мощный поток освободительного движения народов бывшей Российской империи и всего Востока.

---

[2] Один из руководителей II Всероссийского мусульманского военного съезда в январе 1918 г.

[3] *Исхаков С.М.* Российские мусульмане в социальных и межнациональных отношениях 1917 года. С. 265.

[1] Там же. С. 258, 261.

[2] *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. / под ред. С.М. Исхакова. Токио–М., 2001. С. 4.

Поэтому действительно необходимо проявлять взвешенный, научный подход, учитывая различные точки зрения, не отвергая уже известные документальные источники (тот же самый доклад Керенского) и в то же время избегая фрагментарных «выдергиваний из текста» тех фактов, которые вписываются в современные идеологические схемы или в угоду политической конъюнктуре. Государственная дума как высший представительный орган впервые в своей истории не только подвергла резкой критике административную политику царского правительства (в этом нельзя отрицать и заинтересованность ряда парламентских фракций), но и единодушно выступила (ранее были только выступления отдельных депутатов) в защиту интересов народов национальных окраин Российской империи.

Глава IV
ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ 1916 ГОДА

«Реквизированные» буряты в Архангельской губернии (август 1916 – май 1917 г.)

«Рабочий вопрос» оказался одним из наиболее болезненных для стран, участвовавших в I мировой войне, тотальный характер которой заставил поставить «под ружье» всех мужчин призывного возраста. Не обошла эта проблема и Россию с ее, казалось бы, гигантскими людскими резервами. Неудачные попытки правительства решить «рабочий вопрос» вызывали всеобщее недовольство, обратились экономическим развалом и социальной напряженностью.

Вопрос о переводе промышленности на военные рельсы напрямую был связан с проблемой обеспечения промышленности, строительства, дорожной отрасли относительно дешевым трудом. В мае 1916 г. высказывалось предложение о применении правил о «реквизиции труда», что означало введение своего рода обязательной трудовой повинности, что фактически уже применялось в объявленных на военном положении местностях. В частности, это касалось решения вопроса об использовании для задач обороны лиц «желтой расы», «инородцев», военнопленных[1].

Остановимся на проблемах привлечения трудовых ресурсов на Европейский Север России (в первую очередь – в малолюдную и слабозаселенную Архангельскую губернию, в состав которой входил и Кольский полуостров – территория современной Мурманской области). Здесь периодически возникал вопрос обеспечения строек государственного значения рабочими руками. Это было связано с тем, что данный регион примыкал к северным морям – малоприспособленным для коммерческого плавания, но во время войн нередко становившимися стратегически важными торговыми путями в открытом океанском пространстве.

Войны ставили на повестку дня моблизирующие методы решения актуальных вопросов. Вот и вопрос «рабочих рук» часто решался путем привлечения, нередко насильственно, трудовых резервов других регионов страны.

[1] Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / под ред. Ю.А. Петрова. М., 2014. С. 79.

В Архангельском порту и на Олонецких (Петрозаводских) заводах в XVIII и первой половине XIX в. широко применялись формы трудовых мобилизаций (привлекались ресурсы рекрутов и крепостных).

Однако во второй половине XIX в. уже господствовал свободный наем рабочей силы. Более того, в северных губерниях, в том числе в Архангельской и Олонецкой, куда прежде принудительно привлекали рабочих, наметился излишек рабочих рук и, соответственно, их отток в крупные промышленные центры. В начале XX в. исключением в этом отношении оставался Архангельск. На время навигации для портовых работ, а в зимнее время – для работы на многочисленных лесозаводах сюда устремлялись сезонные отходники из многих уездов северных губерний.

Увеличение во время войны грузооборота через Архангельский порт и северные транспортные магистрали, развернувшиеся в северных губерниях крупные портостроительные, железнодорожные и прочие работы создали здесь тяжелейший дефицит рабочей силы. В первые же дни войны в Архангельском порту возникла проблема обеспечения рабочими руками «угольных операций». В порт были доставлены тысячи тонн угля, который было необходимо срочно выгрузить из трюмов пароходов, а затем перегрузить в баржи и железнодорожные вагоны. Прибывали и другие грузы, требующие нередко срочной отправки. Начались работы по строительству новых портовых районов, переоборудованию существующих; приступили к расширению железнодорожной сети, строительству большого количества новых путей, разъездов, станций.

При обсуждении рабочей проблемы возникали предложения военизировать труд на предприятиях и работах оборонного значения. Однако правительство, опасаясь рабочих волнений, попыталось решить эту проблему путем введения более высокой оплаты труда на казенных работах. На требования прислать рабочих для срочных работ оборонного значения военные и гражданские власти Архангельска получали один ответ – используйте возможности вольнонаемного труда; любая проблема рабочих рук это лишь «вопрос цены». Но обычная система найма рабочих путем формирования рабочих артелей шла слишком медленно. К тому же в условиях страшного дефицита рабочих рук вольнонаемные имели возможность искать себе более выгодные формы занятости.

Поиски рабочих рук стали самой большой проблемой для производителей работ. Командированный в регион управляющий делами Центрального военно-промышленного комитета докладывал в июле 1916 г., что «рабочий вопрос – истинный бич Архангельска. Трудно представить себе нечто более хаотическое, чем снабжение Архангельска рабочей силой. В сущности, такого снабжения нет вообще – ни в Архангельске, ни в Петрограде нет соответствующего учреждения. Каждое учреждение на свой страх и риск озабочивается привлечением для себя рабочих, невольно вступая в конкуренцию друг с дру-

гом, и тем непрерывно повышая заработную плату»[1]. В результате важные для обороны виды деятельности не обеспечивались рабочими руками, либо привлечение наемного труда делало их непомерно обременительными для казны.

Для тыловых работ оборонного значения (на Европейском Севере таковыми были перегрузочные работы в портах, портовое и дорожное строительство) власти получили право привлекать как специализированные воинские части (например, железнодорожные), так и необученных военнообязанных, из которых формировались ополченческие дружины. Но этих сил было недостаточно. Использование в порту труда военнопленных было нежелательным по соображениям безопасности.

На строительство тысячеверстной Мурманской железной дороги привлечь вольнонаемных рабочих становилось все сложнее. Условия жизни и труда в сложных климатических условиях, при слабой организации централизованного снабжения и дороговизне в связи с этим продуктов питания и одежды были здесь настолько тяжелыми, что большинство завербованных при первой же возможности, несмотря на высокие заработки, разрывали контракт и уезжали.

В общей сложности на «Мурманстройке» работало 170 тысяч рабочих. После данного в 1916 г. разрешения в их число вошли 40 тыс. военнопленных австро-венгерской и германской армий, 10 тыс. навербованных китайцев, две тысячи киргизов (казахов), «реквизированных» по военно-трудовой повинности. Обеспечить «Мурманстройку» вольнонаемным, при этом мужским, трудом, поддерживать среди рабочих дисциплину и остановить текучесть кадров удалось путем предоставления с 1916 г. отсрочки от призыва в армию.

Проблему рабочих рук пытались решить путем привлечения в Россию китайских рабочих[2]. В ноябре 1916 г. правительство разрешило заинтересованным организациям (в том числе «Мурманстройке») ввезти в страну в общей сложности 30 тыс. «рабочих желтой расы». Летом 1917 г. встал вопрос о ввозе еще 10 тыс.

Работа на строительстве Мурманской дороги оказалась тяжелой даже для трудолюбивых и выносливых китайцев. Чтобы предотвратить побеги, подрядчикам было разрешено забирать у китайцев документы. Это не всегда могло остановить побеги: так, летом 1917 г. в Управлении Северных железных дорог находилось 970 паспортов китайцев, которые бежали с работ[3]. Вскоре начался их массовый выезд в связи с болезнями.

Опытные землекопы, китайские рабочие добросовестно выполняли возложенную на них работу. Сложности возникали при общении с ними инженеров и прорабов; переводчиками обычно выступали сами китайцы,

[1] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2420. Л. 7.
[2] ГА РФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 398. Л. 49.
[1] Там же. Д. 4. Л. 8.

часто плохо знающие русский язык. Еще больше проблем создавали тяжелые, даже для выносливых китайцев, условия жизни и труда на Крайнем Севере. Положение китайских рабочих здесь было таково, что, по мнению участников «Совещания для разрешения вопросов, возникающих при применении правил Правил о найме и перевозке рабочих желтой расы», могло «в высшей степени скомпрометировать положение в России желтого труда, в коем может ощущаться необходимость еще весьма продолжительное время»[1].

Отмечалась высокая заболеваемость иностранных рабочих, смертность уже в пути – как на Мурман, так и особенно при возвращении. Около 80% уезжающих из России китайцев составляли рабочие с «Мурманстройки». Причиной, как правило, была цинга. Условия транспортировки заболевших китайских рабочих были неудовлетворительными. Так, в январе 1917 г. из возвращавшихся с «Мурманстройки» 230 китайцев десять человек умерли от истощения (в дороге их плохо кормили; вагоны были холодные, «без зимней обшивки и выносных ведер»).

«Совещание» требовало от администрации строительства Мурманской железной дороги «принять энергичные меры к устранению» выявленных проблем и организовать «наблюдение… за санитарным состоянием и питанием больных китайцев»[2]. В строительных подрядных организациях контроль за условиями жизни и труда иностранных рабочих особенно усилился после Февральской революции. Подрядчики сами стали отказываться от иностранных восточных рабочих по причине излишнего, как им казалось, внимания со стороны различных общественных организаций и правовых органов к положению китайцев. Защитой их прав после Февральской революции активно стала заниматься созданная весной 1917 г. общественная организация «Союз китайских граждан в России». Временное правительство разрешило представителям «китайской миссии» посещать места, где работали китайские рабочие, с целью выяснения их нужд и пожеланий. В условиях ведения войны подобные «посещения» не могли не вызывать раздражения как производителей работ, так и органов контрразведки.

В Архангельском порту использование вольнонаемного труда – по причине высоких расценок на него, а также недисциплинированности рабочих, которые, например, на период сельскохозяйственных работ отправлялись по домам вместе со своими лошадьми и телегами, – стало крайне неудобным. Надо было искать другие возможности решения рабочего вопроса для северных губерний.

В 1916 г. власти вынуждены были обратиться к практике трудовых повинностей и мобилизаций (по терминологии того времени, «реквизиций»). В Архангельске к подобным мерам стали прибегать, чтобы прекратить прак-

[2] ГА РФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 398. Л. 16 об.

[3] Там же. Л. 10.

тику «переманивания» рабочих в наиболее «горячие» периоды обещанием более высоких заработков. Губернатор своими «обязательными постановлениями» за подобные отвлечения рабочих, прежде всего с городских и казенных работ, грозил высокими штрафами и арестом.

Так называемые реквизиции платного труда эпизодически использовались и на стройках оборонного значения. В частности, губернатор получил разрешение военных властей на введение «принудительных нарядов», то есть привлечение по трудовой повинности рабочих с других предприятий для выполнения работ на строительстве внутрипортовых железнодорожных линий, куда не удавалось нанять рабочую силу другим способом[1].

Население Олонецкой губернии, а также лопари (саами – проживавший на Кольском полуострове малочисленный, ведущий полукочевой образ жизни народ) были обязаны распоряжением начальника Петроградского военного округа «в порядке платной реквизиции» предоставлять подводы (одноконные и оленные), возчиков и рабочих для перевозки военных и других грузов по незастроенным участкам Мурманской железной дороги[2].

В таких условиях неудивительно, что общественность все более и более была возмущена сохраняющимися льготами для так называемых «сибирских инородцев», к которым были причислены и буряты.

Вошедшие в состав Российского государства в конце XVII в., буряты стали формироваться как отдельный народ в результате изоляции от монголов после определения в 1720-х гг. российско-китайской границы. В начале XX века буряты не имели собственной административной территории и проживали в Забайкальской области, в Иркутской и Енисейской губерниях, составляя не более пятой части населения этих регионов. В Иркутской губернии буряты теснее соприкасались с русским населением, здесь был выше уровень школьного образования, распространялось православие. В Забайкалье основным вероисповеданием был буддизм (ламаизм). Продолжали существовать и традиционные верования (шаманизм).

На основании «Указа об управлении инородцами» 1822 г. буряты, причисленные к «кочевым инородцам», были освобождены от воинской службы. После введения всесословной воинской повинности, «инородцы», в том числе буряты, сохранили эту льготу «до особого распоряжения». Впрочем, предпринимавшиеся время от времени попытки отменить ее[3] не были реализованы в связи с сопротивлением бурятской национальной администрации и нежеланием имперских властей создавать дополнительное напряжение на этнической почве.

---

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1342.

[2] *Визе В.Ю.* Всемирная война и Архангельский край (Гужевая перевозка военных грузов в 1916 году) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 3–4. С. 49–60.

[1] *Жалсанова Б.Ц.* Воинская повинность бурят в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки Сибири. 2010. № 4. С. 7–11.

При этом после включения бурятского народа в состав Русского государства забайкальские буряты несли пограничную службу, являясь по своему сословному положению казаками.

События Первой мировой войны обострили тянувшуюся десятилетиями и так и не решенную проблему воинской повинности для инородцев. В российском обществе поднимался вопрос об отмене существующей льготы для многочисленных и достаточно обеспеченных народов, поскольку проблема трудовых ресурсов стала одной из наиболее болезненных для всех участвовавших в ней государств.

25 июня 1916 г. Николай II подписал наконец указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ», согласно которому буряты были реквизированы на тыловые работы. Призыву по мобилизации в первую очередь подлежали лица, родившиеся с 1885 по 1897 г.; освобождались выборные лица, учащиеся и имеющие высшее образование, духовные лица («хотя весьма желательна добровольная отправка нескольких лам для удовлетворения религиозных потребностей»[1]).

В телеграмме министра внутренних дел военному губернатору Забайкальской области предписывалось: «25 сего июня высочайше повелено: первое, для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи и, в частности, проживающих во вверенной вам области»[2].

Иркутский губернатор в своем «объявлении» о реквизиции призвал «откликнуться дружно, как один человек, немедленной явкой на указанные сборные пункты»; пояснил, что отобранные для тыловых работ получат от казны жалованье, что их семьям будет предоставлена трудовая помощь от своих обществ.

Особо подчеркивалось, что «свободные от обязательного для других сынов Империи несения военной службы инородцы Иркутской губернии и ныне, несмотря на то, что государству, в этот тяжелый период его истории,

---

[1] Телеграмма Иркутского вице-губернатора М.И. Измайлова крестьянским начальникам и заведующим подрайонами о лицах, не подлежащих реквизиции, 11 июля 1916 г. // *Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш.* «…для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи»: документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3(19). С. 240–252.

[2] ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 2779. Л. 1–1 об. (цит. по: Публикация документов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3(19). С. 240.

так нужны войска, призываются, по воле государя императора, не на военную службу, а лишь к чрезвычайно нужной государству тыловой же работе», что демонстрировалось как «особая милость» императора[1].

Всего на основании Указа о принудительной трудовой реквизиции проживавших в России «инородцев» предполагалось мобилизовать около 400 тыс. человек. Но начало его реализации привело к волнениям в Средней Азии, и распоряжение было отменено до окончания земледельческих работ – а фактически полностью.

Однако мобилизация бурят происходила «ударными» темпами, более 23 тысяч молодых мужчин призывного возраста уже были отправлены на запад. К моменту опубликования распоряжения о переносе сроков мобилизации в Архангельск уже были доставлены четыре эшелона с «инородцами» – в основном это были буряты Забайкальской области и Иркутской губернии[2]. Люди уже перенесли 24-дневную тяжелую дорогу, и было решено не возвращать их на родину, сократив сроки использования их труда. А также отменялась первоначально предполагавшаяся отправка бурят на Кольский полуостров для работ на строительстве Мурманской железной дороги; туда были отправлены киргизы и казахи, прибывшие вместе с бурятами – всего около 2 тысяч человек.

29 августа 1916 г. главноначальствующий г. Архангельска и района Белого моря контр-адмирал Угрюмов подписал приказ № 102 о формировании «Инородческой» дружины (впоследствии, после отправки киргизов, дружину стали именовать «бурятской»). Во главе был поставлен полковник корпуса флотских штурманов Судовкин, которому были предоставлены права командира отдельной части[3].

Всего с 9 августа 1916 г. по 28 марта 1917 г. шестью эшелонами в Архангельск было доставлено 6131 бурят[4]. Дружина подразделялась на «эшелоны» – в том составе, в котором рабочие прибыли. Каждый «эшелон» подразделялся на сотни (фактически вагоны) во главе с выборными из своей среды сотскими. Сопровождавших «реквизированных» в пути военнослужащих (офицеров и рядовых) решено было не возвращать, а оставить при «эшелонах» для поддержания порядка и организации выдачи нарядов на работы.

Надо сказать, что в Архангельске очень ждали бурят, которых представляли дисциплинированными, выносливыми работниками. Предполагалось,

---

[1] ГАРБ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 24. Л. 15 об. – 16. Цит. по: *Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш.* «…для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи»: документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3(19). С. 240–252.

[2] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

[3] Там же. Д. 60. Л. 8.

[4] Там же. Д. 1. Л. 29; Д. 2. Л. 25.

что они будут задействованы на разгрузочных работах в порту. Однако при виде огромных пароходов некоторые из бурят приходили в такое замешательство, что невозможно было заставить их подойти к ним близко. По свидетельству одного из бурятских рабочих, «и гигантские пароходы, и военный порт… произвели на нас, степняков, людей, только вчера оторванных от сельскохозяйственной идиллии, сильное впечатление. Мы до самого выезда из Архангельска не могли освоиться с этой угрюмой природой и обстановкой порта военного времени»[1].

В результате пришлось отказаться от использования бурятских рабочих в порту. Более половины их были откомандированы в распоряжение различных ведомств и предприятий. Такая возможность оговаривалась сразу же: «реквизированных» можно было предоставлять частным работодателям (в том числе и в другие губернии) при условии выполнения всех «социальных обязательств», которые брало на себя правительство: плата за труд не ниже фиксированных 3 рублей в день, обеспечение медицинской помощью в случае заболевания или трудовой травмы, обеспечение жильем. При передаче бурятских рабочих предпочтение отдавалось тем частным предпринимателям, которые занимались выполнением «городских подрядов», например, заготовкой дров для населения Архангельска, терпевшего в годы войны жесточайший топливный кризис в связи с отвлечением обычных поставщиков на другие работы. Вместе с тем использование «реквизированных» для работ государственного значения бурят «частным капиталом» вызывало возмущение бурятской интеллигенции, что после Февральской революции вылилось в их активный протест.

Штаб инородческой дружины находился в Архангельске. Но сами дружинники направлялись на работы по всему региону: более тысячи человек занимались заготовкой дров для транспорта. Во время войны уголь, доставляемый в Архангельск, перенаправлялся для Балтийского флота, и пришлось перевести железнодорожный и речной транспорт на топку дровами. Кочегары отказывались от работы с дровяным топливом, поскольку оно усугубляло и без того тяжелый труд; поэтому бурят стали привлекать и для подачи дров в топки. В результате буряты оказались разбросаны по всему Северу, вдоль железнодорожных и речных путей.

В самом Архангельске труд бурят применяли при строительстве узкоколейной железнодорожной линии на северном участке порта, от аванпорта Экономия до острова Мудьюг. Необходимость в этой работе возникла внезапно зимой 1916–1917 г. В связи с сильными морозами пароходы не могли пройти в порт даже с помощью ледоколов. Поэтому решено было продолжить имеющуюся железнодорожную ветку до незамерзающего участка в районе острова Мудьюг, проложив рельсы прямо по льду. Дорога строилась в зимнее

[1] *Сункуев А.С.* Из записок «реквизированного» // Бурятоведение. 1929. № I–II. С. 165–175.

время, по сложной пересеченной местности, к тому же совершенно безлюдной. Людям приходилось работать по пояс в снегу, с недостаточным питанием, в неподходящей одежде, в которой они прибыли на Север. Жили они в бараках, а там, где их не было, – в юртах, специально для этой цели закупленных в Иркутской губернии.

Строя железную дорогу, буряты не только занимались земляными работами, но заготовляли шпалы для рельсов. Когда дорога была построена и выяснилось, что паровозы по льду пускать нельзя, так как они своей тяжестью могли его продавить, буряты были привлечены для перекатки вручную вагонов.

«Инородцев» везли в Архангельск почти месяц в плохо приспособленных вагонах, что не могло не сказаться на состоянии их здоровья. По прибытии их временно размещали на баржах или в изоляторе на острове Кего, в непосредственной близости к Архангельску. Там приезжих следовало «вымыть, выстричь и держать в карантине 14 дней» поскольку среди приезжих бывали случаи тифа[1].

Осматривавшие бурят врачи убедились, что перед отправкой те были плохо освидетельствованы медицинскими комиссиями. Среди реквизированных было немало хронически больных, и даже люди с физическими недостатками и умственной отсталостью. Возможно, на уровне сельских сходов, которым было предоставлено право выбирать из своей среды молодых людей для царской «реквизиции», происходила подмена здоровых людей слабосильными и ненужными, а также теми, за кого некому было заступиться.

Инородцы не всегда имели при себе документ, подтверждающий их возраст, и вскоре в Архангельск стали приходить «удостоверения» сельских обществ с требованием вернуть земляка, которого по возрасту не должны были подвергать трудовой мобилизации. Бурятские активисты «от имени бурятского народа» обратились с письмом к «сибирской группе» депутатов Государственной думы, обосновывая, что по своим физическим качествам, по образу жизни буряты не годятся для тыловых работ, к тому же осуществляемых в непривычном климате: «вдали от своих родных степей буряты составляют весьма малоценный материал в качестве рабочих. …В Сибири едва ли найдется десяток бурят-чернорабочих. Ни один подрядчик в Сибири не взял бы себе в артель бурят-землекопов. В обстановке, в которую будут поставлены реквизированные буряты, они при всем желании не смогут быть полезными государству. Огромное большинство из них не понимают ни слова по-русски и никогда не выполняли никаких работ, кроме тех, с которыми связана их жизнь степняков-скотоводов»[2].

---

[1] ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1256. Л. 5 и др.

[2] Записка бурят Иркутской губернии о негативных последствиях реквизиции для бурятского населения, представленная для рассмотрения на заседание Государственной думы // *Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш.* «…для работ по устройству оборонительных сооруже-

Действительно, для жителей солнечной Бурятии климат Европейского Севера России был совершенно неприемлем. Высокая влажность, усугублявшая морозы, холодный, пронизывающий ветер с моря, отсутствие светового дня, а также недостаточное питание, прежде всего недостаток мяса и вообще белковой пищи, которая является основой питания бурят, – все это способствовало распространению цинги, различных легочных заболеваний, в том числе туберкулеза. «Реквизированный бурят» А. Сункуев писал в своих воспоминаниях: «Сырой архангельский ветер как-то особенно быстро простуживал. Помню совершенно уже слегшего от простуды и голодной жизни <…>. Совсем молодой парень, еще в Иркутске казавшийся таким здоровяком, <…> в Архангельске быстро свернулся и умер в больнице от простуды, повлекшей за собой не то воспаление легких, не то скоротечную чахотку…»[1]

Использование «реквизированного труда» не облегчило рабочую проблему Архангельска. Более того, бурятские рабочие, которые в большинстве своем не владели русским языком и не были приспособлены к работе в условиях Севера, создали местным властям дополнительные сложности. По распоряжению архангельских властей рабочих подвергали медицинскому освидетельствованию регулярно. Врачи получили право «комиссовать» больных или ослабленных людей, возвращая их на родину. Уже в первой партии прибывших бурят таких оказалось слишком много, поэтому для медицинских комиссий были определены своеобразные «квоты» для освобождения от работ.

После Февральской революции уполномоченные от «реквизированных» народов начали ходатайствовать об отправке на родину «инородцев», в первую очередь из Архангельской губернии, «как наиболее пострадавших от непривычного климата и пищи» и заболеваемость среди которых составляла 75%[2].

Всего за восемь месяцев существования дружины 289 рабочих умерли от различных болезней. 677 человек были признаны «вообще неспособными к труду» и отправлены на родину и еще около трехсот получили краткосрочный отпуск для выздоровления[3].

Врачу «инородческой дружины» приходилось оказывать медицинскую помощь нескольким тысячам людей, раскиданным по различным населенным пунктам, от Вологды до острова Мудьюг в Белом море. Найти медика для выполнения таких обязанностей оказалось сложно. Городской врач считал, что

ний военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи»: документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3(19). С. 240–252.

[1] *Сункуев А.С.* Из записок «реквизированного» // Бурятоведение. 1929. № I–II. С. 165–175.

[2] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 64. Л. 29, 29 об., 94, 94 об.

[3] Там же. Д. 32. Л. 31–32 об.; Д. 60. Л. 9.

бурят вообще следует отправить на родину, поскольку они не могут так долго находиться в непривычных для них климатических условиях, и при существующем санитарном и продовольственном состоянии «пребывание в Северном крае бурят равносильно их вымиранию»[1].

Стремясь создать для «реквизированных инородцев» привычные им условия жизни, архангельские власти допускали к ним тибетских лекарей, которым буряты доверяли больше, чем местным врачам. Этих лекарей направляли для своих односельчан «инородческие» общества. Для приема больных лекарям были предоставлены отдельные вагоны-теплушки и право выбирать из среды рабочих по два санитара. После Февральской революции 1917 года больных бурят стали направлять в Петроград, в «бурятский госпиталь».

Среди пострадавших бурят были не только больные. Среди них были раненые при взрывах в портовых районах Бакарица и Экономия. Несколько человек считались погибшими, но оказалось, что за их тела принимали трупы погибших китайцев и негров, служивших матросами на стоявших в порту во время взрывов судах. Тел бурятов так и не нашли, возможно, они дезертировали, воспользовавшись неразберихой[2], а может быть, их останки не смогли опознать.

Были случаи производственных травм и даже отравления бензином, который буряты выпили, приняв за спиртосодержащую жидкость[3].

Заработная плата реквизированных рабочих составляла 3 рубля в день, «считая только время, когда они действительно работали», как подчеркивалось в приказе. Некоторые подрядчики, поняв это уточнение по-своему, расценили эту нормированную поденную оплату как за 24 часа, и отсюда высчитывали почасовую плату[4]. Заработанные деньги выдавались на руки офицерам, которые раздавали их выборным «сотникам», а те «в присутствии старших инородцев» выдавали деньги под расписку рабочим на руки. Работающим в дали от поселений бурятам жалованье не выдавали, поскольку оно шло на закупку продовольствия для «общего котла». Такая система могла способствовать и злоупотреблениям, и начальство инородческой дружины часто получало жалобы на неполную выплату жалованья.

Бурятские рабочие имели казенное жилье, но обмундирование им первоначально не полагалось. Тяжелые климатические условия Севера сразу же поставили вопрос о недостаточности теплой одежды у «инородцев», которую они должны были приобретать за свой счет или отправлять кого-либо из своей среды на родину за одеждой и обувью, чем некоторые и пользовались, чтобы дезертировать с «трудового фронта». В связи с этим бурятам стали выдавать казенное обмундирование, но высчитывать его стоимость из заработка.

---

[1] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 64. Л. 498, 498 об.
[2] Там же. Д. 36. Л. 11, 12.
[3] Там же. Д. 33. Л. 26 об.
[4] Там же. Д. 32. Л. 32.

Большая часть оставленных в Архангельске бурят была расселена в портовом районе Бакарица. Ими были заняты 12 бараков, каждый на 200 человек, с приспособленными кухнями. Питание предполагалось из общего котла, причем продукты они также обязаны были покупать сами[1]. Обычно группа рабочих складывалась деньгами и отправляла своего представителя в город, чтобы купить лошадь – наиболее привычную для них еду, которая к тому же здесь в качестве пищи не использовалась и поэтому стоила достаточно дешево. Несмотря на наличие кухонь, пищу готовили во дворах, разводя с этой целью костры, забивая лошадей и разделывая их туши, что вызывало недовольство местного населения и опасение санитарных врачей[2].

В обязанности военных властей Архангельска входило и решение вопроса удовлетворения религиозных потребностей «реквизированных». Среди «инородцев» значительная часть – более двух тысяч – исповедовали буддизм, при этом 320 человек монашествовали. Остальные были православными или «шаманистами»; впрочем, последних была лишь незначительная часть.

Для бурят-буддистов в Бакарице была устроена молельня, причем службу проводил лама, специально приезжающий для этих целей из Петрограда. В другое время служили ламы, назначенные из числа рабочих. В дни религиозных праздников всем бурятам предоставлялась возможность посетить молельню. Проживавшие далеко от Бакарицы могли устроить молельни прямо в своих бараках[3]. Буряты-православные получили право посещать местные храмы.

Февральская революция 1917 г. подтолкнула бурят к самоорганизации. Так, уже весной состоялось совместное собрание «военнообязанных бурят и конвоиров», на котором они обратились в Совет с просьбой работать без конвоя и предоставить им общие с другими военнослужащими права. Совет удовлетворил их просьбу[4]. По воспоминаниям А. Сункуева, «с первых же дней революции в Архангельск начали стекаться буряты. Ежедневно устраивали мы собрания. Дни стали необычайно длинны, весна вступала в свои права, а вместе с ней буквально ожили и мы – “реквизированные” буряты. Архангельская общественность громко заговорила о необходимости отправки бурят домой. Врачи Архангельска решительно высказывались за немедленный роспуск Бурятской дружины и полную демобилизацию бурят в “первобытное состояние”. То было время революционного романтизма, когда даже мясники из мясного ряда прикладывали к груди красную тряпочку.

Революционные власти Архангельска и Совет рабочих и солдатских депутатов создали Комиссию по бурятским делам. Эта комиссия подвергла больных медицинскому освидетельствованию, и почти все больные были от-

[1] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
[2] Там же. Д. 16. Л. 22–24 об.
[3] Там же. Д. 32. Л. 505.
[4] Известия [Архангельского губисполкома]. 1917. № 2.

пущены. Вопрос же о полной демобилизации бурят еще не был решен центральным правительством. Началась почти стихийная демобилизация бурят. В марте к нам приехали уполномоченные бурятских хошунов…»[1]

Уполномоченные от «реквизированных» народов начали ходатайствовать перед Временным правительством об отправке «инородцев» на родину, прежде всего из Архангельского района, «как наиболее пострадавших от непривычного климата и пищи»[2]. Среди таких активистов был и заведующий бурятским лазаретом в Петрограде Николай Ханхасаев. Как и многие «общественники», он пытался заработать авторитет активной деятельностью по защите прав земляков: «…мне пришлось вынести на своих плечах всю работу по отправке бурят в Сибирь, как с Северного района, также и Архангельска. Нет в Петрограде, кажется, ни одного должностного лица, к которому бы я не обращался, и нет такого учреждения, в котором бы я не побывал, хлопоча, прося, ходатайствуя о всяких нуждах своих сородичей…»[3]

5 мая 1917 г. Временное правительство наконец распорядилось о возвращении на родину «сибирских туземцев», в том числе бурят. Рабочие покинули Архангельск. «Перед выездом, – пишет А. Сункуев, – мы получили жалованье за несколько месяцев, накупили для домашних гостинцев…»[4]

Расформирована «Архангельская инородческая (бурятская) дружина» была в августе 1917 г.[5] Несколько тысяч бурят трудились на самых тяжелых работах по грандиозному переустройству Архангельского порта и прилегающего к нему района. Они работали в непривычных для себя условиях, при дефиците продовольствия и теплой одежды. Их прибытия местные власти ждали с большим нетерпением, однако трудолюбивые буряты оказались плохими работниками в условиях северного климата. И все же использование их подневольного труда во второй половине 1916 и начале 1917 г. несколько облегчило проблему рабочих рук в Архангельске. Вольнонаемные грузчики уже не могли диктовать свои условия на разгрузке казенных грузов и при выполнении других работ. На все недовольства работодатели отвечали угрозами заменить их бурятами.

Обещанные на смену рабочим-бурятам военизированные рабочие части в Архангельск не прибыли. Навигация еще не началась, поэтому порт не ис-

---

[1] *Сункуев А.С.* Из записок «реквизированного» // Бурятоведение. 1929. № I–II. С. 165–175.

[2] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 31, 31 об., 32, 32 об.; Д. 60. Л. 9.

[3] Из письма председателя Бурятско-Калмыцкого организационного комитета Николая Ханхасаева председателю Общебурятского общества Д.-Д. Итигэлову о своей работе с реквизированными бурятами 9 июля 1917 гг. Петроград // *Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш.* «… для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи»: документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3(19). С. 240–252.

[4] *Сункуев А.С.* Из записок «реквизированного» // Бурятоведение. 1929. № I–II. С. 165–175.

[5] ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 505.

пытывал серьезных проблем с рабочими руками. Однако на железной дороге ситуация оказалась критической. Буряты работали кочегарами на паровозах и занимались заготовкой дров, использовавшихся как топливо на транспорте. Дешевый труд бурят позволял не повышать значительно расценки на железнодорожные перевозки. После их отправки вольнонаемные рабочие через свои Советы поставили условие 8-часового рабочего дня с 7-рублевой оплатой (вместо трех рублей, получаемых бурятами). Такая ситуация грозила остановкой железной дороги, по которой вывозились военные грузы и ввозилось продовольствие для губернии.

Роль М. Тынышпаева в ликвидации последствий восстания в Семиречье

Одним из представителей национальной интеллигенции Казахстана, открыто поддержавшим Временное правительство, был М. Тынышпаев. Такая позиция деятеля, посвятившего свою сознательную жизнь защите народа от колониальной политики царизма, была вполне естественна и логична.

Позже по этому поводу А. Байтурсынов написал: «…Первая революция понятно и с радостью встречена киргизами, потому что, во-первых, она освободила их от гнета и насилия царского правительства и, во-вторых, укрепила в них надежду осуществить свою заветную мечту о самоуправлении»[1].

С такой надеждой повсеместно казахи отправляли в столицу телеграммы, поддерживающие новое правительство. В телеграммах выражалась вера народа в то, что правительство решит злободневные проблемы казахского населения. От имени семиреченских казахов телеграмму Временному правительству отправил М. Тынышпаев. В ней он выразил надежду на то, что угнетенный несправедливой политикой царской власти казахский народ обретет права и свободу. Также Тынышпаев ходатайствует о помиловании участников восстания 1916 г.[2]

Являясь свидетелем восстания 1916 г. в Семиречье, он, как никто другой, знал о последствиях Семиреченских событий и поэтому поднял вопрос перед новым правительством.

Основной причиной, по которой был поднят вопрос о событиях 1916 г., были крайне тяжелые последствия восстания, особенно в Семиречье. В первую очередь восстание 1916 г. породило разногласия, вылившиеся в открытую конфронтацию между местным населением и русскими переселенцами. Поддержка со стороны правительства способствовала тому, что русские переселенцы продолжали притеснять казахов и киргизов. Кроме того, положение казахов, вынужденных бежать в Китай, было очень тяжелым. На чужбине их

[1] *Байтурсынов А.* Революция и киргизы // Жизнь национальностей. 1919. 3 августа.
[2] Тынышбаев берген телеграмма // Казах. 1917. 17 марта.

ждали нищета и голодная смерть. И действительно, среди беженцев очень скоро начался голод и эпидемии тифа и холеры. Поэтому, услышав об амнистии Временного правительства, беженцы стали возвращаться назад зимой 1917 г. М. Тынышпаев свидетельствует о суровых погодных условиях этого периода: бесснежная зима стала стихийным бедствиям для народа, основным занятием которого было скотоводство, – начался джут. В итоге страдания народа еще больше усугубились, и в целом положение в Семиреченском крае сильно ухудшилось[1].

Вскоре М. Тынышпаев постановлением Временного правительства от 6 апреля 1917 г. он был назначен членом Туркестанского комитета Временного правительства (Туркомитета). Председателем Туркестанского комитета являлся кадет Н.Н. Щепкин. В состав комитета также входили А. Букейханов, С. Максудов, В.С. Ельпатевский, А.Л. Липовский, П.И. Преображенский, О.А. Шкапский и А.А. Давлетшин[2].

Туркестанский комитет с первых дней своего существования пытался решить проблемы в Семиречье. Об актуальности и злободневности проблем первым заговорил М. Тынышпаев, и ему было поручено решать эти задачи.

Его первый доклад о проблеме возвращающихся из Западного Китая беженцев слушали на заседании Туркомитета 19 апреля 1917 г. Докладчик выступил с предложениями о том, как ликвидировать последствия восстания и сгладить враждебные отношения между русскими переселенцами, казахами и киргизами: «Чтобы предотвратить пока еще сохраняющиеся сложные межнациональные отношения среди населения, временно разместить репатриантов, вернувшихся с кульджинских, кашгарских районов, по такой схеме: кульджинских киргизов разместить в восточной части Жаркентского, Верненского уездов, а киргизов, вернувшихся с кашкарских сторон, расселить в долине Нарынского района. Это было бы самым оптимальным решением в такой сложной ситуации». Указанные в докладе регионы: восточная часть Жаркентского уезда, Верненской уезд, Нарынский район – были более спокойными и малозаселенными переселенцами. Поэтому до нормализации положения в области такие меры предосторожности являлись самыми оптимальными.

Докладчик сообщил об одобрении этого плана киргизскими представителями[3]. Позже советская историография, исказив факты, оценила план Тынышпаева как враждебный, назвав его «буржуазным националистом». Его деятельность была оценена однобоко и поверхностно, поэтому Тынышпаева обвинили в том, что он содействовал жестоким мерам изгнания казахов и киргизов из родных мест, которое началось при царизме и продолжалось при Временном правительстве[4].

---

[1]ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 35. Л. 5–6.

[2]ЦГА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

[3] Там же. Д. 5. Л. 9–10.

[4] История Казахской ССР. Алма-Ата, 1949. С. 491.

М. Тынышпаев поставил задачу немедленной ликвидации тяжелого положения в крае и урегулирования мирным путем отношений между русскими поселенцами, киргизами и казахами.

Председатель Туркестанского комитета Щепкин отправил тезис доклада Тынышпаева для обсуждения на Семиреченском областном казахском съезде, проходившем в г. Верном 12–23 апреля 1917 г. Он сообщил, что если казахский съезд одобрит план, то Туркомитет приступит к немедленному его исполнению. Щепкин также отметил необходимость обеспечения властями мер безопасности репатриантов на новом месте проживания[1].

В телеграмме, отправленной 20 апреля 1917 г. председателем Семиреченского областного съезда И. Жайнаковым, сообщалось об одобрении Туркомитетом плана Тынышпаева и внесении дополнительных предложений участников съезда по данному вопросу.

В постановлении указано: беженцев из кашгарских районов, необходимо временно разместить в местностях Улахол, Семизбел, Том Пржевальского уезда, Кошкар, Сусамыр, Жумгелдинской равнине Пишпекского уезда и Тогызтарау, Куланак, Акдала, Мунакелдинских окрестностях Нарынского уезда, на востоке Верненского уезда и в Джаркентском уезде. Создаваемым на местах комитетам было предписано организовать репатриантам материальную помощь и снабдить их продуктами питания[2].

21 апреля 1917 г. Щепкин и Тынышпаев отправили телеграмму Временному правительству, в Министерство земледелия и Министерство внешних дел[3], в которой сообщалось о неотложности и актуальности проблемы, требующей срочно начать решать задачи по исправлению тяжелого положения в крае. А для этого нужно приступить к выполнению плана, предложенного в докладе М. Тынышпаева. Временное правительство одобрило решение Туркомитета[4].

25 апреля 1917 г. члены Туркестанского комитета на очередном заседании вновь слушали доклады Шкапского и Тынышпаева о положении в Семиречье и приняли постановление: 1. Для ликвидации последствий, связанных с реквизициями и призывом казахов и киргизов на окопные работы на фронт, отправить в командировку в Семиреченскую область членов Туркомитета Тынышпаева, Шкапского и драгомана Степановича (переводчик Кашкарского консульства); 2. Просить Временное правительство возместить ущерб в связи с волнениями в крае: выделить10 млн рублей денежной компенсации для русского населения Пржевальского уезда и 5 млн руб. для репатриантов, возвращающихся из Китая; поручить председателю Комитета подготовить текст телеграммы по данному вопросу; 3. Членов Туркомитета Тынышпаева и

[1] ЦГА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

[2] Там же. Л.2.

[3] Там же. Л.3.

[4] Мухамеджан Тынышпаевтың омири мен кызмети (1879-1938). Алматы, 2000. С. 44.

Шкапского, отправляемых в командировку в Семиреченскую область, считать уполномоченными от имени Туркестанского комитета по данному региону»[1].

Так началось возвращение на родину при Временном правительстве киргизского и казахского народов, по воле горькой судьбы ставших беженцами. Этот процесс в первую очередь был связан с именами казахского деятеля М. Тынышпаева и русского демократа О.А. Шкапского.

В 1917 г. общественно-политическая деятельность М. Тынышпаева была разнообразной и насыщенной. Он как член Туркомитета активно внедрял в жизнь политику Временного правительства, основанную на демократизации общества. Находясь в командировке в Семиреченской области, Тынышпаев старался улучшить социально-политическую ситуацию в крае. О его деятельности положительно отзывались его современники. Подтверждением этому является письмо первого председателя Туркомитета Щепкина к князю Львову, министру внутренних дел Временного правительства и председателю Совета министров. Щепкин характеризует Тынышпаева не только как тюркского представителя мусульманской интеллигенции, но и как способного, многогранно деятельного человека[2].

Даже когда правление Туркомитета осталось без руководителей и менялся его состав, полномочия Тынышпаева и Шкапского по Семиреченской области сохранялись[3]. Это лишний раз доказывает авторитет данных деятелей и говорит об их незаменимости в такой сложной ситуации.

Прибыв в Семиречье 27 апреля 1917 г., Тынышпаев и Шкапский находились там до самой осени. Они обходили сильно пострадавшие уезды, чтобы объективно оценить реальное положение края. Таким образом, Тынышпаев дошел до Пишпека, Аулие-Ата, Капала, Даркентских уездов и густонаселенного мигрантами китайского Текеса. Тынышпаев и Шкапский вернулись в Верный 19 июня 1917 г. и с этого дня приступили к управлению Семиреченской областью. Определив первостепенные задачи и выдвинув свои планы по области, они отправили в Туркомитет и Временному правительству телеграмму следующего содержания: 1. О проблеме беженцев, возвращающихся из Китая, – после возвращения беженцы столкнулись с враждебным отношением со стороны переселенцев. Сложные обстоятельства вынудили поднять вопрос о возможной отправке военных в регион для обеспечения стабильности. Обнищавших беженцев разместить по регионам, обеспечив их жильем, продуктами питания, материальной помощью. Необходимо пострадавшим семьям выплатить компенсацию в размере 100 рублей для каждой семьи. Всего таких семей 50000. Следовательно, правительству необходимо выделить 5 млн руб. 2. Кроме этого, необходимо выплатить компенсацию и пострадавшим 9989 русским хозяйствам. Если не

[1] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–1 об.
[2] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 177. Л. 35.
[3] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 107. Л. 2.

будет оказана финансовая поддержка обеим сторонам, то в целом в области не будет межнационального примирения. Затраты переселенческих сел, по предварительным расчетам, обходятся примерно в 31 млн руб. (Туркомитет для каждой пострадавшей переселенческой семьи утвердил сумму материальной помощи в размере 750 руб. Поэтому для этой цели центральная власть должна рассмотреть вопрос о выделении 765 млн руб.). 3. Чтобы спасти область от голода, надо внедрить хлебную монополию. Для этого просить зажиточных крестьян сдать излишки зерна и распределить его между нуждающимися людьми. 4. Для защиты казахских и киргизских аулов от ежедневных грабежей и насилия укрепить мощь центральной власти с помощью компетентных кадров из Петрограда, Ташкента: пригласить специалистов, разбирающихся в судопроизводстве. 5. Причиной страданий казахов и киргизов являлось восстание 1916 г., которое вспыхнуло из-за неправильной переселенческой политики царизма. Власть должна учесть этот факт и семьям переселенцев, желающим вернуться назад в Россию, оказать материальную поддержку, с другой стороны, необходимо остановить поток новых переселенцев в Семиречье»[1].

Архивные документы свидетельствуют о том, что Тынышпаев и Шкапский несколько раз пытались обратить внимание властей на эту проблему. Причин для беспокойства было много. Продолжались межнациональная рознь, убийства, грабежи и отказ русских крестьян продавать зерно для казахов и киргизов. Выход из такой кризисной ситуации М. Тынышпаев видел в материальной поддержке населения Семиреченской области.

Впервые М. Тынышпаев докладывал об обстановке и путях решения проблем Семиречья на заседании Туркомитета 5 июля 1917 г. и несколько раз отстаивал свое мнение перед властями. Он отметил, что только материальная поддержка может вывести регион из сложившейся тяжелой ситуации[2]. Но и Туркестанский комитет Временного правительства, и сама центральная власть, находившиеся в Петрограде, особо не интересовались состоянием края.

Халатное отношение властей к серьезной проблеме вынудило комиссаров Семиреченской области Тынышпаева и Шкапского к принятию самостоятельных шагов для выхода из данного положения. Они разработали план, состоящий из нескольких пунктов: во-первых, ходатайствовать через Министерство иностранных дел России о временном расселении беженцев в Китае и обеспечить их безопасность силами китайских властей; во-вторых, возвращающихся каракиргизов не отправлять в прежние волости Сарыбагыш, Атеке, а расселить их по приглашению казахов в Кызылборикскую волость, Лепси и Копальские уезды, пока не стабилизируются отношения с русскими переселенцами; в-третьих, срочно ввести в области хлебную монополию, от Синь-

[1]ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 107. Л. 2.
[2] ЦГА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 25. Л. 154–155, 190.

цзяна до русских границ организовать для репатриантов бесплатные пункты питания, столовые[1].

М. Тынышпаев, чтобы обратить всеобщее внимание на бедственное положение семиреченцев, неоднократно публиковал в газете «Казах» ряд статей. Историческую ценность написанных М. Тынышпаевым материалов: сообщений, телеграмм и статей невозможно переоценить, так как они являются бесценными документальными подтверждениями событий того времени. Следует помнить, что М. Тынышпаев не просто очевидец, а непосредственный участник событий 1916 г., который прилагал все усилия сначала для предотвращения трагических событий, а позже для скорейшей нормализации ситуации в регионе. Его эпистолярное наследие: письма, отчеты официальным инстанциям – характеризует его как человека чрезмерно ответственного за судьбу народа, отдавшего все свои силы для его блага, говорят о его гуманизме, духовности и патриотизме. На его статью под названием «О киргизах и казахах – беженцах из Семиреченских областей» откликнулась вся общественность страны. «Граждане Алаш! Еще раз напоминаем: не забывайте о своих братьях, бедных киргизах и казахах![2]» – под таким заголовком газета «Казах» разместила информацию о тяжелом положении беженцев. В итоге была организована всенародная поддержка и помощь.

Ниже приведены выдержки из одной из статей М. Тынышпаева, которая была опубликована в газете «Казах» 6 декабря 1917 г., № 254: «В 237-м номере “Казах” было указано количество бежавших в Китай, всего насчитывалось 164 тыс. казахов, из них умерших – 83 тыс., оставшихся в Китае 12 тыс. Теперь хотим показать более подробные данные. Эти цифры если не больше, но и не меньше предыдущих. Сбежавшими из Пишпека, пржевальских уездов были только киргизы. Из Жаркента, Алматинских уездов вынужденно откочевали казахи племен албан и уйсун». Далее автор помещает данные в таблицах: «…в указанных 44 волостях всего было 47 тыс. 759 кибиток. Из них сбежавшие составляют 40 тыс. 250 кибиток, погибшие – 95 тыс. 200 человек. Из этих данных следует, что половина жителей погибло»[3].

Эти исторические данные очень много значат для изучения демографических последствий событий 1916 г.

М. Тынышпаев дальше продолжал поиски решения проблем. Он отправил телеграмму редактору газеты «Казах» Байтурсынову, комиссару Букейханову, в которых сообщил о том, что поедет 12 июля 1917 г. в Петроград и по пути 11 июля остановится в г. Оренбурге[4]. В газете «Казах» от 24 июля 1917 г. сообщается, что 15 июля через Оренбург комиссар Семиреченской области М. Тынышпаев выехал в Петроград для доклада о бедственном положении

[1] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.

[2] Боскын казах-киргиздарга жардем // Казах. 1917. 24 июня.

[3] Мухамеджан. Жетису облысындагы боскын кыргыз казах жайы // Казах. 1917. 6 декабря.

[4] ЦГА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 38. Л. 135–137.

жителей Семиреченской области в связи с последствиями царского указа от 25 июня 1916 г. Он намерен ходатайствовать о помощи пострадавшему местному населению и русским переселенцам, таким образом желая сгладить отношения до сих пор обиженных друг на друга русских, киргизов и казахов[1].

Семиреченские события рассматривались на первом всеказахском съезде, который проходил 21–26 июля 1917 г. в г. Оренбурге. Включению данного вопроса в повестку съезда содействовал Тынышпаев. Съезд постановил об отправлении Военному министерству и Министерству внутренних дел Временного правительства телеграммы. В ней четко требовалось обеспечить мирную жизнь гражданам, обезоружить русских переселенцев и изъять оружие у солдат, вернувшихся с фронта. Делегаты съезда поддержали предложение об организации всенародной помощи голодающим киргизам и казахам[2].

В состоянии усиливающегося кризиса вышеуказанным министерствам Временного правительства было сложно решать проблемы Семиречья. Несмотря на это, нахождение М. Тынышпаева до августа в столице, его переговоры с представителями власти благотворно отразились на положительном решении некоторых вопросов по Семиречью.

Вернувшись из Петрограда, М. Тынышпаев председательствует на Краевом киргизском съезде, который проходил 2–5 августа 1917 г. в г. Ташкенте. Делегаты съезда – киргизы Сырдарьи, Семиречья, Ферганы, Самаркандской области – рассматривали 18 вопросов социально-политического характера[3].

М. Тынышпаев пытался воплотить постановление съезда в жизнь. Под его руководством было объявлено о равенстве прав женщин с мужчинами, доступ к образованию всех слоев населения. В Верном вместе со Шкапским были открыты ясли-садики, в школах началось преподавание родного языка киргизским и казахским детям[4].

Положение в Семиречье с каждым днем осложнялось. Туркомитет отправил в Петроград очередную телеграмму о финансовой помощи. Направление Туркомитетом в Семиречье комиссии под руководством Шендрикова (члена Туркомитета) в сопровождении военного отряда вызвало протест уполномоченных комиссаров Временного правительства Тынышпаева и Шкапского.

Вот как они обосновали свою позицию: «Чтобы стабилизировать обстановку в области и примирить казахов и киргизов с русскими переселенцами, мы ходатайствовали об оказании всем финансовой помощи, отправили в начале мая в Ташкент телеграммы за номерами 41, 61, 67, 70, 85, 96, 103 и за номером 123 – в Петроград. Ответа не получили. Чтобы бороться с мародерством, два раза обратились в Министерство юстиции о разрешении создания суда

---

[1] Боскын казах-киргиздарга жардем // Казах. 1917. 24 июля.

[2] *Койгелдиев М.* Алаш козгалысы. Алматы, 1994. С. 285.

[3] ЦГА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 3. Л. 206–208.

[4] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

присяжных. На это тоже не получено ответа. Отсутствие судопроизводства препятствует борьбе с преступностью. Находясь в Ташкенте, понять здешнюю ситуацию трудно. Отправка военных в регион и разрешение командированным комиссиям заниматься судебными делами на местах только причинят вред и будут способствовать утрате доверия населения к власти. Видя такой оборот дела и игнорирование наших предложений со стороны Туркомитета, мы вынуждены подать в отставку»[1].

Туркомитет не принял заявления об отставке. 6 сентября 1917 г. в Петрограде проходит межведомственное совещание (Военное министерство, Министерство внутренних дел, Министерство финансов, Министерство земледелия, Министерство юстиции, представитель Государственного контроля) по поводу положения в Семиречье. Принято решение оказать финансовую поддержку населению области со следующей формулировкой: «За ущерб, причиненный во время волнений русским хозяйствам в количестве 9989 хозяйств, если округлить, то 10 000, каждой русской семье выделить по 500 рублей, всего общая сумма – 5 000 000? руб., а для киргизского населения, т.е. каждой кибитке, по 100 рублей, общая сумма – 6150000 – рублей субсидии»[2].

Официальное извещение о выделении субсидии поступило в область накануне большевистского переворота, т.е. 7 октября 1917 г. Это было время, когда денежные средства в Семиречье оказалась в ограниченном количестве. Поэтому только 1 млн руб. из 5 млн субсидии были использованы по адресу[3]. Распределением субсидии занимался М. Тынышпаев и лично отчитывался об использованных средствах. Например, часть денег использована для покупки у русских крестьян зерна; на базарах Восточного Туркестана – скота; на приобретение медицинских средств, на открытие пунктов питания для репатриантов. Его отчеты подробны и содержательны: «В 10 волостях каракиргизов Пишпека для собственных нужд имеется немного зерна. В 12 волостях Нарына после нашей беседы часть собранного зерна выставили на продажу, часть раздали голодающим беженцам. Около 2–3 тыс. пудов зерна отправили трем волостям Кошкара. В этом деле сын Шока-батыра Кази и казахский офицер Бекимов своими поступками показали пример служения на благо народа. Помощь для Нарына оказана своевременно.

Самыми сложными и проблемными оказались семь волостей киргизов Улахола. Их комиссарам для закупки зерна отправили 60 тыс. руб. О закупке зерна у нас нет информации. Отправили 40 тыс руб. в Нарын. Для киргизов близлежащего Токмака через пишпекского комиссара послали 60 тыс. руб. Здесь зерна нет, но у окрестных дунган есть много риса. Для киргизов и казахов Жаркентского уезда выделено 60 тыс. руб. Жаркентский комитет целое лето благодаря стараниям доктора Тубека Есенгулова занимается своевремен-

[1] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 90. Л. 9.
[2] Там же. Д. 107. Л. 1–4.
[3] Там же. Д. 2. Л. 54.

ной отправкой зерна. Для оставшихся в Китае киргизов и казахов через нового консула Кульджи отправлено 60 тыс. руб. Выделенные новым правительством средства в 5 млн руб. по мере возможности использованы для спасения бедствующих казахов и киргизов. Планировали монополизировать войлок в Семиречье, чтобы закупить и раздавать обездоленным людям. Выделенные 5 млн рублей поступили накануне зимы, когда эти деньги уже обесценились. Мы всячески старались оказать помощь нуждающимся людям, сколько из них останется в живых к лету, предугадать трудно. Сочувствуем всем обездоленным, бедствующим братьям, желаем пережить все тяготы судьбы и остаться живыми и здоровыми»[1].

К осени под руководством Тынышпаева и Шкапского открылись бесплатные пункты питания в местах, густонаселенных беженцами.

Из телеграммы от 27 октября 1917 г. следует, что по поручению Тынышпаева в местностях Караконыз, Онтар Пишпекского уезда открылись два пункта питания. А в конце года в самом Пишпеке организованы пункты питания на тысячу человек.

По архивным источникам можно отследить деятельность М. Тынышпаева и О.А. Шкапского и сделать вывод о том, что они, не жалея себя, сделали все возможное, чтобы защитить, спасти бедствующее население, погибающее от голода, эпидемий, насилия.

Даже в том случае, когда Тынышпаев отсутствовал – находился в командировках, – его имя служило как спасение, он был «ангелом-хранителем» для этих несчастных людей. Например, когда он находился в командировке в Петрограде, возникли проблемы с доставкой продуктов питания для голодающих беженцев Нарынского уезда, причиной которых стали действия комиссара Нарынского уезда Зимина. Шкапский отправил в Нарын телеграмму следующего содержания: «Комиссару Зимину. Отказ комитета обеспечить продуктами питания нуждающихся и организовать пункты питания для возвращающихся киргизов считаю вредным для победы русской революции. Оставить в столь тяжелое время голодающее население без помощи считаю жестокостью. Во время отсутствия в крае Тынышпаева и до самого его возвращения из Петрограда обеспечьте киргизам безопасность. Верю, что русская демократия в Нарыне докажет на деле свою человечность. 19 июля 1917»[2].

Активная деятельность М. Тынышпаева обеспокоила русских чиновников в крае. Они стали опасаться представителей местной интеллигенции. Подтверждением этому является письмо уездного комиссара Капала Митрофана Дудукалова областному комиссару Семиреченской области Шебалину: «Вынужден признать наличие острой проблемы, которая теперь волнует нас, русских представителей власти, – взаимоотношения русских и киргизов…

[1] *Тынышпаев М.* Жетису облысындагы боскын киргиз-казах жайы // Казах. 1917. 13 декабря.
[2] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 90. Л. 49.

Последняя новость, переданная из Ташкента, о том, что ввозится оружие в Туркестан, Вам тоже, наверное, известна. Это наталкивает на мысль об организации самозащиты с целью сохранить Туркестан для России и о многом другом, что нужно предпринять для этого.

Необходимо быть бдительным. "Береженого Бог бережет", – учит наша пословица. А для этого нам, русским людям, стоящим у власти, кое о чем надо позаботиться. Мы должны ввести негласный надзор за теми, о ком речь. Я полагаю, что г. Тынышпаеву должно быть выражено недоверие, потому что есть другой контр-Тынышпаев, который ведет свою линию, ту линию, которая ближе и милее туземному населению. Мы рискуем потерпеть неудачу, а удача может оказаться на стороне противников. К тому же и турки будоражат головы горячих поклонников ислама…

С ними моя политика такова: разобщить малую киргизскую интеллигенцию при помощи народа. Для этого своим заступничеством народную бедноту можно склонить на свою сторону, завоевав доверие и симпатию, а интеллигенцию держать в надежде на Учредительное собрание…»[1]

Политический кризис, охвативший край, привел власть Туркестанского комитета к потере авторитета среди населения. Тынышпаев и Шкапский, чтобы сохранить спокойствие и предотвратить беспорядки, объявили в Семиреченской области военное положение. В октябре в городах Пишпеке и Верном введено военное положение. Таким образом Тынышпаев и Шкапский пытались остановить усиливающиеся беззакония в крае, защитить беспомощное население от разного рода нападений.

Члены Туркомитета Временного правительства М. Тынышпаев и О.А. Шкапский по мере своих возможностей до конца боролись за спасение народа. Находясь короткое время в составе власти, они, не щадя себя, отстаивали интересы народа. Архивные источники и судьба представителей казахской и киргизской интеллигенции призывают сегодняшнее поколение не забывать историческую правду, знать уроки истории. А история казахского, киргизского и русского народа без этих имен будет недостаточно полной и правдивой.

Миграция народов Русского Туркестана после восстания 1916 г.

Восстание 1916 г. в Русском Туркестане, как тогда назывались Казахстан и Средняя Азия, потрясшее основы государственных устоев Российской империи, к тому времени крайне ослабленных длившейся уже три года мировой войной, подрывной деятельностью радикальных партий социалистической направленности и их революционной пропагандой, тем не менее, было не

[1] ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 86. Л. 72–74.

только важным всероссийским внутриполитическим фактором, но и внешнеполитическим, поскольку сотни тысяч казахов, киргизов, туркмен, таджиков и сартов, ныне известных как узбеки, бежали после подавления восстания, спасаясь от репрессий российских имперских властей, в сопредельные страны – Китай, Афганистан, Персию, как тогда назывался Иран.

Особенно заметна была эмиграция казахов и киргизов, превратившаяся в массовый исход коренного населения Русского Туркестана, до этого времени еще невиданный в их истории за всю эпоху пребывания под властью российской короны. Достаточно сказать, что после подавления восстания 1916 г. из Русского Туркестана в подвластный Китаю Восточный Туркестан, ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики, бежали под натиском российских частей регулярной армии и казачества, а также вооруженных имперскими властями русских и украинских переселенцев более 300 тыс. казахов и киргизов[1].

Причиной ухода в Китай казахов и киргизов был как географический фактор близости Восточного Туркестана, имевшего к тому же с Казахстаном и Киргизстаном, входившими в Туркестанский и Степной края Российской империи, общую протяженную границу, так и то обстоятельство, что этот регион издревле был знаком казахам и киргизам, где они еще в конце XV – начале XVI в. принимали участие в распрях тогда независимых от Китая мусульманских правителей Кашгара, Яркенда, Турфана – известных как султаны государства Моголов и имевших династические родственные отношения с казахскими Чингизидами – ханами и султанами Казахского ханства. Киргизы оставались в Восточном Туркестане с тех времен, а казахи к середине XVI столетия удалились в родные степи, чтобы вернуться назад во второй половине XVIII в. после разгрома здесь векового противника казахов Джунгарского ханства западных монголов – ойратов маньчжуро-китайскими войсками империи Цин, чему они также первоначально содействовали[2].

Поэтому после подавления восстания 1916 г. в Русском Туркестане казахи и киргизы бежали к своим соплеменникам в Восточный Туркестан, чьи кочевья существовали там с незапамятных времен. Кроме того, исходу казахов не препятствовало нейтральное отношение к событиям 1916 г. в Русском Туркестане китайских властей, поскольку тогда Китай был политически раздроблен, власть китайского центрального правительства на окраинах была слаба, да и сам Китай, формально оставаясь независимым государством, де-

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / под ред. А.В. Пясковского. М., 1960.

[2] *Зотов О.В.* Синьцзян (Восточный Туркестан) в системе геоисторических координат. XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2006. С. 139–146; *Он же.* Вопросы историографии Восточного Туркестана в эпоху трех мировых войн. XXXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2007. С. 126–136; *Он же.* Проблемы «судьбы Синьцзяна» в историографии и действительности. XXXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2008, С. 98–107.

факто превратился в полуколонию великих держав – Великобритании, Японии, США, Франции, России, хотя в 1916 г. в связи с участием этих государств в Первой мировой войне их влияние в Китае, в частности России, заметно ослабло.

Почти столетие отделяет нас от событий 1916 г. О причинах и ходе восстания достаточно хорошо известно, нельзя сказать, что данная проблема была обделена вниманием в советской, российской и современной казахстанской историографии. Другое дело, что трактовка, оценка событий 1916 г. не однозначна, что, впрочем, неудивительно, поскольку вопросы межнациональных отношений того времени имеют прямую проекцию на современную ситуацию во всех без исключения странах Центральной Азии, не исключая и Казахстан, в том числе – на процессы миграции. Точка зрения советской марксистской историографии на восстание 1916 г. в Туркестане, господствовавшая в отечественной исторической науке в советское время, основывалась на классовом подходе, где подчеркивался национально-освободительный и антиколониальный характер восстания народов Русского Туркестана, «сомкнувшегося в едином революционном движении с российским пролетариатом, под руководством которого совершилась Октябрьская революция 1917 г. в России».

И мы не становимся на позицию полного отрицания этой точки зрения, поскольку антиколониальный характер восстания очевиден. Но это одна сторона медали. Не отрицая, что восстание 1916 г. было апогеем национально-освободительной борьбы народов Туркестана, особенно ярко проявившейся в Казахских степях и в Прииссыккулье Киргизстана, вызванное предшествующей политикой правящих кругов Российской империи, прежде всего переселенческой, и тяготами Первой мировой войны, вместе с тем представляется, что восстания, как и войны, хотя и могут трактоваться «справедливыми», это трагедия для всех народов, которых коснулись эти общественные катаклизмы. Нет необходимости убеждать, что восстаний без насилия, кровопролития, массовых невинных жертв не бывает, и восстание 1916 г. в этом смысле не является исключением. Вспомним, что восстание, а можно назвать его и бунтом, вспыхнуло стихийно и было направлено не только против властей, полиции и военных, но и против русского, украинского, белорусского и вообще «европейского» населения, невзирая на имущественное и сословное положение его представителей, зачастую пол и возраст, когда справедливым в своей основе недовольством коренных народов Туркестана колониальной политикой царизма воспользовались не столько политические экстремисты из числа этих народов, сколько уголовные элементы, как всегда бывает во всех странах и у всех народов, переживающих «смутное время». Перефразируя слова великого русского поэта А.С. Пушкина, это был «бунт, бессмысленный и беспощадный». Гибли в начале восстания мирные переселенцы, в том числе женщины и дети, громились русские и украинские села, казачьи станицы, тем более что их потенциальные защитники были призваны в армию на фрон-

ты мировой войны, тогда как коренные народы Туркестана не несли воинской повинности и не призывались на фронты Первой мировой войны, кроме добровольцев из числа коренного населения, сформировавших такие части, как Текинский конный полк. Погибали, кроме обывателей, также представители властей – полицейские, чиновники, военные, в том числе из местного коренного населения, служившие в колониальной администрации. При всей нелюбви к ним никто не может отрицать их право на жизнь. В советской историографии эти погромы стыдливо назывались отдельными «эксцессами» в отдельных районах Туркестана, где во главе восстания стояли «реакционные элементы из числа националистически настроенных имущих классов коренного населения». А когда прибыли карательные отряды российских войск, то они при массовом участии переселенческого населения, вооруженного к тому времени властями огнестрельным оружием, чинили такие же зверства по отношению к мирным жителям аулов, аилов и кишлаков без всякого суда и следствия в условиях военного положения в Туркестане. Сведений об этом в российских государственных архивах более чем достаточно. В этой связи в советской историографии дается негативная оценка казахской интеллигенции, лидерам казахского национального движения «Алаш-Орда», называемым «предателями», «пособниками царизма», не участвовавшим в восстании 1916 г. Чем же вызвана такая немилость в отношении «Алаш-Орды»? Справедливости ради стоит сказать, что его лидеры, представлявшие наиболее образованную и сознательную часть казахского общества, хотя и очень немногочисленную, понимали, к какому кровопролитию приведет восстание, и всеми силами пытались предотвратить насилие с обеих сторон. Однако их призывы к народам Туркестана воздержаться от бунта, а к российским властям – воздержаться от кровавых репрессий, не были услышаны. Восстание охватило весь Туркестан и привело к многочисленным жертвам, к крайнему обострению межнациональных отношений и недоверию друг к другу народов, живших и живущих бок о бок, на многие десятилетия. В событиях 1916 г. не было победителей, проиграли обе противоборствующие стороны, ибо насилие рождает только насилие, а дальнейшая история народов России и Туркестана – Октябрьская революция 1917 г., гражданская война и басмаческое движение, наконец, исход казахов в Китай после 1916 г. и коллективизации конца 20-х – начала 30-х годов, наглядное тому подтверждение.

Исход казахов и киргизов в 1916 г. в Китай положил начало последовавшим за ним волнам эмиграции из Русского Туркестана в сопредельные страны в первой половине XX в. После Великой Октябрьской революции, или Октябрьского переворота 1917 г., на обширных пространствах бывшей Российской империи эмигрантами становятся и те, кто еще вчера способствовал изгнанию казахов и киргизов, – казаки и другие русские переселенцы, сражавшиеся в гражданской войне на стороне белогвардейцев. Боевые действия в Казахстане и Средней Азии в целом имели второстепенное значение по

сравнению с главными фронтами гражданской войны. Только в 1919 г., когда немногочисленная, не более 20 тыс. сабель и штыков, но мобильная армия уральских казаков сковывала значительные силы Восточного фронта Советской России, В.И. Ленин признал, что в данный конкретный момент судьба революции зависит от того, как скоро будет разгромлено уральское казачество. После победы над уральским казачеством, основные силы которого отступили на Мангышлак и ушли в Персию с архивом Уральского казачьего войска, «беспощадный массовый террор» против оставшихся казаков и членов их семей, согласно директиве от 24 января 1919 г. Оргбюро РКП (б), был проведен «поголовно», «когда ушли целые станицы». Фактически репрессии против остатков уральского казачества не прекращались до 30-х гг. Воистину, пророческими оказались слова старинной казачьей легенды: «На крови Яик зачался, на крови и кончится». «Красный террор», согласно решениям ВЦИК от 2 сентября и Совнаркома – советского правительства от 5 сентября 1918 г., был возведен в ранг государственной политики и стал нормой советской политики на десятилетия. В полной мере его вкусили и жители Центральной Азии – здесь и «расказачивание», и создание института заложников, и массовые внесудебные расправы ЧК и Красной Армии по классовому и национальному признакам, например когда нередки были случаи массовых расправ с жителями аулов, станиц, кишлаков, заподозренными в связях с белогвардейцами и басмачами. В свою очередь, такую же репрессивную политику проводили и белогвардейцы в отношении местного населения. Судьбу уральских казаков разделили казаки других казачьих войск, дислоцированных в Казахстане и на сопредельных с ним территориях Средней Азии и России, – Семиреченского, Оренбургского, Сибирского, которые после поражения в гражданской войне отступили в Восточный Туркестан. В 1921 г. после разгрома Белого движения в ходе гражданской войны в России, до 50 тысяч белогвардейских войск под командованием генералов Бакича, генерал-лейтенанта Дутова – атамана Оренбургского казачьего войска, атамана Анненкова, воевавшего в гражданскую войну в Прииртышье, атамана Семиреченского казачьего войска Щербакова оказались в Восточном Туркестане, сохранив боеспособность. Эти отряды не подчинялись властям местного китайского губернатора Ян Цзэсиня, поднимали мятежи против его власти, совершали налеты на сопредельные советские территории Средней Азии и Казахстана, получая финансовую поддержку царских консульств, сохранявшихся тогда в Синьцзяне, поскольку те располагали средствами, которые им, а не Советской России, выплачивали китайские власти в виде репараций за убытки от «боксерского» восстания 1900 г. в Китае, которые тогда понесла Россия. Ян Цзэсинь, не располагая военными силами, способными противостоять белогвардейцам, обратился к советским властям за военной помощью. В результате операций советских органов госбезопасности лидер российской контрреволюции Дутов был убит во время попытки его похищения в 1921 г., а Анненков, посаженный на три года в китайскую

тюрьму, после выхода из нее в 1927 г. также был похищен и расстрелян после суда в СССР в г. Семипалатинске. В мае-июне и августе 1921 г. в ходе войсковых операций частей Красной Армии при поддержке властей Ян Цзэсиня белогвардейцы под командованием генерала Бакича, ставшего открытым врагом Ян Цзэсиня и разжигавшего антикитайские настроения среди мусульман Восточного Туркестана, были разгромлены, а их лидер бежал в Монголию, где был арестован советскими властями и расстрелян по приговору военного трибунала. Итогом этих событий стало также упразднение на территории Синьцзяна царских консульств и передачи их полномочий представителям Советского государства. К октябрю 1924 г. были учреждены консульства СССР в Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и на Алтае. Десятки тысяч русских эмигрантов оставались в Восточном Туркестане и в 1930-х гг. во время восстания мусульманских народов против китайской власти, многие из них участвовали в подавлении этого восстания совместно с советскими войсками, так как СССР поддержал китайцев. За это бывшие белогвардейцы были амнистированы советской властью и получили советское гражданство[1].

Наиболее трагичные события, связанные с последующими волнами эмиграции из Русского Туркестана, были вызваны политикой Советского государства, наследовавшего курс своего предшественника – «ак-падша» – «белого царя», что выразилось в гражданской войне, коллективизации конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. в Казахстане и военном подавлении повстанческого движения мусульманских народов Средней Азии 1921–1933 гг. – басмачества, зародившегося во время восстания 1916 г. Тогда от 500 до 600 тыс. казахов бежали по проторенному еще в 1916 г. пути в Китай, откуда затем часть из них рассеялась по другим странам, а от 15 до 20% коренного населения Средней Азии нашли убежище от репрессий советских властей в Афганистане и Персии. И поныне 12% населения Афганистана составляют узбеки и туркмены, соответственно 3 млн узбеков и 600–700 тыс. туркмен, многие из которых – потомки эмигрантов из Средней Азии. То же можно сказать о современном Иране, где туркмен от 3 до 4 миллионов, казахов – до 10 тыс.

Почти два десятилетия басмачество препятствовало нормальной жизни Средней Азии и Казахстана, дестабилизируя политическую обстановку, провоцируя социальную напряженность, осложняя межэтнические и межконфессиональные отношения, нанося огромный ущерб экономике. Все это тормозило мирное строительство и выход из послереволюционной хозяйственной разрухи, препятствовало модернизации экономики. Самое трагическое последствие басмачества – это гибель с обеих противоборствующих сторон десятков, если не сотен тысяч людей. Конечно, басмаческое движение имело социальную базу среди местного населения, на первых порах оно жило традициями восстания 1916 г., имевшего заметный отклик в народных

[1] *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003.

массах. Объективно росту влияния басмачей способствовало активное неприятие безбожия большевиков, а также наличие национальных предрассудков в отношении мусульманских народов со стороны русских коммунистов Туркестана. На басмаческое движение в среде мусульманских народов Туркестана работали распространенность общинно-клановой психологии и высокий авторитет мусульманского духовенства, знати, глав родов и племен, чьи земли и имущество были в первую очередь конфискованы советской властью, зачастую возглавлявших басмачей. Толкала в ряды басмачей и политика советских властей, когда проводился курс на огосударствление экономики и ликвидацию частной собственности, что резко ухудшало и без того нелегкие материальные условия жизни, особенно в ходе насильственной коллективизации. Политический террор против инакомыслящих или подозреваемых в таковом на массовом уровне, проводимый советскими спецслужбами в первые десятилетия после 1917 г., насильственное вторжение в традиционный уклад жизни мусульманских народов, пренебрежение освященными исламом обычаями и нравами, пусть и кажущимися властям «отсталыми», все это способствовало басмачеству. Так в 1928 г. вновь были упразднены вакуфы, с конфискацией их имущества закрыты мечети и медресе, мусульманские шариатские суды, которые превращались в клубы, читальные залы и школы, последовали аресты мусульманского духовенства, запрещены местные обычаи – ритуальные молитвы, уплата калыма, многоженство, ношение женщинами паранджи, арабский алфавит заменялся на латинский, а затем на кириллицу. В 30-х гг. преследовались и высылались знатоки адата и шариата, а также бывшие басмачи, сложившие оружие и поверившие в амнистию советской власти участникам басмаческого движения[1].

Эмиграция сотен тысяч казахов за пределы своей исторической родины была восполнена советскими властями за счет ссылки в Казахстан сотен тысяч, если не миллионов людей, репрессированных крестьян во время коллективизации, обусловившей голод в Поволжье в России и на Украине, во время политических кампаний – рабочих и интеллигенции из городов огромного СССР, а также депортированных народов, как до начала Великой Отечественной войны – десятков тысяч курдов, корейцев, поляков, так и во время войны – сотен тысяч немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, карачаевцев, десятков тысяч балкарцев, турок-месхетинцев, греков, болгар, западных украинцев, крымских татар.

В определенной степени исход казахов во время коллективизации и последовавшего затем голода, стоившего им сотен тысяч, если не миллиона, жизней туркмен, таджиков, узбеков, киргизов при басмачестве, русских – жителей Средней Азии и Казахстана в годы гражданской войны, были звеньями в цепи упомянутых трагических событий первой половины XX в. в Русском

[1] *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М., 1998.

Туркестане, начало которым было положено первым исходом коренного населения из этого региона после подавления здесь восстания 1916 г. В 30-е гг. в Китай бежали несколько десятков тысяч киргизов во главе со своим родовым вождем Рахманкулом, ранее участником восстания 1916 г. и басмаческого движения, амнистированного советской властью. Когда в 30-х гг. начались репрессии против бывших басмачей, Рахманкул перебил советский актив в своем уезде и бежал со своими сородичами в Синьцзян.

Следует отметить, что эмигранты из Казахских степей внесли «бунтарские» настроения не только в казахскую общину Восточного Туркестана, насчитывавшую уже тогда сотни тысяч человек, но и вообще в настроения других тюркских и мусульманских народов Синьцзяна, прежде всего уйгуров и дунган, накал антикитайских настроений которых никогда не утихал, когда во всех массовых восстаниях мусульман этого региона против власти Китая активно участвовали казахи. Именно казахи были «застрельщиками» «революции трех округов» в 1944 г., которая едва не привела к образованию независимой Восточно-Туркестанской республики (ВТР) и отделению этого региона от Китая, что не удалось из-за противодействия СССР. Одним из лидеров, главой правительства ВТР был казах Далелхан Сунгирбаев. То же можно сказать и об эмигрантах-киргизах, один из предводителей которых, Исхакбек Муминов, стал военным министром в ВТР, хотя влияние киргизских лидеров уступало казахам, вследствие немногочисленности киргизской общины в Синьцзяне, где их тогда было несколько десятков тысяч человек.

Инерция «бунтарского» потенциала казахов и киргизов Китая, уходящая во многом своими истоками в эмиграцию в Синьцзян участников восстания 1916 г., была исчерпана в начале 50-х гг. XX в., когда власти уже народного Китая – КНР подавили восстание казахов СУАР во главе с Оспан-батыром и публично казнили в Урумчи его предводителя[1]. С тех пор и поныне казахи – один из наиболее лояльных народов СУАР КНР по отношению к китайскому государству. Тем более что после прихода к власти в Китае коммунистов многие казахи, киргизы, русские и представители других народов Средней Азии, выражавшие протестные настроения, продолжили свой скорбный путь изгнания. Заметная часть казахов ушла в Индию, преследуемая китайскими войсками, откуда после раздела бывшей британской колонии на Индию и Пакистан, эмигрировали в Турцию и дальше в Европу. Киргизы во главе с Рахманкулом перешли в Афганистан и поступили на службу афганскому королю, на которой пребывали до захвата власти в стране НДПА и ввода советских войск. Затем Рахманкул и его люди также эмигрировали в Турцию. Подавляющее большинство русских, живших в Синьцзяне, как и в других регионах Китая, эмигрировали после 1949 г., когда к власти в Китае пришли коммунисты, в Австралию, Канаду, США.

[1] *Гиленсен В.Л.* Повстанческое движение в Средней Азии и советско-афганские отношения в 1920-е – начале 1930-х годов // Восток (Oriens). 2002. № 2.

В первой половине 1960-х гг. несколько десятков тысяч уйгуров и казахов с согласия Советского правительства эмигрировали из СУАР КНР в Казахстан. В середине 1950-х гг. в Казахстан для освоения целинных земель устремился мощный поток русского и украинского населения, стимулируемый руководством СССР, что резко изменило демографическую ситуацию в Казахстане, где казахи стали национальным меньшинством. Похожее произошло в Ташкенте после землетрясения, когда уже к концу 1960-х гг. здесь стало преобладать русское население.

Новый толчок миграционным процессам в начале 1990-х гг. придал распад СССР, как внутри региона Центральной Азии, так и за ее пределами. Например, население Казахстана в течение этого времени уменьшилось с 17 млн человек до 14 млн, поскольку его покинули сотни тысяч русских, украинцев, немцев, десятки тысяч белорусов, греков, татар, тысячи корейцев, евреев. Наблюдался и обратный процесс возвращения почти миллиона этнических казахов на свою историческую родину, так называемых «оралманов», из Монголии, Китая, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Ирана. Массовая эмиграция русского и вообще «европейского» населения наблюдалась и в других странах постсоветской Центральной Азии. Практически полным был исход русского населения из Таджикистана, резко сократилось его присутствие в Киргизстане – от 40 до 20% от общей численности населения этой страны. То же можно сказать об Узбекистане, где русских 1,3 млн из более, чем 31-миллионного населения. Вместе с тем, с 90-х гг. и поныне не прекращается и идет по нарастающей трудовая эмиграция миллионов таджиков, узбеков, киргизов, каракалпаков в Россию[1]. При этом десятки тысяч этих мигрантов каждый год принимают российское гражданство, и вполне вероятно, что их временное пребывание в России станет постоянным. Так в течение XX столетия происходил исход народов Русского Туркестана со своих родных земель, начало которому было положено восстанием 1916 года, вызвавшим цепь миграций в регионе Центральной Азии, в конечном счете вышедших за ее пределы.

Демографические последствия восстания 1916 г. для Киргизской ССР

Обширная историография восстания 1916 г. и сложившаяся к настоящему времени в киргизстанской науке источниковедческая база являются доказа-

[1] Русский мир в Центральной Азии: сборник статей и материалов. Вып. 1. Бишкек. 2007; *Старченков Г.И.* Трудовые миграции между Западом и Востоком. Вторая половина XX столетия. М., 1997; *Голунов С.В.* Российско-казахстанская граница. Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005; *Ларина Е., Наумова О.* Миграция казахов в западной части российско-казахстанского пограничья // Вестник Евразии (Acta Eurasica). № 4 (34). М., 2006. С. 32–47.

тельством того, что интерес к этой проблеме существовал в течение всего прошедшего с момента события столетия. Понятно, что общественный и научный интерес находились в прямой зависимости от политической конъюнктуры как в дооктябрьский, так и в советский период, однако стремление к объективному осмыслению событий всегда сопровождало исследователей либо декларировалось во многих трудах.

Из всего массива научных работ, посвященных трагическим событиям восстания 1916 г. в Туркестане, можно выделить контент наиболее объективных источников – это сборники архивных документов, издание которых началось еще в советское время. Один из первых сборников документов был издан в Ташкенте в 1932 г., второй – в 1937 г. в Москве; известны сборники документов и материалов, изданные в 1938 г. в Ашхабаде и в 1947 г. в Казахстане (Алма-Ата)[1].

В 1960 г. Академией наук СССР был подготовлен и издан сборник документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане»[2]. Насколько нам известно, других специальных сборников, посвященных событиям 1916 г., в советский период не издавалось.

Важно, что новый, постсоветский, этап в осмыслении событий восстания 1916 г. также характеризуется выпуском сборников документов, однако произошедшие на политической арене после распада СССР существенные изменения, приведшие к созданию суверенных государств, потребовали переосмысления событий под новым углом зрения на историю каждого нового независимого государства. Как пишет по этому поводу акад. А.Ч. Какеев, «проблема эта только сейчас предстает как столь же острая, сколь и неизученная», на что указывал еще на заре суверенизации, в 1991 г., акад. С. Табышалиев: «Мы сегодня, фактически, заново подходим к исследованию проблемы восстания 1916 г. в Киргизстане и его последствий»[3].

Кроме того, этот этап отмечен активным процессом рассекречивания архивных фондов и потому характеризуется более высокой степенью доступности первоисточников, о чем, вероятно, историки советского времени могли только мечтать. Сборники документов советского времени подвергались строгой партийной цензуре, печатались с существенными купюрами, что свидетельствует о тенденциозности.

---

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии: сборник документов. Вып. 1 / подг. к печати Ф. Божко и С. Волин; под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932; Восстание 1916 года в Киргизстане: документы и материалы, собранные Л.В. Лесной / под ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова. М., 1937; Восстание 1916 г. в Туркмении: документы и материалы. Ашхабад, 1938; Восстание 1916 г. в Казахстане: документы и материалы / сост.: Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро; под ред. Б.С. Сулейменова. Алма-Ата, 1947.

[2] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / редколлегия: А.В. Пясковский (отв. ред.), Т.Е. Елеуев, А.Г. Зима, О.К. Кулиев, Х.Т. Турсунов. М., 1960.

[3] *Какеев А.Ч.* Восстание 1916 года: к проблеме историографии и источниковедения // Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Т. 6. Бишкек, 2016. С. 8.

Сегодня киргизстанские ученые, формируя сборники документов, отказались от практики размещения ранее опубликованных документов, которые плавно «перекочевывали» из сборника в сборник, разве что после тщательной сверки с первоисточником. Важный вклад в переосмысление событий восстания 1916 г. внесли ученые Республики публикацией сборника документов в связи с 95-летием восстания[1].

17 мая 2015 г. президент Киргизстана А. Атамбаев подписал Указ «О трагических событиях восстания 1916 года», была образована общественная комиссия, объединившая в своих рядах ученых разного профиля. Это вывело проблему за пределы научной сферы обсуждения, сделало ее достоянием гласности и широкой общественности.

Результатом огромных усилий коллектива ученых Киргизско-Российского славянского университета стал выпуск сборника документов «Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 года». Это фундаментальный труд в шести томах, включающий более 200 ранее не публиковавшихся документальных материалов фондов нескольких крупнейших российских архивов – Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Достоверность изданию придает то, что читателю предложены фотокопии архивных документов, что исключает купирование, искажение или сокрытие фактов, имевшие место в сборниках советского времени при обычной перепечатке документов. Это выгодно отличает данный сборник от всех имеющихся в научном арсенале, поскольку существенно повышает градус объективности и достоверности, что было сразу же отмечено научной общественностью республики. Составители сборника документов выражают надежду на то, что опубликованные материалы станут стимулом к дальнейшим научным изысканиям, поскольку белых пятен в этой трагедии еще предостаточно.

Не только сборники документов, но и сведения, содержащиеся в переписях населения разных лет, особенно сопоставление информации Первой всероссийской переписи 1897 г. и переписей советского времени, могли бы считаться вполне объективными источниками в освещении вопроса о человеческих потерях в связи с событиями восстания 1916 г., вопроса, который также является камнем преткновения в дискуссионном поле вокруг событий 1916 г.

Оглядываясь на век двадцатый, видим, что вся первая его половина была насыщена событиями исторической важности. На этом относительно исторически коротком временном отрезке локализовались две мировые войны, три революции, жестокая в своей братоубийственной сути гражданская война, политика военного коммунизма, многочисленные вооруженные конфликты

[1] Восстание 1916 года в Киргизстане: сборник документов / сост.: Г.Т. Гуля, Е.А. Романова, Б.О. Салиева. Бишкек, 2011.

с соседними странами, беспощадный широкомасштабный государственный террор, насильственная коллективизация, голод 1921–1922, 1932–1933 гг., 1946–1947 гг., сопровождавшийся эпидемиями. К этому перечню следует добавить и события в Туркестанском крае: продолжающееся переселенческое движение, восстание 1916 г. и басмаческое движение, существенно изменившие демографическую структуру населения.

Основная проблема в изучении данного вопроса заключается в том, что практически отсутствуют полные, истинные и достоверные данные о потерях местного населения в 1916–1923 гг. Чаще всего ученым приходится пользоваться сведениями из неполных переписей 1916, 1917, 1920, 1923 гг.

Показатели численности населения Туркестанского края, приводимые разными учеными, имеют существенные расхождения. К примеру, К.У. Усенбаев определял численность киргизов в первой половине 1916 г. в 809,5 тыс. чел.[1], Г.К. Кронгардт считал, что естественный прирост киргизов за 1897–1915 гг. составлял 1,4% в среднем в год и что к началу 1916 г. в Киргизстане киргизов насчитывалось около 780 тыс. чел.[2] Н.Е. Бекмаханова определяла численность киргизов в 1917 г. в Средней Азии и Казахстане в 737,2 тыс. чел.[3] По подсчетам Ю.А. Полякова и И.Н. Киселева, в 1917 г. киргизов в России было 768,4 тыс. чел.[4] И. Зарубин, опираясь на данные комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, определял численность киргизов в Туркестане в 1917 г. в количестве 634,8–669,9 тыс. чел.[5], т.е. на 100–130 тыс. меньше, чем определяли другие ученые в более поздний период. По подсчетам М.К. Караханова, общая численность населения в 1917 г. в Киргизстане составляла 880 тыс. чел.[6]

Оценки научным сообществом потерь киргизов в 1916 г. также разнообразны. К примеру, Г.К. Кронгардт в 1993 г. определял потери киргизов в 96–114 тыс. чел.[7], но уточнял, что «с учетом естественного прироста численность погибших будет еще больше»[8]. В.С. Желоховцев определяет потери киргизов в 108,4 тыс. чел. и «не менее 100 тыс. киргизов, покинувших пределы Туркестана в 1914–1917 гг., большая часть которых вернулась только в начале

[1] *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические отношения киргизов (втор. пол. XIX – нач. XX в.). Фрунзе, 1980. С. 55.

[2] *Кронгардт Г.К.* Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане // Сборник материалов научной конференции, посвященной 75-летию восстания. Бишкек, 1993. С. 50.

[3] *Бекмаханова Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1986. С. 182.

[4] *Поляков Ю.А., Киселев И.Н.* Население России в 1917 г. // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 46.

[5] *Зарубин И.* Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 11.

[6] *Караханов М.К.* Некапиталистический путь развития и проблема народонаселения. Ташкент, 1983. С. 227.

[7] *Кронгардт Г.К.* Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане. С. 52.

[8] Там же. С. 51.

20-х гг.»[1] К.У. Усенбаев полагал, что после 1916 г. в северных районах число киргизов уменьшилось на 119,2 тыс. чел., т.е. на 41,4%[2], что дает на конец 1916 г. около 300 тыс. чел.

Нам больше импонирует научно обоснованная и взвешенная точка зрения Ш. Батырбаевой, которая считает, что для установления величины человеческих потерь в событиях 1916 г. достаточно вполне понятных процедур: за исходные берутся данные Первой Всероссийской переписи 1897 г., исчисляется перспективный альтернативный прирост населения на основе установленного среднегодового темпа роста до очередной переписи 1917 г. Основой этих расчетов за межпереписной период служит зафиксированная численность населения в ходе переписей 1897 г. и 1917 г. и среднегодовой темп роста в пределах 1,3%, исчисленный статистиками за 1913 г.[3] Ш.Д. Батырбаева определила, что в 1917 г. киргизов в Пишпекском и Пржевальском уездах должно было быть 361 108 чел. (прогнозное значение), а так как перепись 1917 г. показала 324 тыс. чел. (реальное значение), то разница составила 37,1 тыс. чел. (убитые, погибшие, переселившиеся, несостоявшееся рождение), при этом отметила погрешность своего метода +/ – 10%, т.е. могли быть потери и в 41,3 тыс. чел.[4]

В одной из наших статей[5] приводятся статистические материалы, предложенные И.А. Чеканинским: это суммированные в таблице данные о населении по Семиреченским волостям (в том числе и по двум киргизским), «по кибиткам» до восстания 1916 г. и на 1 января 1917 г. Цифра «100%», встречающаяся 15 раз, а также близкие к ней цифры, наглядно иллюстрируют процент абсолютного убытия населения из отдельных уездов и волостей[6].

По данным Т.Р. Рыскулова, убыль киргизов Пишпекского и Пржевальского уездов от начала восстания 1916 г. к январю 1917 г. составила 41 975 кибиток (при расчете на кибитку 5,1 человека в среднем), что дает 214 072 чел.[7] Хотя по данным исследований П.П. Румянцева, в Пишпекском уезде на кибитку приходилось в среднем 5,7 человека, а в Пржевальском –

[9] *Желоховцев В.С.* Русские в этнической и стратификационной структуре населения Кыргызстана (конец XIX – начало XX в.) // Русские в Кыргызстане: научно-исследовательские статьи и материалы. Бишкек, 2002. С. 40.

[10] *Усенбаев К.У.* Восстание 1916 г. в Киргизстане. Фрунзе, 1967. С. 249.

[1] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 77.

[2] *Батырбаева Ш.Д.* Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: мифы и реальность // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского: материалы Международной научно-практической конференции. Бишкек, 2014. С. 108.

[3] *Плоских В.В.* Промежуточная перепись населения 1916 года (между двух переписей: Первой Всероссийской 1897 г. и Первой Всесоюзной 1926 г.) // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Бишкек, 2016. Т. 16. № 4. С. 202–206.

[4] *Чеканинский И.А.* Среднеазиатское восстание 1916 г. Кызыл-Орда, 1926. С. 116–117.

[5] *Рыскулов Т.Р.* Киргизстан. М., 1935. С. 58–59.

5,5 человека[1]. Если учесть эти индексы, общие потери составили бы около 235 тыс. киргизов. По данным же сельскохозяйственной переписи 1916 г., численность киргизов сократилась в Пишпекском уезде на 47,5 тыс. чел., а в Пржевальском – на 123,6 тыс. чел., всего на 171,1 тыс. чел.[2] По «оптимистическим» оценкам начала 30-х гг. в Китай ушло 100–120 тыс. беженцев-киргизов[3], а всего беженцев (казахи, киргизы, дунгане, уйгуры) было более 300 тыс. чел.[4]

По сведениям Дж. Джунушалиева, «…общее число беженцев из Семиречья, прибывших в Китай, составило, по неполным данным, 164 тыс. чел., из них около 130 тыс. киргизов. Они перешли границу, сохранив лишь 10% лошадей и 25% мелкого скота. Число киргизов и казахов, умерших от голода, эпидемии тифа, цинги и других болезней в Китае, к маю 1917 г. достигло не менее 70 тыс.»[5].

По докладу председателя особой комиссии в Аксуйском и Уч-Турфанском районах Пескова (май 1918 г.), общее число беженцев из Пишпекского и Пржевальского уездов в эти районы составило около 100–120 тыс. чел.[6] В апреле 1919 г. М. Тынышпаев в докладной записке Колчаку сообщил, что беженцев – казахов и киргизов – было 200 тыс. чел., т.е. около 20% кочевого населения Семиреченской области[7]. 17 октября 1916 г. А.Н. Куропаткин сообщил военному министру Д.С. Шуваеву, что «…до 25 волостей перешли в китайские пределы, каждую волость можно в среднем считать до 3000 душ мужского пола»[8].

Вернувшиеся после событий 1916 г. киргизы фактически не имели скота, поэтому начался страшный голод, и в июле 1917 г. на общеказахском съезде отмечалось, что «киргизы Семиречья гибнут от голода»[9]. В результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане умерло, по советским источникам, 1 млн 114 тыс. коренных жителей[10]. «В феврале-марте 1917 г. среди беженцев от-

[6] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. Т. VIII (Пишпекский уезд). Вып. 2. Пг., 1916. С. 203, 391.

[2] Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. Ташкент, 1916. С. 14–15.

[3] Восстание 1916 года в Средней Азии: сборник документов. Ташкент, 1932. С. 89.

[4] *Сулейманов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 93.

[5] *Джунушалиев Д.* В эпицентре восстания // Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Т. 6. С. 88.

[6] Доклад председателя Особой комиссии Пескова областному народному комиссару об оказании помощи беженцам. 3 мая 1918 г., г. Верный // Движение Алаш: сборник документов и материалов. Алматы, 2004. Т. 2. С. 149.

[7] Докладная записка М. Тынышпаева Верховному правителю «О бедственном положении киргиз Семиреченской области», г. Семипалатинск, 16 апреля 1919 г. // Там же. Т. 2. С. 315.

[8] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 687.

[9] Резолюции общеказахского съезда. Оренбург, 21–26 июля 1917 г. // Движение Алаш: сборник документов и материалов. Алматы, 2004. Т. 1. С. 375.

[10] *Чокай-оглы Мустафа.* Туркестан под властью Советов. Статьи, воспоминания. Алма-Ата, 1993. С. 28.

крылся тиф. В апреле стали возвращаться, узнав об амнистии. Тиф стал распространяться и на оставшихся киргизов»[1].

Использование сведений Н.Е. Бекмахановой, а также расчетов Ш.Д. Батырбаевой, основанных на методе перспективного исчисления населения с использованием формулы сложного процента, позволило прийти к следующим выводам. С учетом естественного прироста численность киргизов должна была составить к 1926 г. около 840 тыс. чел., однако по переписи 1926 г. их насчитывалось 661 тыс. чел., т.е. «недоставало» около 180 тыс. чел. Следовательно, на безвозвратные потери (подавление восстания 1916 г., бегство в Китай, голод и эпидемии (тиф и холера), Гражданская война) приходится около 80 тыс. чел. с учетом того, что эмигрировало 15–20 тыс. чел. Из этих цифр получается, что потери киргизов за 1916 – первую половину 1917 г. не могли превышать 65–70 тыс. чел., из которых подавляющее количество погибло либо во время бегства, либо уже в Китае, т.е. потери киргизов от действий русских войск и добровольцев во время подавления восстания не превышают 5–6 тыс. чел., что вполне соотносится с потерями русско-украинского населения в Пишпекском и Пржевальском уездах – около 3,5 тыс. чел.

Кстати, эти расчетные цифры вполне соотносимы со сведениями, почерпнутыми Д. Джунушалиевым из различных архивных источников: «…в ходе столкновений переселенцами и царскими войсками было убито не менее 4 тыс. киргизов. Во время бегства в Китай от рук карателей погибли около 12 тыс. киргизов. Многие погибли под перекрестным огнем карателей и китайских пограничников, утонули при переправе через пограничные реки… Погибших переселенцев только в Пишпекском и Пржевальском уездах было более 3 тыс., погибших чиновников администрации, офицеров и солдат по всей Семиреченской области несравнимо меньше – 2 чиновника, 3 офицера и 52 нижних чина, без вести пропало 75 солдат. Так обстоит дело с позиций неопровержимых фактов, которыми оперирует историческая наука»[2].

Приведенные нами сведения подразумевают вполне определенный вывод: научный дискурс требует привлечения широкого круга достоверных, объективных источников и строго научного подхода к определению демографических потерь в результате событий восстания 1916 г., четко дифференцирующих потери населения от прямых столкновений между народами, от действий царских войск, от бегства – «Великого исхода» в Китай, от голода и болезней и пр. Без недоговоренностей и замалчивания, без политизированных перехлестов, взвешенно и без никому не нужных эмоций. Как пишет Ш. Батырбаева, «политики не должны вмешиваться и использовать тему восстания

---

[1] Докладная записка М. Тынышпаева Верховному правителю «О бедственном положении киргиз Семиреченской области», г. Семипалатинск, 16 апреля 1919 г. // Движение Алаш: сборник документов и материалов. Алматы, 2004. Т. 2. С. 315, 316.

[2] *Джунушалиев Д.* В эпицентре восстания // Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Т. 6. С. 88–89.

в своих интересах. Мы, ученые, вне политики. Оставьте изучение архивов и подсчет пострадавших на основании научного подхода нам. Мы с коллегами тоже спорим, у нас есть некие расхождения во взглядах, но все в академических рамках. Нельзя допускать политизации темы восстания»[1].

Это позволит освободить науку и от издержек советского времени, когда основное внимание уделялось потерям среди местного населения, так как нужно было доказать колонизаторский характер российской власти в крае. Потери же русско-украинского населения после 20-х гг. стали замалчиваться.

И еще одно: существующий разнобой в результатах исследований разных ученых, неполнота статистических данных разных переписей и показаний статистических обзоров приводят к неутешительному выводу о невозможности составить абсолютно точную и полную картину потерь в связи с событиями восстания 1916 г.

Однако выход в свет новых сборников архивных документов придает уверенности в том, что дальнейшие исследования этих трагических событий не погрешат против объективной реальности и не выйдут за пределы академического дискурса. Следовательно, в настоящее время недостаточно ссылок на авторитетных ученых даже при условии учета и критического анализа господствующей в тот или иной период идеологии и политической конъюнктуры. Назрела необходимость проведения объективного комплексного исследования всех имеющихся в научном арсенале документов и массовых источников (переписей, обзоров и др.) при условии использования единых технологий демографических исследований, как классических, так и новых информационных, которые исключат субъективный подход и дадут возможность заполнить существующие малоисследованные лакуны и добиться того, чтобы белых пятен истории оставалось все меньше и меньше.

[1] Кыргызский историк: количество жертв восстания 1916 года сильно завышено. [Электронный ресурс] // URL:: http://ru.sputnik.kg/opinion/20160731

Глава V
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЙ

Современная казахстанская историография национально-освободительного движения 1916 г.

В 2016 г. исполнилось 100 лет с момента одного из наиболее крупных национально-освободительных движений в Казахстанском и Центральноазиатском регионе. Кроме того, в нынешнем году празднуется 25-летие независимости Республики Казахстан. Каждое из этих событий имеет безусловно важное самостоятельное значение. В то же время подобное совмещение «юбилейных» дат делает наиболее очевидной актуальность анализа основных компонентов исторического события вековой давности через призму национальной историографии суверенного Казахстана, позволяет не только обозначить проблемные блоки, но и рассмотреть особенности современного исследовательского процесса, его отличия от предыдущего историографического этапа, попытаться определить перспективные направления исследований.

Анализ такого рода представляется крайне важным. И в советский период, и в период независимости проблемы национально-освободительного движения 1916 г., несмотря на различную интерпретацию, занимали особое место в национальной истории и историографии. Между тем за весь период изучения так и не сформировалось единого взгляда на события как в отношении их характера, так и фундаментальных составляющих – хронологических границ, оценки действий лидеров, позиции национальной интеллигенции, социально-экономических, политических, нравственно-культурных последствий для региона и метрополии в целом.

Надо признать, что политический фактор играл и продолжает играть значительную роль в формировании исторического взгляда на события 1916 г. Период независимого развития России, Казахстана, других республик Центральной Азии обозначил проблемы, по которым существуют крайние оценки среди ученых, политиков, общественных деятелей. Важно то, что изучение чисто исторического материала, выводы, сделанные по итогам такого изучения, могут проецироваться на состояние современных отношений между государствами.

Исследователями справедливо отмечается: наибольшему риску в деле формирования объективной исторической картины мира и представлений о прошлом своей страны подвергается молодое поколение наших стран, что обязывает историков взвешенно и конструктивно подходить к проблемам формирования общей исторической памяти[1]. В то же время важным представляется не получение очередной установки на замалчивание тех или иных «неприятных» тем, не игнорирование вопросов, которые, по мнению одной из сторон, являются для нее существенно значимыми в данный конкретный момент, а дальнейшее системное изучение источников, определение степени их репрезентативности, и, конечно, дальнейший диалог ученых всех стран – современных суверенных государств – участников тех событий.

Характеризуя национальную историографию движения 1916 г. исследователи нередко апеллируют к таким ее тенденциям как усиление процессов этнизации, ангажированность историков, обусловленную наличием некоего государственно-политического заказа. Вместе с тем нельзя забывать, что любая наука развивается под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. К числу первых справедливо относят переходное состояние общества, находящееся в стадии социально-экономической и политической трансформации. В транзитных социумах «недоверие значительной части общества к прежним схемам перемежается с восприимчивостью к псевдоисторическим и внешне эффектным, но далеким от науки сенсационным «открытиям» и построениям, – пишет С.П. Карпов. – Альтернативой им служит зачастую, увы, не добротная современная научная продукция, а перепечатки дореволюционных или зарубежных трудов»[2].

Для переходного периода характерна коммерциализация науки. История становится элементом «медийной» культуры. С другой стороны, процесс становления и укрепления государственных институтов и самой структуры власти способствуют формированию политических заказов в сфере истории. В них пытаются найти ответы на вызовы современности, что нередко противоречит геостратегическим, глобальным задачам, которые стоят перед обществом и государством.

Что касается внутренних факторов развития исторической науки, то здесь речь идет прежде всего об использовании различных гносеологических парадигм. Являясь составной частью мировой научной мысли, современная историческая наука Казахстана испытывает прямое и опосредованное влияние общемировых тенденций. Начиная с рубежа XX–XXI вв. происходит активная интеграция истории с другими гуманитарными, социальными и от-

[1] См.: *Аманжолова Д.А.* К вопросу об эволюции исторических интерпретаций и представлений // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 3(8). URL: http://cyberleninka.ru

[2] *Карпов С.П.* Историческая наука и историческое образование в современном информационном пространстве: тупики и перспективы // URL: http://www.hist.msu.ru

части естественными науками, осуществляется восприятие методов, разработанных в рамках других наук.

С другой стороны, продолжается дифференциация исследовательских направлений внутри самой исторической науки, что обусловлено современными тенденциями развития общественного сознания, его увлечением постмодернистскими теориями, вплоть до релятивизма[1]. В рамках этих теорий все знания и ценности рассматриваются как относительные, что, в свою очередь, объясняется преходящими конкретно-историческими условиями, в которых создавались эти самые знания и ценности, а также психоэмоциональным и физическим состоянием индивидов, которые их соответственно воспринимали и использовали. В этой части как раз стало возможным признание совместного существования собственно научного и паранаучного знания, стирание граней между подлинным научным исследованием и «сенсационными» открытиями, авторами которых чаще всего являются люди, не имеющие никакого отношения к исторической науке, не обладающие профессиональной подготовкой и специальными знаниями. Именно о такой ситуации в казахстанской исторической науке писал в свое время академик М.К. Козыбаев: «К сожалению, на смену крайней политизации гуманитарной науки в прошлом пришло много любительства и коммерциализации. История стала писаться не на социальный заказ власть имущих, а в угоду тугому кошельку. Как результат, возродились к жизни средневековые реликты родового и жузового самовосхваления…

Задача академического гуманитарного знания в данном случае состоит в воспитании более объемного, выходящего за рамки узконационального видения истории, в ломке биполярного толкования мира, в приобщении к глобальной сокровищнице исторического знания. Необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях…»[2]

Надо заметить, что свойственный национально-государственным историографиям стран, прошедших путь своего становления в XVIII–XIX вв., круг приоритетных вопросов, мало чем отличается от того, что мы видим сегодня в основном перечне исторических событий Казахстана эпохи происхождения и становления нации и государства. «Для национально-государственной истории особое значение приобретают такие темы, как изменение территориальных границ, развитие и укрепление государственной власти, изменение формы властных отношений и политического устройства. Соответственно, развитие национальной государственности иллюстрируется прежде всего

[1] *Подоль Р.Я.* Методология исторического познания и современная историософия // Философия и общество. 2009. № 3. Июль – сентябрь. С. 122.

[2] *Козыбаев М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски: В 2 кн. Кн. 1. Алматы, 2000. С. 17.

описаниями войн и территориальных захватов (или потерь), причем особое внимание уделяется… национально-освободительным войнам…» – обобщая опыт происхождения и становления наций-государств в Европе, пишут И.М. Савельева и А.М. Полетаев[1]. Специалисты отмечают: если в вопросах происхождения национального государства доминируют этнические мотивы, то в истории становления – государственно-политические компоненты. История о происхождении нации зачастую опирается на иррациональные установки, характерные для массового сознания. Во многих случаях ей присущи тенденциозность, стремление к удревлению, мифологизация. Важной задачей национально-государственных историографий является формирование чувства национальной гордости (с акцентом на победоносные войны, борьбу за независимость, достижения в области культуры и т.д.) и выявление особости национального характера[2].

В связи с тем, что главной прагматической функцией национально-государственной историографии является воссоздание «образа нации», формирование национальной идентификации, ее неотъемлемой частью становится национализм или этноцентризм. Однако по мере дальнейшего развития государств по пути демократии происходит постепенный отход от «националистической истории», которая в конце концов выводится за рамки профессиональной истории. Похожие тенденции определяются в развитии национальной историографии развивающихся стран, которые обрели независимость в середине прошлого века. Вовлечение историков этих стран в мировое научное сообщество в значительной степени способствовало снижению уровня «национализма» в национальных историографиях.

За 25 лет независимого развития Казахстан стал современным государством, добился значительных успехов в развитии экономики, социальной сфере. Известность и признание во всем мире получили внешнеполитические шаги республики и ее лидера Н.А. Назарбаева в развитии антиядерного движения, вопросах региональной и глобальной безопасности. Со всей уверенностью можно говорить, что Казахстан сегодня – это состоявшееся государство, признанное мировым сообществом.

Это находит свое выражение и в развитии социально-гуманитарных наук. Возможность плюрализма и дискуссии, сосуществование разных версий и парадигм – все это является реальностью современной ситуации. Кстати, отказ казахстанского руководства от принятия политического решения и придания 100-летию национально-освободительного движения государственного значения демонстрирует, на наш взгляд, не «слабость» казахстанских историков и уж, конечно, не степень разработанности темы, а в первую очередь свидетельствует о появлении новых тенденций, в рамках которых намечается

[1] *Савельева И.М., Полетаев А.М.* Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Серия: «История России». 2006. № 2(6). С. 26.
[2] Там же. С. 26–28.

постепенный отход от «колониального менталитета» и соответствующего ему нарратива.

Состоявшееся государство в состоянии преодолеть «колониальное прошлое» внутри себя. Процесс это очень сложный. Слишком большим является временной отрезок истории Казахстана, с которым связывают утрату традиционных ценностей, институтов власти и управления, изменение статуса языка, культурные и прочие травмы, переносимые на современное общество. Табуирование в течение десятилетий целого ряда исторических тем, односторонний анализ социально-политических тенденций, деятельности исторических личностей сделали востребованной проблематику колониального периода истории Казахстана и его национально-освободительного движения на годы вперед.

Безусловно, обретение суверенитета и независимости Республикой Казахстан самым непосредственным образом сказалось на состоянии исторической науки. Со второй половины 80-х годов в общественно-политических исследованиях начался отход от прежних теоретико-методологических установок, заданных рамками формационного подхода с доминированием в нем истории классовых отношений и классовой борьбы. Снятие цензуры привело к открытию новых источников. Реабилитация представителей национальной интеллигенции, репрессированных в годы сталинского режима, публикация их научного и творческого наследия позволили ввести в научный оборот целый пласт документальной литературы, авторами которой выступали участники и очевидцы событий. Все это существенно изменило формулировки, к которым прибегали историки, в том числе в отношении событий 1916 г.

Необходимость нового объяснения закономерностей и особенностей исторического процесса обусловила активный поиск альтернативных подходов. Марксистско-ленинская теория как единая методология исследования чрезвычайно сужала исторический контекст. В ее рамках происходила схематизация прошлого, исключались разнообразие и сложность исторического развития стран и народов, абсолютизировались революционные и недооценивались эволюционные пути развития, исключались варианты инволюции, игнорировались культурная специфика и ментальные особенности народов[1].

Из всех теорий восприятия истории исследователи акцентировали внимание на цивилизационном подходе, который, по их мнению, являлся наиболее универсальным. И хотя среди заявленных представителями теории цивилизаций (А. Тойнби и др.) не нашлось места для степной цивилизации, исследователи апеллировали именно к ней. Несмотря на недостатки, цивилизационная теория принимала во внимание изучение национальных традиций, утверждение национальной идеи, одинаково подходила к изучению отечественной и всеобщей истории[2]. Основанный на определении преобладающего вида хозяйс-

[1] *Здерева Г.В.* Современные проблемы методологии исторической науки и преподавания истории в вузе // Вестник Гуманитарного института. 2007. № 1. С. 9.

[2] Там же. С. 10–11.

твенной деятельности и господствующей системы ценностей в жизни социума цивилизационный подход явился признанием права каждого народа на собственный исторический путь, реализацию своей культурной программы, многофакторный и многовекторный анализ общественно-исторического процесса.

Обозначение многовариантности развития стран, народов, государств, раскрытие содержания эпохи через человеческое измерение позволило исследователям по-иному осмыслить исторический опыт прошлого, поставить вопрос о расширении методов и принципов исследования[1]. Кроме традиционных, общепризнанных принципов – конкретно-исторического анализа, объективности, всесторонности и диалектической взаимосвязи основных компонентов, – особую актуальность приобрели методы системно-структурного исследования сложно организованных объектов. Именно такой подход послужил основой для возникновения в 60–70-е гг. XX в. в историографии народных движений африканских и азиатских стран нескольких школ и направлений. Так, сторонники дарэссаламской исторической школы (Рейнджер, Дж. Айлиф, г. Гвасса, И. Кимамбо и др.) сформулировали совершенно новые теоретические положения об «африканской инициативе» и «разнообразии реакций» на колониализм, о непрерывности процесса антиколониальной борьбы и взаимосвязи между ее ранними и поздними этапами, о роли традиционных религий как идеологической базы многих антиколониальных движений[2].

Сторонники другой школы – кенийские историки А. Мазруи и Б. Огот ввели понятие «протест» и на этой основе предложили его различные формы или категории. Понимаемые как некая абстрактная надклассовая сила, действующая в африканском обществе на всем протяжении его развития, протесты подразделялись соответственно на протесты консервации (действия, направленные на защиту и сохранение существующей системы ценностей), протесты восстановления или реконструкции – «ностальгические усилия» по восстановлению разрушенного (полностью или частично) прошлого, протесты исправительного осуждения как действия, направленные на модификацию отдельных элементов существующей системы ценностей, и протесты трансформации – проявление недовольства всей существующей системой ценностей и попытка изменить ее[3].

Подобного рода анализ и сопоставление с характерными особенностями движений в Казахстане в XVIII–XX вв. определили рассмотрение исторической концепции национально-освободительного движения в крае как составной части антиколониальной борьбы за свободу и независимость

---

[1] *Барг М.А.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования (человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 5. С. 73.

[2] *Пегушев А.М.* История национально-освободительной борьбы Восточной Африки в немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография: Критический анализ. М., 1989. С. 318–319.

[3] Там же. С. 321–322.

во всемирно-историческом масштабе, унификацию категориального аппарата, классификацию выступлений не только по социально-экономической и политической проблематике, но и в контексте морально-этических, нравственных, психологических связей друг с другом.

За двадцать пять лет в Казахстане издано значительное количество трудов по истории национально-освободительного движения 1916 г. Историография истории движения также обширна. Она включает в себя отдельные статьи монографий, периодических изданий, материалов научных конференций, в которых содержатся проблемно-тематические обобщения, компаративный анализ современной, советской и зарубежной историографии[1]. Академический обзор историографии национального движения 1916 г. до начала 2000-х гг. содержится в 3-м томе «Истории Казахстана»[2].

С конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века история национально-освободительного движения 1916 г. стала рассматриваться в качестве одного из этапов многовекового процесса борьбы за восстановление независимости, ее апогей. Первые круглые столы и научные конференции выявили наиболее значимые основания новых подходов – взаимосвязь национальных движений на территории Казахстана в XVII–XX вв., непрерывный характер освободительной борьбы против джунгар, Российской империи, Среднеазиатских ханств как борьбы за независимость и восстановление национальной государственности[3].

Большое значение исследователи придавали формированию соответствующего понятийно-категориального аппарата. Наряду с прежде употреблявшимся термином «национально-освободительное движение» в научный обиход вошло понятие «протест». Введенное в казахстанскую науку М.К. Козыбаевым, оно получило дальнейшую разработку в трудах его учеников и последователей, определяя «возросшие расположенность к изменениям и потенциал способности к преобразованию традиционных обществ»[4]. Про-

[1] См., напр.: Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994; Национально-освободительные движения в Казахстане: история, методология, историография. Костанай, 1994; *Койгельдиев М.К.* Национальная историография на современном этапе: попытки осмысления собственного пути: Материалы науч. конф. «Историческая наука постсоветской Центральной Азии: обретения и проблемы». Алматы, 2006; *Аманжолова Д.А.* Указ. соч.; *Ельмуратова Б.Ж.* Историография социально-политических движений в Казахстане. Павлодар, 2008 и др.

[2] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы, 2000. С. 40–49.

[3] История и историография национально-освободительного движения второй половины XVIII – начала XX в. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1989; Национально-освободительные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ): Материалы научно-теоретической конференции. Алма-Ата, 1989; Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ): Материалы Всесоюзного круглого стола 27–28 июля 1990 года. Целиноград, 1991; Народно-освободительное движение в Казахстане в XVII–XX вв. – единый исторический процесс, проблемы, поиски, решения: Материалы научно-теоретической конференции. Актюбинск, 1992 и др.

[1] См.: *Мухтарова Г.Д.* К методологии изучения движений протеста против царизма в Казахстане в последней четверти XVIII – XIX в. // Вестник КазГУ. Сер.: «История». Алматы, 1993. С. 111–116; и др.

являя себя наиболее ярко в возникновении движений, таких как восстание, инакомыслие, протест, он демонстрировал достижение более высокого уровня выражения политической борьбы, чем тот, который существовал раньше, в первобытных обществах. «Даже если картина изменений в кочевых обществах как движения между ритуалами восстания, с одной стороны, и разделом либо слиянием племенных образований – с другой, выглядит упрощенной, – пишет С.Ф. Мажитов, – все-таки действительно лишь в подобных обществах впервые можно вполне идентифицировать более определенно выраженные движения изменений и ориентации протеста»[1].

Современная историография в своих оценках исходит из того, что движение 1916 г. являлось одним из наиболее массовых и крупномасштабных движений в регионе за весь период вхождения в состав Российской империи. По таким характеристикам, как территориальный охват, степень организации восставших, сформированные в процессе движения органы власти и управления, а также организация военного дела, последствия, оно значительно превосходило все предшествующие движения. В связи с этим движение в Казахстане и сопредельных государствах Центральной Азии рассматривается как важное историческое событие эпохи, в ходе которого в наиболее концентрированном виде нашло выражение общее недовольство социально-экономической политикой царизма в отношении изъятия земель, перераспределения их в пользу постоянно увеличивающегося переселенческого крестьянства, стремление к сохранению традиционных институтов власти, рост национального самосознания.

Существенный вклад в изучение проблем национально-освободительного движения 1916 г. в первые годы независимости внесли историки А.К. Бисенбаев[2], Ж. Касымбаев[3], К. Нурпеисов[4], К.С. Алдажуманов[5], М. Койгельдиев[6]. Большая заслуга в процессе переосмысления и формирования новых взглядов на события 1916 г. принадлежит доктору исторических наук, академику М.К. Козыбаеву. М.К. Козыбаев стоял у истоков формирования национальной исторической науки независимого Казахстана. В его многочисленных статьях, книгах, выступлениях нашли отражение методологические,

---

[2] *Мажитов С.Ф.* Протестное движение в колониальном Казахстане: истоки мифологизации. [Электронный ресурс] // URL: http://www.ronl.ru

[3] Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994.

[4] *Касымбаев Ж.* Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV Госдумы России // Казакстан жогары мектебі. 1996. № 6; и др.

[5] *Нурпеисов К.* Алаш һәм Алаш-Орда. Алматы, 1995; и др.

[6] *Алдажуманов К.С.* Национально-освободительное движение 1916 г. и крестьянские восстания 1929–1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: характер, движущие силы, уроки: Материалы международной научно-теоретической конференции. Алматы, 1996. Алматы, 1997. С. 88–94.

[7] *Қойгельдиев М.* Қазақ демократиялық интеллигенциясының 1905–1917 жылдардағы қоғамдық-саяси қызметі. Тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы, 1994; и др.

историографические, источниковедческие аспекты истории движения 1916 г. Расширение географических и хронологических границ позволило ученому обосновать вывод о единстве исторического процесса и общности судеб народов колониальных окраин. В процессе разработки теоретико-методологических вопросов казахстанского освободительного движения М.К. Козыбаев апеллирует к трудам видного политического деятеля, лидера национально-освободительного движения Индии Дж. Неру. Масштаб и размах движения, а также характер боевых операций по подавлению восставших являются, по Козыбаеву, первоочередными факторами, определяющими значение движения 1916 г. как крупнейшего выступления колониального Востока против империи, стоящего в одном ряду с самыми мощными выступлениями народов Юго-Восточной и Центральной Азии.

М.К. Козыбаев одним из первых исследователей обратил внимание на разнообразие форм народного сопротивления – от манифестаций в аулах до боевых операций против колониальных войск. Важными представляются выводы ученого о соотношении целей и задач освободительного движения с лозунгами Февральской буржуазно-демократической революции. Таким образом, в казахстанской историографии впервые был поставлен вопрос о значении февральских завоеваний, недооцененных и сознательно вытесненных из коллективной памяти в угоду большевистской пропаганде. Между тем именно Февральская революция, по М.К. Козыбаеву, спасла казахский народ от «полного истребления».

Обострение национального вопроса в годы движения М.К. Козыбаев связывал с особенностями проведения карательных действий по подавлению восстания в разных регионах и избранной тактики царской администрации. В то же время он обращал внимание на поддержку восставших со стороны демократической России в лице депутатов Государственной думы.

В 1998 г. был опубликован двухтомный сборник документов «Грозный 1916 год», в котором посредством публикации ранее неизвестных источников была существенно расширена география событий. Получили отражение вопросы положения беженцев в Китай, действия властей по их возвращению, материалы о положении тыловых рабочих, а также работы представителей национальной интеллигенции А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Тынышпаева и других[1].

Наиболее актуальные вопросы, поднимаемые исследователями в эти годы, касались переопределения социальной базы, роли и места лидеров национально-освободительного движения, его исторического значения, отношения национальной интеллигенции к событиям 1916 г., характера, причин поражения и последствий репрессивных действий. Вовлеченные в научный

[1] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы) – Грозный 1916 год: сборник документов и материалов: В 2 т. Алматы, 1998.

оборот новые документальные материалы небезосновательно позволили определить более широко социальный состав восставших, который в советской историографии рассматривался исключительно как отряд сравнительно малочисленного рабочего класса и беднейшего крестьянства. «Действия колониальной администрации по изъятию земель, увеличению налогового гнета затрагивали интересы всех слоев населения края, в том числе и имущих слоев. …В неменьшей степени страдали от этих действий колониальной администрации и имущие слои, терявшие свои привилегии. …Нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать феодальные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу интересы», – отмечал М.К. Козыбаев[1].

Практически заново началась история изучения лидерства освободительного движения, когда из забвения были возвращены имена лидеров Жаменке Мамбетова, Узака Саурыкова, Бекболата Ашекеева, Абдигапара Жанбосынова и многих других, принадлежавших к элите степного общества. Продолжалось изучение биографических материалов Амангельды Иманова, Алиби Жангельдина.

В эти годы были написаны работы, раскрывающие историю движения в определенных территориальных границах (Акмолинской и Семипалатинской областях, в районе Жезказгана-Улытау)[2], а также процесс восстановления ханской власти в годы восстания[3].

С учетом территориального охвата и глобального масштаба народного движения, которое прокатилось не только по степям Казахстана, но и охватило сопредельные регионы, а также общего исторического контекста (антиколониальные революции в странах Востока) движение было признано казахстанскими исследователями одним из событий, имеющих всемирно-историческое значение. Участие в восстании народов Центральноазиатского региона – казахов, киргизов, узбеков, дунган, туркмен, уйгуров – рассматривалось, с одной стороны, как доказательство его многонационального состава в отдельных регионах (Семиречье, Сырдарьинская область), с другой – как предпосылка для формирования идеи единства тюркских народов на основе противостояния дальнейшему процессу экономической, политической и духовной колонизации.

---

[1] *Козыбаев М.К.* Проблемы, методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. С. 151.

[2] *Ермұқанов Е.Н.* 1916 жылғы көтеріліс тарихының кейбір мәселелері (Ақмола және Семей облыстарының материалдары бойынша). Алматы, 1993; *Бекмағанбетов Ө.Ж.* Жезқазған – Ұлытау өңіріндегі 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс және оның тарихи сабағы. Астана, 2001.

[3] *Ибрагимов Ж.И.* 1916 ұлт-азаттық көтеріліс. Хандық биліктің жаңғыруы. (Сарыарқа өңірі материалдары бойынша). Қарағанды, 1999.

Одним из наиболее сложных вопросов оставался вопрос об отношении национальной интеллигенции к событиям 1916 года. Работы М.К. Козыбаева, К. Нурпеисова, М. Койгельдиева, М. Базарбаева, российской исследовательницы Д.А. Аманжоловой во многом способствовали пониманию положения казахской интеллектуальной элиты, тесно связанной с Россией, ее учебными заведениями и просветительской мыслью, представителями общественного и политического движения.

Исследователи показали, что среди представителей казахской интеллигенции не существовало единого взгляда на принятие Указа царя[1]. В исторической литературе советского времени наиболее категоричной оценке подвергалась деятельность той части казахских интеллектуалов, которая убеждала народ в необходимости поддержать правительство и не дать ему возможности применить на основании отказа силовые действия. В исследованиях М. Койгельдиева, К. Нурпеисова, М. Козыбаева подчеркивается, что будущие алашевцы поддержали Указ от 25 июня, так как полагали, что опасность, которая нависла над Россией, касается и казахов и, что самое важное, чтобы не допустить физического уничтожения безоружного народа. Эти убеждения легли в основу резолюции, принятой частным совещанием представителей пяти областей Казахстана (Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской) 7 августа 1916 г. в Оренбурге. Документ, подписанный председателем совещания А. Букейхановым, секретарями М. Дулатовым и О. Алмасовым, содержал просьбу об отсрочке призыва и проведении серьезной подготовительной работы среди местного населения.

Некоторые разногласия среди исследователей вызвал вопрос об определении характера событий 1916 г. В своих статьях и выступлениях начала 90-х годов академик М.К. Козыбаев сопоставил его с национально-освободительной революцией. Автор исходил из того, что в условиях восстания господствовал так называемый «принцип вооруженного народа», было возрождено военное искусство предков, борьба велась против империи и ее вооруженных сил, а народ смог воссоздать те органы власти и установить такие правовые порядки, которые бытовали в традиционной кочевой среде издавна и подверглись сильнейшей трансформации и разрушению в ходе административно-правовых реформ царизма[2].

---

[1] Так в советской историографии именовался документ, на основании которого мужское инородческое население империи привлекалось к работам по устройству оборонительных сооружений. Сегодня в научный оборот введено его исходное название «Высочайшее повеление» (См.: *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 38–39.).

[2] *Козыбаев М.К.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения – революции 1916 г. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994. С. 6.

Согласно другой точке зрения, события 1916 г. трактуются как национально-освободительная война (А.К. Бисенбаев и др.). Поскольку в ходе революции происходит кардинальная смена институтов власти и управления, а в 1916 г. произошел лишь возврат к прежней системе правления, автор предложил квалифицировать восстание 1916 года как национально-освободительную войну[1]. В рамках освободительной войны, по мнению ученого, происходило закономерное восстановление, возрождение административно-управленческого аппарата, была налажена работа тыла. Как и другие антиколониальные войны, эта война, по мнению А.К. Бисенбаева, носила межэтнический характер, так как многочисленные слои европейского населения – казачество, крестьянство, – выполняли карательные функции и были сознательно вооружено против повстанцев.

Надо отметить, что в своих последующих работах М.К. Козыбаев согласился с доводами А.К. Бисенбаева, однако продолжал настаивать на «революционном» характере перемен, которые произошли в сознании восставших народов, что выразилось в долговременном и непримиримом характере борьбы[2].

Практически единодушны были историки в оценке причин поражения и последствий подавления восстания. Стихийность, недостаточная организованность в масштабе регионов, использование противоречий с русским, украинским населением, казачеством, отсутствие единого руководящего центра, разногласия в среде интеллигенции, а также жестокие действия карательных отрядов – все это, как отмечали авторы, послужило причинами поражения движения. Называемые в процессе обсуждения репрессивной политики царизма цифры (по М.К. Козыбаеву, произошло снижение численности казахского населения за один год на 446 тыс. человек, по другим данным – 300 тыс.) послужили причиной для определения политики царской администрации как политики этноцида.

2000-е годы ознаменовались выходом значительного количества работ, посвященных актуальным и малоисследованным аспектам движения 1916 г. В это время была предпринята попытка пересмотра хронологических границ восстания. Так, по мнению доктора исторических наук С.Ф. Мажитова, восстание не закончилось в ноябре 1916-го, а продолжалось по меньшей мере до весны 1917 г., что подтверждается организацией экспедиции под руководством генерала Лаврентьева против повстанцев Тургая в феврале 1917 г.[3] Завершающий этап восстания связывается с процессом

---

[1] *Козыбаев М.К.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения – революции 1916 г. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994. .С. 54.

[2] См.: *Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана: Избранные труды. Алматы, 2006. С. 147–148.

[3] *Мажитов С.Ф.* Протестное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: проблемы теории и методологии изучения. [Электронный ресурс] // URL: http://journals.manas.edu.kg

возвращения беженцев из Китая и ликвидацией тяжелых последствий событий 1916 г.

К числу актуальных вопросов относится характеристика нормативно-правовых аспектов, в частности легитимность Указа от 25 июня 1916 г. С.Ф. Мажитов также обращает внимание на процесс вовлеченности в дело подготовки Высочайшего повеления императора Николая II правительства и силовых ведомств[1].

В первое десятилетие XXI в. издательством «Ел-шежире» было осуществлено многотомное издание документов и архивных материалов по истории национально-освободительного движения в Казахстане в XVIII–XX вв. В рамках этого проекта были опубликованы труды ученых разных лет, по разным причинам ставшие раритетными изданиями. Истории движения 1916 г. были посвящены 2-й, 3-й и 11-й тома издания[2]. Так, во 2-й том вошли документы, а также исследования и материалы тех лет, в частности материалы газеты «Қазақ», сведения о трагической судьбе народов, оказавшихся между двумя империями, о массовом бегстве местного населения в Китай. В 3-й том вошел сборник документов, изданный в 1932 г. под редакцией П.Г. Галузо, а также работы А.В. Шестакова, А. Чулошникова, М. Дулатова, Т. Рыскулова и других авторов, чьи труды вышли в 20–30-е годы.

Продолжается комплексное изучение причин, предпосылок, хода и характера движения. В диссертационном исследовании Р.С. Буктугутовой национально-освободительное движение 1916 г. характеризуется в контексте развития социального движения в крае[3]. Такой анализ представляется крайне важным, поскольку демонстрирует весь спектр кризисной ситуации в стране в начале XX в., серьезно усугубившейся в годы Первой мировой войны. Наряду с рабочим, аграрным, движением городских слоев, деятельностью интеллигенции национальное движение составляло широкий контекст общественных движений, которые протекали в Степном крае и Туркестане. Автор приводит данные о влиянии восстания 1916 г. на развитие рабочего движения, взаимосвязях аграрного и национально-освободительного движения.

---

[1] Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном: Международная научно-практическая конференция (Алматы, 28 июня 2016 г.) // http://www.spik.kz

[2] Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы: (құжаттар мен материалдар жинағы); жетекші. М.Қ. Қойгелдиев; [құраст.: М.Қ. Қойгелдиев, Ш.Б. Тілеубаев, Р.Е. Оразов]. Астана–Алматы, 2007. Жетысу-Иссык-Кульская трагедия: сборник документов и материалов. 1916–1920 гг. Т. 2; Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы [Текст]; рук. М.Қ. Қойгелдиев; подгот. к печати Ф. Божко и С. Волин; под ред. П.Г. Галузо; жауапты құраст. Ш.Б. Тілеубаев. Средняя Азия – Казахстан: сборник документов и материалов. Астана, 2007. Т. 3; Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы: көп томдық; құраст. Ш.Б. Тілеубаев. Семиречье. 1916 год: сборник документов и материалов. Алматы, 2008. Т. 11.

[3] *Буктугутова Р.С.* Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в. Автореферат дис… д.и.н. Омск, 2007.

Наряду с комплексными исследованиями появились работы, в которых вопросы развития восстания рассматриваются в региональном контексте[1].

Актуальными для современной историографии истории движения 1916 г. по-прежнему остаются вопросы о роли казахской интеллигенции[2]. Подчеркивая неоднородность интеллектуальной элиты, авторы обращают внимание на наличие в ее среде по крайней мере двух направлений: либерально-демократического, группировавшегося вокруг газеты «Казах», призывавшего казахский народ к спокойствию, смирению и разумному компромиссу с властями, и радикально настроенного, революционно-демократического (Турар Рыскулов, Сейткали Мендешев, Алиби Жангильдин, Токаш Бокин, Сакен Сейфуллин и др.), призывавших к вооруженному сопротивлению. При этом обращается внимание на тесную взаимосвязь, которая существовала у представителей либерально-демократического крыла с российским либеральным движением.

Тематически к этим работам близки исследования российского историка, доктора исторических наук Д.А. Аманжоловой. Одна из работ автора содержит специальную главу, посвященную деятельности Алаш в период восстания 1916 г.[3] Особое внимание обращается на специфику процесса интеграции новых территорий в общую политическую и административно-территориальную систему Российской империи, которая носила противоречивый характер и, как отмечает автор, была направлена «на присоединение стратегически важного региона, а не отдельных этносов». Изданный без должной экспертизы социально-политических последствий Указ от 25 июня 1916 г., не учитывающий время проведения предполагаемой мобилизации, а также непроработанный характер его реализации определяется как серьезный повод мощнейшего восстания в Центрально-Азиатском регионе.

Автор дает подробный анализ деятельности либерально-демократической интеллигенции в годы войны, связанной с попыткой проведения реформ, направленных на уравнение в правах коренного населения путем создания кавалерийских национальных частей, подобных казачьим. Обращается внимание на активизацию деятельности А. Букейханова, А. Байтурсынова, Н. Бегимбетова в плане сотрудничества с мусульманской фракцией Госдумы по

---

[1] *Мырзағалиұлы М.* 1916–1917 жылдардағы Торғай қазақтарының көтерілісі. Алматы, 2005; *Тлеубаев Ш.Б.* Жетісу облысындағы қазақ және қырғыз халықтарының 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісі: Тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған дисс. автореферат. Алматы, 2010; и др.

[2] *Кадыралина Ж.У.* Роль казахской либерально-демократической интеллигенции в национально-освободительном движении в Казахстане в начале XX века // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. С. 127–131.

[3] *Аманжолова Д.А.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 108–152.

земельному вопросу и по вопросу о призыве. Большой научный интерес представляет подробное описание инициатив лидеров Алаша в период, когда восстание охватило Семиречье, Тургайский, Иргизский и Кустанайский уезды. Речь идет о многочисленных статьях и публикациях на страницах газеты «Казах», совещаниях, обращениях, запросах, объяснениях, которые направлялись в Думу, военным и гражданским властям Степного и Туркестанского края по вопросам мобилизации, а также деятельности по созданию инородческого отдела при Комитетете Земсоюза Западного фронта в Минске. Таким образом, подчеркивается продуманный, взвешенный характер предпринимаемых решений и действий, использование всех легитимных способов урегулирования и смягчения ситуации в регионе.

Активно продолжают изучаться биографии лидеров национально-освободительного движения 1916 г. Так, в уже упоминавшейся работе М. Мырзагалиулы речь идет в том числе о лидерах Тургайского очага: руководителе казахов аргынского рода, кочевавшего в западной части, Ш. Оспанове, предводителе кипчакских родов, кочевавших на востоке Тургая А. Джанбосынове[1]. Специальная статья о лидерах тургайских казахов написана М.Ж. Бекмагамбетовой[2].

Вполне самостоятельное направление приобрел анализ внешнего фактора в процессе возникновения национально-освободительного движения. Так, Д. Ашимбаев полагает, что нельзя исключать фактор причастности немецкой и турецкой агентуры к обострению остановки в регионе. «В январе – апреле 1916 г. в ходе Эрзерумской и Трапезундской операций российская Кавказская армия нанесла серьезное поражение Турции, в июне–августе 1916 года в ходе Брусиловского наступления были нанесены серьезные удары по немецкой и австрийской армии. В этих условиях (не говоря уже о «Большой игре» за Центральную Азию) представляется, что вопрос о внешнем воздействии на ситуацию в регионе остается открытым: восстание произошло в очень удачный для Германии и Турции период, – указывает автор. – …Восстание отвлекло необходимые на фронте воинские части, замедлило мобилизацию и отправку местного населения на тыловые работы, а заодно обострило межнациональные и межконфессиональные отношения в стране, что, в свою очередь, в какой-то степени усугубило кризисные события в стране, которые, как известно, привели к Февральской революции 1917 года»[3]. Вместе с тем, отмечая отсутствие прямых документальных до-

[1] *Мырзағалиұлы М.* 1916–1917 жылдардағы Торғай қазақтарының көтерілісі. Алматы, 2005.

[2] *Бекмагамбетова М.Ж.* О лидерах национально-освободительного движения 1916 г. в Казахстане. [Электронный ресурс] // URL.: http://www.rusnauka.com

[3] *Ашимбаев Д.* Восстание 1916 года: вопросы трактовки в контексте современной политики // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. С. 14–16.

казательств факта внешнего воздействия на Туркестан, Д. Ашимбаев определяет три группы факторов, повлиявших на возникновение вооруженного сопротивления в 1916 г. со стороны местного населения: 1) проблемы, связанные с освоением края Россией; 2) фактор внешнего воздействия; 3) военный контекст – «оттягивание военных и кадровых ресурсов на Западный и Кавказский фронты привели к ослаблению руководства в Туркестанском и Степном генерал-губернаторстве»[1].

Новый импульс исследованиям придало 100-летие событий. В столичных и региональных вузах Казахстана состоялись десятки научных конференций, в ходе которых обсуждались актуальные проблемы исследования истории НОД 1916 г.[2] Так, на конференциях в Алматы и Таразе вновь был поставлен вопрос о специфике движения в разных регионах, о сложности установления прямых взаимосвязей между отдельными выступлениями. Общей тенденцией становится рассмотрение в качестве повода к выступлениям не столько самого Высочайшего повеления, сколько мероприятий по его реализации: нарушения и злоупотребления местной администрации, многочисленные факты взяточничества при составлении списков и т.д.

На протяжении 2016 г. на страницах центральных и районных периодических изданий, интернет-порталов выходили материалы о восстании и его лидерах[3]. Научный журнал Академии наук «Отан тарихы» посвятил отдельную рубрику, в рамках которой в течение года выходили материалы о событиях столетней давности[4]. Ученые Казахстана приняли активное участие в

[1] *Ашимбаев Д.* Восстание 1916 года: вопросы трактовки в контексте современной политики // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. С. 14–16.

[2] «Взгляд современных историков на события 1916 года. Тургайский регион»: Тематическая встреча к 100-летию национально-освободительного движения 1916 г. (Костанай, 14 апреля 2016 г.); «Осмысление исторического опыта» («Тарихтан – тағылым»): Международная конференция, посвященная 100-летию национально-освободительного восстания 1916 года (Астана, Международная тюркская академия (TWESCO), 21–23 июня 2016 г.); «Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном»: Международная научно-практическая конференция (Алматы, университет «Туран», 28 июня 2016 г.); «Национально-освободительное восстание 1916 года: история и реальность»: Республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 100-летию национально-освободительного движения 1916 г. (Алматы, Институт истории и этнологии им. Ш. Уалиханова, 23 сентября 2016 г.); «Национально-освободительные восстания 1916 г.: историческое значение, опыт и перспективы исследований». Республиканская научно-практическая конференция (Тараз, ТарГПИ, 15 октября 2016 г.) и др.

[3] *Жаксымбетова Г.* Вопросы национально-освободительного движения 1916 года в Казахстане в ракурсе пересмотра отечественной истории // Қазақстан мұрағаттары. 2013. № 3. С. 85–90; *Калижанов У.* Беречь святую память: К 100-летию национально-освободительного восстания 1916 года // Мысль. 2016. № 8. С. 20–23; и др.

[4] *Рустемов С.К.* 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісіне – 100 жыл // Отан тарихы – Отечественная история. 2016. № 1 (73). Б. 72–85; *Оразов Р.Е.* Жетісу 1916 жыл: мұрағат құжаттарында // Там же. Б. 85–134; *Ксенжик Г.Н.* Причины и последствия Семиреченского восстания 1916 года в картографических источниках и документах // Там же. 2016. № 2. С. 49–60 и др.

обсуждении проблем истории восстания, которое проходило на разных научных площадках ближнего и дальнего зарубежья[1].

К числу работ последнего времени относится монография Д.П. Кожамжаровой о восстании местного населения казахов, узбеков, киргизов, дунган, уйгуров в Туркестанском крае[2]. Опираясь на архивные документы, автор проводит анализ социально-экономического состояния, политических и социальных причин и предпосылок национально-освободительного восстания на территории Сырдарьинской и Семиреченской областей. В работе содержатся подробные сведения о начале и ходе восстания, проведении карательных действий со стороны царской администрации, откочевках мирного населения в соседний Китай.

Односторонние оценки кочевой системы хозяйствования, бытовавшие в советской историографии, практически исключали изучение вопросов на предмет соответствия принятого Указа о мобилизации основным характеристикам экономической деятельности местного населения. Между тем имеющиеся документы свидетельствуют о том, что его представители неоднократно пытались довести до властей всю серьезность ситуации, связанную с определением негативных последствий для осуществления мобилизации в летне-осенний период. Так, в письме представителей казахского населения Тургайского уезда, участников совещания в г. Оренбурге 7 августа 1916 г., на имя военного министра Д.С. Шуваева говорилось буквально следующее: «…призыв, отсроченный лишь до 15 сентября с.г., совершенно разорит киргиз, так как отнимет от скотоводства и кочевого хозяйства не только отдельных глав киргизских семей, но и рабочих-скотоводов, которых необходимо по 4–5 человек для каждого отдельного хозяйства…»[3] Отсутствие должной подготовки кочевого аула к переходу на кстау (зимовки казахов. – *Е. С.*) и его содержание на зимовке могут стать причиной массового голода и гибели для непосредственных потребителей казахского хозяйства, – указывалось в письме.

---

[1] «Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (к 100-летию восстания в Туркестане 1916 г.)»: Международная научно-практическая конференция (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18 сентября 2015 г.); «100-летие национально-освободительного восстания 1916 года: историческая память и современное значение». Международная научная практическая конференция (Бишкек, Бишкекский гуманитарный университет, 18–19 апреля 2016 г.); «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Международное научное совещание (Бишкек, Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», Американский Университет в Центральной Азии, 20–21 мая 2016 г.); «Туркестанское восстание 1916 года: факты и интерпретации: Международная научная конференция (Москва, май 2016 г.) и др.

[2] *Кожамжарова Д.П.* История национально-освободительного движения 1916 года Туркестанского края по материалам Сырдарьинской и Семиреченской областей. Тараз, 2016.

[3] 1916 г., 17 августа. Письмо представителей казахского населения Тургайского уезда Тургайской области военному министру Д.С. Шуваеву об изменении системы мобилизации рабочих с учетом типа хозяйствования казахского населения // Грозный 1916 год. Т. 1. С. 46–47.

Эти и другие факты со всей очевидностью демонстрируют необходимость дальнейшего продолжения исследования всего комплекса частично или полностью неизученных вопросов, связанных с причинами и характером национального движения 1916 г. Перспективными для изучения можно признать вопросы развития морально-нравственного состояния населения региона, влияние религиозного фактора и развитие мусульманского движения. В ходе одной из последних конференций историки Казахстана признали как факт, что влияние религиозного фактора на развитие восстания 1916 г. для казахстанской историографии пока является неразработанной темой[1].

Еще более значимой представляется работа, способствующая пониманию проблемы и извлечению уроков для тех профессионалов, основу деятельности которых составляет организация государственного управления в полиэтнических и поликонфессиональных обществах, для всех, кто в этих обществах живет. Российскими исследователями сегодня предлагается рассматривать события 1916 г. как общую трагическую судьбу населявших регион народов[2]. Казахстанские ученые также призывают к расширению географического и хронологического контента исследования событий[3]. Такой подход дает возможность для анализа и активного поиска оптимальных конструкций во взаимоотношениях народов, которые веками населяли единое евразийское пространство, несмотря ни на что сохранили тесные социально-культурные, экономические, политические связи.

Нет сомнений, что все нюансы и сложности этого процесса должны быть подвергнуты дальнейшему системному изучению на основании как неизвестных, так и ранее опубликованных источников. В этом плане наметился серьезный прогресс и на национальном, и на межгосударственном уровне. Презентация новых книг и сборников документов по истории национально-освободительного движения 1916 г. – яркое доказательство поступательного развития исторической науки по пути объективности и созидательности.

Связанная самым непосредственным образом с проблемами присоединения к России, колониальными аспектами политики в регионе, историей формирования полиэтнического состава населения Казахстана, национальной идентичностью и межэтническими отношениями, проблема национально-освободительных движений должна оставаться в первую очередь научной проблемой, которая может решаться исключительно силами профессиональных историков в порядке научных дискуссий, признания естественным и необходимым плюрализма мнений.

---

[1] Историки о новом осмыслении восстания 1916 года. [Электронный ресурс] // URL: http://rus.azattyq.org

[2] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016.

[3] *Ашимбаев Д.* Восстание 1916 года: вопросы трактовки в контексте современной политики. С 7.

Основные проблемы киргизстанской историографии советского и постсоветского периодов по восстанию 1916 г.

Тема восстаний 1916 г., которые произошли на просторах Азиатской части Российской империи, по-разному воспринимаются и подаются в современных государствах, находящихся на данной территории.

Версия, тиражируемая в современном политическом и информационном пространстве Киргизстана, носит крайне политизированный по содержанию и узколокальный по охвату местности характер, основана на ряде политических мифов и существенно противоречит научному дискурсу.

Такая ситуация связана с целым рядом причин, одна из которых – серьезные проблемы киргизстанской историографии по восстанию 1916 г. Эти проблемы носят политический, социальный и академический характер.

Киргизстанская историография темы по своему содержанию и набору сюжетов однобока и ограничена, многие издания носят крайне политизированный и публицистический характер.

На состояние научных исследований в республике оказывают серьезное влияние следующие факторы: политическая элита (тема включена в текущую политическую повестку и трактуется с учетом политических приоритетов; официальная версия отражена в правовых документах[1], художественных фильмах, памятниках, государственных изданиях[2]); негативное воздействие со стороны прозападных и протурецких структур и ученых; деградация науки и академического сообщества; включенность многих историков в политические процессы и элиту; доминирование в обществе фолк-истори, которая опирается на локальную устную историю и художественную литературу. Отметим, что многие местные устные источники и художественные произведения по данной теме локальны, однобоки и субъективны по оценкам, содержат ограниченный набор аспектов и сюжетов событий.

Одна из целей тиражируемого политического дискурса – попытка обосновать самостоятельность появления на современной политической карте государства под названием Киргизстан. Восстание 1916 г. пытаются представить отправной точкой создания этнической нации и собственного национального государства вместо национально-территориального размежевания территории Средней Азии, проведенного большевиками в 1920-х годах.

А.У. Джакишев справедливо отмечает: «К сожалению, некоторые националистически настроенные политики в Кыргызстане используют тему восстания 1916 года в Туркестане для разжигания межнациональной роз-

[1] См.: Президент Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О 100-летии трагических событий 1916 года». [Электронный ресурс] // URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931_prezident_almazbek_atambaev_podpisal_ukaz_o_100-letii_tragicheskih_sobyitiy_1916_goda_/

[2] См.: «Маданият» – адабий, маданий жана илимий-популярдык журнал. 2016. № 1(7). «Үркүн-100». 1916–2016.

ни, перекладывая вину царского режима на современную Россию и русский народ»[1].

Тему восстания для политических спекуляций стали использовать еще с 1980-х годов. 2 февраля 1987 г. Институт истории партии ЦК КП Киргизии направил в ЦК КП Киргизии материалы о характере восстания 1916 г., подписанные директором Д.Д. Джунушалиевым и заместителем директора по науке И.Е. Семеновым. В документе авторы обращали внимание на политическую актуализацию событий 1916 г.: «…Отход отдельных обществоведов, представителей других сфер духовной жизни от этих позиций[2] приводит к идеализации исторического прошлого, дезориентирует массы относительно предмета национальной гордости, наносит ощутимый урон делу интернационального воспитания, порождает идейные шатания среди части кадров.

Одним из значительных в жизни и борьбе киргизского и других народов Средней Азии и Казахстана исторических событий, которое в силу своей сложности, неоднозначности, недостаточно глубокой и всесторонней изученности, а также в силу неверных оценок отдельных его сторон некоторыми исследователями оказалось сейчас в сфере внимания тех, кто стремится "переосмыслить", "переоценить" историческую правду, является восстание 1916 г.

В противоположность этой, по существу общепринятой, точке зрения у некоторых историков (К. Усенбаев) до недавнего времени бытовало мнение, согласно которому наличие реакционных очагов восстания 1916 г. на севере Киргизии, в частности в районах Токмака, Большого и Малого Кемина и Иссык-Кульской котловины, отрицалось. Восстание характеризовалось не только как антивоенное, антиимпериалистическое, но и как повсеместно антифеодальное, общенародное. Реакционная сущность феодально-клерикальных элементов в этом случае или приглушается, или вовсе не берется в расчет. И не в интересах науки и партийной воспитательной практики смещать акценты, пытаться распространить этот предмет национальной гордости на кучку баев и манапов, принесших неисчислимые несчастья массе рядовых тружеников, на свою беду доверившихся им.

Однако проявление интереса к восстанию, а также явные или завуалированные попытки пересмотреть сложившуюся точку зрения побудили Институт истории АН Киргизской ССР и Институт истории партии ЦК КП Киргизии провести (10 декабря 1986 г.) совместное заседание своих ученых советов, посвященное 70-летию восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Подобное мероприятие было проведено и в Узбекистане.

В решении ученых советов двух институтов отмечено, что их совместное заседание – это подведение итогов научного изучения одной из важ-

---

[1] *Джакишев А.У.* Восстание 1916 г. в Кыргызстане: невыученный урок? // Вестник Брянского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 26.

[2] Речь о классовой позиции в оценке исторических событий, фактов, деятельности отдельных личностей.

ных и актуально звучащих сегодня проблем с целью определения спорных или не до конца исследованных моментов, дающих повод для неверных толкований отдельных сторон этого события. Было принято также решение о необходимости дальнейшего, "причем углубленного и всестороннего исследования проблематики восстания 1916 г. на более широкой источниковой основе…"»[1]

С самого начала 1990-х годов тема событий 1916 г. была включена в политическое пространство. 75-я годовщина трагических событий совпала по времени с моментом провозглашения независимости республики (31 августа 1991 года), что и было активно использовано разными местными акторами в политических целях.

А.Б. Бедельбаев пишет об этой годовщине: «…В связи с 75-летием восстания в журналах и газетах Кыргызстана в течение 1991 г. было помещено около 100 публикаций различного содержания и характера. Авторами их являются историки, журналисты-публицисты и представители общественности республики».

Подавляющее большинство (около 80%) статей к 75-летию были опубликованы на киргизском языке. Их условно можно разделить на следующие группы:

1. Переиздание публикаций прошлых лет.
2. Статьи ученых-историков, в которых выражены их взгляды, высказанные в ходе дискуссий и круглых столов.
3. Собственные исследования журналистов-публицистов, приуроченные к 75-летию восстания 1916 г. в Киргизстане.
4. Неизвестные и неопубликованные рукописи участников восстания.
5. Воспоминания очевидцев тех событий.
6. Статьи, заметки и отклики различных представителей общественности республики.
7. Сообщения и заметки о мероприятиях, посвященных 75-летию восстания 1916 г.

К первой группе относятся переведенные на киргизский язык труды видных партийно-государственных деятелей Центральной Азии – Ю. Абдрахманова, Б. Исакеева и Т. Рыскулова (журналы «Коммунист Кыргызстана» и «Ала-Тоо»), брошюра историка Шестакова и казахского публициста-переводчика Кыр баласы, изданная к 10-летию восстания (газета «Кыргыз маданияты»), выступление А.Ф. Керенского на заседании Государственной думы (газета «Жаштык жарчысы»), а также свидетельские показания Г.И. Бройдо и Я.И. Королькова (газета «Кыргыз маданияты»)[2].

[1] ЦГА ПД КР. Ф. 391. Оп. 2. Д. 660. Л. 39–48.

[2] *Бедельбаев А.Б.* Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 1. С. 201–205.

При анализе социального воздействия на историков и историческую науку нужно учитывать сильное влияние нарастающей архаизации, родовой и территориальной солидарности (подобные отношения называются «кыргызчылык», «тууганчылык», «уруучулук», «жердештик»), которая по отношению к прошлому проявляется в идеализации предков, родоправителей и родовых связей, замалчивании их негативных действий.

В переложение на местное академическое сообщество и историческую науку это означает почти полное отсутствие серьезных академических дискуссий и критической историографии (местная историография темы носит описательный характер и не содержит глубокого критического анализа[1]), и продвижение «удобной» версии истории. По ней восставшие представлены исключительно как «жертвы» или «герои» за счет умолчания и искажения реальных событий, а все проблемы, преступления и ошибки списаны на внешних акторов или просто замалчиваются. События 1916 г., как и некоторые другие конфликты прошлого, воспринимаются многими местными историками как противостояние «своих» и «чужих», в котором нужно поддержать «своих». Часть местных историков старается избегать критики мифов и официальной версии, боясь обвинений в «непатриотичности» и «предательстве» со стороны «национал-патриотических» политических сил. А неудобные и критические оценки иностранных ученых стараются просто не замечать[2] или подвергают их «патриотической» критике[3]. Такая интерпретация своей истории характерна для многих стран мира, особенно на постсоветском пространстве[4].

---

[1] См.: *Бактыгулов Дж.С.* Историография дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1988; *Бактыгулов Дж.С., Момбекова Ж.К.* История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек, 1999; *Жакыпбеков Ж.Ж.* Проблемы советской историографии восстания 1916 года в 20–30-е гг. XX века. [Электронный ресурс] // URL: http://ia-centr.ru/expert/12681/; *Какеев А.Ч.* Восстание 1916 года: к проблеме историографии и источниковедения // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 5. С. 200–206; *Чокобаева А.* Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание / сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек, 2016. С. 50–75 и др.

[2] См.: *Аманжолова Д.А.* К вопросу об эволюции исторических интерпретаций и представлений. Российские регионы: взгляд в будущее. Российский научно-практический журнал. 2016. № 3 (3).С. 1–22.

Мальцев Денис. Исторические мифы стран Средней Азии. [Электронный ресурс] // URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1559.html:

Флыгин Юрий. Восстание 1916 года: под лавиной лжи. [Электронный ресурс] // URL: http://vesti.uz/index.php?option=com_content&view=article&id=61236: – 1916-&catid=22: diaspora&Itemid=42

[3] *Кененсариев Ташманбет.* По поводу одной публикации российского эксперта…[Электронный ресурс] // URL: http://rus.azattyk.org/a/27895521.html

[4] См. подробнее: *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М., 2014; *Он же.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М., 2016.

Основным специалистом в республике по теме восстания 1916 г. в позднесоветское время был историк К.У. Усенбаев[1], и его работы активно используются до сих пор. Отметим, что в работах К.У. Усенбаева в силу его двоякой позиции (следовать советской идеологии и учитывать родовую солидарность, о которой писали выше) достаточно много противоречий и спорных моментов. Их неоднократно отмечали историки Б.М. Зима, В.П. Яншин, С.К. Малабаев[2].

Б.М. Зима при анализе монографии К.У. Усенбаева «Восстание 1916 года в Киргизии» писал и о ее недостатках: «Вместе с тем нельзя не возразить против нежелательных моментов в этом исследовании. Прежде всего, в работе с излишней подробностью излагается национальная рознь, спровоцированная эксплуататорскими элементами с обеих сторон»[3].

В постсоветский период в республике появились попытки идеализации позиции К.У. Усенбаева и его работ[4].

Постсоветский политический дискурс по восстанию 1916 г. в основном опирается на публикации К.У. Усенбаева и работы авторов 1920–1930-х гг., тесно связанных с политикой (А.Ф. Керенский, Г.И. Бройдо, Т. Рыскулов, Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев и ряд других). Причем нужно учитывать, что работы 1920–1930-х годов писались о названном восстании ради достижения своих личных или партийных политических целей (среди которых было и очернение царского периода истории).

Российский историк Д.А. Аманжолова пишет о современной интерпретации событий 1916 г. в странах Центральной Азии: «Историография преддверия и истории революции 1917 г. отличается развитием и пересечением, в т.ч. конфликтным, разнонаправленных тенденций. Новое встраивание в мировую науку сопровождается активной мифологизацией истории, когда 1916 год выступает одним из значимых сюжетов в реконструкции судьбы и памяти народов Центральной Азии как национального страдания. При этом события 1916 года расцениваются как пролог к подлинной истории, начавшейся после

---

[1] *Усенбаев К.У.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967; *Усенбаев К.У.* Общественно-экономические отношения киргизов: вторая половина XIX – начало XX в. Фрунзе, 1980; *Усенбаев К.* 1916: героические и трагические страницы. Бишкек, 1997.

[2] *Зима Б.М.* Историография восстания 1916 года в Киргизии // Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе, 1982. С. 241; *Александр Тузов.* Правда о 1916-м. Газета «Вечерний Бишкек», 9 сентября 2016 г. [Электронный ресурс] //URL: http://members.vb.kg/2016/09/09/nepro/1.html; *Малабаев С.К.* Трагические события 1916 г.: мифы и реальность // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX века (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. С. 205–206.

[6] *Зима Б.М.* Историография восстания 1916 года в Киргизии // Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. С. 241.

[7] *Дүйшеев Жеңишбек.* Тарыхчы Кушпек Үсөнбаев. Замандаштырынын жана шакирттеринин эскерүүлөрү/ред. К.С. Молдокасымов. Жалал-Абад, 2011; *Тынчтыкбек Чоротегин.* Про историю. [Электронный ресурс] // URL: http://akipress.org/people/news:362/

распада СССР. В то же время произошла своеобразная сегрегация исторического пространства, когда исследователи Казахстана и республик Центральной Азии пытаются рассматривать прошлое своих стран отдельно от прошлого Российской империи и СССР. Более продуктивным представляется признание специфической этносоциальной, экономической, политической и культурной сложности ситуации в Казахстане и Средней Азии в период Первой мировой войны и революции в контексте общероссийских процессов»[1].

За постсоветский период в исторической науке республики было крайне мало крупных и объективных исследований и публикаций архивных документов. Подчеркнем, что большинство местных публикаций постсоветского времени повторяют советскую схему описания с заменой классового компонента на этнический. Продолжается использование части советских идеологических штампов, которые были удачно вписаны в современный политический дискурс и политические игры с использованием «удобной» интерпретации массовых выступлений (пример современного использования советского штампа – «национально-освободительное движение/восстание»).

К тому же авторы многих подобных публицистических работ являются не профессиональными историками-исследователями, а политиками, общественными активистами, журналистами, филологами, философами[2].

Из работы в работу кочует ряд мифов, связанных с восстанием 1916 г. Многие из них были подробно разобраны и опровергнуты с привлечением архивных документов в статьях современного историка С.К. Малабаева[3].

Его характеристика восстания заметно отличается от официальной: «В историографии утвердилось мнение, что оно носило ярко выраженный национально-освободительный, антифеодальный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер. Однако при изучении ранее

---

[1] *Аманжолова Д.А.* К вопросу об эволюции исторических интерпретаций и представлений. Российские регионы: взгляд в будущее. С. 12, 14.

[2] См.: *Бекназаров А.* 1916-жылкы геноцид; *Ибраимов О.* Испытание историей. Размышления и эссе о судьбе Кыргызстана. М., 2008; *Ибраимов О.* Кыргызская одиссея: до и после империи: Исторические очерки. Бишкек, 2011; *Максутов Б.* Великое восстание 1916 года. Историко-публицистическое исследование. Бишкек, 2016; *Исаев Нуриддин.* Восстание 1916 год в Кыргызстане – национальная трагедия кыргызского народа. Бишкек, 2016; и мн. др.

[3] *Малабаев С.К.* Социальные изменения в Кыргызстане после вхождения в состав России // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского: Мат. Междунар. науч.-практ. конф.. Бишкек, Каракол, 10–12 апреля 2014 г. Бишкек, 2014. С. 90–94; *Малабаев С.К.* Характер и специфика восстания 1916 года в Пишпекском и Пржевальском уездах // Междунар. науч. конф., посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона: «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека», 16–17 мая 2015 г.: сборник докладов. Бишкек, 2015. С. 196–202; *Малабаев С.К.* Трагические события 1916 г.: мифы и реальность // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX века (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. С. 198–208.

неопубликованных архивных документов можно прийти к выводу, что восстание 1916 г. было в большей степени феодальным выступлением…»[1]

Также есть ряд серьезных научных работ историка В.П. Яншина[2], историка-востоковеда А.А. Князева[3], этнолога и политолога Л.Л. Хоперской[4], посвященных анализу многочисленных мифов и мифотворчества в современной исторической науке Киргизстана. К сожалению, многие историки стараются не замечать подобные публикации.

За постсоветский период свет увидело всего несколько крупных научных работ и новых источников, посвященных теме событий 1916 г. Чаще публиковались переводы и переиздания ранее изданных работ[5].

В 1993 г. был издан сборник статей по итогам научной конференции к 75-й годовщине[6] и двухтомник Б. Солтоноева[7]. Были опубликованы монографии К.У. Усенбаева[8] и Д.М. Будянского[9].

В 2011 г. был издан сборник документов «Восстание 1916 года в Кыргызстане»[10]. Предисловие к нему написано тогдашним руководителем Аппарата Президента КР Э.С. Каптагаевым.

Среди книжных новинок стоит отметить сборник документов «Восстание 1916 года»[11], который был подготовлен группой научных сотрудников Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР и

---

[1] *Малабаев С.К.* Характер и специфика восстания 1916 года в Пишпекском и Пржевальском уездах // Междунар. науч. конф., посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека», 16–17 мая 2015 г.: сб. докладов. Бишкек, 2015. С. 201;

[2] *Яншин В.П.* Особенности советской и современной центральноазиатской историографии при изучении процесса присоединения Средней Азии и Казахстана к России // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 8. С. 74–79; *Яншин В.П.* Проблема присоединения Центральной Азии к России в XIX веке (историографический аспект) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 3. С. 89–92; *Яншин В.П.* Трансформация положения кыргызских племен после присоединения к России (материальный аспект) // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского: Мат. Междунар. науч.-практ. конф.. Бишкек, Каракол, 10–12 апреля 2014 г. С. 85–88.

[3] *Князев А.* Этнополитический подтекст киргизских учебников по истории. [Электронный ресурс] // URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205136780

[4] *Хоперская Л.* Нетитульная судьба: Российские соотечественники в Центральной Азии. М., 2013.

[5] См.: *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов. Бишкек, 1991; Үркүн/башкы ред. К. Жусупов; Түз. Э. Кылычев, Н. Капаров. Бишкек, 1993; Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1994.

[6] Восстание 1916 года в Кыргызстане: сб. материалов науч. конф., посвящ. 75-летию восстания. Бишкек, 1993.

[7] *Солтоноев Б.* Кызыл кыргыз тарыхы. Бишкек, 1993.

[8] *Усенбаев К.* 1916: героические и трагические страницы. Бишкек, 1997.

[9] *Будянский Д.М.* История беженцев-кыргызов (1916–1927 годы). Бишкек, 2007.

[10] Восстание 1916 г. в Кыргызстане / сб. док. Т. Гуля, Е. Романова, Б. Самаева; ответственный редактор Дж. Джунушалиев. Бишкек, 2011.

[11] Восстание 1916 года. Документы и материалы / ред. сб. К.И. Мамбеталиев. Бишкек, 2015.

Архивного отдела МВД Киргизской ССР (Д.М. Меджитов, О.Д. Морозов, А.Т. Морозова) к печати еще в 1947 г., но не был издан и остался на хранении в фондах нынешнего ЦГА КР, где и был скопирован еще в советское время одним из местных историков, ныне покойным С.И. Бегалиевым. Названный сборник важен по нескольким причинам: его документы охватывают достаточно протяженный период времени (с 1908 по 1925 год); включает в себя документы по разным аспектам происходивших событий, много внимания уделено анализу причин участия иссык-кульских дунган в восстании, китайскому влиянию на них (в лице китайских контрабандистов и китайской анархистской партии «Гэ-лао-хуэ») и контрабанде опиума из Семиречья в Восточный Туркестан.

К 100-летию событий 1916 г. группой ученых Кыргызско-Российского Славянского университета были подготовлены и изданы 6 томов архивных документов и материалов под названием «Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах»[1]. Первые пять томов содержат фотокопии документов по всем аспектам темы из РГИА, РГВИВ, ГА РФ, АВПРИ, АВП РФ и охватывает период с 1910 по 1927 ггг. Шестой том включает в себя научные статьи современных ученых Казахстана, Киргизстана, Китая и России, блок фотографий о Семиречье конца XIX – начала XX в., и важный для понимания ситуации той эпохи фотодокумент «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом».

Также в 2016 г. КРСУ была издана антология «Художественный слепок трагедии 1916 года центральноазиатских литераторов»[2]. В ней представлены в хронологическом порядке разножанровые произведения разных стран региона – Киргизстана, Казахстана и Узбекистана.

Газета «Res Publica» издала на русском и английском языках книгу американского историка Э.Д. Сокола «Восстание 1916 в Русской Центральной Азии». Автор сам объективно оценил свою работу: «Оно должно рассматриваться как некий зачин, а не фундаментальное исследование, поскольку некоторые из российских источников, имеющих отношение к восстанию 1916 года, были для меня недоступны…»[3] Книга написана на основе крайне ограниченного круга источников, автор знал регион только по письменным источникам и в нем сам не бывал. Издание на русском

[1] Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах: В 6 т. Бишкек, 2016.

[2] Художественный слепок трагедии 1916 года центральноазиатских литераторов: антология-учебник / идея, общ. рук. и предисл. А.С. Кацева; сост. А.Т. Омурканова, Ж.О. Султанова, А.В. Куликовский, О.М. Токтоназарова. Бишкек, 2016.

[3] *Сокол Э.Д.* Восстание 1916 в Русской Центральной Азии/пер. с англ. Г. Борубаевой. Бишкек, 2016.

языке представляет собой литературный перевод без научной редактуры, в тексте встречаются ошибочные переводы терминов и неправильные написания географических названий. Кстати, известный советский историк Х.Т. Турсунов в своей работе «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», анализируя историографию темы, критикует англоязычную версию книги Э.Д. Сокола[1].

В целом в местной историографии стараются не замечать некоторые важные аспекты событий 1916 г., хотя по ним есть серьезные публикации. Речь идет о следующих сторонах событий:

— изучение демографических процессов конца XIX – первой четверти XX века (в республике в советское и постсоветское время не сложилось сильной и самостоятельной научной школы демографии, поэтому серьезных демографических исследований немного; стоит отметить работы Г.К. Кронгардта[2], Ш.Дж. Батырбаевой[3], Виктории Плоских[4] и журналистов одного из региональных информационно-аналитических сайтов[5]);

— трагическая судьба семиреченских крестьян-переселенцев и их поселков в начале восстания, попавших в плен к восставшим[6];

— комплексный анализ многоаспектных событий 1916 г. на фоне острого противостояния двух блоков держав, воевавших друг против друга на уничтожение в течение Первой мировой войны (роль внешнего фактора, включавшего в себя подрывную деятельность османской и германской

---

[1] *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане / под ред. д.и.н. А.В. Пясковского и канд.и.н. М.Г. Вахабова. Ташкент, 1962. С. 36–37.

[2] *Кронгардт Г.К.* Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане // Восстание 1916 года в Кыргызстане. Бишкек, 1993; *Кронгардт Г.К.* Население Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX в. (формирование, состав, взаимосвязи и взаимоотношения этносов) / науч. ред. К.У. Усенбаев. Бишкек: Илим, 1997.

[3] *Батырбаева Ш.Дж.* Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: мифы и реальность // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. Бишкек, Каракол, 10–12 апреля 2014 г. Бишкек, 2014. С. 107–109; *Батырбаева Ш.Дж.* Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: источники и методы изучения // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX века (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. /сост. и науч. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 171–178.

[4] *Плоских В.В.* Социально-демографическая политика России во второй половине XIX – первой четверти XX века (на примере Кыргызстана): дисс. на соискание уч. ст.к. и. н. / науч. рук.: доктор ист. наук Батырбаева Ш.Дж. Бишкек, 2015.

[5] *Григорий Михайлов, Камилла Алиева.* Восстание 1916 года. Впервые внятно о числе погибших. [Электронный ресурс] // URL: http://www.stanradar.com/news/full/16733-vosstanie-1916-goda-vpervye-vnjatno-o-chisle-pogibshih.html

[6] См.: *Мухлынин Б.Ф.* История села Беловодского Чуйской области Кыргызстана: В 3 т. СПб., 2014. [Электронный ресурс]// URL: http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/; *Краснов Григорий.* Откуда есть пошла Семиреченская земля? Бишкек: типография КРСУ, 2013; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

спецслужб, исламское и китайское влияние)[1]; причем достоверные сведения о постоянных и разнообразных связях с Восточным Туркестаном появляются еще в научных публикациях советского времени[2];

— изучение быта мобилизованных на тыловые работы и их жизненных путей после возвращения с тыловых работ (часть из них благодаря мобилизации на трудовые работы вырвалась из замкнутого традиционного общества и открыла для себя «большой мир», а позже попала под агитацию большевиков и была в числе первых местных большевиков; примеры – Арстаналы Осмонбеков[3], Джайнак Садаев[4], Турдалы Токбаев[5]);

---

[1] *Пылев А.И.* «Турецко-афганский след» в среднеазиатском басмачестве (особенности, итоги и уроки) // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 5. С. 104–108; *Васильев А.Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX в.) / отв. ред. д.и.н., проф. М.С. Мейер. М., 2014; *Маджун Д.С.* Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 2. С. 197–200; *Маджун Д.С.* Повод к восстанию 1916 г. в Семиречье и его начало // Вестник СПбГУ. Сер.: 13. 2016. Вып. 4. С. 28–39; *Васильев А.Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX века (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. / сост. и науч. ред. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 108–113; *Оришев А.Б, Ряполов В.В.* Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера. М.–Берлин, 2016; *Князев А.* Турция в Центральной Азии: традиции и парадигмы [Электронный ресурс] // URL: http://www.gumilev-center.af/archives/2779: *Озмитель Е.* 1916 год: первый джихад? [Электронный ресурс] // URL: http://vesti.uz/index.php?option=com_content&view=article&id=61596; *Исраилова-Харьерхузен Ч.* Восстание 1916 года: документы из Политического архива МИД Германии. [Электронный ресурс] // URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:8485

[2] *Галицкий В., Плоских В.* Старинный Ош. Очерк истории / отв. ред. д-р ист.н. К.У. Усенбаев. Фрунзе: «Илим», 1987.

[3] Осмонбеков Арстаналы (1874–1945) – один из участников установления советской власти на территории Киргизстана. Учился в Наманганской русско-туземной школе. С 1916 г. находился на тыловых работах в Белоруссии. Вернувшись в родные места, в 1919 г. вступил в Красную Армию. В 1921 г. был назначен командиром одного из образованных на юге Киргизстана добровольческих отрядов, активно участвовал в борьбе против басмачества. Был командиром дивизиона киргизских всадников. За активное участие в разгроме банд курбашей Калыбая, Аман-палвана и др. в 1923 г. награжден орденом Красного Знамени. Позже А. Осмонбеков работал в советских органах в Джалал-Абадской и Таласской областях. Во время Великой Отечественной войны был председателем правления колхоза. [Электронный ресурс] // URL: http://www.foto.kg/galereya/363-istoricheskie-lichnosti-osmonbekov-arstanaly.html

[4] Садаев Джайнак (1893–1937) – член компартии с 1917 г. В 1925–1928 гг. – секретарь Киргизского обкома партии. С 1928 по март 1930 г. – слушатель курсов марксизма-ленинизма в Москве. Затем – зам. председателя ЦИК Киргизской АССР, председатель областной контрольной комиссии, нарком РКИ Киргизской АССР. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован полностью посмертно // *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов. Фрунзе, 1991. С. 309.

[5] Токбаев Турдалы (1896–1937) – член компартии с 1918 г. В 1924 г. – зам. наркома Туркестанской АССР, в 1925–1926 гг. – постпред Киргизской автономной области в Москве, в 1927–1929 гг. – зам. наркома РКИ и областной контрольной комиссии, в 1929–1930 гг. – ответсекретарь Киробкома ВКП (б), затем секретарь райкома партии. В 1932–1934 гг. – председатель Киргизсовпрофа. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован посмертно // *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. С. 311.

— влияние на ситуацию фактора выращивания опиума и его контрабанды из Семиречья в Восточный Туркестан[1];

— злоупотребления и коррупция среди родовой элиты и местной администрации, настроения среди родоправителей разных племен, нарушение присяги частью родовой элиты[2];

— детальный анализ всего процесса ухода восставших и даже не восстававших кочевых волостей в Синьцзян (интересные и объективные сведения об этом есть в статье И.А. Чеканинского и книге В.А. Моисеева[3]);

— реальное положение беженцев в Синьцзяне (по этой теме в постсоветский период в республике вышла только одна серьезная и крупная работа историка Д.М. Будянского, который прожил в республике около полувека и подготовил свою книгу к 90-летию восстания 1916 г.; отметим, что его работа воспроизводит советскую схему описания и анализа событий 1916 г.[4]) и отношение китайских властей и китайцев к беженцам;

— политика и практические меры, предпринимавшиеся властями, по возвращению беженцев из Синьцзяна и выстраиванию советской властью равноправных межнациональных отношений[5].

Дальнейшее глубокое изучение перечисленных выше аспектов темы создаст возможность для разрушения политических мифов и поспособствует формированию более полной картины имевших место событий, ставших трагедией для всех народов Азиатской части Российской империи.

---

[1] *Сумароков Л.И.* К истории распространения и производства наркотиков в Семиречье // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 7. С. 70–74; *Шеметова Т.А.* О влиянии опиумного вопроса на российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1920-е гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 396. С. 108–110; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003; *Князев А.А.* К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространению в Центральной Азии. Бишкек, 2003.

[2] *Малабаев С.К.* Характер и специфика восстания 1916 года в Пишпекском и Пржевальском уездах // Междунар. науч. конф., посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека», 16–17 мая 2015 г.: сб. докладов. Бишкек, 2015. С. 196–202; *Маджун Д.С.* Влияние внешних сил на ход восстания в Семиречье в 1916 г. // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2016. № 3(41). С. 35–43; *Васильев А.Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX века (1916 год: уроки общей трагедии) : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г./сост. и науч. ред. Т.В. Котюкова. М, 2016. С. 108–113.

[3] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и каракиргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 77–135; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

[4] *Будянский Д.М.* История беженцев-кыргызов (1916–1927 годы). Бишкек: ДЭМИ, 2007.

[5] *Джакишев А.У.* Восстание 1916 г. в Кыргызстане: невыученный урок? // Вестник Брянского гос. ун-та. 2016 (3). С. 26–31; *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и мат./сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. М., 2016. С. 24–105.

Более взвешенное отношение политической элиты к теме восстания 1916 г. и дальнейшее изучение перечисленных важных аспектов могут позволить постепенно вернуть ее из политического пространства в академическую сферу.

Советская и современная историография восстания 1916 г. в Узбекистане

Историография восстания 1916 г. в Узбекистане за 100 лет пережила достаточно противоречивые процессы, связанные с политическими и идеологическими переменами, происходившими в стране. В советский период этому вопросу были посвящены сотни статей, десятки монографий и ряд научных форумов. Развивалось целое направление, посвященное национально-освободительному движению, теоретико-методологические основы которого составила марксистко-ленинская концепция, разработанная в 20–30-е годы XX в. Процесс формирования и утверждения официальной доктрины о причинах и сущности событий 1916 г. протекал поэтапно в следующем порядке:

— 20-е годы – формирование первых научных воззрений о восстании 1916 г. и первые попытки классовой интерпретации;

— 30–50-е годы – выработка и насильственное утверждение «большевистской» концепции событий 1916 г.;

— первая половина 50-х – середина 80-х годов – расширение научных исследований в условиях усиления «холодной войны», идеологической борьбы, насильственной фальсификации исторических процессов в интересах господствующей идеологии.

Первые публикации о событиях 1916 г. появились в 20-е годы XX в. Они отличались альтернативностью мнений, среди которых большой интерес представляют публикации непосредственных участников и очевидцев этих событий. В частности, известный государственный деятель Туркестанской АССР, участник восстания Т. Рыскулов в своих публикациях, посвященных этому вопросу, на основе своих воспоминаний, конкретных исторических фактов и архивных источников охарактеризовал эти события как национально-освободительную борьбу народов Туркестана, направленную «против 50-летнего господства и гнета царского самодержавия, его насилия над народами Туркестана»[1].

Вместе с тем на страницах печати, суждения некоторых авторов о том, что это «движение было направлено не только против колонизаторского режима, но также против всех русских»[2], или же, что «события 1916 г. были

[1] *Рыскулов Т.* Из истории борьбы за освобождение Востока. (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.) // Новый Восток. 1924. № 6; *его же.* Восстание туземцев Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927.

[2] *Миклашевский А.* Социальные движения 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924. № 27–28. С. 255.

организованы самим царским самодержавием исключительно в корыстных интересах (целях)»[1], встретило резкую критику со стороны очевидцев событий.

Именно в этот период, в середине 20-х годов, начались первые попытки классовой интерпретации событий 1916 г. Выступившие с этой инициативой «историки-марксисты» пытались интерпретировать их как «классовую борьбу между имущими и неимущими слоями населения». Такие суждения были подвергнуты резкой критике со стороны участников и очевидцев событий, в частности Т. Рыскуловым. В связи с десятилетием восстания на страницах печати развернулась острая дискуссия о характере событий 1916 г. В частности, на страницах журнала «Коммунистическая мысль» развернулась полемика между Т. Рыскуловым (поддерживали его Е. Федоров, Ю. Абдурахимов) и историками-марксистами – П. Галузо, И. Меницким, Н. Кузьминым, отрицавшими национально-освободительный характер восстания[2]. Это была первая, и последняя, открытая полемика советской историографии по истории восстания 1916 г.

К началу 30-х годов в связи 15-летием событий была разработана большевистская концепция восстания 1916 года. Так, в тезисах Культурно-просветительского бюро Средазбюро ЦК ВКП (б) и САНИИР, выпущенных к пятнадцатилетию событий 1916 г., оно оценивалось как движение, направленное не против колониального господства, а против «империализма» в целом[3]. «Основными движущими силами» восстания указывались «пролетарские и полупролетарские элементы, крестьяне и скотоводы, выступившие против гнета российского военно-феодального империализма (а не российского господства в крае. – *Д. З.*) и местных эксплуататоров». Участие в этой борьбе представителей имущих слоев населения объяснялись не общенациональными, а классовыми интересами.

Таким образом, выработанная в 1931 г. идеологическими органами большевистская концепция восстания характеризовала события 1916 г. как «классовую борьбу угнетенных против эксплуататоров и угнетателей». Историкам было дано строгое предписание «неукоснительно следовать этой концепции», и сделано предупреждение о том, что «признание или непризнание ее служит критерием выяснения приверженности или враждебности исследователя к

---

[1] *Бройдо Г.И.* Материалы к истории восстания киргизов в 1916 году // Новый Восток. 1924. С. 434.

[2] *Меницкий Ив.* О характере событий 1916 года в Туркестане (по поводу статьи Т. Рыскулова) // Коммунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 151–155; *Кузьмин Н.* О марксистском понимании восстания 1916 г. // Коммунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 183–193; По поводу статьи Т. Меницкого // Коммунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 155–157; *Федоров Е.* О восстании 1916 г. в Туркестане (тезисы) // Комунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 161–166; *Рыскулов Т.* По поводу выступления тов. Меницкого // Комунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 173–182.

[5] Восстание 1916 года в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП (б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания. М.–Ташкент, 1931.

социалистическому строительству вообще»[1]. Резкой критике были подвергнуты публикации 20-х гг., в которых восстание было охарактеризовано как «национально-освободительное, общенародное движение», такие суждения оценивались «проявлением национализма»[2]. В статье П. Галузо, посвященной истории восстания 1916 г. особо подчеркивалось, что «…борьба за большевистскую концепцию восстания – это борьба за главную линию партии… Споры о восстании 1916 г. – это борьба за или же против построения социализма в Средней Азии». Таким образом, тезисы Культурно-просветительского бюро Средазбюро ЦК ВКП (б) и САНИИР оказали решительное влияние на формирование и пропаганду классовой интерпретации событий 1916 г.

Укрепление тоталитарного режима, политические репрессии и преследования 30-х годов обеспечили беспрепятственное утверждение этой концепции в исторической науке, о чем свидетельствуют работы, опубликованные в связи с двадцатилетием и тридцатилетием восстания 1916 г.[3]

Однако объективный анализ литературы этого периода свидетельствует о том, что, несмотря на идеологическую подоплеку, строгие концептуально-теоретические и методологические ограничения, в целом положительная оценка восстания 1916 г. как «предпосылки Октябрьской революции» – первостепенной исторической проблемы советской историографии открыли большие возможность для дальнейшего изучения событий 1916 г. Достижением этого периода, несомненно, были сбор и издание архивных документов, воспоминаний участников событий, первых монографий. Были организованы первые полевые экспедиции в целях собирания воспоминаний участников, введены в научный оборот (в рамках официальных установок) ценные исторические факты[4]. Несмотря на ограниченность рамками классового подхода, эти труды послужили важным толчком в расширении источниковой базы проблемы.

---

[1] *Галузо П.* За большевистскую концепцию восстания 1916 года в Средней Азии (К 15-летию восстания) // Туркменоведение. 1931. № 6. С. 7–9.

[2] Там же.

[3] *Кастельская З.Д.* Восстание 1916 года в Узбекистане. Ташкент, 1937. *Брайнин С.* Восстание казахов Семиречья в 1916 г. Алма-Ата, 1936; *Карпов Г.* Восстание тедженских туркмен в 1916 году Ашхабад, 1935; *Рыскулов Т.* Восстание в Средней Азии в 1916 году // Борьба классов. 1936. № 6; Восстание 1916 г. в Узбекистане (тезисы к 30 летию со дня восстания). Ташкент, 1946; *Зима А.Г.* К 30-летию национально освободительного восстания 1916 года в Киргизии // Известия Киргизского филиала АН СССР. 1947. Вып. 6; Национально-освободительное восстание в Узбекистане: сборник статей. Ташкент, 1947 и др.

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии: сборник документов. Ташкент, 1932; Восстание 1916 года в Киргизистане: документы и материалы, собранные А.В. Лесной / под ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова). М., 1937; Восстание 1916 года в Туркмении: документы и материалы. Ашхабад, 1938; Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 году: сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1947; *Коршунова П.* Зверская расправа царского правительства с повстанцами Ферганы: воспоминания очевидца // Советское краеведение. 1936. № 9; и др.

Однако усиление политизации исторических процессов не позволило со всей объективностью использовать эти источники. С начала 50-х годов в историографии данной проблемы начинается новый этап. Толчком к этому послужила Объединенная научная сессия историков республик Средней Азии и Казахстана[1], организованная в 1954 г. по указу идеологических органов, под эгидой Академии наук СССР.

В выступлениях главных докладчиков (Х. Турсунова, П. Ковалева) отрицалась роль имущих слоев населения в событиях 1916 г., восстания в Джизакском и в ряде других уездов объявлялись «реакционными выступлениями, противоречащими интересам трудящихся». Между тем именно в Джизакских событиях восставшие смело провозгласили идею отделения от метрополии и восстановления независимого бекства. Идеологические структуры в целях предотвращения активизации национального самосознания и устремлений народов Средней Азии к борьбе за национальную независимость оказали серьезное воздействие на искажение действительной сущности этих событий.

В трудах крупного специалиста по этой проблеме Х. Турсунова, посвященных истории восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, а также в Узбекистане, особо подчеркивались следующие утверждения: «Восстание 1916 года не было направлено на отделение Туркестана и Казахстана от России… Национальная буржуазия, феодально-байские элементы и мусульманское духовенство сыграли в восстании реакционную роль… Восстание 1916 года потерпело поражение. Основными причинами этого было отсутствие непосредственного руководства восстанием со стороны рабочего класса… В ходе восстания 1916 года трудящиеся массы… все глубже убеждались в том, что они могут быть освобождены от всякого национального и социального гнета только при помощи и под руководством русского пролетариата»[2].

Такая оценка событий, направленная на формирование искаженного представления о национальном освобождении и суверенитете вообще, на искусственное насаждение глубокой ненависти к имущим слоям населения, возвеличивание роли русского пролетариата, кочевала из книги в книгу, изданные в советское время. С этих позиций подвергалась критике публикации 20-х годов, среди которых имели место объективные суждения участников и очевидцев восстания.

Объектом резкой критики стали труды зарубежных исследователей, в результате чего в советской историографии появилось новое направление – критика буржуазных фальсификаторов. В публикациях, предназначенных для этой цели, вместо обоснованного анализа научно тех или иных суждений за-

---

[2] Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967; *Сулейманов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1977.

[3] *Турсунов Х.* Ўзбекистонда 1916 йил халқ қўзғолони. Тошкент, 1966.

рубежных авторов, высказывалась зачастую беспочвенная критика. Начиная с 60-х, и особенно в 70–80-е годы, в условиях нарастания «холодной войны» история национально-освободительной борьбы в Туркестане начала XX в. превратилась в арену идеологического противоборства[1].

В оценке характера восстания почти все зарубежные авторы придерживались единого мнения о том, что оно было направлено против господства в регионе Российской империи[2]. Вместе с тем в трудах некоторых авторов прозвучали совершенно необоснованные суждения о том, что якобы «восстание было направлено не только против господства Российской империи, но и против всех русских, их традиций, привычек и политики русской власти в целом» или же «оно было проявлением религиозной борьбы мусульман против православных».

Беспочвенность таких суждений подтверждают не только архивные документы, но и выводы депутатов Государственной думы, побывавшие в крае по свежим следам событий 1916 г. Достаточно привести слова А.Ф. Керенского, который утверждал следующее: «Говорят без всякого основания, что это движение… результат панисламистской, немецкой или какой-то еще другой пропаганды… причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проведшая в жизнь беззаконное Высочайшее повеление беззаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права. Это они являются виновниками того, что они разрушили эту цветущую окраину, это они создали там условия, при которых местное население начинает голодать».

Советская концепция событий 1916 г. подвергалась резкой критике со стороны зарубежных авторов, в трудах которых особо подчеркивалась необоснованность классовой интерпретации событий 1916 г., советская власть обвинялась «в продолжении колонизаторской политики царизма»[3].

В ответ на такие взгляды зарубежных авторов советская историография пыталась всячески усилить фальсификацию событий 1916 г. Выявленный к этому времени широкий круг источников и мемуаров подгонялся в рамки «классовой борьбы». Такой подход к истории восстания господствовал в советской историографии до середины 80-х годов[2].

---

[1] *Турсунов Х.* Историография восстания // Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 12–38; *Юсупов Э., Турсунов Х.* К истории восстания 1916 г. // Общественные науки в Узбекистане. 1981. № 4.

[2] *Edward Dennis Sokol.*The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954; *Charles W. Hostler.* Turkism and the Soviets: The Turks of the World and their Political Objectives. London: Brown Knight & Truscott Ltd., 1957; Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Series: Russian and East European studies. Berkeley: University of California Press, 1960; *Pipes R.* The Formation o f the Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridg, 1964.

[1] Türkistanli Abdullah Receb Baysun. Türkistan Milli Hareketleri. Istanbul, 1945; *Baymirza Hayit.* Turkistan im XX. Jahrhundert–Darmstadt, 1956; *Zeki Velidi Togan.* Bugunki Turkili ve yakin Tarihi. Istanbul, 1942–1947; *Baymirza Hayt.* Turkestanning qisqacha tarihi. Berlin. 1944.

В таких условиях, в рамках строгого идеологического надзора ученые Узбекистана в 50–60-х годах организовали научные экспедиции в Ферганскую долину (Х. Зияев)[1], в Самаркандскую область (Х. Турсунов), благодаря чему были собраны и частично опубликованы мемуары восставших.

В 60-е годы XX в. ученые Узбекистана пытались пересмотреть советскую концепцию о реакционном характере некоторых событий национально-освободительных движений в Туркестане, в частности восстания в Джизаке, что, однако, не нашло своего отражения в научной литературе, возможно – из-за идеологических запретов. Учеными было выявлено и введено в научный оборот огромное количество архивных документов, были изданы монографии по истории восстания в Узбекистане, Киргизии, Казахстане, Туркмении. Был издан крупный сборник документов, подготовленный в сотрудничестве Академий наук и Архивных управлений республик Средней Азии и Казахстана и Академии наук СССР[2]. Каждые 10 лет организовывались научные конференции, собирались мемуары участников. Главное внимание в этих трудах было обращено на такие проблемы, как социально-экономические предпосылки восстания, распространение народных волнений, региональные особенности в каждой республике, трудовая деятельность мобилизованных[3] и т.д. Однако сущность, цели, движущие силы и историческое значение восстания оценивались в рамках советских идейно-концептуальных подходов.

Совершенно новые подходы к изучению проблемы стали развиваться в исторической науке Узбекистана в условиях независимости. В Институте истории АН Республики Узбекистан в 1996 г. в связи с 80-летием восстания под руководством Х. Зияева была организована научная конференция, в ходе которой обсуждались ранее не изученные, вернее, неправильно освещенные, аспекты проблемы, в том числе события в Джизакском уезде. Участники конференции отметили всенародный характер восстания, его направленность прежде всего против колониального гнета, а также против колониальной администрации. Джизакские события, в ходе которых выдвигались конкретные цели «отторжения от метрополии», были отмечены как наиболее активные и открытые проявления антиколониального духа восстания.

Дальнейшие исследования были направлены на изучение восстания в рамках каждой области, судьбы мобилизованных, историографии восстания.

Наиболее важной задачей в начале 90-х гг., после «крушения» марксистко-ленинской методологии, была необходимость историографического анализа советской исторической литературы. Внимание исследователей привлекли прежде всего первоисточники – воспоминания участников и очевидцев, а также официальных и неофициальных лиц. Были собраны и проанализированы материалы, которые можно классифицировать следующим образом:

---

[1] *Зиеев Х.* 1916 йил кузголони хотиралари. Тошкент, 1977.

[2] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960.

[3] *Ковелев А.П.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957.

1. Воспоминания непосредственных участников восстания.

2. Выводы депутатов Российской Государственной думы.

3. Официальная интерпретация событий со стороны администрации края.

4. Неофициальные выводы официальных лиц и других очевидцев.

В ходе изучения материалов первой группы следует учесть, что восставший народ не имел никакой возможности откровенно или официально заявить о причинах и последствиях этих событий. Администрация, не заинтересованная в оглашении своей вины, всячески препятствовала этому, пыталась обвинить во всем местную администрацию и сам народ. Но восстание и мобилизация оставили глубокий след в устном народном творчестве[1]. Они наполнены ненавистью к «белому царю» – главному виновнику страданий народа.

В историографии периода независимости особое внимание уделялось анализу зарубежной литературы по восстанию 1916 г., в результате чего было выявлено наличие противоречивых выводов[2]. Авторами этих публикаций были в первую очередь эмигранты из Туркестана, покинувшие родину в 20–30-е годы. Их воспоминания представляют большую ценность в изучении событий 1916 г.

Следует отметить, что за последующие годы исследователями республики было опубликовано немало исследований[3], выявлены новые источники, разоблачающие необоснованные выводы советской историографии.

Были подготовлены специальные монографии о развитие событий 1916 г. в Сырдарьинской[4] и Ферганской[5] областях, о судьбах мобилизованных[6], о проблемах историографии восстания[7], а также о причинах и последствиях восстания, воспоминания участников[8].

---

[1] *Сафаров Н.* Унутилмас кунлар (16-йил Жиззах колонидан хотираларим). Тошкент–Баку, 1932; *Исакеев Б.* Киргизское восстание 1916 г. Фрунзе, 1932.

[2] *Зияева Д.* Туркистон миллий озодлик харакати. Тошкент, 2000. С. 109–115.

[3] *Зияева Д.* Освещение восстания 1916 года в Туркестане в исторической литературе // Общественные науки в Узбекистане. 1991. № 9. С. 42–46; *Зияева Д.* 1916 йил кузголони тарихшунослиги ва манбалари // Узбекистонда ижтимоий фанлар. 1997. № 1–2. Б. 53–56; *Зияева Д.* 1916 йил кузголони ва Россия Думаси // Гулистон. 1997. № 1. Б. 30–31; *Исмоилова Ж.* Наманганда 1916 йил халқ қўзголони // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. 1997. № 5; *Чориев З.* Мардикорлар // Ешлик. 1991. № 5; *Чориев З.* Из истории судебных процессов над участниками восстания 1916 года // Хозяйство и право. 1998. № 1.

[4] *Суюнова О.* Туркистонда 1916 йилги миллий-озодлик кураши (Сирдаре ви-лояти мисолида). Тошкент, 1997.

[5] *Исмоилова Ж.* Фарғона водийсида миллий озодлик курашлари (1916 йил қўзғолони мисолида). Тошкент, 2003.

[6] *Чориев З.У.* XX аср бошида Туркистон ўлкасида мустамлакачилик сиесати ва миллий зулмнинг кучайиши ҳамда унинг оқибатлари (мардикорликка сафарбарлик мисолида): Тарих фанлари док. дисс. Тошкент, 1999.

[7] *Зияева Д.* Туркистон миллий озодлик харакати. Тошкент, 2000.

[8] *Зиеев Ҳ.* Ўзбекистонда Россия тажовузи ва ҳукмронлигига қарши кураш. Тошкент, 1998; Ўзбекистон мустақиллиги учун курашлар тарихи. Тошкент, 2001.

В целом историография восстания 1916 г. в Узбекистане за 100 лет прошла долгий и противоречивый путь. Перед историками стоит немало задач по дальнейшему исследованию проблемы, в том числе изучение таких вопросов, как особенности и взаимовлияние событий на территории отдельных областей Туркестанского края, роль национальной интеллигенции в событиях 1916 г. и т.д.

Из истории изучения восстаний 1916 г. в Таджикистане

Восстания 1916 г. в Ходженте и других регионах нынешнего Таджикистана всегда привлекали и привлекают внимание историков. Первые воспоминания участников восстания в Ходженте были изданы еще в 1920-е гг.[1]

В таджикской советской историографии изучение восстания 1916 г. в основном носило юбилейный характер. Публикации появлялись к 20-, 30-, 40- и 50-летию восстания[2] или в рамках обобщающих работ[3].

Первое научное исследование восстания 1916 г. в Ходженте было произведено директором местного краеведческого музея А.В. Уэльсом в 1936 г.[4] Им были использованы материалы Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР[5]. В данной работе были обозначены причины и повод восстания, восстановлена хронология событий и названы имена активных участников. Поводом к восстанию автор называет царский Указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского населения для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных для государственной обороны работ», отмечая, что

---

[1] *Закиров Д.* Ходжент в революции (воспоминания) // Коммунистическая мысль. Ташкент, 1927. № 5.

[2] *Уэльс А.В.* К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте // Революционный Восток. № 4. М., 1936. С. 78–84; *Гафуров Б.Г.* Таърихи халќи тољик. М., 1947. С. 380–382; *Раджабов З.Ш.* Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд. Сталинобод, 1956; *Хайдаров Г.Х.* Незабываемые страницы прошлого (К 40-летию восстания 1916 г. в Худжанде // Ленинабадская правда. 1956. 6 июля; *Каримов Т.* Шуриши соли 1916 дар Точикистон. Сталинобод, 1966.

[3] *Гафуров Б.Г.* Таърихи халќи тољик. М., 1947. С. 380–382; *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г. М., 1952, 1955; История Ленинабада. Душанбе, 1986; История таджикского народа. Позднее Средневековье и Новое время (XVI в. – 1917 г.). Т. IV. Душанбе, 2010. С. 802–855; Таджикистан и Россия: единство исторических судеб: Материалы научно-теоретической конференции «Центральная Азия и Россия: дружба и сотрудничество, испытанное временем», посвященной 150-летию присоединения Худжанда к России. Худжанд, 2016.

[4] *Уэльс А.В.* К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте. С. 78–84.

[5] *Рахимов Н.* Статья А.В. Уэльса «К вопросу о восстании 1916 года в Ходженте» и ее значение // Таджикистан и Россия: единство исторических судеб: Материалы научно-теоретической конференции «Центральная Азия и Россия: дружба и сотрудничество, испытанное временем», посвященной 150-летию присоединения Худжанда к России. С. 164.

«методы приведения в исполнение царского повеления были весьма характерны для разлагающегося царизма эпохи мировой войны»[1]. В статье автор подвергает критике тогдашнего премьер-министра и министра внутренних дел Российской империи Штюрмера, отмечая: «…неужели опытный чиновник, каким, во всяком случае, был Штюрмер, не понимал, что такая мера, как одновременный призыв 11 возрастов населения, ранее никогда призыву не подвергавшегося, да еще накануне хлопкосбора, не может быть проведена без тщательной подготовки, – или потребность в рабочих на фронте была так велика, что в самом деле не было времени для разработки правил о наборе?»[2]

В данной статье подробно описаны события 4 июля и 21 июля в Ходженте, когда «огромная толпа до 5000 жителей селения Костакоз направилась в город освобождать арестованного 19-го числа муллу Магомет-Юсуф-Максума»[3]. Восстание, по мнению Уэльса, было стихийным.

В 1939 г. на страницах «Точикистони сурх» («Красный Таджикистан») вышла статья молодого историка З. Раджабова, где восстание впервые называлось антиимпериалистическим и антифеодальным[4].

Раджабов под псевдонимом «Дунган» совместно с поэтом Хаким Каримом в 1940 г. написали драму «Год 1916-й», целью которой было «повышение классового самосознания народа»[5].

Восстание нашло отражение и в упомянутых выше работах Б.Г. Гафурова. В «Истории таджикского народа», изданной в 1947 г. на таджикском языке, и двух последующих изданиях этой работы на русском языке ученый выделяет три основные причины восстания:

— заселение кочевых районов русскими мигрантами;

— снижение цен на хлопок и ухудшение условий труда населения;

— влияние мировой войны на экономику России, вследствие чего резко сокращается ввоз промышленных товаров в Среднюю Азию и увеличивается вывоз товаров в Россию из Средней Азии, что негативно влияет на экономику региона.

Гафуров впервые упоминает о 400 приговоренных участниках восстания в Ходженте, о стычках в Костакозе[6]. По словам Б. Гафурова, в дни восстания в Ходженте «в одном из домов был поднят флаг турецкого халифа»,[7]

---

[1] *Уэльс А.В.* К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте. С. 78.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 83.

[4] *Рачабов З.Ш.* Шуриши Хучанд дар соли 1916 // Точикистони сурх. 1939. 11 сентября.

[5] *Гаффоров Н.* Шуриши соли 1916 аз дидгохи З.Ш. Рачабов // Таджикистан и Россия: единство исторических судеб: Материалы научно-теоретической конференции «Центральная Азия и Россия: дружба и сотрудничество, испытанное временем», посвященной 150-летию присоединения Худжанда к России. С. 65.

[6] *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. М., 1952. С. 445.

[7] Там же. С. 447.

что свидетельствовало о влиянии турецких кругов на происходившие тогда события. В работе нет сведений о восстаниях в других регионах Таджикистана.

В начале 1960-х гг. восстанию была посвящена книга И.А. Стеценко[1].

Летом 1966 г. в Таджикистане широко было отмечено 50-летие восстания 1916 г. В связи с этим были проведены несколько юбилейных сессий: Академии наук Таджикской ССР, Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина, Душанбинского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко, Ленинабадского государственного педагогического института им. С. Кирова и Республиканского совета молодых ученых при ЦК ЛКСМ Таджикской ССР в г. Душанбе; Ленинабадского ГК КП Таджикистана, Ленинабадского государственного педагогического института им. С. Кирова и Ленинабадского отделения общества «Знание» в г. Ленинабаде. На этих сессиях были заслушаны доклады ведущих ученых АН Таджикской ССР, ученых вузов республики, выступления участников восстания. Отмечалось, что, хотя это крупное национально-освободительное и антиимпериалистическое восстание в советской исторической науке исследовано довольно подробно, докладчикам удалось привести немало новых данных и высказать суждения по различным вопросам истории восстания, отражения его в таджикской художественной литературе, а также дать характеристику эпохи и основного очага восстания. Материалы сессий были опубликованы в первом номере журнала «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР за 1967 год»[2].

Журнал открывает статья академика З.Ш. Раджабова «Восстание 1916 г. и его значение». В ней, подвергнуты критике авторы публикаций, вышедших за границей, которые, по мнению автора «прибегли к самым разнообразным приемам и методам фальсификации»[3]. Раджабов отмечает, что вслед за Ходжентом «10 июля восстание началось в селении Дальверзин, 17 июля – в Пунуке, Нижнем и Верхнем Аште, 1 августа – в Ганчинской волости, 4 августа – в селении Костакоз, 8 августа – в Унджинской волости и т.д.»[4].

Статья Б.И. Искандарова[5] посвящена влиянию Ходжентского восстания на другие районы Средней Азии, а статья Г.Х. Хайдарова[6] – предпосылкам восстаний в северных районах Таджикистана.

---

[1] *Стеценко И.А.* Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в. (1870–1917 гг.). Душанбе, 1963. С. 96.

[2] Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. № 1(47). Душанбе, 1967.

[3] Там же. С. 5.

[4] Там же. С. 8.

[5] *Искандаров Б.И.* Восстание 1916 года и его влияние на другие районы Средней Азии // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1967. № 1(47). С. 10–17.

[6] *Хайдаров Г.Х.* О предпосылках восстания 1916 года в северных районах Таджикистана // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1967. № 1(47). С. 18–26.

Статья академика А. Мухтарова[1] вызывает особый интерес, так как написана на основе воспоминаний непосредственных участников восстания – крестьян Б. Холова, А. Каримова, Г. Наимова и др.

Основными причинами восстания, по мнению Мухтарова, были реквизиция коней для армии за бесценок и увеличение налогов. Крестьяне в Бальджуане одержали победу над беком и представителями эмира. После ознакомления с жалобами крестьян Бальджуана эмир послал к ним своего представителя. «По словам стариков, по прибытии в Бальджуан новый представитель эмира якобы сместил бальджуанского бека, отменил доставку пшеницы в Сарай-Камар, а также некоторые налоги, введенные в связи с войной, тамбехона, кошпули, ховондан»[2].

Другие статьи журнала посвящены культуре Ходжента накануне восстания 1916 г.[3], его отображению в советской литературе[4] и в творчестве народных поэтов Ходжента[5].

Ценными являются воспоминания непосредственных участников восстания Я. Орифова и Дж. Ходжаева. Судя по воспоминаниям Джалола Ходжаева, население одинаково ненавидело местных богачей и царских чиновников. Население называло генерал-губернатора Туркестана «нимподшох» (полуцарь) или «губур» (искажение наименование должности «генерал-губернатор»).

Кроме упомянутых статей, в 1966 г. З.Ш. Раджабов издал работу «Восстание 1916 года в провинции Ходжент» («Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд»)[6]. В данной работе автор дает наиболее подробную картину событий лета 1916 г. в Ходженте, раскрывает причины восстания, называет социальный состав участников, имена наиболее активных участников и дает собственную оценку событию.

Среди работ, посвященных событиям 1916 г. в Таджикистане, особо выделяется работа Т.Р. Каримова[7]. Ценность данной работы прежде всего заключается в том, что в ней впервые в научный оборот были введены материалы ЦГИА Таджикской ССР и впервые были названы все очаги восстания 1916 г. на территории Таджикистана. Работа также отличается тем, что в ней подробно освещено социально-экономическое положение каждого региона Тад-

---

[1] *Мухтаров А.* Восстание крестьян Бальджуанского бекства в 1916 г. // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1967. № 1(47). С. 33–38.

[2] Там же. С. 36.

[3] *Марафиев С.* К истории культуры Ходжента накануне и в период восстания 1916 г. // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1967. № 1 (47). С. 54–62.

[4] *Тошматов Р.* Отображение Ходжентского восстания 1916 г. в таджикской советской литературе // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1967. № 1(47). С. 63–68.

[5] *Чалилов Ш.* Инъикоси вокеаньои соли 1916 дар эчодиети баъзе шоирони халкии Хучанд // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1967. № 1(47). С. 69–71.

[6] *Рачабов З.Ш.* Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд. Сталинобод, 1956.

[7] *Каримов Т.Р.* Шуриши соли 1916 дар Точикистон. Душанбе, 1966.

жикистана накануне 1916 г. Каримов отмечает, что еще 3 июля в Ходженте собралось несколько тысяч человек, недовольных началом составления списка мобилизованных. Так, уже вечером 3 июля Лыкошин телеграфирует Рубаху о том, что для того, чтобы не было всеобщего восстания, необходимо приостановить составление списков призывников-рабочих[1]. Каримов впервые сообщает о проведенном расследовании событий 4 июля начальником полиции Исфанейского участка Дорофеевым по поручению военного губернатора Самаркандской области. В протоколе расследования отмечалось, что «толпа всего лишь хотела получить ответ на свои вопросы, но выстрел полицейского Полюцкого положил начало столкновению[2].

В работе Каримова также нашли свое освещение восстания в Костакозе, Ура-Тюбе, Пенджикенте, Фалгаре, Аште, Урсатьевске, Ганчи, Унджи, Кабадиане и в Каратегине под руководством Каландаршо.

В сборнике аспирантских работ исторического факультета Таджикского государственного университета за 1976 г. опубликована статья Н. Хакимова[3], где дается историографический анализ изучения истории восстания. Автор отмечает вклад исследователей Е. Федорова и А. Боечина в изучение восстания 1916 г. в Северном Таджикистане, а также значение воспоминаний участника восстания в Ходженте Р. Игамбердыева[4].

В связи с 2500-летним юбилеем города Ходжента – Ленинабада, в 1986 г. был издан сборник, где была опубликована статья А.А. Егани[5]. В ней речь шла о документе-расписке (забонхат, дастхат) в получении наличных денег в размере 7000 танга, по 3500 танга на каждого из двух жителей Магияна и Фароба (Пенджикентский район. – *А. Г.*), мобилизованных на работы со своей одеждой на строительство оборонительных сооружений, их доверенным лицом от представителя царской власти – аксакала. На наш взгляд, документ очень ценен для глубокого исследования восстания 1916 г.

События 1916 г. нашли отражение в IV томе «Истории таджикского народа»[6]. В разделе «Северные районы современного Таджикистана накануне и в период Февральской буржуазно-демократической революции» дается анализ социально-экономического положения региона, восстаний 1916 г. в Ходженте, Саватском участке Ходжентского уезда, Костакозе, Унджи, Канибадаме, Аште, Исфаре, Истаравшане, Бокса-Сыбергенской волости, в долине Зеравшана[7].

---

[1] *Каримов Т.Р.* Шуриши соли 1916 дар Точикистон. Душанбе, 1966. С. 58.

[2] Там же. С. 61.

[3] *Хакимов Н.* К вопросу изучения истории восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане // Сборник аспирантских работ (Вып. 1975 г.). Душанбе, 1976. С. 15–28.

[4] Там же. С. 21–22.

[5] *Егани А.А.* Документ о наборе тыловых рабочих в 1916 г. // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 191–193

[6] История таджикского народа. Т. IV. Душанбе, 2010. С. 802–855.

[7] Там же. С. 802–855.

Восстание 1916 г. описано и в таджикской советской литературе. Кроме вышеупомянутой драмы «Дунгана» (З.Ш. Раджабов) и Х. Карима были написаны «Рассказ о Ходими Джамолак», роман «Пулат и Гульру», роман «Шураб», пьеса «Искры Ходжента», рассказ «Первое испытание».

В 2016 г. в Ходженте были опубликованы материалы научной конференции «Центральная Азия и Россия: дружба и сотрудничество, испытанные временем», посвященное 150-летию присоединения Ходжента к России[1]. В сборнике 7 статей посвящены Ходжентскому восстанию, 1 статья восстанию 1916 г. в Туркестане и ее влиянию на Бухарский эмират[2] и 1 статья – народным движениям в верховьях Зеравшана накануне и в 1916 г.

Так, Р. Абулхаев описывает трудное положение населения региона, которое периодически приводило к волнениям, и отказ жителей долины дать сведения для составления списка тыловых рабочих и т.д.[3]

Это юбилейное издание внесло существенный вклад в изучение восстаний 1916 года в Таджикистане.

Восстания 1916 г. рассматривались в сборнике Международной конференции «Переосмысление восстания 1916 г. в Центральной Азии в 1916 году» в г. Бишкеке в 2016 г. Таджикский исследователь Н. Гафарова[4] в сборнике материалов этой конференции разбирает отношение джадидов к царской администрации. Автор приходит к выводу, что в период восстания джадиды поддерживали царские власти и поддерживали мобилизацию населения на тыловые работы. Эту же идею ранее высказывал и историк К. Абдуллаев[5].

Статья Х. Пирумшоева посвящена участию трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 г. и помощи, которую оказывал Бухарский эмир царским властям в период войны[6].

В статьях И. Мамадалиева и Н. Рахимова также затрагиваются различные аспекты восстания 1916 г.[7]

В целом к 100-летию восстания 1916 г. таджикскими учеными проведена значительная исследовательская работа, но по-прежнему остается актуальным и востребованным комплексное изучение восстания 1916 г. в Ходженте и других регионах Таджикистана. Масса архивного материала и публикаций периода восстания ждет своего исследователя.

---

[1] Таджикистан и Россия: единство исторических судеб. Худжанд, 2016.

[2] *Хотамов Н.Б.* Шӯриши миллию озодихохии соли 1916 дар кишвари Туркистон ва таъсири он ба аморати Бухоро // Таджикистан и Россия: единство исторических судеб. С. 187–199.

[3] *Абулхаев Р.* Народные движения в районах верховьев Зеравшана накануне и в период восстания 1916 г. // Таджикистан и Россия: единство исторических судеб. С. 30–43.

[4] *Гафаров Н.* Об отношении джадидов к восстанию 1916 г. // Переосмысление восстания 1916 г. в Центральной Азии. Бишкек, 2017. С. 40–48.

[5] *Абдуллаев К.* К 100 летию восстания 1916 года: Заметки историка. Электронный ресурс] // http://www. fergananews.com/articles/8964

[6] *Пирумшоев Х.* Участие трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 г. // Переосмысление восстания 1916 г. в Центральной Азии. С. 73–78.

[7] Там же.

Восстания в Хивинском ханстве накануне и в годы Первой мировой войны: проблемы историографии

В последние десятилетия в России изменилось отношение к имперскому прошлому. Наиболее четко эти настроения можно проследить на примере анализа научных подходов к изучению спорных вопросов истории Средней Азии. Проблема историографических оценок истории Хивинского ханства начала XX века, в т.ч. событий 1912–1916 гг., представляет особый интерес, так как позволяет «выйти» из скорлупы вопроса и взглянуть на известные факты со стороны.

Программа «обустройства» Русского Туркестана, основанная на началах проекта временного Положения 1867 г., предполагала проведение административных реформ, преследуя двуединую задачу: сохранить в крае обычаи и вероисповедания, при этом стремясь ослабить родовой строй, образуя волости, населенные представителями разных родов[1]. В Хивинском ханстве, которое после заключения договора 1873 г. находилось под протекторатом Российской империи, проблемы, связанные с интегрированием в новую среду, оказались весьма сложными и для самого ханства, и для империи. Патриархальный уклад жизни в ханстве не изменился, поэтому реакция большей части жителей на установление российского сюзеренитета была пассивной, хотя отдельные политические группы пытались вернуть прежнюю независимость Хивы. В Положении 12 июня 1886 г. прослеживаются попытки углубления интеграции: волости получили название не по родам, а по названиям зимовок.

В результате кропотливой, хотя и не всегда последовательной работы Россия стала получать некоторую экономическую отдачу, а население Русского Туркестана – прочный мир, освобождение от средневекового рабства и произвола местных правителей, посильные налоги. В то же время Хива и Бухара, как протектораты, продолжали управляться правителями деспотического склада. Подобное положение с одной стороны, вызывало беспокойство правительства, но с другой – изменять установившийся порядок в протекторатах Россия не решалась. Более того, обнищание народа Хивы и Бухары вследствие злоупотребления ханских и эмирских чиновников считалось даже выгодным для России. Такую точку зрения высказывал политический агент Российской империи в Бухаре П.М. Лессар: «Для нашего положения в Туркестане весьма выгодно существование независимых ханств, как Бухара и Хива; чтобы ни делалось для улучшения их управления, всегда население будет в худшем положении, нежели в Туркестане, всегда они будут желать подчинения России, и туземцы наших владений будут ценить преимущества русского подданства»[2].

[1] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 294.
[2] Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5. М., 2002. С. 110–111.

Преобладание «оазисного» мышления в Хиве привело к снижению этнолингвистического фактора общественно-политических объединений и групп сопротивления власти. Неким объединяющим фактором для населения Хивы могла стать принадлежность к локальной общности, племени, роду. Но племен было много, а единой объединяющей политики не проводили ни хивинские ханы, ни российское правительство. Результатом стало «расшатывание» отношений между племенными группами в ханстве, что в сочетании с экономическими трудностями и непродуманной фискальной политикой привело в 1912 г. к крайнему обострению противоречий, завершившемуся восстанием.

Автор классического труда по истории Хивы первых послереволюционных лет, И.В. Погорельский, обратил внимание на связь социально-экономических и политических движений в Хивинском ханстве как с революцией 1905 г. в России, так и с событиями в Персии и Турции. Отдав дань требовавшимся, согласно правилам советских лет, клише («буржуазные элементы Хивы», «русская империалистическая буржуазия» и пр.), автор представил анализ событий в Хиве начала XX в. на основе источников и доказал сложность согласования экономических мероприятий, проводившихся Асфандияр-ханом, с корыстными интересами сановников и политическими задачами ханства. Важна при этом оценка периода 1900–1914 гг. как переломного в экономическом и политическом развитии ханства. Безусловной заслугой И.В. Погорельского можно считать анализ экономического состояния, специфику формирования доходов Хивинского ханства этого времени, позволивший сделать вывод о сложившейся в хивинском правительстве «иллюзии о самостоятельности Хивы» в области ее взаимоотношений с царской администрацией Туркестана[1].

А.И. Пылев, уточнил, что реформы, так необходимые Хивинскому ханству, были предложены Асфандияр-хану в 1910 г. сразу после вступления на престол туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым[2]. Хан обратился с соответствующим манифестом к населению Хивы, а конкретными мероприятиями руководил Сеид Ислам-ходжа, диванбеги (первый министр).

Реформы затрагивали систему поземельно-податного обложения, устанавливали регулярное жалованье чиновникам, предусматривали выделение значительных средств на строительство почтово-телеграфной станции, организацию медицинской помощи, открытие новометодных школ и медресе. Новая система налогообложения затрагивала интересы как крупных сановников, так и туркмен-йомудов, составлявших около 30% населения. Именно для туркменских племен значительно увеличивались налоги, что вызвало их возмущение, впоследствии перешедшее в вооруженное восстание. Ханские вой-

[1] *Погорельский И.В.* История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики. 1917–1924. Л.: ЛГУ, 1984. С. 47–52.

[2] *Пылев А.И.* Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005. С. 73–74.

ска самостоятельно подавить восстание не могли, хан Асфандияр обратился за помощью к России. Для подавления восстания были отправлены войска Туркестанского военного округа, которые совместно с отдельными отрядами ханских войск усмиряли туркмен с переменным успехом до 1915 г.

Наиболее детально экономические факторы восстания удалось выяснить И.В. Погорельскому: изменение принципа налогообложения повлекло за собой увеличение налога с туркменских племен более чем в 2 раза (с 10 до 23 тиллей за каждый атлык, причем независимо от того, какая часть земель реально пригодна для обработки). В совокупности все туркменские племена должны были уплатить вместо 32 тыс. тиллей, которые они платили раньше, до 64 тыс. тиллей, кроме того, они облагались еще натуральным налогом в 32 тыс. батманов пшеницы и должны были производить очистку каналов собственными силами[1]. Аналогичным был размер налога и с каракалпаков.

По поводу дальнейших событий оценки исследователей разнятся: И.В. Погорельский утверждает, что туркмены, отказавшись, сразу же начали готовить восстание. А.Ю. Бахтурина менее категорично говорит, что туркмены стремились получить дополнительные льготы в обмен на согласие ввести новую систему обложения земель.

М. Ниязматов вносит новые краски в общую картину предыстории восстания, уточняя методы воздействия на непокорные племена туркмен и каракалпаков: правительство Хивы перекрывало подачу оросительной воды на сельскохозяйственные угодья и пастбища всякий раз, когда среди этих племен назревали протестные выступления, имевшие антиправительственную окраску[2]. Дополнительной проблемой для каракалпакских казахских кочевых племен стал также введенный ханом налог на пастбища без учета категории земель и наличия скота (!). В результате исследователь утверждает, что именно такие «водные» санкции и непродуманная фискальная политика активизировали антиханское движение каракалпаков и туркмен, а впоследствии восстание распространилось и на районы, населенные узбеками.

Первый этап восстания в Хивинском ханстве пришелся на декабрь 1912 – январь 1913 г. и начался с выдворения ханских сборщиков налога представителями туркмен и каракалпаков. Усмирять восставших были посланы отряды ханских правительственных войск. Блестящую оценочную характеристику действий обеих сторон конфликта на этом этапе представил М. Ниязматов: «Хивинские правители не проявили политической мудрости и выдержки, необходимой для мирного разрешения возникших проблем за столом переговоров. Направляя в мятежные районы правительственные войска, они тем самым провоцировали туркмен на ответные действия. Вместе с

[1] *Погорельский И.В.* Указ. соч. С. 56.

[2] *Ниязматов М.* Поиск консенсуса // Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 371.

тем объективность требует признать, что сами мятежники не пытались вести конструктивные переговоры с официальными властями, не направили делегацию в Хиву. Они предпочли действовать сугубо традиционными методами демонстрации силы, не считаясь с возможными последствиями разрастания вооруженной конфронтации»[1].

Надеясь на помощь со стороны войск России, хан обратился к начальнику Амударьинского отдела, однако ни военной помощи, ни вооружения и боеприпасов не получил. Важные факты хода восстания впервые показала А.Ю. Бахтурина, на основе анализа документов АВПРИ: в ходе восстания российские власти предпринимали попытки погасить конфликт. Начальник Амударьинского отдела принял участие в мирных переговорах хивинского хана и туркмен и помог хану 25 января 1913 г. заключить мирный договор с туркменами[2]. С. Ниязматовым были уточнены подробности данного соглашения и ход его выполнения.

Хотя открытый конфликт был погашен, его причины не были устранены – хивинским правительством так и не были выработаны «правила игры» учитывавшие интересы всех народов. Можно вновь сослаться на оценку М. Ниязматова, подчеркнувшего, что проблема состояла в «коренном изменении стратегии и тактики ханского правительства в отношении в общем-то надуманного «туркменского вопроса», в искоренении той политической и экономической дискриминации, которой систематически подвергались национальные меньшинства, в том числе и туркменская диаспора»[3].

Тем самым первый этап конфликта показал незаинтересованность ханских властей в соблюдении социально-экономических прав национальных меньшинств – и туркмен, и каракалпаков, и других народностей. М. Ниязматов впервые продемонстрировал, что хан и его окружение, намеренно представляя туркмен в «образе вечного врага», стремились получить у российской администрации края и Амударьинского отдела вооруженную помощь для решения внутренних проблем ханства.

Подробный анализ действий сторон на втором этапе противостояния между туркменами и Хивинским ханом, представленный этим же исследователем, фактически впервые раскрывает все особенности конфликта. Впервые выделен отдельный блок вопросов, нерешенность которых подтолкнула к началу данного этапа: если на рубеже 1912–1913 гг. поводом для волнений были земельная и водная проблема, то с марта 1913 г. – несоблюдение ханским правительством соглашения туркмен и хивинского правительства, заключенного при посредничестве российской администрации. Подчеркнуто, что несоблюдение именно хивинским ханом этого договора резко ухудшило

[1] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 373.

[2] *Бахтурина А.Ю.* Окраина российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) М., 2004. С. 328.

[3] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 375.

положение туркменских, каракалпакских, казахских сообществ и обострило ситуацию[1].

В ходе дальнейшего разрастания конфликта с туркменами руководитель налогово-экономических реформ, сторонник обязательного выполнения договора 25 января 1913 г., Сеид Ислам-ходжа, был убит 9 августа 1913 г. при неясных обстоятельствах, как полагают, с согласия самого хивинского хана[2]. То есть опыт реформаторской деятельности в Хиве оказался неудачным и продемонстрировал противоречия внутри хивинской верхушки. В усугублении ситуации обвиняют и представителей российских властей. Положительное отношение части хивинских сановников к возможным реформам внутреннего управления было связано с участием большинства из них в финансовой и торгово-промышленной деятельности, а отрицательное отношение высказывала та часть, которая считала себя ущемленной новыми налогами или стремилась получить некие дивиденды, лавируя между этническими группами.

В этих реформаторских мероприятиях можно усмотреть источник противостояния туркмен, узбеков и каракалпаков, активно начавшегося с 1912 г., но все же вопрос является спорным. Тот же И.В. Погорельский говорит о неопределенности оценок реакции народа: «Трудно сказать, каково было действительное отношение народных масс к предполагаемым реформам»[3]. А.Ю. Бахтурина, отражая новое видение этой проблемы, высказывается более определенно, приводя доказательства резко отрицательного отношения многих жителей Хивинского ханства к существующей системе поземельного обложения, связанного с злоупотреблениями: «об этом мечтают большинство хивинцев», «открыто высказывают желание перейти в русское подданство и этим избавиться от произвола»[4].

Действительно, противоречия затронули более широкую сферу отношений. Упоминавшиеся лишь в исследованиях 1920-х гг. и в дальнейшем не исследованные процессы «кризиса кочевания»[5], происходившие среди туркмен-йомудов Хивинского ханства, позволяли утверждать, что корень «национально узбеко-туркменской вражды» связан с сокращением пастбищ, переходом части туркмен к оседлости. Но хозяйствование на не самых удобных землях (лучшие уже были заняты узбеками) неизбежно приводило к вражде туркмен и узбеков.

Выясняя подробности разрастания конфликта, М. Ниязматов сделал акцент, на, казалось бы, очевидном обстоятельстве (которое не сработало на первом этапе восстания, в конце 1912 – начале 1913 г., но успешно использо-

---

[1] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 379.

[2] *Пылев А.И.* Указ. соч. С. 75.

[3] *Погорельский И.В.* Указ. соч. С. 47.

[4] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 329.

[1] *Виноградова А.* Хорезмская Народная Советская Республика // Жизнь национальностей. 1923. № 1. С. 185–186.

валось хивинским ханом вплоть до 1916 г.). Избегая конструктивного решения вопроса с туркменами и каракалпаками, надеясь на демонстрацию силы, используя при этом российские отряды, а не собственных воинов, «ханское правительство подчеркивало, что экспедиции против туркмен – дело рук российских, а не хивинских властей. В выигрыше в конечном счете оказывалось оно, ибо под угрозой вооруженной расправы было гораздо легче собирать налоги и разного рода подати с непокорных племен»[1]. М. Ниязматов, по сути, впервые дал оценку психологического восприятия русских властей жителями Хивинского ханства. Сам факт превращения краевой российской администрации в орудие осуществления притязаний хивинских властей привел, по его мнению, к формированию крайне негативного представления о России и русских.

Сам же процесс свертывания реформ, сохранение привилегий российского капитала, убийство сторонников реформ исследователем оценены как сокрушительный провал, который привел к расколу страны на два противоположных лагеря – феодальную олигархию и широкие слои народа[2].

Третий этап событий в Хиве (конец 1913–1915 гг.) – относительно мирный – связан с последствиями резких кадровых решений хивинского правительства – на ключевые посты выдвигаются братья Баккаловы, крупные предприниматели, настроенные явно пророссийски. Получая максимальную прибыль от экспорта хлопка, они (и прямо, и косвенно) способствовали сокращению экспорта других товаров, что разоряло многие дехканские хозяйства ханства. Усугубило ситуацию в экономике и маловодье 1914 г., приведшее к неурожаю на большой территории. Оппозиционные круги Хивы в этих условиях изменили тактику.

А.И. Пылев подчеркивает прежде всего политические причины недовольства, считая, что развитие общественно-политических идей привело к формированию групп, выступавших за ограничение деспотизма хана. В Хиве к 1912 г. возникает подобие тайного младохивинского общества, социальной базой которого стали представители буржуазии, интеллигенции, духовенства[3]. Однако деятельность младохивинцев, хотя и слабо, но преследовалась властями, ни в идейно-политическом, ни в организационном плане до 1917 г. не была эффективной и весьма скептически оценивалась «академическими» востоковедами, в том числе В.В. Бартольдом[4]. Востоковед отнюдь не одобрял имперскую «обрусительную» политику, проводившуюся в Хиве и Туркестане вообще, считая ее близорукой; но такой же близорукостью он считал и «мусульманизацию», т.е. исключительное «покровительство туземному большинству и создание тяжелых условий жизни для европейского культурного

---

[2] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 376.

[3] Там же. С. 387.

[1] *Пылев А.И.* Указ. соч. С. 76.

[2] СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 77. Л. 22–23.

меньшинства»[1]. Программа культурного обновления народов Туркестана, изложенная В.В. Бартольдом, в целом входила в общее русло духовных исканий русской историко-философской мысли, включая и некоторые имперские настроения[2]. В его работах представлено максимально возможное количество фактов, на основании которых читатель сам был должен сделать надлежащие выводы. Субъективно навязанных оценок развития событий в Хиве практически нет. И все же работы и письма В.В. Бартольда убеждают, что автор не был отстраненным наблюдателем и научной деятельностью пытался влиять на «перекосы» властей в отношении к региону, история которого являлась постоянным предметом его исследовательских интересов. Он допускал проведение реформ в Хиве исключительно под контролем центральных властей, осуждал все крайности в деятельности младохивинцев и относился негативно к радикальным общественно-политическим экспериментам в форме революций. Можно считать, что В.В. Бартольд был, безусловно, сторонником мирного, постепенного, «легального» развития и противником революционной ломки самодержавного строя в России вообще и в Хиве – особенно.

С. Зиманов, напротив, утверждает второстепенность противостояния реформаторов-младохивинцев и консерваторов по сравнению с борьбой туркменских племен йомудов против хивинского хана-узбека[3]. М. Ниязматов допустил возможность консолидации либеральных и умеренно-радикально настроенных сил оппозиции вокруг младохивинцев, но скептически отнесся к возможности согласования их действий с российскими социал-демократами. Реальные шаги младохивинцев он оценил как «бессильные», но свидетельствующие о стремлении противодействовать ханской власти[4].

Четвертый этап противостояния в Хиве связан с ухудшением социально-экономической ситуации (сокращение экспорта традиционных хивинских товаров в Россию, резкий рост цен на товары в ханстве) и дестабилизацией политической обстановки. В зимне-весенний период 1915 г. из-за просчетов правительства регионы не получили нужного количества воды, и на огромных площадях погибли посевы, ощущалась нехватка корма для скота. Выплата налогов в таких условиях была невозможна. М. Ниязматов убедительно доказал, что жестокие действия Асфандияр-хана, арестовавшего главу туркмен-йомудов Шамурада-бахши с целью получения налогов с туркмен в полном объеме, привел в движение все ханство.

17 марта 1915 г. йомуды, поддержанные узбекскими и каракалпакскими дехканами, испытывавшими те же проблемы, начали движение к столице. Для помощи Хиве были переброшены российские войска, бороться с кото-

---

[3] ЦГА РУз. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 368–368 об.

[4] СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 380. Л. 4–6.

[5] *Зиманов С.* От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976. С. 120.

[6] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 404.

рыми йомуды не желали. Результат был обоюдовыгодным – преследования йомудов не предпринималось, они «ушли с почетом», а Шамурад-Бахши был освобожден. М. Ниязматов особо подчеркивает стихийный и относительно мирный характер мартовских событий, в которых йомуды и другие участники не выдвигали социально-экономических и политических требований, стремясь лишь к освобождению арестованного лидера[1]. В то же время март 1915 г. был важен как рубеж, показавший, что ханское правительство потеряло контроль над ситуацией в стране и не имеет сил для руководства государством.

Фактически впервые М. Ниязматовым охарактеризованы поиск выхода из кризиса – трехнедельные переговоры (в апреле 1915 г.) хивинской правительственной делегации с военным министром А.С. Сухомлиновым, начальником Азиатской части Главного штаба М. Давлетшиным и другими чиновниками. Главными вопросами переговоров стали поставки оружия и формирование национальной армии на территории протектората (куда ввоз военного снаряжения был запрещен). Трудные и долгие переговоры удивительным образом совпали с нападением 7 апреля туркменских ополченцев на ряд городов, причем войска хивинского хана бездействовали. Результат этого нападения сказался на решении в Петербурге: Хиве выделили оружие (2000 трехлинейных винтовок), причем, по мнению М. Ниязматова, безвозмездно. Протест генерал-губернатора Мартсона, возражавшего против этого решения, был оставлен без внимания.

События лета 1915 г. можно выделить в отдельный этап, т.к. хивинская правительственная сторона действовала в нем с позиции силы, «наступательно», а не с целью обороны от йомудов. 7 июня 1915 г. ханский отряд расстрелял практически безоружную депутацию туркмен, двигавшихся для переговоров и подписания мирного договора в Хиву. Ярость йомудов, организовавших ответное нападение, привела к гибели почти всего правительственного войска и захвату полутора тысяч винтовок и большого количества боеприпасов. Администрация Туркестана и Амударьинского отдела направила в Хиву значительные военные силы под руководством генерал-майора Геппенера для решения проблемы – силой или переговорами. А.С. Садыков утверждает, что группировка Геппенера действовала жестокими карательными методами против туркмен, участвовавших в восстании[2]. М. Ниязматов доказал, что подобных операций Геппенер не проводил, напротив, объективно расследовал трагедию 7 июня 1915 г., выявил ее истинных виновников и предложил пути решения проблемы. Исследователь сожалеет, что Асфандияр-хан и Баккаловы не приняли ни одного законодательного акта, «направленного на преодоление конфронтации и предотвращение надвигавшейся гражданской войны, признаки которой проглядывались в неуклонном расширении состава участников пока локальных вооруженных конфликтов»[3].

---

[1] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 407.

[1] *Садыков А.С.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX века. Ташкент, 1972. С. 169.

[2] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 412–414.

Подобные действия и общие кризисные явления стали фоном, на котором разворачивались события 1916 г.

Оценки причин восстания собственно 1916 г. разнятся. И.В. Погорельский не выходит за рамки традиционных для середины XX в. оценок (падение хлопководства, резкое ухудшение материального положения рабочих и дехкан, дороговизна продуктов, тяжелые налоги, сборы «пожертвований» на войну, хищнический произвол местной и царской администрации в ханстве). При этом он обращает внимание на главную роль именно туркменского населения в событиях 1916 г., особенно представителей тех племен, которые испытывали на себе действия российских отрядов. Этот исследователь выделил три этапа собственно восстания 1916 г.: 1) 14–22 января, 2) первая половина февраля, 3) с 15 февраля до апрельского подавления восстания. По его мнению, этапы различаются по движущим силам, соответственно: 1) узбекское и каракалпакское население, 2) туркменские отряды во главе с Джунаид-ханом, 3) карательный отряд С.А. Галкина.

Оценивая результаты восстания, И.В. Погорельский отметил, что оно потерпело поражение не только как обычное крестьянское выступление, неорганизованное, стихийное, лишенное руководства, определенной программы и четкого плана действий, но и вследствие того, что во главе движения стояли представители туркменской феодальной верхушки и оппозиционные хану представители духовенства и сановники. Первые стремились использовать народное движение в целях наживы и права монопольной эксплуатации туркменского населения, вторые, опираясь на выступление масс, желали только смены Асфандияр-хана.

Обратив внимание на формирование негативного «имиджа России» в глазах хивинского населения в связи с поддержкой хана со стороны России, И.В. Погорельский утверждал типичные для 1980-х гг. постулаты о революционизирующем влиянии таких действий царистских войск на массы, которой раскрыли глаза «на то, что их полное освобождение будет возможно только при условии свержения самодержавия»[1]. Но даже при традиционно выработанном единстве взглядов в советской науке на важные социальные явления – восстания и революции – автор признал, что в оценке восстания 1916 г. в Хиве нет единого мнения исследователей. Разнобой в оценке одного и того же движения объясняется недостаточной изученностью характера противоречий и социально-экономических отношений в Хиве того периода. Сам же он склонен считать восстание 1916 г. демократическим и прогрессивным в той части, в которой восставшие боролись против крайностей деспотического режима хана.

Г.И. Непесов делит восстание 1916 г. в Хиве на два этапа и считает, что действия участников первого этапа, «несмотря на феодально-династические

[1] *Погорельский И.В.* Указ. соч. С. 52, 55, 61.

устремления и на нерешительность руководителей, объективно носило освободительный характер, ибо требовало свержения Асфандияр-хана – ставленника русского царя; оно было объективно прогрессивным явлением, ибо потребовало перехода в русское подданство как единственного выхода из средневековой отсталости»[1].

Исследователь провел также анализ межплеменной, межродовой, межнациональной вражды туркмен и узбеков, сделав оговорку, что межфеодальная борьба узбекских и туркменских представителей отнюдь не означает вражды между народами. Напротив, по его утверждению, народы всех национальностей, населяющие Хорезмский оазис, были дружны между собой. Но, несмотря на оговорку, факты, им же приводимые, свидетельствуют об обратном: не борьба феодалов, а земельно-водные споры узбекского и туркменского населения вели их к конфликтам. Автор одобрительно говорит о сплоченной родовой военной организации туркмен, считая ее жизненно необходимой. Совершенно безосновательно, без опоры на источники г. Непесов утверждает, что «во время революции родовая обособленность наблюдается реже» – без подобного идеологического реверанса, вероятно, обойтись было невозможно[2].

Подробный анализ политических событий, проведенный этим исследователем, свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь заметных общественно-политических сил, способных в предреволюционные годы выдвинуть развернутый проект реформ и осуществить их. Явно преувеличена направляющая роль русских властей во всех преобразованиях, совершаемых на территории ханства, и лишь изредка показаны чаяния представителей местного населения. Восстание 1916 года представлено как антифеодальное, прогрессивное. Вряд ли можно назвать его и «политической школой для народных масс ханства», так как требования восставших не выходили за рамки примитивных экономических и националистических.

Непоследовательно выглядит представленная г. Непесовым оценка младохивинцев. Упоминая планировавшиеся ими реформы, направленные на уменьшение роли феодальных баев в пользу узбекской буржуазии, автор характеризует их как умеренно-либеральные. Но подчеркивая отсутствие «коммунистического» настроя, он упрекает младохивинцев в стремлении к «равенству по шариату», в защите ханской политики в отношении национальных меньшинств.

Термин «либеральная программа» в оценке автора звучит как страшное ругательство, потому что связана с «эксплуататорской сущностью» младохивинцев. В данном случае г. Непесов даже не пытался анализировать ни программные установки этого движения, ни их соответствие реалиям общественной жизни Хивы. А ведь именно умеренно-либеральная программа

[2] *Непесов Г.И.* Указ. соч. С. 63.
[3] Там же. С. 44–47.

младохивинского движения, основанная на принципах уважения к исламским ценностям и учитывающая низкий уровень подготовленности к радикальным переменам, могла вызвать сочувствие всего населения.

Осуществление этих реформ должно было благоприятно сказаться на всех сторонах жизни ханства, прежде всего на политической: младохивинцы просили доблестные русские войска «помочь провозгласить конституционную монархию». Автор осуждает это стремление и одновременно вынужден признать, что по причине крайней малочисленности (а в действительности – полного отсутствия) в Хиве промышленного пролетариата и отсутствия революционных организаций солдаты хивинского гарнизона после событий февраля 1917 г. решили привлечь младохивинцев для борьбы за конституционные реформы. Показательно, что Г. Непесов не мыслит никаких других действий для представителей политических сил Хивы, если они не повторяют шаги российских революционеров. Даже о методе достижения цели – мирных переговорах младохивинцев с ханом при введении конституционных реформ – он отозвался крайне негативно[1].

Конечно, шаблон российской революции довлел над любыми событиями того времени, поэтому фразы «младохивинцы боялись народа», используемые Г. Непесовым, явились отражением общих тенденций в освещении истории 1917 г. Подобная точка зрения представлена и в работе коллектива авторов «История Узбекской ССР»[2]. Однако тон изложения – более спокойный, оценка реформаторской деятельности младохивинцев – более объективная. Авторы не огульно отрицательно, а с пониманием освещают проведение реформы, в результате которой управление государством строилось на основе законов шариата. Все это создает впечатление оправдания, одобрения авторами действий младохивинцев.

Безусловно, работы советских исследователей нельзя игнорировать только лишь по причине идеологической «зашоренности» авторов. Оценки событий, представленные в этих работах, напротив, позволяют выяснить многие вопросы, отходящие на периферию научных интересов в настоящее время.

Т.Г. Тухтаметов резко отрицательно относится к попыткам назвать движение 1916 г. национально-освободительным, называя его «типичной усобицей, борьбой за власть» между элитой узбеков и туркмен[3].

М. Ниязматов более тщательно и на новой основе выявляет ход, события, причинно-следственные связи, этапы восстания 1916 г., что позволяет ему четко разделить первый, январский, протестный этап (названный им «январским мирным выступлением бедноты бекств, населенных узбеками и каракалпаками»), поводом к которому стал захват и убийство двух девочек; и

---

[1] *Непесов Г.И.* Указ. соч. С. 72–77.

[2] История Узбекской ССР: В 4 т. Т. 2. Ташкент, 1968.

[3] *Тухтаметов Т.Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX века. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. С. 91–92.

второй, связанный с именем Джунаид-хана. Второй этап характеризуется, по мнению исследователя, с политическим требованием – смены власти, свержения правительства Асфандияр-хана, а значит – с надеждой «на изменение внутриполитического курса правительства, освобождение от экономического диктата крупного капитала, ликвидацию социального неравенства, кардинальное улучшение условий жизни»[1]. Но отсутствие позитивной программы обновления хивинского общества предопределило раскол движения. Джунаид-хан также недооценил стремление к подавлению восстания со стороны России.

10–15 февраля, по сведениям, приведенным С. Ниязматовым, принимается и осуществляется решение о подавлении восстания йомудов без каких-либо попыток переговоров, и о восстановлении власти Асфандияр-хана любой ценой. Жесточайшие действия, предпринятые группировкой генерала А.С. Галкина, привели к сдаче туркменами оружия, боеприпасов, лошадей и другого скота, а также выплате контрибуции. 2 мая Галкин сообщил о полном подавлении восстания в Хивинском ханстве.

Автор также отмечает сложность оценки восстания, но сам определяет это восстание как показатель глубины кризиса «верхов» в Хивинском ханстве и отсутствие поддержки со стороны практически всех слоев общества[2]. Ярко характеризуется роль России в хивинских событиях 1916 г.: Россия впервые прибегла к демонстрации силы, стремясь сохранить режим, действия А.С. Галкина должны были гарантировать наступление стабильности в хивинском обществе, кроме того, окружающие государства должны были извлечь уроки и не вмешиваться во внутренние дела ханств. Однако кризисные явления в обществе продолжали нарастать.

В конце 1916 г. во многих районах Хивинского ханства вновь вспыхнули волнения, носившие массовый антиправительственный характер. Сосредоточиваясь на погромно-грабительских действиях, восставшие не выдвигали политических требований. Яркой политической силы, могущей сплотить разрозненных участников выступлений, не было, а Джунаид-хан, по мнению М. Ниязматова, превратился в эмиссара западных спецслужб. Хивинское ханство объективно стояло на пути выбора пути дальнейшего развития. События 1916 г. автором в целом представлены как процесс, приведший к дифференциации и консолидации классовых сил, способных возглавить борьбу за осуществление социально-политического переворота.

Можно предположить, что причинами восстания 1916 г. в Хивинском ханстве были комплекс нерешенность экономических проблем (налоги и ухудшение материального положения населения в целом), борьба придворных группировок, использовавших в своих интересах вооруженные отряды представителей разных племен и российские вооруженные силы, а также зе-

[1] *Ниязматов М.* Указ. соч. С. 426.
[2] Там же. С. 440–441.

мельно-водные проблемы узбеков и туркмен. Важно, что статус Хивинского ханства в составе России не изменился, и восстание в Туркестанском генерал-губернаторстве, вызванное указом 25 июня 1916 г., сделало хивинские проблемы не столь актуальными.

Показательным контрастом являются примеры двух трудов, написанных с разницей более чем 40 лет, причем в разные социально-политические эпохи.

В одном из фундаментальных исследований, посвященном пятидесятилетию революции, специальная глава рассказывает об истоках формирования коммунистических групп в Хиве. Авторы объективно оценивают экономическую отсталость ханства, политическую неразвитость крестьянства-дехканства, слабость национальной буржуазии. Оценочные характеристики соответствовали времени издания работы: «реакционное мусульманское духовенство», «кричащая роскошь феодальной знати», «слабое развитие классового самосознания трудящихся масс». Объективно анализируя движение местных просветителей-джадидов в Хиве, авторы отметили их культурно-просветительную работу и мечты о реформах. При этом причины неудачных попыток джадидских преобразований списали на «реакционную феодально-клерикальную знать», а не на политику большевиков, не нашедших общих интересов с джадидами. Не упоминая о непродуманной политике коммунистов в Хиве после октября 1917 г., авторы сделали акцент на настроении трудящихся масс Хивинского ханства, которые «радостно встретили известие о победе революции в России». Вряд ли можно доверять и утверждению о «росте политической активности масс»: данные источников не подтверждают это. Двойственная оценка дана движению младохивинцев: с одной стороны, они представлены как предтеча коммунистической партии, с другой – отрицается возможность этого политического движения быть идейным лидером хивинского населения.

Из поля внимания авторов полностью выпал один из главных сюжетов хивинской истории первых десятилетий XX века – не жестокая борьба между политическими и идейными противниками, а противостояние этнических групп узбеков, каракалпаков и туркмен-йомудов, в пределах Хивинского ханства боровшихся за власть. Джунаид-хан, предводитель туркмен-йомудов, которых новая власть лишила доступа к воде, называется не иначе как «главарь банды», поэтому туркмено-узбекская проблема представлена однобоко. Не приводя конкретных имен и фактов, авторы оценили хивинские события как «крестьянскую, народную советскую революцию», которая к тому же носила «антиимпериалистический характер».

Лишь однажды и весьма смутно упоминается о вхождении в состав правительства Хорезма туркменских родо-племенных вождей и лидеров младохивинского движения[1], что тормозило, по мнению авторов, превращение Коммунистической партии Хивы–Хорезма в «подлинную революционно-марксистскую партию». В целом читающий эту книгу не должен был замечать,

[1] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 442–472.

что «крестьянская» революция привела к власти родо-племенных вождей и буржуазию.

В противовес объективным, пусть и не всегда однозначным, научным трудам, создаваемым в XXI в., сохраняются и даже оживляются проявления ностальгических всплесков, связанных с осознанием пышного величия страны (Российской империи или Советского Союза) или со страхом перед усиливающимся религиозно-националистическим фактором в политике. Примером подобного подхода является вышедшая в 2001 г. работа В.В. Соколова[1], в которой события первых десятилетий XX в., и особенно 1912–1916 гг. в Средней Азии вообще и Хиве как ее части оцениваются как наивысшая точка классовых противоречий. При этом в качестве недостатка автор отметил разрозненность, стихийность, крестьянский состав восставших и отсутствие пролетарского руководства[2]. В. Соколов, используя не источники, а лишь пропагандистско-коммунистическую лексику, пытается убедить в единстве целей освободительного движения коренного населения и российского революционного пролетариата. При характеристике действий правительства в Закаспийской области отмечены лишь предложенные властями карательные мероприятия и угрозы, под страхом которых туркмены должны были выполнить Указ 1916 г. о наборе рабочих[3]. В «розовом» цвете представлена экономическая политика правительства в Туркестане и Хиве. Заявленная историческая часть исследования по национальному вопросу свелась лишь к перечислению прокоммунистических организаций и фактически провалена. Игнорированы достижения российских ученых, специализирующихся в изучении истории региона: даже не упомянуты, и тем более не проанализированы труды Д.Ю. Арапова, П.П. Литвинова, и многих других. Зато есть ссылки на 24 работы В.И. Ленина и на все издания истории КПСС. В результате выстроена избитая схема: просвещенный российский пролетариат принес необразованным и отсталым народам Средней Азии прогресс в экономике, культуре, новшества в политико-государственной структуре, и реакционные выступления феодально-клерикальных кругов в Хивинском ханстве и Закаспийской области не были поддержаны туркменскими (и каракалпакскими) народными массами.

В целом можно выяснить, что конфликт между туркменами-йомудами, каракалпаками и представителями узбекских племен был откровенно использован представителями властных групп для достижения корыстных целей: борьбы за власть и ресурсы. В то же время конфликты с властью (государственной), в т.ч. восстание 1916 г., позиционировались как этнически окрашенные, направленные против русской власти, против русских вообще.

---

[1] См.: *Соколов В.В.* Туркестанский край в составе Российской империи: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.). Дис. … док. ист. наук. М., 2001.

[2] Там же. С. 363–364.

[3] Там же. С. 377–378, 405.

Внимание части историков по-прежнему обращено на «традиционный» показ влияния России с точки зрения ее «колонизаторской политики», что не подкреплено должным анализом конкретно-исторического материала. Во многом это связано с недостаточностью и узостью источниковой базы ряда работ и неэффективностью применяемых методов обработки и анализа. Немаловажным является и склонность некоторых авторов к учету политических факторов в ущерб объективности исследования. И все же исследования последних лет показывают положительную динамику: тенденциозность постепенно отходит на второй план, а главным большинство историков вновь считает уважение к фактам и объективность суждений.

Среднеазиатское восстание 1916 г. в турецких исторических источниках и современной историографии

Среднеазиатский регион, с XIX века приобретающий огромное значение для мировой политики, ставший эпицентром «большой игры», понятия, подразумевавшего столкновение интересов сразу нескольких крупных держав, являлся также регионом, населенным в значительной степени тюркскими народами, родственными в историко-культурном и этническом отношении Турецкому государству. Происходившее в Средней Азии всегда находило отголосок в Турции, как османского, так и республиканского периодов. Не случайно «среднеазиатскую карту» всегда пытался разыгрывать Стамбул в моменты осложнений отношений с Петербургом в XIX – начале XX в. Пытались использовать ее и определенные политические силы в Анкаре в годы Второй мировой войны, и на рубежах XX и XXI вв., когда Турция, после распада СССР, претендовала на роль «локомотива» для новых независимых государств, возникших на политической карте Средней Азии. При этом непростые, острые моменты в истории Среднеазиатского региона в составе России, которые дальнейшем составляли почву для полемики на страницах научных трудов, становились объектом пристального внимания турецких историков, исследователей и публицистов. Несомненно, к таким событиям «дискуссионного» плана относится и Среднеазиатское восстание 1916 г.

Проблема интерпретации Среднеазиатского восстания 1916 г. в турецкой историографии важна для отечественной исторической науки по ряду причин. Первая связана с тем, что, как по общему объему и количеству публикаций, так и по интересу к данной теме, турецкая историография заметно выделяется на фоне других стран зарубежной Азии. Это вполне объяснимо. Узловые моменты среднеазиатской истории всегда будут сохранять для турецкой исторической науки актуальность, поскольку Турция благодаря различным этническим и политическим факторам ее истории объективно претендовала

на роль лидера остального тюркского мира (в том числе и «среднеазиатской» его части). Вторая причина связана с тем, что с трудами турецких историков и выводами турецкой историографии отечественный исследователь знаком, как представляется, недостаточно.

В советской исторической науке гораздо больше внимания уделялось (разумеется, с позиций критики) западноевропейской историографии, трудам, создаваемым в русле так называемой советологии; при этом к турецкой историографии автоматически применялись те же оценки, что и к трудам авторов, происходивших из «недружественных СССР» капиталистических стран. Их трактовки расценивались в основном как «фальсификаторские» или же как попытки намеренного искажения истории народов СССР[1]. И в данный момент в российской исторической науке трудам турецкой историографии также уделяется недостаточно внимания. Третья причина состоит в том, что турецкая историография зачастую предпочитает именно Восстание 1916 г. характеризовать как отправную точку в цепи событий, связанных с политической борьбой, развернувшейся в Туркестане позднее. И, наконец, четвертая, и важнейшая, на наш взгляд, причина связана с тем, что турецкая историография имеет и использует в качестве источниковой базы такой массив материала, который по своей ценности не уступает российскому и к которому в то же время очень мало обращались в России, по причине его малодоступности. Объяснение тому – то, что Турция стала той страной, где оказалось большинство политических эмигрантов из Средней Азии, являвшихся в прошлом очевидцами событий, относящихся к Восстанию 1916 г., а далее – активными участниками событий, связанных уже с сопротивлением «советизации» региона, в том числе с так называемым басмаческим движением[2].

Многие из оказавшихся в Турции среднеазиатских эмигрантов, либо выходцев из России, но имевших тюркское происхождение, публиковали на турецком языке в местных изданиях свои воспоминания, мемуары, а также исследования, статьи по рассматриваемой нами проблеме, которые переиздавались и позднее. В данной связи следует упомянуть об учреждении в Стамбуле в 1925 г. группы из «политических эмигрантов», поставивших своей целью борьбу за возрождение независимости Туркестана. Через два года группа принимает решение о начале выпуска своего печатного органа, под названием «Yeni Türkistan», в чем самое активное участие принимает оказавшийся в эмиграции башкирский ученый, востоковед и политик Ахмет-Заки Валидов[3]. Сам же Валидов, получивший право преподавания в Стамбульском университете, и, как эмигрант, взявший себе новую фамилию на турецкий

[1] *Пылев А.* Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006. С. 31, 44.

[2] Там же. С. 44–45.

[3] *Kocaoğlu Timur.* Türkistanlı Göçmenlerin Siyasi Faaliyetleri Tarihine Bir Bakış // Dr. Baymirza Hayit Aramagani. Hazırlayanlar: Rasim Eksi, Erol Cihangir. Istanbul: Turan Kültür Vakfı, Hoca Ahmed Yesevi Vakfı, 1999. P. 160.

манер (таким образом, он стал уже известен как Заки Валиди-Тоган), еще в 1924 г. подготовил к печати сборник своих воспоминаний, в которых он предстает перед нами и как политический деятель сначала царской, затем Советской России, так называемой Башкирской автономии, а позже и Туркестана. В работе есть и многочисленные свидетельства и характеристики, которые Валидов дал и Туркестанскому восстанию 1916 г., чаще именуемому им Семиреченским восстанием. Но опубликовать эти воспоминания З. Валиди-Тогану удалось только в 1929 г. Книга вышла из печати в Каире, на турецком языке (но набранная еще на арабице), позднее, переведенная на латиницу, она переиздавалась в Турции в 40-е, а также в конце 60-х годов. Здесь нужно отметить, что, когда развернулись основные события, связанные с Восстанием 1916 г., А.-З. Валидов находился далеко от места событий: накануне начала восстания, в конце 1915 г., он приехал в Петроград для участия в работе мусульманской фракции Государственной думы. Но, ведя работу в Думе, он принимает участие в той политической борьбе, в которой немало места занимали национальные движения народностей, входящих в состав России[1]. При всех тех оговорках и осторожности, с которой следует подходить и к работам Валидова, и к подобного плана мемуарной литературе, они представляют определенную ценность как исторические источники.

В концептуальном плане турецкие публикации среднеазиатских эмигрантов отличает трактовка всех событий и политических выступлений в Туркестане, в том числе и Восстания 1916 г. как «национально-освободительного движения», имеющего, по их представлениям, всеобщую, единую «туркестанскую» природу и характер (включая и Восточный Туркестан, являвшийся частью Китая). В то же время ими приводится множество фактов использования движения, «прогрессивного в своей основе», различными консервативными силами в своих узкоклановых или племенных интересах, что привело в итоге к его поражению. Неизменно подчеркивалась идейная и духовная связь восстания 1916 г. с последующими массовыми антисоветскими выступлениями уже 20–30-х гг. XX в., за которыми в российской и отчасти зарубежной литературе закрепилось название «басмаческое движение».

В дальнейшем, в 50-е – 70-е гг., к вопросам новейшей истории Средней Азии вслед за политическими эмигрантами и очевидцами событий стали обращаться уже турецкие ученые, для которых вся издававшаяся мемуарная литература, в том числе воспоминания и работы А.-З. Валиди, становятся основным источником. Так, ряд статей по проблемам политической истории Туркестана в «Турецкой энциклопедии» полностью базируются на тех сведениях, которые давал, в частности, в своих мемуарах А.-З. Валиди[2]. В то же

[1] *Юлдашбаев А.М.* Заки Валиди-Тоган: ученый, политик, личность. Уфа, 2015. С. 9; *Валиди-Тоган З.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 108–111.

[2] Basmacılar // Türk Ansiklopedisi. Ankara, 1952. 5. Cilt. B. 364.

время турецкие исследователи нового поколения вводят в научный оборот и новые источники, в том числе устные и письменные свидетельства участников событий, которые были на тот момент в живых и проживали в Турции. Среди таких работ показателен труд Али Бадемджи о «национально-освободительном движении в Туркестане»; последний поставил себе цель «изложить историю освободительного движения», пользуясь не только данными А.-З. Валиди, но и другими «прямыми свидетельствами»[1]. Нужно также упомянуть и известного исследователя узбекского происхождения Б. Хайита, работавшего главным образом в Германии. Однако, находясь в 1967 г. на исследовательской работе в Турции (на средства стипендии, выделенной Институтом исследований по тюркской культуре), он опубликовал на турецком языке по результатам исследований два объемистых труда по туркестанской тематике, где рассматривается также история «борьбы Туркестана за независимость»[2]. За данные труды автор был удостоен премии Фонда национальной турецкой культуры[3].

В целом интерес к истории народных выступлений в Туркестане среди турецких, как и иных зарубежных исследователей, несомненно, стимулировался известными политическими событиями и процессами: участием советских войск в гражданской войне 80-х гг. XX в. в Афганистане, далее – распадом СССР, появлением на территории бывшей «советской Средней Азии» 5 независимых государств, в 4 из которых титульными оказались нации тюркского происхождения. Турецкие исследователи начинают руководствоваться желанием восстановить утраченные, нарушенные связи с родственными народами. Издаются новые исследования по истории «национальной, этнической, религиозной борьбы мусульман Средней Азии», а также активно публикуются или переиздаются первоисточники по теме, обогащенные редкими архивными материалами. Переиздание подобных работ осуществляется как при поддержке официальных организаций, в частности Общества языка, истории и культуры им. М.К. Ататюрка (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu), так и других, неформальных культурных объединений и фондов: «Турецкий религиозный фонд» (Türkiye Diyanet Vakfı), «Фонд культуры Турана» (Turan Kültür Vakfı), «Центр исследований Туркестана и Азербайджана» (Türkistan ve Azerbaycan Araştırma Merkezi).

Несомненно, в заслугу турецким ученым следует поставить публикации источников, связанных с деятельностью турецких разведывательных служб, созданных при непосредственном участии видного представителя движения младотурок, военного министра Османской империи и начальника Генерального штаба вооруженных сил Османской империи Исмаила

[1] *Bademci A.* 1917–1934 Türkistan Milli İstiklal Hareketi ve Enver Paşa. İstanbul, 1975. B. 16.

[2] Türk dünyasında Rus imperyalizminin izleri. Ankara, 1975. Türkistan, Rusya ve Çin arasında. İstanbul, 1975.

[3] *Saray M.* Doğumunun 65. yılında Dr. Baymirza Hayit, hayatı ve eserleri. İstanbul, 1983. B. 27–28.

Энвер-паши (1881–1922). Созданные при Генштабе спецструктуры получили название Teşkilat-ı Mahsusa. У данной структуры были свои, особые задачи. Находившиеся у власти младотурки, стремясь сформировать новую государственную идеологию, которая бы помогла пребывавшей в кризисе Османской империи решать важные задачи внутренней и внешней политики, пытались найти замену оказавшейся малоэффективной идеологии паносманизма. В качестве альтернативы паносманизму им, уже в условиях кануна и начала Первой мировой войны, виделись подходящими идеологемы панисламизма и пантуркизма. Находившихся на службе в Teşkilat-ı Mahsusa турецких офицеров направляли в прочие мусульманские государства и государства, где проживало тюркское население. Перед ними ставилась задача ведения разведывательной, пропагандистской и иной деятельности «в интересах Османской империи». Это направление деятельности Teşkilat-ı Mahsusa курировал, как отмечает турецкий исследователь Юсуф Гедикли, лично Энвер-паша[1]. В поле зрения организации попали, разумеется, российский и китайский Туркестан[2]. Турецкий автор Юсуф Гедикли в 1998 г. переиздал с комментариями, в современной турецкой графике, воспоминания участника «туркестанской миссии» Адила Хикмет-бея[3]. В составе этой разведывательной миссии из 5 человек находился и Хаджи Сами-бей (известный также как Селим Сами), фактически руководивший миссией. Позже, уже в начале 20-х гг., он повторно оказался в Туркестане и вместе с Энвер-пашой играл активную роль в руководстве басмачами Восточной Бухары. Исследование, проведенное Гедикли, получило, соответственно, название – «Пятеро турок в Азии» (Asya'da beş Türk – *тур.*). В состав миссии, помимо Адила Хикмет-бея и Селима Сами, получивших военное образование и находившихся на военной службе, входили также Эмруллах (Баркан) – бей, гражданский чиновник, Ибрагим-бей, о жизни которого мало что известно (кроме того, что он, не являясь кадровым военным, проходил военную службу «добровольно»)[4], а также Хусейн-бей. Миссия, добравшись в Туркестан, минуя Индию и Афганистан, оказалась в Семиречье и приняла, как отмечено Гедикли, самое деятельное участие в руководстве восстаниями 1916 г. в Семиреченской области. Комментируя воспоминания Адила Хикмет-бея, Гедикли пишет, что восстание в Семиречье благодаря приданному ему миссией «организованному характеру» нанесло «значительный урон российскому присутствию в Туркестане»[5]. Самим Хикмет-беем в Семире-

[1] *Gedikli Y.* Adil Hikmet Bey. Asya'da Beş Türk. İstanbul, 2012. B. 23,24.

[2] Территорию так называемого китайского (или Восточного) Туркестана составляет современная провинция Синьцзян в составе КНР.

[3] Воспоминания публиковались в 1928 г. в официальном печатном органе Турецкой Республики – газете Cumhuriyet

[4] *Gedikli Y.* Adil Hikmet Bey. Asya'da Beş Türk. İstanbul, 2012. B. 606.

[5] Там же.. B. 22, 23.

чье было создано нечто вроде «штаба», руководившего боевыми действиями повстанцев.

Основной причиной восстания 1916 г. Гедикли называет недовольство туркестанцев распоряжением царского правительства от 25 июня 1916 г., которое предписывало обеспечить мобилизацию 250 тысяч туркестанцев для участия в строительстве оборонительных сооружений «в районе действующей армии». Гедикли подчеркивает, что на туркестанцев, не имевших одинаковых с русским населением края прав, таким образом налагались одинаковые обязанности, что главным образом и подтолкнуло туркестанцев выступить против власти России в регионе. При этом, однако, говорится, что недовольство было не абсолютным: среди туркестанской интеллигенции, например, были и те, кто приветствовал распоряжение правительства, мотивируя это тем, что знакомство с основами военной борьбы и принципами обращения с оружием будут «полезны для туркестанцев»[1]. После того как восстание охватило Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую области, а в августе 1916 г. распространилось и на Семиречье, оно, по утверждению Гедикли, достигло своей кульминации именно благодаря оперировавшей в Семиречье турецкой миссии, вступившей в контакт с местным лидером Шабдан-Батыром. Миссия, примкнув к повстанцам Батыра, придала им характер регулярной военной организации и создала из разрозненных отрядов некое подобие военного фронта. Соответственно, благодаря размаху, который приобрело восстание в Семиречье, «туркестанское направление» получило совершенно особое значение для внешней политики Стамбула и теперь постоянно находилось в центре внимания руководства Османской Турции, констатирует Гедикли[2].

Говоря о турецком, точнее, младотурецком, факторе в событиях в Туркестане 1916 г., и их интерпретации турецкими исследователями, нельзя не упомянуть и о серии публикаций в Турции, посвященных деятельности самого Энвер-паши. Он, как известно, был не только военным министром Османской империи, но и одним из лидеров партии «Союз и прогресс» (фактически – партии власти), и одним из вдохновителей идеологии пантюркизма. Количество публикаций и исследований о нем в Турции весьма значительно, однако отдельного внимания заслуживает 3-томное исследование Ш.С. Айдемира (1897–1976 гг.), изданное, соответственно, под названием «Enver Paşa»[3]. С Энвер-пашой Шевкет Сурейя Айдемир встречался во время Первой мировой войны на Кавказском фронте, а позднее – в 1921 г. в Москве, где изучал экономику в знаменитом Университете КУТВ[4]. После

[1] *Gedikli Y.* Adil Hikmet Bey. Asya'da Beş Türk. İstanbul, 2012. B. 20.

[2] Там же. B. 23.

[3] По образованию Шевкет Айдемир был экономистом, однако в молодости принимал активное участие в событиях, связанных с распадом Османской империи, бывал и в Средней Азии, где непосредственно наблюдал интересующие нас события.

[4] Коммунистический университет народов Востока.

возвращения уже в республиканскую Турцию Айдемир работал экономистом в различных правительственных структурах Республики. Биография Энвер-паши в 3 томах – результат его собственных наблюдений и исследований, проведенных в более позднее время. Значительное место в данном труде отведено и Teşkilat-ı Mahsusa, а также деятельности самого Энвер-паши в Средней Азии, но уже в более поздний период[1], чем Среднеазиатское восстание 1916 г. Это сочинение выдержало 5 изданий на турецком языке, по нашим данным, еще не вводилось по рассматриваемой проблематике в научный оборот (по крайней мере, в отечественной литературе). Кроме того, в исследовании широко цитируются дневниковые записи и переписка самого Энвер-паши; эти материалы, насколько можно судить по словам автора, не переданы полностью в турецкие военные архивы и библиотеки и до сих пор хранятся в частных коллекциях[2]. В отличие от выводов Юсуфа Гедикли, Айдемир, также ссылаясь на находящиеся в его распоряжении документы и более поздние свидетельства, не склонен утверждать, что организующее и направляющее начало Среднеазиатского восстания 1916 г. находилось исключительно в руках турецкой разведки. Он подчеркивает, что упомянутый участник «Миссии 5-ти» Ходжа Сами-бей значительно «преувеличивал собственную роль и роль пантюркистской пропаганды в организации восстания 1916 г. в русском Туркестане», хотя таковая, несомненно, имела место[3].

Отмеченные и прочие подобные публикации турецких исследователей свидетельствуют о том, что они, стремясь вывести на первый план антирусский характер и направленность восстания 1916 года, не отрицают в нем и роли внешнего фактора, как и в других, более ранних и более поздних массовых выступлениях в крае, прямо или косвенно направленных против российского (а позднее советского) присутствия в Туркестане. И это выглядит вполне естественно и логично, так как для Османской Турции как противника России в Первой мировой войне, конечно же, важно было использовать «пятую колонну» на южных рубежах Российской империи. Но попутно следует заметить, что Среднеазиатское восстание 1916 г., наделенное чертами, присущими несомненному антиколониальному выступлению, в то же время, как показывает целый ряд известных источников и свидетельств, носило характер типичной крестьянской войны, когда восставшие видели своим главным врагом власть вообще, а не власть представителей какой-либо национальности или этноса[4]. В случае с Туркестаном представители местной традиционной знати оказались теснейшим образом связаны с колониальной администрацией, действовали часто заодно с последней, и в данном случае этнические (как и

[1] Период с осени 1921 г. по лето 1922 г.
[2] *Aydemir Ş.S.* Enver Paşa. İstanbul, 1999. Cilt 3. B. 604.
[3] Там же. B. 590, 600.
[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 2.

религиозные) различия совершенно этому не препятствовали. Но как раз этот момент турецкая историография предпочитала замалчивать, выводя на первый план «антирусский» характер восстания. Однако националистический характер Туркестанское восстание приобрело во многом благодаря наличию внешнего фактора, в том числе деятельности офицеров турецкой разведки, особенно на территории Семиречья. Что, собственно, и подтверждают турецкие источники и литература.

При том, что «магистральной концепцией» интерпретации Восстания 1916 г. в турецкой историографии долгое время провозглашалась версия о его национально-освободительном или, в лучшем случае, антирусском характере, турецким авторам все же приходилось констатировать, что далеко не всегда и не во всем местные лидеры восстания готовы были принять «организующую и направляющую роль» участвовавших в восстании представителей Османской Турции. Последняя, разумеется, в годы, когда господствующей идеологией в ней фактически становится пантюркизм (то есть в годы Первой мировой войны или в непосредственно предшествующий ей период), претендовала на роль освободителя родственных народов от власти «иноземного империализма», подобно тому, как на сходную роль, в те же годы, но только в отношении славянских народов Балкан, претендовала и Россия. До известной степени идеи пантюркизма разделяли и местные лидеры и идеологи восстания, среди которых было немало и представителей движения «просветителей-джадидов». Но при этом нужно подчеркнуть, что турецкая разведка, безусловно разделявшая постулаты пантюркизма и пытавшаяся привнести в восстание 1916 г. организационную струю (в том числе те, о которых писал упомянутый Гедикли), вкладывала в пантюркизм несколько иное содержание, нежели местные, среднеазиатские националисты. Для последних, получивших европейское образование преимущественно в российской среде и прошедших становление как политики, в русле традиций политической борьбы, свойственной именно Российской империи, важен был прежде всего «независимый демократический Туркестан». Некоторые, подобно А.-З. Валидову, примкнувшему к политической борьбе в Туркестане в более поздние годы и относившему себя к политикам левого «социал-демократического толка», говорили даже о «независимом демократическом Туркестане», но никак не о «конфедерации тюркских народов» (от Балкан до Китая) под эгидой Турции и фактическим управлением младотурок[1]. Участвовавшие же в восстании представители туркестанской знати, воспринимавшие лишь идеологию в духе консервативного сепаратизма, не рассматривали в качестве основной цели своей борьбы лозунги ни первых, ни вторых. Для традиционной знати и представителей местной аристократии оказалось важно лишь отвоевать утраченный за период колонизации доступ к экономическим благам и ресурсам и

[1] *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 105–110.

права распоряжаться «своими» землями и пастбищами. Если взять за основу воспоминания того же Валиди, коего турецкая историография предпочитает использовать как источник, то у него довольно четко констатируются различия в понимании идей «национальной независимости Туркестана» у представителей среднеазиатского либерального национализма и джадидизма, у представителей местной традиционной знати и, наконец, у оказавшихся в годы восстания в Туркестане представителей турецкой разведки. А.-З. Валиди в своих мемуарах нередко упоминал о том, насколько чужда была традиционной среднеазиатской элите идея «независимого национального государства»; для них была гораздо важнее цель оставаться полновластными хозяевами в *своей* области или племени[1]. Тогда как для представителей народных масс, несомненно составивших основной костяк повстанческого движения в 1916 г., прежде всего было важно добиться справедливого распределения земельных и водных ресурсов (причем справедливого не только в межэтническом, но и социальном смысле)[2]. Но на данное обстоятельство турецкая историография, к сожалению, предпочитала почти не обращать внимание.

Необходимо учитывать, что интерес турецкой историографии к событиям политической борьбы и протестных движений в Туркестане против «русского влияния» поддерживался как желанием восстановить утраченные, нарушенные связи с родственными народами, так и влиянием писавших на данную тему представителей туркестанской политической эмиграции, многие из которых оставались в живых еще во второй половине XX века. Турецкие историки-исследователи переосмысливали работы последних, переводили их записи, нередко в оригинале появлявшиеся в османской графике (на основе арабицы), на латиницу и на современный турецкий язык. Многие из них ставили цель написать историю протестных движений в Туркестане, опираясь не только на труды эмигрантов, но и на «прямые свидетельства, полученные из уст непосредственных его участников». Особенно показательны в данном отношении работы турецкого автора А. Бадемджи. Но что касалось концептуального плана исследований турецких авторов по данной проблеме, то он в основном не менялся с начала 50-х годов XX в. Практически все исследования выдерживаются в духе идеологии «тюркоцентризма»; истории массовых движений в Туркестане, как восстание 1916 г., так и движение басмачей описываются как часть «национально-освободительного движения» прежде всего тюркских народов Средней Азии, как движение сопротивления «русскому империализму», а в дальнейшем – «красному советскому империализму» и «оккупации» региона Советской Россией. В освободительном движении от-

[1] *Togan Z.V.* Bugünkü Türkili Türkistan ve yakın tarihi. Cilt 1. Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, 1942–1947. B. 466; *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998. Кн. 2. С. 129.

[2] *Пылев А.* Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006. С. 57–60, 129.

мечались только две составляющие – «борьба за веру» и «борьба за родину». Подобные оценки перешагнули и рубеж событий, связанных с распадом СССР и возникновением на месте бывших советских республик независимых государств Центральной Азии. Хотя, казалось бы, в новых условиях прежние оценки должны были быть подвергнуты определенному пересмотру. Однако для некоторых авторов этих лет события 1916 г. остаются отправной точкой в «истории борьбы тюрок Туркестана за политическую независимость». Так, исследователь Х.Б. Паксой предлагал именно события 1916 г. брать за основу начала национально-освободительного движения в Туркестане, которое в дальнейшем, после 1918 г., переросло в движение басмачей[1]. Аналогичные характеристики басмаческому движению как «борьбе за независимость Туркестана» даются и в новом турецком издании «Энциклопедии Ислама»[2]. Таким образом, вычерчивалась некая «генеральная линия» традиций национальной борьбы туркестанцев, которая, зародившись в период колонизации Туркестана Россией, плавно перешла рубеж 1917 г. и продолжалась уже в советский период.

Однако при этом все больше современных турецких исследователей постепенно отходят от подобного рода «идеалистических» оценок или «магистральных концепций», в которых отмечалась лишь одна составляющая данных событий или же идеализировалась роль в них Османской империи или ее представителей. При сохранении за восстанием 1916 г. общей оценки движения «освободительного» или «протестного», начинают приводиться и факты другого плана, в частности об использовании движения, «прогрессивного в своей основе», различными консервативными силами в узкоклановых или племенных интересах, что привело в итоге к его поражению. С. Эршахин, один из турецких исследователей «современного поколения», отмечал, что, несмотря на подавление Туркестанского восстания к началу 1917 г., его «протестный потенциал» вовсе не был исчерпан. Он объясняет это тем, что начавшиеся в крае весной 1917 г. революционные процессы, докатившиеся из центральных районов империи, осуществлялись главным образом не коренными туркестанцами и даже не потомками русскоязычных переселенцев, а русскими военнослужащими, направленными в край для подавления восстания 1916 г. Последним же принадлежала и руководящая роль в формирующихся в Туркестане новых революционных органах власти – Советах крестьянских, рабочих и солдатских депутатов; и, как подчеркивает Эршахин, двери этих новых органов власти оказывались полностью «закрытыми для местных туркестанцев-мусульман»[3]. И это обстоятельство могло, с ослаблением над Туркестаном власти центра, привести к новому взрыву протест-

[1] *Paksoy H.B.* «Basmacı"ve 1916–1924 Türkistan bağımsızlık savaşı. [Электронный ресурс] // http://vlib.iue.it/carrie/texts/carrie_books/paksoy-3/turk12.html

[2] *Donuk A.* Basmacı Hareketi // İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1992. 5. Cilt. B. 107–108.

[3] *Erşahin S.* Türkistan'da İslam ve Müslümanlar. Soviet dönemi. Ankara, 1999. B. 92.

ного движения, гораздо более мощному, нежели восстание 1916 г. Однако после октября 1917 г. с начавшейся «советизации» Туркестана и особенно с началом работы Чрезвычайной комиссии ВЦИК РКП (б) по делам Туркестана (так называемой Туркомиссии) в 1919 г. общая обстановка и настроения в крае начинают меняться. Местные органы власти под контролем Центра начинают проводить значительно более гибкую политику в отношении коренного населения в сфере земле- и водопользования и, что особенно важно, в отношении религии и религиозных учреждений. Все это сопровождалось интенсивной агитационной работой, также тщательно курировавшейся Центром. И в этих условиях, как отмечает Эршахин, примечательно, что нового «всетуркестанского» народного протестного движения, «спонтанного или же организованного», так и не возникло. Движение басмачей, нередко претендовавших на «идейную связь» с событиями 1916 г., хотя и продолжалось значительно дольше, но не получило в итоге ни размаха, ни остроты тех месяцев, когда развернулось Семиреченское восстание. Причину этого Эршахин видит в том, что инициированное басмачами движение сопротивления оказалось лишенным поддержки большинства туркестанцев, «остававшихся под влиянием советской пропаганды»[1]. Так турецкая историография приходит к пониманию того, что между движением басмачей и восстанием 1916 г. нельзя безоговорочно ставить знаки равенства ни в плане социального состава, ни в идеологическом плане. Условия бытия народов Средней Азии после 1917 г. коренным образом изменились, а следовательно, о некой «генеральной линии» традиций протестного движения в Средней Азии, которая-де всегда существовала в регионе с приходом России и сохраняется по сей день (и к которой продолжает и сейчас апеллировать определенная часть турецких исследователей), говорить все же не приходится.

Ряд турецких исследователей, как представляется, не без оснований утверждают, что турецкий фактор всегда оказывал заметное влияние на историю Средней Азии, в том числе и на такие масштабные события, как восстание 1916 г. На это, в частности, указывает А. Ахат Андиджан в своем масштабном исследовании по среднеазиатско-турецким отношениям: «Турция и Средняя Азия: от Османской империи до наших дней»[2]. Следует отметить, что данный автор, одно время работавший во властных структурах Турецкой Республики (занимал посты госминистра и правительственного секретаря), а в настоящее время – профессор Стамбульского университета, специализировался на исследованиях по странам так называемого «советского блока», а с 90-х гг. XX в. – на связях Турции и Евразийского региона в целом. Андиджан, мотивируя интерес Турции к Среднеазиатскому региону, обращает внимание на тот факт, что Средняя Азия с давних времен становится объектом борьбы интересов крупных держав, явление, которое публицисты в XIX в.

[1] Erşahin S. Turkistan'da İslam ve Muslumanlar. Soviet donemi. Ankara, 1999. B. 434.
[2] *Andican Ahat A.* Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, 2009.

назовут «большой игрой». Значительно раньше, еще с XVI в., среднеазиатские ханства начинают интересовать Османскую Турцию, занятую попытками выстроить «суннитский блок» в противостоянии с управляемым Сефевидами шиитским Ираном, как возможные союзники в этом противостоянии. А среднеазиатское направление во внешней политике Турции уже в XIX и начале XX века, как отмечает Ахат Андиджан, определяется и направляется, с одной стороны, стремлением помочь родственным народам в борьбе с экспансией крупных государств и таким образом обрести более прочные позиции в регионе-прародине тюркских народов, а с другой стороны – стремлением Турции участвовать в глобальной политике, в частности пытаясь посредством усиления влияния в регионе Средней Азии сдержать продвижение России в Закавказье и на Балканах[1].

Исходя из вышеотмеченного, мы можем констатировать, что характеристики и выводы-оценки, сделанные турецкой историографией по проблемам истории Среднеазиатского восстания, или восстания 1916 г., вовсе не выглядят однозначными. К ним подходить следует очень взвешенно и критично. Историография начального республиканского периода (20–30-е годы XX в.), находилась под весьма заметным влиянием покинувшей пределы Советской России (или ставшего советским Туркестана) и оказавшейся в Турции политической эмиграции тюркского происхождения. Эти работы носят заметный налет мемуаристики, и потому их фактология и выводы не могут быть признаны до конца объективными. При этом следует признать ценность таковых работ как исторических источников, создававшихся прямыми или косвенными участниками или очевидцами событий. Историография более позднего периода (после Второй мировой войны и практически до конца 80-х годов XX в.) создавалась под заметным влиянием международной политической конъюнктуры, когда Турция как государство-участник блока НАТО оказалась фактически в состоянии холодной войны с СССР. Работы, написанные на рубеже XX и XXI столетий и опубликованные уже после распада СССР, также не были свободны от идеологизированных оценок; с появлением на месте бывших советских республик Средней Азии независимых государств Турция начинает претендовать на роль безальтернативного лидера всех прочих тюркоязычных государств и регионов[2]. Узловые события истории Средней Азии, к каковым, несомненно, относится и Среднеазиатское восстание 1916 г., истолковываются, таким образом, с позиций «тюркоцентричности».

Но значительная часть современных турецких исследователей трактует события более осторожно. С одной стороны, роль Турции уже не преувеличи-

---

[1] *Михайлов А.А.* Битва с пустыней // Сайт «Военная литература». [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/h/mihaylov_aa2/index.html; *Andican Ahat A.* Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, 2009. B. 22–23.

[2] *Пылев А.* Турция – Россия – тюркские республики – СНГ: иллюзии, реальность и перспективы // Путь, проложенный сердцем: сборник статей памяти Мухамаджана Зиганшина. М., 2011. С. 136–137.

вается неоправданно и безоговорочно применительно ко всему «тюркоязычному» пространству Евразийского континента. С другой стороны, турецкая (времен Османской империи) внешняя политика на центральноазиатском направлении предстает в самых последних работах уже не столь идеализированной. Правда, если принять во внимание политическую конъюнктуру Турции самых последних лет и вспомнить о господстве доктрины «неоосманизма» как полуофициальной идеологемы внешнеполитического курса страны, то тогда мы снова увидим несколько иные тенденции и попытки реанимировать прежние подходы. Но подобные работы относятся все же уже не к собственно науке, а к «околонаучной» публицистике.

В целом при всех имеющихся спорных, а порой и не всегда объективных выводах, не всегда оправданных с позиции исторической науки подходах, применявшихся турецкой историографией относительно Среднеазиатского восстания 1916 г, необходимо отметить ее ценность и заметный вклад, который внесли турецкие историки при исследовании данной проблемы. Многие работы турецких исследователей имеют значение, поскольку открывают доступ к источникам, малознакомым отечественным исследователям. В данной связи необходимо подчеркнуть, что такое направление, как перевод изданного на турецком языке массива источников и переиздание их (с комментариями) на русском языке имеет большое значение для отечественной историографии. При помощи введенных таким образом в научный оборот работ картина истории восстания 1916 г. приобрела бы более всесторонний и полный характер. Особенно это касается оценки и роли внешнего фактора в Среднеазиатском восстании. Следует сказать, что подобная большая работа (научное издание источников) уже проведена отечественными исследователями в отношении трудов А.-З. Валиди[1]. Все это должно помочь дальнейшему осмыслению причин, движущих сил, характера Среднеазиатского восстания. Отдельно необходимо оговорить, что и для российской, и для турецкой исторической науки (как и для современной историографии Среднеазиатских республик) наследие турецкой историографии имеет большое значение с точки зрения извлечения уроков данных событий и предотвращения негативных сценариев, как для самого региона, так и для внешнеполитических игроков, стремящихся упрочить в нем свое влияние. Несомненно, что и для России, и для Турции, с учетом геополитического положения обеих стран и исторически обусловленных связей с регионом Центральной Азии, извлечение этих уроков будет представлять особую важность.

[1] Следует отметить особый вклад, обеспеченный на данном направлении российскими учеными-исследователями из Республики Башкортостан // *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 594–612.

Глава VI
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЙ

Картографические источники по истории Семиреченского восстания 1916 г.

Восстание 1916 г. стало одной из наиболее трагических страниц в истории казахского народа. Непосредственным поводом к восстанию послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о «реквизиции» на тыловые работы «инородческого» мужского населения Казахстана, Средней Азии и частично Сибири. На тыловые работы планировалось реквизировать только из областей, населенных казахами, – около 240 тыс. человек[1]. Изъятие такого количества рабочих рук приводило казахские хозяйства к разорению и социальному взрыву в регионах Казахстана.

Основной причиной национально-освободительного восстания 1916 г. являлось массовое изъятие земель у казахского населения, которое связано с казачьей и переселенческой колонизацией в Семиречье.

В исследовании, посвященном военно-казачьей колонизации, выполненном М.Ж. Абдировым, З.С. Актамбердиевой, отмечено, что в 1867 году с образованием Семиреченской области из состава Сибирского войска выделилось особое Семиреченское казачье войско. Положение Военного совета «О поземельном устройстве казачьих станиц» вступило в силу 21 апреля 1869 г., которое окончательно утвердило казакам во всех войсках норму земельного надела в 30 дес. и 10 дес. в войсковой запас «для обеспечения его безбедного существования»[2].

Отводы земель под поселения Семиреченского войска за отсутствием точных картографических сведений и съемок производились примерно, причем из пользования казахского населения были изъяты лучшие сенокосы и пашни: «В 1884 году во владении 29 поселений Семиреченского войска считалось больше 570 000 десятин земли кроме тех выселков, коим съемки еще не были произведены»[3].

---

[1] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, 2000. Т. 3. С. 636–651.
[2] *Абдиров М.Ж., Актамбердиева З.С.* Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867–1917 гг. Алматы, 2011. С. 109.
[3] ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7621. Л. 43–45 об.

В начале XX в. отводы под казачьи поселения были ежегодные и первоочередные, «в первую очередь будет отводиться земли казакам Семиреченского казачьего войска до полной нормы душевого надела, на что потребуется свыше 200 тысяч десятин свободной государственной земли, которой пока еще и не намечено» – из «Объявления» военного губернатора Семиреченской области генерал-лейтенанта Покотило от 19 февраля 1908 г.[1]

Результаты изъятия лучших земель под казачьи поселения визуально представляет карта «Земель Семиреченского казачьего войска». Карта цветная, имеется легенда. Масштаб: 1: 3.360.000. На карте указаны границы станичных округов и участки: казачьих станиц, переселенческих участков, крестьянских старожилов, земли, отведенные под города, монастыри; Географические объекты (горы, озера, реки, хребты); населенные пункты (города, станицы, укрепления); пути сообщения, места захоронения и т.д.[2] Карта «Земель Семиреченского казачьего войска» дает компактную и емкую информацию по масштабам казачьей колонизации, которая позволяет наглядно показать изъятие лучших земель из пользования казахского населения под создание военных укреплений, казачьих станиц и провести определение количественных и качественных характеристик земельных отводов.

Переселенческая колонизация на территорию Семиреченской области привела к изменению демографической картины и обострению земельного кризиса казахского населения. При административно-территориальном преобразовании Семиречья Российская империя преследовала прежде всего захватническую цель. Свидетельство этому находим в исследовании «Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования» (2010 г.) российского историка Глущенко Е.А.: «…русскому флагу было нужно более прочное основание, нежели небольшие опорные пункты – русские города. Таким широким основанием могла быть численно значительная прослойка русского крестьянства»[3].

Переселение крестьян в Семиречье регулировалось в основном теми же законодательными актами, что и переселение в Сибирь, но здесь оно имело свои местные особенности. К устройству крестьянских поселений в Семиреченской области было приступлено вслед за ее учреждением. В период времени с 1868 по 1883 год благоприятные для земледелия климатические условия привлекли в крестьянские поселения до 20 000 душ обоего пола. Душевой надел переселенцам первоначально в Семиреченской области был предложен в 15 десятин (1 десятина=1,09 га. – *Г. К.*), но исследование сельского хозяйства

[1] ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 9000. Л. 16.

[2] Карта «Земель Семиреченского казачьего войска»/РГБ Ко 10/IV-2 // Атлас Азиатской России. Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Издано под ближайшем руководством Т.В. Глинки. Листов 71. Типография: Картографические заведение и «Т-ва А.Ф Маркс, и Г.И. де-Кельш» и «Ю. Гаш», под наблюдением ревизора переселенческого Управления М.А. Цветкова. Общая редакция карт принадлежит М.А. Цветкову. Текст редактирован М.И. Творжевским. СПб., 1914. Л. 37.

[3] *Глущенко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 340–365.

привело местную колониальную администрацию к заключению, что для благоприятных природных условий региона надел до 10 десятин на душу вполне достаточен для обеспечения земледельца. «Согласно этой норме, принятой в 1882 году, предположено и большею частью уже отведено в надел 37 крестьянских поселений 169 880 десятин. Кроме того, 237 768 десятин назначено к отводу в надел для 32 поселений таранчей и дунган в числе 26 683 душ мужского пола»[1].

Обострившийся в 1906–1907 гг. аграрный вопрос в европейской части Российской империи заставил искать выход из него в усиленном переселении. Российская администрация стремилась большую массу крестьян как можно быстрее устроить на окраинах Российской империи, к которым относилась и территория Казахстана. В Семиреченской области начались лихорадочные работы по отмежеванию земель, а именно изыскание и изъятия так называемых «излишков» земли у казахского населения. Действительно, если бы казахское население вело оседлый образ жизни, тогда норма оставляемой им земли была бы вполне достаточна, но казахи вели скотоводческо-кочевое хозяйство, для которого норма оставляемой им земли была ничтожно мала.

В 1909 г. Переселенческое управление, занимавшееся переселенческой колонизацией, приступило к широкомасштабному обследованию Семиреченской области. При этом Переселенческим управлением не планировалось обеспечение оседлыми наделами казахского населения в полном объеме: «переселенческая партия, главнейшим предметом ведения которой остается… устройство переселенцев, может приступить к отводу оседлых наделов киргизам лишь при непременном условии, что от сего последуют выгоды для колонизации и что работы по обеспечению оседлыми наделами киргиз не помешают заготовке всего намеченного на соответствующий полевой период количества долей для русских переселенцев» – из «Прошения» от главноуправляющего землеустройством и земледелием по переселенческому управлению А.В. Самсонова заместителю министра от 30 марта 1911 г.[2]

Итог работы Переселенческого управления и масштабы массового изъятия земли из пользования казахских хозяйств наглядно представлены на «Схематической карте Семиреченской области». Карта выполнена в 1915 г., цветная, имеется легенда. Масштаб: 60 верст в одном дюйме. Изготовлена в г. Верном. На «Схематической карте Семиреченской области» показаны: административно-территориальные единицы (уезды, волости); географические объекты: озера, реки; границы расселения казахских родов (джалайир, дулатъ, матай, кара-гирей, сары-уйсюнъ, албанъ, черик, канглы, суан, чапрашты, солты, сары-багышъ, саяк-басеигъ, богу, исты и т.д); Населенные пункты: города, укрепления, казачьи станицы, крестьянские селения, таранчинские и дунганские поселения; переселенческие участки,

[1] ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 7621. Л. 43–45 об.

[2] Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 11156. Л. 25.

запроектированные до 1908 г. с душевыми долями; участки, переданные Переселенческой партии из войскового запаса; торговые места, почтовые дороги и станции, проселочные дороги и т.д. На карте имеется значительный статистический материал, указаны месторасположения и названия уездов и волостей Семиреченской области, а именно: в Лепсинском уезде – 17 волостей; в Копальском уезде – 20; в Джаркентском уезде – 19; в Верненском уезде – 23; в Пишпекском уезде – 29; в Пржевальском уезде – 22 волости[1].

Таким образом, «Схематическая карта Семиреченской области», выполненная в 1915 г., визуально показывает: размах и масштабы переселенческого движения, отчуждения земельных участков, пригодных для земледелия и пастбищ из пользования казахского населения, что привело к земельному кризису в регионе. Карта наглядно показывает, как с введением новых административно-территориальных реформ были изменены основы землепользования казахов: на место рода заступила волость. Радикальные изменения административного управления в регионе коснулись экономических, социальных процессов и территориальной организации казахского населения.

При использовании карт переселенческого управления необходимо знать о том, что к применению данного материала следует подходить критически, его перепроверять и переосмысливать. Потому что «историки-аграрники, детально изучавшие переселенческое движение, неоднократно отмечали исключительную небрежность почвенно-ботанических обследований, проводившихся на основе рекогносцировочных съемок. За период с 1885 по 1906 г. Переселенческое управление Российской империи организовало 98 почвенно-ботанических экспедиций, из которых лишь 48 представили крайне скудную документацию. Поскольку экспедиции были плохо оборудованы», – это отмечала в своей статье «К истории картографирования переселенческого движения» (1987) советский исследователь истории картографии С.И. Сотникова.

Анализ переселенческих картографических документов позволяет сделать следующие выводы:

— В организации переселенческого движения картографирование служило эффективным рычагом управления на всех его этапах, от предварительных работ по выявлению колонизационного фонда до выдачи юридических документов на землевладение или землепользование.

— Переселенческие карты и планы являются источниками, информирующими об очередности освоения колонизуемых окраин, структуре земельных угодий, сословном составе землевладения и землепользования.

— При использовании первичных картографических материалов – планов переселенческих участков – в различных историко-географических ис-

[1] Схематическая карта Семиреченской области. Масштаб: 60 верст в одном дюйме. Верный. Типография: Тило-лит. А. Заряновский. 1915 г./РГБ. Ко 105/IX-19.

следованиях необходимо тщательное выяснение обстоятельств их создания и, в частности, учета возможности искаженного показа в ряде случаев контуров пахотнопригодных земель[1].

Главным доказательством, что основной причиной национально-освободительного восстания 1916 г. является неурегулированный должным образом земельный вопрос, служат «доклады» чиновников российской колониальной администрации, к примеру:

— заведующего Верненским жандармским розыскным пунктом, сделанный в ноябре 1916 г.: «К сожалению Переселенческое Управление в своей лихорадочной деятельности с нарезкой земель переселенцам не заботилось о параллельном устройстве хозяйств киргиз / доклад мой Товарищу Министра от 21 октября 1915 года № 3993/, планомерного перевода киргиз с кочевого хозяйства на оседлое не производилось, а этот перевод нужно было производить систематически… Работа Переселенческого Управления нарушила весь уклад привычной жизни туземцев. Под переселенческие участки были заняты зимние стойбища киргиз с их саклями и орошенными землями и клеверниками, а сами они передвинуты к горам и к границам песков. Летние пастбища “джайляу” в горах, в тех местах, где имелся лес, были отобраны лесным ведомством для сохранения лесов. Привычные тропы с зимних на летние пастбища были перерезаны участками переселенцев. Есть кое-где места, где зимние стойбища киргиз передвигались за семь лет существования переселения по два три раза, с места на место»[2].

— командующего войсками Туркестанского военного округа генералом А.Н. Куропаткиным от октября 1916 г.: «Дело в том, что киргизам оставлялись на пользование только худшие земли, все же лучшие от них отбирались и передавались русским переселенцам, которые, вместо того чтобы самим обрабатывать землю и быть, так сказать, культуртрегерами в крае, находили для себя более выгодным и удобным не работать, а сдавать эти земли тем же киргизам в аренду или же обрабатывать их киргизами же, нанимая их за нищенское вознаграждение. Таким образом, получилась такая картина, что киргиз, лишившись лучшей своей земли, платил в это же время за нее и деньги. Такое ненормальное явление, естественно, вызывало неудовольствие киргиз к русским переселенцам, в которых киргизы видели, так сказать, виновников своих бед. Неудовольствие это было давно, росло по мере отчуждения новых земель под новые русские поселки и наконец вылилось в форму восстания, толчком к которому послужил призыв рабочих, цель которого было желание освободиться от русских переселенцев, так щедро наделяемых землею в ущерб киргизского населения»[3].

---

[1] *Сотникова С.И.* К истории картографирования переселенческого движения // История развития тематического картографирования в России и СССР. М., 1987. С. 96–104.

[2] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933 А. Л. 475–505.

[3] ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 20070. Л. 161–163 об.

По данным Т.Р. Рыскулова, итогом работы переселенческой политики Российской империи было то, что «к 1916 г. в распоряжении русских поселков и станиц в Туркестане (всего до 941 селения) числилось 1900 тыс. десятин, или 57,6% обрабатываемой площади. Иначе говоря, на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятины обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (казаха, узбека, киргиза, таджика, туркмена) – только 0,21 десятины, т.е. в 15 раз меньше. Таким образом, при остром безземелии коренное население, составлявшее 94% всего населения края, владело только 42,4% всей обрабатываемой площади, а остальные 57,6% приходились на долю русских переселенцев. По Казахстану в целом к 1916 г. изъято было всего до 40 млн га удобной земли под переселение и в ведение казны»[1].

— Второй причиной восстания являлись поборы, незаконный сбор «чиган», некорректное отношение царских чиновников к казахской администрации: «В первое время владения нами (Семиреченской) областью действительные расходы “чиган” были невелики, так как лиц, принадлежащих к числу русской администрации было немного, но с появлением в области разного рода чиновничества, а особенно низшего, обычаем гостеприимства начали злоупотреблять сами чиновники, предъявляя требование выставлять и подавать угощение непосредственно самим киргизам, а не их администрации, и на этой почве выходили недоразумения и даже столкновения. Особенно отличались на этой почве мелкие чины местного переселенческого управления. Расходы “чиган” сделались очень обременительными, особенно в последнее время, когда цены на все страшно возросли и цена барана поднялась с 3–4 рублей до 15–20 рублей. Я слышал от чиновников разных ведомств, что киргизы не желают брать платы, что гостеприимство их — освященный традициями обычай и что они волей неволей принуждены вводить их в расход, так как останавливаться в степи кроме юрт негде. Из личной практики я знаю, что это неправда», – отмечал в докладе заведующий Верненским жандармским розыскным пунктом в ноябре 1916 г.[2]

— Третьим слагаемым восстания, являлось жестокое отношение переселенцев к казахскому населению, судебный и административный произвол царизма. Так, после аграрных беспорядков в Европейской России, самый худший элемент, разнузданная, малоспособная к упорному труду, слабая по своим хозяйственным инстинктам масса ринулась на окраины Российской империи, в том числе и в Семиречье, получая бесплатно здесь землю. Переселенцы в основном считали, что им должны дать все для их обеспечения, и сразу: «Собаки» – вот то название, которое дали крестьяне-переселенцы туземцам и обращение с ними было соответствующее. Переселенцы выискали источник постоянного дохода с киргиз. Киргизские пастбища были рядом с землями но-

[1] Восстание 1916 г. в Киргизстане: документы и материалы / под ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова. М., 1937. С. 1–12.
[2] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А. Л. 475–495.

вых переселенцев. Начались форменные набеги на скот туземцев. Его отбирали от пастухов с киргизской земли, гнали в поселок, а приехавшим за скотом киргизам заявляли, что скот взят за потраву на земле, принадлежащей поселку, и требовали за потраву деньги 1, 2 и 3 рубля с головы. Возвращаясь с летних пастбищ, некоторые киргизы волей неволей должны были прогонять скот по занятым под земли поселков участки, хотя бы даже и необработанным, который вытравливал часть пути. Киргизы редко обращались к судебной или административной власти, и вообще подобное обращение мало давало результатов, так как администрация, малочисленная по своему составу, не имела ни времени, ни возможности, а частью и желания разбираться в этих делах, почему туземцы предпочитали улаживать дело миром, уплачивая за мнимую потраву. Общий тон переселенцев-новоселов был: "нам должно быть дано все, туземцы – собаки, и с ними церемониться нечего". Это презрительное отношение к туземцам-киргизам мало-помалу передалось и староселам, и казакам, жившим раньше в добрососедских отношениях с киргизами»[1].

— Четвертой причиной восстания являлось резкое ухудшение экономического положения казахского населения в связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной, злоупотребления местной администрации: «С начала текущей войны местная русская администрация призвала киргиз к пожертвованиям деньгами, юртами, кошмами (войлок), одеялами, пойпаками (войлочные чулки) и т.д. Вначале киргизы охотно жертвовали, но затем пожертвования приняли форму вымогательства. Сами сборы этих пожертвований были в корне поставлены неправильно. Все уездные начальники области друг перед другом старались доставить возможно большее число пожертвований, и число пожертвований учитывалось высшей областной властью как распорядительность уездных начальников. Сборы производились администрацией через тех же "почетных лиц" и "манапов" и велись в крупных размерах. Постоянно внушалось киргизам: "вы не идете на войну, поэтому должны жертвовать". Пожертвования выколачивались с бедных киргиз "почетными" и "манапами". Но и они в свою очередь разъясняли, что киргиз не берут на "войну" и они поэтому должны давать. И здесь были злоупотребления туземной администрации, которая часть пожертвований утаивала себе… Кроме того, само русское население принимало участие в вызове сомнений между киргизами: "Вот погонят в окопы да всех перебьют, что с вами церемониться, так вам и надо. Когда же вас в солдаты берут"», – из доклада заведующего Верненским жандарским розыскным пунктом в ноябре 1916 г.[2]

Все перечисленные выше причины создали ту почву и то настроение, которое после сильного толчка, которым послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о «Реквизиции» на тыловые работы, привели к национальному восстанию казахского населения, которое принесло страдание, гонение и обнищание казахскому населению.

[1] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А. Л. 475–495.

[2] Там же. Л. 495–505.

Общее количество казачьих войск в июле 1916 г. в Семиреченской области составляло: «3 дружины Государственного ополчения (в Верном, Джаркенте и Копале). 3-й казачий Семиреченский полк (в Джаркенте и Бахты). 3 карательные команды (в Пишпеке, Пржевальске и ст. Сергиопольске)» – отмечал в докладной записке начальник Генерального штаба генерал М.А. Беляев временному управляющему Военным министерством П.А. Фролову от 27 июля 1916 г.[1]

Однако таким количеством карательных войск царизм не ограничился, и для подавления восстания были переброшены казачьи сотни из других регионов, что наглядно представлено на «Карте № 4 Семиреченской области с обозначением районов, охваченных восстанием». Красной линией обозначены места, охваченные восстанием, черной линией – движение карательных отрядов[2].

Данная карта являлась приложением к «Рапорту генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина императору Николаю II о восстании в Туркестанском крае и мерах по его подавлению от 22 февраля 1917 г.», в котором имелось описание данного картографического документа.

В «Рапорте» имелись данные о ходе восстания, отмечались главные очаги и методы организации восставших, давались сведения по движению колониальных войск для подавления восстания, количеству жертв восстания в Семиреченской области из гражданского населения: «Первые сведения о восстании киргизского населения были получены 6 августа; в этот день в юго-восточной части Верненского уезда, в долине реки Асы, две волости оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного начальника, прибывшему для составления списков рабочих. Того же числа в районе станции Самсу, в 80 верстах к западу от Верного, киргизы испортили телеграф и нарушили правильность почтового сообщения, а также разрушили почтовые станции, совершая разбойные нападения на почту, забирая имущество и пассажиров и угоняя лошадей. К 9 августа уже были разгромлены все почтовые станции от Курдая до Верного. Затем восстанием было охвачено 6 волостей в окрестностях г. Пишпека и Токмака и прервано всякое сообщение с Пржевальском; одновременно началось восстание и в окрестностях Пржевальска. В действиях восставшего населения замечалась некоторая организованность: часть их имела особые значки-знамена; у некоторых на шапках были надеты однообразные металлические бляхи, применялась сигнализация для передачи сведений о движении колониальных отрядов; в горах были устроены мастерские для изготовления пороха и изготовления холодного оружия. Главными очагами восстания явились горные местности

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2464. Л. 74–74 об.

[2] Карта № 4 Семиреченской области с обозначением районов, охваченных восстанием». Масштаб: в 1 дюйме 40 верст. [22 февраля 1917 г.] Приложение к рапорту А.Н. Куропаткина Николаю II от 22 февраля 1917 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5105.

южной части Пишпекского уезда и весь Пржевальский уезд с прилегающей к нему южной частью Джаркентского уезда. В остальных уездах Семиреченской области хотя и не было столь резких проявлений мятежа, но замечалось брожение среди казахского населения. Около 17 волостей северной части Джаркентского уезда несколько кочевых волостей из Прибалхашского района Верненского, Копальского и Лепсинского уездов собирались переселяться в Китай»[1].

Для военного подавления восстания Семиреченских казахов из других областей края было направлено 3 ½ дружины, 7 рот стрелков из состава запасных полков, 5 сотен и 14 орудий. Войска эти высланы были в Семиречье в трех направлениях: со стороны Андижана – на Нарынское укрепление, со стороны Черняево (Шымкент) – вдоль почтового тракта на Пишпек (Бишкек) и Токмак и кружным путем по железным дорогам на Семипалатинск и оттуда походом на Сергиополь – Лепсинск – Верный.

Кроме того, из действующей армии присланы были два казачьих полка с казачьей батареей и двумя пулеметными командами, из них – 7-й Оренбургский полк, через Семипалатинск на Верный.

С прибытием этих карательных войск восставшее казахское население оттеснено было в пограничные горы, терпя недостаток в продовольствии, теряя скот от недостатка в горах подножного корма.

По доставленным уездными начальниками сведениям, «число жертв восстания в Семиреченской области из гражданского населения выражается в следующих цифрах:

В Верненском уезде убито 16 чел.

Джаркентском 32 чел.

Без вести пропали 20 чел.

В Пишпекском уезде убито 98 чел.

Без вести пропало 65 чел.

В Пржевальском уезде убито 2179 чел.

Без вести пропало 1299 чел.»[2].

Следует обратить внимание на следующий факт, что в национально-освободительном восстании 1916 г. принимали участие коренные жители различных национальностей Средней Азии, которые вели как оседлый, так и полукочевой образ жизни, это наглядно представлено в картографических документах:

— «“Схема повреждения телеграфной линии мятежниками-йомудами в 1916 г.” (территория современной Туркмении) является приложением к секретному донесению начальника Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 1–10 об.

[2] Там же. Л. 10–15 об.

Семиреченской области от 23 января 1917 г. Выполнена без масштаба черной тушью. На картосхеме отмечены населенные пункты и города (Красноводск, Чикишдярь, Кизило-арват, Ашхабат и т.д.); географические объекты (Каспийское море). На схеме показаны пути прохождения телеграфного кабеля, отмечены места его повреждения восставшими. Телеграфные кабели в конце XIX–XX в. имели стратегическое значение. Они играли существенную роль в военном деле, решении политических вопросов, развитии экономических и культурных связей. Поэтому нарушение работы телеграфных кабелей восставшими, приводило к снижению наступательной активности и организованности карательных войск царизма. "Схема повреждения телеграфной линии мятежниками-йомудами в 1916 г." документально и визуально показывает размах и участие в восстании туркменского населения»[1].

— «"Схема района повреждений телеграфа во время мятежа сартов в 1916 г." – выполнена без масштаба черной тушью. На картосхеме отмечены населенные пункты и города: Катта-курган, Самарканд, Джизак, Черняево (Шымкент). Отмечены пути прохождения телеграфного кабеля и места его повреждения восставшими. Данная схема компактно дает емкую информацию об основных очагах военных действий и масштабах разрушений, а также отражает участие оседлого населения (территории Узбекистана и Казахстана в XXI в.) в национально-освободительном восстании 1916 г. Оседлое население региона своими действиями деактивировало телеграф, необходимый для стратегических наступательных действий карательных войск царизма»[2].

— «"Схема района повреждений телеграфной линии мятежными киргизами в 1916 г." – выполнена без масштаба черной тушью, отмечены города и населенные пункты (Мерке, Беловодское, Пржевальск, Казанско-Богородское, Верный); географические объекты (озеро Иссык-Куль). Самые крупные повреждения телеграфных линий отмечаются в Семиреченской области, в районе Казанско-Богородского и г. Верного. В описании схемы отмечается, что "В Семиречье восстанием были охвачены Пишпекский и Пржевальский, часть Верненского и Аулие-Атинского уездов. Повреждения телеграфных линий и разгром почтовых станций вызвали к прекращению телеграфного действия на участках Пишпек – Верный, Пишпек – Пржевальск и Рыбачье – Нарын. Восставшие первоначально повредили телеграфную линию на учас-

[1] «Схема повреждения телеграфной линии мятежниками-омудами»: Приложение к секретному донесению Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в Семиреченской области от 23 января 1917 г. // РГИА РФ. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1265. Л. 133.

[2] «Схема района повреждений телеграфа во время мятежа сартов в 1916 г.»: Приложение к секретному донесению Туркестанского почтово-телеграфного округа С.П. Орлова начальнику Главного управления почт и телеграфов МВД В.Б. Похвисневу о нарушении почтового и телеграфного сообщения в Семиреченской области от 23 января 1917 г. // РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1265. Л. 134.

тке Пишпек – Казанско-Богородское, вследствие чего 6 августа с 15 часов прекращена была связь Ташкента с Верным по 178 и 905 проводам. Первое донесение о повреждении линии было получено от начальника почтово-телеграфного отделения Казанско-Богородское"»[1].

Последствия национально освободительного восстания в Семиречье в 1916 г. оказались крайне тяжелыми для казахского населения. Настроение казахского населения было подавленное, так как воинские команды, казаков и переселенцев помимо активных военных действий против восставших занимались грабежами мирного казахского населения, это отмечалось в докладах царских чиновников:

— «В Семиреченской области в районах, которые были охвачены восстанием, положение киргизского населения было крайне тяжелое, не имея запасов продуктов первой необходимости, они принуждены спускаться в русские поселки и обращаться за покупкою к русскому населению, которое ввиду понятного озлобления совершенно не идет им в этом отношении навстречу. Насколько мне известно, были даже случаи кровавой расправы с киргизами, приближавшимися к русским поселкам за различными покупками. Такое положение, безусловно, ненормально, и спешно необходимо принять меры к его урегулированию, иначе на почве голода возможны новые крупные эксцессы», – докладывал А.Н. Куропаткин в октябре 1916 г.[2]

— «Казаки-станичники станиц Каскеленской, станицы Джаланаш и станицы Николаевской награбили массу киргизского добра», – отмечал в докладе заведующий Верненским жандармским розыскным пунктом в ноябре 1916 г.[3]

В октябре 1916 г. началась отправка мужского населения Семиречья на тыловые работы «29 октября в направлении от Лепсинска на Семипалатинск отправлено 8 партий рабочих-киргиз, численностью 2000 человек каждая», – сообщалось военному министру Д.С. Шувалову 31 октября 1916 г.[4]

Таким образом, национально-освободительное восстание 1916 г. в Семиречье принесло разорение и обнищание казахскому населению. Восстание в Семиречье способствовало обострению политического и социально-экономического кризиса Российской империи и в дальнейшем – ее краху. Исследование причин, истории и последствий национально-освободительного восстания в Семиречье в 1916 г. с помощью картографических источников представляет особую ценность. Так, при помощи старых карт, планов, схем можно наглядно показать, в чем были причины восстания, месторасположения очагов восстания, пространственную динамику различных этапов национально-освободительной борьбы казахского народа Семиречья с такой точностью, с какой их нельзя передать ни в каком описании.

---

[1] «Схема района повреждений телеграфной линии мятежными киргизами в 1916 г.» // РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1265. Л. 135.

[2] ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 20070. Л. 161–163 об.

[3] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933 А. Л. 500–505.

[4] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 395.

Несмотря на то, что картографические исследования выполняли далекие от науки задачи, тем не менее эти исследования осуществлялись с применением методов военно-топографического описания, в результате чего были заложены основы реального изучения территории Казахстана. Карты во все времена (при всем их относительном несовершенстве) всегда имели общегосударственное значение и являлись письменными памятниками своей эпохи. Старинные карты не потеряли и никогда не потеряют своего значения, как уникальные документы, в которых зафиксированы сведения о географии территории, административно-территориальном делении, о нарастающих темпах переселенческого движения, об очагах национально-освободительного восстания, о путях следования военных отрядов и т.д.[1]

Рассмотрение картографических документов с привлечением статистических и социально-экономических материалов позволяет исследователям выявить новые подробности истории национально-освободительного восстания 1916 г. в Семиречье, а также избежать возможных ошибок при интерпретации исторических малоисследованных фактов, провести проверку нарративных и фольклорных источников, заметно углубить и обогатить исторические знания. Введение в научный оборот картографических документов, является важным элементом познания прошлого, расширения культурного кругозора, средством формирования мировоззрения подрастающего поколения.

Следует, изучать картографические источники не изолированно, а как части картографии определенной эпохи во всех ее взаимосвязях и взаимообусловленностях с развитием смежных областей знаний, на базе глубокого знания социально-экономических и политических условий, без учета которых невозможна квалифицированная интерпретация источников такого типа. Значительные успехи в изучении старых карт могут быть достигнуты благодаря применению для их анализа современных достижений естественных наук с привлечением методов математического (главным образом статистического) анализа точности содержания карт и на основе применения географо-информационных технологий.

События 1916 г. в Тургайской области по донесениям Оренбургского губернского жандармского управления

Первое предостережение о «противоправительственном брожении среди киргиз» поступило в Оренбургское губернское жандармское управление 24 сентября 1914 г. от губернатора Тургайский области Михаила Михайловича

[1] *Ксенжик Г.Н.* Картографические документы: источник по истории Казахстана: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 550-летию казахского ханства «Теория и методология исторической науки». Костанай, 27 марта 2015 г. С. 231–235.

Эверсмана. Его сообщение основывалось на сведениях начальника жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги, опасавшегося за целостность дороги и жизни ее служащих.

Губернатор счел подобные сведения оскорбительными для киргизов в высочайше вверенной ему области. Он ни минуты не сомневался в их высокопатриотическом настроении. Подтверждением тому служили ежедневно получаемые им со всех концов области приговоры с выражением верноподданнических чувств и щедрыми пожертвованиями на нужды войны. Однако за неимением достаточного числа полицейских чинов, Эверсман не мог поручиться за то, что «среди киргиз не болтается посторонних лиц, занимающихся пропагандой в пользу Турции».

В этой ситуации губернатор предложил всем уездным начальникам усилить надзор, тщательно проверить это обстоятельство, негласно «наблюсти за турецкими подданными и об оказавшемся донести» ему по телеграфу… По отношению к киргизам губернатор просил «быть крайне осторожными, дабы не обидеть их напрасным подозрением…»[1]

28 сентября 1914 г. в ответном письме Эверсману начальник Оренбургского губернского жандармского управления генерал-майор Бабич сообщил результаты «произведенного ими разведывания настроения киргизов», из которых «видно, что никакой противоправительственной агитации в среде киргиз не замечается и совершаемые ими добровольные пожертвования на нужды войны могут служить убедительным доказательством их неподдельного, патриотического чувства»[2].

Таким образом, губернатор Тургайской области не допускал возможности антиправительственных выступлений среди киргизов Тургайской области. События, развернувшиеся после выхода указа императора Николая II от 25 июня 1916 г. о направлении на тыловые работы в прифронтовых районах Первой мировой войны для властей Тургайской области, уверенных в верноподданнических чувствах киргизов, были неожиданными.

Первая разъяснительная работа среди населения не дала ожидаемого результата. Большинство киргизов смысла Высочайшего повеления не поняли и отправляться на тыловые работы не собирались. Обращения губернатора в местной печати о необходимости таких работ во время войны они не читали. Уже в июне 1916 г. начались первые волнения.

30 июня 1916 г. чиновник департамента полиции коллежский секретарь Чагин сообщил начальнику Оренбургского губернского жандармского управ-

---

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 98–98 об. Начальником жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги с 26.10.1913 был полковник Татаринов Иван Васильевич.

[2] Там же. Л. 104–104 об. Генерал-майор Бабич 28 сентября 1914 г. сообщил, что во время обыска у турецкого подданного Аристид Харлама Киюркци-Оглы, проживавшего в г. Актюбинске, найден браунинг с сотней к нему боевых патронов. За отсутствием разрешительного свидетельства оружие было изъято.

ления, в распоряжении которого он состоял, о прибытии на станцию Челкар Ташкентской железной дороги киргизов, призванных в действующую армию для тыловых работ, и последующих событиях. По сведениям Чагина, на второй день мобилизации рабочие-киргизы, работающие на станции Челкар Тургайской области и на других станциях до Оренбурга, все до одного человека с работ ушли.

Многие «не получая расчета и со всеми кибитками, которые ранее были расположены вдоль линии железной дороги, отошли верст на 30–40 от станции Челкар, в местность Джумарт, где расположились бивуаком, около 1000 кибиток, что составляет 4 волости, и, по сведениям, выслали своих делегатов в Иргиз, где под председательством вице-губернатора, должно было состояться совещание по урегулированию вопроса о призыве киргиз»[1].

Воспротивились распоряжениям властей о призыве по объявлению мобилизации инородцев и киргизы Актюбинского уезда. Согласно документам Оренбургского жандармского управления, они устраивали нападения на волостных управителей и писарей, а также запугивали русское население поджогами, грабежами и убийствами[2].

Так, 12 июля в поселке Кос-Истеке Актюбинского уезда были захвачены два писаря (вместе с извозчиком) Алимбетовской и Тереклинской волостей, принимавших участие в составлении списков призывников у крестьянского начальника. Также «бесследно исчезли проезжавшие по степи Алимбетовской волости русские поселяне (в том числе Кос-Исетского поселка: Яков Зубов с работником, Антон Мокшанов и Даниил Колесников) вместе с фургонами и лошадьми»[3].

12 июля был совершен налет возбужденной толпы киргизов численностью около 300 человек на управителя Карабалыкской волости Саима Кадырова, его писарей и аульного старшину Ахмета Жусанова, пытавшихся составить списки киргизов на тыловые работы и призывников в действующую армию. Несмотря на выдачу делопроизводства, «киргизы ворвались в кибитку и вытащили Кадырова в толпу, которая набросилась на него»[4].

Аульный старшина Жусанов успел скрыться в ближайшем озере, где просидел до вечера, пока бесчинствующая толпа киргизов не удалилась. Возвратившись на место происшествия, аульный старшина Жусанов обнаружил недалеко от кибитки труп Саима Кадырова «с отрезанным одним пальцем на руке, с трупа была снята одежда, обувь, кольцо, все документы и бывшие при управителе Кадырове казенные деньги в сумме 4323 руб.; и также похищены две лошади в запряжке и все имущество Кадырова, находящиеся при нем»[5].

---

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 302–303.

[2] Там же. Л. 315.

[3] Там же. Л. 317.

[4] Там же. Л. 297–298.

[5] Бывший с Кадыровым волостной писарь тоже подвергся нападению со стороны этих же киргизов, но его не тронули.

Помощник начальника ОГЖУ в Троицком и Верхнеуральском уездах подполковник Н.В. Кучин в донесении своему начальнику писал, что «Кадыровское дело» является сугубо личным и киргизы просто сводили с Кадыровым счеты, как с лицом, не пользовавшимся с их стороны доверием. Недоверие это выражалось в неправильном ведении регистрационных списков по киргизским волостям, составлявшимся задолго до объявления войны[1].

Как выяснилось, недобросовестные волостные старшины помещали в регистрационные списки несовершеннолетних детей и престарелых киргизов, изменяя их возраст, чтобы потом получать перевес голосов при выборах старшин. Когда было объявлено о призыве киргизов на тыловые работы, то лица, не достигшие призывного возраста, оказались призывными, также как и не подлежавшие призыву старые киргизы.

Однако «кадыровским делом» недовольства киргиз не ограничились. По данным губернского жандармского управления, 14 июля киргизами было совершено вооруженное нападение на почту, следующую из г. Орска в г. Актюбинск с целью «уничтожить призывные списки; почтальон выстрелом из револьвера убил лошадь под одним из киргизов, после чего они отступили, но преследовали издали до первой станции»[2].

18 июля партия киргизов, проезжавшая через поселок Дальний Петропавловской волости Актюбинского уезда, «разграбила лавку Панченко, объясняя это тем, что они – солдаты и им можно брать, что угодно, также угрожали русским, что они их вырежут и пожгут». Постановлением Тургайского губернатора за грабеж лавки и угрозы русскому населению «было арестовано 4 киргиза; 17 человек были подвергнуты трехмесячному аресту». В тот же день «при чтении Токанским волостным управителем в мечети Высочайшего указа о призыве инородцев находившиеся там киргизы, не дав дочитать Указ, набросились на управителя, намереваясь его убить, но были остановлены аксакалами»[3].

19 июля на реке Джус толпой киргизов численностью до 300 человек были арестованы Джилкуарский волостной управитель Кустанайского уезда Наизбаев с писарем Барановым и аульными старшинами, направлявшимися в г. Орск к крестьянскому начальнику. Задержанным удалось вырваться из плена, но посемейные списки им сохранить не удалось, они оказались уничтоженными. Не были пропущены с посемейными списками в Орск и пред-

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 309.

[2] Там же. Л. 315 об.

[3] Там же. Л. 310–312 об. Донесение унтер-офицера Труханова № 95 от августа 1916 г. Он сообщает, что чины полиции не появлялись в поселках Каменецкий, Брацлавский и других Кустанайской волости, и хотя нападений на русские поселки не было, но в адрес их жителей слышали угрозы со стороны киргизов. «Киргизы предоставлены сами себе, чувствуют, что могут делать, что им хочется, оставаясь безнаказанными, что влияет на них разлагающе, и в этом они видят какое-то безвластие».

ставители местной власти Джитагаринской, Аккаргинской и Суундукской волостей Кустанайского уезда[1].

Служащим жандармского управления было дано задание побывать в подведомственных им Актюбинском и Кустанайском уездах и выяснить причины волнений среди киргизов по случаю призыва их на работы в тылу армии. Было установлено, что большинство беспорядков произошло под влиянием агитирующих за отказ от выполнения Высочайшего повеления лиц из среды самих киргизов.

Так, в Токанской волости Актюбинского уезда против призыва киргизов агитировали: учитель из № 2 аула Джикинеев Нуржан, житель Журукбаев Альмин и житель № 1 аула Идельбаев Макан. Руководителями беспорядков при нападении 19 июля «в Кустанайском уезде на Джалкуарского волостного управителя Найзабаева и писарей, когда были отобраны печати и посемейные списки, были киргизы: № 3 аула Калынбай Кульбарсов и Брашкул Турумбетов, № 9 аула Нурман Баймухаметов. Также выяснилось, что аульный старшина № 6 аула Суундукской волости Кустанайского уезда по имени Кирман воспользовался замешательством русского населения и явился на мельницу Алексеева с требованием отпустить ему муки безвозмездно, что Алексеев и выполнил»[2].

Среди причин волнений киргизов отмечались: злоупотребления волостных управителей при составлении списков; призыв значительного количества разных возрастов; призыв на работы «совершился не по почину Верховной власти, а по представлению местных административных властей»; старшины продали их и делают поблажки богатым киргизам. На самом деле, по мнению служащих ОГЖУ, эти причины «являются лишь только предлогом, так как киргизы, в общем, не желают идти на работы в тылу армии и всякими способами противодействуют распоряжениям властей означенному призыву»[3].

«Крестьянские начальники вместо того, чтобы принять энергичные меры и разъяснить киргизам Высочайшее повеление, ничего не предприняли». В этом убедился прибывший на место происшествия Тургайский губернатор Эверсман, который лично приступил к ликвидации брожения среди киргизов. Принятые им репрессивные меры заставили несколько успокоиться киргизское население.

Для устранения «каких-либо в будущем случайностей и парализования их в корне» в Кустанайский уезд по распоряжению губернатора Эверсмана были командированы две сотни оренбургских казаков и одна сотня донских казаков. К киргизам были командированы крестьянские начальники, на этот

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 315 об.

[2] Там же. Л. 319–319 об. В Тургайском уезде против призыва на работы выступали также муллы Беис Минбаев и Ахат Муслимманов, которые заявляли: «Идти против России – наш священный долг».

[3] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 315 об.

раз разъяснившие цели и условия призыва. В частности, что на тыловых работах полагаются плата и пища, чему многие инородцы были удивлены. Эти меры позволили установить в Кустанае, по сообщению подполковника Кучина, «полное спокойствие, и начальствующие лица ходят и ездят без всякого конвоя»[1].

Ввиду постоянных обращений киргизов к Тургайскому губернатору за разъяснениями по поводу призыва Эверсман предложил выбранным лицам (аксакалам – старшим в роде) явиться в г. Оренбург на частное совещание. Во время совещания, состоявшегося 5 августа, уполномоченные обратились к губернатору с просьбой разрешить им проведение собрания для обсуждения вопросов, связанных с отсрочкой призыва киргизов на работы.

Собрание состоялось 7 августа в здании Тургайского областного правления. Однако, несмотря на то, что оно было разрешено губернатором исключительно для обсуждения вопросов, связанных с призывом киргизов на тыловые работы, некоторые представители стали обличать власти. Они возложили вину за беспорядки на администрацию и вынесли резолюцию о необходимости отсрочить призыв рабочих: для северных уездов – до 1 января 1917 г., а для южных – до 15 марта того же года.

По сведениям полковника Павла Петровича Кашинцева, нового начальника Оренбургского жандармского управления, объявленная отсрочка от работ внесла некоторое успокоение в инородческое население, однако киргизы вели «пассивную борьбу за отмену Высочайшего повеления и в этих целях устраивают совещания, подают ходатайства о дальнейшей отсрочке, отказываются от доставки почты по поселкам и тому подобное»[2].

17 августа 1916 г. коллежский секретарь Чагин сообщил начальнику Оренбургского губернского жандармского управления, что на станции Челкар Ташкентской железной дороги «стали появляться небольшими группами киргизы из Кустаная, которые стараются попасть рабочими на железную дорогу, преследуя мысль, что служащие на железной дороге не призываются». Мастеру 8-го участка ст. Челкар Французову удалось узнать у киргиза Исмагила Байсанова, ранее работавшего у него, что на ст. Челкар якобы собираются сделать набег около 700 киргизов. По этим сообщениям были приняты срочные меры, охрана железной дороги была усилена[3].

По данным управления, с 15 октября 1916 г. в призывном районе Иргизского уезда было принято всего 46 человек, в Урда-Кунганской волости – 8 человек (с учетом пос. Челкар). Некоторые аульные старшины привозили в призывные пункты калек и бедных, которые не могли сопротивляться власти старшин. Молодые и все здоровые киргизы, подлежавшие призыву, уехали в степь и там собирались огромными толпами[4].

---

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 301.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 302 об. – 303.

[4] Там же. Л. 385–386.

Указ о высочайшем призыве на военные работы вызвал большой протест у киргизов Аманкульской волости, которые производили насилие над мирными киргизами, заставляя их присоединяться к ним. Восставшие угоняли скот, совершали драки и убийства, имущество русских грабили или сжигали[1]. По распоряжению Тургайского вице-губернатора из г. Иргиза в степь для преследования киргизов был командирован взвод казаков из 50 человек под командой прапорщика Репина. Именно ему предстояло вступить в первый бой.

Как сообщал в своем донесении в жандармское управление от 21 октября 1916 г. Иргизский уездный начальник Тургайской области, команда казаков прибыла на Бостай, расположенный в 60–65 верстах от Иргиза в ночь с 18 на 19 октября. Утром 19 октября были замечены вооруженные пиками и ружьями дозоры от табора мятежных киргизов, затем стали быстро собираться большие группы вооруженных киргизов. В 11 часов утра группа всадников численностью 600 человек пошла в атаку.

«Избрав пункт обороны, – писал иргизский уездный начальник, – мы приняли атаку встречным наступлением. Во время этой атаки был ранен секирой в голову один казак нашего отряда; со стороны же киргиз было несколько убитых, не менее 10 человек и значительно больше раненых. Атака киргиз вследствие нашего огня не получила дальнейшего развития, и атакующая группа скрылась в ближайших барханах.

Следом за этим вооруженные киргизы численностью не менее 2500 всадников окружили нашу позицию, причем подкрепление к ним продолжало прибывать. Часа через два со стороны киргиз присланы были парламентеры для переговоров». Результатом переговоров, длившихся до захода солнца, стал: со стороны киргизов – возврат трех лошадей, бежавших во время атаки и пойманных ими; со стороны казаков – передача киргизам аксакалов, прибывших из города. После этого отряд казаков возвратился в город[2].

О дальнейших бесчинствах киргизов сообщал в своем отчете ОГЖУ унтер-офицер Берлин: «Около 20 октября с/г был случай нападения на конную почту, отправленную из г. Иргиза в г. Тургай, заведующий почтой взят в плен, два почтальона убиты и почта разграблена. Для розыска этих мятежников была выслана полусотня казаков с одним прапорщиком, которая также поверглась нападению киргиз в тысячи полторы, вооруженных ружьями, завязалась перестрелка, убитых казаков не было, но пять лошадей были угнаны киргизами, казакам пришлось отступить»[3].

25 октября из Челкара в Иргиз была отправлена дополнительная команда казаков запасной сотни Оренбургского казачьего войска и несколько человек пехоты при одном пулемете. 30 октября из Челкара в г. Актюбинск отбыла запасная сотня 2-го Оренбургского казачьего полка. В тот же день в Челкар, где

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 388.
[2] Там же. Л. 383–383 об.
[3] Там же. Л. 385–386.

находились 15 прапорщиков и 96 нижних чинов 128-го пехотного запасного полка из г. Златоуста, прибыли 130 нижних чинов и 3 прапорщика 4-го Оренбургского казачьего полка[1].

Нашли свое подтверждение и слухи о возможном окружении Тургая, о которых служащие ОГЖУ сообщали не раз в своих донесениях. 22 октября 1916 г. Тургай был окружен 15-тысячным войском киргизских мятежников во главе с Амангельды Имановым. Началась осада города и контроль прилегающей местности. 31 октября от г. Тургая до г. Иргиза было прекращено всякое сообщение, телеграф порван. В Челкар из Ташкента ожидалась пулеметная команда и несколько воинских чинов. Как сообщал унтер-офицер Берлин, «к 1 ноября из г. Оренбурга должны прибыть 123 казака, 75 нижних чинов при 2 орудиях и двух зарядных ящиках. В Челкаре приготовлено 30 кибиток, которые будут отправлены и расставлены от г. Иргиза до г. Тургая для постоя воинских чинов»[2].

1 ноября 1916 г. в Челкар для подавления беспорядков, как это следовало из донесения унтер-офицера Турханова, «прибыл эшелон в составе пяти рот воинского состава от 100, 102, 104, 130-го и 143-го запасных полков, трех сотен Донского казачьего войска, одной сотни Оренбургского казачьего войска, двух взводов пешей артиллерии при двух пулеметах и того же числа две сотни отправлены в Иргиз, а остальная часть отряда отправится в Иргиз во главе с генерал-лейтенантом Лаврентьевым…»

Таким образом, корпус под руководством генерал-лейтенанта Лаврентьева первым вышел на помощь осажденным. 4 ноября авангард войск подошел к Иргизу. Навстречу корпусу готовы были выступить всадники из войска Иманова, извещенные о приближении отряда Лаврентьева. «Киргизы скопились и стоят в 40 верстах от г. Иргиза по направлению к г. Тургаю», – говорилось в донесении Турханова[3].

6 ноября восставшие пытались штурмовать Тургай. Численность всадников, атаковавших город, составляла, по приблизительным подсчетам, 12 тысяч человек. Однако жители города и гарнизон во главе с капитаном К.П. Загайным соорудили баррикады, которые и помогли им отстоять Тургай. Тем не менее материальный ущерб от поджога окраинных жилищ и разграбленного в них имущества составил около миллиона рублей[4].

7 ноября частям отряда Уржунцева, входящего в состав отряда Лаврентьева, удалось занять станцию Балпан. Авангард отряда Лаврентьева, несмотря на тяжелейшие погодные условия, к 10 ноября прибыл на станцию Ак-Чеганак, что в 64 километрах от Тургая. 14 ноября подоспело подкреп-

[1] ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 385–386.
[2] Там же. Л. 385–386.
[3] Там же. Л. 301.
[4] *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917). М., 2008. С. 528.

ление, и экспедиционный отряд был усилен отрядами уральских особых казачьих сотен, ротой 95-го запасного пехотного полка и многими другими воинскими подразделениями.

В тот же день одному из подразделений экспедиционного отряда пришлось применить артиллерию при столкновении с 12-тысячным отрядом повстанцев. Киргизы отошли к урочищу Батпак-кара, расположенному в ста пятидесяти километрах от Тургая. Бои в этой местности были одними из самых ожесточенных в Тургайской области. Отсюда мятежники устраивали вылазки и рейды на правительственные войска, действуя партизанскими методами. 16 ноября Тургайский отряд подполковника 197-го пехотного Лесного полка В.В. Котомина вошел в Тургай[1].

Таким образом, анализ материалов Оренбургского губернского жандармского управления позволяет сделать вывод о том, что донесения о настроениях киргизов, причинах волнений, передвижениях повстанцев в разгар событий 1916 г. в Тургайской области были оперативными и своевременно доводились до властей. Командование же Казанского военного округа – генерал от инфантерии А.Г. Сандецкий и Тургайский губернатор М.М. Эверсман – не всегда вовремя реагировали на сообщения ОГЖУ, недооценивая последствия и масштабность событий.

Рапорт А.Н. Куропаткина Николаю II как источник для изучения причин восстания 1916 года в Туркестане

Давно уже разрушены стереотипы об А.Н. Куропаткине, как бездарном полководце, проигравшем Русско-японскую войну. Из-за позорных поражений на фронтах Алексей Николаевич долгое время оставался в числе людей, лишенных доброй памяти в истории. Ряд проигранных им сражений привел к его отставке, очень тяжело им переживаемой. Однако жизнь этого человека была яркой и разнообразной.

Нас он интересует прежде всего как последний генерал-губернатор Туркестанского края, на долю которого пришлись суровые испытания – мировая война, мощнейшее восстание в Туркестане, революция. Назначая А.Н. Куропаткина генерал-губернатором Туркестана в разгар восстания 22 июля 1916 г., правительство возлагало на него особые надежды, как на героя-ветерана и знатока Азии.

Военная карьера Куропаткина началась в 1866 г. именно в Туркестане, куда он был направлен молодым поручиком после окончания обучения в 1-м военном Павловском училище. Служба в Закаспии в 60–70-х годах XIX в. была неспокойной. Поручик Куропаткин принимал участие в ряде крупных

[1] *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917). М., 2008. С. 530.

и мелких боевых столкновений с войсками Бухарского эмирата и Кокандского ханства. В 1867–1868 гг. он участвовал в походе против бухарцев, затем в штурме Самаркандских высот, в бою на Зербулакских высотах, повторном взятии Самарканда и других боях.

По окончании Академии Генерального штаба он попал в состав экспедиции французских войск в Африку. По возвращении из заграничной командировки Алексей Николаевич попросил направить его вновь в Туркестан. Здесь он служил в подчинении знаменитого «белого генерала» М.Д. Скобелева, с которым был очень дружен. В следующий раз судьба свела их во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., где Скобелев командовал дивизией, а Куропаткин был начальником штаба. В Туркестане Куропаткин участвовал в Кокандском походе 1776 г. В мае 1876 г. он был отправлен во главе посольства к Якуб-беку Кашгарскому для установления границ с Ферганой.

С 1878 г. Куропаткин назначается заведующим Азиатской частью Главного штаба. С 14 августа 1879 г. он – командующий Туркестанской стрелковой бригадой.

В Ахал-Текинской экспедиции 1880 г., Куропаткин являлся начальником авангарда Кульджинского отряда. В октябре 1880 г., будучи начальником Туркестанского отряда, совершил тяжелый 18-дневный переход через пустыню в Амударьинский отдел, где присоединился к войскам генерала Скобелева, действовавшим против Геок-Тепе. При штурме этой крепости 12 января 1881 г. Куропаткин командовал главной штурмовой колонной.

В 1890 г. он был произведен в генерал-лейтенанты и стал начальником Закаспийской области (1890–1898 гг.). Здесь он проявил себя как умелый администратор. За время его управления областью были достигнуты крупные результаты. Закаспийская область из пустынной страны, не имевшей ни дорог, ни городов, со слабыми зачатками торговли и промышленности, с полудиким кочевым населением, промышлявшим грабежом и разбоем, превратилась в благоустроенный край с развитым земледелием, торговлей и промышленностью. Благодаря Куропаткину в области возникли русские школы, была проведена судебная реформа, привлечены многочисленные поселенцы из внутренних губерний.

Административные успехи Куропаткина привели к тому, что в январе 1898 г. он был назначен военным министром России. Однако Русско-японская война 1904–1905 гг. сыграла в судьбе Куропаткина роковую роль.

С началом Первой мировой войны Алексей Николаевич решил вернуться в действующую армию. Куропаткин был назначен командовать гренадерским корпусом. В конце января 1916 г. он получил назначение на пост командующего 5-й армией Северного фронта, а затем и самим Северным фронтом.

Но командовать фронтом Алексею Николаевичу Куропаткину пришлось недолго. 22 июля 1916 г. он был назначен Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. Произошло

это назначение в разгар мощнейшего восстания в Средней Азии. Конечно, ни император, ни сам Куропаткин не предполагали тогда, что он будет последним человеком, занимавшим эту должность.

Как известно, восстание было вызвано Высочайшим повелением императора от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно[1]. Согласно Высочайшему повелению, на работы в прифронтовых районах призывались только из Туркестанского края 250 тыс. человек.

После того как Туркестан был завоеван Россией, коренным народам было гарантировано освобождение от воинской повинности. Данное распоряжение можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это была привилегия, дарованная свыше населению, которое невольно оказалось заложником имперских амбиций России, с другой стороны, эту меру можно рассматривать, как политическую, т.к. мусульманское население недавно присоединенного Туркестана не могло считаться политически благонадежным. Туркестанское население также было освобождено от военного налога. Он был введен только 1 января 1915 г., что объяснялось тяготами военного времени, и составил 21 процент[2].

Согласно императорскому повелению от 25 июня 1916 г., за отбывание трудовой повинности рабочие должны были получать денежное вознаграждение и находиться на полном обеспечении государства. Мобилизация была начата 29 июня 1916 г. 2 июля состоялось совещание у временно исполняющего обязанности туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии М.Р. Ерофеева, в ходе которого краевая администрация пришла к выводу, что наряд призываемых на тыловые работы туркестанцев должен быть уменьшен до 200 тыс. человек[3]. Реализация указа была возложена на низовую администрацию, при этом на совещании была выражена полная уверенность в том, что беспорядков удастся избежать.

Однако сельские и аульные старосты, которым было поручено составление списков мобилизованных, стали распространять нелепые слухи о том, что набор на тыловые работы – на самом деле скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для того, чтобы заселить их земли русскими. К тому же указ пришелся на время рамазана и был воспринят мусульманами как святотатство. Итогом стало самое мощное восстание периода русского владычества, разразившееся через несколько дней

---

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 25–26.

[2] *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 75–76.

[3] *Ковалев П.А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 32–33.

на территории Туркестанского генерал-губернаторства, охватившее затем и Степной край.

Куропаткин начал с того, что заменил несколько должностных лиц из состава российской администрации. Наряду с карательными действиями, проводимыми с особой жестокостью, новый генерал-губернатор делал все возможное, чтобы успокоить население, разъясняя, что царский указ был неверно понят. К началу 1917 г. восстание было почти повсеместно подавлено. Это позволило Куропаткину заняться анализом его причин и последствий.

Рапорт последнего Туркестанского генерал-губернатора Николаю II от 22 февраля 1917 г. является ценнейшим первоисточником по изучению причин и хода восстания.

В рапорте Куропаткина очень подробно описан состав участников восстания, его особенности в различных областях – Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской, представлены цифры по числу погибших из представителей русских переселенцев, администрации и бунтовщиков.

Известно, что в Туркестанском крае восстание началось 4 июля 1916 г. в Ходженте, находящемся в Самаркандской области. Толпа местных жителей, требовавшая отмены царского указа и уничтожения списков, была обстреляна солдатами, после того как в них полетели камни. Итогом стало двое убитых и раненые. 11 июля события повторились в Ташкенте. Убитые были уже с обеих сторон.

Волна народного возмущения прокатилась по другим областям и уездам. В июле в Самаркандской области произошло 25 выступлений, в Сырдарьинской – 20 и в Ферганской – 86[1]. Движение принимало различные формы: от уничтожения списков призывников до открытых массовых вооруженных восстаний, нападений на военные отряды, партизанских действий. Вскоре восстание охватило девять областей с более чем 10-миллионным населением.

В рапорте Куропаткина отмечается, что из всех выступлений, имевших место в Самаркандской области, лишь беспорядки в Джизакском уезде «приняли форму открытого восстания»[2].

13 июля, когда в Джизаке стали известны подробности ташкентского восстания 11 июля, религиозные проповедники стали подстрекать народ к тому, чтобы захватить списки мобилизованных на тыловые работы. Навстречу разъяренной толпе вышли начальник уезда полковник П.И. Рукин, пристав полиции П.Д. Зотоглов, волостной старшина, переводчик и два полицейских[3]. Полковник Рукин по-узбекски пытался уговорить восставших людей разойтись, однако был сбит с ног и растерзан толпой. Та же участь постигла всех его сопровождавших. Тела убитых были не просто обезображены, но бук-

[1] *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 176.

[2] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол «Б». Оп. 486. Д. 252 б. Л. 23.

[3] *Глущенко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 546.

вально разорваны на куски. Впоследствии следователи с трудом идентифицировали останки[1].

Джизакский бунт продолжался четыре дня. По всему Джизакскому уезду, согласно рапорту А.Н. Куропаткина, погибло «от рук мятежников 83 человека русских людей; 20 человек оказались ранеными, и сверх того было захвачено и уведено в плен до 70 человек, преимущественно женщин и детей, причем большинство женщин были изнасилованы»[2]. Для подавления мятежа в Джизаке был направлен особый карательный отряд под командованием полковника П.П. Иванова. При подавлении восстания применялись артиллерийские орудия и пулеметы, мятежные кишлаки сжигали.

По сравнению с Самаркандской в Сырдарьинской области, согласно рапорту, беспорядки были незначительными и выражались в основном в противодействии чинам туземной администрации, каковых было убито 6 человек. В результате нападения на русские поселки были убиты 45 человек. Особенно пострадало поселение Ново-Троицкое, находившееся на значительном расстоянии от других русских поселков.

Особенностью беспорядков в Ферганской области Куропаткин называет участие в них молодежи – учеников медресе, что имело место в Андижане. Следовательно, к недовольству населения составлением списков коренных жителей на тыловые работы прибавилась и межрелигиозная рознь. В Намангане было убито 12 местных жителей. С противодействующей стороны потери составили – 1 русский стражник и 11 чинов туземной администрации.

В беспорядках в Семиреченской области, начавшихся 6 августа, Куропаткин отмечает некоторую организованность, выражавшуюся в наличии значков-знамен, применении сигнализации и т.п. Поскольку в Семиречье русских поселенцев обосновалось гораздо больше, чем в других областях, здесь в августе-сентябре развернулась настоящая война между местными жителями и русскими крестьянами. Для усмирения восставших, по свидетельству Куропаткина, было направлено 3 дружины, 7 рот стрелков из состава запасных полков, 5 сотен казаков и 14 орудий[3]. Здесь было больше всего погибших. Восстание в Семиречье было самым сильным и затяжным.

Анализируя положение в Закаспийской области, Куропаткин обращает внимание на различие в поведении туркмен-текинцев и туркмен-йомудов. С текинцами проблем не возникло. Ранее из их представителей был сформирован конный Текинский полк, который принимал участие в Первой мировой войне. После разъяснения текинцам, что поставляемые ими люди будут нести лишь сторожевую и охранную службу, ими были выполнены все условия. Однако кочевники-йомуды выразили открытое недовольство царским указом, переросшее в открытый мятеж. Беспорядки, имевшие место 15–16 августа,

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 94.
[2] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 23.
[3] Там же. Л. 24.

хотя и имели место, но не отличались большой жестокостью. Восстание йомудов было окончательно подавлено в начале декабря. Многие из восставших перешли в Персию. Куропаткин сообщает, что потери среди русских поселенцев еще не выяснены, но ничтожны[1].

В настоящее время, отмечает Куропаткин, население умиротворено и вынуждено было подчиниться русской власти. Однако, согласно рапорту, беспорядки могут вспыхнуть вновь, т.к. причины еще не все устранены «и положение Туркестанского края еще и в настоящее время не может быть признано спокойным»[2]. Куропаткин называет царский указ для призыва к тыловым работам лишь поводом для беспорядков. Он породил слухи о том, что это завуалированная форма призыва к воинской повинности, от которого коренное население было освобождено. Появились также слухи о том, что это целенаправленная акция русского правительства с целью истребления коренных жителей для передачи их земель в будущем русским поселенцам. Куропаткин отмечает негативную роль мусульманского духовенства, агентов Германии и Турции, а также желание беков вернуть свои позиции.

В числе причин восстания Куропаткин называет неудовлетворительность Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. (вступившего в силу в 1887 г.). Данное Положение сократило полномочия генерал-губернатора. Значительно большие права получили представители центральных ведомств, в том числе Министерство иностранных дел. Вскоре после выхода Положения туркестанские генерал-губернаторы стали выражать недовольство ущемлением своих прав. Так, например, Туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский (1889–1898) в своем донесении императору Александру III в 1892 г. писал, что изъятие судебных функций из компетенции его администрации подрывает авторитет начальника края. «Отделение суда от администрации повело к соперничеству этих властей, и для туземца вскоре сделалось ясно, что прокурор в Азии стал важнее генерал-губернатора. Население сбито с толку, кого считать начальником»[3]. Куропаткин, будучи тогда начальником Закаспийской области, соглашался с Вревским и писал о том, что в настоящее время поднят вопрос о пересмотре существующего судебного положения. Однако пересмотрено оно так и не было.

Весьма примечательна также записка Куропаткина – ответ на возражения Туркестанского генерал-губернатора Александра Борисовича Вревского по вопросу об образовании одного административного и военного района в Средней Азии, датированная 11 января 1894 г. Вревский свидетельствует об ослаблении влияния русских в Туркестане. Куропаткин приводит свои возражения: «…ташкентские беспорядки дали возможность убедиться в преданности туземного населения, т.к. на следующий день явилась ко мне делегация

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 26.
[2] Там же.
[3] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 15.

во главе с 90-летним старцем, считавшимся среди мусульман святым, с заявлением глубокого горя о случившемся с просьбой передать Государю Императору о безграничной любви и преданности к своему белому царю»[1].

Об ослаблении русской власти в Туркестане есть многочисленные свидетельства очевидцев и участников инцидентов, находящиеся в фонде Куропаткина Российского государственного военно-исторического архива. О фактах, свидетельствующих об ослаблении российской власти в Туркестане, красноречиво писали в своих произведениях русские исследователи. Причинами ослабления русской администрации они называли: некомпетентность некоторых политических деятелей, половинчатость реформ, несоблюдение местных традиций[2].

Куропаткин в тот период являлся апологетом русской политики в Туркестанском крае. Однако по истечении почти 20 лет, будучи генерал-губернатором края, Куропаткин изменил свою точку зрения. В его рапорте прямо указано на то, что ослабление русской власти привело к тому, что фактическая власть оказалась в руках туземной администрации, которая приобрела огромную силу, и «как бы вернули времена до завоевания края русскими»[3]. В вину местной администрации Куропаткин поставил неосведомленность о том, как народ отнесется к царскому указу, недостаточное знание местной специфики. А ведь можно было предусмотреть подобную реакцию населения и попытаться подготовиться к ней.

Причины, приведшие к мощному социальному взрыву, по мнению Куропаткина, накапливались в течение последних тридцати лет. В результате развития хлопководства в край были привлечены огромные денежные суммы, что привело к обогащению местных предпринимателей. В то же время падение уровня кустарного промысла в связи с развитием капитализма привело к обеднению значительной части местного населения. Образовался огромный социальный разрыв. Местная власть, естественно, оказалась на стороне богачей, излишек денег у которых привел к падению уровня нравственности, выражающемся в кутежах, пьянстве, разврате. В этих условиях росло число недовольных среди бедных слоев населения, которые зачастую связывали создавшееся положение с приходом русских.

Кочевое киргизское население оказалось совершенно бесправным из-за признания их земель государственными, а образующиеся излишки поступали в распоряжение казны. Дело в том, что после русского завоевания началось массовое оседание кочевников и свободных орошенных земель не было.

---

[1] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 10.

[2] *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом: В 2 т. СПб., 1911; *Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

[3] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 27.

А.Н. Куропаткин, будучи еще начальником Закаспийской области, в 1894 г. писал: «Русские селения стеснили земли кочевников, и это привело в Туркестане к новому поземельному затруднению»[1].

В 1905 г. был принят закон об образовании переселенческих участков на «излишних» для кочевников землях. Многочисленные злоупотребления и произвол превратили этот закон в едва прикрытую конфискацию земли. В декабре 1910 г. правительство предоставило Переселенческому управлению право отчуждать земли кочевников под переселенческие участки. Переселенческие чиновники, пользуясь этим правом, отнимали у местного населения не только пастбищные земли, но и места зимовок с обрабатываемыми землями.

Большое количество земель-излишков было отобрано у кочевых племен в пользу русских поселенцев. Отсюда – развитие межнациональной розни. На тех землях, что были оставлены кочевникам, свирепствовала так называемая «лесная стража».

Жалобы туземцев и местных администраторов на Переселенческое управление ни к чему не приводили. В конце концов изъятие земель, разрушение прежнего социально-экономического уклада не могли не вызвать стихийного сопротивления местного населения, выражавшегося не только в традиционном угоне скота и прочих грабежах, но и в открытых вооруженных выступлениях.

Анализируя положение туркменского населения, Куропаткин отмечает, что основная масса туркмен-текинцев достаточно спокойна, в большинстве своем они довольны властью. Однако беспокойство вызывает водный вопрос. Уменьшение водоснабжения может стать причиной волнений в будущем. В 1912 г. из-за неправильных и непродуманных действий агентов охранного отделения, набираемых из числа местного населения, произошел ряд конфликтов в Мервском уезде, что также вызывает опасения. Отдельный вопрос касается туркмен-йомудов, которых Куропаткин называет опасным и беспокойным элементом. Их ярко выраженная антирусская направленность демонстрируется в массовом стремлении перейти под власть Персии.

После анализа причин, приведших, по мнению Куропаткина, к восстанию, он приступает к описанию принятых мер для стабилизации обстановки. Прежде всего необходимо было обеспечить победу в военных действиях на фронтах. С этой целью налажена отправка на тыловые работы представителей коренного населения Туркестана. На 1 февраля 1917 г., сообщает Куропаткин, на тыловые работы было направлено 110 тыс. человек. Общее число мобилизуемых было уменьшено до 220 тыс. Население ряда территорий края, как вследствие их труднодоступности в условиях высокогорного Памира, так и принимая во внимание то обстоятельство, что часть жителей, в частности туркмены Закаспийской области, уже были привлечены к отбыванию дей-

[1] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 374. Л. 14.

ствительной воинской повинности, было полностью или частично освобождено от поставки рабочих. В некоторых случаях населению предоставлялось право заменить поставку рабочих выплатой определенных денежных компенсаций.

Для гарантии спокойствия в крае новый генерал-губернатор обеспечил население продовольствием по цене, доступной бедному населению. А.Н. Куропаткин отменил все ограничения для коренных жителей края, введенные его предшественниками в пользовании услугами почты, телеграфа, железной дороги, обещал внимательно отнестись к нуждам мобилизованных на рытье окопов и их семей, отменил всякие льготы для состоятельных людей, приняв сторону бедной части населения, повел решительную борьбу с выявившимися злоупотреблениями местной администрации[1].

Куропаткин пишет о мерах, принятых для поддержания спокойствия в регионе. Они выражались в охране железных дорог, всех городских и сельских поселений. В то же время, по словам генерал-губернатора, нельзя исключать нового всплеска восстания, в связи с чем на границах туркестанских областей сосредоточены значительные военные силы. Однако Куропаткин указывает на недостаток сил для укрепления внешних границ. Опасность со стороны Китая, по его мнению, облегчается союзническими отношениями России с Японией, которая может представлять угрозу Китаю. Наибольшую тревогу вызывает граница с Афганистаном, остается надеяться на союз России с Англией, который представляет угрозу Афганистану. Однако Куропаткин считает, что если на фронте дела будут складываться не в пользу коалиции, то Афганистан немедленно окажется в числе врагов России. Те же соображения высказываются им в отношении Персии. Куропаткин, как дальновидный стратег, предполагает, что если эти два государства выступят против России, то «нельзя ручаться, что мусульманское население Бухары и даже всего Туркестана останется спокойным»[2]. Куропаткин предлагает изменение границ с Персией и Китаем, имея в виду возвращение русских территорий. В отношении Афганистана изменения границ не требуется, однако Россия должна контролировать воды некоторых рек, проходящих через Туркестан и Афганистан, а также связаться через Афганистан с Индией железнодорожной сетью.

Понимая, что одними репрессиями спокойствия в Туркестане не добиться, Куропаткин предпринял ряд мер для разъяснения населению предъявляемых к нему требований. В течение сентября генерал-губернатор ездил по центральным областям Закаспийской области, в октябре посетил Семиреченскую область. Как сказано в рапорте, он пользовался каждым случаем поговорить с представителями населения[3]. При этом он руководствовался

[1] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 39–41, 47–51, 55–56, 81–83.

[2] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 30.

[3] Там же. Л. 31.

собственным Приказом за № 220 от 23 августа 1916 г., переведенным на местные языки и отпечатанным в большом количестве экземпляров. Текст приказа сводился к разъяснению того, что, находясь в составе единого государства, народы Туркестана не могут быть в стороне в условиях военного времени. В приказе говорилось о том, что изначально представители коренных народов были освобождены и от военной повинности, и от каких бы то ни было тыловых работ, находились под защитой России, получили значительные блага в результате присоединения. Однако в связи с тяжелым положением российских войск на фронтах правительство вынуждено было обратиться к народам Туркестана за помощью. Куропаткин недвусмысленно говорил о том, что призыв туземцев на тыловые работы будет продолжен, однако, идя навстречу населению, он будет сокращен вдвое[1]. Согласно приказу, призванным на тыловые работы производилась оплата в размере одного рубля в день, начиная со времени посадки в отправляемый поезд, и они обеспечивались питанием за счет казны из расчета 50 коп. в день на человека. В случае недостатка у призываемых средств на приобретение одежды и обуви, а также для обеспечения оставляемых семей мог быть выдан аванс до 30 рублей.

При объезде территории Куропаткиным было проведено 50 заседаний с должностными лицами и представителями местного населения. Была приостановлена распродажа земли за долги, предприняты меры для предотвращения злоупотреблений со стороны лесной стражи и т.п. Но, главное, Куропаткин сообщает, что с 31 августа он со своими приближенными приступил к составлению нового Положения по управлению Туркестанским краем. Закончена главная часть работы по составлению новых штатов и начато рассмотрение дел в отношении народного суда. Необходимые добавления и поправки к программе для Туркестанского края находились еще в стадии выяснения.

Так что Куропаткиным было задумано грандиозное дело по улучшению положения в Туркестанском крае по всем направлениям, исправлению допущенных ранее ошибок. Однако ситуация была такова, что все эти благие начинания были обречены на провал. Как говорится, дорога в ад вымощена благими намерениями.

В следующем разделе рапорта подведены печальные итоги восстания. От беспорядков в Туркестане пострадало 3709 русских людей. Из них зверски убито 2325 человек, пропало без вести 1384. Из русских должностных лиц убито 7 человек во всех областях. Из туземных представителей русской власти убито 22 человека. Разрушено свыше 9000 хозяйств, разрушен участок железной дороги, сожжены мосты, сельскохозяйственные школы, уничтожено и пострадало несколько храмов и больниц[2].

Число погибших местных жителей, как и потери восставших, установить было невозможно по ряду причин: местные жители скрытно хоронили

[1] Восстание 1916 года в Туркмении: Документы и материалы. Ашхабад, 1938. С. 78–82.
[2] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 32.

убитых и уносили с собой раненых, боясь обнаружить свою причастность к восстанию; кочевники, и не только они, пересекали границы с Китаем и Персией и там оставались довольно долго; у мусульман был обычай хоронить покойников в день кончины и др.

Все попытки открытого сопротивления были решительно и жестко подавляемы войсками. А.Н. Куропаткин сам составлял карательные отряды, разрабатывал маршруты их следования, инструктировал командиров отрядов. Для усмирения бунтовщиков были задействованы 14 с половиной батальонов, 33 сотни при 42 орудиях и 69 пулеметах. Военные действия продолжались с 13 июля 1916 г. по 25 января 1917 г. Войска понесли потери: убитыми 97, ранеными 86 и пропавшими без вести 76 человек[1]. При проведении сопоставительного анализа числа пострадавших с одним из мощных среднеазиатских восстаний – Андижанским 1898 г. Куропаткин отмечает, что потерь в 1916 г. было намного больше. В Андижанском восстании русские войска потеряли убитыми 18 и ранеными 22 человека.

В результате открытое сопротивление было полностью сломлено, разбив восставших, либо заставив их бежать на территорию сопредельных государств. Куропаткин в рапорте приводит данные о наказании виновных в Андижанском восстании 1898 г. по распоряжению императора, требуя при этом тяжкого наказания для зачинщиков восстания 1916 г. По его данным, русское население в Туркестане составляет 540 тысяч человек против 7 миллионов местного населения. Русские поселенцы не вооружены и не воинственны, и при вспыхнувшем восстании они представляли собой «не силу нашу, а слабость»[2]. Необходимо, пишет Куропаткин, чтобы туземцы твердо усвоили, что пролитие русской крови будет жестоко караться властью.

Далее приведены данные о наказании виновных в восстании. В течение всего периода подавления восстания работали правоохранительные органы. Первоначально по подозрению в участии в беспорядках было задержано более 3 тыс. человек, перед судом предстало 933 человека, было оправдано 346, осуждено 587, приговорен к смертной казни 201 человек, к каторжным работам – 104, к заключению в тюрьму и в арестантские отделения – 282 человека[3]. Однако наказания были несколько смягчены. Казнен был 51 человек[4]. По мнению Куропаткина, эти меры в известной степени отбили охоту у сочувствовавших поддерживать восставших.

Земли, где произошли убийства русского населения, были, по приказу А.Н. Куропаткина, конфискованы у коренного населения и определены для нужд русской колонизации. 20 августа Куропаткин посетил Джизак. Коренным жителям, собранным по его приказу, он объявил, что их всех следо-

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 32.

[2] Там же.

[3] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 74.

[4] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 32.

вало бы повесить, но им сохранят жизнь как предупреждение другим, что территория в радиусе 5 верст вокруг места, где были убиты полковник Рукин, Затоглов и бывшие с ними люди, будет очищена от проживающих на ней и передана государству. Таким образом, в Джизакском уезде у населения было конфисковано 2000 десятин земли. Конфискации подлежали земли и в Семиреченской области – в Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах.

После пребывания в Семиреченской области А.Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «Я строго предупредил, что всякого, кому в голову придет мысль заняться грабежом и насилием, – будь то русский или киргиз, – ждут военно-полевой суд и виселица»[1]. Принимались меры по защите туземного населения от обозлившихся русских поселенцев, потерявших членов своей семьи или наблюдавших зверства восставших. Были случаи, пишет Куропаткин в рапорте, когда «безоружных киргиз безжалостно убивали уже после их усмирения»[2]. Узнав, что русские на базаре устроили самосуд над казахом, который принимал участие в восстании, Алексей Николаевич приказал расследовать произошедшее.

Губернатор рекомендовал вооружать русских поселенцев, способных держать оружие в руках, и включать их в воинские команды. Для дополнительной защиты русского населения от возвращающихся из Китая киргизов, Куропаткин предлагает расселять их в тех местах, где русских нет, и впредь не допускать совместного проживания русского и коренного населения. Генерал-губернатор планировал установить на вверенной ему территории режим апартеида: имелось в виду создание уезда с исключительно русским (включая казачье) населением вокруг озера Иссык-Куль и особого киргизского горного уезда с центром в Нарыне.

Значительная часть рапорта посвящена судьбе туркмен-йомудов. Куропаткин еще раз подчеркивает разницу между туркменами-текинцами, подчинившимися распоряжению о поставках рабочих на охранную службу, и туркменами-йомудами, являющимися ненадежным элементом. Ненадежность их заключается в том, что они одновременно подчиняются и России, и Персии. Говоря современным языком, имеют двойное гражданство. Восставших йомудов пришлось подавлять значительными по азиатскому масштабу силами. Куропаткин приводит данные об отряде в 6 батальонов, 15 сотен, 18 орудий и 17 пулеметов, общей силой около 8 тысяч человек[3]. Генерал-губернатор называет карательные экспедиции против повстанцев «военными действиями», что свидетельствует о масштабах войсковой операции.

В результате сопротивление йомудов было сломлено. Однако опасность нового восстания сохранилась. Поскольку военные действия по усмирению

---

[1] *Куропаткин А.Н.* Восстание 1916 г. в Средней Азии: Дневник. Август – февраль 1917 г. // Красный архив. XXXIV. 1929. С. 52.

[2] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 33.

[3] Там же. Л. 34.

йомудов проходили на персидской территории (Астрабадская провинция), которая представляла собой незаселенную нейтральную зону между зимними кочевьями туркмен и оседлым персидским населением, Куропаткин предлагает занять эту территорию, а заодно и те земли, которые принадлежат йомудам. Так они будут наказаны за их неблагонадежность, а Россия приобретет новые территории. «Великая Россия не может терпеть, чтобы безнаказанно нападали и грабили русские селения, брали в плен, убивали и уродовали русских воинов и нападали на русские пограничные посты»[1].

Надо сказать, что с туркменами-йомудами у русской власти сразу не заладились отношения в силу их воинственности. Йомуды были очень неспокойными соседями оседлых земледельцев, нападали на их угодья, калечили скот, терроризировали население. Еще первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман во время военных действий с Хивинским ханством в 1873 г. уничтожил около двух тысяч йомудов. По прошествии 50 лет во взаимоотношениях русской власти с йомудами ничего не изменилось. Поэтому выход Куропаткин видел в изгнании их со своих земель. С одной стороны, помыслы Куропаткина были направлены на восстановление мира, но, с другой стороны, Россия была монополией, и альтруистические убеждения были ей чужды. Тем более и объяснения не были лишены логики – это защита русских подданных.

Одной из главных причин разразившегося восстания Куропаткин называет крайнюю малочисленность чинов администрации. Поэтому им были предложены дополнительные должности для административного аппарата. В докладе Куропаткина военному министру Д.С. Шуваеву, написанном 4 января 1917 г. проходит та же мысль: «Крайне малочисленный и плохо материально обеспеченный состав должностных лиц, призванных управлять туземным населением, при громадности территории и значительной заселенности отдельных участков не мог стать близко к туземному населению и, переобремененный служебной работой, вынужден был передавать управление населением волостным управителям и старшинам из туземцев, не отличающимся преданностью русскому правительству, к тому же невежественным, корыстолюбивым и несправедливым»[2]. По мнению генерал-губернатора, эта ошибка привела ко многим недоразумениям и негативным явлениям в управлении краем, в том числе и к кадровой чехарде, которая выражалась в частой смене кадров, назначении лиц, не знающих быта, языка и местных условий, коррупции в среде чиновников и т.д. В рапорте Куропаткин информирует царя о введении им 15 дополнительных должностей.

В конце рапорта подведены итоги всех тех мероприятий, которые были проведены генерал-губернатором по ликвидации последствий восстания. Им конфискованы земли в тех местностях, где больше всего пострадали рус-

[1] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 252 б. Л. 35.

[2] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М., 1960. С. 81–82.

ские поселенцы; приказано не допускать возвращения бунтовщиков на свои земли; расселить на этих землях русских, образовав в ряде мест казачьи станицы; расселять возвращающихся из Китая и других мест бунтовщиков в пределах вновь образованного Нарынского уезда; после усмирения йомудов, русским войскам остаться на занятой территории Астрабадской провинции, предоставив эти земли для дальнейшей русской колонизации; увеличить военно-административный штат чиновников. Вся территория Туркестанского генерал-губернаторства была объявлена на военном положении.

Однако все эти меры уже не могли повлиять на водворение порядка, т.к. власть рушилась, катилась вниз. До падения Российской империи оставались считаные дни.

Алексей Николаевич занимался приведением в порядок и обустройством вверенного ему края до конца марта 1917 г. Временное правительство одобрило все действия А.Н. Куропаткина и утвердило его в должности, но 31 марта по приказу Исполнительного комитета местных Советов он был отстранен от должности и взят под домашний арест. Впрочем, почти сразу же, по настоянию Временного правительства, А.Н. Куропаткина отпустили, и 7 апреля он выехал в Петроград. Выйдя в отставку, Куропаткин поселился в родовом имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии. Он занялся активной общественной деятельностью и работой над воспоминаниями. Скончался Алексей Николаевич Куропаткин в ночь на 16 января 1925 г. в возрасте семидесяти шести лет и был похоронен у себя на родине.

Анализ причин восстания последним генерал-губернатором Туркестана представляет собой попытку осмысления произошедших событий. Поскольку он являлся очевидцем и участником событий, то его мнение трудно переоценить. Пожалуй, никто из советских, и постсоветских историков не может сравниться с туркестанским генерал-губернатором в попытках объяснения причин самого мощного восстания в Туркестане. По мнению Куропаткина, причины были следующими: неправильные приемы управления; частая смена представителей власти и их незнание местной специфики; малочисленный и плохо материально обеспеченный состав должностных лиц; участие в восстании ишанов и немецко-турецких агентов; отчуждение земель местного населения под русские селения; неверная переселенческая политика российской власти. Последнее, безусловно, являлось основополагающим.

Таким образом, волнения 1916 г., охватившие центральноазиатские владения России, были подготовлены всем ходом социально-экономического и политического развития.

Как видятся причины восстания из современности? Безусловно, имели место межнациональная рознь и межконфессиональный конфликт. Однако в начале присоединения Туркестана к России это было возможно, и первые губернаторы находили подходы к иноязычному и иноконфессиональному населению. Что же касается межнациональной розни, то и совместное прожи-

вание разных народов в пределах одного государства тоже было возможным. Все это может быть только при стабильном государстве, стабильной власти. Однако в связи с ослаблением власти в стране изменилось ее положение и на окраинах. Власть перестала удовлетворять население, она оказалась слабой, а потому ненужной. Никогда раньше русская власть не стала бы принимать непродуманных решений, не взвесив тщательно, как это может быть воспринято населением с совершенно иным менталитетом. В свою очередь, туземцы раньше никогда не посмели бы выступить против власти. Власть потеряла свое значение, а значит, лишилась опоры. Все, что случилось в 1916 г. в Туркестане, – это не кризис власти на окраине, это кризис власти в стране в целом, кризис системы имперского управления центральноазиатскими владениями России, да и всей российской колониальной политики. Призыв на тыловые работы сыграл лишь роль катализатора, власть и так разваливалась. Восстание 1916 г. можно считать одним из признаков неизбежности грядущего развала всей Российской империи.

Национальный вопрос – тема очень деликатная. Однозначно трудно сказать, кто был не прав, кто действовал незаконно – русские поселенцы или коренное население Туркестана. И те, и другие оказались жертвами, заложниками неправильной, непродуманной политики российской администрации. Петербургский исследователь Б.Ф. Мухлынин в своей работе «Восстание 1916 г. в Чуйской долине» приводит данные как о взаимодействии и взаимной поддержке народов, проживавших бок о бок, так и о национальной вражде, вылившейся в кровавые бесчинства[1]. Рассматривать восстание как национально-освободительное, направленное против произвола российской администрации, вероятно, тоже не стоит.

Восстание 1916 г. в Туркестане – это пример того, как непродуманные действия властей могут привести к трагедии народов.

Труд «Современный Туркестан и его недавняя история» Ахмет-Заки Валиди как источник по истории Среднеазиатского восстания 1916 г.

В книге «Современный Туркестан и его недавняя история» Ахмет-Заки Валиди (1890–1970), известного востоковеда-тюрколога, профессора Стамбульского университета, а также лидера башкирского национально-освободительного движения, есть небольшая глава, посвященная восстанию 1916 г. Близкое знакомство автора с данным регионом началось задолго до написания самого сочинения. Будучи молодым ученым, А.-З. Валиди дважды

[1] *Мухлынин Б.Ф.* Восстание 1916 г. в Чуйской долине. [Электронный ресурс] // URL: http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/publ/moi_ocherki/vosstanie_1916_goda_v_chujskoj_doline_chast_1_aja/2-1-0-208

посещал Туркестанский край с 1913 по 1914 г. в рамках научной экспедиции от имени Общества археологии и при поддержке Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. В ходе экспедиций, помимо значимых находок древних рукописей, были собраны сведения об экономике и исторической географии края, этнографический материал об узбеках, ведущих кочевой образ жизни. Результаты этих экспедиций, высоко оцененные ведущими востоковедами России, такими как В.В. Бартольд, В.В. Радлов и Н.Ф. Катанов, были отражены в многочисленных статьях[1]. Позже, оказавшись в гуще политических событий в ряду идеологических лидеров басмаческого движения, А.-З. Валиди параллельно занимался сбором сведений и составлением этого труда[2].

«Современный Туркестан и его недавняя история» является частью серии трудов под общим названием «Туркестан билик» (Сведения о Туркестане) и посвящена истории тюркских народов, живущих на востоке от Каспийского моря и находящихся «под русским и китайским правлением»[3]. Эта работа написана на тюркском языке, была издана в период с 1928–1939 гг. в Каире арабским шрифтом и была рассчитана на туркестанского читателя, как отмечено самим автором во введении. С 1949 г. этот труд в несколько измененном виде издавался в Турции на турецком языке. Позже книга была переведена на башкирский язык и издана в 2014–2015 гг. в двух частях. Но до сих пор эти труды были не доступны для русскоязычного читателя.

Это произведение представляет собой «сборник всех источников по Туркестану начиная с XVI в.»[4]. В отличие от других трудов А.-З. Валиди, этот относится к популярной литературе, в которой не затрагиваются сложные научные проблемы. Учитывая отношение А.-З. Валиди как к императорской, так и большевистской политике как «русскому колонизаторству» и факт поддержки им борьбы за самоопределение народов Туркестана, вполне очевидно, что целью написания этого сочинения в том числе было практическое побуждение населения к реальным политическим действиям. Впрочем, в предисловии указаны автором две цели: во-первых, дать интеллектуалам Закаспийских восточных тюркских народов общие исторические сведения об их недавнем прошлом, которое «непосредственно связано с их сегодняшней жизнью», и, во-вторых, показать занимаемое ими «место в истории»[5].

В главе, непосредственно посвященной событиям 1916 г, автор описал причины восстания, этноплеменную карту повстанческих действий, сооб-

[1] *Әхмәтзәки Вәлиди Туған.* Әҫәрҙәр: 1917 йылға ҡәҙәр яҙылған әҫәрҙәре/иҫке төркиленән тәржемә. Өфө, 1996. 8 бит.

[2] Современный Туркестан и его недавняя история. Западный и Северный Туркестан. Ч. 2 /Ахмет-Заки Валиди Тоган / пер. на башк. А.М. Юлдашбаева, С.З. Ахмадуллина, З.Г. Кульбердиной. Уфа, 2015. С. 5.

[3] Там же. С. 6.

[4] Там же. С. 5.

[5] Там же.

щил, где и какие русские чиновники подвергались нападениям и расправам, привел дастан (стих) об одном из предводителей восстания – Абдулгафаре, некоторые данные о жертвах с обеих сторон. При этом об этих событиях он повествует сдержанно, не впадая в поддержку одной стороны или обвинение другой.

В качестве предпосылок к восстанию автор отмечает, во-первых, *земельный вопрос,* который стал следствием продолжения политики экспроприации земли и расселения переселенцев. А.-З. Валиди указывает на то, что закон о принадлежности земель и вод (рек) Туркестана государству, еще не прошедший через Государственную думу[1], активно реализовывался в крае. Отмечается, что в Туркменистане (Закаспийская область) генерал А.С. Мадритов осуществлял эту политику «с беспрецедентной жестокостью»[2].

Второй причиной А.-З. Валиди считает негативную ситуацию на рынке хлопка**.** В годы Первой мировой войны возникли затруднения привоза хлопка из зарубежных стран и появилось значение сырья, выращиваемого в Туркестане. Цены на хлопок росли, несмотря на снижение покупательной способности российских денег и отсутствия конкуренции на рынке хлопка.

Вопрос о военной службе можно одновременно определить как причину, так и повод для восстания. Так, «освобождение» от военной службы повлекло, во-первых, обязанность выплаты военного налога. Валиди упоминает, что для нужд войны из Южного и Северного Туркестана осуществлялся сбор лошадей, войлока и мяса. Кроме того, деньги и ценности собирались как в качестве добровольных пожертвований, так и в качестве «обязательных поборов» на военные нужды. Во-вторых, война открыла для высокопоставленных чиновников и местных служащих пути удобного заработка, спекуляции и воровства казенных средств. Автор утверждает, что воровство широко распространилось среди властей предержащих, начиная от генералов и заканчивая волостными старшинами, и заключает, что «народ подвергся невиданному разграблению»[3].

По мнению Валиди, население, измученное перечисленными обстоятельствами, узнав о Высочайшем повелении императора от 25 июня 1916 г. о мобилизации мужского населения на прифронтовые работы, подняло восстание.

А.-З. Валиди отметил, что казахские племена кипчак, аргун и найман, находившиеся под влиянием консервативных групп, подняли восстание, не-

---

[1] Современный Туркестан и его недавняя история. Западный и Северный Туркестан. Ч. 2 / Ахмет-Заки Валиди Тоган / пер. на башк. А.М. Юлдашбаева, С.З. Ахмадуллина, З.Г. Кульбердиной. Уфа, 2015. С. 106.

[2] Там же.

[3] Здесь Валиди отсылает читателя к стихотворным строкам, описывающим «невиданные разграбления населения» и опубликованным спустя 10 лет после этих событий в журнале «Жана мектеп» (1926, № 9–10).

смотря на то, что казахские интеллектуалы[1], объединившиеся вокруг газеты «Казах»[2], призывали к подчинению правительству. Кроме того, эти племена смогли создать систему управления, избрав ханов и сардаров (военных командиров). Так, в племени кипчак ханом был избран Абдулгафар, а сардарами – Амангельды Иманов и Кийки Батыр. Отбросив прежнюю межплеменную вражду, эти ханства стали придерживаться одной политики, а народные мастера объединяли усилия для ремонта ружей и выполнения других технических работ. Также были налажены сбор налогов и судопроизводство.

Автором особо отмечается роль кипчаков, на долю которых выпали самые ожесточенные столкновения с правительственными силами, а также Абдулгафара, руководившего во время значимых походов двумя племенами – кипчаками и аргынами. Совершенный ими поход на город Тургай, несмотря на его безуспешность, а также закрепление на местности Байбакар, где к нему примкнули части других племен, «недовольных русскими», автором отмечены в ряду заслуг Абдульгафара. Кроме того, при нем был организован шура (совет) из 10 представителей племен. Ссылаясь на З. Миндлина[3], А.-З. Валиди упоминает о предварительном решении кипчаков и найманов об эмиграции в Афганистан, Иран или Джунгарию в случае безуспешности этого предприятия.

Несмотря на то, что кипчаки и их предводитель Абдулгафар не находились под влиянием казахской элиты и таких ее представителей, как Алихан Букейханов, тем не менее часть кипчаков и некоторые представители интеллигенции племени аргын примкнули к новообразованному казахскому правительству Алаш Орды, и сотрудничали с правительством Сибири и башкирами.

Другая часть кипчаков, которые находились под командованием сардара Амангельды Иманова, сблизилась с большевиками. А сам Амангельды в одном из сражений погиб от рук алашордынцев. Пытаясь сохранить свою организацию, племя аргын начало переговоры с новой «русской властью»[4]. Лидеры найманов Хасан-хан и Аслан-бек оставались верными правительству Алаш Орды.

Киргизы десяти волостей вокруг гор вдоль реки Чу поднялись под предводительством Аюке оглы Каната (Канат Ыбыке уулу, или Каната Абукина. – *С. А.*). Племена в области Каракол под главенством сыновей Шабдан Батыра сына Жантая (Шабдана Джантаева. – *С. А.*) – Мухитдина и Хусаметдина. Рассказав предысторию о сотрудничестве Жантая с российскими властями, автор

[1] Валиди отмечает: «По причине того, что потомки настоящих ханов из рода Чингизидов как представители элиты остались в стороне от выступлений, выбор хана из числа простого народа воспринимался как направленное против первых народное движение».

[2] Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов и Миржакып Долатов.

[3] *Миндлин З.* Киргизы и революция. Новый Восток. Т. 5. 1934. С. 225–229.

[4] Современный Туркестан и его недавняя история. С. 108.

подчеркивает, что его внуки, спустя 50 лет, осознав «сущность русской политики», поднялись на восстание[1].

А.-З. Валиди также упоминает случай, когда 9 августа в руки киргизов попало около 170 единиц ружей и 40 тыс. патронов. Они оборвали все телеграфные линии. Осадив города Бишкек, Токмак, Каракол (Пржевальск), они захватили их и учинили расправу над русскими переселенцами, а их поселки сожгли и сровняли с землей. Также отмечается, что турецкие офицеры Хаджи Сами, Адиль Хикмет, Бурсалы Ибрахим, Силистирели Хусейн, бежавшие из Капала в Кульджу, объединились в ноябре с сыновьями Шабдан Батыра, но к тому времени в результате многократных ожесточенных столкновений дела киргизов «уже валились из рук»[2].

Ссылаясь на воспоминания вышеупомянутого Адиль Хикмета[3], автор пишет, что в результате натиска привлеченных генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным сил киргизы 39 волостей, 100 тыс. юрт, бросились искать прибежище в китайских границах. А киргизов, которые не смогли перейти в Китай и жили в волостях рядом с русскими, «убили вместе с детьми и женщинами»[4].

А по поводу тех, кто смог уйти в Китай, автор пишет, что после разграбления китайцами и калмыками они были вынуждены «прижаться к российским границам», где «попали в плен к русским». Среди них был и шестидесятилетний Канат Батыр, который позже покончил с собой в тюрьме, перед этим сказав: «Вы, русские, заживо кидаете наш народ в могилу. Вы отобрали наши земли и имущество. Вы не оставляете нам в мире места для сохранения нашей жизни. Непременно, вы нас убьете, а мы не станем, сложа руки, умирать»[5].

Автор утверждает, что беспорядки среди узбеков возникли именно тогда, когда повсеместно начался призыв сельских жителей. В Самаркандской области беспорядки начались 5 июля. В Катта-Курганском уезде повстанческие акции произошли 3, 18, 19, 21 июля, в Ходжентском – 18, в Ферганской области, Кокандском уезде – 10, в Маргиланском – 11, 13, 15, 17, в Андижанском – 9, 12, 13 июля.

В ходе этих беспорядков в столице края, Ташкенте, погибло 6 человек, 20–30 человек получили ранения. 22 июля в кишлаках Ханабад и Аккурган, недалеко от Ташкента, были избиты и казнены представители властей. Однако самые бурные восстания проходили в Джизакском уезде и в районе Амударьи в Чимбае. Население, проживающее вокруг Джизака, поднявшись 13–15 июля, начало собираться среди гор Кайташ в Богданской волости. Туда

[1] Современный Туркестан и его недавняя история. С. 112.

[2] Там же.

[3] Валиди в этом месте ссылается на воспоминания Адиль Хикмета о Восточном Туркестане, опубликованых под заглавием «Пять турков в Азии» в стамбульской газете «Cumhuriyet» в 1923 г. В 1999 г. книга была переиздана в Стамбуле.

[4] Современный Туркестан и его недавняя история. С. 112.

[5] Там же. С. 41.

же устремились и жители южной части Ташкентской волости. 13–14 июля сельское население окрестностей Джизака, вооружившись ружьями, револьверами, топорами, ножами и лопатами, в нескольких местах вывели из строя железнодорожные рельсы и отрезали телеграфные линии.

В ходе всех беспорядков были убиты начальник уезда, начальник полиции и другие служащие. Предводителем узбеков был избран Абдурахман Ходжа – сын Джевачи Абдульжаббара (Абдурахман Джевачи. – *С. А.*). Этот мятеж был подавлен прибывшим сюда 3 августа полковником П.П. Ивановым-Риновым.

Также автор отмечает сильные повстанческие движения в районе Амударьи, где был убит Чимбайский пристав, за что власти вместе с массовыми казнями населения Чимбая, учинили расправу над жителями каракалпакских аулов, которые, по мнению автора, «даже не знали об убийстве чимбайского полицейского»[1]. А.-З. Валиди утверждает, что подобные меры не принесли в эти районы до революции 1917 г. спокойствия: восставшие туркмены, приходя в каракалпакские степи, грабили их, уводили в плен женщин и разрушали постройки. С другой стороны, отмечает автор, «грабили их и русские из Турткуля (Петро-Александровск. – *С. А.*)». В качестве меры против всего этого каракалпаки организовали своего рода временное правление и избрали хана – «кан махдум»[2].

Автор отмечает появление еще одной организованной силы – «Уральского правительства» в лице русских уральских казаков-староверов, поселившихся на южном берегу Аральского моря, найдя прибежище у хивинского хана, и называемых местным населением бабаями. После формирования большевистского правительства в Туркестане они не желали признавать его, и ими были обезоружены и убиты в один раз 380 большевиков, а в другой – 150. Автор заключает, что они в этих краях были полноправными хозяевами.

Каракалпаки же, купив у племени адай оружие, занимались организацией армии. Однако после того как большевики прибыли через Арал и, стеснив уральских казаков, вынудили их к подчинению, каракалпаки в конце 1919 г. подчинились большевикам, прибывшим со стороны Чарджуя. Большевики же признали кана махдума председателем Каракалпакского революционного комитета, а позднее, избавившись от него, сформировали свое правление[3].

1–2 октября 1916 г. закаспийские туркмены напали на крепость Серахс. В других местностях также происходили мелкие нападения. Для подавления этого восстания направили генерала А.С. Мадритова, который с 15-тысячным войском выступал на границах Астрабада и подавил племя йомуд. 9–13 января 1917 г. он воевал на горе Карабаир против туркмен. Карательная экспеди-

[1] Современный Туркестан и его недавняя история. С. 113.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 114; здесь Валиди отсылает читателя к 5-му номеру газеты «Красный Казахстан» (с. 89) за 1927 год.

ция по отношению к туркменам, из-за войны, осуществлялась параллельно с завоеванием Восточного Ирана (Хорасана). Автор отмечает, что в доме арестованного в конце восстания генерала Мадритова обнаружилось 17 пудов серебряных украшений, сорванных с шей туркменских женщин, и больше 60 дорогостоящих туркменских ковров[1].

Валиди пишет, что во время восстания 1916 г. довольно сильно пострадали также население русских сел и солдаты в Туркестане. Численность убитых из числа русских в Семиреченской, Самаркандской и Ферганской областях достигло 3806 человек. Это превышает число погибших среди русских в период завоевания Туркестана в 1865–1873 гг. (3376 человек)[2]. А что касается местного населения, то оно больше всего пострадало в Семиреченской области, в Пишпеке, Караколе, в Самаркандской области – Джизаке. В последней волости полковник (позже ставший генералом) П.П. Иванов-Ринов в течение 20 дней с 15-тысячным казачьим войском подавлял бунт, подвергая при этом казни местное население. Автор утверждает, что казнили даже пришедших от местного населения посредников. Среди казненных были «передовые представители населения» и интеллигенция.

Мероприятия по подавлению бунта в местностях Туркестана продолжались всю зиму 1916 г.

В качестве последствий восстания Ахмет-Заки Валиди приводит сведения о том, что в Алматинской волости Семиреченской области у 35 тыс. оседлых казахов были отобраны земли и имущество. В Пишпекском, Каракольском и Яркендском уездах 2 510 366 десятин земли были конфискованы в пользу русских переселенцев. 37 355 семей казахов и киргизов были сосланы в пустыни и горы. Помимо этого автор утверждает, что было решено сослать из Пишпекского уезда «в пустыни» 2402 семьи, лишив их земель и пастбищ. Солдаты и офицеры силой отбирали все драгоценные вещи из домов киргизов, туркмен и узбеков[3].

Валиди полагает, что жертв восстания могло быть еще больше и что население на плодородных землях вовсе могло быть сведено на нет. Например, по утверждению автора, кроме 347 заключенных, многих приговоренных к смертной казни спасла революция 1917 г.

Также отмечается, что имели место быть расправы над киргизами без суда со стороны трех категорий сил: «русских войск», солдат, вернувшихся в конце 1916 г. с фронта, и людей, вооруженных А.Н. Куропаткиным из русских сел Семиречья. Число этих жертв неизвестно[4].

---

[1] Современный Туркестан и его недавняя история. С. 115.

[2] Приводя эти цифры, автор ссылается на данные Турара Рыскулова: Из истории борьбы за освобождение Востока: Восстание туземцев Туркестана против царизма, 1916 // Новый Восток. 1924. С. 72.

[3] Там же. С. 114.

[4] Там же. С. 115.

Ссылаясь на собранные М. Тынышпаевым, Т. Рыскуловым и О.А. Шкапским сведения, Валиди сообщает[1], что из числа сбежавших в Китай и в последующем вернувшихся обратно киргизов, около 83 тыс. было убито. При этом отмечает, что эта же цифра упоминалась Алимардан-беком Топчыбашы (Топчибашевым. – *С. А.*)[2].

Также Валиди в части, посвященной событиям 1916 г., приводит появившееся после смерти упомянутого ранее хана племени кипчак Абдулгафара народное эпическое произведение – дастан. В этом произведении, которое относится к древнему лиро-эпическому жанру тюркской поэзии, представляющем собой плач, сложенный в честь народных героев, описываются славные качества Абдулгафара как народного «героя века» и как султана всего Среднего Жуза. В нем, в частности, говорится, что по древнему обычаю он был удостоен прозвища «хозяина Степи».

Учитывая, что язык и лексика дастана специфичны и имеют в меньшей степени характерные для современного киргизского языка, но в большей степени фонетические особенности казахского, мы адаптировали[3] текст под современный казахский язык. За неимением текста каирского (арабографичного) издания мы пользовались приведенной в стамбульском[4] издании латинографичной транслитерацией дастана.

Бір біз емес – Орта Жүз
Ортаға қойып хан қылған
Арыстан туған сұлтаным
Дұшпанның күнін тар қылған

Ты, султан мой, родившийся львом
и выбранный ханом не только нами (кипчаками),
но и всем Средним Жузом, стеснил дни (мир) врагов.

---

[1] Валиди отмечает, что о восстании 1916 года довольно много информации в опубликованном Внешней разведкой Великобритании A Manuel of the Turanias and Panturanizm (составленный Управлением военно-морской разведки, Военно-морским штабом Адмиралтейства в 1918 году). При этом отмечает, что это издание весьма однобоко, поскольку сведения черпались из Семиреченских областных ведомостей (1916, № 200–215). Также упоминает более позднее издание: *J. Benzing.* Die Welt des Islams. XIX. 1937, в котором более подробно описаны события 1916 года. В качестве источников информации по событиям 1916 года Валиди упоминает еще журнал «Инкилап»; работу Алимджанова «Восстание в Джизаке в 1916 году», «Сборник просвещения и культуры» (1923, Бухара). При этом Валиди утверждает, что основная часть сведений собрана им лично.

[2] Там же. С. 116.

[3] Выражаем искреннюю благодарность Казыбеку Малдыбаеву за помощь в адаптировании текста дастана на современный казахский язык.

[4] См.: *Togan A.Z. V.* Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakin Tarihi. Cilt I: Batí ve Kuzey Türkistan. Istanbul, 1981.

Сұлтанымды сұрасаң
Ақылы толық кең еді
Аргын, Қыпшақ ішінде
Одан асқан кім еді?

Если ты спросишь о достойнствах моего султана,
То он – обладатель совершенного, подобно жемчугу, ума.
А как же иначе? Среди племен аргын и кипчак
кто бы мог его превзойти?!

Шалқар Көлдің ішінде
Ел сиярлық кеме еді;
Залалы жоқ адамға
Аспан – жерден кең еді.

Он был подобен вмещающей всю нашу страну лодке
посреди беспокойного озера Чалкар.
Для людей, не несущих вред для народа
он был шире неба и земли [великодушен].

Арыстан туған сұлтаным
Алты болыс Қыпшақтың
Тірлігі болса ол жақтың
Мұсылманның баласын
Ұстап беріп кәпірге
Жылатпаспын деп еді

О, мой султан, родившийся львом,
сказал, что «если будет жить кипчак в шести улусах,
То я не дам им проливать слезы,
Отдавая детей мусульман неверным».

Орта Жүздің ішінде
Обалы сеңгір бел еді
Жауға жұртын бермеске
Кермеге мысал бел еді

Внутри всего Среднего Жуза
Он был подобен холму, на вершине которой крепость.
В деле защиты родины от врага
Он был образцовой неприступной возвышенностью.

Даңқың шыққан ғаламға
Мемлекет халқын ұстадың
Қамал бұзып баһадүр
Қаншама әскер бастадың

Слава о тебе разошлась по свету,
Руководил населением провинции,
Ты стал героем, который прорвал ряды окружавшего нас врага,
Управляя таким количеством воинов.

Қараңғы тұман желдетіп
Жарлығы келді патшаның:
Он сегіз бен отыз бір,
Керегі болмай басқаның!

Навевая мрачный туман,
пришел указ от царя:
Между 18 и 31 годами –
Остальные не нужны.

Тауды ұшырған қаһарың
Құйындай көріп саспадың
Журтын қорқып бермеді
Қорыққанға азап бермеді

Ты, увидев его (царя) зло, разрушающее горы,
не удивился, посчитав это бурей.
Он (султан), испугавшись, не отдал родину врагу,
А испугавшихся среди своих не стал наказывать.

Қарсы тұрған кәпірге
Қылмады ісін басқаның.
Заһар шашқан аузыннан
Некалайдан қашпадың[1].

Противостоял неверным,
Оставив все другие дела.
Не сбежал от Николая,
Расточавшего яд изо рта.

[1] В оригинале – «туспадын».

Алпыс мыңдай әскермен
Қаласы еді шапқаның.
Азаматын Алаштың
Басыңды қорып қашпадың.

Наоборот, с 60-тысячной армией
Атаковал его города,
Не занимался спасением своей головы,
Которая спасала всего Алаша
Гражданские права.

Орта Жүздің ішінде
Осынша қол жеткізсіз
Қоңыраулы бұйра нар еді
Момындарға көл дария
Кәпірге тым – ақ тар еді

Он был внутри Среднего Жуза,
до такой степени недосягаемым [для русских войск]
верблюдом-вожаком.
Для мусульман он был словно широкие озера и моря [великодушным],
А относительно неверующих же,
Наоборот, был непроходимо узким перевалом.

Ел ішінде бұзыққа
Көк пен ұшса тор еді,
Жер мен қашса ор еді.

А для вредных [испорченных] внутри страны:
Если те летели по небу, то был ловушкой для птиц,
Если сбегали по земле, то был непроходимой ямой.

Арыстан туған султаным,
Әдетіменен халықтың
Ортадан ойып жол салдың,
«Сайыпқыран»[1] *атандың.*

Султан мой, родившийся львом,
Зная традиции моего народа,

[1] В оригинале – «сакыпкыран».

Ты проложил посередине широкую дорогу.
Был назван «Соколом (хозяином Степи)».

Мұсылманның ұраны.
Шұбар ала ту алдың.
Жау көрмесең жабығып,
Әскер көрсең қуандың.

Для мусульман это прозвище стало боевым кличем.
И ты взял красно-белое знамя.
Если не видел перед собой врага,
ты страдал. А видя войска – радовался.

Сарбаз жинап түзеттің,
Майданды қанмен боядың.
Арыстан туған султаным,
Ұранда болдың орасан
Мыңжылқықының тауындай.

Ты, собрав войско, привел в порядок,
И окрасил поле кровью.
Султан мой, родившийся львом,
Ты в качестве боевого клича
был подобен горе Мынжылкы.

Көпке пайдаң көп еді,
Көктемдегі жауындай.

Для многочисленного народа страны
Ты был полезен, как весенний дождь.

Шейіт болып арысым[1]
Орта жүздің баласы
Тұрғаны бар ма налымай?
Ертеңді-кеш[2] *зарлаймыз,*
Көздің жасы жаңбырдай.

После того как мой славный султан пал смертью героя,
Сыны Среднего Жуза разве смогут беззаботно сидеть?
Днем и ночью плачем,
Наши слезы льются, как дождь.

[1] В оригинале – «азизим».
[2] В оригинале – «Ертеңді-кешти».

По мнению Валиди, строки дастана, в которых описывается тоска по прожитой Абдугафаром жизни и особенно то, что он, опираясь на несколько племен, поднял «восстание против огромной России», описание его грусти при отсутствии битвы и чувства удовлетворения при встрече с врагом демонстрируют до сих пор живой у казахов воинственный дух[1].

В целом эти сведения о событиях 1916 г., публикуемые впервые на русском языке, интересны и ценны в первую очередь тем, что они принадлежат перу всемирно известного тюрколога, являвшегося в политическом плане сторонником самоопределения народов Туркестана. Это результат неформального (неправительственного) исследования, проведенного спустя два года после трагических событий. Особенностью этого труда также является сочетание официальных (документальных) источников с фольклорными материалами, которые гармонично вплетены в текст. Эти фольклорные материалы позволяют почувствовать отношение рядового населения к произошедшим событиям.

Иван Алексеевич Чеканинский и изучение восстания 1916 г.: исследования, публикации, архивные документы

Среди исследователей 1920–1930-х гг., занимавшихся изучением восстания 1916 г., заметно выделяется российский ученый Иван Алексеевич Чеканинский. Он был профессиональным этнографом (окончил Московский археологический институт по специальности археолог-этнограф), имевшим обширный опыт исследования различных групп населения Сибири и владевшим несколькими языками. И.А. Чеканинский блестяще разбирался и плодотворно работал в целом ряде научных дисциплин – истории (включая историю тюркских народов), этнографии, археологии, географии, искусствоведении, краеведении, геологии.

Он был действительным членом Императорского Русского географического общества, Государственного русского географического общества и Общества изучения Казахстана. В годы гражданской войны И.А. Чеканинский был призван в качестве писаря в ряды армии Колчака, с которой ушел в китайскую провинцию Синьцзян, но в 1921 г. по собственному желанию вернулся обратно в Россию и остался жить со своей семьей в Средней Азии (сначала в Казахстане, позже – в Киргизстане)[2].

Кроме того, он не имел никакого отношения к восстанию 1916 г., не участвовал в политической борьбе до и после российской революции 1917 г., не за-

[1] Современный Туркестан и его недавняя история. С. 112.

[2] *Дятленко П.И.* И. Чеканинский – исследователь Центральной Азии и Сибири // Н.М. Пржевальский и российские подвижники в изучении истории и культуры Центральной Азии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского, 26–27 июня 2009 г. / под ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек, 2009. С. 48–60.

нимал крупных административных должностей и всегда был беспартийным. Все это позволяло ему занимать более объективную и взвешенную позицию профессионального исследователя по сравнению с некоторыми другими его современниками, писавшими и выступавшими о названном восстании ради достижения своих личных или партийных политических целей (А.Ф. Керенский, Г.И. Бройдо, Т. Рыскулов, Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев и ряд других).

Хотя и И.А. Чеканинскому приходилось в определенной степени учитывать советскую идеологию и политическую конъюнктуру 1920–1930-х гг. Подтверждение тому видим в идеологически правильном заключении его статьи: «…восстание имело громадное идеологическое значение в истории не только киргиз, но и других национальных меньшинств Средней Азии, пробудив в них революционность и вызвав политический перелом в их настроениях»[1].

Комплекс материалов И.А. Чеканинского включает в себя исследования, публикации (в свет вышло всего две статьи по теме восстания 1916 года) и архивные документы (личный фонд в ЦГА КР и материалы в РФ ИЯЛИ НАН КР).

Первый раз с последствиями восстания 1916 г. Иван Чеканинский столкнулся в Синьцзяне, где находился в годы гражданской войны в составе отряда колчаковцев. На одном из пастбищ он случайно встретил семью кочевников. В своих воспоминаниях он пишет об этой встрече: «Из разговоров я узнал, что это были киргизы, состоявшие до 1916 г. русско-подданными, проживавшими в Пржевальском уезде и бежавшие оттуда в Китай после обоюдной с русскими жестокой расправы, вызванной мобилизацией их на тыловые работы. Я был глубоко поражен, когда среди киргизов увидел в киргизской же одежде совершенно русскую женщину, еще молодую, не потерявшую красивые черты лица. Эта женщина уже неправильно говорившая по-русски, оказалась действительно русской женщиной, взятой в плен бежавшим из России отцом Базарбая и ставшая его женой… По-видимому, она не сетовала на свою судьбу, т.к. грусти на ея лице не было заметно, и она так же, как и другие, весело смеялась и бегала с киргизками по степи»[2].

Научное изучение восстания И.А. Чеканинский начал позже и случайно: «Мы же могли ознакомиться с одним архивным делом Семиреченского (Джетысуйского) областного статистического комитета, и то случайно, в 1921 г. дело это под № 39 находилось в куче других дел Комитета, сваленных на вышке в Семиреченском областном народном музее. Озаглавлено оно было «О киргизских беспорядках в Семиречьи» и содержало в себе частью оригиналы и копии с донесений волостных управителей, уездных начальников и других лиц о течении «беспорядков».

---

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 125.

[2] ЦГА КР. Ф. 954. Оп. 1. Д. 9. Л. 114–115.

Судя по резолюциям и адресам, часть этой переписки была прежде направляема в Областное Управление, а затем пересылалась в Статистический Комитет. В этом же деле имеется несколько неизвестно кем (секретарем К-та В.Е. Недзведским?) написанных листов, содержащих в себе попытку суммировать донесения. Все дело состоит из 127 четвертьлистов, полулистов и листов.

Просматривая это дело, мы сделали из него необходимые выписки, легшие в основание, главным образом первой части, настоящей статьи»[1].

С того времени одним из направлений его исследований стал сбор различных материалов по восстанию 1916 г. По теме восстания им были напечатаны две работы. К десятилетию восстания он опубликовал крупную статью «Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания)»[2]. Хотя по своим размерам названная статья больше похожа на брошюру.

Спустя три года им была издана библиографическая заметка «Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г.»[3].

С декабря 1935 г. по апрель 1937 г. И.А. Чеканинский работал научным сотрудником в Киргизском государственном музее краеведения. Результатами его кропотливой работы в музее стала подготовка выставки к двадцатилетию восстания, отмечавшемуся в 1936 г., и анкета, которая использовалась при опросе участников восстания для сбора информации[4].

Здесь нужно отметить, что исследователь работал с ограниченным кругом источников, и особо оговорил это: «К сожалению, мы не имеем вполне достаточных исчерпывающих материалов, чтобы дать правильную оценку киргизскому восстанию и рассмотреть его в исторической перспективе – эта работа будущего историка-обществоведа, которому посчастливится вскрыть еще дремлющие и покрытые пылью архивы»[5].

Исходя из анализа архивных материалов и публикаций, можем резюмировать, что позиция И.А. Чеканинского о восстании по ряду пунктов заметно отличается от позиции его современников и других авторов.

---

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 78.

[2] Там же. С. 77–135.

[3] *Чеканинский И.А.* Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г. // Отдельный оттиск 1-го тома «Записок» Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. Семипалатинск, 1929. С. 105–109.

[4] *Дятленко П.И.* И. Чеканинский – исследователь Центральной Азии и Сибири // Н.М. Пржевальский и российские подвижники в изучении истории и культуры Центральной Азии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского, 26–27 июня 2009 г. / под ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек, 2009. С. 56.

[5] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 78.

Во-первых, в своих публикациях и материалах он называл события 1916 г. «восстанием» и «киргизским восстанием». В начале своей статьи он следующим образом характеризует события 1916 г.: «…киргизское выступление было в большей части организованным, одновременным восстанием… Точно так же и территория выступления не ограничивается рамками административных делений (волость, уезд или губерния), а охватывает собой более широкие, этнографические границы, включающие всю территорию с населением определенной национальности, в данном случае, киргиз-казаков и кара-киргиз всего Туркестана и южных степей Западной Сибири. Восстание в Джетысуйском крае – это лишь один из эпизодов общего киргизского восстания»[1].

Во-вторых, И.А. Чеканинский критически относится к источникам и историографии темы. Особенно он критикует работу Г.И. Бройдо по восстанию 1916 г., которую считает политизированной и не имеющей под собой достаточных оснований.

Среди прочего ученый категорически не согласен с неучетом Г.И. Бройдо многообразия причин восстания. И.А. Чеканинский пишет об этом: «Остальным моментам автор показания[2] совершенно не придает значения, оставляя их в стороне и касаясь лишь мимоходом, тогда как, по нашему мнению, эти моменты тесно и непрерывно связаны были с колонизационной политикой Переселенческого управления, национальной враждой, панисламистским религиозным движением и вопросом самого восстания… значение которых в кровавых событиях 1916 г. никак нельзя умалять»[3].

Также исследователь обоснованно отмечает: «Едва ли правильно заключение Г.И. Бройдо, что администрация искусно расширяла район и остроту волнений. Расширение района волнений, как указано выше, было не в интересах ее, что же касается вообще искусности операций, то они были чрезвычайно необдуманны, с какой бы точки зрения мы к этому вопросу ни подходили, ибо эти операции растерянной власти обнаруживали полное убожество руководителей, впоследствии признававших, что в процессе борьбы были настолько острые и опасные моменты, когда русская власть в Семиречье неминуемо должна была сдать свои позиции повстанцам»[4]. Подчеркнем, что у И.А. Чеканинского были все основания для подобной позиции, так как он работал и с официальными документами (оригиналы и копии с донесений волостных управителей, уездных начальников и других чиновников).

---

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 77.

[2] Имеется в виду Г.И. Бройдо. – *Автор.*

[3] Там же. С. 100.

[4] Там же. С. 102.

Кроме того, И.А. Чеканинский пишет: «Пожалуй, опрометчиво и без достаточных оснований г.И. Бройдо утверждает, что действия администрации направлены были к тому, «чтобы вырезать киргизское население и очистить землю для дальнейшей колонизационной деятельности правительства». В этой фразе, несомненно, звучит более обиды и, быть может, первого впечатления… По существу же, это далеко не правильно, особенно если мы сделаем небольшой экскурс в область переселенческо-колонизационной политики царского правительства… В самом деле, логически подходя к данному вопросу, как-то совершенно не вяжется вывод Г.И. Бройдо»[1].

В-третьих, он называет не только экономические причины событий, но и другие – агитация потомков бия Джантая Шабданова; противоречивая позиция местной администрации в лице волостных управителей и родовой знати, борьба разных течений внутри них, открытое нарушение присяги на верность со стороны части родоправителей; внешний фактор (разведывательная деятельность Германии и Турции, связи с которыми поддерживались через мусульманское духовенство, манапов и наиболее богатых людей, совершавших хадж); недооценка настроений местного населения со стороны правительства и Семиреченской администрации; «национальная рознь» и «религиозный фанатизм»; опиумный фактор; наплыв кашкарлыков (оседлых мусульман из Восточного Туркестана) на срочные работы по орошению реки Чу и постройку Семиреченской железной дороги; коррупция местных чиновников при составлении списков рабочих; неудачи российской армии на Западном фронте в 1915 г.

И.А. Чеканинский отмечает трансформацию правительственной политики по отношению к местному населению Туркестана в период Первой мировой войны: «Но насколько до 1914 г. была велика воинственность “Ак-Падишаха”, настолько во время Германской войны, и именно до 1916 г., эта воинственность сменилась стремлением к сравнительно миролюбивой политике, проявляющейся у русских властей в заискивающем тоне к байству, манапам и отдельным родовым группам, которые, боясь военной мощи России, выражали от лица народа своего “признательность” последней тем, что даже добровольно соглашались на поднесение щедрых “подарков” армии, на поставку безвозмездно для нужд ее скота, войлочных юрт, фуража, и на организацию из киргиз казачьего полка (Копальский, Пржевальский, Пишпекский и Верненский уезды)…

В момент восстания едва ли могла иметь место обдуманная провокационная политика правительства, за исключением единичных случаев, так как именно в этот момент правительство больше всего боялось вызвать в степи и на границе с Китаем какие-либо эксцессы, которые могли наиболее сильными

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 103–104.

и тяжелыми последствиями обрушиться прежде всего на само правительство, отвлечь его внимание от более серьезного противника, в лице Германии и Турции, связь с которыми, очевидно, была в степи не только через посредство мусульманских служителей религиозного культа, но даже и через своих манапов и наиболее богатых людей, исполнявших "хадж", ибо имеются указания, что во время восстания сарыбагыши, предводительствуемые влиятельными кара-киргизами, Султаном Долбаевым, Баранбаевым, Сазановым, Баимбетом Баранбаевым и Алагушем Джантаевым, возле селения Ново-Троицкого (Пишпекского уезда) "совершили бату", т.е. жертвенную молитву, призывая своих сородичей объединиться для объявления газавата, т.е. священной войны с неверными. Здесь же по древнеазиатскому обычаю на белом войлоке поднят был и провозглашен ханом внук манапа Джантая, манап Мукуш Шабданов, незадолго перед этим совершивший хадж в Константинополь и Мекку»[1].

И.А. Чеканинский писал и о значении религиозного аспекта в событиях 1916 г.: «На следы участия мулл в восстании указывает также и донесение Токмакского пристава. Каракиргизы Атекинской волости Султан Долбаев, Макуш Шабданов и их сородич Белек Салтанов[2] "с помощью мулл убеждали киргиз повести священную войну против русских", и 18-го августа при осаде Токмака ими "была брошена прокламация" следующего содержания: – "Токмакскому волостному старшине и аксакалу Кашгарских сартов. Приказание от главных управителей всем (сопротивляющимся) побросать оружие и покориться мусульманам. Ослушники будут уничтожены". Но к методам религиозной пропаганды прибегали, конечно, не с целью охватить ею киргизское население, по психическим и природным своим свойствам далеко не религиозное и не поддающееся убеждениям религии. Несомненно, цель религиозной пропаганды была направлена на фанатически настроенных в религиозном отношении таранчей, сартов, татар, дунган и кашгарлыков, чтобы зажечь в них искру религиозного возмущения и тем самым завоевать симпатию киргизского "мятежа", приобщить эти сожительствующие бок о бок с киргизами народности к общему восстанию и сделать его популярным и авторитетным среди всего мусульманского населения Семиречья»[3].

Факт: в ответ на письменное требование участкового начальника Хахалева «выдать зачинщиков и разойтись по аулам, повстанцы, как свидетельствует сам Хахалев, ответили, что "бунтуют не одни они, а весь мусульманский мир, что у них есть оружие, патроны и руководители"»)[4].

---

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 101–102.

[2] Белек Солтоноев. – *Автор.*

[3] Там же. С. 103.

[4] Там же. С. 91.

Приведем другой факт, упомянутый ученым: «…сокращение угодий вело к столкновению отдельных киргизских родов и к возбуждению внутренней партийной ненависти…»[1]

Исследователь отмечал и наличие фактора контрабанды между Семиречьем и Синьцзяном, в том числе – опия. Во время своего пребывания в Синьцзяне И.А. Чеканинский столкнулся с многочисленными фактами контрабанды.

Один из них связан с отрядом казачьего сотника Пепеляевского, который рыскал на границе между Семиречьем и Синьцзяном и отсиживался в Кольджатском ущелье. Отряд вылавливал китайских контрабандистов, пытавшихся провезти товар в Семиречье. Цель такой ловли заключалась главным образом в том, чтобы на отобранные у контрабандистов товары содержать отряд. В результате ловли было поймано и расстреляно отрядом 11 контрабандистов. Все пойманные оказались китайскоподданными кашгарлыками, имевшими большой вес и родственные связи со знатным кульджинским купечеством и лицами, близко стоявшими к власти. После такого инцидента, когда сотник Пепеляевский приехал в Кульджу для деловых переговоров, местные власти, по распоряжению гражданского губернатора Дао-тая, схватили его и арестовали. Сотник был отстранен от командования, а его отряд стал подчиняться полковнику Брянцеву[2].

Другой пример из воспоминаний ученого: «В этот же день в Курэ по распоряжению Джень-шоу-ши[3] казнили китайского офицера, не поделившего с губернатором привезенной из России контрабандным путем большой партии опия»[4]. В связи с этим фактом И.А. Чеканинский отмечает в воспоминаниях: «Ввоз опия в Китай воспрещен под угрозой смертной казни, тем не менее в Китае, и в частности в Кульджинском крае, существует немало нелегальных опийных организаций по доставке опия из России (Джаркентский и Пржевальский уезды) контрабандным путем. Главными пайщиками этих организаций в большинстве случаев состоят знатные купцы, чиновники и сановники. Приведенный мной случай – один из многочисленных штрихов мести высшего сановника кровно обиженного при дележе опия. Суровость закона не может побороть врожденную страсть к опию китайца. Опий курят все народности, населяющие обширный Илийский-Тарбагатайский край, и, пожалуй, некоторое исключение из этого составляют татары и часть дунган…»[5]

На общественные настроения в Туркестане влиял и фактор Первой мировой войны: «Наконец, нельзя закрывать глаза и на тот факт, что 1915 г. при-

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 107.

[2] ЦГА КР. Ф. 954. Оп. 1. Д. 9. Л. 60–61.

[3] Помощник Илийского военного губернатора.

[4] ЦГА КР. Ф. 954. Оп. 1. Д. 9. Л. 75.

[5] Там же. Л. 75–76.

нес российской армии значительные неудачи на Западном фронте, что, в свою очередь, не могло не отразиться на общей ситуации Семиреченского края, даже и далеко стоящего по расстоянию от фронта, но тем не менее имевшего все данные к тому, чтобы хотя в скрытой форме, но известным образом реагировать на это путем усиления среди мусульманской части политической пропаганды за отделение Киргизии от России»[1].

В-четвертых, исследователь взвешенно описывает действия всех сторон восстания, не стремясь идеализировать кого-либо. Подчеркнем, что при описании участия местного населения Иван Алексеевич Чеканинский пишет и о тех волостях, которые не участвовали в восстании (киргизская – Карабулакская и дунганская – Николаевская в Пржевальском уезде) или ушли из пределов своих волостей (Иссыгатинская и Чумичевская волости Пригородного участка Пишпекского уезда; часть кибиток этих волостей примкнула к восставшим).

Успешное начало выступлений ученый объяснял следующим образом: «Успех был прежде всего обеспечен растерянностью правительственной власти, быстротой восстания и его крупными размерами, временем восстания (полевые работы), отсутствием на местах достаточной правительственной военной силы и русского взрослого мужского населения. Сами природные условия: степи-пустыни, непроходимые горные ущелья могли в то время служить одним из значительных препятствий к своевременной переброске правительственных войск в районах, наиболее охваченных движением; недостаток скота, фуража, воды и прочих необходимых продуктов питания армии, способность киргиза-степняка к быстрому неожиданному массовому набегу и уменье стойко и храбро сражаться с противником, явное сочувствие соседей: кашгарлыков, китайцев, китайских дунган и таранчей киргизам…»[2]

В-пятых, анализ особенностей событий на большой территории дает более объективную и полную картину происходивших событий и их взаимосвязей. В статье Чеканинского ход восстания отдельно разобран по уездам Семиреченской области, причем даже в тех, в которых не было волнений и выступлений (Копальский уезд).

В-шестых, исследователь проводит сравнение политики царского правительства с другими азиатскими территориями Российской империи («правительственная инородческая политика» в Сибири) и считает необходимым рассматривать восстание в связи с «общим брожением» всего инородческого населения России, призванного на тыловые работы[3].

В-седьмых, Иван Алексеевич Чеканинский точно и объективно описывает процесс ухода восставших, его этапы и последствия. Причем он отмечает,

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 110.

[2] Там же. С. 112.

[2] Там же. С. 126.

что небольшая часть кочевников мирно ушла еще до восстания (суваны – казахское население Нарынкольского участка) в Китай. Часть восставших ушла во время восстания без преследования со стороны правительственных войск (в августе – казахское племя атбаны, киргизы 8 волостей Пржевальского уезда ушли на реку Текес; еще позже – восставшие, ушедшие по высоким сыртам южного берега Иссык-Кульской долины в Кашгар).

В-восьмых, исследователь обращается к сложной проблеме учета потерь и перемещения населения.

Убито всего русских: казаков, мещан и крестьян – 2094, ранено – 41, пропало без вести – 1163; в том числе убито 3 офицера, 53 солдата; ранен – 41 солдат и потерялось без вести – 74 солдата[1].

Общее число бежавшего населения составляет 266 040 (включая 2590 жителей Мариинской волости, населенной дунганами), что составляет 20,14% всего населения Семиреченской области, которого к 1 января 1917 г., по официальным данным, числилось 1 320 953 человека[2].

Он констатирует: «…цифра убыли кибиток, безусловно, значительная, хотя и не вполне отражает пункты особенно острой и напряженной борьбы, но это объясняется тем, что кочевые волости в уездах с наибольшей потерей кибиток, откочевывая в пределы Китая, почти не оказывали в своем следовании активного сопротивления Семиреченской власти, для которой перекочевки оказались большей частью неожиданными и неуловимыми»[3].

Подробное изучение архивных документов и материалов И.А. Чеканинского позволяет ввести в оборот новые данные и рассмотреть восстание 1916 г. в более широком историческом и географическом контексте (на примере участия в нем отдельных волостей, племен и родов киргизов и казахов). Также его публикации и материалы опровергают многие политические мифы, тиражируемые в политическом и информационном пространстве постсоветских республик Центральной Азии.

Отметим, что анализ событий 1916 г. на территории Семиреченской области, проведенный И.А. Чеканинским и отраженный в его материалах, оказался весьма результативным и позволил создать взвешенную и достаточно полную картину комплекса произошедших событий.

Возможно, что именно из-за взвешенности позиции, отсутствия героизации восставших и их лидеров работы И.А. Чеканинского мало используются современными центральноазиатскими исследователями, публицистами и общественными активистами.

---

[1] *Чеканинский И.А.* Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле – сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кзыл-Орда, 1926. С. 99.

[2] Там же. С. 119.

[3] Там же. С. 118.

Для объективного изучения событий восстания 1916 г. на всей территории, на которой оно происходило, требуется дальнейшее изучение и публикация документов из российских, среднеазиатских и иных (китайских, турецких, европейских) архивов; совместная работа исследователей стран Центральной Азии и России; создание постоянной комиссии историков названных стран для работы по узловым проблемным темам.

Устная история восстания 1916 г. в Ферганской долине

Особенностью современного состояния узбекистанской исторической науки выступает расширение и изменение источниковой базы, а так же методологических подходов и инструментария исследования. Этот процесс, непосредственно связан с включением отечественного исторического сообщества в международную научную среду и освоением тех методологических и методических разработок, которые уже были апробированы исторической наукой, но к нам пришли с опозданием.

Было бы неверно утверждать, что историки Узбекистана абсолютно не знакомы с методами сбора воспоминаний. Следует отметить, что западные специалисты воспринимают устную историю как историю ментальности. Узбекистанские специалисты воспринимают ее как ценнейший фактографический источник, компенсирующий дефицит документированных фактов.

Начальным опытом применения научного подхода устной истории, в Узбекистане можно считать исследования профессора Хамида Зияева в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия, когда он лично собрал воспоминания у оставшихся в живых участников мощного национально-освободительного восстания 1916 г. против царской колониальной власти в Туркестане.

Х. Зияев нашел участников 1916 г. в Ферганской долине. Прежде чем брать интервью, он записывал их личные координаты (национальность, дату рождения) и фотографировал респондента, а затем проводил беседу, записывая их воспоминания. В результате был собран большой и интересный материал по воспоминаниям участников восстания, который, потом неоднократно использовался в научных исследованиях[1].

В своих поездках по городам Ферганской долины ему удалось побеседовать с представителями различных социальных слоев населения.

В данной статье приведем некоторые отрывки из его архива устно-исторических воспоминаний[2].

---

[1] См. *Зияев Х.* Участники восстания 1916 года в Ферганской долине. Ташкент, 1976; *Он же.* Туркистонда Россия тажовузи ва хукмронлигига карши кураш. Тошкент, 1998.

[2] Воспоминания – важный источник исторических исследований (из опыта интервьюирования участников восстания 1916 г. и сибирских узбеков) // Устная история в Узбекистане. Теория и практика. Вып. 1. Ташкент, 2011. С. 140–150.

К примеру, один из респондентов Умархон Юсуфалихужаев[1], бывший народный судья (казий), прикованный к постели, рассказывал очень интересные вещи. По его словам, он и братья, казий Каландархона Касымходжа (старший брат), Мукаррамхон (младший брат), были арестованы как активные участники восстания. По решению суда, он и его старший брат были приговорены к 15 годам лишения свободы, а Мукаррамхон – к смертной казни.

Как рассказывает Умархон Юсуфалихужаев, он и его братья занимали важное место в организации мятежа. Разговаривая с интервьюером, он тихим голосом говорил: *«Мы боролись за то, чтобы самим быть хозяевами на своей родине»*. Однако с опасением попросил его не писать этого, поскольку в это время это могли расценить как антисоветские, «националистические стремления».

По мнению Х. Зияева, слова респондента позволяли судить о том, что почти все другие участники восстания также боролись за независимость отчизны и за восстановление своих традиций и свобод.

Населению пришлось столкнуться не только с русской колониальной властью, но и представителями местной администрации, которые активно помогали в составлении списков мобилизуемых.

Об этом свидетельствуют воспоминания другого участника восстания – Тожибоя Мадалиева[2].

«Я и мой отец, работая с утра до ночи на нашей маленькой земле, большую часть урожая тратили на оплату различных налогов и долгов. Особенно тяжелым было положение бедных дехкан, похожих на меня. Мы были вынуждены платить разные налоги, такие, как: плата за меру (танаб), за узел (тугун), за сторожа, за воду, подношения и т.д.

После объявления указа о мобилизации, почти все население города – ремесленники, кустари, бедные крестьяне и безработные – на рассвете собралось около Урдатаги, куда пришел и я со своими махаллинцами. Здесь собралось примерно более 15 тысяч человек. К 9–10 часам сюда подошли царские и местные чиновники города, среди которых были тысяцкие, сотрудники полиции и несколько беков. Собравшиеся начали выражать недовольство: «Мы не пойдем работать мардикерами (поденщиками). Эти слова были слышны со всех сторон площади, становясь шумнее. Представители администрации не хотели даже слушать, обращались с угрозами к народу, в результате чего началась стычка между ними и толпой. Тысяцкие – Мавлонбек и Махмудбек, полицейский стражник старшина полиции были убиты,

---

[3] Место рождения – г. Маргилан, район Каландархон. Дата рождения – 1866 г. Национальность – узбек. Отец – казий. Сам – казий. Место жительства – г. Маргилан, улица Телмон, массив 122, дом 135.

[1] Место рождения – г. Маргилан, район Машад, махалля Чукуркуча. Дата рождения – 1892 г. Национальность – узбек. Отец – бедный крестьянин. Сам – дехканин. Место жительства – г. Маргилан, улица Янги-арык, дом 40, квартира 15.

после чего я со своими единомышленниками погнались за полицейскими, убежавшими к зданию кинематографа, находившегося в Урдатаге. Ворвавшись в помещение, мы сорвали висевшую на стене картину царя Николая и растоптали ее. Затем мы разошлись, чтобы продолжить борьбу в своих махаллях. Я со своими друзьями тоже вернулся в свою махаллю.

Ночью этого же дня прибыли казаки и солдаты из Ферганы для подавления восстания, они избили и арестовали многих повстанцев, в том числе и меня. Дома повстанцев обыскали, а их семьи подверглись издевательству. Нас заперли в Янгибагском судебном учреждении города Маргилана, казаки избивали нас толстыми палками до потери памяти. Они били меня прикладом ружья. Нас забрали из Янгибагского судебного учреждения в ферганскую тюрьму, где мы жили в ужасных условиях в течение 2–3 месяцев. В результате суда 13 человек были приговорены к повешению. Среди осужденных были Мукаррамхон Юсуфалихужаев, Малла Косимов, Охунжон Бобоев, Мумин Абдумуталов и я. После этого нас заковали в кандалы и всех заперли в отдельной комнате.

84 участника восстания были приговорены к каторге на разные сроки. Во время суда в лице истцов нас обвиняли полицмейстер города Маргилана Пахотин, Саидахмад ишан, сотрудники полиции и другие. Вскоре после этого, через 15–16 дней, нас всех вывели в коридор тюрьмы, выбрав среди нас активного участника восстания Нурмата и младшего брата городского казия – Мукаррамхона, остальных отправили обратно в комнату. В полночь, в тот же день, мы услышали, что Нурмат и Мукаррамхон были повешены во дворе тюрьмы.

Через несколько дней нам сообщили, что нас отправляют в Сибирь на долгий срок вместо смертной казни. Однако этому помешала революция, в результате чего мы были освобождены».

Еще один очевидец тех трагических событий, Мавлян Лайлаев[1], вспоминал:

«Из-за тяжелой жизни мы всегда жили в нужде и страданиях. Много раз от чайрикерства я работал в городе грузчиком (носильщиком), формовщиком кирпичей, дворником и другими схожими работами.

Несмотря на все мои действия и беспрерывную работу, я не мог наесться хлеба досыта и иметь хотя бы приличную одежду.

Во время дней Рамазана 1916 г., придя в город из села, я услышал о том, что бедняков забирают на работу на далекие морозные края, неизвестно, на какой срок и на какую работу. Народ был взволнован и недоволен этим. Утром в Урдатаге собралось около 20 тысяч людей. Сюда сразу же, держа в руках бумагу, прибыли чиновники царского правительства и местные баи.

[1] Место рождения – г. Маргилан, махалля Тошмозор. Дата рождения – 1884 г. Национальность – узбек. Отчим – мясник. Сам – чайрикер (издольщик), мардикер, кладчик кирпичей. Место жительства – г. Фергана, улица Садовая, дом 11.

Они поднялись на верхние подмостки чайханы. Тысяцкий Махмудбек, посмотрев на народ, сказал: «Небо высоко, земля твердая, поэтому вы от нас никуда не уйдете. Мы что захотим, то с вами и сделаем, вы обязаны пойти на работу». В ответ ему мы кричали: «Иди сам, тиран, а мы не пойдем!» После этого начался скандал. Я повалил на землю тысяцкого Махмудбека и обеими руками начал душить его. Разгневанная толпа, за считаные минуты убила тысяцкого тем, что было у нее в руках. Затем мы отправились к дому второго тысяцкого, который активно помогал царской администрации в составлении списка людей на мобилизацию. За нами гнался полицейский стражник, который выстрелил в меня, но пуля пролетела мимо. Группа восставших свалила его с коня и побила камнями. В этот момент меня ударил саблей другой казак-полицейский, у меня потекла кровь с шеи. Мои друзья сразу же перевязали мою рану бельбогом (поясом). А казак убежал.

Придя в дом Махмудбека с целью расправиться с ним, мы забрали его имущество. Можно сказать, что в доме Махмудбека не осталось ничего. После этого я убежал в кишлак Акшок к своему отчиму. На следующий день один дехканин, вышедший в город для продажи дынь, сообщил мне, что в городе меня разыскивает полиция и что если люди не помогут задержать меня, то многие будут наказаны. Услышав эту весть, я добровольно вернулся в город, и меня взяли под стражу».

Как свидетельствует воспоминание Мавляна Лайлаева, в восстании активно участвовали представители неимущих слоев населения, которые жили в трудных условиях и больше всех подвергались насилию и принудительным работам.

Следует отметить, в восстании активно участвовали женщины с детьми, о чем свидетельствуют воспоминания другого участника из Андижана – Юлдаша Мирзаева[1].

Я был сыном чайрикера, который из-за страданий и мучений прожил недолго, оставив нас сиротами. Мое существование зависело от работы прислугой у баев. Достигнув совершеннолетия, я стал работать грузчиком на хлопковом заводе Рузиохунбоя. От этого жизнь моя не стала слаще. Хозяин завода заставлял нас работать с утра до ночи, но плата была ничтожной. Поэтому жизнь рабочих, похожих на меня, была трудной. В результате таких унижений я ушел с завода. Но не найдя подходящего места, я работал в доме у баев.

Таких бедняков, как я, было очень много. Мы были голодными и босыми. За день до восстания в городе Андижане распространился слух о том, что мужчин отправляют на тыловые работы, причем отправляют только бедняков. Люди начали собираться в шумную толпу и кричать: «Или жизнь,

[1] Место рождения – город Андижан, район Бештош, махалля Аъламомла. Дата рождения – 1879 г. Национальность – узбек. Отец – чайрикер. Сам – грузчик на хлопковом заводе Рузиохунбая, прислуга у баев. Место жительства – г. Андижан.

или смерть!», «Мы не сдадимся угнетателям!». Узнав об этом, чиновники царского правительства избили многих бедняков и отправили их за решетку, после чего недовольство народа сильно возросло, и всю ночь в махаллях продолжались волнения. На следующий день несколько тысяч человек скопились на городской площади Жоми. Восставшие взяли на базаре (где продавали дрова) саксаул и длинные деревянные палки, подняв их высоко над головой, начали шуметь. В руках у людей также были камни и кирпичи.

В толпе были видны женщины и дети. Восставшие начали штурмовать площадь Жоми, атакуя солдат, городского хокима и чиновников. Те принялись бежать, а мы преследовать их.

Полицейские открыли огонь, убив одного старика. Один молодой парень был ранен в ногу, были убиты несколько повстанцев, несколько человек были арестованы.

До февральских событий 1917 года я был вынужден скрываться в различных местах».

Известно, что при изучении прошлой и настоящей истории рукописные произведения, архивные документы и другие письменные данные имеют неоценимое значение. Однако очень трудно найти идентичные воспоминания участников того или иного события, и в этом особая ценность устно-исторических материалов. Здесь мы имеем дело с индивидуальными воспоминаниями, отражающими микроисторию. Воспоминания обычных, простых людей о том или ином историческом событии – очень значимое дополнение в освещении правдивой и объективной истории.

События 1916 г. на Иссык-Куле и в Чуйской долине по воспоминаниям очевидцев

В октябре 1993 г. состоялась экспедиция в Киргизию (руководитель отряда О.И. Брусина, член отряда О.В. Горшунова), посвященная изучению истории бывших переселенческих русских сел, культуры и быта их жителей. Были обследованы населенные пункты Иссык-Кульской области: с. Покровка (Покровское, ныне – Кызыл-Су, центр Джетиогузского района), г. Пржевальск (ныне г. Каракол), с. Семеновка (Иссык-Кульский район) и Чуйской области: с. Дмитриевка (ныне центр Джээкского аильного совета Ысык-Атинского района).

В беседах с детьми и внуками первых крестьян-переселенцев, а также с пожилыми киргизами, жителями бывших переселенческих сел, поднималась тема восстания 1916 г. и взаимоотношений в первые десятилетия XX в. крестьян-переселенцев с местным населением – киргизами. Те события оставили неизгладимый след в памяти людей, которые тогда были детьми, а к 1993 г. – глубокими стариками.

Представленные здесь материалы раннее не публиковались и являют собой новый ракурс в истории восстания, поскольку позволяют понять ситуацию на уровне межличностных отношений: что происходило с конкретными людьми в то время, их реакцию, действия, оценки, какое влияние оказало восстание на дальнейшую жизнь, на развитие последующих событий. Из рассказов можно проследить, как складывались отношения между переселенцами и местными жителями, какую роль сыграли местная администрация и армия, без поддержки которых существование и развитие переселенческих сел в Средней Азии было бы немыслимо.

Первые переселенческие села в тех краях появились в 60–70-е годы XIX в. В Пржевальском уезде было основано 6 поселков, в которых к тому времени проживало 8000 человек: Теплоключенка (быв. Аксуйское военное укрепление), Преображенское (Тюп), Сливкино (Покровка) Джергес (Новоконстантиновка), Ойтал (Алексеевка). В Пишпекском уезде к 1895 г. насчитывалось 10 поселков с населением 9400 человек, в том числе Лебединовское (1870-е гг.) и Дмитриевское (Иссыката) основано в 1882 г.[1] В 1900-х гг. в Пишпекском уезде было создано 14 сел, в Пржевальском – 9[2]. Пржевальск был заложен в 1869 г., как военно-административный центр на караванной дороге из Чуйской долины в Кашгарию (Китай). После сильного землетрясения 1887 г. застраивался преимущественно деревянными домами. К 1897 г. в городе насчитывалось 8108 жителей, а к 1913 г. население почти удвоилось. Город развивался как административный, торговый и культурный центр всего Прииссыккулья. К 1914 г. в городе и его окрестностях действовало 60 промышленных предприятий, но они в основном были небольшими, также там располагался военный гарнизон.

Ко второму десятилетию XX в. крестьяне-переселенцы уже достаточно обустроили свое хозяйство и быт. Были поставлены дома, чаще всего глинобитные, распланированы села, где площадь одной усадьбы составляла около 1 дес., освоена выделенная земля под пашню и покос – по несколько десятин на хозяйство (в зависимости от местности и числа членов семьи мужского пола). Села, как правило, нарезались сразу на большое, в среднем 100–300 число дворов (400–2000 человек). Во многих из них были возведены каменные постройки из жженого кирпича: церковь, школа и другие общественные сооружения (почта, фельдшерский пункт), также имелся базар. Были более мелкие, по нескольку десятков дворов села – в основном самовольческие, не санкционированные властями, впрочем, большинство из таких сел впоследствии было официально признано[3]. В Прииссыккулье после зем-

[1] *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 38.

[2] Там же. С. 63.

[3] Там же. С. 25–33; 50–51, 75.

летрясения 1910 г., когда глинобитные постройки развалились, переселенцы стали строить дома из дерева[1].

По своему достатку крестьянские семьи различались: встречались и бедные, члены которых подрабатывали чумачеством (извозом торговцев и их товаров), и средние, в основном сами справлявшиеся со своим хозяйством, и богатые, нанимавшие батраков – и русских, и киргизов. По данным на 1912 г. из 1094 хозяйств Пишпекского уезда бедняцких было 832, середняцких 254, кулацких – 8. Пользовались наемным трудом в Северной Киргизии 64% хозяев, всего в старожильческих селах трудилось в 1913 г. 33 тыс. поденщиков[2].

О размерах хозяйств можно судить по следующим данным. В 1912–1913 гг. из 2185 учтенных хозяйств в 9 селениях Пржевальского уезда 74,6% имели от 18,7 до 155,3 дес. пахотной земли, 3,3% – в среднем по 345, 3 дес., 4 хозяйства (0,2%) – по 971, 9 дес., а 479 хозяйств (21,9%) владело участками по 2,18 дес. В Пишпекском уезде было учтено 4387 хозяйств, из них 53,4% владели пахотными землями от 9 до 150 дес., 37% – от 0, 14 до 0, 22 дес., 9,5% – в среднем по 5,17 дес. Многие переселенческие хозяйства арендовали землю (пашни, залежи, сенокосы), в том числе у киргизских обществ. Так, поселки Семиречья в 1910–1913 гг. арендовали 49 473 дес., в том числе 28 634 дес. – у местного населения. В Пишкекском уезде крестьяне из 20,6 тыс. дес. пашни арендовали у киргизов 14,6 тыс. дес., в Пржевальском уезде из 5716 дес. арендованной земли было заимствовано у киргизов 2591 дес.[3]

Обычно в хозяйстве было несколько голов скота, в том числе пара быков для пахоты плугом, лошадь, бричка. В Пишпекском уезде к 1912–1913 гг. 4377 хозяйств имели более 80 тыс. голов скота. При этом 549 хозяйств насчитывали в среднем по 30 с лишним голов, 285 – по 66 голов, 36 семей – по 123 и 6 – по 180 голов[4].

В нач. XX в. в переселенческих районах стали возникать полуоседлые и оседлые селения киргизов. В Иссык-Кульской котловине появились киргизские поселения Даркан, Тепке, Чирак, Таштак, Темировка[5] (ныне эти села входят в состав Джети-Огузского района Иссык-Кульской области). (По сведениям старожилов, Даркан, или Тархан, возникло как переселенческое село).

Наши полевые материалы позволяют проследить состояние и развитие отношений между коренными жителями и переселенцами до, во время и после событий 1916 г., восстановить отдельные эпизоды самого восстания.

До 1917 г. киргизы преимущественно жили в горах, совершая со своим скотом ежегодные перекочевки: летом поднимались выше в горы, летом спус-

---

[4] *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 74.

[5] Там же. С. 100.

[1] Там же. С. 93–94.

[2] Там же. С. 84.

[3] Там же. С. 105.

кались в предгорья. Российские крестьяне жили на равнине, в частности, в Чуйской долине и вдоль побережья Иссык-Куля в крупных, по несколько сотен человек, селениях. Они занимались главным образом хлебопашеством, а также пастбищным скотоводством. Взаимодействие коренных жителей и переселенцев складывалось на основе торговли и товарообмена, но в первую очередь – найма киргизов на работу в русские хозяйства. Крестьяне продавали зерно, овощи и фрукты, а киргизы – скот и продукцию животноводства.

К нач. XX в. киргизское общество было далеко не однородно. Выделись богачи – баи, владевшие огромными стадами скота, количество которого достигало несколько тысяч голов. В разной степени подчинения и зависимости от бая находились члены родовых общин, в том числе те, которые на него работали. Немалую часть общества составляли люди, жившие крайне бедно, впроголодь. Возможность наниматься в батраки к крестьянам стала для них важным подспорьем для обеспечения семьи. В поисках заработка киргизы приходили в русские села. Главным образом их нанимали в качестве пастухов либо в крупные хозяйства, либо – сообща несколько рядовых семей, которые собирали свой скот в одно стадо и пасли совместно. Киргизов также привлекали к сельскохозяйственным работам. Таких батраков назвали *малаи*, у одного богатого крестьянина могли работать по нескольку человек, часто семья киргизов ставила юрту на участке русского хозяина и жила весь сезон или даже круглогодично. В период работы они получали еду и одежду, а в качестве заработка – долю урожая, деньги или определенное количество скота (приплода) в зависимости от величины находившегося под их присмотром стада. Между русскими хозяевами, которые сами тоже работали на полях, и батраками обычно складывались добрые, приятельские отношения, некоторые киргизы из года в год помогали одной и той же крестьянской семье. О степени взаимодействия между коренными жителями и крестьянами-переселенцами можно судить по тому факту, что многие русские мужчины могли изъясняться на киргизском языке.

Восстание («бунт», «мятеж», «революция») 1916 г., по воспоминаниям участников событий – стариков-киргизов, бывших тогда детьми, связано с указом о призыве местного населения на тыловые работы, что соответствует общей исторической оценке. Киргизская родовая элита – баи, бии (родовые лидеры и/или народные судьи), старшины стали во главе сопротивления указу, родовые группы пошли за ними. Восстание началось внезапно для русских поселенцев, в августе 1916 г., в период сбора урожая зерновых. Не все киргизы приняли в нем участие, некоторые из тех, кто работал у русских, предупреждали их о наступлении, что позволило крестьянам подготовить оборону и спастись. Об одном из таких киргизов с благодарностью помнили жители села Покровка.

Неожиданно массы воинственно настроенных всадников спустились с гор и стали нападать на переселенческие села и работающих на полях крестьян. Восставшие вторгались в села, убивали жителей и сжигали дома, угоня-

ли скот, кое-где жгли посевы. Часть скота голодные мятежники тут же резали и устраивали трапезы. Судя по воспоминаниям, в арсенале киргизов не было огнестрельного оружия, они орудовали нагайками или копьями (пиками) с металлическими наконечниками.

Из тех районов, где собирались полевые материалы, особенно пострадали небольшие самовольческие и потому наименее защищенные русские села на южном берегу Иссык-Куля. Было уничтожено большинство жителей сел Барскаун (Гоголевка), Даркан (Тархан, Нахаловка), Джеты-Огуз (Высокое), Липенка, Саруу (Самодуровка), Тамга, Тон, Шалба (Иваницкое), населению Боконбаевки (Кольцовки), возможно, частично удалось спастись, покинув село. Крупное село Покровка было атаковано, но люди, предупрежденные батраком-киргизом, заблаговременно подготовились. Они устроили баррикады и укрылись в каменном здании церкви, затем ушли в г. Пржевальск, где их расселили в казармах. Дома и церковь в Покровке были сожжены. Из Пржевальска был послан немногочисленный отряд для усмирения восставших, в военных действиях против киргизов участвовали казаки, в том числе из богатого с. Михайловка и крестьяне-ополченцы. Был развернут парусный флот, со стороны озера на баркасе военные атаковали Тон и Кольцовку, захваченные восставшими. Несмотря на огромный численный перевес, мятежники были разбиты и обращены в бегство, чему способствовало применение пулеметов «Максим» и ружей. В ходе столкновений множество киргизов было убито. Они отступали с большими потерями людей и скота – шли на юго-восток по дороге через горы на Китай, мимо Теплоключенки. После подавления восстания жители вернулись в Покровку и начали строиться заново, другие русские села на южном берегу Иссык-Куля опустели.

На северном берегу Иссык-Куля восставшие напали в числе других на с. Семеновка, которое полностью выгорело, а люди оттуда убежали в соседнее с. Ананьево, где расположились в огороженном саду на территории больницы. Позднее жители ушли в крупное с. Преображенское (Тюп). Казаки и российские солдаты прибыли из г. Пржевальска, разбили мятежников и обратили их в бегство – в сторону Китая. По дороге российские войска организовали засады, и масса киргизов погибла.

Селению Дмитриевка в Чуйской области повезло больше: восставшие не смогли преодолеть реку (Красную речку, или р. Чу), отделявшую их от переселенческого села. Тем не менее жители убежали в соседнюю Лебединовку. Их посевы не были сожжены и не пострадали, в отличие от полей на Иссык-Куле.

Киргизы перешли китайскую границу, несмотря на неодобрение китайских властей, расположились в нескольких населенных пунктах провинции Синьцзян. Беженцы в Китае крайне бедствовали, голодали, нанимались работать за еду к местным дунганам и уйгурам, отдавали женщин за калым. Многие погибли, а с 1917 г. стали возвращаться обратно на родину. Потеряв

все, обездоленные люди семьями бродили в поисках пропитания, обращались за помощью в русские села.

Самое важное заключение, которое вытекает из полевых материалов состоит в том, что, несмотря на недавние кровавые события, межнациональная вражда не стала доминировать в отношениях между коренными жителями и русскими переселенцами. Сложившиеся до восстания личностные связи способствовали тому, что крестьяне подчас не отказывали в помощи бедствующим киргизам: давали еду, принимали на работу в свои хозяйства. Более того, русские хозяева ездили к китайской границе, чтобы нанять батрака. Многие русские семьи брали на воспитание осиротевших детей-киргизов, которые становились практически членами этих семей, жили в них и помогали по хозяйству долгие годы.

После революции 1917 г. пустовавшие русские села с санкции советской власти стали заселяться киргизами. В процессе кампаний по экспроприации и раскулачиванию часть сельскохозяйственной техники и другого имущества, отобранного у богатых русских переселенцев, была передана коренным жителям, которые постепенно переходили к занятию земледелием и позже трудились в колхозах бок о бок с русскими крестьянами.

Сообщенные очевидцами сведения о ходе восстания в основном совпадают с описаниями священнослужителей Семиречья, которые приведены в публикации В. Королевой «История киргизского мятежа 1916 года в описании семиреченского духовенства»[1]. Источником послужили, в частности, статьи в периодическом издании «Туркестанские Епархиальные Ведомости». Эти данные дополняют картину, составленную по полевым материалам, в частности приводится более широкий список пострадавших сел и цифры по количеству погибших в отдельных селах.

Полевые материалы О.И. Брусиной, 1993 г.

С. Покровка. Священник Георгий. Беседа в церкви. (Тетрадь № 1.)

Здесь русские землепашцы основали поселение по имени одного из крестьян – Сливкино. В 1893 г. освящен здесь храм (каменный) во имя Покрова Божьей матери. На сельском сходе решено назвать село по имени храма – Покровкой. Служили там до 1920-х годов, потом отдали здание под клуб. В 1947 г. верующие приобрели неподалеку от церкви жилой дом, где проходили службы. В 1990 г. сделали капитальный ремонт храма, службы проходят в нем. А в старом здании церкви – по-прежнему клуб.

[1] *Королева В.* История киргизского мятежа 1916 года в описании семиреченского духовенства. [Электронный ресурс] // URL: http://spgk.kz/vera-koroleva/138-istoriya-kirgizskogo-myatezha-1916-goda-v-opisanii-semirechenskogo-dukhovenstva.html?showall=&start=1; [Электронный ресурс] // URL: http://spgk.kz/vera-koroleva / 138-istoriya-kirgizskogo-myatezha-1916-goda-v-opisanii-semirechenskogo-dukhovenstva.html?showall=&start=2

С. Покровка. Бабушка Мария, 1906 г.р., русская, местная уроженка. (Тетрадь № 1.)

У нас была большая семья, четверо детей у родителей. В хозяйстве две лошади. Мама ткала полотно изо льна (лен выращивали), у нее ткацкий станок был. Отец был сапожником. Дом кирпичный был, только крыша сгорела в 1916 г. – потом его быстро восстановили. В 1916 г. отец повез киргиза на бричке, а тут началось восстание. Отец бричку бросил, убежал в город, мы уехали на чужой бричке. Наши посевы киргизы не сожгли, не догадались. Местные киргизы жили в Саруу, Чичкане, Буторхане [?], а учились киргизы в Покровке – тут было мужское и женское училище.

С. Покровка. Горынина Анна Петровна, 55 лет, русская, местная уроженка, работница военкомата. (Тетрадь № 3.)

Мать родилась в с. Покровка в 1907 г. Сюда в основном приехали переселенцы из Сибири и Алтая. Киргизы пасли овец у русских хозяев. Несколько семей нанимали пастуха, расплачивались хлебом, или пастухи брали каждого 10-го барашка [в качестве оплаты]. Батраков у нас не было, на полях сами работали. Торговали в Турпане (Китай), ездили туда на лошадях и верблюдах, так как брички не проходили через перевалы. Торговлю вели торговцы из Караколя и китайцы. Школа была, во время бунта 1916 г. ее сожгли, потом построили каменную.

Дальше по южному берегу Иссык-Куля было несколько русских сел. Саруу (Самодуровка) – там в 1916 г. выбили русских из села. Восстание началось во время сбора урожая, в августе 1916 г. Там, где раньше была у них церковь, находится мечеть. Полностью сожгли во время мятежа 1916 г., а впоследствии заселили киргизы Саруу и Шалбу (быв. Иваницкое).

В Покровке церковь действующая. Во время бунта 1916 г. многие отсюда уехали в Каракол, там жили в казармах, после окончания событий люди снова возвратились сюда.

С. Покровка. Мария Конкина, ок. 60 лет, русская, местная уроженка. (Тетрадь № 3.)

Ее дед приехал из Пензы. До колхозов у них в хозяйстве было 2–3 коровы, свиньи, лошади, бричка. До колхозов киргизов не было. Некоторые хозяева брали на работу киргизов. Один работник спас своих хозяев в 1916 г., предупредил. После бунта он остался жить у них на участке в юрте, семьи у него не было. Мама нашла девочку-киргизку, воспитывали ее три года – для этого киргиза. Нашелся ее отец, дали ему калым за этого работника (чтобы он женился) – баранов. Те, что участвовали в бунте, – «заблудившиеся» киргизы. После бунта 1916 г. киргизы поселились в бывших русских поселках. Это расположенные дальше (южнее) по берегу Иссык-Куля русские села

Шалба, Саруу, Дархан, Тамга, Талап [?], Барскаун, Кольцовка (Боконбаевка). Это были русские поселки, киргизы всех жителей побили, спаслись только жители Покровки. Дома закрыли, спрятались в церкви. Вечером собрались киргизы, стали варить и есть баранов. А мы бросились в Пржевальск – пока киргизы спохватились, мы ушли. В плен брали тех, кто не ушел. В Китай пленных с собой забирали, красивых русских девок уводили в жены в Китай.

Казаки с Пржевальска сюда приехали. Киргизы ушли в Китай, но Китай их не принял.

После установления советской власти дали киргизам привилегию – дали дома в тех русских селах, где киргизы всех жителей побили. В 1918–1920 гг. киргизы здесь появились.

С. Покровка. Валерий Николаевич Кочергин, около 40 лет, русский. Дед Сергей (Дорофей Дорофеев), 92 года. (Тетради № 3 и № 4.)

В 1911 г. заселилась вся Иссыккульская котловина бежавшими ермаковцами за восстание в Омской губернии – уходили от репрессий. Построили церковь в Пржевальске из омского леса.

В 1910–1911 гг. было сильное землетрясение здесь и на северном береге Иссык-Куля – все смыло, всю почву, даже Тюп пострадал. Сары-Камыш провалился. До революции все киргизы жили в зоне леса, вниз не шли. На зиму они спускались на пастбища. Проезжали иногда по полям, травили посевы.

В Покровке первая церковь сгорела в 1916 г. Люди, когда уходили из села, иконы с собой унесли, потом вернулись, иконы сейчас в церкви хранятся.

В 1916 г. в Шалба (Иваницкое) убили 1500 человек, в Джеты-Огуз (Высокое) – там всех убили. Липенка погибла. Дархан (Нахаловка) – всех убили. Боконбаевка спаслась.

Здесь жил столяр, педагог, кузнец-ювелир, он в 1916 г. наладил изготовление пороха, делал пушки из дерева.

154 человека пошли по главной почтовой дороге – их убили. Спаслась одна девочка Мария 1902 г.р. из Иваницкого, потому что подвернула ногу и спряталась в арыке. Убивали арканами.

Мужчины ушли в ополчение в Пржевальск, женщины отправились берегом по озеру и спаслись. Погибли старые и больные, которые не могли передвигаться.

После этого [одно из мест] стали называть «Мертвое ущелье».

Киргизы ушли в Китай вместе со скотом. Скот там остался.

Был казак Чайко – крупный детина, у него лошадь была бельгийская. У него был карабин, цепь – бил цепью басмачей. Он с Дона, наводил порядок, к нему население приходило кланяться.

Был такой Семен Петрович Дараган [офицер?] из Верного. С.П. Дараган отправил 6 человек из Верного на Нарын, на Ат-Баши – они потушили

восстание, и все вернулись, часть отправил на север [северный берег Иссык-Куля], сюда направил 5 человек – 4 рядовых и 1 капитан. Был развернут парусный флот. Отплыли на баркасах с двумя пулеметами «Максим», у каждого был карабин. Поехали к Тону. Зашли в порт в Тонскую бухту, подплыли к берегу – а в Тоне группа киргизов мясо варит в котлах. Их расстреливали «Максимами». Потом прибыли в Кольцовку (Боконбаевку), на Кольцовке кончились боеприпасы, но киргизов там тоже побили. Из Кольцовки пошли в Покровку и на Теплоключенский маяк и маяк на китайской границе. Там пять точек просматривается.

Кольцовку основал генерал Кольцов, адъютант Его Превосходительства.

С. Семеновка. Мария Михайловна, русская, местная уроженка, ок. 80 лет, и ее дочь. (Тетрадь № 1.)

*Мы псковские. До революции у них хозяйство было: дойных коров – 10 голов, быков 6–7 пар впрягать в плуг, табун лошадей, жеребята, овец 15 шт. Паслись в предгорье и на огородах. Пшеницу, ячмень сеяли – до 30 га. Возили на пристань в Пржевальск продавать хлеб. Работники у них были: семья «мал**а**я» (киргиза), т.к. рабочих рук не хватало. Киргизы здесь появились после 1916 г., раньше жили в горах. Работники-киргизы у русских жили: и в комнатах, и юрту батраки на участке ставили. Русские хозяева давали им питание, одежду, а киргизы помогали хлеб выращивать. У них в семье мальчик-киргиз прижился, они его как сына растили – Роман Романов называли. Он по-русски говорил, с детства всю жизнь хлеб убирал. Эти батраки-киргизы делали то, что их заставят. Свои стада пасли и сами русские, и киргизы-наемники. Собирали скот в одно стадо жители одного квартала или улицы и пасли по очереди: одна семья – 3 дня, другая семья – 3 дня, а если некому, платили наемным киргизам, в основном киргизы пасли. С пастухами и деньгами, и хлебом расплачивались. Киргизы шерсть продавали нам, а мы им – хлеб. В нашей семье мужчины были кузнецами. У нас была кузница, где делали колеса для брички, лошадей подковывали – и киргизы обращались к нам в кузницу.*

Наши отцы почти все по-киргизски знали, братья по-киргизски знали.

*В село киргизы придут – за чем чаще приходили? – о работе договариваться: «буду из хлеба работать» – мы им хлебом платили – они ставили юрты и работали. Мы, дети, подростки, если хотели что-то заработать, ходили в Кожеяр [?] к киргизам нанимались опий полоть, урожай снимали – они приглашали, платили по копейке. Киргизов-работников называли мал**а**и – когда они при хозяине в русском доме жили. Чумачили русские – возили товар русских хозяев продавать на бричках в Пишпек и Верный. Товар русский мужик сюда возил, китайского товара не было.*

В 1910 г. здесь, на Иссык-Куле было большое землетрясение, зимой все развалило, избушки сделали, только собрались строиться.

В 1916 г. была революция – киргизы устроили мятеж, тогда нас угнали в Ананьево, мы сидели в садах неделю или две, потом прислали солдат из Пржевальска, киргизов разогнали. Киргизы русских выгнали, потом их солдаты побили, киргизы ушли в Китай, а сюда спускались откуда-то с гор. Когда они вернулись из Китая в 1917–1918 гг., их вокруг стало много. Они очень голодали, ходили взрослые и дети по домам к русским попрошайничать. Русские их жалели, кормили, одежду давали, во многих русских домах остались дети-киргизы – сироты. Они становились как члены семьи, помогали по хозяйству.

С. Семеновка. Божалиев Султангозы, 1900 г.р. киргиз, мулла. А также другие аксакалы села. (Тетради № 4 и № 5.)

Раньше богатые киргизы жили в горах зажиточно. У отца было 300 баранов, 10 коров – он был сам себе хозяин. Когда русские были, хлеб покупали у них.

Восстание 1916 г. произошло в связи с указом Николая II о призыве коренных народов в трудовую армию. Призывникам надо было брать полное обмундирование – капор [?]. Киргизы стали говорить, что русские – не крещеные, кяфир. Киргизы решили не выставлять людей – это был протест против царя. Был побег в Китай – через горы в сторону г. Кульджа. По дороге киргизов расстреливали, многие погибли. В Китае расселились в селе Кок-Терек (Синьцзян). Был поселок Кыргыз-Сай – там жили казахи, дунгане, уйгуры, калмыки, китайцы. В Китае все в юртах жили – очень трудно приходилось, работали за еду, женщин продавали. Возвратились в 1917 г. – Китай выгонять стал. Пришли в район Аксуу [Теплоключенка], Турген, постепенно на родные места перекочевали в с. Кен-Суу. В родное село в 1920 г. попали. Киргизам выделили плуги с лошадями, бесплатно дали семена, выдавали вещи – мануфактуру. Засевали зерно, опий, урожай продавали. Завели скот. Все это – по подписанному Лениным Приказу № 10 от 1920 г.

С. Семеновка. Елена Тимофеевна 1916 г.р., русская, местная уроженка. (Тетрадь № 5.)

Отец в 1901 г. привез семью из Сибири. Жили в Ананьево, а она сама родилась в Семеновке. Были свои лошади, свои плуги – все свое было. Киргизов брали в пастухи, им скот отдавали пасти.

В 1910 г. нарезали (производились землеотводные работы. – *О. Б.*) *Семеновку – где сейчас школа, там была церковь, киргизы ее сожгли. Казаки потом сказали: «Люди добрые, несите, что можете, мы вам церковь поставим». Кто, что мог, принесли и в 1917 г. поставили. В 1972 г. церковь снесли.*

Восстание киргизов 1916 г. называли киргизский бунт. В августе была уборка хлебов. Тех, кого захватили на поле, не били, а скот забирали. Люди уехали в Ананьево – там здание Казенный сад, а ныне больница. Потом в Тюп уехали на повозках. Казаки пришли на защиту.

С. Дмитриевка (Чуйская область). Елена Ефимовна, ок. 70 лет, русская, местная уроженка, работала учительницей в школе. (Тетрадь № 5.)

*Ее отец, 1870 г.р., приехал из Воронежской губернии в 1880 г., они были одними из первых поселенцев. У их отца с матерью было 14 детей. До революции жили очень бедно. Богачи были Мальцевы, Потловы. У богатых много батраков было, работали мал**а**и.*

Бунт был в 1916 г. Киргизы тогда зверски относились к русским. Между с. Дмитриевка и с. Красная речка протекает речка. Все село Аламудун эвакуировали, оно осталось пустым, там стоял гарнизон до речки – она полноводная была, киргизы не смогли перейти, сюда не дошли.

С. Дмитриевка (Чуйская область). Матрена Ефимовна, 93 года, русская. (Тетради № 2 и № 5.)

*Приехали из Воронежской губернии пять братьев, в том числе – их отец. Мать здесь родилась, а родители – из Воронежской губернии тоже. Здесь поселилось сразу 30 семей, остальные дальше пошли, в сторону Пржевальска. Отец рассказывал, что по ту сторону речки китайцы жили: продавали булавки, шелк, брошки. А русские дети им приносили железный лом. Киргизов не было, жили здесь только китайцы. Богатые русские крестьяне нанимали киргизов – мал**а**ев скот пасти. А наши русские чумаки извозничали – возили в Верный пшеницу, ездили на быках. За извоз мужикам давали деньги, а иногда новые брички. У двух кулаков работали мал**а**и. Было только два богатых хозяйства – Мальцевых и Потловых. У Мальцевых было много баранов, у Потловых – пасека. У Потловых мал**а**й был, у них мельница была, караван-сарай, почта, кузница, бедных нанимали на работу.*

Киргизы голодали. Киргизские женщины плели много кос, деньги на них вешали. При советской власти они стали русскую одежду носить. Летом они в горы уходили, а зимой юрты по ту сторону р. Чу ставили (Джиек, Сосалчи [?]). Крестьяне нанимали пастуха пасти телят и свиней, а баранов и коров – отдельно. Часто пастухами были киргизы, в том числе они пасли свиней. За товаром, мануфактурой ездили в Пишпек, Верный, Ташкент.

Когда начался бунт в 1916 г., мы отсюда в город ушли. Киргизы были вооружены длинными палками с наконечником – пикой, так Токтогул рассказывал. Они верхом, на лошадях воевали. Киргизы овец воровали, резали. Мы ушли во время бунта в Лебединку. Казаков прислали, наверно, с Верного, полк из Фрунзе прибыл – киргизов побили.

Тогда много киргизов умерло с голоду.

Начали с Иссык-Куля воевать, киргизы тучами приезжали, стреляли по ним из пулемета. Тьма киргизов была – они в горах умирали. Юрты у них по ту сторону р. Чу, на эту сторону не могли перебраться. Как понашли с Иссык-Куля, здесь остановились. Летом 1916 г. погиб весь хлеб, а мы с хлебом были после восстания. Пулеметом в них стреляли. Сейчас говорят, что они наших побили многих.

После восстания киргизы голодали, хлеба просили в русском селе.

Однажды во время киргизского голода видят, стоит какой-то паренек-киргиз, видят, не уходит: говорит: «Возьми меня». Это был Токтогул, сирота. Его родители умерли от голода, наш отец его взял – одел, кормил. Остался он жить здесь жил в нашей семье, по хозяйству помогал.

Отец нашел ему невесту среди киргизов, сосватал, женил, у себя во дворе юрту поставил для них. Невесту нашли так: муж Марии Ефимовны пас вместе с киргизами скот, и отец вместе с ним поехал к киргизам, договорился и увез одну девушку. Токтогул ушел от нас, когда его жена стала рожать, ведь мужчины-киргизы шумят, из ружей стреляют, когда жена рожает.

Г. Пржевальск. Валентин Иванович Воронов, 50 лет, русский – нач. отдела связи. Его жена Валентина Никифоровна Морозова, 1949 г.р., русская, диспетчер узла связи, дочь Ольга, 25 лет, учитель географии в школе. (Тетрадь № 2.)

В Пржевальске отмечалась годовщина восстания 1916 г. – была демонстрация, демонстранты-киргизы шумели, кричали националистические лозунги, что-то рубили и перевернули. Но ничего такого не произошло, жизнь не нарушилась. Они угомонились, и все опять стало спокойно. А по ТВ нагнетали обстановку: вот, в Пржевальске беспорядки… Из мухи слона делают.

Глава VII
1916 г.: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

100-летний синдром 1916 г.: тернии истины и свобода вымыслов

100-летие событий 1916 г. в Казахстане и Средней Азии является важным поводом для нового осмысления и предметного обсуждения многих вопросов, связанных как историческим прошлым, так и современным положением взаимоотношений государств, расположенных в указанных географических пределах и выходящих далеко за границы их локальных очагов.

1916 год – итог развития социально-экономических и политических противоречий в мировых масштабах. Пожалуй, мало кто обратил внимание на фразу обыкновенно неясно выражавшегося британского министра Эдуарда Грея, который накануне Первой мировой войны сказал: «Всех последствий подобной войны… совершенно нельзя предвидеть»[1]. Вряд ли глава Форинофиса («Foreign Office») знал, что эти последствия будут оказывать влияние на общественное и историческое сознание бывшей Азиатской России вплоть до начала XXI в.

Истина, как известно, бывает одна и по природе своей одинока. Однако, как показывает жизнь и история, истина имеет свойство быть многогранной. Когда же это касается события, имеющего отношение к нескольким странам и народам, то неминуемо обнаруживается такая грань, как историческая обида.

События 1916 г. не составляют исключения, и лицо их истины гораздо сложнее, чем мы это себе представляем. За прошедшие сто лет этому событию было суждено пережить многочисленные оценки и обнаружить разные стороны своей сути, что породило представление о многоликости истины в ее отношении.

Главная проблема, которая обращает на себя внимание в связи с событиями 1916 г. в Казахстане и Средней Азии – степень изученности их историко-правовых аспектов. Данная проблема напрямую связана с непосредственным поводом к их началу, а точнее – Указом царя Николая II от 25 июня 1916 г. В первозданном виде документ этот называется «Высочай-

[1] История дипломатии. 2-е изд. М., 1963. Т. 2. С. 789.

шее повеление… представленное соглашению министру внутренних дел и военному»[1].

Подробные правовые обстоятельства появления Указа впервые в историографии пытался объяснить А.В. Панфилов. В своем выступлении на Международной научно-теоретической конференции «Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: характер, движущие силы, уроки»[2] ученый ставил вопрос о легитимности Указа и вовлеченности в это обстоятельство правительства и силовых министерств, законодательной и исполнительной власти Российской империи.

Положения, приведенные исследователем, достаточно убедительно доказывали, что произошли серьезные нарушения существовавшего законодательства, и император Николай II был просто подставлен заинтересованными в Указе лицами. К тому же общеизвестно, что царь мог издавать только три документа. А именно: «Указ Правительствующему Сенату», «Манифест» и «Рескрипт». После того как в период Первой мировой войны царь Николай II взял на себя функции главнокомандующего российской армией, он мог еще издавать «Приказ армии и флоту»[3].

В литературе часто Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. называют Указом «О реквизиции инородцев». Но при этом не обращается внимания на то, что, собственно, представляет собой «реквизиция» и каков ее правовой аспект. Статья 139 Свода военных постановлений о реквизиции звучала следующим образом: «Реквизиция есть принудительное приобретение от жителей всякого рода местных средств, необходимых для удовлетворения нужд армии, а равно и обязательный наряд местных жителей для производства всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами». Но законодательно, если нужно было везти живые средства, т.е. людей, их нельзя было везти дальше их деревни и места проживания[4]. Следовательно, Указ не соответствовал статье закона.

Между тем «правительство в лице Д.С. Шуваева и Б.В. Штюрмера сумело убедить себя в законности принимаемых мер в полном соответствии с известным афоризмом: «если нельзя, но очень хочется – то можно». Осознание нелигитимности содеянного пришло, но позже… Но даже тогда министры публично не хотели признать этого… В декабре 1916 г., когда Штюрмер был

---

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. № 182. Ст. 1526. 6 июля 1916 г. С. 1747.

[2] *Панфилов А.В.* К истории Указа от 25 июня 1916 // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: Материалы Международной научно-теоретической конференции (г. Алматы, 1996, 18 октября) / сост. С.Ф. Мажитов, С.А. Жакишева. Алматы, 1996. С. 55–63.

[3] См. также: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. Котюкова. М., 2016. С. 38–39.

[4] *Панфилов А.В.* К истории Указа от 25 июня 1916. С. 61.

еще жив, представители оппозиции называли главного, по их мнению, виновника – именно Штюрмера – и даже указывали, почему премьер-министр мог быть заинтересован в появлении на свет Указа от 25 июня, – коррупция…»[1]

Можно было бы сослаться на требования Российского государства в условиях военного времени, но «за 1916 г. Николай II сменил четырех председателей Совета министров (И.Л. Горемыкина, Б.В. Штюрмера, А.Ф. Трепова и князя Н.Д. Голицына), четырех министров внутренних дел (А.Н. Хвостова, Б.В. Штюрмера, А.А. Хвостова и А.Д. Протопопова), трех министров иностранных дел (С.Д. Сазонова, Б.В. Штюрмера и Н.Н. Покровского), двух военных министров (А.А. Поливанова, Д.С. Шуваева) и трех министров юстиции (А.А. Хвостова, А.А. Макарова и Н.А. Добровольского)»[2].

Подобная постановка вопроса о подлинных обстоятельствах причин появления на свет Указа от 25 июня 1916 г. может быть дополнена и рядом других положений. Первостепенное внимание привлекают вопросы, связанные с тем, почему в столь короткие сроки было принято решение о реквизиции на тыловые работы? Несмотря на то, что уже долго и неоднократно поднимался вопрос о привлечении к воинской повинности ранее освобожденных от нее, за 3, 6 мая и 14 июня 1916 г. был практически решен вопрос о реквизиции. К тому же такое решение принято было в нарушение царского слова, данного еще в первой четверти XIX в. Казахам и другим «инородцам» было обещано, что при случае вступления Российской империи в военный конфликт они не будут привлекаться к военным действиям и работам.

Вопрос о причинах Указа от 25 июня связан с формированием интересов промышленных и финансовых кругов России в период Первой мировой войны. «Учитывая, что многие государственные предприятия отказывались от использования труда тыловиков, то естественно предположить лоббирование этого решения (возможно, через г. Распутина) теми помещиками и фабрикантами, которые и получили основную массу тыловых рабочих под предлогом выполнения военных заказов»[3].

Для понимания истины о событиях 1916 г. важны вопросы, связанные с общим состоянием аграрного сознания внутри Российской империи и на ее окраинах. Главенствующее влияние на нее оказывала Первая мировая война. И здесь на передний план выступали факторы социального восприятия момента крушения ценностей, определявших массовые настроения крестьянства. В свое время академик М.К. Козыбаев, имея в виду его начало, определил XX столетие как «взбесившийся век» («аласұрған XX ғасыр»)[4].

---

[1] *Панфилов А.В.* К истории Указа от 25 июня 1916. С. 62.

[2] Николай II. [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/

[3] *Панфилов А.В.* К истории Указа от 25 июня 1916. С. 63.

[4] *Қозыбаев М.* Аласұрған XX ғасыр (толқыныс, ізденіс, проблемалар) // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение: сб. статей. Алматы, 1993. С. 3–16.

Новаторский прорыв в анализе социальной психологии и менталитета крестьянства конца XIX – начала XX в. осуществила О.А. Сухова в фундаментальной монографии «Десять мифов крестьянского сознания»[1]. Анализируя ретроспективу истории Первой мировой войны, автор ссылается на положения труда Э. Канетти «Масса и власть», в которых это событие отмечено как подлинное начало XX столетия, «века масс, их выхода на авансцену истории как субъекта, их стихийных или управляемых порывов, созидательных или разрушительных деяний, побед и поражений. В контексте социокультурного подхода мировая бойня приобрела характер катализатора масштабного социетального кризиса, спровоцированного нарушением одного из основных принципов социального бытия – принципа «антропо-социетального соответствия», детерминируемого необходимостью совмещения личностно-поведенческих характеристик человека как члена данного общества и социетальных характеристик этого общества (разрыв единства культуры и социальности). За три долгих года войны в народном мировосприятии произошло диаметрально-противоположное смешение оценочных суждений от позитивных до критически-негативных. «Война-праздник» превратилась в «войну-катастрофу», что в конечном счете и предопределяло крушение идей государственности, правопорядка и активизацию глубинных пластов архаичной… культуры»[2].

Только с 70-х годов XX в. стала разрабатываться теория реагирования аграрного сознания и крестьянских масс на общенациональные лозунги[3]. «Моральная экономика» крестьянства всегда затмевала их национальные основы. Вот почему даже В.И. Ленин, когда осуществлял пролетарскую революцию, не мог апеллировать к национальным чувствам. Большевики в Октябре 1917 г. произвели, по сути, социально-политическую революцию, почему ее сегодня некоторые историки пытаются назвать переворотом. Успех принесло только обращение к социально-экономической сущности крестьянства.

Опыт восстания 1916 г. преподал лидерам Алаш Орды в Казахстане урок о том, что в аграрной среде нельзя легковесно относиться к мероприятиям, связанным с национальными лозунгами. Феодально-монархические представления в среде народных масс были более живучими и незамедлительно дали знать о себе в дни Февральской революции 1917 г. «Ақ патшаның тақтан құлауы» («Падение Белого царя с трона») оставило более глубокий след в сознании народа, чем трагические события 1916 года. Спустя почти столетие казахский народ помнил, что не он сам свергал своих ханов и отменил инс-

---

[1] *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

[2] Там же. С. 384.

[3] *Мажитов С.Ф.* Проблемы истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII – начала XX в. в Казахстане. Алматы, 2007. С. 80–101.

титут ханства по реформам 1822 и 1824 гг. Это было сделано Белым царем. Поэтому народ не мог поверить в то, что реалии жестокой действительности, порожденные 1916 г., есть результат крушения спасительных иллюзий в отношении царя-отца.

Сакральный институт власти в лице монарха олицетворял собой не только патриархальность, но и традиционность. «Носители традиционной политической культуры воспринимали его в качестве не столько социально-политической, сколько ментальной, духовной категории. Высшая государственная власть понималась как явление, во-первых, тотальное, всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магически-сакральное, далекое и недостижимое, недоступное простым людям; в-третьих, персонифицированное – воплощенное в монархе»[1].

Монархические разочарования крестьянства были тесно связаны с его реакциями на политические идеи и призывы своих лидеров. Условия аграрного общества, порождающие соответствующий тип сознания и собственно патронажно-клиентные отношения между его индивидуумами, как правило, ведут к тому, что крестьянство слабо или вовсе не реагирует на общенациональные лозунги. Вот почему Ричард Пайпс видел в крестьянстве политически индифферентную массу, повергнутую в мечты о справедливом патроне[2].

Толчки, сотрясающие историографическое поле, во многом связаны с синдромом восприятия событий 1916 г. Корни существующих проблем по событиям 1916 г в бывшей советской Центральной Азии восходят к серьезным историко-наследственным, геополитическим и географическим основаниям. Последние неминуемо влияют на существующие взгляды, интерпретации, оценки и поиски путей истины об этом весьма сложном и неоднозначном катаклизме начала XX века.

События 1916 г. напоминают легенду об иранском правителе Джамшиде – обладателе волшебной чаши. Говорят, когда он смотрелся в нее, то имел возможность наблюдать за всем, что происходит в мире. Но в историографическом ракурсе эту легенду, наверное, следует воспринимать в несколько ином плане: это была чаша, которая давала возможность показывать только то, что хотел видеть сам правитель. За 100 лет после событий 1916 г. был создан историографический калейдоскоп, элементы которого составили все, кто об этом писал. Начиная с описаний очевидцев и научных попыток, до спекулянтов от политики и фантазий любителей от истории.

Когда мы обращаемся к таким острым темам, как события, связанные со сложными страницами во взаимоотношениях стран и народов, к которым относятся протестные или национально-освободительные движения, здесь

[1] Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. М., 2007. С. 232.

[2] *Мажитов С.Ф.* Проблемы истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII – начала XX в. в Казахстане. С. 86.

чаще всего встречается феномен, напоминающий ту самую «Джамшидову чашу», в которой каждый хочет видеть только себя и то, что ему хочется.

Между тем есть объективная наука, и хорошо, когда исследователи опираются на исторические источники. Они между тем расположены в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, России, странах Прибалтики и даже Америке. Практически не каждый источниковед имеет возможность дойти до нужного источника. И в конечном счете это, бесспорно, влияет на оценку того или иного исторического события.

Столетие событий 1916 г. в Казахстане и Средней Азии – важный повод для нового осмысления и предметного обсуждения многих вопросов, связанных, как с историческим прошлым, так и с современным положением, с взаимоотношениями государств, на которые оно оказало влияние.

Особенность этих событий заключается именно в том, что они охватывают широкий географический масштаб. Ранее мы не обращали на это внимания, ограничиваясь территорией Евразии, под которой подразумевали Российскую империю, Казахстан и Среднюю Азию. До сих пор в исторической науке и научно-популярной литературе не был осуществлен комплексный взгляд на 1916 г. с точки зрения его эпохальности, глобальности. А самое главное – его роли в становлении современной истории Евразии и Центральной Азии с выходом на геополитическое пространство от пределов Китая и Индии до Великобритании, если не всего человечества.

Существующие положения по историографии событий 1916 г. в Казахстане и Средней Азии содержат широкий спектр оценок, взглядов, мнений и рассуждений. Среди них есть определения от «широкомасштабной трагедии» до «революции». На начальном этапе независимости Казахстана 1916 г. был охарактеризован историками как «грозный» и «мятежный» («қаһарлы», «дабылды»). В зависимости от трансформации социально-политической ситуации, неминуемо определявшей те или иные оценки, историографическую ситуацию вокруг рассматриваемого вопроса можно классифицировать следующим образом.

К первой разновидности относятся оценки и мнения, имеющие непосредственное отношение ко времени исторического события, т.е. к 1916 г. Здесь наблюдается широкий спектр мнений в зависимости от того, на чьей стороне был тот, кто оценивал события. Официальные представители русской администрации оценивали события 1916 г. как «сопротивление», «волнения», «бунт», «мятеж», «восстание». Сами же противники Указа на начальном этапе придерживались мнения о том, что это «растерянность», «акт недоверия чиновникам», «справедливое требование об отсрочке», «неповиновение», «народное волнение», которое способно перерасти в масштабный протест, восстание, войну. Здесь на себя обращает внимание целый блок документов, которые свидетельствуют о том, что основная масса участников событий как со стороны позже восставших, а также российской стороны пытались устано-

вить диалог и были готовы к мирному разрешению ситуации. Эти материалы относятся непосредственно к июлю-августу 1916 г.[1]

Вторая палитра воззрений на события представляет собой официальные и полуофициальные рефлексии, связанные уже с исходом событий и в основном сводившихся к оценке произошедшего как «восстания». Подобная оценка просуществовала практически до 60-х гг. XX в. Правда, в самом процессе изучения и реакции события 1916 г. наблюдается серьезный разрыв. Если до 15-летия этого события к нему обращались довольно часто, то с середины 20-х до 60-х гг. оно упоминается только в связи с юбилеем событий. Преобладающей же в советский период стала точка зрения о том, что 1916 г. был предтечей Февральской и Октябрьской революции 1917 г. В соответствии с такой трактовкой на передний план выступала только лишь революционная сторона событий, а точнее ее радикальная составляющая.

После развенчания культа личности Сталина о событиях 1916 г. стали говорить как о «национально-освободительной революции», в которой присутствовали две линии. Так, известный историк П.Г. Галузо считал, что с восстания 1916 г. началась борьба местной буржуазии и капитализирующегося байства за образование национальных государств. «Но была и другая линия национально-освободительной революции… Ее началом было восстание 1916 г. и Февральская революция, а завершением – победа над «государством» Алаш в Казахстане и Кокандской автономией в Узбекистане»[2]. Автор рассматривает в качестве второй линии борьбу двух способов решения национального вопроса – крестьянского и буржуазного. В свете подобного видения поражение национальной интеллигенции рассматривается как крах «буржуазного национализма», который в случае победы мог стать апогеем целей и задач 1916 г.

Таким образом, в советскую историографию, обновившуюся после хрущевской оттепели 60-х годов XX столетия, была заложена основа для разночтений событий 1916 года с позиций не только классового подхода, но и перспектив решения национального вопроса. Общим знаменателем стала собственно советская идеология, которая окажет также влияние на осмысление и противоречивые оценки 1916 г. в постсоветский период.

Третий блок взглядов относительно 1916 г. связан с интерпретациями с позиций национальных историй постсоветского периода. Существующие оценки включают в себя положения от геноцида до национальных войн.

Четвертый пласт заблуждений и разночтений проецируется на объективный процесс становления как исторической, так и в целом гуманитарной

---

[1] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы) – Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Алматы: Қазақстан, 1998. Т. 1. С. 16–42.

[2] *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. / под ред. С.М. Дубровского. Алма-Ата, 1965. С. 22.

науки. Прежде всего это связано с неразработанностью или поверхностным отношением к вопросам теории и методологии протестного движения в аграрных обществах.

В 1970-х гг. одновременно с отечественными изданиями появляется несколько значительных зарубежных исследований по истории протестов, посвященных крестьянству в досоветский период. Первой серьезной работой такого плана стала монография Нормана Ф. Кантора о социальных протестах в XX в. Автор дал обстоятельное описание главных критериев протеста: доминирование и сопротивление. Государственное доминирование ассоциировалось с застоем, разрушение которого приобрело в глазах современников легитимность и необходимость. С середины XIX в. в России преобразования связываются с разрушением. Тем самым, протест приобрел экстремистские окраски. Другими достаточно известными работами зарубежных авторов, оказавшими влияние на отечественную историографию, являются монографии Дэниэля Филда «Повстанцы во имя царя» (1976) и Теодора Шанина «Россия, 1905–1907: Революция как момент истины» (1986)[1].

Применительно к рассматриваемой проблеме феномена крестьянства в народно-освободительном движении досоветского периода представляется правильным обратиться к такой дефиниции как «моральная экономика» крестьянства, которая была введена в научный оборот американским исследователем Джеймсом Скоттом[2].

В основе мотивации социального поведения в крестьянских обществах лежит этический принцип, выделенный Джеймсом С. Скоттом в его работе «Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии» (1976): «Главное – выжить» («safety – first»)[3]. На этом принципе строится глубокое убеждение крестьянства, что государство или земельная аристократия, изымающие часть их продукции, не должны покушаться на необходимый минимум, обеспечивающий простое воспроизводство крестьянского хозяйства. Защита «права на существование» являлась главным «топливом» всех бесчисленных крестьянских восстаний и служила психологическим оправданием всех форм негативных (по отношению к власти и собственникам) общественных изменений.

Если принцип «безопасность существования», рассуждает Дж. Скотт, играет решающую роль в жизни крестьян и определяет их поведение, то он должен быть отражен в крестьянских институтах и нормах, а также в оценке

---

[1] *Shanin T.* Russia, 1905–07: Revolution as a Moment of Truth. The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. London, Macmillan Press Limited, 1986. Vol. 2.

[2] *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 202–210.

[3] *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Нью-Йорк, 1976. С. 10.

крестьянином таких важнейших сфер, как сельская стратификация, взаимопомощь сородичей, землевладение и налогообложение[1].

Часто причиной возникновения протестов и недовольств являлось отсутствие законодательного регулирования аграрных, в частности, поземельных, отношений. Особенно в таких районах массового переселения, как Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. Некоторые правила о землепользовании, еще не получившие официального, правительственного введения в районах Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств, фактически действовали в разных общинах и аулах. В прошениях ходатайствующие пытались изложить суть своего дела, скрыв от государства не совсем нужные, с точки зрения крестьянской психологии, факты. Солидным аргументом в пользу самостоятельного толкования законов было наличие в каждом ауле своего предводителя и «традиционного местного права». Суть традиционного права состояла в сложившихся обычаях и поведении крестьян, которые находились в прямом противоречии с законами всей империи, но признавались администрацией края[2].

Теоретическое обобщение опыта изучения народно-освободительного движения в начале XX века выявляет множество проблем, требующих своего изучения с точки зрения достижений современной историографии и источниковедения. Главным, на наш взгляд, является определение теоретических подходов и параметров методологии для их исследования.

Сегодня очень важна постановка вопроса об объективных обстоятельствах, причинах, прагматических факторах, которые влияют на полноценное изучение событий 1916 г. Возникающие ситуации связаны с комплексом проблем, главная среди которых то, что в научный оборот продолжают вводиться исторические источники. С другой стороны – уже с момента первого десятилетия событий 1916 г. наблюдается «юбилейно-ситуативный» подход к исследованию столь многогранного исторического явления и связанной с ним противоречивой научной проблематики.

Между тем 1916 г. – это завершающий этап народно-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии, который начался еще в первой четверти XVIII в. И здесь нужен комплексный подход, иначе понять эти события во взаимосвязи просто невозможно.

В данном конкретном случае представляется объективным начинать хронологические рамки протестных движений периода колониализма с самого начала присоединения Казахстана и Средней Азии к Российской империи, т.е. с 30-х годов XVIII в. В этой связи отмечу, что еще в 1998 г. впервые была предложена цельная периодизация, согласно которой народно-освободительное движение казахского народа включает четыре этапа. Первый

[1] *Мажитов С.Ф.* Проблемы истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII – начала XX в. в Казахстане. С. 91.

[2] Там же. С. 89.

этап – 1731–1847 гг. Второй этап – 1847 г. – конец XIX в. Третий этап – начало XX в. – 1940-е гг. Четвертый этап – 1950-е – 1990-е гг. Как видно, данная периодизация включает в себя большой хронологический срез, содержание которого составляет исторический процесс, связанный с присоединением Казахстана к России и до обретения им независимости.

Первый и второй этапы характеризуются присутствием монархических иллюзий и завершаются открытой войной с метрополией, которая в 60-е гг. XIX в. завоевала Южный Казахстан и Среднюю Азию. Для конца второго и начала третьего этапа присущи «мирные» формы борьбы, просветительство, реформаторство, идея национальной автономии. Одновременно появляются самостоятельные крестьянские выступления, направленные на борьбу с модернизациями казарменного строя и тоталитарной системы. На четвертом этапе имеют место открытые выступления против административно-командной системы управления, политической бюрократии, тоталитарной идеологии, что завершается достижением Казахстаном политической независимости и строительством основ суверенного государства[1]. Благодаря такому подходу появляется возможность представить народно-освободительное движение казахского народа как цельный процесс, который на каждом из отдельных этапов имел свои особенности и специфику.

В существующей литературе принято ограничивать события, охватившие Казахстан и Среднюю Азию (Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан), лишь 1916 г. Между тем как быть с тем большим пластом источников и документов, которые относятся к продолжению этих событий в 1917 г.? Как известно, в январе 1917 г. повстанцы Тургая предпринимали новое наступление. В феврале 1917 г. широкое наступление против повстанцев ведет карательная экспедиция генерала Лаврентьева. Во время отступления вглубь степей до восставших доходят вести о Февральской революции. К тому же именно к 1917 г. относятся события, связанные с расправами и репрессиями над восставшими, возвращением тыловых рабочих, реабилитацией участников восстания и т.д.

Изучение и анализ народно-освободительного движения казахского народа с позиций хронологических рамок 1916–1917 гг. выявляет ряд неизученных проблем и открывает новые перспективы в их исследовании. В данной проекции появляется возможность совершенно по-новому взглянуть на события весны – осени 1917 г. в Казахстане и Средней Азии. В особенности в плане социально-экономической и политической жизни данных регионов.

Анализ существующей литературы показывает, что до сих пор отсутствуют обобщающие работы по сравнительному анализу народно-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии, в целом Востока; их влиянию на внутреннее и внешнее положение метрополий в лице России и Великобри-

[1] *Мажитов С.Ф.* Актуальные проблемы изучения национально-освободительного движения в Казахстане // Материалы семинаров, круглого стола и конференции. Алматы, 1998. С. 58.

тании. Об этом говорилось в 1998 г. при издании сборника документов «Грозный 1916 год» в двух частях. В предисловии к первому тому было обращено внимание на то, что «к числу малоизученных относится международный аспект колониальной политики царизма в Казахстане и Средней Азии – идея расширения границ империи за счет территории соседних государств. Официальные власти намеревались использовать выступление народов восточных окраин как повод для присоединения к России части территории Персии»[1].

В этой связи высвечивается требующая своего исследования проблема присутствия интересов западных стран в событиях 1916 г. в Казахстане. В одном из выступлений на Научной сессии 1955 г., посвященной истории Средней Азии и Казахстана в Ташкенте говорилось, что «во время восстания 1916 г. на границах Семиречья действовали германские и турецкие шпионы»[2]. Между тем до сих пор этот вопрос не нашел должного научного освещения. Он является источником для всевозможных интерпретаций и вымыслов, что серьезно вредит объективному изучению событий 1916 г.

Историографическая ситуация требует тщательного анализа исторической географии событий 1916–1917 гг., их локализации и топонимической привязки. Например, в большинстве специальной литературы и учебниках в Казахстане выделяются два крупных очага событий 1916 г. – Тургайский и Семиреченский. Документальный и фактический пласт информации доказывает, что географический масштаб событий 1916 г. в Казахстане был значительно шире. Это доказывают частично материалы упомянутого сборника документов «Грозный 1916 год», которые во втором томе представлены по географическому принципу.

Приведу лишь один факт. Временно исполнявший должность начальника Мангышлакского уезда Быков в телеграмме в Канцелярию генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина (февраль, 1917 г.) сообщая об отправке очередной партии мобилизованных рабочих, писал: «…Сегодня пароходом “Киргиз” в Баку отправлен в полном снаряжении эшелон, которым следует третья, и последняя, партия реквизированных рабочих степняк-киргиз Мангышлакского уезда в составе семисот человек…»[3] Из сказанного следует, что в события 1916 г. активно был вовлечен Западный Казахстан. К тому же здесь возникает и другая проблема – формы борьбы в различных регионах Казахстана. Это важно для определения в целом типологии и характера движения 1916 г. в Казахстане. Тем более что в том же документе говорится, «несмотря на тяжелые условия, ввиду кочевого образа жизни киргиз, разбро-

[1] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы) – Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Алматы, 1998. Т. 1. С. 6.

[2] Материалы Научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 290.

[3] Қаһарлы 1916 жыл: (Құжаттар мен материалдар жинағы) – Грозный 1916 год: сб. документов и материалов. Алматы, 1998. Т. 1. С. 347.

санности людей на огромной территории уезда, суровой зимы, снежных степных буранов реквизиция и отправка рабочих прошли не только спокойно, но и при благоприятном настроении».

В тесной связи с проблемой географических масштабов народно-освободительного движения 1916–1917 гг. в Казахстане находится вопрос об его региональных особенностях. В конце 90-х гг. благодаря исследованиям академиков М.К. Козыбаева, К.Н. Нурпеиса был введен в научный оборот термин «Иссыккульско-Чуйский очаг восстания»[1]. Однако и данная проблема еще нашла своего фундаментального отражения. Немногочисленны и почти отсутствуют исследования по другим регионам, за исключением вышеупомянутых Тургайского и Семиреченского. Если взять во внимание тот факт, что события 1916 г. охватили в лице Казахстана и Средней Азии огромный регион Центральной Азии, то несомненно, что восставшие имели обширные в географическом масштабе общественно-политические контакты. Это, в свою очередь, требует совместных компаративных исследований ученых Центральной Азии и других стран.

Сложной и полной противоречий является проблема освещения влияния религиозного фактора, в частности исламского, на протестные настроения казахского и тюркских народов Российской империи в начале XX в. Это время было ознаменовано появлением новой генерации казахских сторонников и проповедников ислама, уделявших большое внимание светским проблемам. Обращение к исламу во многом было обусловлено особенностями эпохи, когда необходимо было выработать альтернативные аргументы российской политике. «Вот почему большинство казахских мулл приняли активное участие в просветительском движении начала века, получившем свое окончательное оформление в джадидизме, который в своем первоначальном содержании означал использование новой методики обучения (усиль-а джадид – новый метод)»[2].

Формой протеста против возникшей опасности ассимиляции и русификации в новых условиях начала XX в. стал пантюркизм, проявивший себя через движение джадидизма. Пантюркизм был жизненно необходим, поскольку воплощал в себе проблему выживания мусульманских народов царской России. Часть джадидов, леляя надежду на скорейшую модернизацию Степного края, впоследствии встанет на сторону русской революции, которая предаст их и напрочь отметет центральноазиатскую самобытность.

Своим стремлением приобщить тюркские народы к высшим достижениям общечеловеческой цивилизации носители мусульманского мировоззрения выдвигали политическую цель – вхождение в мировое сообщество через исламский мир. «Другое дело, что, например, мусульманская конфессия в

[1] Ақкөз батыр (1916 жылғы көтеріліс). Алматы, 2001. 280 с.

[2] *Асанова С.А.* Ислам в духовной культуре Казахстана начала XX века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. 2. Алматы, 1994. С. 81.

Казахстане имела свои особенности. Исторически складывалось так, что духовенство по своей этнической принадлежности было пришлым, представляя себя в виде «кожа» – особого сословия, которое не смешивалось с казахами и подчеркивает свою обособленность по сей день. В подобных условиях казахи не могли заявить с большей уверенностью о тождественности с исламским миром. Как пишет М. Назиф Шахрани: «Не всегда все абсолютно люди принимают одно и то же тождество или тождества, как не принимают они их одинаково в одной и той же степени. Вместо этого они, исходя из обстановки, обсуждают между собой то, кто они и кем они хотят быть. Следовательно, для того чтобы должным образом изучить социальное тождество нужно уделить соответствующее внимание как культурным понятиям, оценкам, ценностям и предложениям, свойственным как социальному тождеству, так и реальной обстановке…»[1]

Говоря о роли ислама в истории тюркских народов в начале XX в. следует заметить, что он сыграл цементирующую роль в плане сохранения и укрепления традиционных культурных ценностей. Вместе с тем доктрины ислама предотвратили распад общества, породив у казахов веру в то, что «с ростом числа мулл те превратятся в могучую социальную силу Степи»[2]. Но даже для сторонников строгой религиозности возврат к прошлому представлялся нереальным. Как отмечали канадский политолог Тереза Раковска-Хармстоун и французский востоковед Александр Беннигсен, казахи менее идентифицируют себя с религией, отдавая предпочтение в вопросах тождественности приверженности своему племени»[3].

При всем многообразии точек зрения относительно природы народно-освободительного движения 1916–1917 гг., причин его возникновения, его места и роли в жизни общества исследователи обычно сходятся либо на их идеализации, либо на их окрашивании в темные тона. И то, и другое в конечном счете ведет к созданию усеченного образа народно-освободительных движений и их характеристик.

Многие аспекты подобных подходов выглядят спорными и нередко вызывают закономерные сомнения, как, например, характерное для большинства постсоветских исследований видение народно-освободительного движения 1916 г. только с позиции борьбы за государственную независимость и суверенитет. Последнее и вызвало к жизни понимание об антиколониальной, антифеодальной борьбе казахского народа как народно-освободительном движении. С точки зрения теории государственности и эволюции борьбы

[1] *Shahrani M.N.* «From tribe to “Umma”»; Comments on the dynamics of identity in Muslim Soviet Central Asia // Central Asian Survey. Oxford, 1984. Vol. 3. N 3. P. 28.

[2] *Olcott M.B.* The Kazakhs. Stanford, 1987. P. 108.

[3] *Сужиков Б.М.* Казахская политическая элита и трансформация этнической тождественности на рубеже XIX–XX вв. в зарубежной историографии // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. 1. Алматы, 1993. С. 83.

народов за независимость это оправданно. Но как быть с тем многообразием проблем и специфик, которые имели место на каждом из этапов народно-освободительного движения? Как объяснить причины участия в нем различных социальных слоев, программные и природные установки которых порой расходились или противоречили сути народно-освободительной борьбы, а где-то были и не связаны с ней? Наконец, где объективность истории и историка?

Сомнения в адекватности традиционного определения понятия «национально-освободительное движение», его признаков, этапов, исторических характеристик высказывались рядом исследователей в рамках дискуссий, в том числе советскими и постсоветскими исследователями. Не содействуют объективному анализу и попытки изучения типологии народно-освободительных движений, которые часто сводятся лишь к констатации понятий «бунт», «восстание», «народное движение», «война», «революция», «протестное движение» и т.п.

При этом не все исследователи снисходят до объяснения определений этих категорий, часто ограничиваясь их ширменным привязыванием к тем или иным актам недовольства и протеста. Так случилось и в отношении событий 1916 г. в Казахстане и Средней Азии. В результате сложилась ситуация, когда определения относительно характера этих событий не соответствуют их истинному содержанию и своеобразию. Это порождает, в свою очередь, череду исследовательских экспериментов, которые в конечном счете трансформируются в линейную трактовку истории народно-освободительного движения. Потому и получается, что на передний план проступает отдельно взятый или предпочтительный этап, избирательный событийный ряд, а цельный процесс не вырисовывается.

Последнее выглядит не случайным, поскольку постановка указанной проблемы весьма важна и целесообразна для анализа политических процессов и изменений в обществе. Популярные, например, в литературе рассуждения о народно-освободительном движении, не всегда, к сожалению, дополняются анализом механизмов, через которые они осуществлялись. Остается неясным, насколько и как сходились в процессе борьбы за освобождение от иноземной власти интересы совершенно разных социальных групп (например, в Казахстане – ханов, батыров, биев, баев, крестьян-шаруа и др.).

Понимая всю сложность темы, учитывая ее специфику, обширность существующей по данной проблеме литературы необходимо исключить чисто спекулятивную ее постановку. В особенности с позиций политических трактовок и сугубо националистических амбиций. Поэтому целесообразным, с нашей точки зрения, представляется ее спектральное решение в рамках комплекса конкретных исследований по истории народно-освободительного движения в Казахстане и сопредельных с ним регионах.

Примечательными с точки зрения понимания категории «народно-освободительное движение» выглядят существование, механизм появления и формулировки таких важных для политической жизни концептуальных понятий, как «государственные интересы», «империя и окраины», «протест и и поведение различных социальных слоев населения» и т.д. Актуальной представляется постановка указанной проблемы для правильного понимания общих тенденций к политической интеграции в ходе народно-освободительного движения в той или иной форме.

На сегодняшний день основная задача исследователей заключается в том, чтобы на основе анализа имеющихся исторической литературы и выявленного круга источников по истории народно-освободительного движения казахского народа в начале XX в. вывести исследование данной проблемы на уровень теоретического осмысления и наметить пути ее дальнейшего изучения на основе нового пласта источников. К примеру, совершенно неизученной является проблема роли устной историологии казахов и других народов Евразии и Центральной Азии в изучении событий 1916 г., проблема их всемирно-исторического значения, роль в формировании современной межкультурной коммуникации, патриотическом воспитании молодежи и т.д.[1]

Обращает на себя внимание и геополитический аспект проблемы. Он серьезно влияет на оценки, которые существуют в научной литературе. Необходимо проследить процесс влияния изменений в социально-экономическом и общественно-политическом развитии постсоветских республик Центральной Азии в годы независимости на исследование событий 1916 г. За последние четверть века на оценки очень сильно повлияло становление «самостийных» versus альтернативных и самостоятельных национальных историографий[2].

Одним из возможных путей преодоления кризиса, нередко ставящего исследователя в тупиковое положение, должна стать работа по уточнению отдельных наиболее общих категорий теории истории и гуманитарного знания в целом. Это способствовало бы более адекватному восприятию и интерпретации фактов исторического прошлого, более строгому анализу многих явлений прошлого и процессов современности.

Односторонность в подходах последних лет во многом проистекала из-за погони на ниве раскрытия «белых пятен», что стало составной частью национальных историй в постсоветское время. Сегодня же необходимо совместить то, что было «белым пятном», и то, что было наработано предшествующими и новыми поколениями исследователей. При этом приоритетным должен стать научный подход к анализу истории прошлого. История должна

[1] См. *Мажитов С.Ф.* Национально-освободительная война 1916 г. // Исторический опыт защиты Отечества. Военная история Казахстана. Алматы, 1999. С. 139–162.

[2] *Мажитов С.Ф.* Теоретико-методологические проблемы изучения народно-освободительного движения 1916 года в Казахстане // Қазақстандағы 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс: тарихи оқиғаға жаңа көзқарас. Алматы, 2006. С. 33–38.

быть справедливой и объективной, но не агрессивной или ура-патриотической. Единственным средством противостояния создателям сюжетов шекспировского накала является укрепление плотности научной среды.

Сегодня, когда речь заходит о событиях, которые 100 лет назад вызвали пожар, начавшийся в Ходженте и по сути своей дошедший до Белоруссии и Прибалтики, куда были направлены тыловые рабочие, наблюдается неопределенность в позициях стран, к которым они имеют непосредственное отношение, в первую очередь Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан. Если 27 мая 2016 г. вопрос о 1916 г. поднимался согласно Указу президента Киргизской Республики Алмазбека Атамбаева в ракурсе национально-освободительного движения и общенациональной трагедии киргизского народа[1], то в других республиках подобные порывы не наблюдаются до сегодняшнего дня.

Интересно, что разговор о 100-летии событий 1916 г. начат на уровне Международного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ и инициирован рядом российских научно-исследовательских и образовательных учреждений еще в сентябре 2015 г., когда в постсоветских республиках Центральной Азии только строились планы относительно возможного его празднования. В 2014 г. группа зарубежных и казахстанских исследователей предложила проект «Восстания 1916 г. в Центральной Азии: Новый взгляд» в рамках грантового финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан. Здесь обращает внимание употребление дефиниции «восстание» во множественном числе.

Будучи солидарным с одним из крупных исследователей Центральной Азии Ар.А. Улуняном, в качестве конструктивы по объективному анализу событий 1916 г. в Казахстане и Центральной Азии считаю необходимым выработать научный подход, основы которого должны составить знания по пониманию эволюции формирования геополитического пространства Центральной Азии и ее взаимоотношений с соседними странами, включая фронтиры и прилегающие территории. Актуальны для рассматриваемых вопросов концептуальные положения работ Фредерика Стара и Стефана Блэнка о партнерстве и коммуникационном объединении Центральной Азии и соседних стран[2]. Это позволит если не излечить, то хотя бы перевести в русло научного диалога разговор о ранах исторической памяти и предотвратить новые основания для войн на основе исторических обид.

Иначе как последствием синдрома 1916 г. нельзя назвать то, что до сих пор отсутствует цельное исследование монографического уровня по исто-

---

[1] Президент Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О 100-летии трагических событий 1916 года» [Электронный ресурс] // URL: // http://knews.kg/2015/05/27/prezident-almazbek-atambaev-podpisal-ukaz-o-100-letii-tragicheskih-sobyitiy-1916-goda/

[2] *Улунян Ар.*А. «Историческая пролегомена» геопространственного концепта Большой Центральной Азии: британская версия 30-х гг. XIX в. // Центральная Азия. Человек – общество – государство: сб. статей / отв. ред. Ар.А. Улунян. М., 2013. С. 34–52.

рии событий 1916 г. в Казахстане и Средней Азии. Если говорить о степени научной ценности и серьезности состоявшихся поисков, то исключение составляют сборники документов и незначительное количество статей. Поэтому необходимо направить усилия всех, кто заинтересован в освещении объективной правды по истории 1916 г. в Центральноазиатском и Евразийском регионах на создание комплексного многотомного труда. В нем должна превалировать междисциплинарная составляющая, поскольку невозможно понять внутренние механизмы и природы протестности вне взаимосвязи различных отраслей гуманитарного знания, в том числе и устной историологической традиции. Несмотря на кризис, который переживает на протяжении четверти века фундаментальная наука, и в особенности в части ее гуманитарной составляющей, есть серьезные наработки и самое главное – устойчивый общественно-политический интерес в проекции на ее международный и межстрановой аспект.

Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон

Столетняя годовщина Семиреченского антиправительственного движения 1916 г. вызвала всплеск интереса к этому событию со стороны политиков, ученых, публицистов, общественных деятелей. К сожалению, среди всех этих людей нашлось немало тех, кто счел данный повод подходящим для спекуляций в интересах внутриполитической конкуренции, привлечения внимания к своим персонам, демонстрации своего показного патриотизма, а заодно и для проявления личных русофобских взглядов.

Подобная ангажированность не способствует поиску истины и выяснению объективной картины происходивших событий, и без того характеризующихся сложностью и противоречивостью.

Авторы советского периода, игнорируя многие факты, пытались, как правило, втиснуть анализ событий 1916 г. в прокрустово ложе своих идеологических конструкций о революционной борьбе населения национальных окраин вместе с русским народом против царского самодержавия.

Еще более избирательно и тенденциозно подходят к теме многие историки постсоветской Центральной Азии, героизируя деяния своих предков, игнорируя многочисленные факты чудовищного зверства по отношению к европейскому населению.

До сих пор подчас обходятся стороной некоторые явления, без которых невозможно восстановление полного и объективного процесса. К таковым относятся, в частности, роль других государств и их агентов в провоцировании событий 1916 г., факты жестокости местного населения, потери и жертвы русского населения.

Поводом для антиправительственного движения послужил указ императора от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений», то есть на вспомогательные тыловые работы. Причина указа понятна – страна уже два года вела изнурительную борьбу против держав, развязавших мировую войну – Германии, Австро-Венгрии, Турции. На передовой жертвовали своими жизнями русские, белорусы, украинцы, татары, евреи, армяне, представители многих других национальностей, в основном из европейской части империи.

Ситуация на фронте потребовала максимально широкого призыва на военную службу европейского населения. На передовую отправлялись даже те, кто ранее по тем или иным причинам, в первую очередь связанным со здоровьем, исполнял свой долг на вспомогательных позициях – таких как военное снабжение, транспорт, строительство укреплений. Но этих людей ведь надо было кем-то заменить.

Повальная мобилизация привела к нехватке рабочих рук на производстве, в том числе – ориентированном на нужды армии. Призывавшихся в Туркестане по указу от 25 июня 1916 г. и планировали отправить на замену тех, кого отправляли на передовую. Работа у туркестанцев предполагалась нелегкая, но угрозы для их жизни не было. Было бы естественно и справедливо, если бы народы Средней Азии, как и другие подданные Российской империи, протянули руку помощи тем, кто защищал, в том числе и их, от порабощения странами, развязавшими войну.

Указ императора от 25 июня 1916 г. критикуют практически все авторы – время-де выбрано для его обнародования очень неудачно. Возникает вопрос – а какое такое время является удачным для принятия мер по спасению Отечества во времена трагических испытаний, грозящих самому существованию Отечества? И сколь долго позволительно выжидать этого «удачного» момента?

В оправдание отказа защитить общее Отечество выдвигают якобы имевшее место быть обязательство российских властей не призывать коренное население Туркестана на военную службу. Это миф. Никаких законодательно обеспеченных обязательств такого рода, ни на 50 лет, как утверждается в некоторых публикациях, ни на другие сроки в действительности не существовало. До 1916 г. коренные жители Туркестана не привлекались на какие-либо работы, служения, имевшие отношение к армии. Причина тут вовсе не в страхе российских властей перед вооружением «туземцев», как утверждали советские историки и продолжают утверждать историки постсоветской Центральной Азии. Действительная причина гораздо прозаичнее – незнание русского языка абсолютным большинством населения Туркестана.

В первоначальный период Первой мировой войны европейское население Туркестана проявило исключительную патриотичность – в разных городах края практически ежедневно проходили манифестации в поддержку

власти и армии, большой размах получила благотворительная деятельность. Во всех акциях подобного рода активно участвовало и коренное население[1].

Со временем тяготы войны стали вызывать недовольство в народе, но до лета 1916 г. крупных протестных акций в Туркестане практически не было.

Первоначально и указ императора не вызвал возмущения, хотя, понятное дело, встречен был без радости. Однако в разных местах прошли манифестации, шествия коренного населения в его поддержку.

Газета «Новое время» сообщала: «27 июля в Коканде производилась запись туземцев на тыловые работы… Добровольцы с портретами Государя, национальными флагами и криками “ура” прошлись по улицам города. Впереди толпы ехала туземная администрация и туземная полиция»[2].

В этом же номере сообщалось о подобной акции в Скобелеве (Фергана): «30 июля… добровольцы-рабочие, от туземного населения города Скобелева устроили манифестацию. С оркестром музыки, в сопровождении большого количества туземцев и русских, рабочие прошли по городу, останавливаясь около правительственных учреждений»[3].

Причем нередко инициаторами и предводителями подобных верноподданнических манифестаций были деятели из числа так называемых джадидов, которых нынешние центральноазиатские историки объявляют якобы непреклонными борцами против российской власти.

Очевидец событий, известный туркестановед Н.П. Остроумов в своем дневнике описывает манифестацию в поддержку императорского указа в Ташкенте, организованную Мунаввар-кары Абдурашидхановым, ныне считающимся одним из лидеров джадидского движения и героем «освободительной борьбы». Вскоре после оглашения указа, пишет Остроумов, «школяры новометодного мактаба в Ташкенте, содержимого младосартом Мунаввар-кары, торжественно ходили по улицам русской части города с портретами царя, царицы и наследника с песнями, соответствовавшими проводам первого туземного рабочего эшелона во внутреннюю Россию… Искусственная песня эта была нарочито сочинена в названном мактабе и свидетельствовала о патриотическом настроении туземцев по поводу… распоряжения правительства, совсем не вызывавшего воодушевления в сердцах туземцев. Но песню распевали с искусственным одушевлением дети туземцев, обучавшихся в мактабе Мунаввар-кары, под управлением учителей своих и старших туземцев»[4].

Ряд фактов указывает на то, что злополучный указ явился лишь поводом

[1] См.: *Флыгин Ю.С.* Начало Первой мировой войны и Туркестан: патриотическая эйфория и первые проблемы / Звезда Востока, № 4. Ташкент, 2014. С. 79–80; *Флыгин Ю.С.* Духовно-патриотическая деятельность Русской православной церкви и других конфессий в Туркестане в годы Первой мировой войны // Третьи Международные Пасхальные чтения. Любовь к Родине: сборник статей. Бишкек, 2016. С. 40–46.

[2] Новое время. 1916. № 14524. 12 августа.

[3] Там же.

[4] ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 172. Л. 62 об. – 63.

к антиправительственным выступлениям, которые начали подготавливаться задолго до его опубликования. Определенным ослаблением российской государственности в ходе тяжелейшей войны решили воспользоваться феодально-клерикальные элементы, подстрекаемые иностранной агентурой.

Утверждения, что Семиреченский бунт, так же как и другие эпизоды антиправительственного движения 1916 г., являются проявлением национально-освободительного движения, в значительной мере притянуты за уши. Во главе всех этих восстаний, их инициаторами являлись вовсе не какие-то народные вожди, а представители феодально-манапской верхушки и исламского фанатического духовенства. Обе эти группы считали себя наиболее пострадавшими в результате установления в крае русского управления и не могли расстаться с иллюзиями на возвращение своего господствующего положения. Однако они совершенно не собирались заботиться об интересах народа.

Главари мятежа «для большего возбуждения масс пустили слух, что мусульман будут брать в солдаты и безоружных пошлют под немецкие пули, что выполнять повеление царя запрещают Коран и шариат, что проливать кровь на чужбине шариат мусульманам не разрешает, что ушедший по набору будет кафиром и его потомки до седьмого колена будут мучиться в аду, что если мусульманин умрет в России, то он будет осквернен погребением вместе с русскими, и т.д.»[1].

Среди главных причин Семиреченского бунта называют земельный вопрос. Но вокруг него и в советское время и постсоветское нагромождено много лживых и спекулятивных домыслов. Не надо забывать, что российские власти произвольно на самом деле никакие земли у местного населения не забирали. Земли, как правило, покупались, и здесь киргизам следует обвинять своих манапов, которые ради собственного обогащения продавали или сдавали в аренду под видом излишков участки, нужные соплеменникам. Тем более что среди них получает распространение земледелие, киргизы от русских переселенцев переняли «опыт ведения богарного земледелия и целый ряд других хозяйственных навыков»[2].

Например, в 1896 г. манап, волостной управитель Толкановской волости, передал в аренду нескольким крестьянским хозяйствам из Пишпека за взятку в 2000 руб. участок пахотной земли в 750 дес., который обрабатывался до этого дехканами волости[3]. Случались и другие недоразумения. Однако, по свидетельству знатока вопроса, одного из лидеров туркестанских националистов, депутата II Государственной думы Танышпаева, русской властью всякие недоразумения, относившиеся «к землям, бывшим в пользовании киргиз… решались в пользу киргиз»[4].

---

[1] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 349.

[2] *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960. С. 133.

[3] *Шкапский О.А.* Киргизы-крестьяне. СПб., 1906. С. 11–12.

[4] Восстание 1916 года в Киргизстане. М., 1937. С. 135.

Действительно, были случаи изъятия земель у крупных собственников, отдельных манапов, которые не использовали свои угодья по назначению и не имели документального подтверждения на владение землей – то есть присвоили себе общинные земли, пользуясь правом родоначальников. Например, «в 1908 году была изъята значительная площадь земель, принадлежавших манапам Шабдановым»[1].

Не случайно, что в 1916 г. Шабдановы оказались в числе главарей бунта. Предавшие в свое время «царицу Алая» Курманджандатху, они предали и русскую власть, обласкавшую их.

Земельный вопрос обострялся и по причине значительного роста киргизского населения в районах потенциального земледелия, в этом, среди прочего, нашло свое проявление и определенное повышение уровня жизни местного населения под русским управлением. Например, в Пржевальском уезде за период с 1870 по 1897 год численность киргизов выросла с 47 тыс. до 128,3 тыс. человек[2].

Часть столь большого прироста объясняется возвращением тех киргизов, которые ранее перекочевали в Китай из опасения перед новой, русской властью, но вернулись, убедившись в доброжелательном отношении этой власти к коренному населению, а попутно и испытав все тяготы под властью китайцев.

В ряде случаев речь идет о землях, введенных в сельхозоборот самими же русскими переселенцами, как, например, заболоченные территории, прилегающие к Исык-Кулю. Эти земли совершенно не использовались киргизами, скотоводами-кочевниками. А когда они были осушены и облагорожены, то, конечно, стали востребованными.

Далеко не справедливым было распределение сельскохозяйственных угодий внутри самого киргизского населения. Накануне Первой мировой войны в Южном Киргизстане «беднота составляла 47,4 процента населения и имела в среднем на двор скота 4 головы, а пашни и покоса по 2,5 десятины, в то время как богатые киргизы, составлявшие 5 процентов населения, владели в среднем на двор 80 головами скота и 40 десятинами пашни и покоса… Лошадей на 5 процентов богатых приходилось 31 процент от всего поголовья, а на 47,4 процента бедного населения – 8,5 процента»[3].

Но едва ли не главной причиной недовольства коренного населения явилось мздоимство своей, «туземной», низовой администрации – многочисленных волостных старост, аксакалов и прочих. Они привыкли обирать соплеменников по любому поводу, кивая при этом на русскую власть.

Со стороны населения поступали жалобы на произвол и вымогательства «туземной» администрации. Они дошли и до центральных властей, которые

[1] *Турсунов Х.* Восстание в 1916 году в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 329.

[2] *Зима А.Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959. С. 12.

[3] Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915. С. 125, 204–205.

дали указание расследовать подобные факты. Генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в письме военному министру в ответ на соответствующий запрос сообщал: «Сведения, полученные МВД о злоупотреблениях чинов туземной администрации… имеют серьезные основания. Злоупотребления и поборы огромные, наряд рабочих многим служит источником наживы. Работа по искоренению указанных выше злоупотреблений предстоит огромная»[1].

Указ императора содержал ряд норм, призванных ограничить возможный произвол. Однако «туземная» администрация, которой поручалось составление списков, в этом деле руководствовалась не нормами указа, а соображениями родства, кумовства, а главное – своими материальными интересами. Отсюда – произвол и, следовательно, недовольство народа.

Упоминавшийся уже Танышпаев, анализируя причины восстания в Семиречье, указывал на ситуацию с выборами низовой администрации, волостных управителей из числа коренных жителей. Благое начинание русской администрации по демократизации местного управления на среднеазиатской почве превратилось в зло. Отмечая, что претенденты на должность обещают сородичам всякие блага и активно их подкупают, Танышпаев задается вопросом: «…Зачем такой благодетельный претендент раздает 5, 10, 20, 30, и даже 40 тысяч рублей, когда все его будущее жалованье за трехлетие не превосходит 900–1500 рублей. Претендент, прошедший в волостные [управители] или народные судьи, собирает в 5, 10, 20 раз больше затраченного капитала»[2]. И разумеется, собирая эти средства, низовой администратор, конечно, не уточнял, что кладет их в собственный карман. Такая ситуация была характерна для всей Средней Азии.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война принесла новые тяготы. Конечно, положение местного населения было несравнимо лучше, чем положение людей в европейской части Российской империи, особенно в западных губерниях. Военные действия от Средней Азии были далеки, на военную службу коренное население не призывалось. Но и здесь наблюдался рост цен, обременительны были различные сборы на военные нужды. Опять-таки часто русская власть к этим сборам не имела никакого отношения. Имелись случаи, когда по инициативе власти или благотворительных организаций сбор пожертвований происходил по всей империи. Но чаще такие акции в Киргизии, как и в других регионах Средней Азии, были проявлением инициативы низовой администрации, которая выдавала это за желание народа и решала таким образом две свои задачи – зарабатывала благосклонность, медали, почет у русской администрации и одновременно обогащалась. Собирали якобы на военные нужды деньги, продовольствие и прочее. Но по назна-

[1] *Абдурахимова Н.А.* Судебные процессы над участниками восстания 1916 г. в Туркестане // Материалы по истории и археологии Средней Азии. Научные труды ТашГУ им. В.И. Ленина. Вып. 392. Ташкент, 1970. С. 100.

[2] Восстание 1916 года в Киргизстане: Документы и материалы. М., 1937. С. 138.

чению передавали «далеко не все, иногда от $^1/_3$ до $^1/_4$ собранного, а иногда лишь $^1/_{10}$»[1].

Последний Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в своем докладе сообщал, что за годы войны в Туркестанском крае было собрано 2 400 000 руб. пожертвований на нужды войны. В действительности, по утверждению некоторых источников, «с населения собрали… не менее 20 миллионов рублей»[2]. А разница оставалась в руках своих же «сборщиков».

С каким размахом «туземная» администрация обращала тяготы войны себе во благо, свидетельствует один из документов, в котором сообщается, что «1 старший аксакал, 2 аксакала, 2 полицейских пристава, 6 волостных управителей, 6 народных судей [казиев], 1 городовой, 1 арык-аксакал навлекли… обвинения во взяточничестве, вымогательстве, в частности, при наборе рабочих на тыловые работы, в присвоении чужого имущества, в присвоении чужих денег, поборах за выдачу паспортов, допущений продажи водки, в бесплатном пользовании трудом населения при обработке своих земель и построек, поборах: фуражом, дровами, присвоении опекунского имущества, вверенного по службе, неправосудии, совершении подложных документов, совершении подлогов»[3].

На нужды войны забирались также лошади, деньги за них опять-таки передавались через низовую администрацию, которая часто «забывала» передать их своим соплеменникам, ссылаясь на то, что «русские еще не передали деньги».

Часто утверждают, что якобы власти не объясняли сущность указа, не обеспечили механизм его реализации. Это вовсе не так. Разумеется, следует иметь в виду, что возможности разъяснения в конкретных условиях времени и региона были невысоки. Через «Туркистон вилоятининг газети» были даны обстоятельные разъяснения по императорскому указу. Правда, газета имела маленький тираж, но ее получали в основном как раз деятели низовой администрации. Разумно было решено не набирать в качестве рабочих представителей мусульманского духовенства и учащихся медресе. От так называемых посемейных списков было решено отказаться, а определение конкретных кандидатур для набора предоставить низовой «туземной» администрации, как лучше знающей ситуацию на местах. Такое решение, с одной стороны, было единственным оптимальным вариантом, а с другой, увы, гарантировало проблемы по части произвола.

Были приняты также конкретные меры по организации сборных пунктов, по медицинскому освидетельствованию набранных рабочих, относительно обязательных медицинских прививок и дезинфекции, о назначении

---

[1] *Федоров Е.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925. С. 51.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 52.

в каждую группу рабочих переводчика (по возможности из состава тех же рабочих). Для удовлетворения религиозных нужд рабочих на каждый эшелон назначался один мулла. Были решены вопросы с продовольственным обеспечением рабочих на сборных пунктах и в дороге. Причем, «пища, как на сборных пунктах, так и в пути должна приготовляться по возможности туземная. Ржаного хлеба туземцы не едят, а потому необходимо довольствовать их пшеничным»[1]. Мясо использовать только говядину и баранину.

Многими современными киргизскими авторами (впрочем, не только киргизскими, свой вклад в фальсификацию вопроса вносят и отдельные авторы из Казахстана, Таджикистана) многократно завышается число жертв со стороны местного населения, игнорируются многочисленные жертвы в Семиречье среди русского населения, которое первым стало жертвой зверской резни со стороны киргизов. Жертвы со стороны русского, вообще европейского, населения замалчивались и в советские годы.

Как только спала волна киргизских насилий, в том числе благодаря оперативно принятым властями соответствующим мерам, начался подсчет людских и материальных утрат, масштаб которых был ужасным. Как сообщала в начале октября 1916 г. краевая газета «Туркестанские ведомости», «число жертв в районе Иссык-Куля превысило 3000 чел., из коих около 2000 убито, свыше 1000 – пропало без вести. В Токмакском районе, в Кебени и на Каркаре… число убитых исчисляется многими десятками, и немало русских еще томится в плену, ожидая освобождения… Церкви сожжены, иконы поруганы, портреты Государя императора – тоже»[2].

На объединенной научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода, проходившей в Ташкенте зимой 1954 г., приводились цифры, характеризующие жертвы и страдания русского населения Семиречья. Как отмечал А.В. Пясковский, произвол киргизских бунтовщиков «пришелся по ни в чем не повинным людям – главным образом, по русским женщинам, детям и старикам (мужчины в это время находились в большинстве своем на войне). Восставшие под руководством своих реакционных вожаков сжигали села, хутора, пасеки, почтовые станции, уничтожали посевы и угоняли скот, грабили имущество; разрушали дороги и телеграф; сжигали мосты и прочие сооружения, школы и т.п. Население уничтожали, применяя при этом иногда просто чудовищные жестокости; девушек и молодых женщин забирали обычно в плен и подвергали надругательствам и т.д.»[3].

Далее этот же автор свидетельствует: «Всего по Семиреченской области в целом подвергались нападениям, не считая отдельных хуторов и пасек, 94 русских селения, причем в одном лишь Пржевальском уезде было полно-

[1] Восстание 1916 года в Киргизстане: Документы и материалы. М., 1937. С. 26.

[2] Туркестанские ведомости. 9 октября 1916. № 218.

[3] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 379.

стью уничтожено 28 селений и 27 хуторов (во всей Иссык-Кульской котловине уцелел лишь город Пржевальск и только 2 русских селения!). В этих селениях полностью сожжено и разрушено 5373 крестьянских двора… Только в Пржевальском уезде осталось без крова и без средств к существованию около 8000 семей; в Пишпекском уезде скопилось свыше 12 000 беженцев, лишенных крова и всего имущества! Русские крестьяне лишились скота примерно на 90%; погиб почти весь урожай 1916 года»[1].

На этой же конференции на «ясно выраженный антирусский характер… бессмысленную жестокость в отношении рядовых русских людей» обращал внимание узбекистанский историк А.П. Савицкий. После конференции 1954 г. факты зверств коренного населения Семиречья стали замалчиваться, после 1991 года их вообще предпочитают игнорировать.

Что же касается свидетельств очевидцев чудовищных зверств над русским населением, зафиксированных в архивных документах, то они буквально потрясают.

Ужасной расправе киргизы подвергли монахов Иссык-Кульского монастыря. «Бунтовщики заставили сейчас же монахов раздеться, оставив на них только нижнее белье, и в таком виде погнали их… на паперть, где поодиночке всех перебили. Отцу Рафаилу, вышедшему первым, была отрублена топором голова и правая рука, в которой он держал Евангелие. Убил его ученик монастырской школы… Бексырга. Другие были поисколоты тупыми деревянными пиками и побиты рябиновыми палками»[2].

В Центральном государственном архиве Киргизской Республики сохранилось множество документов, свидетельствующих о зверствах киргизских бунтовщиков в самом начале движения, когда еще и речи не было об актах возмездия со стороны европейского населения. Эти факты были собраны по горячим следам в ходе расследования, организованного российскими властями.

Крестьяне села Ивановское свидетельствовали, что 15 августа «толпа киргиз часов около 8 утра стали на лошадях наступать на наше селение, окружив его и убив крестьян, бывших в поле… Киргизы убили тогда Ивана Ведол (изрезали всего), Малафия Кайпанцева, которому выкололи глаз, обрезали язык и порезали половой член и крестьянку Веру Соломатину, которой искололи половые органы и отрезали косу; у всех трупов вся верхняя одежда и обувь были сняты. Кроме того на полях сел. Ивановского тогда же были убиты крестьяне сел. Санташ Семен Колотеев (70 ран), Петр Улитин (весь изрезан), Михаил Рубан и Солдатенков с сыном… Поубивав застигнутых на

[1] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 382.

[2] Архимандрит Иринарх (Шемановский). Дневник о разгроме Иссык-Кульского монастыря // Восток свыше. Духовный, литературно-исторический журнал. Вып. XL. Ташкент. 2016. С. 39.

поле крестьян и угнав скот, киргизы массами с гиком и криками “Алла” набросились на наше селение… и стали поджигать дома при помощи горящей пакли, надетой на длинные палки… У нас сожжен 51 дом»[1].

Один из очевидцев, подпоручик Вальтер Бейк, свидетельствовал: «Уже в 5 верстах от Пржевальска стали попадаться по дороге многочисленные трупы убитых русских… Положение трупов женщин указывает на то, что они перед смертью могли быть подвергнуты изнасилованию…12 сентября был бой с мятежными киргизами на речке Сары-Булак и Малый Джаргалык. Мятежников было до 1500 человек, и, судя по их огню, человек до 200 были вооружены огнестрельным оружием. Были здесь у киргиз трехлинейные винтовки… 13 сентября мы заняли селение Барскаун. Селение было сожжено, и жителей в нем не было… Сюда к нам явилось до 40 русских, бежавших из плена от разбитых нами толп киргизов 12-го числа. Эти русские говорили, что около Барскауна зарыты в двух ямах до 160 трупов убитых русских»[2].

Другой очевидец свидетельствовал: «По дороге из села Сазановского в Преображенское и в село Фольбаумовское я видел труп молодой русской женщины, у которой на теле были следующие повреждения: труп лежал на спине; положение его указывало, что убитая была… изнасилована… груди полуотрезаны. Возле этого трупа лежал ребенок лет 3 с разбитой головой, тело его было покрыто множеством колотых ран… все трупы были без одежды… В сел. Преображенском… у одной женщины на волосяной части головы было много резаных ран, нос в области переносицы перерезан, верхняя и нижняя губы разрезаны, выбита часть верхней челюсти, кроме того, имелось несколько резаных ран на теле… У одного мальчика лет 3 волосистая часть кожи головы была во многих местах разрезана и пробит череп. У мальчика 7 лет в двух местах был проколот живот, через эти раны вывалились наружу часть печени и сальник… У мальчика лет 5 с разгибательной стороны указательного пальца была срезана кожа… Было видно, что срезали многими движениями тупого ножа»[3].

Потом, в ходе подавления мятежа, имели факты ответной жестокости со стороны европейских переселенцев. А какой реакции можно было ожидать после всего содеянного местным населением?

Русские власти принимали все возможные меры по защите киргизов от самосуда. Свое слово сказала и Русская церковь, которая, следуя своей миротворческой миссии, в лице епархиального священноначалия обратилась к православному населению края со словами утешения и умиротворения. Епископ Туркестанский Иннокентий призвал в своем послании всех чад Церкви «в своем поведении… явить не только спокойствие, но и храбрость, и находчивость – всякому в своей сфере жизни и деятельности… [и] помолиться,

[1] ЦГА КР. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4.
[2] Там же. Ф. И-34. Оп. 2. Д. 5. Л. 33–33 об.
[3] Там же. Л. 33–34 об.

чтобы сердца… людей от кровопролитного их желания Господь приложил к братолюбию и усмирению и утолил возгорающуюся междоусобную брань, а самим иноплеменникам, дерзающим на бунт и измену, даровал ясное сознание преступности и бессмысленности»[1].

Громоздится гора вымыслов вокруг бегства киргизов в Китай. Замалчиваются давно известные, документально подтвержденные сведения, что никакой необходимости бежать в Китай не было, российские военные отряды не только не гнали киргизов, но, напротив, русская администрация настойчиво призывала киргизское население остаться, гарантируя защиту и помощь. В Китай бежали киргизские манапы и предводители, непосредственно руководившие нападениями на русские села и убийствами и понимавшие, что за свои преступления придется отвечать. Они-то и увлекли в бегство своих соплеменников. Постаралась тут и китайская агентура, имевшая свои интересы, собственные интересы имели и пограничные региональные китайские власти, завлекавшие киргизских беженцев и обещавшие им многие блага. Со стороны китайцев к беглецам предъявлялось лишь одно требование – чтобы среди киргизов не было русских пленных. Это требование сказалось самым трагическим образом на судьбе несчастных русских людей: киргизы «поспешили отделаться от них… почти все русские были убиты [ими] до вступления на китайскую территорию»[2]. Русским дипломатам удалось спасти лишь 65 человек.

А китайцы, обобрав киргизов до последнего, без скота, чуть не голых выгнали обратно. Вот тут уж начались действительные страдания беженцев, которые закончились бы еще трагичнее, если бы не подоспела русская помощь, и русские люди кормили, лечили, помогали обустроиться недавним своим врагам.

Ряд авторов из постсоветской Центральной Азии, в основном из Киргизии, не утруждая себя объективным и всесторонним анализом произошедшего, идя на поводу своих эмоций, буквально соревнуются между собой по части хлесткости и безответственности своих псевдоисторических утверждений. Спекулятивно заявляется, о якобы геноциде киргизского населения, об исторической ответственности России и русских. Такая интерпретация событий далека от научности и только способствует разжиганию нездоровых страстей в обществе. В то время как честный и всесторонний анализ общей трагедии мог бы послужить фактором лучшего взаимопонимания, столь желательного в процессе выстраивания отношений тесного партнерства и сотрудничества между Российской Федерацией и Киргизской Республикой.

[1] Семиреченские областные ведомости. 1916. № 187. 21 августа.

[2] Восстание 1916 года в Киргизстане: Документы и материалы. М., 1937. С. 127.

СПИСОК АРХИВОВ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей. Отдел письменных источников
ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия
ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦГА КР – Центральный государственный архив Киргизской Республики
ЦГА КФФД КР – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Киргизской Республики
РФ ИЯЛИ НАН КР – Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Киргизской Республики
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
АП РК – Архив Президента Республики Казахстан
ФРРК НБ РК – Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казхастан
АКНБТ – Архив Комитета национальной безопасности Туркменистана
ЦГИА Гр – Центральный государственный исторический архив Грузии
ГАПДУДПАР – Государственный архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики
Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, CERCEC, EHESS – Личный архив Алимарбан-бека Топчибаши, Центр исследований России, Кавказа и Центральной Европы. Франция
PA-AA (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes in Berlin) – Политический архив Министерства иностранных дел Германии в Берлине

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Ровшан Маджидович – д.и.н., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Республика Узбекистан)

Алекперов Джейжун Мубариз оглу – пресс-секретарь телекоммуникационной компании Azerfon, докторант Института истории Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджанская Республика)

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – к.и.н., Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (Республика Узбекистан – Российская Федерация)

Алимова Дилором Агзамовна – д.и.н., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Республика Узбекистан)

Аманжолова Дина Ахмеджановна – д.и.н., Институт российской истории РАН (Российская Федерация)

Ахмадуллин Салават Зямилович – аспирант, Институт российской истории РАН (Российская Федерация)

Безугольный Алексей Юрьевич – к.и.н., Научно-исследовательский институт (Институт военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Российская Федерация)

Белый Владислав Александрович – студент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)

Брежнева Светлана Николаевна – д.и.н., Поволжский государственный университет сервиса (Российская Федерация)

Брусина Ольга Ильинична – к.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)

Власов Алексей Викторович – к.и.н., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация)

Галиев Ануар Абитаевич – д.и.н., Университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Республика Казахстан)

Гасанлы Джамиль Поладхан оглы – д.и.н., Информационное агентство «Туран» (Азербайджанская Республика)

Гафаров Нумонджон Усмонджонович – д.и.н., Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан)

Гафуров Абдулло Мутиллоевич – к.и.н., Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (Республика Таджикистан)

Германов Валерий Александрович – к.и.н., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Республика Узбекистан)

Далаева Тенлик Токтарбековна – к.и.н., Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Республика Казахстан)

Дятленко Павел Иванович – к.и.н., Киргизско-Российский славянский университет (Киргизская Республика)

Жалменова Ольга Петровна – к.и.н., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Российская Федерация)

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна – д.и.н., директор Государственного архива Республики Бурятия (Российская Федерация)

Жугенбаева Гульбану Саламадиновна – д.и.н., Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан)

Зияева Доно Хамидовна – д.и.н., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Республика Узбекистан)

Иванова Александра Геннадьевна – д.и.н., Оренбургский государственный педагогический университет (Российская Федерация)

Исраилова-Харьехузен Чынара Рыскулбековна – к.и.н., член Исторического общества «Мурас», член Общественного объединения киргизстанцев в Европе «Манас» (Киргизская Республика – Германия).

Кадырбаев Александр Шайдатович – д.и.н., Институт востоковедения РАН (Российская Федерация)

Корнеев Владимир Владимирович – к.и.н., Академия гражданской защиты МЧС России (Российская Федерация)

Котюкова Татьяна Викторовна – к.и.н., Институт всеобщей истории РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Государственный академический университет гуманитарных наук (Российская Федерация)

Ксенжик Галина Николаевна – д.и.н., академик МААО, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Республика Казахстан)

Кубатова Аида Эсенкуловна – к.и.н., Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук Киргизской Республики (Киргизская Республика)

Курас Леонид Владимирович – д.и.н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Российская Федерация)

Легкий Дмитрий Максимович – д.и.н., Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова (Республика Казахстан)

Маджун (Мусарова) Джамиля Сулеймановна – к.и.н., Центр дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Киргизской Республики (Киргизская Республика)

Мажитов Саттар Фазылович – д.и.н., генеральный директор Международного института интеграции социогуманитарных исследований «Интеллект Орда» (Республика Казахстан)

Малабаев Саламат Касымбекович – к.и.н., Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына (Киргизская Республика)

Назаров Равшан Ринатович – к.ф.н., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Республика Узбекистан)

Овсянников Дмитрий Владиславович – к.и.н., Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)

Озмитель Екатерина Евгеньевна – д.и.н., Киргизско-Российский славянский университет, директор Епархиального исторического музея г. Бишкек (Киргизская Республика)

Плоских Виктория Васильевна – к.и.н., Киргизско-Российский славянский университет (Киргизская Республика)

Пылев Александр Игоревич – к.и.н., Пятигорский государственный лингвистический университет (Российская Федерация)

Ряполов Владимир Васильевич – к.и.н., Институт истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Российская Федерация)

Сабиров Алишер Турсунович – к.и.н., Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (Республика Узбекистан)

Семенов Владимир Геннадьевич – к.и.н., Оренбургский государственный педагогический университет (Российская Федерация)

Ситнянский Георгий Юрьевич – к.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – д.и.н., Национальный университет Казахстана им. Аль-Фараби (Республика Казахстан)

Сыздыкова Елена Степановна – к.и.н. (Республика Казахстан)

Сызранов Андрей Вячеславович – к.и.н., Астраханский государственный университет (Российская Федерация)

Трошина Татьяна Игоревна – д.и.н., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация)

Флыгин Юрий Степанович – Ташкентская Духовная семинария (Республика Узбекистан)

Хабутдинов Айдар Юрьевич – д.и.н., Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казанский федеральный университет (Российская Федерация)

Шиловский Михаил Викторович – д.и.н., Новосибирский государственный университет, Институт истории Сибирского отделения РАН (Российская Федерация)

Научное издание

Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном

(К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)
Коллективная монография

Редактор-составитель: *Т.В. Котюкова*
Научный редактор: *Т.В. Котюкова*
Корректор: *А.А. Конькова*
Компьютерная верстка: *А. Забозлаев*

Подписано в печать 05.05.2017
Формат 70x100/16
Бумага офсетная
Гарнитура «TNR»
Тираж 250 экз.

ООО «Русский импульс»
E-mail: rus-impulse@mail.ru
http: // www.rus-impulse.ru

9 785902 525882

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета